Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

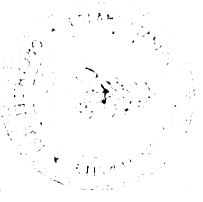
О программе Поиск кпиг Google

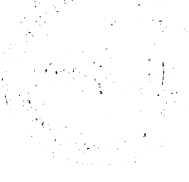
Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Stanford University Libraries
3 6105 210 175 795

Digitized by Google

Digitized by Google





Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

НАБЛЮДАТЕЛЬ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

А. М. ПЯТКОВСКАГО.

ГОДЪ X. ФЕВРАЛЬ. 1891 ГОДЪ.

СОДЕРЖАНІЕ:

		СТРАН.
I.	Ординарный профессоръ. Романъ **І. І. Ясинскаго**	5
II.	Мигъ смерти. Стихотвореніе **К. М. Фофанова**	38
III.	Арабское гнѣздо. (Изъ воспоминаній о поѣздкѣ въ Кордову). **Вас. И. Немировича-Данченко.** (*Окончаніе*)	39
IV.	Не подъ силу. Повѣсть **П. Лѣтнева**	84
V.	Помнишь ли? Стихотвореніе **А. В. Круглова**	118
VI.	Маріанела. Романъ **Переса Гальдоса**	119
VII.	Славяне и тевтоны. (Историко-этнографическій этюдъ). **А. А. Быкова**	175
VIII.	Въ изгнаніи. Стихотвореніе **Л. М. Медвѣдева**	198
IX.	Царство смерти. Эскизъ **Гюи де-Мопассана**	200
X.	Кладъ. Романъ **Н. Ѳ. Бажина**	204
XI.	Братъ и сестра. Стихотвореніе **Н. М. Минскаго**	236
XII.	Наша протекціонная система. **А. Залшупина**	240
XIII.	Три письма. **Виктора Бибикова**	258
XIV	Власть денегъ. Романъ **Эмиля Золя**	273

(См. на оборотѣ).

М 78

№ 2 «Наблюдателя» вышелъ 1-го февраля 1891 года.

Digitized by Google

Современное обозрѣніе.

СТРАН.

XV. Очерки иностранной литературы. **В. Р. Зотова** 1

Настроеніе прошлогоднихъ литературныхъ обозрѣній. — Упадокъ критики и беллетристики.—Афоризмы нѣмецкаго эстетика.—Французская теорія критической эволюціи.—Книга Брюнетьера.—Утраты 1890 года.—Луиза Аверманъ и поэзія пессимизма.—Науки и чувство.—Позитивизмъ и нирвана. — Послѣдній представитель романтизма.—Талантъ и оригинальничанье.—„Осы“ Альфонса Карра.

XVI. **Политическая хроника** 11

Возобновленіе парламентскихъ сессій въ конституціонной Европѣ.—Германскій рейхстагъ и превращеніе Бреславля въ укрѣпленный лагерь.—Правительственное миролюбіе и газетная вражда къ Россіи.—Прусскій календарь и подвизающійся въ немъ бѣглый балтіецъ.—Оппозиція стараго канцлера.—Военныя мѣры Пруссіи.—Митавская газета, сбирающаяся мѣшать франко-русскому союзу.—Толки о разоруженіи.—Нѣмецкая печать и нѣмецкій сепаратизмъ.—Финляндскія брошюры и личная унія.—Бывшій сенаторъ, признающій только „общаго монарха“.—Русская безпечность и финляндскія интриги. — Наивные вопросы и Готскій альманахъ. — Французскій парламентаризмъ.—Избраніе Фрейсинэ въ сенаторы и академики.—Фальсификація Подлевскаго и его дѣйствительная исторія.—Индійскій и англійскій парламентъ.—Прелюбодѣйство и политика.

XVII. Новыя книги: 1) **Жизнь замѣчательныхъ людей. Біографическая библіотека**, *Ф. Павленкова*. Три выпуска: **Жоржъ Кювье, Александръ Гумбольдтъ и Чарльзъ Дарвинъ**, біографическіе очерки *М. А. Энгельгардта*, съ портретами. Спб. 1891 г. 2) **Мелioраціонный кредитъ и состояніе сельскаго хозяйства въ Россіи и иностранныхъ государствахъ**. Изслѣдованіе *И. С. Бліоха*. Спб. 1890 г. 25

XVIII. **Наши внутреннія дѣла**. 30

Итоги государственнаго бюджета на 1891 годъ. — Оригинальный пріемъ вычисленія возможныхъ поступленій. — Къ чему стремится министерство финансовъ?—Поддержка другихъ вѣдомствъ.—Данныя о государственныхъ расходахъ. Сравнительная вѣдомость расходовъ по отдѣльнымъ вѣдомствамъ.—„Lieder ohne Worte“, или цифры безъ комментаріевъ.—Новый источникъ для покрытія чрезвычайнаго бюджета.—Свободная наличность государственнаго казначейства.—Приключенія съ кредитнымъ рублемъ.—Объясненіе этого явленія у насъ и за границей.—Кто можетъ и кто не долженъ играть на биржѣ.—Не въ свои сани не садись.—Новое общество для вспомоществованія переселенцамъ.—Почтенныя задачи этого общества.—Печальная картина переселенческихъ мытарствъ. — Куда бы слѣдовало направить переселенцевъ?

XIX. **С. Я. Капустинъ**. (Некрологъ). **Н. Поповскаго** 45

XX. Фонографъ. (Фельетонъ «**Наблюдателя**»): 1) И смѣхъ, и горе. (Литературныя и общественныя замѣтки).

Неотвязный еврейскій вопросъ.—Пойманный воръ, кричащій о кражѣ.—Жидовскіе вопли противъ „черты осѣдлости“. — Благіе плоды еврейской равноправности въ Европѣ и Америкѣ. — Мнѣнія объ „избранномъ племени“: Канта, Гердера, Фихте и Шопенгауэра.—Что нужно сдѣлать, прежде чѣмъ давать евреямъ равноправность?—Бравый полковникъ, предлагающій возсоздать іудейское царство въ Палестинѣ.—Какую функцію стало бы исполнять новое государство?—Насмѣшки талмуда надъ земледѣліемъ. **Ефима Простосердова** 49

2) Стихотворенія: **Стараго Капрала и Дебютанта** 61

XXI. Объявленія: объ изданіяхъ **А. В. Круглова** .

Digitized by Google

НАБЛЮДАТЕЛЬ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

А. П. ПЯТКОВСКАГО.

ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ.

№ 2. ФЕВРАЛЬ.

ПЕРМСКАЯ
Центральная Библиотек
имени Максима Горьког
№ 255.981.
3 Ар. 50 к. 19

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Редакція и главная контора помѣщаются на углу Стремянной и Владимірской ул., № д. 1—6, кв. 14.
1891.

ТИПОГРАФІЯ С. ДОБРОДѢЕВА, КОВЕНСКІЙ ПЕР., СОБСТВ. ДОМЪ, № 14.

Digitized by Google

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STACKS
JUL 10 1973

+P50
N33
v.10
n.2
1891

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„НАБЛЮДАТЕЛЬ“

ВЪ 1891 ГОДУ (ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ).

Журналъ будетъ издаваться подъ прежней редакціей, при участіи прежнихъ и новыхъ сотрудниковъ, **безъ предварительной цензуры.**

Въ журналѣ, за время его изданія, принимали участіе: Я. В. Абрамовъ, проф. И. Е. Андреевскій, И. Д. Ахшарумовъ, Н. Ѳ. Важинъ, К. С. Баранцевичъ, П. В. Безобразовъ, В. И. Бибиковъ, П. Д. Боборыкинъ, графъ П. Д. Бутурлинъ, П. В. Быковъ, А. А. Быковъ, В. В., И. Ф. Василевскій (Буква), П. И. Вейнбергъ, В. Л. Величко, Вологдинъ, Г. А. Мачтетъ (Г*), проф. В. П. Даневскій, Ю. Г. Зависѣцкій, проф. А. И. Загоровскій, В. Р. Зотовъ, проф. А. А. Исаевъ, П. Ѳ. Каптеревъ, С. Я. Капустинъ, А. В. Кругловъ, В. А. Крыловъ, проф. Ѳ. И. Леонтовичъ, П. Лѣтневъ, С. В. Максимовъ, В. Л. Марковъ, Н. Мизантроповъ, Н. Минскій, В. О. Михневичъ, Д. Л. Мордовцевъ, П. О. Морозовъ, К. В. Назарьева, Вас. И. Немировичъ-Данченко, М. В. Неручевъ, Ф. Д. Нефедовъ, В. Н. Никитинъ, Л. И. Пальминъ, Л. К. Поповъ, Я. П. Полонскій, Ѳ. Э. Ромеръ, Г. П. Сазоновъ, В. Свѣтловъ, проф. В. И. Сергѣевичъ, Д. Сибирякъ, А. И. Скребицкій, А. В. Старчевскій, Д. И. Стахѣевъ, Н. Северинъ, Н. Сѣверовъ, Л. Н. Трефолевъ, проф. А. С. Трачевскій, Н. Флеровскій, К. М. Фофановъ, В. В. Чуйко, О. Н. Чюмина, А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ), І. І. Ясинскій и др.

«Наблюдатель» выходитъ ежемѣсячно, *1-го числа*, книгами отъ 25-ти до 30-ти печатныхъ листовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	За годъ:		За полгода:
Безъ доставки	12 р.	Безъ доставки	6 р.
Съ доставкою въ Спб. . . .	13 р.	Съ доставкою въ Спб. .	6 р. 50 к.
Съ пер. въ др. мѣста имперіи	14 р.	Съ пер. въ др. мѣста Россіи	7 р.
Съ пересылкою за границу. .	17 р.	Съ пересылкою за границу	9 р.

Иногородные годовые подписчики **„Наблюдателя“**, желающіе получить **второе, дополненное изданіе** монографій редактора: **„Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія“**, высылаютъ **16 р.** Городскіе и заграничные приплачиваютъ къ подписной цѣнѣ 2 рубля.

Уступка книгопродавцамъ—50 к. съ годоваго экземпляра.

Разсрочка платы *допускается исключительно при подпискѣ черезъ Главную Контору*, причемъ вносится:

	при подпискѣ.	къ 1 мая.	къ 1 сент.
Безъ доставки. . . .	5 р.	4 р.	3 р.
Съ доставкою	6 р.	4 р.	3 р.
Съ пересылкою . . .	6 р.	5 р.	3 р.
Съ перес. за границу .	8 р.	5 р.	4 р.

Библіотеки и кабинеты для чтенія (а также и книжные магазины, при которыхъ они состоятъ) *пользуются разсрочкою платы подъ тѣмъ лишь условіемъ, если выписываютъ не менѣе 15-ти годовыхъ экземпляровъ.*

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ редакціи (уголъ Стремянной и Владимірской ул., д. 1—6). Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку изданія на почту только передъ тѣми изъ своихъ подписчиковъ, которые подпишутся въ Главной Конторѣ журнала.

Редакторъ-издатель **А. П. ПЯТКОВСКІЙ.**

Digitized by Google

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

1) Редакція проситъ гг. подписчиковъ изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ нѣтъ почтовыхъ конторъ, обозначать въ своихъ адресахъ *ближайшее почтовое мѣсто*, куда можно было бы прямо адресовать книги журнала. Въ противномъ случаѣ, редакція *не можетъ ручаться за исправную доставку журнала* и не принимаетъ на себя никакихъ хлопотъ по сношенію съ петербургскимъ почтамтомъ. 2) Если журналъ своевременно не получается подписчикомъ, редакція, въ виду скорѣйшаго удовлетворенія жалобы, покорнѣйше проситъ заявлять объ этомъ *не позже полученія слѣдующей книги*, такъ какъ газетная экспедиція, на основаніи почтовыхъ правилъ, позже этого времени жалобъ не принимаетъ. При жалобѣ должно быть приложено удостовѣреніе мѣстной почтовой конторы, что книга, дѣйствительно, не доставлена по адресу. Утраченный не по винѣ редакціи экземпляръ высылается вторично подписчику за 1 р. 50 к. 3) При перемѣнѣ адреса, необходимо присылать *старый печатный адресъ* или же его нумеръ, и при каждомъ заявленіи прилагать *пять* семикопѣечныхъ почтовыхъ марокъ за напечатаніе новаго адреса. 4) При перемѣнѣ городскаго адреса на иногородный, уплачивается *2 р.*, при перемѣнѣ же иногороднаго на городской—*1 р.* Перемѣны адресовъ сообщаются исключительно въ Главную Контору редакціи. 5) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ редакцію, благоволятъ прилагать почтовыя марки для отвѣтовъ. 6) Редакція проситъ присылать рукописи не иначе, какъ *четко* переписанными. Рукописи, признанныя неудобными къ напечатанію, хранятся не болѣе полугода и, по истеченіи этого срока,—если не будутъ вытребованы обратно,—уничтожаются. Мелкія статьи менѣе 50 листовъ писчей бумаги и стихотворенія вовсе не возвращаются. По поводу доставляемыхъ стихотвореній редакція не вступаетъ *ни въ какую переписку съ авторами*, хотя бы и были приложены марки для отвѣтовъ. Для возвращенія обратно рукописей иногороднымъ должны быть приложены почтовыя марки, соразмѣрно стоимости пересылки заказнымъ письмомъ или посылкою. Рукописи, доставленныя безъ опредѣленія условій гонорара, считаются безплатными или оплачиваются по усмотрѣнію редакціи. Рукописи должны быть присылаемы въ редакцію *заказными* (а не простыми) *письмами и бандеролями*. Рукописи, принятыя *безъ указанія срока помѣщенія*, печатаются *исключительно* по назначенію редакціи. Статьи неизвѣстныхъ редакціи авторовъ, за которыя гонораръ не былъ потребованъ *въ теченіе полугода со времени напечатанія*, признаются безплатными. 7) Контора открыта ежедневно отъ 12 до 4 час. попол., *кромѣ праздничныхъ и воскресныхъ дней. Пріемъ въ редакціи—по четвергамъ, отъ часу до двухъ.* 8) Объявленія для напечатанія въ журналѣ принимаются съ платою. за страницу 15 руб. и за ½ стр.—8 руб. 9) *Всякія денежныя выдачи въ Главной Конторѣ производятся только одинъ разъ въ мѣсяцъ*: **5 числа, отъ часу до 3-хъ пополудни.** Если это число приходится на праздникъ или воскресенье, то выдачи отлагаются до слѣдующаго дня. *Авансы за рукописи, хотя и принятыя, но не напечатанныя въ журналѣ, не допускаются.*

Digitized by Google

ПРОДАЕТСЯ ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ НОВАЯ КНИГА:

«ИЗЪ ИСТОРІИ НАШЕГО ЛИТЕРАТУРНАГО И ОБЩЕСТВЕННАГО РАЗВИТІЯ».

Второе, дополненное изданіе монографій и критическихъ статей **А. П. ПЯТКОВСКАГО**, въ двухъ частяхъ (свыше *сорока* печатныхъ листовъ).

Содержаніе 1-ой части: 1) О жизни и сочиненіяхъ Д. И. Фонъ-Визина; 2) Осьмнадцатый вѣкъ въ русской исторіи; 3) Наши классики въ характеристикахъ г. Галахова; 4) О новѣйшемъ преподаваніи русской литературы и др. предметовъ; 5) Новая передѣлка карамзинской теоріи; 6) Опытъ философской разработки русской исторіи; 7) Идея гражданскаго брака въ русскомъ расколѣ; 8) Цензурный проэктъ Магницкаго; 9) Пушкинскій праздникъ въ Москвѣ.

Содержаніе 2-ой части: 1) Очерки изъ исторіи русской журналистики (отъ Петра I-го до Александра I-го, съ 1703 г. до 20-хъ годовъ текущаго столѣтія); 2) Журнальный тріумвиратъ (Сенковскій, Гречъ и Булгаринъ); 3) князь В. Ѳ. Одоевскій (литературно-біографическій очеркъ въ связи съ личными воспоминаніями); 4) О жизни и сочиненіяхъ Д. В. Веневитинова.

См. отзывы: «*Историческій Вѣстникъ*», 1889 г. № 4, «*Русская Старина*», 1889 г. № 7, «*Новое Время*», № 4634, «*Русскія Вѣдомости*», 1888 г. № 343, «*Правит. Вѣстникъ*», 1888 г. № 270, «*Всемірная Иллюстрація*» и проч.

Цѣна **2 р. 50 к.**, съ пересылкою **3 рубля**. Складъ въ главной конторѣ журнала «**НАБЛЮДАТЕЛЬ**» (Спб., Владимірская, № 6). Годовые и полугодовые подписчики журнала, желающіе получить эту книгу, добавляютъ къ подписной цѣнѣ **2 р.**

Кромѣ того, въ конторѣ журнала продаются послѣдніе экземпляры историческаго романа **Георга Эберса: СЕРАПИСЪ**. Цѣна 1 р., перес. за одинъ фунтъ. Романъ одобренъ ученымъ комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для библіотекъ старшихъ классовъ мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ.

Digitized by Google

ОРДИНАРНЫЙ ПРОФЕССОРЪ.

Романъ.

XI.

Розенкранцъ направился домой. Онъ жилъ недалеко отъ профессора Уржумова, и у него былъ такой же чистенькій, хорошенькій домикъ съ палисадникомъ, только немного меньше. Жена его, Леночка, молодая женщина лѣтъ двадцати пяти, ждала его и выглядывала изъ окна. У нея было продолговатое лицо съ такими чертами, которыя казались красивыми въ семнадцать лѣтъ, а теперь стали безобразить ее: вздернутый носикъ утратилъ свою прелесть; вздутыя губки поблѣднѣли и покрылись сердитыми морщинками; подъ прекрасными черными глазами лежали свинцово-янтарныя тѣни.

Когда мужъ подъѣхалъ, Леночка сама отворила ему дверь и подозрительно оглядѣла съ ногъ до головы. Молодой ученый допускалъ возможность существованія въ женщинахъ шестаго чувства, которое, по его мнѣнію, слѣдовало бы назвать супружескимъ ясновидѣніемъ. Уже много разъ бывало, что Леночка рѣшительно догадывалась обо всемъ, что дѣлалъ безъ нея Борисъ Наумовичъ, и, если онъ измѣнялъ ей, то прямо говорила ему:

— Въ твоемъ сердцѣ есть что-то мнѣ чужое. Откуда оно взялось, Борисъ? У тебя сегодня нехорошее лицо! Ты, словно, забылъ умыться!

Теперь она, повидимому, удовлетворилась осмотромъ, но замѣтила тревогу мужа и это сообщилось ей. Нервной дрожащей рукой она взяла его руку, приложила къ своей щекѣ и, глядя ему въ глаза, спросила:

— Борисъ?..

Digitized by Google

Онъ весело сказалъ:

— Леночка, я наконецъ былъ у ректора. Онъ тоже уѣзжаетъ — его интересуетъ уголовная антропологія и онъ отправляется въ Италію.

— Борисъ, ради Бога, ты былъ только у ректора?

— Да.

— Когда ты уѣхалъ, я стала плакать. Я не знаю, что со мной... Мой родной, не уѣзжай отъ меня! У меня жизнь необыкновенно печальная! Ты покидаешь меня одну по цѣлымъ днямъ и пріѣзжаешь домой, какъ въ трактиръ—пообѣдалъ, и былъ таковъ! Даже по ночамъ ты не бываешь дома. Какъ тебѣ не надоѣстъ клубъ? Ты совсѣмъ забросилъ жену. Она похожа на старую философскую систему, которой ты прежде увлекался, а потомъ забылъ!

Онъ улыбнулся сравненію жены и, обнимая ее и гладя по головѣ, произнесъ:

— Не правда, о тебѣ я постоянно думаю. А вотъ философію я, дѣйствительно, забросилъ: моя докторская диссертація за послѣдніе три года не подвинулась впередъ ни на волосъ.

— А все оттого, что не сидишь дома, — съ упрекомъ сказала жена.—Ахъ, Борисъ, какъ хорошо было бы, еслибъ мы жили, какъ люди! Мнѣ хочется какого нибудь счастья; и—что жъ?—я не могу удовлетворяться только воспоминаніями о прошломъ. Борисъ, тяжело! Даже гораздо лучше было бы, еслибы не было прошлаго. Что-то мучительное, какъ свинцовая доска, лежитъ у меня на груди. Я тоскую, Борисъ.

— Послушай, Леночка!—уже съ нѣкоторымъ раздраженіемъ началъ Розенкранцъ, входя съ женой въ кабинетъ:— Я долженъ былъ обязательно провести часъ-два, по крайней мѣрѣ, у ректора, и затѣмъ у профессора Ховрева, съ которымъ мнѣ надо было повидаться передъ отъѣздомъ. И все таки я пріѣхалъ къ тебѣ: я зналъ, что ты будешь ожидать меня къ обѣду, будешь терзаться, будешь плакать; я ожидалъ сценъ, и ради этого пренебрегъ весьма важными интересами. Понимаешь, весьма важными? Вы, женщины, смотрите на дѣятельность нашего брата подъ страннымъ угломъ зрѣнія, можетъ быть, симпатичнымъ, но узкимъ,— продолжалъ онъ, бросая ея руку. — Ты хотѣла бы, чтобы

Digitized by Google

то прошлое, о которомъ ты говоришь, было вѣчно настоящимъ. Нельзя! Объ этомъ нечего и говорить—любовь страстная прошла, осталась любовь спокойная, супружеская. Требовать отъ мужа вѣчныхъ восторговъ, хотѣть, чтобы жизнь была сплошнымъ медовымъ мѣсяцемъ—да это безжалостно!—опять съ раздраженіемъ вскричалъ Борисъ Наумовичъ.—А я тебя люблю. Кажется, ты видишь, что я всю свою дѣятельность направляю единственно для твоего блага. Захотѣлось тебѣ имѣть свой домъ, садъ и цвѣтникъ — у тебя есть и то, и другое, и третье. Ты выписала рояль. У тебя есть библіотека—читай! Унылый характеръ мѣшаетъ тебѣ заводить дружескія связи съ женщинами твоего возраста—ну, знакомься съ мужчинами!—совсѣмъ раздражительно сказалъ Борисъ Наумовичъ.

Слезы навернулись на глаза Леночки; она поблѣднѣла еще болѣе, поднесла свои худыя блѣдныя руки къ пышнымъ волосамъ, покрывавшимъ ея красивую голову, и стала рыдать. Сквозь слезы она говорила, растягивая слова и стараясь придать каждому изъ нихъ выразительность, хотя всѣ они звучали однотонно:

— Не правда! не правда! Ты не любишь меня. Я это чувствую; у меня нѣтъ фактовъ, но я это чувствую. Я одна! вѣчно одна! О, еслибы ты даже не говорилъ со мной ни слова, но сидѣлъ бы только дома, занимался бы только въ своемъ кабинетѣ, я была бы счастлива мыслью, что ты возлѣ меня. Слышать шорохъ твоихъ книгъ было бы мнѣ пріятно. Скрипъ твоего пера замѣнялъ бы мнѣ твою рѣчь. Но ты уѣзжаешь на цѣлые дни! Я не знаю, гдѣ ты проводишь время? Наслѣдство, которое ты получилъ, разъединило насъ, словно стѣна выросла между нами. Прежде, когда мы были бѣдны, вотъ когда было счастье! О, какое это было хорошее время... Борисъ, Борисъ, пускай возвратится оно!..

Въ душѣ Розенкранца жалость къ Леночкѣ боролась съ чувствомъ обиды: ему казалось, что она несправедлива, что нападаетъ на него напрасно, что нельзя, въ самомъ дѣлѣ, вѣчно любить, и что все таки онъ дѣлаетъ гораздо больше для нея, чѣмъ дѣлалъ бы всякій другой на его мѣстѣ. Да, нѣтъ любви, но зато есть долгъ.

— Леночка, — сказалъ онъ сурово, — вспомни, что для

Digitized by Google

тебя—конечно, я не придаю этому значенія—я разорвалъ со своими родными.

— Что жъ изъ этого? Тѣмъ лучше для тебя, — сказала она,—ты интеллигентный человѣкъ—развѣ ты могъ поддерживать связи съ кагаломъ?

— Не смѣй этого говорить! — съ неожиданной яростью закричалъ Розенкранцъ, но потомъ сдѣлалъ надъ собой усиліе и, пройдясь по кабинету, остановился передъ испуганной женой и уже мягче проговорилъ:—Но не все въ еврействѣ—кагалъ. Порвать съ еврействомъ не такъ-то легко, даже интеллигентному человѣку, а я порвалъ для тебя. Милліоновъ я не искалъ и не ищу, но все же я потерялъ гораздо больше, чѣмъ нашелъ,—съ грустной улыбкой молвилъ Борисъ Наумовичъ.

— То есть, женившись на мнѣ, ты сталъ несчастенъ?—пояснила Леночка, и глаза ея высохли, а на губахъ заиграла горделивая усмѣшка. — Но ты несчастливъ потому, что не хочешь счастья,—сказала она.—Какіе могуть быть разговоры о потерянныхъ милліонахъ! Все это гадко.

Борисъ Наумовичъ съ нѣкоторыхъ поръ не раздѣлялъ взгляда Леночки и не считалъ ея своимъ счастьемъ. Напротивъ, онъ смотрѣлъ на жизнь съ нею, какъ на крестъ, который онъ долженъ нести до могилы только потому, что обязался это сдѣлать, и сдѣлаетъ, какъ честный человѣкъ. А на самомъ дѣлѣ, со всякой другой женщиной онъ былъ бы счастливѣе, чѣмъ съ Леночкой. Хотя онъ проповѣдовалъ пессимистическую философію и тѣмъ самымъ принужденъ былъ смотрѣть на все съ мрачной точки зрѣнія, однако же онъ предпочиталъ наслажденіе страданію и радость — горю. Наша жизнь, исполненная печалей, недовольства судьбою, неудачъ и разочарованій, слишкомъ коротка для того, чтобы не стараться какъ нибудь разсѣять это полчище враговъ, преслѣдующихъ человѣка, подобно древнимъ фуріямъ и маніямъ. Исполненіе долга можетъ идти объ руку съ удовлетвореніемъ страстей, и можно оставаться честнымъ человѣкомъ, не принося всего себя въ жертву отвлеченнымъ принципамъ: — такова была нравственная философія Бориса Наумовича. Частнѣе говоря, онъ отвлеченнымъ принципомъ считалъ свою Леночку, и ея слезы казались ему признакомъ

Digitized by Google

ея эгоизма, потребностью мучить во что бы то ни стало человѣка, мучить съ утонченными пріемами—ревностью, вздохами, меланхолическими взглядами и, наконецъ, слезами, которыя представлялись ему безсмысленными.

— Ты, Леночка, говоришь,—началъ онъ,—что я избѣгаю тебя и что ты вѣчно одна. Но вотъ теперь смотри—я предпринимаю ученую поѣздку; мнѣ надо быть одному; мнѣ, дѣйствительно, надо будетъ работать, по цѣлымъ днямъ дѣлать справки, рыться въ библіотекахъ въ разныхъ городахъ Европы, — и я беру тебя съ собой. Я не хочу, чтобы ты скучала безъ меня. Что, это еще новый признакъ моей ненависти къ тебѣ? да?—съ торжествомъ спросилъ онъ.

Леночкѣ самой показалось, что она черезчуръ зашла въ своихъ упрекахъ; она улыбнулась, и въ ея глазахъ засвѣтилось кроткое и благодарное чувство.

— Прости меня, Борисъ! Конечно, я нападаю на тебя. Но все же я невполнѣ счастлива. Да? Согласись съ этимъ.

Онъ вздохнулъ и задержалъ вздохъ, чтобы не отвѣчать на ея слова гнѣвно и раздражительно. „Ничѣмъ, ничѣмъ недовольна!“ подумалъ онъ. Леночка еще ласковѣе приблизилась къ нему.

— Борисъ, не сердись, родной мой. Еслибы ты зналъ, какъ я тебя люблю! Не сердишься, да?

Она стала засматривать ему въ глаза, прижалась щекой къ его груди и вновь заплакала, уже не отъ горя, а отъ радости примиренія. Надо же куда нибудь дѣвать накопившіяся слезы. Но эти радостныя слезы взбѣсили Розенкранца; онъ оттолкнулъ жену, схватилъ подсвѣчникъ съ письменнаго стола и съ силой ударилъ имъ объ полъ. Хрупкая бронза разлетѣлась въ куски, розетка разбилась, и острый кусочекъ стекла, отскочивъ вверхъ, ранилъ Леночку. Она стояла посреди кабинета, оторопѣлая, дрожа отъ страха, и улыбалась слабой, болѣзненной улыбкой. Крошечная струйка крови, словно слезинка, бѣжала по ея щекѣ. Розенкранцъ, у котораго какъ-то внезапно опустѣло сердце и въ головѣ не было никакихъ мыслей, кромѣ сознанія, что онъ виноватъ и что не слѣдовало унижаться до бросанья подсвѣчника на полъ, взялъ шляпу и злыми шагами ушелъ въ переднюю. Леночка бросилась за нимъ.

Digitized by Google

— Не уходи! Куда же ты? Не уходи. Прости меня. Не сердись! Борисъ, не сердись!—звала она.

Но Розенкранцъ уже вышелъ на улицу, гонимый невидимой силой отвращенія къ самому себѣ и къ женѣ, вскочилъ на извощика, сердито крикнулъ: „пошелъ"! и исчезъ въ облакѣ поднявшейся пыли.

XII.

Какъ только Розенкранцъ очутился одинъ, онъ вспомнилъ съ мучительной ясностью, что Сашенька ушла, что онъ не могъ дождаться ея изъ боязни Леночки, что теперь бояться Леночки уже нечего, такъ какъ ссора произошла и можно надуться на жену, по крайней мѣрѣ, дня на два,—то есть, можно все это время не являться домой (кстати, это будетъ полезно и, можетъ быть, Леночка опомнится). И онъ велѣлъ извощику ѣхать въ Гнилой Яръ.

На крыльцѣ домика Дербягиной лежалъ ребенокъ,—котораго утромъ онъ чуть не раздавилъ въ темнотѣ. Солнце пригрѣвало малютку и мухи лѣзли ему въ ротъ и въ глаза; онъ слабо дышалъ, одѣтый въ корявую рубашонку; его пальцы съ неостриженными ноготками судорожно вздрагивали. „Нѣтъ, возмутительно, — подумалъ Розенкранцъ: — это какое-то избіеніе младенцевъ!" Нагнувшись надъ ребенкомъ, онъ увидѣлъ синяки на его бокахъ и, раздраженный сценой съ женой и видомъ этого крошки, онъ сердито крикнулъ:

— Макрина Павловна!

— А кто тамъ?

— Идите же сюда, когда васъ зовутъ!

Голосъ его разбудилъ дѣтей въ темной комнатѣ. Они стали плакать. Вбѣжала собачонка и хрипло залаяла. Осторожно, со страхомъ пріотворила дверь госпожа Дербягина и стала смотрѣть, кто вошелъ.

— Да это вы, мосье Розенкранцъ? Вотъ никакъ не могла узнать! Что вы такъ кричите?

— Помилуйте, — раздражительно заговорилъ Розенкранцъ: — развѣ можно бросать дѣтей?! Посмотрите, что дѣлается. Вѣдь онъ умираетъ!

Digitized by Google

— Кто умираетъ? гдѣ?

— Да на крыльцѣ брошенный ребенокъ.

— А, Николашка! умретъ... что дѣлать!—участливо проговорила акушерка.—Что дѣлать! Помилуйте, Борисъ Наумовичъ, представьте, что за него мнѣ ничего не платятъ! Принесли, бросили, какъ собачонку, и ушли; воспитательнаго дома у насъ въ городѣ нѣтъ—куда жъ я его дѣну?

Она вздохнула.

— А вы пріѣхали узнать таки насчетъ Сашеньки? Нѣтъ, нѣтъ, не возвращалась.

— Передайте ей,—сказалъ раздосадованный Розенкранцъ, хмурясь,—что я чрезвычайно огорченъ; болѣе, чѣмъ огорченъ; что, наконецъ, я уѣзжаю — на кого же она останется? Вы передадите?

— Ахъ, мосье Розенкранцъ. Лишь бы только вернулась!

Розенкранцъ ударилъ тросточкой собачонку.

— Макрина Павловна, я злюсь на все. Не надо ли вамъ денегъ? Вотъ, возьмите... Ради Бога, чтобы эти несчастные не умирали! Грѣхъ вамъ, Макрина Павловна. Я еще заѣду. До свиданія!

Госпожа Дербягина жадно схватила бумажку, поданную ей философомъ, хотѣла съ горячей благодарностью пожать его руку, но это не удалось. Розенкранцъ уже сбѣжалъ со ступенекъ и сѣлъ на своего извощика.

— Къ Дюлору, въ Западную гостинницу!

На берегу Днѣпра широкія террасы окружали гостинницу и внизу, на самомъ краю, былъ разбитъ цвѣтникъ, гдѣ стояли столики для желающихъ обѣдать на открытомъ воздухѣ. Розенкранцъ, поссорившись съ Леночкой, обыкновенно пріѣзжалъ въ „Западную гостинницу“ и успокоивалъ свои нервы, выпивая бутылку краснаго вина. Занявъ одинъ изъ столиковъ, онъ потребовалъ не только бутылку вина, но и обѣдъ. Послѣ всѣхъ сегодняшнихъ волненій, онъ не разсчитывалъ на апетитъ; однако же, когда лакей подалъ ему карту, онъ выбралъ лучшія блюда и со вкусомъ составилъ обѣдъ. Онъ удивился, что можетъ ѣсть почти спокойно,—мало того, почти весело. Оживленіе, окружавшее его, способствовало перемѣнѣ его настроенія. За всѣми столиками сидѣли пары—молодые и пожилые люди съ дамами, между которыми было

Digitized by Google

много пѣвицъ и артистокъ изъ сосѣдняго увеселительнаго сада. Бритые актеры, въ великолѣпныхъ приставныхъ воротничкахъ и съ цѣпочками изъ новаго золота, вели себя развязно и шумно. Пѣвицы стрѣляли глазами въ Розенкранца, такъ какъ, по нѣкоторымъ, самымъ незначительнымъ признакамъ, онѣ привыкли угадывать, у кого есть деньги и на кого можно направить огонь взглядовъ. Въ числѣ публики было нѣсколько студентовъ. Розенкранцъ поманилъ къ себѣ пальцемъ лакея и велѣлъ подать мѣстную газету: „Лучъ“. Въ ея фельетонѣ вниманіе Розенкранца обратила на себя статья, озаглавленная: „Брошенныя дѣти.“ Онъ потребовалъ кофе и, прихлебывая изъ чашки, сталъ читать статью неизвѣстнаго автора:

Брошенныя дѣти.

„Какъ-то пришлось мнѣ быть на скромномъ общественномъ торжествѣ: приходскія училища праздновали свой годичный актъ.

„Думская зала была полна. Направо и налѣво отъ входа стояли школьники и школьницы въ чистенькихъ блузахъ и платьицахъ. Затѣмъ тянулись ряды креселъ, гдѣ сидѣли почетные гости и родные учащихся. Хоры были биткомъ набиты. Когда я вошелъ, чиновникъ офиціальнымъ голосомъ читалъ отчетъ. Я помѣстился въ глубинѣ залы, возлѣ портрета государя, украшеннаго свѣжими дубовыми листьями. Отсюда я могъ видѣть все, что происходило въ залѣ. Сотни дѣтей, скученныя за креслами, обращали на себя всеобщее вниманіе. Во всякомъ случаѣ, я не сводилъ съ нихъ глазъ. И не знаю, какъ это вышло, но я вдругъ почувствовалъ, что они мнѣ ужасно близки. Я проникся къ нимъ живѣйшимъ участіемъ. Я смотрѣлъ на ихъ лица и старался угадать, по ихъ выраженію и костюмамъ, степень ихъ нужды и того горя, которое суждено въ удѣлъ всѣмъ бѣднымъ дѣтямъ. Были тамъ румяныя, здоровыя и веселыя дѣти. Но было много блѣдныхъ, золотушныхъ мальчиковъ и дѣвочекъ, съ безкровными губами и скорбной складкой надъ дугообразно-поднятой бровью. Точно также не одинаково были одѣты маленькіе виновники скромнаго празднества. Въ курточкахъ и бѣлыхъ воротничкахъ, или кисейныхъ, по модѣ сшитыхъ, платьицахъ — почти не было никого. Красненькія и голубенькія рубашки и незатѣйливые наряды, состряпанные изъ ситчика, украшали собою

Digitized by Google

этихъ дѣтей ремесленниковъ, мѣщанъ, кухарокъ и лицъ безъ опредѣленныхъ занятій. Гано застигла малютокъ жизненная невзгода, и сколько борьбы они должны были вынести, прежде чѣмъ явиться сюда героями и побѣдителями! Да, ихъ внѣшность говорила о лишеніяхъ, которыя они претерпѣвали на протяженіи своей дѣтской жизни, въ ихъ глазахъ—во всѣхъ этихъ сѣрыхъ, черныхъ, голубыхъ и карихъ глазахъ—свѣтилась гордость успѣха!

„Кончилъ чиновникъ читать отчетъ, и два хора дѣтей запѣли нѣжными, мелодичными голосами. Несовсѣмъ тверды были пѣвцы въ музыкѣ, но на міру и смерть красна. Было что-то трогательное и милое въ этомъ пѣніи, напоминавшемъ собою застѣнчивую гармонію эоловыхъ арфъ. Потомъ чиновникъ опять сталъ читать. Началась раздача наградъ лучшимъ ученикамъ и ученицамъ. Счастливецъ, заслышавъ свою фамилію, выходилъ на средину залы—и на чело побѣдителя возлагали лавры. Архіерей ласково проводилъ рукою по этому маленькому челу и улыбался крошечному герою или какой нибудь едва видной отъ земли героинѣ. Вскорѣ тамъ, гдѣ стояли дѣти, заколебались въ воздухѣ бѣлые свертки: то были похвальные листы; дѣти боялись ихъ измять и держали надъ головой. Долго тянулась раздача наградъ. Навѣрно, у каждаго отца и матери, смотрѣвшихъ на торжество своего сына или дочери, крѣпко билось сердце. И хотя въ этой залѣ былъ я всѣмъ чужой, и у меня здѣсь не было даже знакомыхъ, но мое сердце тоже билось—крѣпко билось.

„Я былъ взволнованъ. Сначала я не понялъ, почему легкій туманъ заволокъ мнѣ глаза. Я долженъ былъ отвернуться, чтобъ скрыть набѣжавшую слезу. Но скоро мнѣ стало ясно, что волненіе мое вызвано не только радостью за этихъ преуспѣвшихъ дѣтей, но и невольной мыслью о тѣхъ безчисленныхъ маленькихъ страдальцахъ, которые или безусловно пали въ борьбѣ съ жизнью, какъ дикіе цвѣты, загубленные ранними морозами, или продолжаютъ непосильную битву съ нуждою, равнодушіемъ и злобою людей, съ голодомъ и холодомъ. Мнѣ вдругъ показалось, что въ этой праздничной залѣ, наполненной ликованіями маленькихъ счастливцевъ, гдѣ-то незримо, но совсѣмъ близко стоятъ толпы оборванныхъ и чахлыхъ малютокъ, съ завистью смотрятъ на торжество, и

Digitized by Google

изъ ихъ большихъ грустныхъ очей, окаймленныхъ синевою, льются тихія слезы... Бѣдныя заброшенныя дѣти! Развѣ вы не знаете, что много званыхъ, но мало избранныхъ?

„Растроганный вышелъ я на улицу, думая объ участи дѣтей, которыхъ общество, по равнодушію или по другимъ, болѣе уважительнымъ причинамъ, оставляетъ безъ всякаго призора и не даетъ имъ никакихъ средствъ къ борьбѣ за существованіе. Они являются въ жизнь слабыми, ничтожными заморышами, неспособными къ труду и унижающими свое человѣческое достоинство разнаго рода мерзкими промыслами и нищенствомъ. Немало встрѣчалъ я этихъ несчастныхъ въ оврагахъ, въ ночлежныхъ домахъ, на улицахъ, въ бѣдныхъ кварталахъ. Какъ незначительно число дѣтей, о которыхъ заботится городъ, сравнительно съ числомъ дѣтей, брошенныхъ на произволъ судьбы! Когда вдумаешься хорошенько въ наши общественные порядки, то ничего, пожалуй, не увидишь въ нихъ дурнаго. Городъ даетъ, что̀ можетъ, на народное образованіе. Число школъ возрастаетъ къ каждымъ годомъ. И если, не смотря на заботы города, безпризорныя дѣти, возрастая въ числѣ, все назойливѣе и назойливѣе заявляютъ о себѣ, то вина тутъ совсѣмъ въ другихъ условіяхъ... И, конечно, огромную роль играютъ во всемъ этомъ наши дикіе и жестокіе нравы.

„Родители сплошь и рядомъ бросаютъ своихъ дѣтей и перестаютъ заботится о нихъ. Мнѣ разсказывалъ одинъ авторитетный человѣкъ о двухъ дѣвочкахъ, судьба которыхъ очень трогательна. Одной — четырнадцать лѣтъ, другой—тринадцать. Старшенькую я видѣлъ: милое дитя съ добрыми невинными глазами. Мать этихъ дѣвочекъ родила ихъ за границей, будучи дѣвушкой, и привезла въ Россію. Ей, разумѣется, нужно было скрыть свой позоръ, и она отдала дѣтей на воспитаніе акушеркѣ. Затѣмъ она вышла замужъ за богатаго человѣка.

Никакихъ документовъ у ея дочерей не было, и нѣтъ, и даже неизвѣстно, крещены ли онѣ. Акушерка опредѣлила ихъ въ приходскую школу, гдѣ онѣ хорошо учились и въ этомъ году кончили курсъ. Но такъ какъ документовъ у нихъ нѣтъ, то дѣвочки не могли получить свидѣтельствъ объ окончаніи училища. На запросъ начальства, акушерка объявила,

Digitized by Google

что мать дѣвочекъ давно забыла ихъ, ничего не платитъ за нихъ, и нельзя подтвердить и доказать, что это ея дочери. Эти малютки оказываются не помнящими родства — преступленіе, за которое нашъ законъ строго караетъ! Главное, бѣдняжки до послѣдняго времени не знали, что онѣ—ничьи дѣти, и считали акушерку своею матерью. Какимъ открытіемъ подарила ихъ жизнь въ тотъ день, когда онѣ ступили на ея порогъ! Кажется, что акушерка—не дурная женщина, и, кромѣ того, начальство нашло возможнымъ взять сиротъ подъ свое покровительство. Случай, которому угодно было, чтобъ до послѣдняго времени въ приходскія училища принимались дѣти, даже не имѣющія метрикъ, спасъ дѣвочекъ, можетъ быть, отъ горькой участи. Какая масса такихъ бездомныхъ сиротокъ ежегодно погибаетъ въ большихъ городахъ! Теперь состоялось или состоится, какъ намъ передавали изъ достовѣрнаго источника, распоряженіе, чтобъ не принимали въ училища дѣтей, у которыхъ нѣтъ никакихъ бумагъ. Начальство поступаетъ осторожно. Но число погибшихъ мальчиковъ и бѣлыхъ невольницъ, вслѣдствіе этого, только возрастетъ, потому что не будетъ совсѣмъ никакого спасенія бездомнымъ дѣтямъ и труднѣе будетъ контроль надъ разными добрыми и злыми дамами, берущимися скрывать грѣхи пошаливающихъ барышень и мучить ихъ бѣдныхъ малютокъ, зачатыхъ при поэтической обстановкѣ—при звѣздахъ и лунѣ, подъ пѣнье соловьинаго хора, среди благоухающихъ розъ.

„Объ одной изъ такихъ дамъ разсказали мнѣ на дняхъ возмутительную исторію. Занимается эта дама акушерской практикой. У нея есть дочь и живетъ воспитанница, девятилѣтняя дѣвочка. Дѣвочка живетъ недаромъ—мать высылаетъ изъ Петербурга за воспитаніе дочери по двадцати пяти рублей въ мѣсяцъ. Совѣсть легкомысленной матери спокойна; можетъ быть, она убѣждена, что малютка ея и накормлена, и одѣта на эти деньги, и никто не обижаетъ бѣднаго ребенка, имѣвшаго несчастье родиться внѣ закона. Но, еслибъ знала легкомысленная мать, что̀ терпитъ ея брошенная дѣвочка! Акушерка постаралась обратить малютку въ слугу и часто видали, какъ дѣвочка зимою носитъ воду полными ведрами. Часто слыхали посторонніе люди, какъ кричитъ дѣвочка, которую

Digitized by Google

бьетъ ея воспитательница за какія-то вины. И вотъ недавно заставила она крошечную, безотвѣтную рабыню свою переносить вещи изъ сарая въ домъ. Въ числѣ вещей была тяжелая скамейка и связка нотъ. Не хватило силы и ловкости у дѣвочки,—она уронила ноты и, нагнувшись, взяла зубами связку. Воспитательница вышла изъ себя, кинулась на дѣвочку и потащила ее въ комнаты. Вскорѣ страшный крикъ раздался оттуда и даже сердце дворника облилось кровью отъ жалости и состраданія. Вмѣстѣ съ нѣкоторыми жильцами, ворвался онъ въ квартиру. Вооруженная толстой веревкой, милая дама наносила удары со всего размаха по голому тѣльцу дѣвочки, а дочь помогала мамашѣ — придерживала жертву и рукою зажимала ей ротъ. Кто-то сталъ отнимать ребенка. Акушерка въ неистовствѣ, пьяная отъ злобы, искусала защитнику руки. Былъ позванъ околодочный и, по требованію публики, составилъ протоколъ...

„Когда всплываетъ наружу фактъ въ родѣ только что описаннаго, за нимъ по неволѣ видишь тысячу такихъ же фактовъ, еще таящихся на днѣ житейскаго омута; никто не имѣлъ мужества и благородства вытащить ихъ на свѣтъ божій, потому что мало людей, соединяющихъ въ своемъ сердцѣ состраданіе и смѣлость негодованія, не ограничивающагося одними словами. Сколько горя, страшнаго, дикаго, безсмысленнаго, тяготѣетъ вѣчной черной тучей надъ головами безпризорныхъ дѣтей! Кто жалѣетъ ихъ, часто ли заступаются за нихъ? Какъ собачонки, растутъ они, обиженныя и оскорбленныя, забытыя и презрѣнныя! Бѣдныя, бѣдныя!..“

Іюнь, 1886.

Розенкранцъ положилъ на столъ газету и отодвинулъ простывшій кофе. Пріятное волненіе, которое называется состраданіемъ и для испытанія котораго богатые люди занимаются благотворительностью, охватило Розенкранца. „Да, еслибы разсказать то, что я видѣлъ, волосы стали бы дыбомъ у всѣхъ. А между тѣмъ, кто виноватъ? Вотъ здѣсь всѣ сидящіе виноваты, и я виноватъ, и виновато еще множество людей“,— сталъ онъ разсуждать самъ съ собой. — „Еслибы, положимъ, тысяча человѣкъ убили одного, законъ одинаково покаралъ бы всю тысячу. Но еслибы весь народъ убилъ одного, законъ

Digitized by Google

былъ бы безсиленъ. Вотъ такъ мы всѣ убиваемъ этихъ дѣтей и не несемъ за это кары. Вина раздѣляется, и на каждаго изъ насъ приходится какая-то незначительная ея доля. Юристы и философы становятся втупикъ передъ этимъ явленіемъ. На чьей сторонѣ правда? Почему мы такъ преслѣдуемъ незаконныхъ дѣтей? Почему боимся ихъ, считаемъ врагами, отдаемъ ихъ на съѣденіе мегерамъ, въ родѣ Макрины Павловны"?

— Ба! кого я вижу!—раздался позади Розенкранца знакомый голосъ. Розенкранцъ вздрогнулъ и обернулся: передъ нимъ стоялъ профессоръ Ховревъ. Это былъ высокій, еще не старый, но уже совершенно сѣдой человѣкъ, съ широкой, русской бѣлой бородой, съ грязновато-зелеными длинными волосами, съ толстымъ алымъ носомъ на мясистомъ лицѣ и съ маленькими, добродушными, сверкающими, какъ угли, глазами, надъ которыми высоко были подняты щетинистыя брови.

— Коллега, такъ это вы здѣсь проводите свои досуги?

— Садитесь, Андрей Яковлевичъ! Не хотите ли ликеру? Обѣдали?

— Обѣдалъ за городомъ. Ликеру выпью и сыру съѣмъ. Эй, малый! сыру подай намъ, бри поострѣе. Или нѣтъ, стой! нѣтъ ли рокфору: знаешь, такого, чтобы иглой вонзался въ нутро? Знаешь? Ну, маршъ!

Смѣясь, сѣлъ профессоръ Ховревъ за столикъ Розенкранца, широко разставилъ локти, отдулся отъ жары, мотнулъ головой и разстегнулъ всѣ пуговицы сюртука, подъ которымъ оказалась красная кумачная рубашка.

— Фу, батюшка, жарко! Ничѣмъ намъ не угодишь, фу! зимой морозы клянемъ, лѣтомъ—зной. А я сію секунду изъ кулька въ рогожку; собираюсь въ Борщовку. Помнится, звали меня Уржумовы. Скучно въ городѣ; мои уѣхали, и дѣвочки, и старуха; остался я одинъ, какъ перстъ! А Уржумовы—люди добрые. То есть, онъ-то, положимъ, ни холодный, ни жаркій—теплый—самый скверный сортъ людей. Не правда ли, теплые люди совсѣмъ не то, что мы съ вами? Но она ничего: она дама еще апетитная: ямочки у нея очень привлекательныя. Какъ вы думаете, сколько возьметъ извощикъ туда и назадъ?

— Не знаю. Какіе нибудь пустяки.

— Что значитъ богатый человѣкъ! А я каждой копѣйкѣ

285-981

Digitized by Google

счетъ веду. Иногда маленькаго удовольствія себѣ не позволишь, книги не выпишешь. Хорошо, что на университетскій счетъ еще можно пробавляться — еще нѣмцы терпятъ книги.

— Право, пора перестать нападать на нѣмцевъ,— замѣтилъ Розенкранцъ.

— А вамъ пора пристать къ нашей партіи, батюшка. Что же изъ того, что у васъ фамилія нѣмецкая? Сердце у васъ все таки русское и вы нѣмцемъ никогда и не были. Такъ вотъ что, давайте вмѣстѣ поѣдемъ!

— Давайте! — отвѣтилъ Розенкранцъ. Онъ ухватился за эту мысль, потому что послѣ обѣда ему некуда было дѣваться, и онъ предчувствовалъ приливъ тоски, которую ничѣмъ нельзя будетъ побѣдить, развѣ только виномъ.—Что жъ, поѣдемъ,— сказалъ онъ бодро.—Вечеромъ вернемся.

— Напьемся чайку и вернемся. Какъ вы думаете, захватить съ собой бутылочку ромку или у нихъ найдется?

— Не знаю, право...

— Я захвачу полбутылочки на всякій случай. А это знаете что у меня?

Андрей Яковлевичъ вынулъ изъ боковаго кармана толстую, небольшаго формата книжку въ синей обложкѣ и таинственно сказалъ, радостно ухмыляясь:

— Сокровище.

— Хе!

— „Grundriss der Philosophie“, Клейнгауза! Вышло, наконецъ. Третій разъ его читаю, ношу съ собой, какъ малое дитя. Вотъ ума палата, вотъ бездна мудрости. Куда намъ!

— Странное противорѣчіе! — замѣтилъ Розенкранцъ, — только что ругали вы нѣмцевъ, а вотъ теперь превозносите и говорите: „куда намъ“! Какъ это согласить? въ особенности, если принять во вниманіе, что все это сказано профессоромъ логики.

— Язвительный Розенкранцъ! — воскликнулъ Ховревъ, кладя въ ротъ кусочекъ рокфору и смакуя его,—язвительный! Надо, разницу, батенька, знать между заграничнымъ нѣмцемъ и нашимъ!

— По моему мнѣнію,—возразилъ Розенкранцъ, — ученые прежде всего не русскіе и не нѣмцы: это люди международ-

Digitized by Google

ные; они одинаково любятъ свой предметъ, преподаютъ ли они его въ Нью-Іоркѣ или въ Святогорскѣ.

— Наука можетъ быть международная, а ученый никогда: ученый есть нѣчто конкретное. Ну, да что толковать. Платите деньги и поѣдемте въ Борщовку!

Они поднялись и направились къ выходу, взяли парнаго извощика, договорили его, и черезъ десять минутъ были уже за городомъ. Всей грудью вдыхалъ Ховревъ благовонный воздухъ роскошнаго дня. На горизонтѣ синѣла лента воды — тамъ струился Днѣпръ, по которому бѣжали пароходы. Лѣса зеленѣли по правую сторону, въ перемежку съ золотыми нивами. Розовымъ облачкомъ поднималась пыль на проселочной дорогѣ. Весело и безпечно разговаривалъ Ховревъ, а Розенкранцъ хмурился, не обращая вниманія на природу, плохо слушалъ своего старшаго товарища, котораго считалъ пустымъ и безнравственнымъ старикомъ, и думы его сосредоточивались то на Леночкѣ, то на Сашенькѣ, то на прочитанной имъ статьѣ, то на предстоящей заграничной поѣздкѣ. То на мгновеніе возникало передъ нимъ прошлое, въ яркихъ и плѣнительныхъ краскахъ молодости, когда, бывало, по этой самой дорогѣ онъ вдвоемъ ѣздилъ въ Борщовку съ Ольгой Ѳедоровной.

XIII.

— Что вы, батюшка, пригорюнились?—спросилъ Ховревъ, останавливая рѣчь о неокантіанствѣ и кладя руку на талію Розенкранца:—какая у васъ забота? Надо жить, не думая о темныхъ сторонахъ бреннаго существованія. Мало ли что случается! Небось, опять непріятности съ женой?

— Какъ вы можете предложить такой вопросъ?—какъ-то на иностранный ладъ проговорилъ Розенкранцъ, вздрогнувъ и выходя изъ задумчивости.—Я уважаю васъ, но мои семейныя тайны...

— Да полноте!—вскричалъ Ховревъ, продолжая обнимать Розенкранца.—Какія семейныя тайны могутъ сохраниться въ нашемъ городѣ?! Мы все знаемъ другъ о другѣ. Вчера мнѣ жена откусила носъ, сегодня я ей ухо; пріѣхали доктора,

Digitized by Google

все зашили, носъ и ухо опять на мѣстѣ. А ужь, смотришь, въ газетахъ даже напечатано. Сосѣди толкуютъ! Это ужь въ порядкѣ вещей, коллега. На вашу Леночку достаточно взглянуть: страдаетъ бѣдняжка и заставляетъ страдать. Есть такія обреченныя натуры. Изъ розовой и веселой становится блѣдной и грустной. Оно бы хорошо было, еслибы на молодой особѣ платье сидѣло „à la чортъ побери", чтобы—тамъ бантикъ, а тамъ подхватецъ! А на обреченной все уныло. Платье на ней, словно она въ монахини поступила, прическа тоже, въ глазахъ не то истома, не то горечь. Считаешь ее святой и думаешь: страдалица! А вся ея святость въ томъ, что она избрала своей спеціальностью грызть мужа, ну и, разумѣется, грызня ей даромъ не проходитъ, нелегкое дѣло!

— Андрей Яковлевичъ, какъ вы хорошо понимаете людей! Я иногда удивляюсь на васъ!—замѣтилъ Розенкранцъ, смущенный и обрадованный.

— Какъ же мнѣ не понимать, когда я пятьдесятъ четвертый годъ существую на свѣтѣ! Чего я только не перевидѣлъ и чего не переиспыталъ. Я прошелъ огонь, воду и мѣдныя трубы! Ну, такъ вотъ я, значитъ, угадалъ, любезный Борисъ Наумовичъ? Эхъ, лицемѣръ! — укоризненно сказалъ профессоръ Ховревъ и потрепалъ Розенкранца по плечу.— Русская и вообще славянская натура тѣмъ отличается, что она откровенна. Хотите быть русскимъ—держите себя на распашку. Ну, что же дѣлать? нехорошо живется: —всѣмъ міромъ посовѣтуемъ и облегчимъ, и разведемъ бѣду!

Розенкранцъ, чувствуя, какъ въ его сердцѣ проснулось и шевелится старое, постоянно обновляемое горе разлада съ женой, заговорилъ:

— Конечно, отчего же... Но вотъ въ чемъ вопросъ: помогали ли когда нибудь совѣты въ подобнаго рода дѣлахъ? Леночка человѣкъ хорошій, строго говоря, да и я недурной; но мы, дѣйствительно, терзаемъ другъ друга, и терзаемъ съ перваго же дня нашего сожительства. Я разскажу вамъ, какъ мы сошлись. Я женился въ первый разъ тринадцать лѣтъ тому назадъ. Жена моя была еврейка изъ Одессы. Жили мы съ ней ладно, потому что она была, во-первыхъ, образованная женщина, хорошо знавшая языки и интересовавшаяся наукой, чудесная музыкантша и веселая душа. Правду сказать,

Digitized by Google

я люблю, когда весело. Среди шума и блеска жизни, мечты мои и мысли принимаютъ болѣе опредѣленное направленіе, и основная идея моей магистерской диссертаціи пришла мнѣ впервые въ голову на балу, хотя всѣ напали на эту диссертацію, называя ее квинтъ-эссенціей пессимизма. Итакъ, жена была у меня веселая, и такая именно была мнѣ нужна; я съ ней жилъ душа въ душу. Какъ вамъ извѣстно, а, можетъ быть, вамъ это неизвѣстно, она...

— Утонула въ морѣ,—прервалъ Ховревъ.

— Да, меня преслѣдуютъ несчастья. Въ дѣтствѣ первое ужасное впечатлѣніе произвела на меня смерть брата, погибшаго отъ водобоязни. Но возвращаюсь къ разсказу. У насъ было двое дѣтей, которыхъ потомъ пришлось отдать бабушкѣ. Я увлекся Леночкой. А Леночка была тогда еще институткой. Я бывалъ въ домѣ ея родителей, очень небогатыхъ людей, но жившихъ сверхъ состоянія и задававшихъ всему городу вечера, иногда безъ всякаго повода. Чтобы обладать Леночкой, я принялъ православіе и пожертвовалъ дѣтьми, потому что старуха не захотѣла, чтобы дѣти еврейскаго закона воспитывались въ православной семьѣ. Мы женились, и необыкновенная страстность Леночки дала намъ много счастливыхъ и сладкихъ минутъ. Я не помню, чтобы кто нибудь изъ мужчинъ жаловался на ласки женщины, которую онъ любитъ, а я любилъ Леночку. Правда, я любилъ и свою покойную жену, и часто о ней грустилъ, какъ грущу до сихъ поръ. Но все таки не могло быть у меня фактически другой привязанности, кромѣ Леночки, по крайней мѣрѣ, въ то время. Началось у насъ недоразумѣніе изъ-за пустяковъ. Бывало, выдешь изъ университета и сдѣлаешь нѣсколько шаговъ въ сторону или пройдешься по Ботаническому саду, чтобы обдумать какой нибудь параграфъ диссертаціи или лекціи, возвратишься домой—и начнется... Я неожиданно получилъ наслѣдство отъ старшаго брата. Казалось бы, семейныя наши дѣла должны выиграть. Не тутъ-то было! Леночка стала подозрѣвать, что у меня есть еще кто-то на сторонѣ. Какимъ образомъ ей пришло это въ голову, не знаю, но, должно быть, виною я самъ. Въ припадкѣ той откровенности, которую вы только что мнѣ посовѣтовали, я однажды разска-

Digitized by Google

залъ Леночкѣ о своихъ любовныхъ приключеніяхъ, которыми богата моя молодость...

— Счастливецъ!—прервалъ Ховревъ.—Но философъ не можетъ быть вполнѣ мудрымъ, если не принесетъ на алтарь Венеры своего сердца и не сожжетъ его въ пепелъ.

— Я ничего не скрылъ отъ Леночки,—продолжалъ Розенкранцъ.—Мнѣ хотѣлось вызвать ее, въ свою очередь, на откровенность, вотъ какъ сдѣлали это вы сейчасъ со мною. Несомнѣнно, дѣвушка до двадцати лѣтъ должна же была кого нибудь любить, хотя платонически; могли быть у нея хоть временныя симпатіи, хоть самыя преходящія. Однако же, она ничего не сказала о себѣ, а, выслушавъ меня, еще разъ подробно о многомъ переспросила и сдѣлалась сосредоточенной. Въ глазахъ ея появилось безпокойство, и она со вздохомъ отвернулась отъ меня.

— Это было въ спальнѣ?—спросилъ Ховревъ, поворачивая къ Розенкранцу свой раздувающійся красный носъ, изъ ноздрей котораго, какъ изъ двухъ черныхъ ямъ, росли жосткіе волосы.

— Да, это было въ спальнѣ. Леночка была ко мнѣ холодна и такъ продолжалось нѣсколько дней. Но затѣмъ къ ней вернулась ея горячность, съ тою только разницей, что уже сопровождалась необыкновенной неровностью.

— То есть?

— То есть, она дѣлала мнѣ сцены каждый разъ, когда я посѣщалъ какой нибудь домъ, гдѣ были дѣвушки или молодыя дамы.

— Строго говоря, коллега, она была права. Знаете пословицу: „Пошелъ кувшинъ по воду ходить, тамъ ему и голову сложить“. Въ каждомъ характерѣ есть своя логика, и что я дѣлалъ въ двадцать лѣтъ, то дѣлаю и въ пятьдесятъ четыре, только подъ другимъ соусомъ.

— Бываютъ исключенія, Андрей Яковлевичъ. По крайней мѣрѣ, я совершенно искренно стремился быть вѣрнымъ своей Леночкѣ; но она съумѣла оттолкнуть меня невѣроятно-мелкими, изысканно-пустыми дрязгами, которыя тѣмъ болѣе несносны, что всѣ онѣ полны какого-то страннаго трагизма. Ахъ, въ нашей семейной жизни уколъ булавкой уже представляется ударомъ кинжала и вызываетъ градъ слезъ!

Digitized by Google

— Значитъ, больна! — заключилъ Андрей Яковлевичъ.— Признаюсь, не люблю я очень здоровыхъ женщинъ: нѣкоторая болѣзненность придаетъ женщинѣ поэтичность, и, замѣтьте, всѣ поэты воспѣваютъ блѣдныхъ женщинъ.

— Блѣдныя женщины хороши издали,—возразилъ Розенкранцъ,—но обладать надо румяной женой, въ которой жизни больше, чѣмъ смерти.

— Ну-съ, коллега! —началъ Ховревъ съ широкой улыбкой,—а позвольте узнать, на комъ вы теперь услаждаете сердце? Если вы не въ ладахъ съ женой, то, по всей вѣроятности, есть у васъ благодѣтельная душа. Вы еще молоды и, наконецъ, чортъ возьми, вы популярны! Между нами сказать, ваши научныя изысканія не стоятъ выѣденнаго яйца, но въ публикѣ имя Розенкранца такъ извѣстно, какъ дай Богъ каждому. Ну-те?

— Андрей Яковлевичъ,—съ гримасой проговорилъ Розенкранцъ.—Конечно, я не отрицаю вашихъ ученыхъ заслугъ и нахожу, что онѣ гораздо значительнѣе моихъ, но меня обижаетъ тонъ, съ какимъ вы говорите о моей популярности. Что же касается интимнаго предмета нашей бесѣды, то, право, предположите, что у меня есть такая благодѣтельная душа... Считали бы вы меня порядочнымъ человѣкомъ, еслибы я намекнулъ даже на то, кто она такая? Въ моемъ положеніи это тайна, которая, можно сказать, священна и даетъ счастье только до тѣхъ поръ, пока остается тайной.

— Другъ мой, — вскричалъ Ховревъ,— это ужь чрезвычайно любопытно. Вотъ это пунктъ! Я люблю, когда мужчины ведутъ себя подобно вамъ. Конечно, мы такъ много работаемъ, такъ страдаемъ въ борьбѣ за идею. Мужчинѣ — дорогу!

Розенкранцъ засмѣялся.

— О нѣтъ, я вовсе не принадлежу къ тѣмъ людямъ, которые позволяютъ себѣ все, а женщинъ запираютъ въ терема. Я полагаю, что женщина должна быть также свободна, какъ и мужчина; и если мы еще страдаемъ отъ женщинъ, то это потому, что до сихъ поръ сильна традиція: старый строй еще побѣждаетъ новые взгляды. Въ будущемъ, когда одинаково будутъ равны мужчины и женщины и ихъ трудъ не только будетъ цѣниться на человѣческомъ рынкѣ безпри-

Digitized by Google

страстно, но и женщинѣ откроютъ всѣ сферы дѣятельности,— отношенія между полами упростятся до неузнаваемости. Да, Андрей Яковлевичъ, вы прошли огонь, воду и мѣдныя трубы, а я этого не проходилъ, но у меня есть убѣжденія и есть тоже жизненный опытъ; я и жилъ, и путешествовалъ. Бракъ— устарѣлое учрежденіе. Какимъ образомъ беззащитное созданіе, въ родѣ Леночки, можетъ не быть женой?—разумѣется, она только жена и больше ничего. А что такое жена? — А жена—рабыня. Но представьте себѣ рабыню, у которой явились претензіи на господство, и изъ гуманности эти претензіи называешь женскими капризами, и терпишь отъ нихъ, и подчиняешься имъ! Мужъ—фактическій властелинъ, жена— фактическая рабыня; мужъ—все, жена — ничего; но, сознавая свое могущество, мужъ девять десятыхъ его отдаетъ женѣ изъ великодушія, а жена думаетъ, что эти девять десятыхъ принадлежатъ ей по праву. Когда мужъ предъявляетъ къ женѣ требованіе, какъ къ своей рабынѣ, она забываетъ, что она рабыня, и выдвигаетъ впередъ девять десятыхъ чужаго могущества, какъ будто принадлежащаго ей, а въ сущности, никогда не принадлежавшаго—отсюда всѣ столкновенія между мужемъ и женой и всѣ супружескія драмы.

— Гм! Какъ хотите, коллега,—замѣтилъ Ховревъ, — а я за терема!

— Старо, Андрей Яковлевичъ! Медленно, но упорно развивается другая форма... Если хотите, это бракъ, но только не будемъ называть его даже гражданскимъ бракомъ, потому что гражданскій бракъ отличается отъ традиціоннаго однимъ— отсутствіемъ церковнаго обряда, а во всѣхъ остальныхъ своихъ подробностяхъ онъ также мучителенъ и приводитъ часто къ такимъ же драмамъ, какъ и бракъ нашихъ бабушекъ и дѣдушекъ. Понятно, я не говорю также о той формѣ, гдѣ женщина становится еще ниже, чѣмъ жена, то есть, съ позволенья сказать, дѣлается содержанкой, нисколько не внося въ жизнь любимаго ею человѣка элемента чистоты, правды, не вліяя на его душу своей душой, а только отдавая ему свое тѣло. Это еще болѣе отживающее явленіе, чѣмъ традиціонный бракъ. Новая форма выражается въ томъ, что мужчина и женщина обыкновенно находятъ общую точку сближенія въ какомъ нибудь трудѣ, или умственномъ, или физическомъ

Digitized by Google

смотря по тому, чѣмъ они занимаются. Это сближеніе на почвѣ труда обязательно начинается со взаимнаго уваженія. Какъ я могу уважать ничтожную, безпомощную жену, на которую долженъ истощать всего себя и физически, и нравственно, и отъ которой ничего не получаю, кромѣ слезъ и упрековъ?! А съ другой стороны, какъ я могу не уважать дѣвушку, которая становится мнѣ близкой потому, что наши умственные интересы совпадаютъ, какъ двѣ линіи, наложенныя одна на другую? Если я трачу на нее свою энергію, то столько же тратитъ и она на меня... Гдѣ-то въ тайникѣ души (который занимается провѣркою нашихъ человѣческихъ счетовъ и подводитъ балансъ нашимъ отношеніямъ) мы не обижены неравностью нашихъ взаимныхъ услугъ и жертвъ. Это—союзъ, передъ которымъ бракъ кажется чѣмъ-то наивножестокимъ и безсмысленнымъ. Тамъ—стремленіе ко взаимному подчиненію, здѣсь—ко взаимной свободѣ.

— Батенька! — вскричалъ Ховревъ, — прямо это бракъ будущаго!

— Да, бракъ будущаго, если хотите, такъ какъ въ другую форму онъ ни въ какомъ случаѣ не выльется. Это единственная возможная форма брака. Живя вмѣстѣ, люди должны приспособляться характерами другъ къ другу; деспотическія натуры покоряютъ уступчивыхъ, и то единственное благо, которое дано людямъ и которое они должны беречь, какъ зеницу ока, — потому что безъ этого блага они тѣ же звѣри, взятые съ дикихъ полей и запертые въ хлѣвъ,—свобода утрачивается ими. Между тѣмъ, при условіяхъ дружбы и единенія на почвѣ труда и мысли, мужъ и жена сохраняютъ свою индивидуальность; каждый устраивается у себя какъ ему удобнѣе и выгоднѣе, и не дѣлаетъ своему другу того зла, которое не хотѣлъ бы, чтобы ему было сдѣлано. Еще вамъ скажу, что, по странному противорѣчію человѣческой природы, такой бракъ обязательно будетъ сопровождаться отсутствіемъ измѣнъ, даже у натуръ страстныхъ. Женщина въ этомъ бракѣ — не игрушка, но дѣйствительно половина души и сердца. Какъ ее забудешь хоть на короткое время!

— Те-те-те-те!—произнесъ нараспѣвъ профессоръ Ховревъ,—грѣшный человѣкъ, я игрушку предпочитаю... Игру-

Digitized by Google

шечку, коллега! А у васъ глаза разгорѣлись. Да что: обрѣли вы такую особу? Хотѣлъ бы я знать, какой у васъ общій трудъ съ нею?

— Къ сожалѣнію, я только расфантазировался, — съ улыбкой произнесъ Розенкранцъ.—Нѣтъ у меня такого друга, а правду сказать, хотѣлъ бы я найти.

— И бросили бы Леночку?

— Да, — понизивъ голосъ и поблѣднѣвъ, сказалъ Розенкранцъ.—Конечно, я продолжаю съ ней жить и буду продолжать, буду тянуть эту мучительную пытку. Однако же, это не значитъ, что сердце точно также въ кабалѣ. Нить наша порвалась. Въ старое время, можетъ быть, такой бракъ былъ бы идеальнымъ, теперь онъ уродливъ. Я хочу обновленія, ищу его! О, какъ начинаешь понимать и цѣнить свободу, когда потеряешь ее!

— „Подобна ты здоровью"...—сталъ цитировать Ховревъ Мицкевича.—А съ Ольгой Ѳедоровной—у васъ комерція ужь не поддерживается?

— Что Ольга Ѳедоровна!—пожавъ плечами, сердито сказалъ Розенкранцъ,—грубая женщина!

Ховревъ задумался объ Ольгѣ Ѳедоровнѣ и разговоръ на время оборвался.

Солнце склонилось къ закату, и его окружали розовыя тучи съ прозрачными янтарными краями. Пурпурные и золотистые тоны разлились по далекимъ рощамъ, колосящимся полямъ и яснымъ небесамъ. Тѣни отъ лошадей вытягивались длиннѣе, отбрасываемыя наискось. Поднялся вѣтерокъ, предшествующій вечерней зарѣ. Вдали показалась Борщовка.

— Да, а позвольте, коллега,—встрепенувшись, началъ Ховревъ,—какъ же быть съ дѣтьми въ новомъ бракѣ?

— Это частности,—отвѣчалъ Розенкранцъ, — много есть другихъ частныхъ вопросовъ рядомъ съ этимъ. На это я скажу только, что, по статистикѣ, черезъ какихъ нибудь двѣсти лѣтъ шаръ земной переполнится людьми,—вамъ извѣстны послѣднія вычисленія. Въ самомъ близкомъ будущемъ неумѣренное дѣторожденіе будетъ государственнымъ преступленіемъ. Вѣдь, согласитесь сами, что избіеніе дѣтей гдѣ нибудь въ Китаѣ и хроническое истребленіе младенцевъ у насъ въ большихъ городахъ,—въ воспитательныхъ домахъ

Digitized by Google

и въ разныхъ убѣжищахъ и притонахъ,—гораздо ужаснѣе и вреднѣе воздержанія отъ родительскихъ чувствъ. Вотъ разумную оцѣнку послѣдствій супружескихъ отношеній и слѣдуетъ примѣнять въ отвѣтъ на предложенный вами вопросъ о дѣтяхъ. Необходимость все сдѣлаетъ. Сдѣлала же она то, что мысль облетаетъ земной шаръ съ быстротой молніи!

— А что вы думаете объ усовершенствованныхъ воспитательныхъ домахъ?—спросилъ Ховревъ.

— Я ничего не думаю, то есть, думаю теоретически, а не практически. Поэтому я не знаю, будутъ ли они раціональны, или нѣтъ. Быть можетъ, воспитательные дома станутъ совсѣмъ немыслимы.

Онъ вспомнилъ убѣжище Дербягиной, и его всего передернуло.

— Что съ вами? Холодно вамъ?—спросилъ Ховревъ.

— Да, немножко...—отвѣчалъ Розенкранцъ.

— Странно. А все потому, что я рому не купилъ! Экъ, право, какъ же это вы мнѣ не напомнили! Ѣхали, ѣхали черезъ весь городъ! Я изъ ума выжилъ. Чортъ съ нимъ, съ будущимъ бракомъ!

Профессоръ Ховревъ сталъ жалѣть о ромѣ. Потянулась деревня съ ея кривыми улочками.

— Да это чортъ знаетъ, что такое! — кричалъ почтенный философъ.—Да какъ же это? Какъ вы думаете, найдемъ мы рому у Уржумовыхъ? Ну, что у нихъ есть? Водка, наливка, да и то едва ли. А между тѣмъ, что можетъ быть лучше? Ромъ ямайскій, чай китайскій... вечеръ майскій,—заключилъ старикъ, показавъ богатырской рукой на солнечный закатъ, раскинувшій за соломенными крышами деревенскихъ хатъ свой багровый пологъ.

XIV.

Обѣдъ въ Борщовкѣ происходилъ на террасѣ. Чтобы не безпокоило солнце, были спущены холщевые щиты. Тѣмъ не менѣе, Ольга Ѳедоровна страдала отъ жары. Дамѣ, у которой въ сорокъ лѣтъ сохранилась прекрасная часть тѣла, обыкновенно обнажаемая на балахъ, разрѣшается въ знойные дни

Digitized by Google

быть слегка декольтэ. Этимъ достигаются одновременно двѣ цѣли: доставляется нѣкоторая прохлада себѣ и нѣкоторое эстетическое удовольствіе ближнимъ. Розовая и тѣмная, въ батистовомъ пеньюарѣ, цвѣта мелкаго краснаго горошка, чуточку напудренная, Ольга Ѳедоровна производила впечатлѣніе тридцатилѣтней дамы. Полныя и красивыя руки ея отличались бѣлоснѣжностью. Иванъ Никифоровичъ посматривалъ на нее, посматривалъ на Катю и съ апетитомъ глоталъ сочные куски бифштекса.

За столомъ, на другомъ его концѣ, сидѣлъ Алексѣй Васильевичъ, усталый отъ непривычной возни съ тачкой. А кругомъ, на большихъ стульяхъ и на маленькихъ съ высокими ножками, были размѣщены дѣти въ возрастѣ отъ трехъ лѣтъ Этихъ дѣтей было неопредѣленное число; по крайней мѣрѣ, ни мать, ни тѣмъ болѣе отецъ не могли сразу сказать, сколько у нихъ дѣтей. Алексѣй Васильевичъ отвѣчалъ растяжимымъ словомъ: „много“, а Ольга Ѳедоровна устремляла глаза въ уголъ и принималась называть дѣтей по именамъ, каждый разъ загибая по пальцу: „Катя, Алеша, Варя, Сергѣй, Андрей Вѣрочка, Сеня. Сколько жъ это?“ Но едва въ умѣ складывалась сумма дѣтей, какъ, по повѣркѣ сложенія, оказывалось, что пропущена Лёля, а также не упомянутъ Антонъ. На лицо всѣ дѣти рѣдко бывали: какое нибудь дитя болѣетъ, другое гуляетъ съ няней, третье въ школѣ, четвертое такъ куда-то дѣлось, залѣзло въ бурьянъ, воображая, что оно въ лѣсу и наслаждается жизнью дикаря. Въ настоящее время, два стула тоже не были заняты. Въ виду страшной новости, которую привезъ Иванъ Никифоровичъ изъ города, на это обстоятельство было обращено вниманіе, и дѣтей искали, прежде чѣмъ сѣли за столъ, но потомъ было рѣшено ихъ не ждать. Минутъ пять поговорили о нихъ и забыли.

Какъ и слѣдовало ожидать, принимая въ соображеніе исключительную преданность профессора химическимъ интересамъ, мѣшавшую ему сосредоточить свои силы на отправленіи обязанностей отца, дѣти его были разнообразной наружности. Тутъ были и голубые глаза, и каріе, и сѣрые, и цвѣта морской волны или пороховаго дыма. Были волосы черные, льняные и каштановые; были носы длинные—артиллерійскіе, были носы, стремящіеся вверхъ—умозрительные, и

Digitized by Google

были круглые, толстые носы практическаго склада. Въ антропологическомъ отношеніи, дѣти профессора представлялись принадлежащими къ нѣсколькимъ типамъ. Когда Алексѣй Васильевичъ смотрѣлъ на нихъ, то думалъ: „сложныя, очень сложныя органическія сочетанія“.

Въ то время какъ Иванъ Никифоровичъ былъ пристрастенъ къ горькимъ травамъ и находилъ, что лукъ составляетъ украшеніе всякаго стола, старый профессоръ злоупотреблялъ сахаромъ; онъ не выносилъ соли и даже супъ ѣлъ съ сахаромъ, посыпалъ сахаромъ жаркое и глоталъ его ложечками. Странность эта заняла бы спеціалиста-врача, но изъ окружающихъ Алексѣя Васильевича всѣ ужь привыкли къ ней, и дѣти, вслѣдъ за мамой, говорили: „Папа сластёна“. Аппетитъ у Алексѣя Васильевича былъ плохой: онъ ѣлъ меньше трехлѣтняго Антона и къ концу обѣда погрузился въ странное оцѣпененіе; глаза его потускнѣли, и онъ имѣлъ видъ трупа. Ольга Ѳедоровна отвернулась отъ мужа, чтобы не потерять аппетита, а Катя стала наблюдать за отцомъ, у котораго двѣ слезинки медленно струились по щекамъ, и напрасно онъ ихъ вытиралъ салфеткой.

— Иванъ Никифорычъ, это что значитъ?—Вы еще продолжаете болѣть? — Нѣтъ, мы вамъ не позволимъ: намъ и свой паціентъ надоѣлъ. Поддерживать компанію Алексѣю Васильевичу нельзя! Кашель у васъ прошелъ, смотрите вы прекрасно, на щекахъ даже румянецъ. Вамъ ли не кушать за двоихъ? Позвольте положить еще кусочекъ. Ради Бога, не стѣсняйтесь, докажите, что вамъ двадцать шесть лѣтъ!

Ольга Ѳедоровна поспѣшила переложить съ блюда на тарелку Столбухина оставшійся, за удовлетвореніемъ дѣтскихъ аппетитовъ, большой кусокъ сочной говядины. Иванъ Никифоровичъ наотрѣзъ отказался, потомъ искоса взглянулъ на жаркое съ правой стороны, посмотрѣлъ на него съ лѣвой и, взявъ нечаянно ножъ и вилку, отрѣзалъ себѣ крошечный кусочекъ. Слѣдующій кусочекъ онъ отрѣзалъ побольше, и на его крѣпкихъ бѣлыхъ зубахъ захрустѣли жирныя прожаренныя пленки. Глаза его округлились, онъ наклонился надъ тарелкой и сталъ ѣсть съ тою жадностью, какая бываетъ только у людей, перенесшихъ болѣзнь и выздоравливающихъ. Третье кушанье было сладкое. Молодая дѣвушка поспѣшила

Digitized by Google

наложить отцу какъ можно больше, и Ольга Ѳедоровна, исчисливъ опытнымъ глазомъ, сколько еще остается на блюдѣ, укоризненно взглянула на дочь. Между тѣмъ слезы, струившіяся сначала медленно изъ глазъ Алексѣя Васильевича, полились градомъ. Онъ откинулся на спинку кресла, страшно поблѣднѣлъ и инстинктивно схватился за боковой карманъ, въ которомъ обыкновенно носилъ шагреневую коробочку со шприцомъ. Однако карманъ былъ пустъ, и это обстоятельство наполнило сердце профессора несказанной тоской.

— Что съ тобой?—спросила Ольга Ѳедоровна.—Ты чего рыдаешь?

— У тебя есть платокъ, папочка?—спросила Катя.

— Да-ай мнѣ пла-а-атокъ,—произнесъ профессоръ и вытеръ слезы Катинымъ платкомъ.

— Выпей стаканъ воды!—приказала Ольга Ѳедоровна.

Профессоръ повиновался. Ему стало легче, и онъ, оправившись, посмотрѣлъ на всѣхъ съ широкой улыбкой.

— Удивительно,—сказалъ онъ,—какія бываютъ странныя непроизвольныя явленія!

— У тебя все непроизвольно,—сказала Ольга Ѳедоровна, вставая изъ-за стола и протягивая дѣтямъ руку для цѣлованія.—Ты засидѣлся, вотъ въ чемъ бѣда. Тебѣ даже ѣсть надо на ходу. Маршъ гулять! Нѣтъ, нѣтъ, гулять! Маршъ!

Она предложила Ивану Никифоровичу и Катѣ идти на восточный склонъ горы, гдѣ больше тѣни. Иванъ Никифоровичъ считался съ нѣкоторыхъ поръ теоретическимъ кавалеромъ Кати, то-есть, по просту говоря, его прочили Катѣ въ мужья. Но когда дѣвушка такъ молода, что даже несовсѣмъ еще перестала быть ребенкомъ, вести ее подъ руку желательно, но затруднительно. Она не можетъ идти степенно, и ее стѣсняетъ непривычная близость посторонняго, не всегда вѣжливаго локтя. Въ этомъ случаѣ, не столь желательно, но гораздо удобнѣе быть практическимъ кавалеромъ мамаши. По зигзагообразной тропинкѣ магистрантъ спускался съ горы вмѣстѣ съ Ольгой Ѳедоровной, которая не церемонилась и широко пользовалась правомъ опираться на своего спутника. Она съ нимъ говорила опять о происшествіи въ Ботаническомъ саду. За ними шелъ Алексѣй Васильевичъ и выразительно смотрѣлъ на свою тираническую подругу жизни

Digitized by Google

или, вѣрнѣе, на ея спину. Ольга Ѳедоровна, почувствовавъ взглядъ мужа, вдругъ остановилась, повернула голову и строго спросила:

— Тебѣ что?

— Оленька, мнѣ ключъ!—отвѣчалъ профессоръ.

— Ты не получишь ключа.

— Помилуй, Оленька, я безъ него не могу.

— Знаю я тебя—опять станешь заниматься. Несчастный. За тобой нужно смотрѣть, какъ за мальчикомъ. Тебѣ вредно заниматься послѣ обѣда. Бери примѣръ съ Ивана Никифоровича, смотри, какъ онъ поправился! А спроси его, когда онъ лежалъ и выздоравливалъ, взялъ ли онъ хоть разъ книгу въ руки?

Магистрантъ скромно и съ достоинствомъ потупилъ глаза. Профессоръ сдѣлалъ попытку разсердиться.

— Это смѣшно, Оленька.

— Алексѣй Васильевичъ, помни!—произнесла Ольга Ѳедоровна и, отвернувшись, продолжала свой путь.

— Что помнить?—спросилъ профессоръ. — Удивительно неопредѣленный способъ угрозъ. Вѣдь я же глава въ домѣ! Нѣтъ, я такъ этого не позволю; я не могу долго терпѣть, не стану терпѣть!—Онъ съ глубокимъ отчаяніемъ посмотрѣлъ настоявшую возлѣ него Катю.

— Твоя мать,—сказалъ онъ,—обращается со мной жестоко. Я не въ состояніи уже больше выдерживать. Я не рабъ, я свободный человѣкъ; я могу дѣлать все, что хочу. Катя, кто мнѣ можетъ запретить? Нѣтъ, пора сбросить съ себя это ярмо! Я, я... Катя, мнѣ тяжело... Я боленъ, Катя...

Онъ вдругъ припалъ на грудь дочери, и она услышала, первый разъ въ жизни, громкое рыданіе мужчины; а такъ какъ этотъ мужчина былъ ея отецъ, то впечатлѣніе получилось вдвойнѣ сильное. Она обняла отца и старалась утѣшить его поцѣлуями.

— Папаша! Успокойтесь, милый папаша! Это просто сильный припадокъ, не правда ли? самый сильный, какой только у васъ былъ. Чѣмъ вы больны, папаша?

— Я боленъ,—началъ онъ,—чхи-чхи!—Онъ чихнулъ подъ рядъ множество разъ. Это было чиханье болѣзненное, отъ

Digitized by Google

котораго онъ ослабѣлъ, такъ что уже не могъ стоять, а, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ въ сторону, сѣлъ на траву.

— Папаша, что за звѣрскій насморкъ!

— Нѣтъ, мой другъ, — отвѣчалъ профессоръ, — это не насморкъ, а просто ослабленные рефлексы. Дѣло въ томъ, что уже прошло пять часовъ. Катя, милая! — онъ поймалъ руку дѣвушки и сталъ покрывать ее холодными, какъ ледъ, поцѣлуями. — Катя, — началъ онъ съ необыкновенной убѣдительностью, и въ голосѣ его продолжали слышаться еще рыданія: — достань мнѣ ключъ отъ кабинета! умоляю тебя, Катя! Тамъ въ столѣ шагреневая коробочка... Слушай вотъ что, — съ оживленіемъ заговорилъ онъ шопотомъ, а глаза его вдругъ высохли и въ нихъ сверкнулъ сладострастный огонекъ: — умѣешь ты лгать?

— Папаша!

— Да солги, какъ можно искреннѣе! Дитя мое, обманывать вовсе не такъ дурно, какъ кажется! Итакъ, спустись къ матери и попроси у нея ключъ на пять минутъ. Ты скажешь, что я потерялъ свои сигары и необходимо взять мнѣ изъ кабинета. Это будетъ наша тайна съ тобою!

Онъ еще разъ съ мольбою посмотрѣлъ на Катю; а она, испуганная поведеніемъ отца, не стала терять время на разговоры, вскочила съ мѣста и побѣжала, ныряя межъ кустовъ, какъ бѣлка.

Скоро она возвратилась съ ключемъ въ рукѣ. Можно было подумать, что профессоръ получилъ электрическій ударъ; онъ поднялся и съ энергіей пошелъ вслѣдъ за дочерью, оглашая садъ громкимъ чиханьемъ. Въ кабинетѣ онъ дрожащими руками произвелъ чудодѣйственный уколъ, спряталъ въ карманъ шагреневую коробочку и пузырекъ съ разведеннымъ морфіемъ, и улыбнулся Катѣ своей спокойной стереотипной улыбкой съ видомъ человѣка, изъ котораго вынули испорченныя колеса и пружины и замѣнили ихъ новымъ искусственнымъ механизмомъ.

— Теперь, Катя, мы можемъ вернуться въ садъ, — сказалъ профессоръ, потягиваясь.

Дочь смотрѣла на него: онъ преобразился со сказочной быстротой.

Digitized by Google

— Папаша, растолкуйте мнѣ, что̀ это такое... это лѣкарство какое нибудь?

Профессоръ произнесъ:

— Катя, это мой единственный другъ, мой единственный товарищъ! Онъ даетъ мнѣ высшее наслажденіе, одушевляетъ меня, бодритъ мой умъ, дѣлаетъ нечувствительнымъ бремя жизни. Я одинокъ, а онъ утѣшаетъ меня въ моемъ одиночествѣ. Онъ вливаетъ въ меня силы, и,—увѣряю тебя,—только благодаря ему, я открою законъ, который покажетъ истинное расположеніе элементовъ по періодамъ.

Радостный, свѣжій и совершенно здоровый, вышелъ изъ кабинета Алексѣй Васильевичъ. Катя сопровождала его.

— Папаша, хотѣлось бы и мнѣ испытать великія силы!

— Боже тебя сохрани! Твой философскій умъ не вынесетъ!

— Нѣтъ, папаша, вы ошибаетесь, что у меня философскій умъ. Честное слово, что я никакъ не могу понять, что̀ значитъ: „вещь сама въ себѣ“. Профессоръ Ховревъ всегда говоритъ: „вещь сама въ себѣ“, а я не понимаю, хоть убейте.

— Я не знаю послѣ этого, какой же у тебя умъ,—сказалъ профессоръ, глядя на синій дымокъ своей сигары.

— У меня, папаша, умъ артистическій: я на все смотрю съ точки зрѣнія гармоніи. Мнѣ, напримѣръ, непріятно видѣть эти облака, потому что они уродливой формы; я бы сейчасъ взяла и все передѣлала по своему, чтобы было стройно и красиво.

— Красивѣе и стройнѣе химическихъ тѣлъ нѣтъ ничего въ мірѣ! Въ химіи все пропорціонально, изящно и, можно сказать, созвучно. Я бы могъ быть музыкантомъ, еслибы не былъ химикомъ! Можешь продолжать, Катя.

— Ну, вотъ я такъ и думаю, папаша, что если я не понимаю вещи въ самой себѣ и не въ состояніи выговорить ни одного мексиканскаго слова, а мнѣ вотъ не нравится, что здѣсь лиловенькіе цвѣточки растутъ рядомъ съ голубенькими, то не начать ли мнѣ артистическую карьеру?

— Что это значитъ?—озабоченно спросилъ профессоръ.

— А то, папаша, что мнѣ шестнадцать лѣтъ и, хоть я кончила гимназію съ золотою медалью, но меня мало привлекаютъ высшіе женскіе курсы, на которые вы совѣтовали

Digitized by Google

поступить. Мнѣ жаль тратить четыре года на изученіе мексиканской филологіи или на погруженіе въ сущность вещей. По всей вѣроятности, многія мои подруги чрезвычайно какъ успѣютъ въ томъ и другомъ. Но что до меня, то я боюсь, что всѣ мои мечты разлетятся, какъ дымъ, лишь только увижу я опять черную доску съ алгебраическими знаками.

— Ты говоришь странныя вещи, Катя,—сказалъ профессоръ.—Я не понимаю, въ концѣ концовъ, чего ты хочешь? Не хочешь ли ты замужъ?

— О, папаша, какъ вамъ не стыдно!—вскричала молодая дѣвушка.—Какимъ вы голосомъ предложили свой обидный вопросъ! Неужели же вы могли подумать?.. Нѣтъ, у меня совсѣмъ другіе планы, и артистическая карьера, о которой я брежу, не имѣетъ ничего общаго съ бракомъ. Да и за кого мнѣ выходить?

Она обернулась, сосредоточенно посмотрѣла въ ту сторону сада, гдѣ можно было предполагать присутствіе Ольги Ѳедоровны и ея спутника, и произнесла:

— Разумѣется, папаша, все, что̀ я говорю здѣсь, должно составлять такую же непроницаемую тайну, извѣстную только намъ двоимъ, какъ и ваша шагреневая коробочка...

— Конечно, Катя. Я даю тебѣ слово. Ты можешь на меня положиться.

Профессоръ протянулъ молодой дѣвушкѣ руку.

— Вѣрю вамъ, папаша. Поэтому, если я вамъ не мѣшаю думать о вашемъ великомъ законѣ, то возвратимся къ прерванной темѣ.

Профессоръ стереотипно улыбнулся.

— Пожалуйста, говори. Это не помѣшаетъ мнѣ. Я буду думать своимъ порядкомъ.

— И не будете слушать?

— Не безпокойся,—любезно промолвилъ профессоръ.—Кое-что услышу.

Молодая дѣвушка замолчала. Въ самомъ тѣнистомъ мѣстѣ аллеи стояла скамейка: Алексѣй Васильевичъ ощутилъ потребность сѣсть и предаться химическимъ думамъ. Располагая элементы по періодамъ, онъ продолжалъ внимательно смотрѣть на Катю, словно она говорила, а онъ слушалъ. Ободъ-

Digitized by Google

ренная этимъ, а также побуждаемая врожденною словоохотливостью, Катя не выдержала и начала:

— Надо вамъ знать, папаша, что артистическая карьера бываетъ разная. Можно отдаться музыкѣ! Я играю, говорятъ, недурно. Совершенствуясь, можно достигнуть большаго искусства, такъ что я могла бы поѣхать въ консерваторію, московскую, петербургскую или вѣнскую, и черезъ пять-шесть лѣтъ сдѣлаться одной изъ музыкальныхъ звѣздъ. Это, папаша, ужасно пріятно, когда тысячная толпа изъ-за тебя не смѣетъ дышать отъ восторга, и ты чувствуешь, что каждый клавишъ ударяетъ по самымъ тонкимъ струнамъ сердца. А потомъ—восторги, овація; вездѣ твои портреты и, когда входишь куда нибудь, на тебя начинаютъ смотрѣть, и слышится шопотъ: „Уржумова, Уржумова!“ Затѣмъ, милый папаша, пріятно еще писать стихи и романы. Я сижу въ своемъ кабинетѣ и—вдругъ въ немъ цѣлый міръ. Я одарена какою-то высшею силою, потому что,—представьте, папаша,—создаю города, роскошные пейзажи, храмы, дворцы, населяю ихъ людьми, какими хочу, добрыми и злыми, красивыми и безобразными, распоряжаюсь ихъ участью, награждаю ихъ, наказываю; люблю и презираю. Я—царица, папаша, даже больше царицы, потому что ни одна изъ нихъ не можетъ создать себѣ царство изъ ничего. Созданная мною жизнь,—замѣтьте себѣ это, папаша,—не есть сколокъ съ дѣйствительности, а устроена гораздо красивѣе. Краски въ ней ярче, и черныя и свѣтлыя, и получаются созвучные контрасты... Ахъ, Боже мой, какъ должно быть хорошо творить! Если мѣшаетъ тебѣ солнце, ты его потушишь—только дунешь, потому что тебѣ Богъ далъ могучее дыханіе. А ежели очень темная ночь, ты протянешь только творческую руку, и уже блеститъ въ синемъ небѣ серебряная луна... Да вы слышите ли, папаша?.. Папаша!

Она потрясла профессора за руку. Онъ очнулся и въ отвѣтъ кивнулъ головою.

— Да, мой другъ.

— Мнѣ кажется, папаша, что вамъ гораздо пріятнѣе думать о химіи, чѣмъ слушать мой несбыточный бредъ.

— Иногда, милая Катя, ты способна дѣлать весьма вѣрныя предположенія,—сказалъ профессоръ.

— Я такъ и знала! — со смѣхомъ вскричала Катя.—

Digitized by Google

Дорогой папаша, позвольте, я васъ поцѣлую! Мнѣ начинаетъ сдаваться, что между вашимъ химическимъ умомъ и моимъ артистическимъ есть что-то общее.

Профессоръ сдѣлалъ протестующій жестъ плечами, высоко поднявъ брови.

— Не спорьте, папаша, я это чувствую инстинктомъ. Вотъ почему, можетъ быть, мнѣ тоже когда нибудь придется прибѣгнуть къ вашему бѣлому порошку.

— Глупо, Катя,—сердито промолвилъ профессоръ.—Не смѣй объ этомъ никогда говорить и думать. Я уже старъ и мнѣ можно возбуждать себя искусственными средствами ради идеальныхъ цѣлей. Но тебѣ? Развѣ ты не видѣла, что со мною дѣлалось, какъ я страдалъ оттого, что во-время не влилъ въ себя яда? Ты увянешь прежде времени и твой мозгъ окончательно сдѣлается философскимъ.

— Вы еще недавно, папаша, такъ хвалили этотъ ядъ, какъ вы его теперь называете, и считали единственнымъ другомъ своимъ!

— Я одинокъ и мнѣ уже немного остается жить, самое большое—десять лѣтъ. У меня одинъ маштабъ, у тебя другой. Приказываю тебѣ положительно прекратить вздорный разговоръ.

— Пожалуйста, папаша, не думайте, что я такъ ужь и плѣнилась сразу вашимъ единственнымъ другомъ!—воскликнула Катя, припадая къ его плечу.—Но только я не знаю, чего бы не сдѣлала, чтобы обладать великими силами, о которыхъ вы говорили. Крыльевъ мнѣ... сильныхъ, крѣпкихъ крыльевъ! Хотѣли бы вы, папаша, чтобы у васъ были крылья и чтобы вы могли летать, какъ вотъ тотъ коршунъ, и со страшной высоты смотрѣть на землю?

— Сегодня ты въ особенномъ ударѣ говорить пустяки,— сказалъ Алексѣй Васильевичъ, вперяя на секунду взоръ въ коршуна, который рѣялъ высоко надъ нимъ въ просвѣтѣ, образуемомъ вершинами старыхъ кленовъ.

Между тѣмъ, странное волненіе охватывало дѣвушку. Она начинала дрожать, какъ въ лихорадкѣ, щеки раскраснѣлись и глаза горѣли. Профессоръ пристально взглянулъ на дочь и пощупалъ у нея пульсъ.

— Не больна ли ты?—спросилъ онъ.

Digitized by Google

— Совершенно здорова!—отвѣчала Катя. — Конечно, я совершенно здорова! Но только позвольте мнѣ, папаша, сдѣлать вамъ еще нѣсколько очерковъ артистической карьеры, которая далеко не исчерпывается музыкой и поэзіей. Можете даже не слушать, Богъ съ вами,—я буду воображать, будто вы слушаете. Есть еще, папаша, театръ...

Она долго и страстно описывала наслажденія, которыя,—какъ она была въ этомъ увѣрена,—доставляетъ сцена артистической душѣ.

— Ахъ, папаша! Представьте себѣ только, что въ театрѣ тысячная толпа. Сколько разнородныхъ душъ! Нѣжныя, злыя, мелкія, глубокія, добрыя, эгоистичныя, преступныя, невинныя,—всякія души, папаша. Между ними нѣтъ ни малѣйшаго согласія, это хаосъ! И вдругъ я выхожу, однимъ мановеніемъ руки покоряю толпу, велю ей быть согласной, заставляю плакать, страдать благороднѣйшими страданіями. Боже, какая власть, сколько силы! Души слились въ одинъ восторгъ. Толпа стонетъ отъ счастья—и я сама счастлива... Да развѣ можно сравнить это съ вашей химіей?

Профессоръ смотрѣлъ на дочь и, по временамъ, ему казалось, что она сама молчитъ и лишь шевелятся ея пунцовыя губы, да, какъ жемчугъ, блестятъ зубы, когда она улыбается. Онъ погрузился въ свой міръ, населенный другими образами, простыми и почти лишенными свойствъ вещества, состоящими изъ взаимныхъ отношеній и отвлеченныхъ знаковъ, и до ушей его не долетали звуки изъ другаго міра, въ которомъ жила его дочь.

Какъ два маньяка, сидѣли они на скамейкѣ подъ густолиственными кленами.

І. Ясинскій.

(Продолженіе будетъ).

Digitized by Google

МИГЪ СМЕРТИ.

Его агонія мучительна была.
На мигъ онъ засыпалъ, но въ кроткія мгновенья,
Года, мелькавшіе безъ мѣры, безъ числа,
Томили бурей сновидѣнья!..
Казалося—мятежная душа
Стремилася покинуть плоть, какъ бремя,
Безъ устали куда-то вдаль спѣша,
Забывъ и прахъ, и помыслы, и время!
Мечта рождала новую мечту,—
Видѣнія изъ мрака выплывали,—
И темь души все глубже раскрывала,
Какъ звѣзды, высоту!
Смѣнялся страхъ надеждою,—и вдругъ
Отчаянье зіяло, какъ могила.
Надежды таяли, какъ блѣдный дымъ кадила...
Въ устахъ смолкалъ послѣднихъ жалобъ звукъ
И сердце ужасовъ просило!
Какъ въ дикой радости непобѣдимыхъ силъ,
Онъ въ ужасахъ восторги находилъ,—
И страхъ томилъ, какъ наслажденье...
Онъ зналъ, что этотъ страхъ—мигъ смерти, можетъ быть,
Что сердце, полное безумнаго волненья,
Порвется—и порветъ, какъ прялка, жизни нить,
Что тамъ—за ужасомъ... забвенье!..

К. Фофановъ.

Digitized by Google

АРАБСКОЕ ГНѢЗДО.

(Изъ воспоминаній о поѣздкѣ въ Кордову).

IV.

Я уже говорилъ, что ни одинъ городъ въ Испаніи не представляетъ такого поразительнаго паденія, какъ Кордова. Весь Пиренейскій полуостровъ, кромѣ Каталоніи и Бискайи, стремительно идетъ къ полному обнищанію и вымираетъ, но въ этой нѣкогда цвѣтущей и поэтической столицѣ халифовъ — разореніе и безлюдье поражаютъ даже послѣ Алкала-де-Хенареса, Толедо, Вальядолида и другихъ запустѣвшихъ городовъ. Я вышелъ на улицу—съ замирающимъ сердцемъ. Передо мною возникали въ яркихъ образахъ, въ дивныхъ поэтическихъ ореолахъ легенды далекаго прошлаго. Меня окружало точно марево,—и какъ будто для того только, чтобы дѣйствительность нынѣшняго дня еще рѣзче поразила меня. Пустынная улица! Солнце сверкаетъ, бѣлыя стѣны домовъ горятъ, точно раскалившіяся—но ни души около... Слышится говоръ фонтановъ, сквозь изящныя желѣзныя рѣшетки ласкаетъ и въ то же время дразнитъ взглядъ пышная зелень банановъ, лавро-розъ и какихъ-то другихъ, совсѣмъ уже невѣдомыхъ мнѣ растеній. За желтыми тонкими занавѣсями въ окнахъ чудятся чернокудрыя головки съ пылающими глазами—но эта неподвижность кругомъ начинаетъ гнести, какъ бремя, лежащее надъ вами... Хочется крикнуть—не отзовется ли чья нибудь живая душа... Хоть бы собака пробѣжала. Не вымеръ же этотъ городъ?.. И гдѣ чудные арабскіе дворцы, гдѣ знаменитыя мечети, базары, сады? Рука времени, а—главное—грубость испанскихъ завоевателей и невѣжество монаховъ уничтожили все, что благородные мавры оставили въ наслѣдство готамъ. Вонъ площадь, гдѣ когда-то, въ кольцѣ мраморныхъ арабскихъ галерей, ученые читали подъ открытымъ не-

Digitized by Google

бомъ внимательной толпѣ—на этихъ самыхъ плитахъ потомъ Филиппъ II жегъ потомковъ властителей Кордовы. Тутъ вотъ стоялъ дворецъ Али-Мансура. Великому инквизитору прелесть его показалась бѣсовской, и онъ приказалъ снести прочь изумительное сооруженіе... А вонъ улица, гдѣ когда-то жили кордуанскіе вельможи Абдеррахмана. Пройдите по ней. Пыль лежитъ бѣлымъ слоемъ. Направо и налѣво жалкіе облупившіеся дома, маленькіе, приземистые, какъ Санчо Панса. Ни одной арки, ни одной колонны. Все истреблено, разрушено, уничтожено дотла; зато на мѣстѣ полуволшебныхъ палаццо торчатъ бѣлыя мазанки, къ которымъ кое-гдѣ прибитъ и красуется до сихъ поръ щитъ съ гербомъ забытаго міромъ и исторіей конквистадора. Даже рѣшетки въ окнахъ здѣсь покривились, черепица съ крышъ обвалилась. И опять эта тишина, это гнетущее душу безлюдье... Опять переулки за переулками, улицы за улицами. Точно какой-то тяжелый сонъ охватываетъ мысль, голова перестаетъ работать; только ноги движутся, да сердце щемитъ по старымъ былямъ...

Слава Богу...

Наконецъ, судьба посылаетъ живую душу...

Это—какой-то мальчуганъ съ такимъ характернымъ арабскимъ лицомъ, которое доказательнѣе всякой справочной книжки говоритъ вамъ о крови, оставленной маврами въ жилахъ нынѣшнихъ обладателей Кордовы.

— Buenas dias!—привѣтствую я его.

Онъ моментально протягиваетъ руку.

Я ему кладу на нее реалъ.

Мальчуганъ недовѣрчиво посмотрѣлъ на него, попробовалъ зубами, швырнулъ о земь—и только увѣрившись, что серебро настоящее, развязно проговорилъ: gracias.

— А что я долженъ сдѣлать за это?—вдругъ опомнился онъ съ дѣловымъ видомъ.

— Во-первыхъ, сказать мнѣ, какая это улица.

— Это... это Санъ-Лоренцо.

— А куда я попаду по ней?

— Въ iglesia (церковь) Санъ Лоренцо.

— Что же она... Хороша эта церковь?—спросилъ я, боясь, чтобъ мальчишка не счелъ разговоръ покончennымъ и не удралъ.

— Еще бы. Когда меня въ ней крестили!

Передъ этимъ аргументомъ я устоять не могъ.

— Ну, покажи ее мнѣ.

Мальчикъ гордо заломилъ свой беретъ на затылокъ, всунулъ руки въ прорѣхи штановъ (карманы—по его словарю) и, предусмо-

Digitized by Google

тительно засунувъ реалъ за щеку, зашагалъ дальше, стараясь подымать какъ можно болѣе пыли ногами. Очевидно, ему нравилось шествовать въ облакѣ! С. Лоренцо—несомнѣнно осколокъ арабской мечети. Эта колокольня, четырехъугольная—построенная, какъ всѣ хиральды, съ галерейкой наверху, и массивная, слѣпая внизу—этотъ могучій корпусъ зданія, очевидно. освѣщавшійся сверху—сложены не готами и не кастильцами!..

— Хотите еще посмотрѣть домъ Хозе Рея?

— Это еще что такое?

— Э! Какъ что? Всѣ англичане смотрятъ!

Аргументъ былъ неотразимъ.

Домъ Хозе Рея тоже когда-то былъ уголкомъ арабскаго дворца. Эти тонкія колонки, узорчатыя стѣны—слишкомъ изящны для испанца. Только вверху, въ раковину надъ окномъ, грубый готъ посадилъ еще грубѣе отесаннаго «святаго», судя по каменному сіянію вокругъ его головы. На площади пробивается трава. Кругомъ пустырь.

— Эта не простая площадь!

— А какая же?

— Здѣсь плачутъ мавры.

— Какіе?

— А тѣ, что по ночамъ выходятъ изъ могилъ. Выдутъ, сядутъ въ кружокъ и плачутъ.

— Чего же имъ плакать?

— Да какъ же. Неужели же радоваться—если ихъ здѣсь жгли.

— И здѣсь тоже?

— У насъ,—гордо проговорилъ мальчишка,—у насъ не какъ у другихъ. Въ Кордовѣ ихъ, проклятыхъ, жгли на всѣхъ площадяхъ. И жидовъ тоже.

Я невольно покачалъ головою. Это говорилъ несомнѣнный потомокъ мавра. Не могли обманывать эти миндалинами прорѣзанные глаза, смуглое лицо, носъ, загибавшійся внизъ. Я было ему хотѣлъ нѣсколько пояснить его генеалогію, чтобы онъ уже не слишкомъ бранилъ мавровъ, но во-время удержался.

— Если вы мнѣ дадите еще реалъ—я вамъ покажу то, чего вы никогда и не видывали.

— Напримѣръ?

Лицо маленькаго плута приняло необыкновенно серьезное выраженіе.

— Домъ индійца.

— Что?

— Домъ индійца! Индіецъ тамъ жилъ когда-то...

Digitized by Google

— Какой индіецъ?

— Какіе бываютъ индійцы!.. Развѣ я знаю.

— Покажи, покажи.

Такими же пустынными улицами мы добрались до небольшой площади... Если тутъ и жилъ индіецъ, то несомнѣнно—въ домѣ, уцѣлѣвшемъ отъ мавровъ. Вокругъ оконъ и воротъ разбѣгаются арабески—одна изящнѣе другой. Ниши отдѣланы тоже несомнѣнно арабскою лѣпною работою. У дверей мраморная доска и на ней надпись «*indiano*».

— Куда же дѣлся этотъ индіецъ?

— Извѣстно куда... Теперь черти варятъ изъ него пучеро.

— Что?

— Пучеро варятъ... Тамъ, въ аду, есть такіе громадные котлы, и въ нихъ кипитъ и день, и ночь оливковое масло—а въ этомъ оливковомъ маслѣ, какъ горохъ-чичо, варятся невѣрные. У котловъ стоятъ черти съ длинными вилами, вытащатъ одного—въ бокъ его проткнутъ, подержатъ, подержатъ надъ котломъ; бываетъ и такъ, что въ огонь его сунутъ—онъ и загорится пламенемъ—и кричитъ... А потомъ они его опять въ масло. Кипи-де.—И сколько ихъ ни варятъ—все они живые.

— За что же? Можетъ быть, они были добрые люди?

— Нашъ капелланъ говоритъ, что невѣрные не могутъ быть добрыми людьми...

Я хотѣлъ проникнуть во внутрь indiano—но это оказалось невозможнымъ. Пришлось полюбоваться имъ снаружи. Впослѣдствіи я узналъ, что тутъ жилъ долгое время потомокъ Монтезумы, злополучнаго императора Мексики. Онъ почти никуда не выходилъ изъ своего дома, предпочитая меланхолическое уединеніе своего замка шуму ненавистныхъ ему испанскихъ улицъ. Преданіе говоритъ, что онъ, вмѣстѣ со своимъ предкомъ, часто являлся по ночамъ вонъ въ томъ угловомъ окнѣ. Но съ тѣхъ поръ какъ Мексика отпала отъ Испаніи—видѣнія уже не показываются здѣсь!..

Мальчуганъ показалъ мнѣ еще Cara del Duende—до сихъ поръ вѣрную своимъ арабскимъ воспоминаніямъ. Христіане только выбѣлили этотъ прелестный дворецъ и вмѣсто заложенной ими кирпичемъ мавританской арки—налѣпили надъ окномъ какой-то глупый треугольникъ. Зато открытая галерея вверху цѣла; кажется, подъ ея сводами вотъ-вотъ покажутся закутанные въ бѣлый шолкъ важные мавры или мелькнетъ легкое покрывало мусульманской красавицы, вышедшей сюда подышать прохладой. Здѣсь некуда уйдти отъ этихъ воспоминаній. Они всюду слѣдуютъ за вами, и они-то именно придаютъ такую грустную красоту этому павшему

Digitized by Google

городу. Они теплятся надъ нимъ, какъ золотистый отсвѣтъ заката, еще мерещатся надъ башнями и колокольнями, когда солнце уже ушло, и его не видно на небосклонѣ. Какою, напримѣръ, трогательною грустью вѣетъ на васъ хотя бы отъ пальмы Абдеррахмана. Можетъ быть—да и навѣрное—отъ настоящаго спутника халифа не осталось и слѣда, и только легенда называетъ эту пальму деревомъ халифа, но это все равно. Вы хотите вѣрить, и вѣрите.

Я не сантименталенъ—но не могъ проходить мимо безъ волненія.

Халифъ Мерванъ сирійскій былъ убитъ въ бою Абдулъ-Аббасомъ, который тотчасъ же приказалъ своимъ намѣстникамъ во всѣхъ областяхъ Сиріи и Египта—истребить всю родню покойнаго—всѣхъ Омміадовъ, такъ чтобы объ нихъ забыли даже «преданія». Преслѣдованіе шло столь жестоко, что пѣвца Керимъ-Альгарафа казнили за то, что въ Алеппо онъ спѣлъ разъ какую-то былину объ Омміадахъ. Дядя Абулъ-Аббаса,—притворившись сторонникомъ несчастной и гонимой семьи—созвалъ къ себѣ на пиръ всѣхъ ея членовъ, находившихся въ Дамаскѣ. Омміады всегда отличались довѣрчивостью, они приняли приглашеніе и явились. Но среди пира Абдуллахъ (хозяинъ) вышелъ, и тотчасъ же со всѣхъ сторонъ въ залу ворвались воины. У Омміадовъ не было даже оружія. Они были перерѣзаны всѣ. Случайно одинъ только не могъ принять приглашенія и оставался дома. Узнавъ объ участи, постигшей его родичей, онъ бросился въ Египетъ—но тамъ уже были предупреждены, и несчастнаго Абдеррахмана ждали убійцы. Онъ уцѣлѣлъ только потому, что усталъ, дорожная грязь настолько измѣнила принца, что его никто не узналъ. Изъ Египта онъ перебрался въ варварійскія владѣнія и долго блуждалъ по пустынямъ Марокко—никѣмъ не знаемый, жалкій, бѣдный, какъ послѣдній бедуинскій байгушъ. Разъ у него вышелъ весь хлѣбъ, конь его палъ наканунѣ, воды не было. Абдеррахманъ понялъ, что смерть уже идетъ къ нему, и, сѣвъ въ раскалившійся песокъ пустыни, обратилъ свой взглядъ на востокъ, гдѣ во всей прелести счастливыхъ воспоминаній лежала утраченная имъ навсегда Сирія. Солнце заходило—въ цѣломъ морѣ огнистаго блеска. Чистыя небеса Африки разстилались надъ готовившимся къ смерти изгнанникомъ. Преданіе говоритъ, что въ безъисходной тоскѣ онъ уже опустилъ лицо въ песокъ—какъ вдругъ вдали показался отрядъ какихъ-то всадниковъ. Они приблизились къ Абдеррахману.

— Кто ты?—спросилъ его сѣдобородый шейхъ, шагая впередъ.

— Послѣдній изъ Омміадовъ.

Digitized by Google

Шейхъ соскочилъ съ коня, бросился къ нему — обнялъ его и произнесъ при этомъ;

— Я счастливъ, что могу послужить тому, о судьбѣ котораго плачутъ всѣ народы востока!.. Абдеррахманъ!—все, что принадлежитъ мнѣ—твое. Встань и будь твердъ. Помни, что пока еще жизнь не отнята у человѣка—онъ можетъ самъ вернуть все. Передъ тобою за моремъ лежитъ богатая и счастливая страна. Тамъ—всякій, въ комъ бьется львиное сердце, находитъ или смерть, или славу... Поѣзжай туда, отыми у готовъ еще одну область, и ты возстановишь въ потомкахъ твоихъ племя злополучныхъ Омміадовъ еще пышнѣе и ярче, чѣмъ оно было при твоихъ могущественныхъ предкахъ.

Абдеррахманъ нашелъ множество партизановъ. Шейхи Андалузіи покровительствовали ему. Въ 756 году онъ высадился въ Испаніи—съ боя занялъ Кордову, основалъ тамъ могущественный халифатъ, и недавно полуумиравшій отъ голода изгнанникъ сдѣлался однимъ изъ блистательнѣйшихъ халифовъ на Пиренейскомъ полуостровѣ. При немъ именно началось то умственное движеніе, о которомъ я говорилъ въ прошлой главѣ. Онъ неутомимо воздвигалъ университеты и академіи, основывалъ книгохранилища, посылалъ пословъ за рѣдкими рукописями во всѣ страны востока и Европы. Не жалѣя издержекъ, приглашалъ къ себѣ великихъ ученыхъ того времени. Не обращая вниманія на алкоранъ, самъ пламенный сторонникъ Аристотеля—онъ сдѣлалъ чтеніе его обязательнымъ даже въ медресе, находившихся при мечетяхъ. Науки и искусства развивались съ невиданною быстротою, началась разработка рудъ, родилась подъ его покровительствомъ въ кордуанскомъ университетѣ химія, въ авильскомъ—алгебра. Металлургія двинулась впередъ, такъ что потомъ, уже въ теченіе тысячелѣтія, люди ничего не могли придумать новаго въ этомъ отношеніи. Краснорѣчіе кордуанскихъ ораторовъ славилось во всемъ мусульманскомъ мірѣ; музыкѣ Абдеррахманъ покровительствовалъ, называя пѣсню «слезами труда и несчастія». Изгнанникамъ всѣхъ странъ и народовъ былъ открытъ у него и столъ, и домъ. Жестокій съ бунтовщиками, неумолимый къ тѣмъ, кто шелъ противъ его воли, онъ на высотѣ могущества не могъ позабыть, что когда-то самъ блуждалъ въ пескахъ африканскихъ пустынь, гонимый и безпріютный. Достаточно было изгнаннику добраться до его границъ—какъ всякій его подданный обязанъ былъ помочь несчастному добраться и до Кордовы, гдѣ его ждало гостепріимство халифа.

Между прочими нововведеніями Абдеррахмана надо упомянуть

Digitized by Google

и о садахъ. Въ Сиріи садоводство стояло на высокой степени; халифъ призвалъ оттуда садовниковъ и приказалъ имъ создать такое же въ Кордовѣ. Скоро она вся покрылась садами. Но любимымъ деревомъ халифа, которое онъ первымъ выростилъ въ Кордовѣ, была пальма. Она ему напоминала далекую родину; сидя подъ нею, онъ мечталъ о Дамаскѣ, о домѣ, гдѣ родился, о дорогихъ и милыхъ людяхъ—увы! павшихъ подъ ножами убійцъ, остальныхъ замученныхъ Абулъ-Абассомъ. Пальма была для него здѣсь дороже всего, и часто визири, являвшіеся сюда, заставали грознаго халифа плачущимъ подъ нею... Вотъ стихотвореніе, вошедшее цѣликомъ въ испанское романсеро и приписываемое халифу. Говорятъ, что Абдеррахманъ написалъ его самъ по арабски, и оно, вытканное золотомъ по шолку, висѣло у него во дворцѣ. Испанскіе поэты перевели его. Въ романсеро оно такъ и называется «жалобой Абдеррахмана».

Печально гляжу я на тебя, гордая сирійская пальма,
Бросающая тѣнь въ садахъ Норіи.
Нѣжно склоняется главой цвѣтущій вѣнецъ
Подъ благовоннымъ дыханіемъ вѣтерка Альгаріи...
Я навсегда изгнанъ отъ твоихъ сестеръ!
И безпрестанно ты напоминаешь моему тоскующему сердцу,
Что, какъ и ты съ ними, я здѣсь разлученъ съ братьями,
Что, какъ и ты, я никогда не увижу покинутаго мною неба.
Мы съ тобою затерялись на чужбинѣ...
Ты безмолвно понимаешь мое горе,
И когда легкій дождикъ падаетъ на тебя—
Мнѣ кажется, что это съ листовъ твоихъ капаютъ твои слезы.
Но какова бы ни была твоя судьба, на безпріютной чужбинѣ—
Никогда не узнать тебѣ, какія жестокія муки
Испытываетъ въ Альгуфіи ужь двадцать лѣтъ
Бѣглецъ, избѣжавшій меча Абассидовъ!..

Какъ задумчиво рисовалась эта одинокая пальма Абдеррахмана на темносинихъ безоблачныхъ небесахъ Кордовы. Какъ и при халифѣ, ея корона чуть-чуть склонялась подъ тихимъ дыханіемъ вѣтра, напоеннымъ ароматомъ лимонныхъ и апельсинныхъ цвѣтовъ. Она одна была здѣсь, одна, какъ и ея другъ, создавшій могущественнѣйшій халифатъ Испаніи—и все же такъ глубоко чувствовавшій тоску по далекой и еще болѣе знойной родинѣ!

Нигдѣ безлюдье Кордовы не было такъ кстати, какъ здѣсь, передъ этой изгнанницей Востока и Африки, —я долго смотрѣлъ на нее, уносясь мыслью въ далекое прошлое, какъ вдругъ позади послышался тихій голосъ.

Digitized by Google

— Сеньоръ-кавальеро, вѣрно, иностранецъ?

— Да!..—Я приподнялъ шляпу. Передо мною стоялъ высокій и худой старикъ съ пристальнымъ взглядомъ не потерявшихъ еще своего юношескаго блеска глазъ.

— Не англичанинъ, нѣтъ?—утвердительно продолжалъ онъ.

— Русскій...

Старикъ отступилъ, осмотрѣлъ меня съ ногъ до головы и приподнялъ шляпу.

— Я вижу перваго русскаго во всю мою жизнь... Нашу Кордову мало посѣщаютъ ваши соотечественники. Если я могу быть чѣмъ нибудь вамъ полезенъ...

И онъ протянулъ мнѣ свою карточку.

Я прочелъ: «Benito de Zaratanos».

«Ужь не гидъ ли»? пришло мнѣ въ голову... Я до смерти боюсь этихъ піявокъ, портящихъ всю поѣздку. Присутствіе гида—на самыя яркія и поэтическія впечатлѣнія бросаетъ оттѣнокъ казенщины и пошлости. Но нѣтъ — старикъ высматривалъ для этого слишкомъ джентльменомъ.

— Я думаю, что могу быть вамъ полезенъ... Я немножко знаю Кордову, потому что всю жизнь провелъ въ ней. И люблю ее!.. Какъ плющъ любитъ развалину, внутри которой онъ обвился. Попробуйте оторвать его—нельзя. Онъ прижался въ каждую неровность камня, почти слился съ нимъ въ одно... Мой домъ не далеко... Если вы окажете мнѣ честь...

Я съ удовольствіемъ принялъ его приглашеніе.

По такой же пустынной улицѣ мы прошли въ другую, еще солнечнѣе, еще бѣлѣе, еще пустыннѣе, и ею вышли на С. Фернандо, которая считается здѣсь чуть ли не главною. Тутъ уже — все полно жизнью, точно вся она здѣсь именно и сосредоточилась. Со всѣхъ балконовъ и изо всѣхъ дверей на насъ глядѣли такія чудныя очи, улыбались такія круглыя веселыя губы, смѣлый и страстный складъ которыхъ тѣмъ не менѣе совершенно чуждъ хотя бы, напримѣръ, неаполитанскому цинизму!.. Но что было здѣсь особенно изумительно—это руки и ноги кордуанокъ. И онѣ знаютъ это, и съ особенною охотою продѣваютъ «дивныя ножки» сквозь чугунныя перила своихъ мирадоровъ. Я здѣсь понялъ, почему арабскіе поэты говорили, что «нужно имѣть лошадь въ Неджде и Іеменѣ, муллу въ Меккѣ и Мединѣ, воду въ пустынной Сахарѣ и безплодныхъ горахъ Атласа, и женщину въ Кордовѣ и Гренадѣ». И въ какихъ маленькихъ хорошенькихъ домикахъ живутъ эти красавицы. Что за прелесть ихъ миньятюрныя бѣлыя стѣны, двухъоконные съ балконами или далеко впередъ выдающимися

Digitized by Google

позолоченными рѣшетками мирадоровъ, въ которыхъ, цѣпляясь, сидятъ цѣлыя кучи веселыхъ глазастыхъ дѣтей, орущихъ вамъ на встрѣчу радостно и привѣтливо. Не здѣсь ли Мурильо писалъ своихъ младенцевъ? Тутъ всюду ихъ оригиналы—на балконахъ, въ улицахъ, у рѣки, на кровляхъ. И тутъ же оставшіяся посреди этихъ старыхъ домовъ капризныя мавританскія постройки, съ узорчатыми галлереями на верху, съ подковообразными арками подъ кровлей, порталы когда-то стоявшихъ здѣсь дворцовъ, ихъ зубчатыя стѣны... И—вновь эти поэтическія убѣжища любви и мира, эти патіо... Не хочется вѣрить даже, чтобы на этой, напримѣръ, площади «Mercato», гдѣ теперь подъ солнцемъ пестрѣютъ сонныя, но красивыя бабы и продаютъ леденцы и золотомъ горящіе плоды, во времена оны жгли людей. Но мой спутникъ указывалъ даже мѣста, гдѣ стояли костры, точно онъ самъ присутствовалъ при этомъ! Здѣсь, напримѣръ, казнили одного мавра за то, что онъ слишкомъ любилъ свою родину... Несчастный не вынесъ изгнанія и вернулся въ Кордову, предпочитая кастильскую тюрьму свободѣ африканскихъ пустынь! Когда ему рубили правую руку, онъ крикнулъ:

— Да поразитъ Аллахъ Кастилію лѣностью и нищетой... Да отниметъ онъ силу у вашихъ рукъ.

Когда пришла очередь лѣвой руки,—мавръ произнесъ:

— Пусть ваши потомки увидятъ униженіе своей родины.

Дошло дѣло до лѣвой ноги.

— Да не будетъ никогда между вами согласія и да возненавидите вы другъ друга, какъ гіены.

Наконецъ, ему отрубили правую ногу. Несчастный собралъ еще въ себѣ силы крикнуть на всю эту площадь:

— Да обольется вся ваша земля черною кастильскою кровью.

Его туловище бросили въ костеръ, но оттуда, по преданію, прозвучало:

— Да поразитъ Аллахъ вашу землю безплодіемъ — и да воцарятся надъ вами...

Чѣмъ онъ хотѣлъ закончить, неизвѣстно, потому что густые клубы огня и дыму окутали его, и онъ задохся въ нихъ...

Вѣроятно, Аллаху показалось достаточнымъ этихъ проклятій и, выполнивъ ихъ, онъ не хотѣлъ казнить еще страну позоромъ рабства у иноплеменныхъ.

Это былъ далеко не рѣдкій случай, что изгнанные мавры возвращались назадъ—въ костры и тюрьмы готовъ. Смерть на родинѣ не пугала ихъ; оставшіеся въ пустыняхъ Африки до сихъ поръ поютъ знаменитую пѣснь Бенъ-Омара. Я ее слышалъ въ Алькасаръ-эль-Кебирѣ, одномъ изъ захолустныхъ городовъ Марокко.

Digitized by Google

«Далеко уйду я отъ тебя, о дивная Кордова, и не услышу, когда муэззинъ призоветъ правовѣрныхъ подъ царственные своды моей мечети, да и никто не услышитъ этого!..

«Левъ Магомета изгнанъ кастильскими гіенами и осужденъ отнынѣ скитаться въ пескахъ далекой пустыни.

«Подлыя животныя поселились въ твоихъ дворцахъ и топчутъ волшебные сады твои, о халифъ! И гдѣ по цвѣтущимъ полянамъ пробѣгали легконогія дочери мавровъ, тамъ станутъ жирѣть и пастись грязныя свиньи».

Левъ Магомета до сихъ поръ бродитъ въ пустынѣ и, надо сказать правду, свиней я здѣсь видѣлъ, дѣйствительно, у самаго Альказара.

— Вотъ мой домъ. Отнынѣ онъ принадлежитъ вамъ!—привѣтствовалъ меня донъ Бенито у своихъ дверей, согласно общепринятой формѣ кастильской вѣжливости (my casa es de uste).

Я вошелъ и остановился очарованный.

Кто первый придумалъ эти патіо (patio)?

У римлянъ были «cavaedium'ы», сохранявшіяся только для своей семьи. Туда проходили черезъ atrium и tablinium. Въ cavaedium'ахъ цвѣли рѣдчайшія растенія, благоухали цвѣты, вывезенные изъ Египта, Аттики и Карѳагена; стѣны ихъ были затканы зеленью самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ и рисунковъ — сотни птицъ вили подъ выступающими здѣсь кровлями свои гнѣзда. Съ утра до ночи раздавалось здѣсь ихъ веселое пѣніе вмѣстѣ съ тихимъ журчаніемъ воды, падавшей въ мраморный бассейнъ... Розы вились по колоннамъ, подымавшимся здѣсь; кое-гдѣ бѣлѣли цѣломудренно и изящно статуи. Синее небо было потолкомъ для этихъ уголковъ римской достаточной семьи — и, вмѣстѣ съ гомономъ птицъ и рокотомъ воды, здѣсь слышались звуки прялокъ; но стоило только вечерней прохладѣ освѣжить воздухъ, раскрыться цвѣтамъ ночнымъ и напоить воздухъ cavaedim'а своими ароматами— какъ сюда сбѣгались сосѣдскія дѣвушки, здѣсь звучали нѣжныя струны арфъ, слышались чудныя пѣсни, начинались пляски, тайну которыхъ еще сохранили кадиксанки и севильянки. Вечеръ отгоралъ быстро. Ночь мало по малу приносила съ собою покой и молчаніе. Мѣсяцъ выходилъ на чистыя небеса, и изъ мрака выдѣлялись бѣлыя колонны и статуи... Лунное сіяніе отражалось на мраморныхъ полахъ cavaedium'а—и тогда, среди притихнувшихъ женщинъ, подымалась какая нибудь старая рабыня, обладавшая неистощимымъ запасомъ сказокъ и легендъ... Фантастическое вступало въ свои права среди этого сладкаго запаха цвѣтовъ и кроткаго молчанія мистической ночи... Мавры ли заняли эти cavaedium'ы у римлянъ,

Digitized by Google

или римляне позаимствовали у семитическаго востока?.. Чистая и меланхолическая поэзія этихъ уголковъ слишкомъ отзывается характеромъ послѣдняго. У готовъ patio не было. Въ Иберію перенесли его мавры. Теперь во всѣхъ почти провинціяхъ Испаніи — едва ли есть домъ безъ такого очаровательнаго уголка. Patio обыкновенно отдѣляется отъ улицы или площади коридорчикомъ, устланнымъ разноцвѣтнымъ каменнымъ паркетомъ,—а отъ коридорчика, играющаго роль вестибюля,—желѣзною золоченою рѣшеткой арабскаго рисунка. Patio, какъ и cavaedium римлянъ, выстланъ мраморомъ. Посреди его бьетъ фонтанъ, освѣжая своими бриллiантовыми брызгами воздухъ. Вокругъ фонтана цѣлый дождь апельсинныхъ цвѣтовъ, наполняющихъ patio чуднымъ ароматомъ, гранатники раскрываютъ свои алыя уста, пышныя розы вьются по стѣнамъ, лиліи къ самой водѣ никнутъ своими дѣвственными головками... Домъ въ патіо выходитъ внутренними открытыми галереями, гдѣ стоятъ мягкія софы и кресла. Все здѣсь располагаетъ къ лѣни, къ нѣгѣ, къ поэтическимъ созерцаніямъ и грёзамъ...

Въ лунныя ночи, эти патіо очень хороши. Мнѣ пришлось въ первую же—испытать истинное наслажденіе въ домѣ у моего новаго знакомаго, гдѣ patio былъ устроенъ до такой степени изящно, что оттуда не хотѣлось уходить. Прохлада кордуанской ночи, запахъ цвѣтовъ и тихій засыпающій говоръ фонтана такъ шли къ поэтическимъ разсказамъ хозяина о далекой старинѣ его роднаго города.

— Вамъ случалось ли что нибудь читать о «Мединѣ-асъ-Сахра?»

— Нѣтъ! Я слышалъ, что Сахра была невольницей Абдеррахмана III.

— Онъ ее назвалъ султаншею цвѣтовъ и построилъ для нея цѣлый городъ близь Кордовы. Отъ этого города ничего не осталось, хотя—существуй онъ теперь—сюда съѣзжались бы изъ цѣлаго міра любоваться на это чудо. Сахра или Захра была дѣйствительно невольница, но такой дивной красоты, что она дѣлала съ Абдеррахманомъ все, что приходило ей въ голову. Желая создать нѣчто достойное ея и считая тогдашнюю Кордову недостаточно прекрасной для нея—онъ выбралъ въ трехъ верстахъ отъ своей столицы, у подножія горы Аль-Аруія, дѣйствительно райскій уголокъ. Тридцать лѣтъ тысячи рабочихъ и «артистовъ» подъ его личнымъ наблюденіемъ созидали тамъ дворцы за дворцами, причемъ единственнымъ матеріаломъ для нихъ былъ разноцвѣтный мраморъ, а для колоннъ употреблялась африканская яшма... Выше всѣхъ ихъ красовался Альказаръ—ея мѣстопребываніе, которое арабскіе

Digitized by Google

поэты того времени называли «цвѣткомъ вселенной»: до того онъ былъ изященъ, легокъ, нѣженъ со своими сквозными галереями, ажурными, точно выточенными кружевными стѣнами, стройными, похожими на стебли башенками, купола которыхъ горѣли чистымъ золотомъ, а стѣны обшиты мозаиками самыми драгоцѣнными. Размѣры всего были такъ велики, что, напримѣръ, помѣщенія рабынь Асъ-Сахры оказывались достаточными для 6,000 женщинъ. Съ вышины горъ были собраны всѣ ручьи и ключи, соединены въ одни широкіе, обшитые мраморомъ, каналы и проведены въ Альказаръ, въ его бассейнъ, въ громадныя бани и купальни Золоченая бронза дверей горѣла на солнцѣ. Арабески стѣнъ представляли тонкую лѣпную работу, такія сочетанія цвѣтовъ—что художники и арабы со всѣхъ концовъ Африки и Испаніи пріѣзжали сюда потомъ изучать ихъ. Но лучше всего была «зала», гдѣ висѣла, съ высоты кипарисоваго, отдѣланнаго серебромъ, золотомъ и бирюзою, потолка, громадная жемчужина—считавшаяся настоящимъ дивомъ и присланная Абдеррахману въ подарокъ Константиномъ Порфиророднымъ. Стѣны здѣсь были отдѣланы эмалью, заключенною въ рамы, усыпанныя драгоцѣнными камнями. Зеркалъ тогда еще не было, и въ полахъ были устроены бассейны, наполненные ртутью, по свидѣтельству Эль-Махари. Въ нихъ смотрѣлись красавицы Альказара. Въ спальнѣ халифа било множество фонтановъ изъ пастей бронзовыхъ животныхъ, освѣжая знойный воздухъ. Сады были разбиты кругомъ, причемъ изъ далекой Африки и Азіи цѣликомъ привозились для нихъ громадныя деревья. По ночамъ они освѣщались десятками тысячъ лампадъ съ ароматными маслами, такъ что—осыпанныя днемъ цвѣтами—аллеи вспыхивали, послѣ заката солнца, такимъ же дождемъ разноцвѣтныхъ звѣздъ. Мечеть этого Альказара считалась во всемъ мусульманскомъ мірѣ—магической. Никто не хотѣлъ вѣрить, чтобы руки простыхъ смертныхъ могли воздвигнуть нѣчто подобное. Тамъ потолокъ былъ весь изъ кристалловъ, витыя колонны изъ драгоцѣнныхъ металловъ; въ высотѣ, незамѣтно глазамъ, были протянуты серебряныя струны, и вѣтерокъ, пробѣгая по нимъ, неожиданно поражалъ вниманіе молящихся полными меланхолической прелести звуками. Множество документовъ доказываетъ дѣйствительное существованіе этого сказочнаго города. Части его украшеній попали въ севильскій Альказаръ, въ гренадскую Альгамбру, въ монастырь Санъ-Херонимо де-ла-Суфра. Но судьба, постигшая Мединy-асъ-Сахра, была ужасна. Дикія полчища африканскихъ варваровъ въ 1010 году подъ предводительствомъ Сулеймана напали на нее, взяли это феерическое созданіе генія Омміадовъ, сожгли и разнесли здѣсь все — оставивъ за

Digitized by Google

собою только груды пепла и дикаго камня... Несчастные жители Медины разсѣялись по всему Пиренейскому полуострову...

Феерическій городъ этотъ существовалъ только 74 года!..

Въ Испаніи немало погибло такихъ городовъ, и надо сказать правду, что бо́льшую часть изъ нихъ уничтожили готскіе завоеватели и свирѣпые монахи, говорившіе:

— Чѣмъ красивѣе домъ, построенный маврами, тѣмъ скорѣе его надо уничтожить, потому что—ясно—простою человѣческою волею такихъ сооруженій воздвигнуть невозможно: Богъ невѣрнымъ помогать бы не сталъ, значитъ—имъ помогала бѣсовская сила!

И такимъ образомъ, напримѣръ, остались однѣ руины отъ дворцовъ Альболафіа на Гвадалквивирѣ, отъ алькасаровъ Аль-Модавара, отъ увеселительныхъ загородныхъ виллъ Альмансора, изъ которыхъ Аль-Закра отличалась такими висячими садами надъ тою же рѣкою, что, по свидѣтельству тогдашнихъ писателей, ничего въ мірѣ не было имъ подобнаго. Около Кордовы стояли цѣлые города дворцовъ—Амири и Муніа—отъ нихъ не осталось и слѣда!.. Даже руинъ нѣтъ: все снесено прочь, все сравнено съ землею!

Отъ Дамасскаго замка, построеннаго Омміадами въ воспоминаніе о странѣ, когда-то имъ принадлежавшей; отъ Персидскаго дворца—воздвигнутаго въ иранскомъ вкусѣ нарочно присланными для того властителемъ Персіи мѣстными зодчими; отъ любимаго загороднаго дома Абдеррахмана, которому подъ именемъ «Русири»—Эль-Манари посвятилъ великолѣпныя страницы; отъ увеселительныхъ алькасаровъ Норіи, отъ роскошнаго жилища Абу-Яуйа—остались только огрызки стѣнъ... Вотъ ужь именно была быль и быльемъ поросла. Глядя теперь на эти кучи мусору, по которымъ раскидывается дикая герань — трудно себѣ даже и представить, какимъ изумительнымъ сооруженіямъ служатъ онѣ надгробными холмами!.. Вообще мавры любили въ Испаніи болѣе всего берега Гвадалквивира, теперь текущаго по пустынному безлюдью, а тогда почти сплошь застроеннаго виллами, дворцами и обсаженнаго садами, тайну которыхъ мавры не передали своимъ наслѣдникамъ-готамъ. Это именно рѣка руинъ въ полномъ смыслѣ слова. Весна на этихъ берегахъ была очаровательна; свѣжесть, распространяемая водами Гвадалквивира, смягчала зной андалузскаго лѣта. Теодоръ Симонъ, въ своемъ путешествіи по Испаніи, находитъ, что ни одна другая мѣстность Иберійскаго полуострова не соединяетъ столькихъ условій для развитія именно здѣсь въ самыхъ пышныхъ формахъ зодчества и жизни востока. Хроники, поэмы и легенды, дошедшія до насъ, краснорѣчиво говорятъ намъ о тѣхъ очарованіяхъ, которыми въ тѣ времена была полна эта страна. Самыя утонченныя удоволь-

Digitized by Google

ствія востока, изящные вкусы халифовъ и ихъ вельможъ — сдѣлали изъ Кордовы что-то въ родѣ отраженія на землѣ обѣтованныхъ прелестей Магометова рая. Обаяніе безподобнаго климата, горы, защищающія эти долины отъ вѣтра, воздухъ ихъ, здоровый и чистый, дѣлали и дѣлаютъ изъ Кордуанской области благословенный небомъ уголокъ, гдѣ неизвѣстны ни лихорадки, ни горячки, ни эпидеміи, являющіяся истинными бичами востока, откуда явились сюда Омміады. Нѣга и мягкость ночей, вѣчное журчаніе ручьевъ, прохлада вечеровъ и утръ, спокойствіе, разлитое во всей природѣ— и теперь изъ древней Бетики дѣлаютъ едва ли не лучшій уголокъ въ Европѣ...

V.

Я нигдѣ не былъ такъ счастливъ на знакомства, какъ во время моихъ поѣздокъ по Испаніи. Вотъ уже именно — бабушка ворожила! Всюду мнѣ случалось нападать на знатоковъ своей старины, на людей, искренно любящихъ свои уголки. Испанцы—отвратительные администраторы и чиновники, но частные люди, когда они видятъ, что вы начинаете привязываться къ ихъ странѣ, что вы понимаете ея красоту и вы интересуетесь ею — отдавали мнѣ все свое время, бросали дѣла и занятія, чтобы ѣздить за мною и со мною изъ одного мѣста въ другое. Они мнѣ разсказывали массу легендъ, передавали мало извѣстные историческіе факты — въ высшей степени ярко характеризующіе то или другое лицо или положеніе. Разумѣется, я могъ быть только признателенъ имъ, хотя, благодаря этому, рамки моихъ очерковъ слишкомъ раздвинулись—и, работая уже третій годъ надъ приведеніемъ въ порядокъ моихъ замѣтокъ объ Испаніи, я не сказалъ еще и третьей доли всего намѣченнаго мною. Въ Кордовѣ, въ этомъ отношеніи, мнѣ также повезло, какъ и въ Толедо, въ Мадридѣ, въ Вальядолидѣ, Севильѣ и другихъ мѣстахъ. Синьоръ Бенито-де-Саратаньосъ, узнавъ, что я пишу объ Испаніи и собираюсь непремѣнно издать отдѣльное сочиненіе,—не только на словахъ, но и на дѣлѣ отдалъ себя въ полное мое распоряженіе. Мы съ нимъ уѣзжали въ окрестности и копались въ старомъ мусорѣ руинъ, проводили цѣлые дни въ мескитѣ, лазили на всевозможныя башни, забирались въ дома къ совершенно незнакомымъ людямъ, охотно показывавшимъ намъ все, что́ насъ интересовало, когда Бенито объяснялъ, съ какою цѣлью мы это дѣлаемъ. Дошло до того, что я сталъ получать приглашенія отъ людей, о самомъ существованіи которыхъ

Digitized by Google

не предполагалъ. Въ этомъ отношеніи, путешественникъ, изучающій страну, находится въ условіяхъ исключительныхъ и не вправѣ манкировать такими случаями для знакомства съ ея обществомъ.

Такимъ образомъ, на другой день послѣ знакомства съ Бенито де-Саратаньосъ — утромъ ко мнѣ въ отель онъ явился самъ-четыре.. Все это оказались знатоки кордуанской старины, и въ мескиту—какъ до сихъ поръ называютъ здѣшній соборъ—мы уже пошли цѣлою гурьбою...

Мнѣ всегда нѣсколько страшно приступать къ описанію такихъ изумительныхъ сооруженій, какъ базилики Бургоса, Толедо, Сеговіи... Такое же ощущеніе охватываетъ меня и теперь, когда приходится говорить о кордуанской мечети. Невольно чувствуешь, что слово безсильно передать ея красоту. Едва ли какое нибудь другое сооруженіе въ Кордовѣ настолько сохранило свой мавританскій характеръ даже снаружи, какъ она. Эти массивныя стѣны, съ заложенными арками и нишами, съ крѣпостными выступами—поражаютъ своимъ величіемъ издали. На ступеняхъ, являющихся, такъ сказать, пьедесталомъ для каменнаго гиганта, лежали кордуанскіе «pondiesero», нищіе, и такъ какъ теперь наступилъ уже часъ сіесты, то они насъ не безпокоили своими выпрашиваніями. И опять какая разница съ чудовищной Кастиліей—гдѣ толпа нищихъ является всегда выставкою самаго поразительнаго уродства. Эти въ Кордовѣ были просто бѣдняки и не подставляли намъ подъ носъ ни растравленныхъ искусственно ранъ, ни вывороченныхъ ногъ, ни искалѣченныхъ рукъ... Къ мечети (кстати: кордуанцы этотъ соборъ до сихъ поръ называютъ «mesquita») прислонилась «хиральда», какъ и въ Севильѣ. Это—нѣкогда минаретъ—теперь служитъ колокольнею собору. Прежде чѣмъ войти внутрь—хотя въ чудныя арки дверей—намъ примерещилась какая-то полуфантастическая дѣйствительность,—мы хотѣли подняться на башню, чтобы оттуда однимъ взглядомъ окинуть весь этотъ волшебный городъ... Какъ хороша была бы эта колокольня, еслибы она оставалась такою, какою вышла изъ рукъ арабскихъ строителей. Но увы! Невѣжественные монахи содрали съ нея изразцовую облицовку; этого имъ показалось мало, и они заложили кирпичами ея арки, сквозь которыя синѣло небо! Сдѣлавъ такимъ образомъ замѣчательно легкую кружевную постройку—тяжелой, кастильскіе Герострать не ограничились этимъ варварствомъ. Оставались еще арабески—лѣпной работы, вязь, изумительно выполненная, изреченій алкорана. Первыя, гдѣ возможно, они выбили прочь, вторыя замазали известкой и штукатуркой. Мы медленно стали подыматься на головокружительную высоту и, только попавъ

Digitized by Google

подъ колокола, позволили себѣ остановиться, чтобы полюбоваться на городъ. И было на что!

Никогда мнѣ не забыть ее—эту очаровательную Кордову, такою, какою она открылась внизу подо мною. Въ первыя минуты меня подхватило какимъ-то вихремъ восторженнаго удовольствія, такъ что я не зналъ, брежу я или нѣтъ! Все, о чемъ такъ сладко мечталось еще на школьной скамьѣ—когда молодое воображеніе уносило за тридевять земель, въ тридесятыя царства, въ радужныя края далекаго и поэтическаго прошлаго — въ явь показалось передо мною; воскресали старыя легенды и сказанія, цѣлый міръ образовъ и звуковъ какимъ-то миражемъ раскинулся кругомъ, унося меня прочь отъ сегодняшней будничной дѣйствительности!..

Громадная, точно очерченная, успокоивающая, ласкающая рамка Сіерры Морены, съ отдѣльными вершинами, выглядывающими одна за другою, съ новыми планами горъ, чуть-чуть рисующимися влюбленному взгляду. Кое-гдѣ на нихъ смутные силуэты оставленныхъ мавританскихъ замковъ, тихо и грустно умирающихъ среди безлюдья... Тысячи неуловимыхъ красокъ и оттѣнковъ. Одни переходятъ въ другіе... Тѣни ложатся то густою синью, то фіолетовымъ бархатомъ... На нѣжныхъ склонахъ утесы кажутся голубыми... Нѣкоторые подъ этимъ солнцемъ, оставаясь въ тѣни, чудятся массами бирюзы. Зелень горныхъ полей матовымъ блескомъ выдѣляется среди безплодныхъ стремнинъ, и какія мягкія, кроткія волны свѣта льются по нимъ! Налѣво длиннымъ отрогомъ тянется часть Сіерры, точно она протянула руку, чтобы обнять и прижать къ себѣ долину Гвадалквивира. Рукавъ этотъ заканчивается отдѣльною вершиною съ замкомъ, составляющимъ вмѣстѣ съ ней одинъ цѣльный и стройный силуэтъ. Это и есть знаменитый Альмодаваръ Абдеррахмана III-го...

А сама равнина, на которой стоитъ Кордова. Въ этой рамкѣ красивой Сіерры дѣйствительно долженъ блистать чудный камень:—какъ изящны извивы Гвадалквивира по ней, съ какой нѣгой онъ раскидывается на ея просторѣ! Мутныя и желтыя воды его кажутся отсюда расплавленнымъ золотомъ, медленно текущимъ на югъ, среди изумрудныхъ стѣнъ садовъ и рощъ... Вдали они зелеными облаками припали къ рѣкѣ и точно не могутъ разстаться съ нею. Весенняя первая зелень кажется пухомъ: такъ она легка и нѣжна, и воздушна.

Черезъ Гвадалквивиръ—римскій мостъ съ грозными до сихъ поръ башнями и желтая лента дороги къ королевѣ Андалузіи—Севильѣ. Въ серединѣ круга, описываемаго этою рѣкой—сама Кордова, городъ халифовъ, вѣнецъ запада, отраженіе эдема, дворецъ

Digitized by Google

пророка—и какія еще названія давали ей арабы, всѣхъ не упомнишь... Задумчивая, она точно задремала подъ солнцемъ въ грустныхъ мечтахъ о времени халифовъ. Давно уже длится этотъ сонъ. Ему не могли помѣшать ни ауто-да-фе св. судилища, ни безчинства св. Германдады, ни изувѣрство тюремщиковъ Эскоріала, ни регламентація, вносимая всюду фельдфебелемъ-Мадридомъ, выскочкою, не имѣющимъ прошлаго и потому затаптывающимъ своими грубыми сапожищами поэтическія легенды другихъ городовъ. Море бѣлыхъ, ослѣпительно бѣлыхъ стѣнъ и желтоватыхъ черепичныхъ крышъ! То крошечные, словно къ землѣ припадающіе, то вытягивающіеся, какъ башни, дома эти безконечно разнообразны. Тѣ вонъ покоются на аркахъ; эти, напротивъ, подняли высоко свои сквозныя галереи. Вонъ совершенно по арабски выгнутыя крыши, вонъ цѣлая паутина балконовъ и мирадоровъ обвила тонко и нѣжно своими сѣтями пустынныя улицы... Удивительно красиво все это, такъ красиво, что на первыхъ порахъ теряешься въ деталяхъ и упускаешь цѣлое... Какіе патіо! Теперь я ихъ вижу подъ своими ногами, точно внизу безчисленные цвѣты разсыпаны... Сюда, въ эту тѣнь гранатниковъ, апельсинныхъ деревъ и миртъ, къ этимъ фонтанамъ ушла вся жизнь города... Оттуда доносятся: звонъ гитаръ, нѣжныя пѣсни, кажется стремящіяся въ догонку за этими голубями, что̀ тонутъ въ безоблачныхъ небесахъ счастливой, даже въ агоніи своей, Андалузіи. По другую сторону—чуть не цѣлый кварталъ заняла подо мною кровля кордуанской мескиты. Она отсюда ничего не представляетъ, помимо размѣровъ. Все ея изящество, вся красота внутри. Снаружи она можетъ быть смѣло заставлена домами! Зато дворъ ея отсюда — весь въ зеленыхъ облакахъ апельсинныхъ деревьевъ. Чистымъ золотомъ горятъ въ нихъ плоды. Фонтанъ посреди ихъ немолчно жалуется и оплакиваетъ что-то. Кипарисы молитвенно, словно сложенныя ладони, стремятся въ высоту, прочь отъ земли. Это остатки арабскихъ кипарисовъ. Прежде ихъ была вокругъ мескиты цѣлая роща. Инквизиторы почему-то ненавидѣли это торжественное въ своемъ покоѣ дерево. Они его рубили и жгли съ ненавистью. «Оно напоминаетъ мавра», говорилъ Торквемада... Какъ изящны башни Альказара, зубчатыя стѣны, старые храмы, старыя мечети и синагоги, обращенныя въ церкви, и опять это марево бѣлаго затопляющаго ихъ города, зацѣлованнаго и разнѣженнаго солнцемъ, такъ что его дома опустили свои вѣки-жалузи и уже не могутъ открыть ихъ!.. А какое небо надъ Кордовой — эта темная густая синева несравненна!..

Вонъ Calle de la Feria, главная артерія Кордовы извивается по

Digitized by Google

ней капризно и причудливо, и отъ нея во всѣ стороны, посреди бѣлыхъ домовъ, точно щели, только намѣченныя синимъ—потому что всѣ тѣни тутъ синія—разбѣгаются другія улицы и переулки, площадки съ ладонь, со старыми задумчивыми храмами; кое-гдѣ пальма склонила свой перистый вѣнецъ... То, чего нельзя было замѣтить, бродя по городу, видишь сверху: громадные размѣры нѣкоторыхъ сооруженій, очевидно остатковъ старыхъ дворцовъ; посреди ихъ то воздушная колоннада, то яшмовый перестиль, то коринѳскія капители. Вонъ обрывокъ какой-то арабески проступилъ сквозь облупившуюся замазку, вонъ великолѣпный арабскій порталъ, вонъ величавая арка... Статуи святыхъ—надъ фронтонами домовъ. Они сверху точно благословляютъ городъ... Закрытые и упраздненные монастыри умираютъ посреди мертваго безмолвія старыхъ кварталовъ. Въ ихъ зіяющія окна свободно врывается вѣтеръ; стѣны кое-гдѣ дали трещины. Въ этомъ городѣ руинъ даже невозможно беречь древнихъ построекъ. Кордова много уже размотала ихъ, можетъ мотать и еще—у нея останется все таки довольно... Вонъ улицы и площади, на которыхъ трава проросла густо—тамъ никто уже не ходитъ и не мнетъ ее среди безлюдья. Точно кладбище!..

А стѣны, которыя драгоцѣннымъ кольцомъ охватили городъ. Римляне, готы, сарацины—всѣ трудились надъ ними. Мощныя башни то и дѣло выдвигаются надъ ними: четырехъугольныя, круглыя, осьмиугольныя. Ворота ихъ до сихъ поръ носятъ еще свою мавританскую облицовку. Зигзаги обнажившихся внутреннихъ ходовъ между ними. Посреди зубцовъ, на кровляхъ башенъ, выросли цѣлыя деревья. И имъ, этимъ деревьямъ, уже болѣе нѣсколькихъ вѣковъ жизни—а башни подъ ними стоятъ, насупясь на текущій день, и, кажется, еще полны воспоминаній о счастливомъ прошломъ.

— Знаете, чѣмъ хороша наша Кордова?—замѣтилъ донъ-Бенито.

— Чѣмъ... Многимъ.

— Нѣтъ, однимъ, особенно. Правда — вѣдь она умираетъ. Всмотритесь: вездѣ кругомъ торжественный покой и безмолвіе смерти.

— Да! Это и мое впечатлѣніе.

— Но умираетъ благородно — вѣрная завѣтамъ прошлаго. Ни одного банальнаго современнаго дома вы не увидите. Найдите и укажите, если можете? Кордова не дѣлаетъ уступокъ нынѣшнему дню. Она предпочла угаснуть среди своихъ руинъ. Не правда ли, есть грустное величіе въ этомъ?..

Я вспомнилъ Римъ, гдѣ старые кварталы безжалостно ломаютъ,

Digitized by Google

строя на ихъ мѣстѣ улицы берлинской архитектуры, и вполнѣ согласился съ моимъ новымъ пріятелемъ. Хорошо, что у Кордовы нѣтъ своего влюбленнаго въ Пруссію Гумберта—бѣда бы пришла этой поэтической сторонѣ!..

Только отсюда, съ этой высоты замѣчаешь, какъ безсиленъ былъ и есть католицизмъ замѣнить чѣмъ нибудь равнымъ грандіозные памятники, имъ разрушенные. То же, что случилось въ Америкѣ—вы увидите и здѣсь. На площадяхъ, гдѣ красовались гигантскіе дворцы и мечети, на созданіе которыхъ пошли вѣка, теперь стоятъ маленькія и жалкія церковки съ облупившимися стѣнами... Онѣ не заполняютъ даже уголка—пространства, занимавшагося ихъ предшественниками. Внутри, вмѣсто стройныхъ колоннъ, уходящихъ въ мистическую высоту—деревянныя, расписанныя пестрыми красками, статуи святыхъ, одѣтыхъ въ парчу и кружева. Зрѣлище ранъ у мучениковъ, исполненныхъ изъ того же матеріала и возбуждающихъ вмѣсто благоговѣнія—отвращеніе. Лойола въ шелку, Сантъ-Яго Кампостельскій въ бархатѣ, Франсиско Хавіеръ или, какъ произноситъ весь остальной, внѣ испанскаго, католическій міръ—Ксавье въ шляпѣ съ настоящими завитыми волосами русаго парика... Можетъ ли дальше идти паденіе искусства!.. И это на томъ мѣстѣ, гдѣ когда-то, во всемъ великолѣпіи своихъ колоннадъ, арабесокъ, подковообразныхъ арокъ, минаретовъ, мраморныхъ кружевъ, кипарисовыхъ—въ золото и серебро отдѣланныхъ—плафоновъ, мраморныхъ и мозаиковыхъ половъ, стояли тысячу лѣтъ тому назадъ воздвигнутыя мескиты благородныхъ мавровъ. Не замѣнивъ разрушеннаго, католичество тѣмъ не менѣе постаралось, гдѣ могло, стереть самые слѣды его; гдѣ оно было не въ силахъ сдѣлать это—закрасило ихъ хотя известкой! Монахи погасили двѣ тысячи четыреста лампадъ кордуанской мечети—и не освѣтили ни одной своей церкви; арабы покрыли все кругомъ садами и пажитями—они къ сѣверу отъ Сіерры Морены обратили обѣтованную страну въ пустыню. Арабы населили Испанію—монахи ее обезлюдили. Кордова, которая могла бы при арабахъ сдѣлаться королевою запада, теперь—жалкое мѣстечко, «pueblo»... Іерусалимъ, говоритъ Кинэ, былъ счастливѣе въ рукахъ ассиріянъ.

Мы спускаемся внизъ.

И была дѣйствительно пора. Сторожиха кордуанской колокольни начинала уже косо посматривать на насъ. Зато, когда я далъ ей «дуро» (5 песетъ) она пришла въ такой восторгъ, что пригласила насъ къ себѣ выпить у нея шеколаду. Мои новые пріятели, можетъ быть, и не пошли бы, но я не упускалъ случая сдѣлать лишнее знакомство. Чѣмъ больше видишь—тѣмъ больше

Digitized by Google

знаешь! У нея въ комнатѣ я наткнулся на двѣ прелестныя фигурки—очаровательныхъ маленькихъ дѣвочекъ, такихъ глазастыхъ, такихъ кудрявыхъ, что любой художникъ пришелъ бы въ восторгъ отъ нихъ. Третья—уже взрослая дѣвушка—вспыхнула и бросилась въ другую комнату. Мы ее застали въ тотъ моментъ, какъ она распустила свои волосы, прикрывшіе ее сплошь черными волнами.

— Ей тяжело носить ихъ!—пояснила мать. — Голову оттягиваютъ.

И для того чтобы было легче, Марикита кое-гдѣ выстригаетъ подъ корень цѣлыя косы этихъ великолѣпныхъ волосъ.

— На половину отстрижетъ, и то тяжело.

Вернувшись, она подала намъ цвѣтовъ, что въ андалузскихъ семьяхъ считается почти обязательнымъ привѣтствіемъ гостю. Гибкая талія, пышная грудь, тонкій овалъ лица и прекрасные пламенные глаза дѣлали изъ нея красавицу. Ея не портилъ даже громадный шрамъ черезъ всю щеку.

— Что это у васъ?—спросилъ я у нея.

— Э,—опять покраснѣла она,—такъ.

— Новіо приревновалъ...—пояснила мать, смѣясь, точно это было въ порядкѣ вещей.—Ну, извѣстно, сумашедшій человѣкъ, и отмѣтилъ ее ножемъ...

Дѣвочекъ заинтересовала моя записная книжка и, забравшись ко мнѣ на колѣни, онѣ защебетали, какъ воробьи, теребя ее во всѣ стороны. Что это были за прелесть—дѣти! Ничего, кромѣ глазъ, я и не замѣчалъ у нихъ—но глаза зато жили за весь организмъ...

— Отчего нѣтъ картинокъ?—строго спросила одна.

Шеколадъ былъ прекрасный. Только что мы принялись за него, какъ въ двери вдругъ запахло гарью.

— Что это у васъ?

— Такъ... Вокругъ Кордовы жгутъ теперь для новаго посѣва старыя поля.

Дѣйствительно, когда я вышелъ, вокругъ города дымилось все... Точно Одинъ окружилъ валькирію огненнымъ кольцомъ. Будто изъ раскаленной печи, несло на насъ оттуда жаромъ, и мы, чтобы спастись отъ него, бросились въ двери знаменитой мечети.

Такихъ громадныхъ апельсинныхъ деревьевъ, какъ у водоема ея двора, я и не видывалъ. Они—современники Абдеррахмановъ. Имъ по тысячѣ лѣтъ. Говорятъ, вся площадь вокругъ мескиты когда-то была покрыта ими—но тѣ же монахи вырубили ихъ и сожгли, называя «дьявольскимъ навожденіемъ». По этому поводу разсказываютъ даже поэтическую легенду. Окнами на площадь выходилъ большой домъ, занятый монахами... Разъ вѣтромъ,

Digitized by Google

отъ апельсинныхъ деревъ потянуло къ нимъ. Запахло нѣжнымъ ласкающимъ ароматомъ цвѣтовъ. Иноки забылись, словно въ сладкомъ очарованіи. Ихъ отуманило совсѣмъ. Вспомнились далекія «pueblos» родины, мотивы пѣсенъ, первая любовь... Изъ смутныхъ тумановъ всталъ знакомый очеркъ горъ, видѣвшихъ ихъ дѣтство. На старческихъ губахъ загорѣлся страстный поцѣлуй... Такъ шли часы... Какъ вдругъ настоятель въ ужасѣ воскликнулъ:

— Братья! Самъ дьяволъ выростилъ эти деревья намъ на пагубу. Онъ насъ соблазнилъ всѣхъ.

И судьба апельсинной рощи была рѣшена.

По приглашенію монаховъ, сошлись благочестивые конквистадоры, срубили деревья и очистили площадь отъ адскихъ очарованій. Монахамъ спалось послѣ того спокойно. Когда мы вошли во дворъ мечети, къ водоему, тамъ у воды, развалясь на старыхъ плитахъ, сидѣло и лежало пять гитано съ гитарами въ рукахъ. Они тихо перебирали струны и меланхолическій звукъ былъ такъ умѣстенъ здѣсь, передъ дивною мавританскою аркой, за которой густился таинственный сумракъ арабскаго храма. Кромѣ гитано—сюда же за водой сошлись кордуанки, съ своими, оставшимися вѣрными старинѣ, мавританскими узкогорлыми кувшинами, и ацадоры. Дальше, въ прохладѣ апельсиннаго сада я увидѣлъ массу народа.

— Всѣ тѣ, у кого нѣтъ своего патіо,—пояснилъ мнѣ Бенито,—сходятся сюда и проводятъ цѣлые дни.

Что имъ грезится подъ звонъ гитаръ и шелестъ яркой листвы, въ этомъ соблазнительномъ ароматѣ?

Когда я вошелъ въ мечеть—то невольно остановился!

Я много слышалъ и читалъ о ней—но дѣйствительность была выше всякихъ ожиданій. Чувство благоговѣнія охватывало у самаго порога. Передо мною былъ лѣсъ... лѣсъ мраморныхъ колоннъ—между которыми перспективы казались безконечными. Взглядъ уходилъ туда, не видя предѣла, потому что и тамъ смутно рисовались такія же, изъ мрамора, яшмы, порфира, змѣевика... И чѣмъ дальше, тѣмъ онѣ казались красивѣе... Никогда настоящія пальмы не производили такого величаваго впечатлѣнія. Тишина, спокойствіе. Все смирялось въ душѣ передъ этимъ строгимъ молчаніемъ феерической мескиты. Колонны одна стройнѣе другой шли въ высоту и тамъ развѣтвлялись въ торжественномъ сводѣ... Надъ ними виднѣлись вторыя колонны, покоившіяся на этихъ аркахъ и въ свою очередь развѣтвлявшіяся сводами... Аллеи ихъ идутъ направо, налѣво, впередъ... Безъ числа. Куда ни взглянешь—передъ вами перспектива аллеи, и глаза тонутъ въ ней. Своды

Digitized by Google

ихъ перекрещиваются, сливаются, расходятся, перебрасываются тысячами сквозныхъ рисунковъ. Сквозь эту паутину сводовъ, сверху падаетъ желтое и алое сіяніе солнца, проникающее сюда, и чуть зыблется матовыми бликами на мраморномъ полу. Въ аломъ и желтомъ свѣтѣ — тысячи каменныхъ рукъ вверху, озаренныя имъ, кажутся съ высоты такими же безконечными перспективами, какъ разбрасывающія ихъ колонны внизу. Тотъ же самый и розовый, и желтый свѣтъ зыблется таинственно въ глубинѣ аллеи... Это именно лѣсъ, по которому во всѣ стороны ложатся дороги. Все, кромѣ этого лѣса мраморныхъ колоннъ, исчезаетъ изъ глазъ, рѣшительно все. Не видно ни аляповатаго собора, выстроеннаго конквистадорами посреди этой мескиты, ни отдѣльныхъ придѣловъ, ни алтарей. Однѣ эти колонны, словно выросшія изъ земли съ ихъ мавританскими арками вверху... Я иду дальше, полный неотразимаго впечатлѣнія, волненія, съ которымъ не могу совладать; я иду дальше, и предо мною еще глубже, въ какую-то безконечность сливаются ряды этихъ колоннъ, между которыми тихо и ласково льются волны розоваго и золотистаго свѣта. Послѣ жары улицы, послѣ распаленнаго дыханія горящихъ кордуанскихъ полей—здѣсь, дѣйствительно, насъ охватывала отовсюду прохлада лѣса, настоящаго лѣса съ его тѣнью и свѣжестью...

Куда идти, не знаю.

Дороги между этими колоннами, какъ я уже сказалъ, идутъ во всѣ стороны, и всюду даль одинаково заманчива. Надо мною своды въ безчисленныхъ сочетаніяхъ перекрещивающихся арокъ. Надъ ними мерещутся купола, отдѣланные золочеными арабесками востока — небо, достойное этого мраморнаго и яшмоваго лѣса сплетающихся вершинъ... Глаза теряются въ высотѣ, въ запутанныхъ рисункахъ лѣпныхъ украшеній, такихъ изящныхъ, что невольно чувствуешь все могущество создавшей ихъ неукротимой фантазіи мавританскихъ художниковъ. Вонъ цѣлая стѣна, такъ отдѣланная. Три алтаря подъ рядъ — полные роскоши арабской позолоты и красокъ. Останавливаешься невольно, и если до сихъ поръ считалъ сказкою всѣ эти легенды о прошломъ Кордовы— то начинаешь убѣждаться, что дѣйствительность была еще ярче и пышнѣе этихъ сказокъ. Лѣпная мавританская арабеска красивѣе всего, что можно себѣ представить; только другой великій художникъ—природа—можетъ помѣриться съ нею своими цвѣтами, но цвѣты не осыпаютъ полей такими стѣнными коврами, какими здѣсь покрыли арабески старыя стѣны мескиты въ этихъ уцѣлѣвшихъ алтаряхъ. Вся мечеть была — въ нихъ, но тѣ же кастильцы нѣсколько вѣковъ подъ рядъ усердно уничтожали ихъ, и если не могли

Digitized by Google

покончить совсѣмъ, то это уже не ихъ вина! Прежде здѣсь было три тысячи семьсотъ колоннъ; теперь осталось только восемьсотъ—остальное истреблено, какъ истреблена была половина простиравшейся гораздо далѣе мескиты. Мы видимъ только одинъ уголокъ ея—какимъ же царственнымъ величіемъ было полно все это сооруженіе!

При Карлѣ V, монахи задумали совсѣмъ уничтожить эти дивныя колоннады. Они въ такомъ видѣ изобразили ихъ императору, что тотъ далъ свое разрѣшеніе этимъ Геростратамъ на актъ величайшаго варварства, которымъ когда либо ознаменовывали себя фанатизмъ и нетерпимость. Усердно началось разрушеніе этого малаго уголка старой мескиты. «Ayuntamienta»—городская дума Кордовы—всполошилась, но противъ монаховъ она была безсильна. Подъ надзоромъ архитектора Хернанъ-Рюиса, колонна за колонной падали; на мѣстѣ ихъ посреди мечети возвышалась грубая, тяжелая, безвкусная католическая церковь, никакъ не могшая дорости своими куполами до внутренности куполовъ мескиты, все еще высившихся надъ нею... Капитулъ, воздвигшій этого Собакевича, ужасно гордился своимъ сооруженіемъ и уже готовился ломать другія колонны, какъ, къ счастію, въ Кордову пріѣхалъ Карлъ V.

Капитулъ явился къ нему съ Хернанъ-Рюисомъ, приглашая полюбоваться дѣломъ ихъ рукъ.

Императоръ вошелъ и въ ужасѣ отступилъ передъ этимъ святотатственнымъ уничтоженіемъ вѣковѣчной красоты.

— Еслибы я зналъ это—я никогда не позволилъ бы коснуться этого древняго сооруженія. Вы поставили то, что̀ есть вездѣ, на мѣстѣ того, что̀ нигдѣ не встрѣчается больше.

Но дѣло уже было сдѣлано. 86 внутреннихъ лучшихъ колоннъ не существовало!

Впрочемъ, и самъ Карлъ V не постѣснялся уничтожить добрую половину другаго арабскаго чуда, Альгамбры гренадской, чтобы начать постройку глупаго и прозаическаго дворца, похожаго на казарму. Дворецъ такъ и остался недоконченнымъ.

Тѣмъ не менѣе, порча мескиты продолжалась, хотя уже въ другомъ отношеніи. Монахи сдирали изразцы (азулехосы), ломали арабески, которыми были снизу до верху испещрены всѣ стѣны мескиты. Тамъ, гдѣ она открывалась въ patio de las naranjas (апельсинный дворъ) рядами чудныхъ арокъ, — капитулъ храма заложилъ ихъ кирпичами, и такимъ образомъ мраморное кружево сводовъ обратилъ въ грубую и глупую стѣну. Инкрустаціи и мозаика пола тоже недолго устояли. Кастильскіе Геростраты свиными рылами начали подкапываться и подъ нихъ; инкрустаціи

Digitized by Google

вынули, мозаики сломали. Зачѣмъ? Никакого объясненія этому не придумать нельзя. Наконецъ, цвѣтные мраморы уцѣлѣвшихъ обломковъ бросились въ глаза капитулу. Не долго думая — онъ приказалъ ихъ забѣлить—известкою!.. Негодованіе охватываетъ самыхъ равнодушныхъ туристовъ при видѣ этого безобразія. Лучше всего то, что продѣланное здѣсь католиками съ мескитой — было повторено въ другомъ концѣ Европы кальвинистами съ католиками и ихъ соборами. По крайней мѣрѣ, въ Голландіи не одинъ чудный готическій храмъ я видѣлъ обезображеннымъ этими проповѣдниками простоты и безцвѣтности даже въ архитектурѣ и орнаментѣ. Но еще болѣе тягостное впечатлѣніе производятъ висящіе кое-гдѣ щиты кастильскихъ завоевателей и вмазанные въ арабскія стѣны грубые и варварскіе готскіе барельефы. Какъ жалки, плоски, банальны они! Какъ непріязненно смотрятъ всѣ эти чудеса мескиты на незваныхъ пришельцевъ, положившихъ безцеремонно ноги на столъ среди благоговѣйной тишины арабскаго храма. До того все это нейдетъ къ общему характеру мескиты, что взглядъ, помимо воли, старается избѣжать всѣхъ этихъ нелѣпостей и кувалдъ, наставленныхъ кастильцами. Не замѣчаешь и знаменитаго мраморнаго быка съ орломъ, на распростертыхъ крылахъ котораго стоитъ каѳедра для проповѣдника, ни рѣзныхъ чудесъ изъ дерева. Въ силлеріахъ готическаго собора послѣднія были бы чудомъ,—здѣсь же они совсѣмъ не у мѣста. Золото алтарей тоже имѣетъ свою исторію. И оно у кастильцевъ было не свое. Оно собрано съ кровлей и стѣнъ дворца Монтезумы; оно цѣною крови и гибели цѣлыхъ населеній добыто тѣми же конквистадорами изъ глубины загубленныхъ ими древнихъ государствъ Америки...

Стараешься не видѣть всего этого свѣтотатства!..

Глазъ, обѣгая его, уходитъ вдаль, въ сумракъ этихъ величавыхъ перспективъ, среди котораго вдругъ гдѣ-то далеко, далеко загорается радужнымъ блескомъ просвѣтъ, куда ворвался солнечный лучъ... Вотъ колонны съ остатками желѣзныхъ цѣпей, на которыхъ *будто бы* сидѣли христіанскіе плѣнники... Очевидно, легенда! Готамъ надо было оклеветать мавровъ. Если Абдеррахманъ измучилъ и казнилъ Евлогія, то это было исключительнымъ явленіемъ. Цѣпи самыя — слишкомъ уже несообразны. Такія годятся не для человѣка, а для бегемота!.. Мало этаго, на мраморѣ колонны есть крестообразная выемка—это тоже исполины-плѣнники выцарапали руками!.. А вотъ уже не легенда — а дѣйствительность. Бенито остановилъ меня у одной изъ колоннъ.

— Эта называется «мѣстомъ измѣны», «колонною измѣны»...

— Почему?

Digitized by Google

— Я, какъ испанецъ, долженъ бы умолчать о событіи, подавшемъ поводъ такъ окрестить ее... Ну, да вѣдь мало ли что было когда-то. Здѣсь собрались послѣдніе защитники Кордовы. Они дрались львами, падая одинъ за другимъ подъ мечами кастильскихъ воиновъ. Осталась только горсть ихъ, которая, прислонясь къ этой колоннѣ, отбивалась съ мужествомъ, изумившимъ нашихъ конквистадоровъ. Вокругъ послѣднихъ мавровъ образовался уже цѣлый валъ изъ готскихъ труповъ. Наши сообразили, что побѣда надъ этими защитниками мескиты слишкомъ дорого достанется имъ...

«— Обѣщаю вамъ жизнь!—крикнулъ испанскій вождь.

«— Жизнь безъ свободы—хуже смерти!—отвѣтили ему мавры и продолжали бой.

«Ихъ оставалось около сорока...

«— Обѣщаю вамъ свободу!...

«Мавры приняли это предложеніе и далеко отбросили отъ себя свои окровавленные мечи...

«Вѣря побѣдителямъ, они вышли на patio de las naranjas—и тамъ, по знаку того же вождя, ихъ всѣхъ обезглавили!... Мавры Гренады и Севильи, послѣ того, всякое клятвопреступленіе называли «словомъ кастильца»!

Великій Абдеррахманъ уже тридцать два года царствовалъ въ славѣ и блескѣ. Кордова стала «вѣнцомъ» халифатовъ испанскихъ и «царицею магометанскаго запада». Разъ ночью ему приснился сонъ. Вставъ, онъ приказалъ своему евнуху Мансуру собрать во дворецъ всѣхъ шейховъ своего халифата. Когда это было исполнено, онъ обратился къ нимъ:

— «Идолопоклонники» (такъ мавры величали христіанъ) называютъ Европу владѣтельницею народовъ, а Азію ея рабою, и однако гордый мусульманинъ сказалъ имъ: «свѣтъ пришелъ съ востока» и востокомъ все живетъ. Альгуфія (Европа) еще была окутана мракомъ,—а западъ и востокъ уже открыли свои двери яркимъ лучамъ корана. Нѣтъ бога, кромѣ Аллаха, и Магометъ—пророкъ его. Высоко и могущественно племя Магомета. Подъ властью его Аллахъ соединилъ двадцать пять коронъ Иберіи, и даже царственный городъ Багдадъ склонился во прахъ передъ царицею Андалузіи. Прославимъ же Аллаха и воздвигнемъ здѣсь храмъ, который затмилъ бы всѣ мечети, существовавшія до насъ и существующія теперь. Пусть онъ сравнится только со славнымъ Соломоновымъ храмомъ въ Іерусалимѣ. Соорудимъ Каабу запада, на мѣстѣ христіанскаго храма, чтобы подъ ослѣпительными лучами ислама потускло слабое сіяніе креста и чтобы новая мечеть не походила на церкви гяуровъ—да будетъ она четырехъугольная, какъ святилище Мекки.

Digitized by Google

Катабо получилъ повелѣніе войти въ соглашенье съ христіанами относительно цѣны храмовъ, которые должны быть снесены прочь, чтобы очистить мѣсто для мечети. Аріане, какими были тогда жившіе здѣсь готы, сначала отказались начисто, а потомъ потребовали невѣроятныя деньги, чтобы на нихъ соорудить три церкви во имя святыхъ Фаустуса, Фавнаріуса и Марсіана. Имъ тотчасъ же было уплачено требуемое безъ торгу. Всѣ святыни были вынесены изъ храмовъ, приговоренныхъ къ смерти, и халифъ приказалъ тотчасъ же сравнять ихъ съ землею. При этомъ рабочіе наткнулись на могучій фундаментъ храма Януса, стоявшаго здѣсь еще ранѣе аріанскихъ церквей. Вмѣстѣ съ рабочими трудился и Абдеррахманъ, подавая имъ неустанно примѣръ... Черезъ два года ему вторично приснился сонъ, и, созвавъ опять шейховъ, онъ сказалъ имъ:

— Великъ Аллахъ, и судьбы его неисповѣдимы. Сегодня онъ прислалъ мнѣ своего ангела сказать: готовься въ далекій путь. Начатое тобою дѣло окончитъ за тебя твой наслѣдникъ. Повинуйтесь же ему, какъ и мнѣ, и да прославится Мекка крайняго запада, чтобы нашимъ богомольцамъ не надо было ходить въ Аравію на поклоненіе святынямъ!... Да будетъ миръ надъ вами.

Въ тотъ же вечеръ, окруженный своими вассалами, онъ умеръ, до послѣдняго вздоха распоряжаясь работами.

Его сынъ и наслѣдникъ Гишамъ продолжалъ его работу, являясь ежедневно самъ на нее, и черезъ десять лѣтъ дивная кордуанская мескита была уже окончена вполнѣ, тотчасъ же послѣ славныхъ и новыхъ побѣдъ, одержанныхъ маврами надъ готами. Аллахъ явилъ тогда знаменіе въ томъ, что это новое чудо арабскаго искусства ему угодно. Въ ночь передъ открытіемъ мескиты для народа, вдоль всего карниза ея внутри, явилась громадная золотая вязь изреченій изъ корана, надъ которой не трудилась ничья рука. Ни одна мечеть не превосходила своимъ величіемъ и размѣрами кордуанскую. Даже сарагосская Михрабъ (святая святыхъ), которая была окружена одиннадцатью алтарями, была меньше и ниже кордуанской. Въ своей Абдеррахманъ велѣлъ прибавить еще восемь къ такимъ же одиннадцати. Саидъ-Бенъ-Айудъ, строившій мескиту, былъ прославленъ во всемъ мусульманскомъ мірѣ. Его оставили подданнымъ пророка, т. е. свободнымъ отъ всякаго подданства на землѣ, подарили пять дворцовъ, двѣ тысячи прелестныхъ рабынь, между которыми половина была кастильянокъ—знатнаго происхожденія; всѣ доходы Альмахены и Харама шли въ его казну. При Эль-Ханемѣ III былъ воздвигнутъ домъ молитвы, Кибла, принадлежавшій къ той же мечети; его всего по-

Digitized by Google

крыли золотыми и стеклянными мозаиками, которымъ отказывались уже тогда опредѣлить цѣну. Затѣмъ, въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, всѣ халифы что нибудь прибавляли къ этому пантеону мавританскаго владычества въ Испаніи, хотя въ теченіе вѣка отъ начала постройки—мескита уже считалась оконченною и послѣ изъ Дамаска, Багдада, Алеппо, Моссула, Мекки, Медины, Каира, Туниса и Магреба (Марокко) пріѣзжали сюда—увидѣть диво, о которомъ восточная молва разсказывала въ отдаленнѣйшихъ уголкахъ мусульманскаго міра совершенно невѣроятныя подробности. «Джемма», какъ назвали эту мечеть, долго еще, послѣ того какъ св. Фердинандъ отнялъ Кордову у мавровъ, оставалась принадлежащей имъ. Христіане не смѣли ея коснуться, останавливаясь съ благоговѣніемъ на порогѣ этого гигантскаго сооруженія. Ее со всѣхъ сторонъ окружали зубчатыя стѣны и дворцы.

Двадцать бронзовыхъ дверей, нынче замурованныхъ, были отлиты лучшими артистами мусульманства. Башня мескиты заканчивалась тремя громадными золочеными гранатами, всѣ ея стѣны обшили изразцами. Для плафоновъ храма были доставлены цѣлыя груды ливанскихъ кедровъ и кипарисовъ; самая тонкая рѣзьба и драгоцѣнныя инкрустаціи покрывали ихъ; съ нихъ на золотыхъ цѣпочкахъ висѣли отдѣланныя бирюзою, сердоликомъ, агатомъ и рубинами лампады безъ числа, въ которыхъ вѣчно горѣло благовонное масло, наполняя сумракъ мягкимъ свѣтомъ и ароматомъ. Въ Михрабѣ—вмѣсто лампадъ—масло жгли въ большомъ, вверхъ ногами опрокинутомъ и на толстыхъ серебряныхъ цѣпяхъ висѣвшемъ, колоколѣ, отнятомъ маврами у христіанъ. Колоколъ этотъ сначала висѣлъ надъ соборомъ св. Яго Кампостельскаго. Импровизированная лампада эта горѣла, какъ цѣлый снопъ соломы, пропитанный легко воспламеняющимися смолами...

Теперь всѣ ея двери, кромѣ четырехъ, заложены!.. Бронзовыхъ дверей нѣтъ, лампады перелиты въ металлъ.

Тѣмъ не менѣе, и теперь это цѣлый городъ, цѣлое марево. Подножія этихъ серпентинныхъ и яшмовыхъ колоннъ стерты тысячами, сотнями тысячъ богомольцевъ, сходившихся сюда со всѣхъ концовъ мусульманскаго міра. Мескита въ тѣ времена была полна—теперь въ ней пустынно. Никого! Я посѣщалъ ее во время службы—только въ затерянномъ гдѣ-то уголку было нѣсколько старухъ—и все... Мои спутники показали мнѣ присланныя сюда изъ Карѳагена, Эллады и Рима колонны—извлеченныя изъ руинъ и, съ величайшими трудностями, на особыхъ судахъ перевезенныя къ берегамъ Бетики. Кое-гдѣ христіане вставили свои подражанія мусульманскому орнаменту—но это скверныя олеогра-

Digitized by Google

фіи съ великолѣпныхъ картинъ. Рядомъ—осколки настоящихъ арабесокъ и мозаики отличаются отъ нихъ, какъ небо отъ земли. Казалось, испанцамъ никакъ не давалась изящная кривая линія, такъ у нихъ все прямо, грубо, угловато; а эти одѣтые въ шолкъ и кружева святые, аляповато вырѣзанные изъ дерева и раскрашенные—просто оскорбляютъ взглядъ. Чего же удивляться, что тѣ же католическіе духовные, еще въ прошломъ столѣтіи, требовали у испанскаго короля, чтобы онъ одѣлъ въ юбки классическія статуи своихъ музеевъ...

Кирпичи пола этого собора (мраморъ остался не вездѣ) глухо звучали подъ нами. Сказываютъ, тамъ скрыты глубокія подземелья, связанныя потайными ходами со многими руинами дворцовъ и альказаровъ Кордовы. Войдя въ одну дверь собора—я вышелъ въ противоположную и попалъ въ чудно освѣщенную солнцемъ улицу. Зубчатая стѣна здѣсь осталась, только арки ея задѣланы и легкой полувоздушной постройкѣ придали, такимъ образомъ, тяжеловѣсный, грубый характеръ готскихъ построекъ прошлыхъ вѣковъ. Самая стѣна, ея выступъ и контрфорсы—въ теченіе вѣковъ позолочены солнцемъ... Тутъ, въ одномъ изъ закоулковъ, я замѣтилъ сидящихъ въ тѣни кордуанскихъ бѣдняковъ. Какія красивыя, выразительныя лица! Какъ ни хлопотала инквизиція, и какъ усердно ни жгла она мавровъ, а они передали свою кровь андалузцамъ. И слава Богу. Ей, этой крови, андалузцы обязаны своей мягкостью, выразительностью, своей поэзіей, легендой и пѣсней.

Мнѣ пришлось быть въ Кордовѣ именно въ то время, когда черезъ этотъ городъ проѣзжало марокское посольство.

Я, по обыкновенію, утромъ, еще до наступленія знойнаго дня, попалъ въ бывшую мечеть... Каждый день въ ней открывались все новыя и новыя красоты—и, по прошествіи двухъ недѣль, для меня еще были въ ней невѣдомые уголки. Въ этотъ разъ я былъ около Puerta del Perdon—какъ вдругъ въ ней показались закутанные въ бѣлый шолкъ важные мавры, въ своихъ бѣлыхъ тюрбанахъ, медлительные, полные достоинства... Особенно одинъ изъ нихъ, шедшій впереди, былъ красивъ. Сѣдая борода низко падала на грудь—выраженіе лица дышало благородствомъ. Я пошелъ за ними... Мавры сдѣлали нѣсколько шаговъ, озираясь съ чувствомъ восторженнаго благоговѣнія. Старикъ совершенно неожиданно опустился, какъ будто для молитвы, и не выдержавъ, очевидно не осиливъ охватившаго его волненія, упалъ на полъ и зарыдалъ, какъ ребенокъ.

Впослѣдствіи мнѣ передавали, что онъ—потомокъ одного изъ строителей этой мечети. Абу-Бекръ-Ибрагимъ—вліятельнѣйшій изъ

Digitized by Google

шейховъ Магреба, хранитъ даже до сихъ поръ ключъ отъ кордуанскаго дворца, нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ принадлежавшаго его предкамъ. Теперь и дворца этого нѣтъ вовсе—а ключъ еще бережно переходитъ отъ отца къ сыну, какъ святыня...

Лучшая часть Джеммы—это ея святая святыхъ, Михрабъ, отличавшаяся такою роскошью, о которой нынче ничто не дастъ понятія. Ее христіане нашли нечаянно. Дѣло въ томъ, что, передъ сдачею города кастильцамъ, мавры замуровали ее и заложили кирпичами, такъ что ее невозможно было нигдѣ найти. Хорошо еще, что, неожиданно поправляя стѣну, каменьщики пробили отверстіе въ Михрабъ въ 1815 году. Случись это ранѣе—съ нея тоже содрали бы арабески, въ полномъ смыслѣ слова прелестныя, и замазали штукатуркою стѣны, каждая пядень которыхъ является, въ полномъ смыслѣ слова, драгоцѣнностью. Теперь изъ нея сдѣлали капеллу «Viña viciosa»—и намъ показывали на мраморѣ ея пола, вытертаго колѣнями, слѣды мусульманскихъ поклонниковъ. Дѣло въ томъ, что въ Михрабъ позволялось входить только на колѣняхъ, и милліоны пилигримовъ, такимъ образомъ, провели эти глубокія борозды. Съ Михрабомъ былъ связанъ Максурахъ—мѣсто, гдѣ присутствовалъ только одинъ халифъ, никому не видимый. Изъ Максураха въ его дворецъ—Альказаръ, шелъ подземный ходъ, обложенный мраморомъ, гдѣ день и ночь горѣло ароматное масло въ серебряныхъ лампадкахъ. Въ самомъ Михрабѣ висѣла люстра въ 1,454 огней. Сверхъ того, въ большіе праздники здѣсь зажигалась колоссальная свѣча, горѣвшая, какъ костеръ, передъ имамомъ.

Михрабъ—ни съ чѣмъ инымъ я не могу сравнить, какъ съ пышнымъ цвѣткомъ, распустившимся посреди мраморнаго и яшмоваго лѣса Джеммы. На немъ когда-то сіяло имя Абдеррахмана, перваго строителя мескиты, но испанцы стерли его... Здѣсь лежалъ пергаментъ, на которомъ величайшій изъ испанскихъ халифовъ, тотъ же Абдеррахманъ, самъ написалъ, умирая:

«Я царствовалъ пятьдесятъ лѣтъ и упился всѣми радостями. Но въ лонѣ могущества, окруженный славою, наслажденіями, я насчиталъ только четырнадцать дней истиннаго счастія!»

Какой меланхоліей дышутъ эти немногія строчки.

Въ нихъ весь печальный смыслъ загадки, которую называютъ существованіемъ человѣка!

Digitized by Google

VI.

Въ 1578 году Кордова была поражена чумою... Испанскіе монахи объяснили эту кару божью тѣмъ, что кастильскіе конквистадоры—частью совсѣмъ поселились во дворцахъ мавровъ и не снесли ихъ прочь съ лица земли со всею «бѣсовскою роскошью и пагубною прелестью». Частью такіе дворцы тогда же были благочестиво сожжены, частью изъ нихъ выселились вонъ ихъ непрошенные и самозванные хозяева... Монахамъ этого показалось мало—они потребовали полнаго истребленія кордуанской Джеммы, но тутъ уже вступилось айунтаменто, и ему удалось отстоять знаменитую мечеть обѣщаніемъ построить другой соборъ въ городѣ. Тѣмъ не менѣе, чума продолжалась...

Жилъ, въ это время, въ бывшей блистательной столицѣ халифовъ, благочестивый «дворянинъ и священникъ» донъ Андре Роэласъ. Онъ былъ очень огорченъ страданіями своихъ согражданъ—и непрестанно молился Господу о прекращеніи ужасной эпидеміи... 7-го мая, онъ сидѣлъ у себя дома, все думая о томъ же бичѣ—какъ вдругъ на порогѣ его комнаты показался прекрасный юноша.

— Кто ты?—спросилъ удивленный «дворянинъ и священникъ».

— Jo te juro por Jesu Cristo crucificado, que soi Rafaël-angel, á quien Dios tiene puesto por guarda de esta ciudad. (Я тебѣ клянусь Іисусомъ-Христомъ Распятымъ, что есмь Рафаэль-архангелъ, которому Господь повелѣлъ быть хранителемъ этого города).

Затѣмъ, какъ разсказываетъ «Истинное повѣствованіе и любопытная легенда о господинѣ святомъ Рафаэлѣ, архангелѣ, адвокатѣ чумы и хранителѣ города Кордовы», прекрасный юноша сѣлъ въ кресло противъ Андре Роэласа, и они долго бесѣдовали другъ съ другомъ, послѣ чего чума прекратилась. А «господинъ св. Рафаэль-архангелъ» сдѣлался «офиціальнымъ депутатомъ Кордовы». Въ память этого событія была воздвигнута колонна. Или, лучше сказать, воспользовались прекрасною римскою колонной, стоявшей посреди города и пощаженною временемъ, и на ней воздвигли статую ангела, а внизу прикрѣпили доску съ изображеніемъ подлинныхъ словъ архангела, приведенныхъ нами выше... Мы изъ собора пошли къ этому памятнику. Какъ красиво рисовался цѣльный монолитъ его на темносинихъ небесахъ Андалузіи! Онъ поставленъ надъ осколкомъ утеса, въ которомъ находится могила «добраго епископа» Паскаля. Розовый мраморъ колонны, пережившій два тысячелѣтія—величавъ и поражаетъ своею простотою посреди пе-

Digitized by Google

строты и аляповатости кастильскихъ деталей. Около—римскій бронзовый левъ ощетинился и выпустилъ когти... Мы отсюда пошли къ набережнымъ.

И опять—здѣсь, какъ и вездѣ въ Кордовѣ—ничто не говоритъ вамъ о нынѣшнемъ днѣ! Мы спускаемся къ самому Гвадалквивиру, запруженному здѣсь. Налѣво отъ насъ римскій мостъ «Каракола», направо мавританскія башни. Puento Viejo тоже защищенъ такими же. Караколою собственно называется громадная башня по ту его сторону. Она грозно стоитъ на стражѣ Кордовы, какъ вѣрный часовой, выдвинувшись далеко передъ нею. Самый мостъ этотъ такъ красивъ, съ своими тысячелѣтними арками, съ толпою, которая кишмя кишитъ на немъ, съ этими мулами, всю окрестность наполняющими звономъ своихъ бубенцовъ и колокольчиковъ, съ дилижансами, скачущими стремглавъ по городу, точно отъ погони. Ослы топочутъ тоже, легко выдерживая тяжести, изъ-за которыхъ только и различишь громадныя уши четвероногаго философа, а самого его не видно. Все это стремится въ Севилью... Вонъ даже андалузскіе всадники. Самъ сидитъ верхомъ въ сѣдлѣ—заимствованномъ у мавровъ и такомъ же пестромъ, вышитомъ шелками, отдѣланномъ бахромою, помпонами, золотыми и серебряными нитками,—а позади, уже на крупѣ сидитъ женщина, спустивъ хорошенькія ножки и счастливо улыбаясь прохожимъ, посылающимъ ей: «che guapa!» (такая красивая!). Часто и всадникъ, и его «querida» завернулись въ одну и ту же капу и тѣсно прижались другъ къ другу... А тамъ, за мостомъ! Какая счастливая даль грезится увлеченному взгляду...

Мы поднялись.

Надъ нами послышался смѣхъ. Оглядываемся, оказывается семинарія. Мрачное зданіе, острожныя рѣшетки, но изъ-за нихъ смотрятъ такія веселыя, такія оживленныя лица! Какъ-то странно было видѣть черныя расы и шляпы à la don Basilio — на этой молодежи. Я заговорилъ съ ними—мнѣ разомъ отвѣтило нѣсколько голосовъ.

— Васъ взаперти здѣсь держутъ?—спрашиваю.

— Да, съ тѣхъ поръ какъ назначили въ Кордову новаго епископа.

— И вамъ не скучно?..

— Кордуанскимъ дѣвицамъ еще скучнѣе безъ насъ.

— Ого!

— Еще бы! Но это долго длиться не можетъ.

— Почему?

Digitized by Google

— Мы сдѣлаемъ pronunciamento и вернемъ себѣ наши «вольности». Мы уже послали депутатовъ къ епископу.

— Значитъ, до свиданія на улицахъ?

— Да... Вечеромъ—приходите къ Calla Libreria послушать.

— Чего...

— Какъ мы будемъ играть на гитарахъ.

— Что же, вы даете концертъ?

— Да... Только для нашихъ «новій», подъ ихъ окнами.

— Въ этихъ шляпахъ?

— О нѣтъ, мы переодѣнемся.

И опять беззавѣтный смѣхъ...

Опять пустынныя улицы, опять тишина и молчаніе города, словно задумавшагося о своемъ прошломъ. Вдоль однообразныхъ бѣлыхъ домовъ, часто съ одинокими заставленными мирадорами окнами, мы идемъ къ альказарамъ. Ихъ два: въ новомъ — тюрьма; старый сохраняется въ томъ видѣ, въ какомъ его оставили кастильскіе разрушители. Лучше всего то, что «арабы», которыхъ современные испанскіе патріотическіе писатели старались изобразить варварами, наслѣдовавъ отъ побѣжденныхъ ими готовъ римскія сооруженія, не только не уничтожили ихъ, но, напротивъ, поддерживали одни, улучшали другія. Такъ они сдѣлали и съ Альказаромъ viejo (віехо-старикъ). Здѣсь стоялъ дворецъ римскаго претора. Мавры отдѣлали его стѣны своими арабесками, подняли надъ нимъ зубчатыя башни, окаймили его садами, роскошь которыхъ—краснорѣчивѣе всякихъ книгъ говоритъ о томъ, сколько добра внесли съ собою въ Иберію эти завоеватели. Испанцамъ оставалось бы только поддерживать созданное мусульманами, и Андалузія съ Кастиліей теперь являлись бы раемъ. Но абсолютизмъ и нетерпимость задавались не тѣмъ. Чтобы сдѣлать изъ свободныхъ людей рабовъ—надо воспитать въ нихъ инстинкты ненависти ко всему чужеземному, что и Филиппамъ, и Торквемадамъ удалось въ полной мѣрѣ.

Въ рѣшетчатыя окна смотрѣли на насъ заключенные. Какъ мрачны ихъ лица, съ какою ненавистью они провожаютъ глазами часовыхъ! Варварство готовъ до сихъ поръ сказывается здѣсь. При малѣйшемъ шумѣ—солдаты имѣютъ право стрѣлять въ арестантовъ. Такъ, въ Барселонѣ часовой, увидавъ недавно въ окнѣ чье-то лицо и вспомнивъ, что тамъ заключеннымъ запрещается смотрѣть на улицу, приложился и, выстрѣливъ, положилъ наповалъ... директора тюрьмы! Солдаты берутся изъ другихъ провинцій. Между различными областями здѣсь до сихъ поръ, по принципу: «раздѣляй и властвуй», правительство старается поддерживать

Digitized by Google

вражду и рознь. Понятно, что часовые кастильцы не церемонятся съ арестантами-андалузцами и хлопаютъ ихъ, какъ таракановъ. Режимъ солдатскаго самоуправства—не влечетъ за собою никакихъ непріятностей для убійцъ.

— Онъ меня оскорблялъ изъ окна—я его убилъ.

И баста!

Можетъ быть, и не думалъ оскорблять — просто замечтался или засмотрѣлся на голубое небо, на жемчужныя облака...

— Онъ намѣревался бѣжать.

Никто на это не предлагаетъ вопроса:

— Въ чемъ *выразилось* это намѣреніе?

Мадридъ, созданный абсолютизмомъ Филиппа II, только и можетъ держаться страхомъ, ужасами жандармскаго режима, о которомъ мы уже говорили не разъ, насиліями солдатчины...

Намъ по неволѣ пришлось любоваться альказаромъ снаружи—но въ старый садъ, помнящій времена Эль-Гахема, Абдеррахмана и Альмансура — мы вошли безпрепятственно... Намъ на встрѣчу вышла старуха-сторожиха съ такою красавицей дочкой, что, живи она во времена халифовъ, ей бы не избѣжать гарема въ Эль-Закра. Живыя изгороди букса дышали свѣжестью, громадные кусты геліотроповъ благоухали кругомъ, пальмы мавровъ печально поднимались въ синее небо, задумчиво склоняя свои пышныя верхушки. Японскій миртъ, свѣжій и нѣжный, какъ пухъ—облаками приникалъ къ землѣ. Олеандры — громадными деревьями стояли въ пышныхъ гроздьяхъ своихъ розовыхъ цвѣтовъ, цѣлыя аллеи старыхъ апельсинныхъ деревьевъ сплетались въ непроницаемые своды. Магноліи съ бѣлыми и розовыми цвѣтами, платаны, такіе могучіе, такіе властные, что, казалось, они стоятъ здѣсь цѣлыя тысячелѣтія... Какихъ событій, какого величія и упадка, какихъ битвъ и побѣдъ были свидѣтелями всѣ эти великаны, точно забытые временемъ. Сколько счастья и сколько горя видѣли они съ тѣхъ поръ, какъ отъ людей, посадившихъ ихъ, не осталось даже и воспоминанія. Розы запутались въ плющѣ и цѣлымъ водопадомъ покрыли отсюда стѣны альказара, такъ что изъ-за наводненія этой зелени только торчатъ старые арабскіе зубцы наверху. Какимъ-то эпизодомъ волшебной сказки является этотъ садъ, эпизодомъ, осуществившимся во снѣ молодаго поэта... Мнѣ захотѣлось быть одному. Я предоставилъ друзьямъ бродить по аллеямъ, а самъ забрался въ благоухавшую невиданными цвѣтами бесѣдку... Около плакалъ фонтанъ, слышалось журчанье воды, сбѣгавшей внизъ съ каменныхъ лѣстницъ... Вдали, изъ бѣлаго марева

Digitized by Google

города подымались башни и колокольни — воздушныя, прозрачныя. Подуетъ вѣтеркомъ и унесетъ ихъ прочь—такъ онѣ легки...

И какъ жалко было старой жизни!

Здѣсь совершались поэтическіе турниры Ибнъ-Абдъ-Реббихи, Мудиръ-Ибнъ-Саида и другихъ пѣвцовъ; здѣсь читали свои вдохновенныя поэмы Ибнъ-Дерсадъ, Юсуфъ-Аръ-Рамади и Зиріабъ багдадскій. Здѣсь знаменитая Зорайда — невольница — была за свои лирическія стихотворенія признана царицей поэзіи; здѣсь другая мавританка, имя которой, къ сожалѣнію, стерлось изъ моей записной книжки, выдержала ученый диспутъ съ такимъ свѣтиломъ знанія, какимъ являлся тогда Аверроэсъ, признавшій себя побѣжденнымъ ею! Здѣсь султаны Гишамъ и Куссафа созывали своихъ лѣтописцевъ, между прочимъ, и славнаго Ибнъ-Адхари, чтобы они предъ лицомъ всѣхъ старѣйшинъ читали исторію ихъ царствованій.

— Если вы льстили мнѣ,—сказалъ Гишамъ,—вамъ будетъ стыдно предъ лицомъ своихъ согражданъ...

«Colle st. Fernando», на которую мы выбрались отсюда, идетъ черезъ весь городъ, капризно извиваясь во всѣ стороны, такъ что, проходя по ней, вы видите только маленькій клочокъ одной изъ главныхъ артерій Кордовы. Странная улица! Громадныя зданія упраздненныхъ монастырей остались въ сторонѣ. Тутъ крохотные домики направо и налѣво... Ни одной лавки, но зато всюду торчатъ милые узорчатые балкончики и изящныя рѣшетки оконъ. У нѣкоторыхъ оконъ полуотворены ставни и молодые люди, прислонясь къ нимъ, шепчутъ что-то. Въ сумракѣ, за ставнями мерещутся хорошенькія головки кордуанокъ. Очевидно, «ощипываніе павлина» [1]) идетъ здѣсь во всю! Такимъ образомъ, мы попадаемъ на большую «placa de Mercato», обставленную высокими домами и галереями. Точно какіе-то чудовищные пауки запутали всѣ эти дома своими желѣзными паутинами... Здѣсь чаще всего жгли невѣрныхъ, и еще въ прошломъ столѣтіи эту площадь называли—площадью сорока дѣвственницъ. Дѣло въ томъ, что, желая доставить своему muy noble e muy leal ciudad de Cordova (благороднѣйшему и законнѣйшему городу Кордовѣ) особенное удовольствіе, Филиппъ II приказалъ выбрать изъ всѣхъ тюремъ Испаніи—сорокъ красивѣйшихъ евреекъ и мавритянокъ, причемъ наблюдалось, чтобы всѣ онѣ были дѣвственницами. Ихъ съ величайшимъ

---

[1]) *Ощипываніе павлина*—pelar la pava—терминъ, которымъ въ Андалузіи называютъ ухаживаніе, почти всегда издали, цѣломудренное, часто даже безъ надежды на взаимность.

Digitized by Google

тріумфомъ и помпою привезли сюда и, предварительно украсивъ всю эту площадь цвѣтами, коврами, девизами, гербами, флагами и зеленью—торжественно сожгли на ней этихъ несчастныхъ... «Радостно было видѣть,—говоритъ отецъ Бартоломео,—эту красоту, приносимую Богу, и Господь, въ ознаменованіе того, что жертва угодна ему—приказалъ разойтись тучамъ, нѣсколько дней покрывавшимъ небо, и оно сіяли надъ Кордовой въ это утро во всемъ своемъ безмятежномъ блескѣ». Другой, описывая это зрѣлище, прибавляетъ, что оно было не только «прелестно для глазъ, но и усладительно для души». И тѣ же монахи, описывая религіи Перу и Мексики, ставили ихъ жрецамъ въ вину человѣческія жертвоприношенія... Развѣ кастильскія ауто-да-фе не то же самое?

Отсюда недалеко до площади Gran-Capitano—затопленной солнцемъ. Ранѣе она называлась «мѣстомъ покаянія». Тутъ халифъ Мансуръ (не Альмансоръ), побѣжденный испанцами, потому что, вмѣсто приготовленій къ бою, онъ занимался праздными разговорами съ красавицей-христіанкой, присланной ему въ даръ королемъ Наварры, приказалъ улемамъ публично судить себя. Когда они отказались отъ этого, онъ созвалъ обыкновенныхъ судей-кадіевъ и спросилъ ихъ при всемъ народѣ:

— Что полагается измѣннику?

— Ему должна быть отрублена правая нога и лѣвая рука, и потомъ онъ подлежитъ смерти огнемъ.

— Исполните этотъ приговоръ надо мной.

Мансура въ Кордовѣ всѣ любили—и въ народѣ не нашлось охотниковъ казнить его. Халифъ призвалъ христіанскихъ плѣнныхъ и предложилъ имъ свободу за исполненіе надъ нимъ приговора. Никто не соблазнился этимъ.

Мансуръ ушелъ въ Михрабъ Джеммы и заперся тамъ—приказавъ войти туда улемамъ черезъ десять дней. По окончаніи этого срока, они явились къ халифу и застали его распростертымъ на полу Михраба. Мансуръ уморилъ себя голодомъ. Аллахъ, впрочемъ, показалъ, что онъ примирился съ душею халифа, потому что изъ мраморнаго пола Михраба надъ трупомъ халифа поднялись бѣлыя лиліи...

Я говорилъ о присылкѣ въ подарокъ «христіанской» красавицы. Это наварцы присылали въ подарокъ, а кастильскіе короли обязаны были, въ видѣ подати, доставлять въ гаремъ кордуанскаго халифа по 400 красивѣйшихъ дѣвушекъ ежегодно. Лучшихъ изъ нихъ халифъ бралъ себѣ, остальныхъ дарилъ своимъ вельможамъ и военачальникамъ.

Digitized by Google

VII.

Я не знаю ничего прекраснѣе Кордовы въ лунную ночь. Каждый день я нетерпѣливо ждалъ, когда солнце закатится за холмы, обливъ на прощаніе живымъ и теплымъ румянцемъ этотъ бѣлый городъ. Мѣсяцъ заставалъ уже меня на его улицахъ. Если лунный свѣтъ можетъ придать красоту Козьмодемьянску—то представьте себѣ, что̀ онъ дѣлаетъ изъ Кордовы. Вся она затоплена его серебристо-голубыми лучами, затоплена такъ ярко, щедро, что несчастные газовые фонари пугливо мигаютъ и жмурятся, точно задумываясь: зачѣмъ мы это сюда затесались? Въ синемъ царствѣ чудной ночи, серебряныя улицы, серебряные дома, небо, полное страстно и нѣжно сверкающихъ звѣздъ, уносятъ въ какой-то очарованный міръ самаго равнодушнаго туриста... Эти перспективы бѣлыхъ зданій, эти черныя облака садовъ, эти раскрывающіеся на ночь цвѣты; эти величавыя руины, молодѣющія и словно воскресающія въ сумракѣ; минареты и башни—заманиваютъ васъ все дальше и дальше... Пѣсни и смѣхъ слышатся изъ патіо, гдѣ у фонтановъ сбираются кордуанки... Изрѣдка нѣжный звонъ гитары идетъ изъ него и видишь завернувшагося въ плащъ юношу у рѣшетки окна; невольно стараешься разглядѣть, чья головка мерещится во тьмѣ за нею... А вотъ бѣлый мраморъ, на немъ цѣлыми потоками мерцаетъ и зыблется сіяніе мѣсяца—и на этомъ бѣломъ мраморѣ силуэты пальмъ. Далѣе арки—черныя рѣзкія тѣни въ нихъ... Вотъ широкіе листы банановъ, кудрявыя листья померанцевъ, громадная магнолія, и на ней бѣлые большіе цвѣты тоже кажутся вычеканенными изъ серебра. Какимъ ароматомъ вѣетъ отовсюду! Не ушелъ бы... Чу... Откуда это звучитъ такое прелестное контральто?.. Сладкій теноръ въ отвѣтъ ему. Я быстро и безъ церемоніи останавливаюсь у золоченой рѣшетки большаго патіо... Тамъ, въ темной зелени гранатовыхъ деревьевъ висятъ китайскіе фонари, тихо ропщетъ фонтанъ и какая-то красавица,—въ этомъ лунномъ свѣтѣ всѣ кажутся красавицами,—поетъ, перебирая струны; мужъ ея повторяетъ за нею ея «coplas», съ легкими измѣненіями. И ночь притаилась, и точно прислушивается къ нимъ... Меланхолически-тихо льются мотивы пѣсни, какъ воды Гвадалквивира. Такъ тепло кругомъ, такія благоуханія струятся въ этой теплотѣ, что пьешь, пьешь воздухъ и напиться имъ не можешь... Зубцы старыхъ башенъ тонко рисуются на потемнѣвшихъ небесахъ, арки галереи вверху—смотришь и не насмотришься. Ихъ бѣлыя колонны и своды точно вырѣзались на агатѣ. А мра-

Digitized by Google

морное кружево и лѣпныя арабески—первое такъ воздушно, вторыя такъ выпуклы при этомъ освѣщеніи!.. И что ни шагъ, то новая красота... А пѣсня, оставшаяся позади, и дразнитъ, и манитъ, невольно оборачиваешься, идешь къ ней. Теперь ужь поетъ одно контральто, чуть дышутъ струны, оттѣняя своею грустью весь проникнутый лирическою дрожью голосъ.

Вотъ, въ сторонѣ, прислонясь лицомъ къ рѣшеткѣ окна, замеръ въ блаженномъ самозабвеніи какой-то юноша, совершенно не замѣчая, что предательская луна такъ и льетъ на него свой серебристый свѣтъ. На бѣлой стѣнѣ дома этотъ новіо весь такъ и вырѣзался красивою черною фигурою, а по другую сторону мирадора къ той же рѣшеткѣ и тоже щекою прижалась какая-то сеньорита и слушаетъ влюбленнаго, и тихо шепчетъ ему что-то. Стоитъ ей только шевельнуться, и губы ихъ, на зло желѣзу этихъ перилъ, встрѣчаются... Луна и ее выхватила изъ окружающаго мрака. У меня до сихъ поръ въ памяти ея блѣдное матовое лицо съ большими пылающими глазами. Я понимаю, что итальянскаго путешественника де-Амичиса это заставило вопить посреди улицы. Я былъ постарше и любовался спокойно счастливою старою Испаніею, пережившей саму себя и кажущеюся анахронизмомъ въ наше далеко не цѣломудренное, но зато сугубо фарисейское время. «Ощипывать павлиновъ» хорошо въ восемнадцать-девятнадцать лѣтъ... Какъ-то недавно я читалъ въ статьѣ одного критика, что Испанія мирадоровъ, ночнаго дежурства влюбленныхъ подъ балконами и окнами давно отошла въ область преданій. Это несовсѣмъ вѣрно. Каждому, кто *жилъ* въ Андалузіи, не проѣздомъ, а мѣсяцами, случалось въ лунныя ночи, чуть не у каждаго дома, встрѣчать такихъ влюбленныхъ новіо. Хорошіе старые обычаи не такъ-то легко уходятъ изъ міра, и дай Богъ испанскимъ юношамъ цѣлые вѣка еще «ощипывать павлиновъ». Это, въ сущности, очень невинно! Часто случается, что такой вздыхатель, простоявъ по ночамъ года два подъ окнами своей возлюбленной, вдругъ узнаетъ отъ нея:

— Завтра, Хозе, вы уже не приходите?

— Почему?

— Потому что я сговорена!

Вздыханіе вздыханіемъ — а дѣло дѣломъ. У ночныхъ дежурныхъ нѣтъ обыкновенно ни денегъ, ни положенія, а андалузскія красавицы подбиты весьма практическимъ мѣхомъ. Цѣловалась и разговаривала въ окно съ какимъ нибудь красавцемъ-юношею—а въ церковь идетъ съ толстымъ адвокатомъ или солиднымъ купцомъ. Все это въ порядкѣ вещей и никого не удивляетъ. Мнѣ придется оста-

Digitized by Google

навливаться на этихъ обычаяхъ подробнѣе въ будущихъ очеркахъ «Севильи»—теперь же желающимъ познакомиться съ этою стороною испанской мѣстной жизни покороче, я рекомендую поэтическіе и изящные разсказы графа Саліаса: «Los Novios».

Опять по улицамъ, по площадямъ. Въ эту лунную ночь рѣпительно не тянетъ домой. Опять видишь счастливыя парочки. Хорошо еще новіо, если его querida живетъ внизу. А каково бѣднягамъ, у которыхъ онѣ взмостились на третій этажъ. Не угодно ли до зари проторчать, задравши голову вверхъ... Къ этакимъ ихъ возлюбленныя выходятъ на балконы и, «продѣвая дивную ножку сквозь чугунныя перила», дразнятъ ихъ, какъ говорится, до бѣла... Одна такая осталась въ моей памяти. Вся завернувшись въ бѣлое, подъ серебряными лучами луны, она такъ изящно и граціозно склонилась на золоченое желѣзо балкона! Будь я художникъ, я бы ее умолялъ не пугаться и не шевелиться, пока не зарисую ее въ альбомъ. Другой такой позы не придумаешь, не сдѣлаешь такихъ художественныхъ складокъ платья и шали. Вся въ роскошныхъ кудряхъ, она большими и печальными глазами смотрѣла куда-то вдаль. Мнѣ чудилось, что она слушаетъ вовсе не этого юношу внизу, а что-то другое, заманчивое, грустное, нѣжное, ей одной говорящее въ задумчивой тишинѣ этой заколдованной ночи и ей одной слышное и понятное... Я, правду сказать, пожалѣлъ юношу и его даромъ пропадающее краснорѣчіе! Бѣдный! Я думаю, у него шея болѣла отъ этой неестественной позы.

По узкимъ щелямъ, залитымъ луною, я вышелъ къ собору. Мрачно рисуются его зубчатыя стѣны на темной синевѣ ночнаго неба. Направо тонко и изящно высится римская колонна съ архангеломъ Рафаэлемъ.—Мимо... Совсѣмъ мертвые дома. И жалузи опущены, какъ рѣсницы. Лунный свѣтъ ворвался въ патіо одного и выхватилъ изъ его сумрака бѣлыя арки, широкіе листы банана, темную зелень гранатника со статуей—бѣлой, словно притаившейся въ ней. Кого ждетъ эта мраморная богиня? Бѣлая грудь ея, кажется, дышетъ.

Вотъ и пуэрта, и мостъ съ своими тяжелыми аркадами, и золотистая, даже при лунѣ, поверхность медленно струящагося Гвадалквивира. Ворота съ древними римскими колоннами, строго бѣлѣющими надъ рѣкою, съ торжественнымъ порталомъ... Какъ реликвію, хранитъ Кордова это наслѣдіе Рима. Тихо иду черезъ мостъ. Далеко звучитъ эхо моихъ шаговъ, рѣзко ложится тѣнь за мною... Дуга моста высоко подымается надъ Гвадалквивиромъ, на могучихъ и массивныхъ массахъ камня покоются такіе же могучіе и массивные своды... Такъ и вѣетъ все силою и величіемъ Рима...

Digitized by Google

Никто, кромѣ него, не создавалъ подобныхъ твердынь, кромѣ египтянъ. Посреднѣ моста башенка—въ ней свѣтится золоченый св. Рафаэль... Мостъ заканчивается замкомъ, состоящимъ точно изъ пяти громадныхъ слившихся, сплотившихся въ одну башенъ. Это и есть знаменитая Карахола. Такъ, пять стволовъ деревьевъ срастаются въ одинъ, причемъ каждый хранитъ свои очертанія. Мрачная и величавая стоитъ эта, тоже римская, крѣпость, этотъ передовой форпостъ Кордовы. Какъ далеко онъ бросаетъ свою тѣнь на тотъ берегъ, какъ безмолвно и краснорѣчиво свидѣтельствуетъ объ иныхъ временахъ и навсегда отошедшей грозной силѣ... Какою серебряною парчею, синими тѣнями бархата, черными складками траурной мантіи одѣли ее и эта луна, и это небо, и эта о чемъ-то грезящая ночь. Въ угрюмой тѣни ея я пустился на зарѣчную сторону. Тутъ все уже спало. Ни одного огня; окна домовъ, какъ слѣпыя очи на солнце, не прикрывшись своими жалузи, смотрѣли на мѣсяцъ. Отсюда Кордова рисовалась въ лунномъ свѣтѣ вся передо мною, спокойно изящная, съ башнями замковъ и алказаровъ, съ зубчатыми стѣнами, колокольнями соборовъ и цѣлымъ моремъ черепичныхъ кровель. Представьте себѣ весь этотъ чудный городъ, дугою раскинувшійся передъ вами надъ Гвадалквивиромъ—въ мягкомъ освѣщеніи ночи, выступающій очаровательнымъ миражемъ маленькихъ бѣлыхъ домовъ, гдѣ всякая тѣнь рѣзка и черна, гдѣ однѣ стѣны преувеличенно выдѣляются на свѣтъ, а другія также преувеличенно уходятъ въ мракъ. Вонъ купола мечети... желтая громада Джеммы... Весь ея могучій силуэтъ на виду. Онъ, какъ чудовищный прессъ-папье, давитъ Кордову, причудливую и разбросанную. Я невольно, возвращаясь назадъ, остановился посреди моста и не смѣлъ идти дальше. Мнѣ казалось — еще шагъ, и это очарованіе исчезнетъ. Мерещилась Кордова такою, какою она была когда-то, со всѣми своими сокровищами, поэтическая и задумчивая, съ эпическими былинами побѣдоносныхъ халифовъ, съ лиризмомъ ярко и пышно расцвѣтающей жизни,—царица мусульманскаго міра съ ея великодушными рыцарями-арабами, съ ея поэтами, поэтессами, пѣвцами. О, какъ мнѣ понятенъ былъ въ эту минуту вопль Ибнъ-эль-Салеха:

— «О, дайте мнѣ еще разъ вздохнуть воздухомъ Кордовы, одну только ночь налюбоваться ею, спящею подъ лунным свѣтомъ, дать ей послѣдній поцѣлуй и уйти, чтобы умереть безвѣстнымъ изгнанникомъ среди желтыхъ пустынь сожженной солнцемъ Африки.

«О, вѣтеръ, вѣтеръ, вѣющій оттуда сквозь вершины Невады и

Digitized by Google

Атласа, принеси мнѣ благоуханный привѣтъ моихъ гранатовыхъ цвѣтовъ и розъ! За вѣтку померанца изъ моего нѣкогда сада я отдамъ свою правую руку.

«Бѣдный мой конь, съ тѣхъ поръ какъ ты унесъ меня оттуда—мы съ тобою не знали ужь счастья. Счастье осталось тамъ. Оно не гналось за нами, какъ гнались враги—иначе мы дали бы ему настигнуть насъ и увести съ собою въ полонъ, въ золотую, счастливую Кордову»...

Стоя здѣсь, на этомъ древнемъ римскомъ мосту, любуясь этою задумчивою Кордовой—мнѣ показалось, что я буду тосковать о ней въ снѣгахъ своего холоднаго сѣвера, какъ тосковалъ благородный мавръ въ пустыняхъ знойной Африки. Тосковать и мучиться, и молить вѣтеръ—донести до меня хоть одну струю тѣхъ благоуханій, которыя въ ту ночь волнами неслись мнѣ на встрѣчу изъ спящаго города. Казалось, всѣ апельсинные цвѣты раскрылись, всѣ розы задышали жадно, всѣ жасмины умирали, исходя своими ароматами. Гдѣ-то ударило два часа... Тихо разлился этотъ звонъ надъ миражемъ бѣлыхъ домовъ.

Пора!

Склонивъ голову, я печально вступилъ въ Римскія ворота, думая о томъ, что еще недѣля, и мнѣ придется оставить навсегда Кордову. Навсегда! Съ нашего далекаго сѣвера не легко опять вернуться на этотъ благоуханный и поэтическій югъ.

Утромъ, когда я растворилъ двери и вышелъ на мой балконъ, цѣлыя лѣстницы кровель подо мною разбѣгались во всѣ стороны. Изъ ихъ старыхъ черепицъ подымались кустами желтые и розовые цвѣты... Кое-гдѣ галереи на верхушкахъ башенъ сквозили на этомъ небѣ, такъ что, казалось, въ ихъ арки вставлены темно-синія стекла... Лѣниво шелъ день. Именно лѣниво! Въ Кордовѣ никто не знаетъ времени.

— Вы готовы?—послышалось внизу.

Смотрю: донъ Бенито уже ждетъ меня.

— А развѣ мы сегодня собирались куда нибудь?

— Еще бы, въ huerta (поля). Посмотрѣть окрестности Кордовы...

Мы рѣшили идти пѣшкомъ. Это самый лучшій способъ узнать или увидать что нибудь. Изъ оконъ вагона—мимо васъ страна только мелькаетъ, коляска слишкомъ убаюкиваетъ и погружаетъ мысль «въ какой-то сладкій сонъ», теряется охота спрашивать и не хочется останавливаться. Верховая ѣзда сама по себѣ такое удовольствіе, что съ сѣдла видишь страну—но о ней не думаешь. Единственный способъ, который я рекомендую всѣмъ туристамъ—

Digitized by Google

забыть, по крайней мѣрѣ, въ городахъ, что на свѣтѣ существуютъ извощики... Мы живо оставили за собою Кордову и погрузились въ ея счастливыя поля. На темносинемъ небѣ красиво рисовались безлистныя, но осыпанныя алыми цвѣтами деревья. На сочной зелени луговъ, которую еще не успѣло сжечь безпощадное солнце, виднѣются серебристо-сѣрыя кудрявыя оливки съ исковерканными, изогнувшимися и извернувшимися стволами... Мы обгоняемъ толпы празднующаго что-то народа. Все ярко, пестро, радостно, шумно. На встрѣчу намъ—показываютъ бутылки съ виномъ... «Brindo para uste» кричитъ какая-то смуглянка... Сіерра Морена—точно подвинулась къ намъ своими отрогами. Сіерра Невада бѣлыми вершинами тонетъ въ цѣлой безднѣ голубаго свѣта, далеко, далеко. Хуэрта эта носитъ почему-то названіе «сеговійской». Какъ рѣзки очертанія Невады и какъ, напротивъ, нѣжно и мягко выдѣляются гребни и купола Морены. Какъ красиво между ними вьется Гвадалквивиръ съ бѣлымъ призракомъ Кордовы. Вдоль дороги подымаются ракетами громадныя алоэ. Нѣкоторыя въ цвѣту, другія только взбросили вверхъ свои смѣлые, словно грозящіе кому-то, стволы. Волны аромата струятся по хуэртѣ; миріады, цѣлое наводненіе цвѣтовъ льется со склоновъ горъ... Встрѣчающіеся намъ поселяне полны чисто восточнаго изящества. Говоръ ручьевъ, обгоняющихъ насъ, изрѣдка шелестъ вѣтра въ травѣ... Ручьи эти здѣсь носятъ поэтическое названіе «слезъ мавровъ». Они, видите ли, столько плакали, оставляя долину Кордовы, что до сихъ поръ не изсякли ихъ слезы... Вотъ цѣлая толпа дѣвушекъ—приглашаю любаго этнографа опредѣлить, чѣмъ онѣ отличаются отъ аравитянокъ. Мавританская кровь обнаруживается такъ ясно, что еще два столѣтія назадъ кастильскіе Скалозубы не хотѣли жениться на дѣвушкахъ отсюда. Не смотря на ихъ деревянныя рожи и грубые пріемы, эти потомки готовъ говорили: «взять въ семью андалузянку, значитъ пускать въ свои жилы арабскую нечистую кровь»... И такъ разсуждали дѣти тѣхъ самыхъ кастильскихъ гидальго, которые ежегодно поставляли халифамъ Кордовы красивѣйшихъ христіанскихъ дѣвицъ... Впрочемъ, именно благодаря этому, андалузянки сохранили свою красоту и не похожи до сихъ поръ на длиннорукихъ кастильскихъ гориллъ и на ихъ толстозадыхъ и мясистыхъ дамъ, которыя производятъ такое впечатлѣніе, какъ будто игра природы держитъ ихъ безотходно въ состояніи беременности.

Разъ мы выѣхали изъ римскихъ стѣнъ Кордовы, скажемъ нѣсколько словъ о ея «уѣздѣ». Кордова зависитъ въ судебномъ отношеніи отъ Севильи, въ военномъ составляетъ часть андалузскаго капитаната, въ духовномъ она сама важная единица, ибо епископъ

Digitized by Google

кордуанскій считается равнымъ севильскому и подчиняется только толедской митрополіи. Въ Кордовѣ—во всей ея провинціи считается теперь 400,000 жителей, то есть четверть того, сколько во времена оны жило въ однихъ только стѣнахъ Кордовы! Климатъ здѣсь считается удивительно здоровымъ, и всѣ больные Испаніи мечтаютъ о Кордовѣ, какъ мы о Ялтѣ и южномъ берегѣ Крыма. Лѣтніе жары здѣсь не особенно сильны, вѣтеръ слабъ, разница въ температурѣ между днемъ и ночью незамѣтна, дождей почти не бываетъ. Вѣчно голубое небо вверху и вѣчная весна внизу... Земля—плодоносна до такой степени, что разсказываютъ, будто гранаты здѣсь выросли изъ зеренъ, просыпанныхъ нечаянно Абдъ-эль-Ибрагимомъ, сподвижникомъ Абдеррахмана, на скалы Сіерры Морены. Мѣстная пословица говоритъ: «потеряешь палку—черезъ годъ на ея мѣстѣ найдешь дерево», или «не выплевывай зря виноградныхъ зеренъ, а то у тебя выростутъ лозы посреди поля». Многоводіе заставило арабовъ считать окрестности Кордовы райскими. До изгнанія мавровъ, Кордова дѣйствительно текла молокомъ и медомъ. Арабы ежегодно собирали 300,000 гектолитровъ зерна, 260,000 пудовъ меду, 120,000 п. воску и масла безъ счету. Орошеніе всюду было изумительное. Сады были таковы, что изъ Прованса пріѣзжали сюда учиться французскіе садовники. Стада покрывали отроги Сіерры Морены... Виллы тонули въ зелени. Вся страна была густо населена и благоденствовала. Горы были обработаны до самыхъ макушекъ. Одна кордуанская провинція могла прокормить всю Испанію. Но все это только до изгнанія мавровъ... Теперь—увы!—то и дѣло наталкиваешься на пустыри; сады одичали, пчеловодство погибло, рабочихъ рукъ не хватаетъ; система орошенія, не поддерживаемая кастильцами, мало по малу затянулась дикою порослью и исчезла; край обезлюдилъ и не производитъ уже болѣе $^1/_{42}$ доли того, что онъ давалъ при маврахъ. Самыя плодоносныя горныя поля—плато на высотѣ 204 метровъ надъ Гвадалквивиромъ; такъ называемыя Los Pedroches—пустуютъ.

Въ густо переплетающемся лознякѣ встрѣчаются порою остатки мраморныхъ зданій. Кастильцы, какъ моровая язва, прошли по странѣ. Ниже Гвадалквивира, громадные участки земли подѣлены между аристократическими фамиліями, изображающими собою собакъ на сѣнѣ: и сами не ѣдятъ, и другимъ не даютъ! Рабочихъ рукъ нѣтъ, и большія имѣнія пустуютъ, дичаютъ... Современный испанскій хлѣбопашецъ, по способамъ обработки земли, по опытности, по содержанію своихъ пашенъ, стоитъ неизмѣримо ниже араба—лѣтъ пятьсотъ назадъ. Дороги, существовавшія при маврахъ, о которыхъ кастильскіе писатели того времени говорили, что онѣ гладки, какъ вода

Digitized by Google

въ безвѣтріе,—исчезли. Ихъ не осталось вовсе, и на мѣстѣ ихъ кое-гдѣ только вьются козьи тропинки... Арабы вездѣ возводили фонтаны,—теперь и они исчезли. Арабы строили всюду странноприимные дома, ханы — отъ нихъ остались только однѣ руины. Порода лошадей, считавшаяся лучшей въ мірѣ (ихъ такъ и называли «кордуанскими»), въ кастильскихъ рукахъ вымерла; скотоводства, когда-то громаднаго, не существуетъ вовсе. Кордова славилась маврами-ремесленниками, считавшимися сотнями тысячъ,—по изгнаніи ихъ, и ремесла пали, а теперь мастеровые здѣсь всѣ или швейцарцы, или нѣмцы. Старая Бетика славилась при римлянахъ минеральными богатствами. Здѣсь разрабатывали даже драгоцѣнные металлы. Арабы съумѣли поднять металлургію на небывалую высоту—теперь этого нѣтъ ничего... Финикіяне больше понимали въ минномъ и рудничномъ дѣлѣ, чѣмъ нынѣшніе кастильцы. Если богатства подземныя и разрабатываются,—то только хищнически. Рудники бросаются по такому же капризу, какъ и открываются вновь. Большею частью пользуются старыми арабскими копями, разрабатывая ихъ по готовому, но такъ что онѣ быстро рушатся и губятъ людей и дѣло. Торговля, когда-то процвѣтавшая здѣсь—дошла до минимума. Продажа масла въ Кастилію и Эстремадуру, хлѣба въ Севилью и Гренаду — и только. Чудный виноградъ, изъ котораго могли бы производить великолѣпныя вина,—заброшенъ и дичаетъ... Вотъ вамъ картина сегодняшней Кордовы.

Правду сказать, поздно вечеромъ я вернулся изъ своей экскурсіи съ Бенито въ весьма унылымъ настроеніи. Гдѣ же этотъ законъ необходимаго прогресса, если на мѣсто трудолюбивой, умной, способной и богатой расы—ворвалось стадо кастильскихъ быковъ и уничтожило культурную работу цѣлыхъ столѣтій. Одна цивилизація стерта съ лица земли—и не замѣнена ничѣмъ. Пустырь остается пустыремъ, такимъ же, какимъ онъ былъ еще до того времени, когда сюда высадились первые финикійскіе мореходы... Все на своемъ пути грабя, сжигая и ломая, ураганомъ ворвались воины Альфонса въ Кордову. Они ставили своихъ коней въ мечети, привязывая ихъ къ чуднымъ колоннамъ; они съ ненавистью обкладывали соломою и зажигали дворцы, которымъ удивлялась вселенная; изъ университетовъ дѣлали тюрьмы; знаменитую библіотеку, гдѣ Аль-Мансуръ собралъ 600,000 сочиненій, одинъ каталогъ которой занималъ 44 тома, кастильцы сожгли безпощадно—причемъ величайшія сокровища науки и литературы погибли въ кострахъ, разложенныхъ этими дикарями. И, въ то время какъ цѣлый міръ съ негодованіемъ разсказываетъ о султанѣ Омарѣ, уничтожившемъ александрійскую библіотеку,

Digitized by Google

никто не заикается о кастильцахъ, повторившихъ тотъ же самый актъ животнаго варварства въ Кордовѣ. И это были—потомки готовъ, собиравшихъ отовсюду рукописи, покровительствовавшихъ наукамъ и искусствамъ... Кромѣ библіотеки Аль-Мансура—конквистадоры публично передъ Джеммой сожгли еще считавшіяся богатѣйшими восемнадцать библіотекъ, принадлежавшихъ кордуанскимъ ученымъ и университетамъ. Понятіе о красотѣ у завоевателей было таково, что мечеть, эту самую Джемму, они презрительно называли el zancarron—старая кость. Готы называли Кордову—«святымъ и просвѣщеннымъ городомъ» — кастильцы, ихъ преемники, этотъ святой городъ обратили въ развалины, а просвѣщеніе его истребили дотла. Въ первые мѣсяцы послѣ завоеванія—конквистадоры заставляли знаменитѣйшихъ профессоровъ кордуанскихъ при себѣ исполнять самыя нечистыя и позорныя работы, чтобы тѣ еще горше чувствовали свое униженіе. «Западныя Аѳины», «Кормилица наукъ»—были растоптаны ослиными копытами; потомъ пришли инквизиторы—и когда не стало уже книгъ для костровъ, стали жечь людей; наконецъ, явился адской памяти Филиппъ II—и бѣдная Кордова окончательно задохлась въ его висѣличной петлѣ...

Я уже говорилъ, что примѣры такихъ городовъ въ высшей степени поучительны. Абсолютизмъ и нетерпимость—сначала задушаютъ страну, а потомъ и сами погибаютъ на пустомъ мѣстѣ. Яркимъ примѣромъ этому служитъ Испанія, и такіе города, какъ Кордова—заслуживаютъ глубокаго изученія. Я не претендую на послѣднее. Мое дѣло было указать и освѣтить фактъ; можетъ быть, послѣ меня найдутся болѣе талантливые и знающіе люди, которые еще выпуклѣе и образнѣе разскажутъ мартирологъ этой страны... Надо помнить только одно—исторія не знаетъ прощенія. Всякое злодѣяніе, направленное противъ разумной свободы, всякое насиліе надъ мыслью и наукой, оканчивается или гильотинами французской революціи или такою полною мерзостью запустѣнія, въ которой теперь лежитъ бездыханный трупъ когда-то славнаго и просвѣщеннаго кордуанскаго халифата... Совѣсть людей, освободившихъ себя отъ знанія, молчитъ, потому что они со слѣпу не видятъ, къ чему идутъ. Рисуйте имъ почаще такія картины, чтобы они не смѣли отзываться невѣдѣніемъ историческихъ законовъ...

За ихъ торжествомъ—внезапно слѣдуетъ смерть...

Готы оставили послѣ себя свои соборы, арабы—альказары, мескиты, Римъ—свои нетлѣнныя сооруженія. Кастильцы, которымъ судьба подарила полміра, ураганомъ прошли по немъ и за ними вездѣ торчатъ обгорѣлыя руины, обезпложенныя земли, одичавшія

Digitized by Google

села... И эти «пикадоры и матадоры» исторіи еще мнятъ себя наслѣдниками вѣчнаго Рима! Положимъ, и тотъ грабилъ и хищничалъ на славу, но онъ и сооружалъ въ то же время. Онъ открывалъ школы, онъ завоевывалъ не однимъ мечемъ, но и просвѣщеніемъ...

Филиппъ II и Торквемада—явились завоевателями похуже Чингисхана и турецкихъ ордъ. Монголы не уничтожили ни одного племени; послѣ нихъ воздвиглись новыя царства; турки — тоже стали лагеремъ въ занятой ими странѣ, но она мало по малу просыпается и изъ подъ мусульманскихъ рукъ образовывается одно государство за другимъ. Тамъ, гдѣ прошли кастильцы—не можетъ быть пробужденія. Тамъ могло бы воскреснуть прошлое, но природа и исторія не воскрешаютъ!.. Тамъ смерть и уничтоженіе въ полномъ смыслѣ слова. Филиппъ II и Торквемада были—моровою язвою исторіи, чумою народовъ...

Вас. Немировичъ-Данченко.

Digitized by Google

НЕ ПОДЪ СИЛУ.

Повѣсть.

I.

— Неужели это правда, что Вѣра Грузинова умерла?—спрашивалъ съ волненіемъ пожилой господинъ у дамы, съ которою встрѣтился въ коридорѣ театра, во время антракта.

— А вы развѣ не знали?—возразила она.

— Ничего не зналъ до сихъ поръ. Я только что пріѣхалъ издалека, изъ Баку. Вы знаете, я—крестный отецъ Вѣры и родственникъ; я всегда ее любилъ, но въ послѣдніе годы совершенно потерялъ изъ виду. Когда я уѣхалъ въ Баку, она не была еще замужемъ; потомъ слышалъ, что она вышла за Грузинова, и порадовался за нее. А теперь вдругъ...

— Да, нехорошая исторія, — прервала дама, покачивая головой.—Не ожидала я, что Вѣра такъ дурно кончитъ.

— Да что такое?—растолкуйте вы мнѣ! я ничего понять не могу. Отчего Вѣра ушла отъ мужа?

— Я одно только могу сказать, — отвѣчала дама, — что Лукьянъ Петровичъ Грузиновъ достойнѣйшій человѣкъ, рѣдкій и по характеру, и по правиламъ. Начальство его цѣнитъ, карьеру онъ сдѣлалъ отличную, имѣетъ средства. И такое несчастье, что жена его бросаетъ!

— Да почему же, почему?

— Конечно, увлеченіе какое нибудь. Хотя она такъ была скрытна и хитра, что никто не могъ подозрѣвать, что у нея есть какой нибудь предметъ... Вообще, про нее разсказываютъ ужасы.

Digitized by Google

— Гдѣ же и съ кѣмъ она жила, уйдя отъ мужа?

— Одна, на квартирѣ, работала на заказъ въ магазинъ. Хотѣла давать уроки музыки; но всѣ знакомые отъ нея отшатнулись. Еслибъ она пришла къ намъ прямо, откровенно покаялась бы въ своемъ грѣхѣ... что вотъ — увлеклась, конечно, мы всѣ пожалѣли бы ее и помирили съ мужемъ, но представьте, какое лицемѣріе! утверждаетъ, что у нея нѣтъ и не было никакого ami du coeur, а что ушла она оттого, что съ мужемъ жить нельзя.

— Объяснила она, почему нельзя?

— Просто такъ, капризъ. Она ничего не можетъ про него сказать. Обижалъ ли онъ ее? — нѣтъ; пилъ ли, игралъ ли въ карты, измѣнялъ ли? — нѣтъ! Сама сознается, что нѣтъ.

— А онъ—что говорилъ?

— Онъ держалъ себя необыкновенно деликатно и благородно. Ни слова про нее. И даже столько въ немъ великодушія, чтоонъ не прочь былъ помириться. А она и руками, и ногами, ни за что! О, она хитра, взбалмошна и не въ мѣру горда была.

— Я вижу, что вы не любили Вѣры,—возразилъ господинъ съ горечью и грустью, — но я помню ее чудесной дѣвушкой, съ душой и сердцемъ...

— Я не хочу злословить, но сужу по поступкамъ, факты на лицо. Всѣ, весь городъ винитъ Вѣру Павловну и оправдываетъ ея мужа.

— У нихъ была рѣчь о разводѣ?

— Какъ же! Это она непремѣнно требовала и вину брала на себя; но Грузиновъ не согласился.

— Почему?

— Какъ человѣкъ строго нравственный, онъ говорилъ: „это противъ моихъ принциповъ; я развода не признаю; что Богъ соединилъ, того человѣкъ не разъединяетъ“. Видите, какія у него твердыя правила!

— Все таки я не знаю, осуждать ли Вѣру, — замѣтилъ, вздохнувъ, Степановъ.—Но скажите, какъ же она умерла такъ скоро? Какой болѣзнью?

— Простудилась, говорятъ. Воспаленіе легкихъ. Средствъ къ жизни у нея не было въ послѣднее время. Сама виновата!

Digitized by Google

все, что́ заработывала, тратила на адвокатовъ и кляузниковъ, чтобъ ей устроили разводъ. Не глупо ли?

— Кто былъ при ней во время кончины?

— Кажется, одна бывшая подруга ея, Незванова.

— А хоронилъ ее мужъ?

— Да, онъ до самаго конца выдержалъ себя безупречно. Справилъ похороны такъ, какъ дай Богъ всякому. Весь городъ его одобрилъ. Однако, я тутъ заговорилась съ вами, а третій актъ уже начался. До свиданія!

Дама поспѣшно пошла въ свою ложу, а Степановъ, слишкомъ взволнованный всѣмъ слышаннымъ, не возвратился на свое кресло и ушелъ домой. На другой день, онъ справился въ адресномъ столѣ о мѣстѣ жительства Незвановой, которую зналъ прежде, и отправился къ ней. Незванова жила уроками и содержала мать. На ихъ бѣдной квартирѣ кончила жизнь Вѣра Павловна Грузинова. Тамъ много разсказали о ней; но всего драгоцѣннѣе для него было пріобрѣтеніе дневника Вѣры, который она писала почти до послѣдняго дня. Придя домой, Степановъ заперся въ своей комнатѣ и погрузился въ чтеніе этихъ посмертныхъ страницъ, гдѣ не могло быть лжи и обмана.

II.

Дневникъ Вѣры Грузиновой.

„Зачѣмъ я вышла замужъ? Вотъ вопросъ, который всѣ предлагаютъ мнѣ съ упрекомъ, и я сама предлагаю себѣ. Я не любила своего жениха, но не чувствовала и отвращенія къ нему. Всѣ отзывались о немъ, какъ о прекрасномъ, честномъ, дѣловомъ человѣкѣ. Мнѣ было двадцать три года, и послѣ смерти родителей жизнь моя у тетки была нерадостная, одинокая.

Не стану винить ни тетку, ни среду; не стану говорить, что меня принудили; нѣтъ, я сама, добровольно и охотно, приняла предложеніе Грузинова. Меня прельстила перспектива своей семьи, своего крова, своего спутника жизни, съ кѣмъ можно дѣлить радость и горе. Сильно было во мнѣ же-

Digitized by Google

ланіе жить для кого нибудь, имѣть интересы и цѣль жизни. Бракъ, не по минутному увлеченію, а по взаимному уваженію и довѣрію, я считала гарантіей тихаго, прочнаго счастья семейнаго очага. Вотъ тѣ мотивы, за которые мнѣ пришлось такъ жестоко поплатиться.

Сватовство состоялось честь-честью, со всѣми формальностями. Лукьянъ Петровичъ былъ давно извѣстенъ мнѣ за отличнаго жениха; мнѣ сказали, и онъ самъ объявилъ, что влюбленъ въ меня,—и это, конечно, польстило мнѣ. Теткѣ нельзя было почему-то откладывать свадьбу, и я всего двѣ недѣли была невѣстой. Во все это время я вела съ Лукьяномъ Петровичемъ только офиціальные общіе разговоры, и не сблизилась съ нимъ ни на іоту. Это не смущало меня; я ждала, что настоящая наша жизнь начнется послѣ свадьбы, и радовалась, что у меня есть таланты, которыми я могу разнообразить время и доставить удовольствіе мужу. Я хорошо играла, пѣла немного, рисовала акварелью цвѣты и пейзажи.

Обвѣнчавшись, мы тотчасъ уѣхали въ Рязань, гдѣ мой мужъ служилъ чиновникомъ при губернаторѣ, и поселились въ просторной казенной квартирѣ. Первые дни я была такъ занята раскладкой и установкой вещей, что не имѣла времени осмотрѣться. Тутъ я замѣтила, что моего мужа недаромъ называли хорошимъ хозяиномъ: онъ цѣлые дни суетился, перестанавливалъ мебель, призывалъ столяровъ, торговался и волновался изъ-за каждаго гвоздя.

Придя разъ въ мою комнату и заставъ меня сидящею на полу передъ большимъ чемоданомъ, онъ сказалъ съ выраженіемъ непріятнаго удивленія:

— Это у тебя набито одними нотами?

— Да, и книгами также,— отвѣчала я съ гордостью, показывая ему томы извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ писателей. Онъ взялъ, повертѣлъ въ рукахъ и сказалъ:

— Только четыре въ порядочныхъ переплетахъ. А остальные какіе-то истрепанные. Что за охота была везти этотъ хламъ?

— Какъ хламъ? Да это Тургеневъ, и всѣ новѣйшіе авторы.

— Да вѣдь въ такомъ видѣ ихъ стыдно будетъ поставить на видъ. По моему, дѣлать, такъ дѣлать: чтобъ все было прилично и все блестѣло.

Digitized by Google

Разложивъ книги и отобравъ ноты, я вымыла руки, причесалась, надѣла свѣжее платье и, выдя въ блестѣвшую залу, сѣла за привезенный съ собой рояль и начала пѣть. Я страстно любила музыку, и всѣ находили, что я пѣла съ большимъ одушевленіемъ. Въ самомъ увлекательномъ мѣстѣ романса, меня вдругъ сильно толкнули подъ локоть: это мой мужъ стиралъ новой метелочкой пыль съ рояля.

— Я уже обметала пыль,—замѣтила я.

— Я тогда только покоенъ, когда самъ все сдѣлаю,— возразилъ онъ.

Я продолжала пѣть. Черезъ минуту, съ пюпитра были сняты ноты, по которымъ я пѣла.

— Что это значитъ?—обернулась я съ изумленіемъ,—на что тебѣ мои ноты?

— Мнѣ не ноты твои нужны, а надо хорошенько вытереть за пюпитромъ,— отвѣчалъ наставительно Лукьянъ Петровичъ.

Я такъ и не кончила романса; мнѣ не хотѣлось больше пѣть, и я стала играть. Шумъ передвигаемой мебели постоянно заглушалъ мою игру; это Лукьянъ Петровичъ все былъ недоволенъ положеніемъ какого нибудь стола или кресла, и озабоченно осматривалъ ихъ, заходя со всѣхъ сторонъ.

— Какъ жаль, что онъ не любитъ музыки,—подумала я, и встала.

Намъ подали чай. Я пришла съ книгой.

— Что это—французскій романчикъ? — сказалъ Лукьянъ Петровичъ съ оттѣнкомъ насмѣшки и пренебреженія.

— Нѣтъ, это русскій, это новый...

И я начала вкратцѣ, съ интересомъ, передавать содержаніе книги.

— Все это дребедень,—прервалъ меня мужъ.

— Напротивъ...

— Всѣ романы дребедень,—рѣшилъ онъ:—ихъ читаютъ только дураки, кому нечего дѣлать. А кто, вотъ какъ я, занятъ государственной службой да настоящимъ дѣломъ, тому не до глупостей.

— А я думала, — возразила я, помолчавъ,—что, послѣ всѣхъ этихъ служебныхъ занятій, пріятно развлечься книгой...

— Ха, ха, ха! Хорошо развлеченіе: набивать бреднями

Digitized by Google

голову! И ты навѣрно это оставишь, когда поймешь, что это глупо.

— А если я этого никогда не пойму?

— Какъ же не поймешь, если я растолкую? У тебя до сихъ поръ никого не было, кто бы растолковалъ, что̀ слѣдуетъ, а вотъ теперь ты отъ меня все и услышишь. Вотъ я тебѣ разскажу, какъ попалъ на службу и за что начальство меня отличило.

Онъ говорилъ часа два безъ перерыва, очевидно, слушая самъ себя и наслаждаясь звукомъ своего голоса и оборотами рѣчи. Я усиливалась слушать этотъ монотонный перечень самыхъ обыкновенныхъ происшествій, перемѣшанныхъ съ именами всѣхъ родныхъ и біографіями знакомыхъ; но скука одолѣвала меня до того, что глаза мои стали слипаться отъ сна. И вдругъ меня, какъ молнія, пронизала мысль, отогнавшая сонъ: вѣдь мужъ мой глупъ, несомнѣнно, неотрицаемо глупъ! Какъ могла я не видѣть этого до сихъ поръ? Онъ слылъ *прекраснымъ* человѣкомъ, и больше я ничего про него не знала... Это открытіе такъ поразило меня, что я, внезапно выпрямившись на стулѣ, глядѣла во всѣ глаза на Лукьяна Петровича. Вѣроятно, на лицѣ моемъ выразилось что нибудь характерное, потому что мужъ мой замѣтилъ:

— Что ты на меня такъ смотришь? На тебя подѣйствовалъ мой разсказъ? Да, я не разъ замѣчалъ, что слова мои производятъ сильное впечатлѣніе,—прибавилъ онъ съ самодовольной усмѣшкой.

„— Лукьянъ Петровичъ, повези меня въ театръ!—сказала я, разъ, входя къ нему въ кабинетъ:—пріѣхали московскіе артисты, даютъ новую пьесу!

— Подожди, я сшиваю бумаги; я люблю дѣлать все аккуратно и ничѣмъ не отвлекаться,—отвѣчалъ онъ.

Я послушно ждала, слѣдя глазами, какъ онъ продѣвалъ нитку, завязывалъ кончики и ровно обрѣзывалъ ихъ ножницами. Видя, что я раскрываю ротъ, чтобъ сказать что-то, онъ тотчасъ остановилъ меня:

— Погоди, погоди. Когда я занятъ дѣломъ, я не могу

Digitized by Google

слушать. Надо всегда кончить прежде одно дѣло, а потомъ начинать другое. Ну, я кончилъ; что такое?

Я повторила про театръ и распространилась о моей любви къ театру и о желаніи видѣть новую знаменитую пьесу. Выслушавъ меня, не прерывая, Лукьянъ Петровичъ замѣтилъ флегматично:

— Я никогда не ѣзжу по театрамъ.

— Отчего?

— Оттого, что это вздоръ, глупость. Какая охота смотрѣть, какъ люди кривляются на сценѣ, представляютъ изъ себя не то, что̀ есть, паясничаютъ за деньги. А мы—держи карманъ да плати!

— Да вѣдь это удовольствіе...

— Для дураковъ.

— Стало быть, всѣ дураки, кромѣ тебя,—сказала я съ раздраженіемъ.—Ну, пусть я дура, но прошу тебя, отпусти меня хоть одну.

— Нѣтъ, я тебя не отпущу. Что̀ скажутъ всѣ про тебя? что ты, молодая дама, недавно замужемъ, и вдругъ одна въ театрѣ? Смѣшно!

— Какъ же всѣ-то ѣздятъ?

— Это другое дѣло. Иные ѣздятъ по обязанности, по сану. Вотъ губернаторша должна присутствовать для поощренія артистовъ; другія хотятъ блеснуть. Еслибъ у насъ было такое состояніе, чтобъ мы могли взять ложу въ бельэтажѣ, карету, лакея, и чтобъ ты явилась одѣта не хуже губернаторши, тогда—я согласенъ. Но это все будетъ стоить большихъ денегъ.

— Помилуй, развѣ я не могу просто поѣхать?

— Я не могу допустить, чтобъ кое-какъ и одна. А самъ я ни за что не поѣду, потому что это у меня принципъ; а когда принципъ, то я твердо стою на своемъ.

Однимъ словомъ, напрасно я просила, доказывала, даже плакала: все разбивалось о какую-то тупую броню, одѣвавшую мозгъ моего мужа. Я покорилась, не желая на первыхъ порахъ подавать поводъ къ раздору; я такъ жаждала хорошей семейной жизни, что добровольно ослѣпляла себя, твердила себѣ, что съ помощью терпѣнья и умѣнья мнѣ удастся привязать мужа и измѣнить нѣкоторые его взгляды. Меня

Digitized by Google

втайнѣ сердило то, что онъ не выказалъ ни малѣйшей благодарности или удовольствія за мою уступку и все время читалъ мнѣ наставленія о вредѣ театровъ, чтенія и даже музыки.

Наступило второе представленіе той же пьесы. За обѣдомъ я неожиданно сказала мужу:

— Я ѣду сегодня въ театръ; меня пригласила Мамонова къ себѣ въ ложу.

Лицо его вытянулось.

— Что за исторія... что такое? Мамонова пригласила тебя? И ты соглашаешься обязываться какой-то Мамоновой? пользоваться на ея счетъ?

— Ну, я скажу тебѣ всю правду. Я сама просила Мамонову взять ложу пополамъ, и заплатила свои деньги.

— Зачѣмъ же, когда я тебѣ высказалъ мое нежеланіе...

— Надо же вѣдь и мнѣ исполнить когда нибудь мое желаніе, Лукьянъ Петровичъ. Я ничего у тебя не просила и не прошу, кромѣ этого.

— Нечего и просить, когда у тебя все есть.

— Удовольствія у меня нѣтъ—вотъ чего!—сказала я:—а это мое любимое удовольствіе, и я не могу отъ него отказаться.

Лицо моего мужа принимало все болѣе и болѣе злое выраженіе: онъ окидывалъ меня непріятнымъ, подозрительнымъ взглядомъ.

— Это все штуки,—пробормоталъ онъ:—я понимаю, чьи это подвохи... Меня не проведешь!

— Какія штуки? какіе подвохи?— спросила я съ удивленіемъ.

— Тутъ не театромъ пахнетъ... тутъ другое... А то не стала бы ты вдругъ носъ поднимать противъ воли мужа!.. Я вѣдь не дуракъ...

— Я ничего не понимаю, что ты говоришь.

— А я все понимаю, все вижу насквозь... Эта Мамонова—штучка: проведетъ и выведетъ...

— Ты не любишь Мамонову за то, что она живѣе и интереснѣе другихъ дамъ, а мнѣ она этимъ нравится.

— Да, тебѣ нравится, потому что она всему потакать готова... Соберетъ офицеровъ, франтовъ разныхъ... Вотъ и братъ ея, шалопай порядочный, будетъ тутъ же вертѣться ..

Digitized by Google

— Да, ея братъ ѣдетъ съ нами въ театръ.

— Ѣдетъ?! — вскричалъ Лукьянъ Петровичъ съ такимъ ужасомъ, какъ будто узналъ что нибудь страшное.

— Господи, да что же въ этомъ удивительнаго, что онъ будетъ у сестры въ ложѣ?—возразила я: — съ кавалеромъ лучше, нежели однимъ дамамъ.

— Понимаю, понимаю, какой это кавалеръ... да! хорошо, прелестно... хитро придумано!..

У него сдѣлалось такое злое лицо, что меня морозъ подралъ по кожѣ. До сихъ поръ я думала, что онъ не злой. Но вдругъ меня осѣнила мысль, что онъ ревнуетъ меня къ брату Мамоновой. Мнѣ показалось это такъ забавно,—я едва знала этого нисколько не привлекательнаго молодаго человѣка,—что я громко разсмѣялась.

— Ужь не думаешь ли ты, что меня прельстилъ этотъ длинноносый Мамоновъ?—спросила я шутя.

— Смѣйся, смѣйся... на театрѣ вотъ также смѣются... Что же, поѣзжай, поѣзжай... Чѣмъ-то это кончится!..

И невозможно было выбить этого нелѣпаго подозрѣнія изъ его головы. Съ того дня какъ я ѣздила въ театръ съ Мамоновыми, мужъ мой учредилъ надо мною правильный надзоръ. Онъ слѣдилъ, куда я иду, не къ Мамоновымъ ли? разспрашивалъ горничную, не получаю ли я записочекъ, не приходятъ ли безъ него мужчины. Въ своихъ безконечныхъ монологахъ онъ постоянно намекалъ на то, какое это преступленіе измѣнить мужу, и пугалъ меня карой закона и общественнаго мнѣнія. Я сердилась, огорчалась, выходила изъ себя; но наконецъ убѣдилась, что для моего мужа не существовало ни доказательствъ, ни логики, ни связи между идеями. Онъ не вѣрилъ никому и всѣхъ подозрѣвалъ даже въ самыхъ невозможныхъ вещахъ. Убѣдить его въ чемъ бы то ни было—напрасный трудъ! Если, напримѣръ, ему казалось, что я разбила чашку, а я говорила, что только уронила ее, но не разбила, и въ доказательство показывала ему чашку цѣлую и невредимую,—то онъ все таки не вѣрилъ. Онъ вертѣлъ чашку и разсматривалъ, стараясь найти, гдѣ я склеила ее, хотя было физически невозможно въ такое короткое время склеить чашку. Но онъ считалъ немыслимымъ для себя ошибиться,

Digitized by Google

и потомъ разспрашивалъ горничную, есть ли у барыни клей, и гдѣ она его прячетъ?..

То же самое было и въ заподозриваніи меня въ какихъ-то шашняхъ съ братомъ Мамоновой. Кончилось тѣмъ, что я перестала видаться съ этимъ семействомъ, гдѣ мнѣ было лучше и веселѣе, чѣмъ въ другихъ домахъ, съ которыми познакомилъ меня Лукьянъ Петровичъ. О, какіе это были дома, какіе люди! Никто, кромѣ моего мужа, не могъ подобрать подобныхъ знакомыхъ. Ни одного молодаго лица, ни одного живаго слова; все офиціально, размѣрено. Строго опредѣлены дни визитовъ; даже приняты извѣстныя темы разговоровъ. Скука, тоска душили меня въ этомъ обществѣ, гдѣ мужъ мой чувствовалъ себя, какъ рыба въ водѣ. Самое пріятное и занятое время дня было для меня, когда Лукьянъ Петровичъ уходилъ на службу. Я вздыхала полною грудью, и тотчасъ садилась за рояль. Въ его присутствіи мой голосъ и руки были парализованы явно враждебнымъ отношеніемъ ко всякому искусству, къ литературѣ, поэзіи, живописи. Каждый день онъ, по цѣлымъ часамъ, развивалъ мнѣ свои взгляды на этотъ предметъ, обращая въ смѣшную сторону и втаптывая въ грязь все, что въ моихъ глазахъ было единственно достойно уваженія и восторга. Возраженій онъ не терпѣлъ, оскорблялся ими, и хотѣлъ, чтобъ я слушала его подобострастно, вѣрила на слово и преклонялась передъ его взглядами. Иногда онъ читалъ мнѣ громко, но *что?!* Свои служебныя бумаги, отчеты, цифры, донесенія... Если я брала въ это время работу, онъ спрашивалъ:

— Ты не хочешь слушать?

— За работой еще лучше слушать,—отвѣчала я.

— Нельзя дѣлать два дѣла за разъ: или работать, или слушать. Я вѣдь читаю тебѣ не какой нибудь романчикъ, а предметъ серьезный, важный. Не будь-ка у насъ всѣхъ этихъ отчетовъ, такъ и государство бы распалось.

Это требованіе, чтобъ я всегда сидѣла, сложа руки, въ безмолвномъ созерцаніи его особы, порождало частыя ссоры между нами. Утѣшеніемъ и вмѣстѣ страданіемъ моей жизни, въ это время, была собачка Ами. Собачку эту подарила Лукьяну Петровичу губернаторша, съ наставленіемъ, какъ съ ней обращаться, какъ беречь, лелѣять и кормить. Онъ самъ при-

Digitized by Google

несъ ее на рукахъ, завернутую въ красную попону, и имѣлъ при этомъ какой то растерянный и тревожно-торжественный видъ. Я ужасно обрадовалась. Зная, что мужъ мой не любитъ животныхъ, я была увѣрена, что онъ сдастъ собачку на полное мое попеченіе. Но я жестоко ошиблась. Когда я взяла на руки прелестную, бѣленькую, пушистую Ами, и стала ласкать и тормошить ее, Лукьянъ Петровичъ со страхомъ отнялъ, говоря, что я ее раздавлю, изуродую, убью. Собачка эта сдѣлалась для него какимъ-то фетишемъ, до котораго онъ не позволялъ никому дотрогиваться. Онъ отвелъ ей особое мѣсто на подстилкѣ, и хотѣлъ, чтобъ она всегда спала или лежала, не шевелясь, чтобъ она не лаяла, не издавала никакого звука и не дѣлала никакого движенія. Всякое проявленіе въ ней жизни было ему непріятно; онъ не терпѣлъ, чтобъ я играла съ нею, и увѣрялъ, будто докторъ ему сказалъ, что возбужденіе и бѣготня вредны для собаки. Ами была лишена гулянья, какъ я ни упрашивала отпускать ее со мною; Лукьянъ Петровичъ не довѣрялъ мнѣ и подозрѣвалъ, что я ее бью и не кормлю. Онъ поручалъ кухаркѣ выводить ее на воздухъ раза два въ день. Разумѣется, когда онъ уходилъ на службу, я вознаграждала и себя, и Ами за скучные, томительные часы, проводимые при немъ. Ами носилась по всѣмъ комнатамъ съ мячикомъ, который я ей купила, лаяла, взвизгивала отъ радости, кидалась на меня, ласкалась, кусалась и не помнила себя отъ восторга.

Однажды она подбѣжала ко мнѣ при Лукьянѣ Петровичѣ съ мячикомъ въ зубахъ и хотѣла, чтобъ я играла съ нею.

— Что это?—спросилъ онъ съ ужасомъ, взявъ мячикъ въ руки и разсматривая его такъ, какъ будто онъ былъ начиненъ динамитомъ.

Я сказала, что мячикъ купленъ для забавы Ами.

— Съ какой стати? — началъ онъ недовольно и взволнованно.—Зачѣмъ дразнить собаку? что за радость?

— Какъ дразнить? она играетъ и веселится.

— Вотъ теперь ты ее дразнишь, отнимаешь у нея мячикъ. Смотри, какъ она сердится, рычитъ, царапаетъ тебя. Ей вредно такъ сердиться.

— Помилуй, она играетъ!

Digitized by Google

— Какая игра—развѣ я не вижу? У тебя всегда эта замашка—мучить животныхъ. Да и какой это мячикъ? ужь не намазанъ ли онъ чѣмъ нибудь?

— Ядомъ!—сказала я рѣзко и, потерявъ терпѣніе, ушла изъ комнаты, хлопнувъ дверью.

На другой день, меня ждалъ чувствительный ударъ. Уходя на службу, Лукьянъ Петровичъ заперъ Ами въ чуланъ... Бѣдняжка визжала, не переставая, царапалась въ дверь, выла... Ея визгъ надрывалъ мнѣ душу; я не могла ни за что приняться,—ни играть, ни читать, ни работать. Меня уничтожало это систематическое преслѣдованіе всего, что могло придать хоть тѣнь радости моей жизни; эти нелѣпыя подозрѣнія, это тупое непониманіе самыхъ простыхъ вещей. Я горько заплакала и передо мной пронеслась картина всѣхъ томительныхъ дней, недѣль и мѣсяцевъ, которые я влачила со дня моего замужства. Гдѣ семейный очагъ, который такъ отрадно представлялся мнѣ въ мечтахъ? Гдѣ спутникъ жизни, съ кѣмъ дѣлить радость и горе, вести долгіе разговоры, жить одними интересами? Кому я украшаю жизнь, кому я необходима, кто меня любитъ? Конечно, я нужна Лукьяну Петровичу такъ точно, какъ нужна ему служба, его бюро съ бумагами, казенная квартира. По его мнѣнію, назначеніе жены дальше идти и не можетъ. Злость брала меня при мысли о самодовольствѣ моего мужа, о его невѣроятно высокомъ мнѣніи о себѣ и несознаніи своего нравственнаго убожества.

Когда онъ пришелъ со службы, я осыпала его горячими упреками за жестокость къ собачкѣ. Онъ былъ удивленъ и разсерженъ, и доказывалъ мнѣ убѣдительно, что Ами отлично сидѣть въ чуланѣ, потому что тамъ прохладно, тихо, темно, и никто ея не безпокоитъ.

— Ты очень ее раздражаешь,—говорилъ онъ, — ты заставляешь ее бѣгать, лаять; она можетъ сломать ногу; а я этой собакой дорожу; губернаторша всегда о ней спрашиваетъ.

— Да вѣдь она хуже заболѣетъ, если держать ее взаперти, безъ людей, безъ движенія и безъ воздуха!

Но Лукьянъ Петровичъ совершенно не понималъ, что у собаки могутъ быть другія потребности, чѣмъ у растенія или инфузоріи, и что, кромѣ пищи и питья, ей надо порѣзвиться,

Digitized by Google

поласкаться, побѣгать. Такъ какъ я настаивала на томъ, что тюремное заключеніе вредно для собаки, то Лукьянъ Петровичъ вдругъ пришелъ въ волненіе и сказалъ угрожающимъ голосомъ:

— Если Амишка заболѣетъ, то я такъ и буду знать, что это ты надъ ней что нибудь сдѣлала; и губернаторша это узнаетъ. Стыдно и грѣшно тебѣ будетъ!

Что могла я сказать? Я знала по опыту, что пробить кору, застилавшую его мозгъ—невозможно. Онъ продолжалъ каждый день запирать Ами.

„Я была въ перепискѣ съ моей бывшей подругой по гимназіи, Машей Незвановой, и горячо желала повидаться съ нею, высказаться ей, услышать отъ нея слово сочувствія. Мое нравственное одиночество было теперь еще сильнѣе, чѣмъ въ домѣ тетки; разладъ съ окружающимъ еще чувствительнѣе. Маша Незванова перебивалась уроками и работой, и вела непосильно-трудовую, безразсвѣтную жизнь. Моей мечтой было пригласить ее погостить, и дать ей отдохнуть хоть на мѣсяцъ; дать пожить, подышать, погулять на свободѣ, безъ заботы о завтрашнемъ днѣ.

На лѣто всѣ, такъ называемые, порядочные люди разъѣзжались изъ города въ свои деревни. Мужъ мой хотѣлъ во всемъ подражать порядочнымъ людямъ и съ этою цѣлью пріобрѣлъ небольшой хуторъ, всего въ четырехъ верстахъ отъ Рязани. Тамъ былъ флигель, маленькій садъ, огородъ, рѣчка, поле, за полемъ—лѣсъ. Я просто влюбилась въ это незатѣйливое, укромное, милое мѣстечко, куда мы переѣхали въ началѣ мая. Мужу моему удобно было на собственной лошади ѣздить каждый день на службу; а я дольше оставалась одна и вымолила, чтобъ не запирали Ами. Пріѣздъ Маши Незвановой наполнилъ радостью мою душу. Мужъ мой, отъ котораго я, разумѣется, скрыла мое приглашеніе, былъ пораженъ неожиданнымъ появленіемъ гостьи, но не рѣшился протестовать. Въ это время, у насъ часто бывалъ еще одинъ гость: племянникъ Лукьяна Петровича, очень молодой человѣкъ, также чиновникъ при губернаторѣ. Лукьянъ Петровичъ имѣлъ какіе-то денежные счеты со вдовой своего брата

Digitized by Google

и былъ ей чѣмъ-то обязанъ; поэтому онъ не смѣлъ отказать въ гостепріимствѣ Алексѣю Николаевичу, или Алешѣ, какъ мы его называли.

Собравшись втроемъ, мы ходили въ лѣсъ, искали начинающей созрѣвать земляники, отдыхали на травѣ, болтали. Алеша сумасбродствовалъ, влѣзалъ на деревья, соскакивалъ въ овраги, читалъ свои стихи. У него была страсть писать стихи, и даже не безъ таланта. Въ первый же день, онъ прочелъ Машѣ весь свой репертуаръ, и она восхищалась и стихами, и авторомъ. Мы возвращались съ огромными букетами полевыхъ цвѣтовъ, смѣясь и разговаривая; но едва подходили къ дому, какъ настроеніе измѣнялось. Лукьянъ Петровичъ поджидалъ насъ у воротъ съ биноклемъ въ рукахъ, подзывалъ Ами, весело бѣжавшую впереди съ поднятымъ хвостомъ, и — неожиданно огорошивалъ ее метким ударомъ хлыста по спинѣ.

— Что съ тобой? за что ты ее?—вскрикивала я, схватывая на руки бѣдное визжавшее животное.

— Она должна знать хозяина,—отвѣчалъ онъ сердито:—хозяинъ дома, и она сиди дома, а не бѣгай съ чужими.

— Да чѣмъ же она виновата?—вступался Алеша.

— Я ее такъ вышколю, что въ другой разъ не пойдетъ,—рѣзко говорилъ Лукьянъ Петровичъ и входилъ въ домъ съ такимъ лицомъ и въ такомъ расположеніи духа, что всѣ мы умолкали. Для общаго облегченія, я приказывала подать ягоды со сливками; Лукьянъ Петровичъ хмурился и начиналъ заговаривать о дороговизнѣ сахара и о вредѣ привычки посыпать ягоды сахаромъ. Всѣмъ становилось неловко; впрочемъ онъ, кажется, этого и добивался, потому что не признавалъ ни за кѣмъ права быть веселымъ или чѣмъ нибудь интересоваться безъ его поощренія. Въ такихъ случаяхъ онъ всегда старался сказать что нибудь непріятное, чтобъ испортить общее настроеніе. Антипатія его къ Машѣ стала замѣтна съ первой минуты и выражалась во всемъ.

— Однако ты неосторожна,—говорилъ онъ мнѣ вечеромъ, оставаясь вдвоемъ:—ты бросаешь портмонэ съ деньгами на столѣ; а у насъ вѣдь чужіе люди.

— Какіе чужіе люди?—спрашивала я съ недоумѣніемъ.

— Будто не понимаешь! Ну, да эта твоя пріятельница,

Digitized by Google

голь перекатная,—для нея и двугривенный дорогъ. Да и Алеша по уши въ долгахъ, ему на руку...

— Это удивительно, что ты и про меня не думаешь, что я ворую твои деньги,—замѣтила я.

— Да у меня онѣ всегда заперты,—возразилъ онъ наивно.

Я засмѣялась.

— А еслибъ не заперты, то я бы украла?—спросила я.

— Еще бы ты!.. ты жена. Ты знаешь, что безъ меня пропадешь: какая тебѣ выгода воровать?

Я молчала; негодованіе душило меня.

— И еще вотъ что,—продолжалъ Лукьянъ Петровичъ:—я не досчитался двухъ персиковъ въ корзинкѣ; да и пирожное что-то поубавилось. Это, вѣдь, надо запирать; какая-жъ ты хозяйка послѣ этого?

— Развѣ я не могу ѣсть персики и пирожное? — вскричала я запальчиво.

— Не ты, а это все та прикарманила, меня не проведешь. А ты лгать хочешь, мужу лгать, а чужую защищать; это не честно, это низко. Я по глазамъ вижу, кто лжетъ.

Мы поссорились.

„Машѣ очень нравился Алеша.

— Какой онъ милый,—говорила она,—какой живой, впечатлительный, и такъ хорошо разсказываетъ.

Но я знала, что Алеша несовсѣмъ то, чѣмъ кажется. При самонадѣянности и заносчивости на словахъ, у него не было никакого устоя въ характерѣ, ни упорства въ достиженіи цѣли, ни серьезныхъ убѣжденій. Баловство воспитанія испортило его въ конецъ, пріучивъ къ исполненію всѣхъ желаній, и отнявши силы на борьбу съ судьбой. Со всѣмъ тѣмъ, въ сравненіи съ моимъ собственнымъ мужемъ, Алеша казался мнѣ завиднымъ женихомъ, и я очень желала этой партіи для Маши. Алеша, повидимому, также увлекался ею, сочинялъ для нея стихи, и началъ бывать у насъ еще чаще. Но тутъ вышло нѣчто совершенно другое, чего я никакъ не ожидала. Одинъ разъ я сидѣла за роялемъ и подбирала голосъ къ романсу, сочиненному Алешей; онъ, стоя за моимъ стуломъ, слѣдилъ за моими пальцами и напѣвалъ голосъ;

Digitized by Google

Маша сидѣла у окна съ книгой. Вошелъ Лукьянъ Петровичъ, и тотчасъ же въ голову его запала мысль, что мы съ Алешей влюблены другъ въ друга, и выбить эту мысль уже ничто было не въ состояніи. Сначала я не понимала его намековъ; но, удостовѣрившись, въ чемъ дѣло, разсмѣялась и разсказала ему про взаимное влеченіе Маши и его племянника, прося не разстраивать ихъ счастья. Всѣ слова мои были приняты, однако, за желаніе скрыть свою интригу и обмануть его. Впрочемъ я думаю, что въ этой пародіи на ревность главную роль играли недоброжелательство, желаніе всѣхъ разъединить и всѣхъ оклеветать. На другой же день, Лукьянъ Петровичъ внезапно придрался къ моей горничной, обвиняя ее въ воровствѣ, сдѣлалъ скандалъ, хотѣлъ посылать за полиціей. Я знала, что все это не правда, что вина горничной состояла въ томъ, что она меня любила и не хотѣла наговаривать на меня. Тѣмъ не менѣе, Дуняшу прогнали, и на мѣсто ея мужъ мой нанялъ какую-то свою старую знакомую, ужасную женщину, настоящую шпіонку. Видно было, что это ея излюбленное ремесло—привычная для нея вещь. То она подкрадывалась на цыпочкахъ въ чулкахъ; то нарочно топала башмаками, чтобъ показать, будто уходитъ; въ саду она слѣдила за нами, пробираясь, какъ змѣя между кустами; подслушивала каждое слово и переносила его Лукьяну Петровичу, искажая смыслъ и коментируя по своему. И, при всемъ этомъ, раболѣпное подслуживаніе, медовый голосъ, противная лесть... „Наша красавица-барыня!—говорила она про меня:—дайте я вамъ чулочки сниму, что вамъ ручки трудить!.. Пришла я къ вамъ, матушка, пыль стереть; смерть люблю, чтобъ чисто было... Дай, думаю, я къ барынѣ пойду на столѣ убрать; а то она, голубушка, все сама... Барское ли это дѣло!..“ Во время этой болтовни, она шныряла по комнатѣ, всюду заглядывала, украдкой выдвигала ящики, ища какихъ нибудь уликъ... Съ Машей она была невыносимо-нагла; съ Алешей цинично шутила и набивалась на откровенность. Я не могла вытерпѣть эту гнусную женщину болѣе недѣли и хотѣла прогнать ее, но Лукьянъ Петровичъ взбѣсился и возсталъ противъ этого.

— А! я знаю, чѣмъ не угодила Соломонида, — кричалъ

Digitized by Google

онъ:—тѣмъ, что она вамъ, какъ бѣльмо на глазу!.. При ней вамъ нельзя...

— Чего нельзя?—спрашивала я, внѣ себя.

— Мало ли чего!.. Я все вижу. Не допущу себя дурачить. Да и съ кѣмъ? съ мальчишкой, у котораго еще только первый чинъ. Соломонида, оставайся. *Я* тебѣ жалованье плачу, а на барыню не смотри!

Я могла только не допускать Соломониды къ себѣ; но жизнь моя была отравлена ея присутствіемъ въ домѣ. Она стала преслѣдовать Машу, выдумывать на нее, намекать, что она дармоѣдка, приживалка. Я не знала, какъ положить этому конецъ, когда однажды Лукьянъ Петровичъ увидѣлъ, что Алеша ходитъ съ Машей вдвоемъ по саду, тихо разговаривая. Дождавшись, чтобъ Алеша уѣхалъ, онъ вдругъ началъ кричать:

— Довольно я насмотрѣлся этихъ комедій... Больше не хочу, я у себя въ домѣ хозяинъ!

— Что съ тобой?—спрашивала я.

— А то, что эта Марья Осиповна ширмы изъ себя представляетъ.

— Какія ширмы?

— Ну да, ширмы, чтобъ васъ съ Алешей прикрывать. Будто я не замѣчаю!.. Мнѣ и Соломонида говорила... Гуляютъ по саду вдвоемъ, чтобъ мнѣ глаза отвести. Нѣтъ, меня не надуешь; когда эта барышня въ первый разъ глаза сюда показала, я тутъ же подумалъ, что она привезена для отвода, для хитрости, для фальши. Видна птица по полету. Чемоданишка жиденькій, платьишки всѣ ситцевыя; хотѣла здѣсь поживиться за разныя услуги... Она просто...—Тутъ онъ сталъ награждать Машу такими эпитетами и осыпать такими оскорбленіями, что я разрыдалась. Маша изъ другой комнаты слышала все, на что и разсчитывалъ Лукьянъ Петровичъ. Она не могла дольше оставаться.

Наканунѣ ея отъѣзда пріѣхалъ Алеша и, къ удивленію моему, принялъ всю эту исторію очень небрежно.

— Сумашедшій,—сказалъ онъ про Лукьяна Петровича:—не надо бы на него обращать вниманія. А Марья Осиповна сейчасъ обидѣлась.

Маша не отвѣчала и вышла изъ комнаты.

Digitized by Google

— Алеша,—сказала я ему:—неужели вы не скажете ей ничего лучше этого?

Онъ посмотрѣлъ на меня и понялъ мою мысль.

— Я и хотѣлъ было сказать,—началъ онъ тихо,—но вѣдь это вещь не легкая—рѣшиться... Надо прежде хорошенько себя испытать, провѣрить... Да и требованія у меня большія отъ женщины. Однимъ словомъ...

— Однимъ словомъ, — прервала я съ горечью,—вы не способны никого любить.

Онъ тотчасъ оскорбился.

— Ошибаетесь,—возразилъ онъ,—мое время еще не пришло, мои силы еще спятъ, но я ихъ чувствую. Вы напрасно считаете меня незначащимъ.

— Не незначащимъ,—возразила я,—а... нечувствительнымъ.

— То есть, безъ сердца. Когда нибудь вы меня лучше поймете.

Вошла Маша, и мы замолчали. На другой день она уѣхала, и вокругъ меня сгустился мракъ пуще прежняго. Единственнымъ моимъ развлеченіемъ были посѣщенія Алеши, но и они сдѣлались источникомъ мученія, потому что Лукьянъ Петровичъ торчалъ между нами, велъ свои нескончаемые разговоры и положительно не давалъ намъ заниматься музыкой. Лишь только я садилась за рояль, онъ подходилъ и начиналъ:

— А вотъ у меня былъ знакомый, который умѣлъ играть на одной нотѣ... вотъ такъ!

Онъ тыкалъ пальцемъ въ клавишъ.

— Какъ это на одной нотѣ?—смѣялся Алеша.

— Я не знаю какъ; я не учился музыкѣ, и не скрываю, что не учился. А потому не учился, что много другихъ предметовъ было; времени недоставало. Но слухъ у меня необыкновенный; вотъ я и теперь слышу, что Вѣра фальшивитъ.

Онъ отбивалъ тактъ рукой и ногой и, конечно, сбивалъ меня; Алеша не выдерживалъ и уѣзжалъ. Оставаясь со мной вдвоемъ, Лукьянъ Петровичъ неизмѣнно заводилъ рѣчь о немъ, осуждая и искажая его слова; потомъ переходилъ къ прислугѣ и начиналъ обвинять въ воровствѣ тѣхъ людей,

Digitized by Google

которымъ я довѣряла. Это была его всегдашняя манера: онъ старался сначала подкупить и возстановить всякую новую прислугу противъ меня; когда же это не удавалось, то начиналъ преслѣдовать и выживать всѣхъ, кто былъ расположенъ ко мнѣ. Я злилась, спорила, убѣгала въ свою комнату; я чувствовала, что характеръ мой портится; мнѣ хотѣлось бѣжать, бѣжать куда нибудь... И тутъ-то случилось одно яркое драматическое происшествіе, прервавшее однообразное томленіе моей жизни.

„Кто-то въ городѣ написалъ пасквиль на моего мужа, въ плохихъ, но довольно меткихъ стихахъ. Лукьянъ Петровичъ пришелъ въ неописанное волненіе и разстройство и, къ величайшему моему изумленію, высказалъ убѣжденіе, что пасквиль написанъ Алешей.

— Кому же, кромѣ его?—возражалъ онъ на мой горячій протестъ:—вѣдь онъ пишетъ стихи?

— Развѣ онъ одинъ на свѣтѣ пишетъ стихи? И такой-то, и такой-то также пишутъ. Какой интересъ Алешѣ?

— Чтобъ меня очернить. Это онъ, онъ! я знаю, что онъ.

Между тѣмъ, въ городѣ было уже извѣстно, что авторъ стиховъ—одинъ отставной учитель, прославившійся своимъ злоязычіемъ. Не смотря на это, Лукьянъ Петровичъ стоялъ на своемъ, что стихи написаны Алешей, и сообщилъ это за вѣрное своимъ знакомымъ. Дѣйствительно ли онъ этому вѣрилъ, или притворялся—мнѣ до сихъ поръ неизвѣстно. Общій хоръ осужденія поднялся на Алешу; я, насколько могла, отчаянно защищала его; но кружокъ знакомыхъ моего мужа былъ такъ хорошо имъ подобранъ по своему образу и подобію, что голосъ мой принимался съ насмѣшливымъ недовѣріемъ и неодобреніемъ.

— Противъ мужа! — говорили про меня добродѣтельныя дамы.

Алеша пріѣхалъ къ намъ объясняться и говорилъ такъ горячо, такъ энергично, съ такой искренностью невиноватаго человѣка, что я была въ восторгѣ и поддерживала его. Лукьянъ Петровичъ краснѣлъ, блѣднѣлъ, ежился, боялся Алеши и мямлилъ:

Digitized by Google

— Да я не знаю... всѣ говорятъ... спроси весь городъ...

Алеша побивалъ его неотразимыми доказательствами, ссылаясь на сознаніе самого автора стиховъ, и предлагалъ привезти черновую рукопись. Но именно эти-то доказательства и разозлили Лукьяна Петровича; не зная, что сказать, чѣмъ поддержать свою клевету, онъ замолчалъ, и я увидѣла по его лицу, что онъ не забудетъ этого. По отъѣздѣ Алеши, онъ даже весь трясся и сказалъ мнѣ шипящимъ голосомъ:

— Его нога больше у меня не будетъ. А тебѣ спасибо, спасибо за все... Ну, да еще на чьей-то улицѣ будетъ праздникъ!

Исторія эта какъ будто замолкла. Я начинала успокоиваться, когда она вдругъ снова разыгралась въ другомъ направленіи. Я услышала стороной, что пасквиль, къ несчастью, былъ не единственный. Авторъ написалъ ихъ нѣсколько и въ одномъ изъ нихъ можно было, при нѣкоторомъ усиліи воображенія, усмотрѣть черты сходства съ однимъ изъ важнѣйшихъ лицъ города. Можетъ быть, это прошло бы незамѣченнымъ, но Лукьянъ Петровичъ былъ насторожѣ; онъ разыскивалъ, интриговалъ, можетъ быть, даже самъ заказалъ этотъ пасквиль и, заручившись имъ, поѣхалъ къ означенному лицу. Таинственно, съ благоговѣйнымъ ужасомъ, онъ представилъ стихи, какъ работу своего племянника, осмѣлившагося посягнуть на особу государственнаго мужа. Этотъ, вѣроятно, не превосходилъ умственнымъ уровнемъ моего мужа, и потому тотчасъ всему повѣрилъ и предался неописанному гнѣву. Лукьянъ Петровичъ ликовалъ и получалъ величайшія похвалы за свой поступокъ. Его называли вторымъ Брутомъ за то, что онъ, ради правды и совѣсти, не пощадилъ роднаго племянника. Отъ меня онъ тщательно скрывалъ все это; я узнала изъ постороннихъ источниковъ и съ трудомъ могла повѣрить такой безднѣ низости и злобы.

— Вы сдѣлали это? эту подлость? — спрашивала я внѣ себя, вбѣжавъ къ нему въ кабинетъ.

— Что ты пристаешь? что я сдѣлалъ? я, кромѣ правды...

— Вы не имѣете понятія о правдѣ и совѣсти!—перебила я:—вы оклеветали Алешу!..

— Заступайся, заступайся больше!

Digitized by Google

— Заступаюсь и всегда буду заступаться... и всѣмъ скажу, что ты—лжецъ и клеветникъ...

— Попробуй-ка,— сказалъ онъ съ такой скверной улыбкой, что я поняла, какъ я безсильна противъ него и ничего не могу сдѣлать, чтобъ возстановить истину.—Подлецъ! подлецъ! — отчаянно вскричала я и, рыдая, убѣжала въ свою комнату.

„И это мой мужъ, вѣчный спутникъ моей жизни!“—думала я, и чувствовала себя загрязненной его близостью. Мнѣ хотѣлось видѣть Алешу, просить у него прощенія, но онъ не появлялся больше.

Разъ мы сидѣли за обѣдомъ, какъ вдругъ дверь отворилась и вошелъ Алеша, который передъ этимъ совсѣмъ пересталъ бывать у насъ. Онъ былъ блѣденъ, какъ полотно; глаза горѣли, губы подергивались.

— Будьте довольны, дядя,—началъ онъ, едва выговаривая слова отъ волненія: — благодаря вамъ, я прогнанъ со службы, опозоренъ, оклеветанъ. Мое имя замарано; моя мать больна отъ отчаянія. Вамъ это очень пріятно?

—Да что онъ?.. да чего онъ хочетъ?..—бормоталъ въ страхѣ Лукьянъ Петровичъ, съеживаясь и пятясь назадъ.

Алеша обратился ко мнѣ.

— Моя жизнь кончена,—сказалъ онъ:—прощайте, тетя; вы добрая, хорошая.

И, быстрыми шагами, онъ какъ-то рванулся впередъ и прошелъ въ гостинную, оттуда на балконъ.

— Куда онъ?—шепталъ Лукьянъ Петровичъ:—ужь не въ кабинетъ ли ко мнѣ? что ему тамъ дѣлать?..

Не успѣлъ онъ докончить, какъ раздался выстрѣлъ и послышалось тяжелое паденіе тѣла. Я бросилась въ гостинную; Алеша лежалъ въ лужѣ крови на порогѣ балкона, раненный пулею навылетъ пониже плеча.

Я смутно слышала возгласы Лукьяна Петровича:

— Въ моемъ домѣ... застрѣлился!.. Да еще въ гостинной... Вѣдь это скандалъ... это мнѣ скандалъ!..

Помню смутно, какъ мы съ горничной приподнимали раненаго, какъ Лукьянъ Петровичъ намъ мѣшалъ, тянулъ насъ за платья и приговаривалъ шопотомъ:

— Не кричите, не кричите! Пока никто не видалъ, отта-

Digitized by Google

щите его съ балкона на дорожку... Все же лучше, если не въ домѣ, а вы въ домъ тащите!

— Да онъ живъ,—возразила я:—надо доктора...

— Живъ ли, нѣтъ ли, это ужь полиція разберетъ, — говорилъ Лукьянъ Петровичъ:—наше дѣло сторона, и я тебѣ совѣтую отойти подальше, а то вѣдь это срамъ!

Но на нашъ крикъ сбѣжался народъ; Алешу подняли и понесли въ одну изъ комнатъ, гдѣ былъ мягкій диванъ.

Я тотчасъ послала за докторомъ, и съ запиской къ матери Алеши. Лукьянъ Петровичъ злился ужасно.

— Ублажай, ублажай своего возлюбленнаго, — шипѣлъ онъ:—разсылай для него по городу, срамись!

— Ну, не вели ѣздить за докторомъ; вся отвѣтственность падетъ на тебя,—сказала я, зная, что онъ струситъ.

Докторъ еще не пріѣзжалъ, и я съ женщинами хлопотала около слабо стонавшаго Алеши, когда раздался визгливый голосъ Лукьяна Петровича.

— Вѣра Павловна! Вѣра Павловна!

— Что нужно?—спросила я, выходя.

— Пожалуйте, сюда, подите полюбуйтесь!

Я пошла за нимъ со страхомъ, ожидая еще чего нибудь ужаснаго. Онъ повелъ меня въ гостинную; тамъ, передъ дверью балкона, кухарка ползала на полу, вытирая коверъ мокрой тряпкой. Лукьянъ Петровичъ трагическимъ жестомъ указалъ на полъ и сказалъ глухимъ голосомъ:

— Не отмывается!

— Что?—спросила я, не понявъ сначала.

— Пятна не отмываются. Коверъ испорченъ; совсѣмъ-таки испорченъ, понимаете? Придется перемѣнять.

— Ну, такъ что же?

— Вамъ все ни почемъ. А мнѣ-то каково? Вѣдь это онъ насмѣшку мнѣ сдѣлалъ, пріѣхать стрѣляться ко мнѣ въ домъ, да еще въ гостинную,—нарочно, чтобъ кровяныя пятна остались...

— На твоей совѣсти всегда останутся кровавыя пятна,— вскричала я,—ты довелъ его до самоубійства!

— Змѣя!—прошепталъ онъ, сторонясь отъ меня.

Digitized by Google

„Пріѣхалъ докторъ. Мой мужъ тотчасъ прислалъ сказать мнѣ черезъ горничную, что онъ платить доктору не будетъ и проситъ, нельзя ли сегодня же взять больнаго изъ его дома. Никто не отвѣчалъ ему на это. Вскорѣ пріѣхала и мать Алеши, Лизавета Ивановна Грузинова. Мужъ мой наговорилъ мнѣ про нее такъ много дурнаго, что я была сильно предубѣждена противъ нея; но ея искреннія слезы, ея материнское отчаяніе, ея довѣрчивое обращеніе ко мнѣ тотчасъ расположили меня въ ея пользу. Докторъ успокоилъ насъ, сдѣлалъ перевязку и назначилъ лѣкарства.

— Выживетъ онъ?—спросила я, провожая его.

— Теперь-то выживетъ, но за послѣдствія отвѣчать трудно. Задѣты важные органы.

Алеша былъ въ памяти, но въ чрезвычайномъ упадкѣ духа. Взглядъ его былъ мраченъ; онъ принималъ пассивно наши попеченія и не говорилъ ни слова. Лизавета Ивановна, съ перваго же раза, начала обращаться со мной, какъ съ помощницей, въ сочувствіи которой она увѣрена; требовала того и другаго, посылала меня, совѣтовалась со мною. Часовъ въ 11 вечера, Лукьянъ Петровичъ прислалъ за мною:

— Неужели она останется ночевать? — спросилъ онъ сердито.

— Конечно. Развѣ можно объ этомъ спрашивать?

— Ну, я этого не хочу. Я хозяинъ; скажи ей, что я не хочу.

— Поди, скажи самъ.

— Я не намѣренъ съ нею связываться; но ты скажи моимъ именемъ, что я не желаю ея присутствія. Она всю жизнь дѣлала мнѣ такія гадости; она обобрала покойнаго брата, обобрала меня...

Онъ не договорилъ. Въ комнату влетѣла Лизавета Ивановна, пришедшая за мною и слышавшая все.

— Ахъ вы, дрянной человѣчишка, лгунъ, лицемѣръ!— разразилась она, вся дрожа отъ волненія:—вы всю жизнь дѣлали только гадости; вы хотѣли, по смерти брата, обобрать его сына, моего Алешу, да не удалось... Вы мнѣ и теперь должны, я васъ засудить могу...

— Ничего, ничего не долженъ,—бормоталъ испугавшійся

Digitized by Google

Лукьянъ Петровичъ, ставя лампу между собой и своей невѣсткой.

— Нечего загораживаться лампой! – вскричала она, отстраняя лампу движеніемъ руки:—я въ лицо вамъ хочу смотрѣть. Вы—убійца! Вы убили моего сына. Зачѣмъ вы оклеветали его, будто онъ написалъ пасквиль? Говорите!

— Не я... Весь городъ это говорилъ...

— Лжете! Это вы разсказали всему городу...

— Какъ честный, благородный человѣкъ—не я... Вотъ Вѣра свидѣтельница. Вѣра, что же ты не скажешь?

Я вся вспыхнула.

— Ты, одинъ только ты говорилъ на Алешу,—вскричала я.—Ты причиной всему!

Онъ бросилъ на меня злой взглядъ и прошепталъ:

— Спасибо... Я это тебѣ припомню.

Лизавета Ивановна, вся въ слезахъ, дрожа отъ гнѣва, продолжала:

— И вы смѣете выгонять того человѣка, котораго сами же уложили въ гробъ! Попробуйте-ка! Я позову полицію, скажу, что вы умирающаго выгоняете; я по всему городу буду кричать; я добьюсь, что вы сами съ мѣста слетите.

— Да что вы на меня? Это все Вѣра Павловна насплетничала... Вы ей не вѣрьте...

Лизавета Ивановна отъ негодованія не могла выговорить ни слова; она просто затопала на него ногами и бросилась вонъ изъ комнаты. Я за нею. Алеша не спалъ. Съ нимъ была лихорадка. Мы всю ночь сидѣли около него. Я живо и невольно припоминала, какъ недавно еще видѣла его полнымъ жизни, беззаботнымъ, веселымъ юношей. Лишь только я, отъ утомленія, закрывала на минуту глаза, какъ мнѣ тотчасъ представлялись: зеленыя кивающія деревья, яркій лучъ солнца, лугъ, а на лугу мы съ Алешей посреди цвѣтовъ, и его счастливый, восторженный взглядъ, когда онъ декламировалъ свои стихи.

— Благодарите Бога! Вѣдь вы сами говорите, что желаете жить.

— Да развѣ я живу? Развѣ я буду жить? Тогда—одинъ часъ страданія, и—конецъ. Теперь—медленное угасаніе, безполезное раскаяніе, горькія думы!

Digitized by Google

— Почему же онѣ такія горькія?—спросила я.

— Потому что я умираю, не живши. Природа наградила меня щедро: здоровье, умъ, способности,—все у меня было, и я оцѣнилъ это только теперь. Я могъ бы быть поэтомъ, оставить по себѣ память, могъ бы узнать любовь... Вѣдь я не любилъ еще.

— А тѣ любви, про которыя вы разсказывали?

— Развѣ это любовь? Не о такой я мечтаю, а о той, что описываютъ поэты.

Онъ закрылъ глаза, и лицо его поблѣднѣло.

— Васъ утомилъ этотъ разговоръ?—сказала я тревожно.—Не уйти ли мнѣ, не дать ли вамъ отдохнуть?

Онъ поднялъ на меня взглядъ упрека.

— Я въ первый разъ высказываю вамъ душу,—сказалъ онъ,—а вы хотите уходить.

Онъ вздохнулъ.

— Я столько передумалъ въ это время, — продолжалъ онъ,—сколько не думалъ во всю свою жизнь. Странно, какъ все представляется мнѣ теперь въ другомъ свѣтѣ. Тогда все заслонялось радостью жизни, животнымъ эгоизмомъ, равнодушіемъ ко всему, что ни дѣлали для меня другіе. Теперь только я вполнѣ понялъ, что такое вы, и что моя мать. Ей очень тяжело будетъ, не оставляйте ея.

— Да полноте, перестаньте!—перебила я въ сильнѣйшемъ волненіи:—Будемъ лучше говорить о жизни, о надеждахъ... Я не могу васъ видѣть въ этомъ мрачномъ расположеніи духа!

— Не можете?—улыбнулся онъ своей прежней лукавой улыбкой:—ну, пожалуй. Скажите, отчего вы такъ желали женить меня на Незвановой?

— Почему же мнѣ было не желать?

— Стало быть, вы находили, что мнѣ лучше такой жены и не нужно? Знаете ли, что меня это глубоко уязвило? Незванова—прекрасная дѣвушка, дѣловая, практичная, честная, но... въ ней нѣтъ ни тѣни той поэзіи, тонкости, чуткости, какихъ нужно бы такой натурѣ, какъ моя. Вы не согласны съ этимъ?

— Но я думала главнымъ образомъ объ ея счастьѣ...

— А не о моемъ? Покорно васъ благодарю. А я нахожу, что вашъ Лукьянъ Петровичъ былъ бы для нея отличный мужъ.

Digitized by Google

— Алеша, какія глупости!..

— Да, не шутя. Чтобъ съ нимъ справиться, надо имѣть въ характерѣ частичку той же практичности и посредственности, которыхъ въ васъ нѣтъ, моя бѣдная тетя!... А вообще говоря, мнѣ было ужасно непріятно, что вы хотѣли непремѣнно сблизить меня съ Незвановой.

— Не кажется ли вамъ это, Алеша? Насколько я замѣчала, вы сами тянулись къ ней; и я старалась только не мѣшать,—больше ничего.

— Ну да; вы своимъ „немѣшаніемъ“ и безпристрастіемъ были несносны; это я могу вамъ сказать теперь.

— А вы забыли, что въ день ея отъѣзда сами сказали мнѣ, что чуть было не объяснились въ любви?

— Еще бы, когда вы приставали ко мнѣ!

Вошла Лизавета Ивановна, и на лицѣ ея выразилось радостное изумленіе при видѣ прояснившагося лица сына, при звукѣ его оживленнаго голоса. Она бросила на меня взглядъ неизъяснимой благодарности.

— До свиданія, нашъ ангель-хранитель!—шепнула она мнѣ на прощанье.

Я отдала бы жизнь за нее въ эту минуту...

Лизавета Ивановна подошла ко мнѣ и поцѣловала въ голову. Я вздрогнула и очнулась отъ видѣнія.

— Я вижу, какая вы женщина,—сказала она мнѣ шопотомъ,—не вамъ бы быть за нимъ замужемъ. Если вы прямая и честная, вы погибнете. Братъ его былъ точно такой же, и я, ради сына, чтобъ имѣть возможность жить какъ нибудь, выучилась лгать и обманывать. Иначе нельзя съ такими людьми.

Я бросилась къ ней на шею и заплакала. Она, молча, указала мнѣ на Алешу, который стоналъ и метался, и мы обѣ забыли о себѣ, поглощенныя мыслью о немъ.

При первой возможности, Алешу перевезли въ городъ на квартиру матери. Наружная рана его быстро заживала; но внутренняя становилась какъ будто все глубже. Апетитъ и сонъ не возвращались, появился кашель, сердцебіеніе, а—главное—полная перемѣна въ характерѣ. Молчаливость, мрачная меланхолія, углубленіе въ себя замѣнили прежнюю пылкость, сумасбродство, избытокъ жизни. Мать его страшно боялась,

Digitized by Google

что мысль о самоубійствѣ продолжаетъ бродить въ его мозгу; но Алеша разъ сказалъ ей съ горечью:

— Не бойся, тогда у меня была энергія, во мнѣ кровь кипѣла, а теперь...

Онъ не договорилъ и замолчалъ.

Мы также переѣхали съ хутора въ городъ. На другой же день, въ отсутствіе Лукьяна Петровича, я отправилась къ Грузиновымъ и была поражена перемѣной въ Алешѣ. Онъ какъ будто пересталъ жить въ этомъ мірѣ, а жилъ въ какомъ-то другомъ, для насъ непонятномъ.

Лукьянъ Петровичъ встрѣтилъ меня съ какой-то кривой, иронической усмѣшкой.

— Навѣщали возлюбленнаго?—обратился онъ ко мнѣ.

— Я была у Грузиновыхъ.

— А докторъ сказалъ тебѣ, что Алеша умретъ?

— Нѣтъ, не говорилъ,—отвѣтила я, вздрогнувъ.

— А мнѣ сказали три доктора, что онъ умретъ на дняхъ.

И весь обѣдъ онъ взглядывалъ на меня съ язвительной улыбкой и спрашивалъ у меня разный вздоръ, видя, что мнѣ не до разговора. Не поднимая глазъ, я чувствовала на себѣ этотъ взглядъ василиска; этотъ злорадный голосъ терзалъ мое ухо. Я хотѣла ходить къ Алешѣ каждый день. Мужъ мой взбѣсился, наговорилъ мнѣ оскорбленій, спряталъ мою шляпу, спряталъ пальто; я накинула на голову платокъ и ушла. Возвратившись, я не нашла Ами; мужъ мой отдалъ ее кому-то, чтобъ досадить мнѣ. Я ничего не сказала и ушла опять. Незамѣтно между мной и Алешей установилась такая тѣсная близость, какой никогда не бывало прежде. Силы его видимо слабѣли; все его утомляло, и онъ чаще и чаще лежалъ въ постели, молча и ничего не дѣлая, только думая о чемъ-то. Когда я садилась съ работой возлѣ него, въ глазахъ его загорался тихій свѣтъ, и онъ начиналъ внимательно смотрѣть на движеніе моихъ пальцевъ.

— А вы не сочиняете стиховъ въ головѣ, когда лежите вотъ такъ?—спросила я.

Онъ посмотрѣлъ на меня и грустно улыбнулся, покачавъ головою.

— Стихи—это дѣти фантазіи,—сказалъ онъ,—а фантазій у меня больше нѣтъ.

Digitized by Google

— Опять будутъ, когда выздоровѣете.

— Выздоровленіе—тоже фантазія; а я вамъ сказалъ, что ихъ больше у меня нѣтъ.

Глаза мои невольно наполнились слезами.

— Еслибъ вы знали,—продолжалъ онъ, помолчавъ:—какъ бы я теперь хотѣлъ жить!

— Ахъ, Алеша, зачѣмъ же вы?...

— Это была минута изступленія... Я не хотѣлъ сносить... Это былъ первый ударъ, нанесенный моему самолюбію, моей гордости, и я хотѣлъ мстить за него кому-то... Не Лукьяну Петровичу—нѣтъ; онъ слишкомъ мелокъ и низокъ для мщенія, но судьбѣ, Богу, самъ не знаю кому... Я не ожидалъ, что буду такъ наказанъ, что пуля не попадетъ въ сердце.

Возвращаясь домой, я каждый разъ чувствовалъ себя, какъ душа, отпущенная на время изъ чистилища и обреченная снова возвратиться въ него. Напрасно я надѣялась, что Лукьянъ Петровичъ привыкнетъ наконецъ къ моимъ посѣщеніямъ Алеши: онъ каждый разъ принималъ ихъ за нѣчто новое и неожиданное.

— Какъ, опять?—восклицалъ онъ съ притворнымъ изумленіемъ:—это изъ рукъ вонъ!.. Зачѣмъ тебѣ туда?

— Ты самъ сказалъ, что Алеша умираетъ,—говорила я,—и не забудь, что умираетъ отъ тебя! Я искупаю твою вину передъ нимъ.

Лукьянъ Петровичъ блѣднѣлъ отъ злобы.

— Я знаю, что ты распустила этотъ слухъ по городу. Недаромъ Мамонова отрѣзала мнѣ въ глаза, что это не Алеша писалъ пасквиль. Что же я, стало быть, солгалъ?..

— Солгалъ, наклеветалъ, самъ это знаешь.

— Вотъ такъ женушка... хороша жена!.. наградилъ меня Богъ!

— Если вамъ не нравится такая жена,—восклицала я,—то дайте мнѣ отдѣльный видъ на жительство.

— А, вотъ что! вотъ еще что! — бормоталъ дрожащими губами Лукьянъ Петровичъ:—это чье наущеніе? Это Лизавета Ивановна научила?

— Я сама, сама этого жажду! Отпустите меня!

— Погоди, я буду держать ухо востро. На Лизавету Ивановну тоже управа найдется. Я губернатору донесу, что она

Digitized by Google

вздумала разводить женъ съ мужьями. Погоди! я добръ и терпѣливъ, но до поры, до времени.

Я дрожала, чтобъ онъ не надѣлалъ непріятностей Лизаветѣ Ивановнѣ и не разстроилъ бы этимъ Алешу. Я боялась долго оставаться у нихъ, потому что два раза уже онъ присылалъ за мной своего клеврета—кухарку, которая намѣренно грубила, шумѣла и дѣлала скандалъ, требуя меня. Не было того мелочнаго притѣсненія, какого я не испытывала бы въ тѣ дни, когда хотѣла идти къ Грузиновымъ. Мужъ мой то созывалъ гостей именно въ это время; то затѣвалъ исторію насчетъ прачки, похитившей будто бы бѣлье; то придирался къ моей горничной, которая обливалась слезами, и я должна была идти къ ней на защиту. Или онъ разсказывалъ мнѣ городскія сплетни на мой счетъ; слѣдовалъ за мной изъ комнаты въ комнату, предрекая страшныя наказанія за мое поведеніе. Иногда Лизавета Ивановна, дѣлая покупки, заходила ко мнѣ по дорогѣ; и, если мужъ мой былъ дома, онъ не оставлялъ насъ въ покоѣ. Онъ писалъ мнѣ записки, чтобъ я не смѣла давать Лизаветѣ Ивановнѣ денегъ, или присылалъ кухарку сказать на словахъ, что ей некогда варить кофеи и шеколады для угощенія моихъ гостей. Если же Лизавета Ивановна приходила безъ него, ему тотчасъ доносили объ этомъ, и онъ говорилъ язвительно:

— Опять приходила обирать? Ты такая богачка—давай, давай имъ! То-то тебя тамъ и ласкаютъ, чтобъ всю ощипать. Прошу только мою посуду не раздавать; а то я ужь вижу, что синяго чайника нѣтъ. Я все замѣчаю.

Я не находила словъ, чтобъ выразить ему все презрѣніе, какое онъ мнѣ внушалъ. И еще меня поражало то, что, при такихъ невозможныхъ отношеніяхъ, онъ, по временамъ, покушался приходить ко мнѣ въ комнату, какъ ни въ чемъ не бывало, и, повидимому, изумлялся, что я запираюсь отъ него. Одинъ разъ онъ сталъ ломиться въ дверь, пытаясь сломать задвижку; тогда я закричала ему, что подожгу домъ, если онъ войдетъ... Онъ испугался и ушелъ.

Digitized by Google

„Разъ, когда я собиралась къ Грузиновымъ, мужъ мой окликнулъ меня необыкновенно злымъ голосомъ:

— Куда ты идешь?

— Къ Алешѣ,—отвѣчала я.

— Нѣтъ, не къ Алешѣ!—разразился онъ, стуча рукою о столъ:—ишь какая сестра милосердія выискалась, повѣрю я! Станешь ты сидѣть около чахоточнаго, въ духотѣ, да только и знать, что лѣкарства ему подавать? Ты ширмами-то не прикрывайся; знаю я, для кого ты туда ходишь.

Я смотрѣла на него съ изумленіемъ.

— Для кого же?—спросила я наконецъ.

— Ты думаешь, я не знаю? ты думаешь, что обманула меня своими сѣтованіями: „Алеша... Алеша!.. ахъ, навѣстить Алешу!“ Сердобольная какая!

— Да для кого же я хожу? — прервала я съ любопытствомъ.

— Для доктора! — разразился Лукьянъ Петровичъ, побагровѣвъ.

— Для доктора?—повторила я, и мнѣ стало чрезвычайно смѣшно при этой мысли. Докторъ бывалъ у Алеши рѣдко, и я почти не говорила съ нимъ.

— А какъ же ты подозрѣвалъ, что я влюблена въ Алешу?—спросила я.

— Было, матушка, было это; да вотъ Богъ-то его и наказалъ. Что онъ теперь для тебя? Къ веснѣ отправится, а покамѣстъ все лежитъ да скрипитъ. Нѣтъ, ты другаго намѣтила!

— Почему же ты это думаешь?

— По всему вижу. Какая бы тебѣ неволя таскаться туда каждый день? У него мать есть, прислуга; тебя тамъ не нужно. Да что говорить! Мнѣ вѣрные люди все разсказали, предупредили меня.

Я знала, что „вѣрные люди“ — были его собственнымъ измышленіемъ, и меня поразило, что его мысль всегда работала въ противоположномъ отъ истины направленіи.

— Стало быть, — сказала я, — ты мнѣ не повѣрилъ бы, еслибъ я тебѣ призналась, что люблю Алешу?.. Да, я люблю его!

Не знаю, какъ и зачѣмъ у меня вырвались эти слова,

Digitized by Google

точно я произнесла ихъ безсознательно. Но они произвели во мнѣ самой потрясеніе всего существа, будто что-то раскрылось передо мною, что-то засіяло и наполнило мою душу такимъ сладкимъ волненіемъ, что духъ захватило. Я принуждена была сѣсть; сердце у меня билось. Лукьянъ Петровичъ, между тѣмъ, что-то говорилъ, издѣвался надъ моимъ признаніемъ, оскорблялъ, грозилъ, но я не слышала; я прислушивалась къ другимъ голосамъ внутри меня... Я очнулась, когда мой мужъ закричалъ съ бѣшенствомъ:

— Помни: если ты туда пойдешь, лучше не возвращайся; я тебя больше не знаю!

— Хорошо,—поспѣшно отвѣтила я и бросилась къ двери. Лукьянъ Петровичъ понялъ, что сдѣлалъ промахъ; онъ весь позеленѣлъ и схватилъ меня за руку.

— Съ полиціей приду, — бормоталъ онъ: — попробуй-ка бросить мужа... Увидишь, что̀ будетъ!..

Я побѣжала чуть не бѣгомъ, Лизавета Ивановна встрѣтила меня на крыльцѣ.

— Я уже думала, вы не придете,—сказала она, обнимая меня.—Алеша тоскуетъ безъ васъ; онъ не говоритъ, но я вижу, я знаю... Все смотритъ на часы, то волнуется, то задумывается...

Я отворила дверь и увидѣла, что Алеша ждалъ меня. Его впалыя щеки окрасились румянцемъ; въ глазахъ блеснули какія-то свѣтлыя искорки... Онъ вглядывался въ мое лицо съ какимъ-то особеннымъ вниманіемъ и волненіемъ и, не выпуская моей руки, сказалъ:

— Вы сегодня какая-то другая... не то, что всегда...

— Какая же я?

— Хорошая... счастливая!

Да! цвѣтокъ любви расцвѣлъ между нами на краю могилы. Никогда не думала я, чтобъ этотъ цвѣтокъ могъ быть такъ прекрасенъ, такъ свѣжъ и душистъ! А, можетъ быть, именно близость могилы наложила на него печать высокой поэзіи, отрѣшенія отъ всего мелкаго, земнаго, загрязняющаго. Мы оба знали, что Алеша долженъ умереть; но мысль о смерти потеряла для него всю свою горечь; по мѣрѣ ослабленія физическихъ силъ, его духовныя силы какъ будто освобожда-

Digitized by Google

лись, крѣпли и свѣтлѣли. Никогда прежде я не видѣла въ немъ такого серьезнаго ума, такого свѣтлаго взгляда.

— А знаете ли,—сказалъ онъ мнѣ однажды:—еслибъ я остался жить, какъ много я потерялъ бы, и вы также!

— Отчего?

— Мы находимся теперь въ необыкновенныхъ условіяхъ счастья; все, о чемъ я мечталъ, исполнилось; я испытываю самое сладкое въ жизни: любить и быть любимымъ. Для всѣхъ людей настаетъ послѣ этого конецъ, разочарованіе, горе... А для меня *конца* не будетъ!.. Не такъ ли?

Онъ, улыбаясь, заглянулъ мнѣ въ лицо. Я не въ силахъ была отвѣчать, и только сжала ему руку.

— Я вѣчно останусь молодъ,—продолжалъ онъ встревоженно,—меня не коснется старость, не коснется никакая проза жизни, и въ твоемъ воспоминаніи я останусь всегда такимъ же, какъ теперь.

— Твоя доля, конечно, завиднѣе моей,—прошептала я.— Но и мнѣ не на что жаловаться. Въ это короткое время я переживу столько, что достало бы на цѣлую долгую жизнь! Я не могу себѣ представить, что̀ я буду дѣлать *потомъ*?..

Мы говорили о смерти Алеши, какъ о чемъ-то естественномъ, ожидаемомъ. Я не чувствовала отчаянія; я вся жила въ настоящемъ.

При всей своей недальновидности, Лукьянъ Петровичъ замѣтилъ перемѣну во мнѣ. Онъ смутно почувствовалъ, что со мною произошло что-то хорошее, счастливое; я менѣе раздражалась его придирками, молчала на его обвиненія. Это ему не понравилось; онъ удвоилъ шпіонство надо мною, удвоилъ притѣсненія, непріятности. Чтобъ какъ нибудь наполнить тѣ мучительные часы, какіе я проводила дома, я начала писать этотъ дневникъ. Пусть тѣ, кому придется прочесть его, знаютъ мою истинную жизнь и мотивы моихъ поступковъ; я старалась писать все безпристрастно и правдиво. Буду продолжать писать день за днемъ.

„Съ Алешей дѣлаются припадки, предвѣщающіе близость конца. Но зато за ними слѣдуютъ минуты просвѣтленія, полнаго отдыха отъ всѣхъ страданій... Въ этихъ минутахъ со-

Digitized by Google

средоточена вся моя жизнь. Не знаю, не помню, сколько ночей провела я около него... Мой мужъ объявилъ полиціи, что „жена отъ него убѣжала“... Приходили за мною; кажется, былъ какой-то скандалъ; но никто не рѣшился оторвать меня отъ постели умирающаго.

Дни проходятъ за днями; я благословляю ихъ. Алеша почти не страдаетъ; онъ въ полной памяти; онъ любитъ меня!

Черные дни, черныя ночи!.. Свѣтъ померкъ, и больше нѣтъ ни луча нигдѣ... Зачѣмъ я живу?.. О, еслибъ броситься за нимъ туда, гдѣ—я чувствую—живетъ обновленная душа его!.. Объ этомъ я мечтаю все время, пока мужъ мой свирѣпствуетъ надо мною, требуетъ меня къ себѣ, вырываетъ изъ дома Лизаветы Ивановны... Я не могу оставаться у нея; я должна скрываться.

Меня привели насильно къ мужу. Лизавета Ивановна больна, слегла послѣ похоронъ. Я одна могла бы облегчить ее, говорить съ нею объ Алешѣ, но меня отняли у нея. Лукьянъ Петровичъ пришелъ самъ... и съ какимъ лицомъ... и съ какими словами!.. Въ моихъ ушахъ раздается еще мучительный крикъ, которымъ проводила меня Лизавета Ивановна, протягивая за мной руки...

Не могу видѣть Лукьяна Петровича, не могу слышать звука его голоса. Онъ угадалъ, что для меня ничто не можетъ сравниться съ ужасомъ его присутствія, и не оставляетъ меня ни на минуту, и все говоритъ, все резонируетъ, доказывая мнѣ, какъ онъ хорошъ и какъ я дурна. Онъ созываетъ своихъ родныхъ и друзей, чтобъ увѣщевать меня. Всѣ они выставляютъ его образцомъ хорошаго мужа и спрашиваютъ, что я могу сказать противъ него: развѣ онъ не вѣренъ? развѣ онъ мотаетъ, пьетъ? Развѣ не одѣваетъ меня, развѣ не меблируетъ квартиру? „Его нельзя выносить!“—закричала я внѣ себя, и мнѣ сдѣлалось дурно.

.....

„Я прошу, требую развода, беру все на себя: вину, церковное покаяніе, всевозможныя кары. Но *онъ* не хочетъ выпустить жертву... онъ знаетъ, чѣмъ отомстить... Хотѣла тихонько уйти къ адвокату—посовѣтоваться насчетъ развода,

Digitized by Google

но не могу поднять головы, ноги нейдутъ, слабость... шумъ въ ушахъ... Забылась на минуту, и вдругъ, точно сверлящій молотъ, раздается надо мною бормотанье Лукьяна Петровича. Онъ садится у моего изголовья и попрекаетъ, что я сама себя уложила своими капризами и упрямствомъ, что вотъ теперь надо брать доктора, а я этого не стою... Онъ разспрашиваетъ, гдѣ у меня болитъ, входитъ во всѣ подробности, призываетъ кухарку, велитъ ей разувать меня, и доводитъ, наконецъ, до жесточайшей истерики...

Съ ума сойду... Что мнѣ дѣлать, куда бѣжать? Онъ сторожитъ меня; я не могу даже запереться въ своей комнатѣ и побыть одна; онъ унесъ всѣ ключи и запоры, и является ко мнѣ во всякое время... Что съ Лизаветой Ивановной? Пріѣхала какая-то ея сестра и увезла къ себѣ въ провинцію. Я даже не простилась съ нею. Послѣ я узнала, что она пріѣзжала ко мнѣ, но Лукьянъ Петровичъ не пустилъ ея, и скрылъ отъ меня... Откуда берется столько тупой, безсмысленной злобы?..

„Наконецъ, я убѣжала и больше не ворочусь. Я пріютилась у Маши Незвановой; она живетъ теперь съ матерью на квартирѣ. Всѣ знакомые бросили меня; всѣ на сторонѣ моего мужа; онъ успѣлъ очернить меня.

Я совсѣмъ изнемогла, ходя по адвокатамъ и отбиваясь отъ предписаній полиціи воротиться къ мужу. Не слышу ногъ подъ собою, голова кружится, и мнѣ такъ страшно, какъ бы не появился вдругъ Лукьянъ Петровичъ. Сегодня, когда я проходила по мосту, мнѣ ясно представилось, что онъ подстерегаетъ меня за угломъ, и я чуть не бросилась въ воду... Кажется, я страшно простудилась; Маша говоритъ, что я вся горю, и укладываетъ меня въ постель... Ахъ, Господи! стучатъ... не онъ ли? Нѣтъ, это мнѣ все кажется. Скорѣе въ постель!..“

Этими словами оканчивался дневникъ Вѣры Грузиновой. Писать больше ей, видно, не пришлось.

П. Лѣтневъ.

Digitized by Google

ПОМНИШЬ ЛИ?

Помнишь ли, какъ мы въ далекіе годы
Въ маленькихъ санкахъ съ тобою катались;
Не испытавъ еще сердцемъ невзгоды,
Мы ни враговъ, ни судьбы не боялись,
И беззаботно, какъ дѣти, смѣялись?

—

Помнишь ли, какъ мы съ тобой въ непогоду,
Бѣшенымъ стонамъ мятели внимая,
Олово лили, глядѣлися въ воду,
Вмѣстѣ съ другими о счастьѣ гадая,
Счастье наивно тогда понимая?

—

Помнишь ли, какъ мы съ тобою украдкой
Вечеромъ позднимъ въ бесѣдкѣ встрѣчались?
Сердце сжималось съ тревогою сладкой,
Мы неизмѣнно любить обѣщались,
И безъ конца, безъ конца цѣловались...

—

Много смѣшнаго и дѣтскаго было
Въ насъ, не умѣвшихъ еще лицемѣрить,
Вѣрило сердце зато и любило
Такъ, какъ ему—наученному мѣрить,
Взвѣшивать все—не любить и не вѣрить!

А. Кругловъ.

Digitized by Google

МАРІАНЕЛА.

Романъ **Переса Гальдоса.**

I.

Заблудившійся.

Солнце закатилось. Вслѣдъ за короткими сумерками, настала темная, тихая ночь. Мало по малу смолкали и послѣдніе звуки сонливой земли. Путешественникъ ускоряетъ шагъ, по мѣрѣ того какъ увеличивается темнота. Онъ идетъ по одной изъ тѣхъ узкихъ тропинокъ, которыя являются на поляхъ отъ постоянной ходьбы людей и скота, и, не чувствуя усталости, взлѣзаетъ на холмы, по склонамъ которыхъ живописно расположились группы дуба и бука. Изъ этого краткаго описанія видно, что мы находимся на сѣверѣ Испаніи.

Путешественникъ былъ среднихъ лѣтъ, крѣпкаго тѣлосложенія, широкоплечій, съ рѣшительными движеніями, твердой походкой, съ мужественнымъ, увѣреннымъ, живымъ взглядомъ; ловкій, не смотря на свою полноту, и—скажемъ теперь же, хотя это немного и рано—человѣкъ превосходный во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ имѣлъ видъ богатаго туриста, путешествующаго лѣтомъ; на головѣ у него была небольшая круглая шляпа, безобразіемъ своимъ напоминающая грибъ; черезъ плечо висѣла дорожная сумка; въ рукѣ онъ держалъ здоровую палку, которой время отъ времени прочищалъ себѣ дорогу, когда терновникъ острыми иглами цѣплялся за его одежду. Онъ остановился и, окинувъ взглядомъ горизонтъ, выразилъ нетерпѣніе и безпокойство. Безъ сомнѣнія, онъ не особенно полагался на вѣрность своего маршрута и потому

Digitized by Google

теперь былъ въ ожиданіи, не пройдетъ ли кто изъ поселянъ, и не дастъ ли ему нѣкоторыхъ свѣдѣній относительно того, какъ ему ближайшимъ путемъ добраться до цѣли своего путешествія.

— Я не могъ ошибиться,—проворчалъ онъ.—Мнѣ сказано перейти рѣчку чрезъ пѣшеходный мостикъ, что̀ я и сдѣлалъ, затѣмъ идти все прямо. Дѣйствительно, вотъ онъ остался позади, этотъ знаменитый городишка, который я охотно назвалъ бы „Грязнымъ городомъ“, вслѣдствіе ужасной грязи, которую всегда можно найти на его улицахъ и дорогахъ. Отсюда надо „идти прямо“—эта фраза мнѣ очень нравится: я долженъ быть давно на минахъ Сокорте.

Спустя нѣсколько минутъ, онъ прибавилъ:

— Я заблудился. Безъ сомнѣнія, заблудился. Вотъ, милѣйшій мой Теодоръ Гольфинъ, результатъ твоего завѣта: „все прямо, прямо“. Эти олухи, вѣроятно, не понимаютъ значенія словъ. Они или посмѣяться надо мной хотѣли, или сами не знали, гдѣ находятся мины Сокорте. Рудникъ долженъ дать знать о себѣ строеніями, печными трубами, шумомъ аппаратовъ, грохотаніемъ горновъ, ржаніемъ лошадей, движеніемъ машинъ, а я ничего подобнаго не вижу и не слышу; я точно въ пустынѣ. Какая глушь! Еслибъ я вѣрилъ въ существованіе вѣдьмъ, то вообразилъ бы, что эту ночь буду имѣть честь быть имъ представленнымъ. И никто-то не пройдетъ здѣсь! Полчаса осталось до восхода луны. Изъ-за нея я сбился съ дороги. Еслибъ я зналъ, по крайней мѣрѣ, мѣсто, гдѣ нахожусь теперь. Ну, да объ этомъ послѣ!— Сказавъ это, онъ сдѣлалъ жестъ рукою, какъ человѣкъ, рѣшившійся презирать всякую опасность.—Гольфинъ, сдѣлавшій кругосвѣтное путешествіе, станетъ бояться? Да, они правы; все прямо. Прямой путь—самый короткій!

И онъ прошелъ еще одинъ километръ, идя на удачу, по тропинкамъ, перекрещивающимся во всѣхъ направленіяхъ, точно нарочно сбивающимъ его еще болѣе съ дороги. Не смотря на его рѣшительность и неустрашимость, онъ долженъ былъ остановиться. Дорожки, по которымъ онъ раньше подымался, стали, запутываясь, спускаться; скатъ въ одномъ мѣстѣ былъ такъ крутъ, что путешественникъ очутился на вершинѣ

Digitized by Google

какого-то откоса, по которому можно было развѣ только скатиться.

— Превосходное положеніе! — воскликнулъ онъ въ хорошемъ расположеніи духа.—Гдѣ же ты, мой другъ Гольфинъ? Надъ пропастью. А видишь что нибудь внизу? Ровно ничего. Травы нѣтъ, почва изрыта, всюду булыжникъ и голая земля съ примѣсью окиси желѣза. Навѣрно, я уже на минахъ, но почему же здѣсь нѣтъ ни души живой, нѣтъ дымящихся трубъ, не видно дороги, не лаютъ собаки? Что же мнѣ дѣлать? Вотъ одна тропинка идетъ въ гору. Идти по ней? Но, пожалуй, я опять туда попаду, откуда пришелъ? Вернуться? Нѣтъ, если я не буду сегодня же вечеромъ на знаменитыхъ минахъ Сокорте и не увижу моего дорогаго брата, то я—больше не я. Впередъ!

Онъ сдѣлалъ шагъ и углубился въ рыхлую землю.

— А! что же это? Земля, кажется, намѣрена меня поглотить? Врядъ ли я этимъ путемъ скоро дойду до цѣли путешествія. Это походитъ на кратеръ потухшаго вулкана. Ничего не остается больше, какъ съ полнымъ спокойствіемъ спуститься въ бездну. А, это что такое? Камень; сядемъ въ ожиданіи появленія луны.

Мудрый Гольфинъ усѣлся на камнѣ, какъ на лучшей скамьѣ, и принялся за сигару, какъ вдругъ услышалъ голосъ... да, это былъ человѣческій голосъ, который издали казался трогательной или, вѣрнѣе, меланхолической пѣсней, состоящей изъ одной только фразы, послѣдній тактъ которой длился, ослабѣвая постепенно, что въ музыкѣ называется „morendo“ (замираніе), и совершенно теряясь въ тишинѣ ночи, такъ что ухо не могло уловить послѣдней вибраціи голоса.

— Наконецъ-то, — произнесъ обрадованный путешественникъ,—появилось человѣческое существо. Это пѣсня молодой дѣвушки, это женскій голосъ, и какъ хорошъ! Я люблю народную музыку Испаніи. Что за очаровательный голосъ, какая восхитительная мелодія! Она исходитъ изъ нѣдръ земли и можно подумать, что сеньоръ Гольфинъ, серьезнѣйшій и менѣе всего суевѣрный человѣкъ, войдетъ въ сношенія съ сильфидами, ундинами, гномами, феями... Но, если я не ошибаюсь, голосъ удаляется, прелестная пѣвунья уходитъ. Эй! малютка, постой, погоди!

Digitized by Google

Голосъ, плѣнившій заблудившагося путешественника своей очаровательной мелодіей, терялся въ безконечности, а при восклицаніи Гольфина и совершенно смолкъ. Вѣроятно, таинственное существо, развлекавшееся въ одиночествѣ пѣніемъ, испугалось дерзкаго незнакомца и исчезло въ подземномъ царствѣ.

— Вотъ глупое положеніе! — ворчалъ Гольфинъ, рѣшая, что ничего лучшаго не можетъ сдѣлать, какъ опять закурить сигару.—Вздумалось же мнѣ идти на мины одному, пѣшкомъ. Багажъ мой прибудетъ раньше меня, что доказываетъ неопровержимую истину словъ: „все прямо, прямо.“

Въ это время поднялся легкій вѣтерокъ и Теодоръ услышалъ отдаленные шаги въ глубинѣ таинственной пропасти, которая, какъ онъ предполагалъ, находилась передъ нимъ. Онъ прислушался... дѣйствительно, кто-то идетъ по направленію къ нему.

— Дитя, взрослый, кто бы ты ни былъ, скажи мнѣ, можно ли этой дорогой дойти до мины Сокорте?..

Не докончилъ онъ своей фразы, какъ услышалъ рѣзкій лай собаки и затѣмъ мужской голосъ, кричавшій: „Шото! сюда!“

— Эй! — опять началъ путешественникъ, — любезный другъ, лѣшій, кто бы ты ни былъ, удержи свою собаку, я человѣкъ мирный!

— Шото, Шото!

Гольфинъ увидѣлъ бѣжавшую прямо на него большую черную собаку, которая, поворчавъ немного, вернулась на зовъ своего господина. Въ эту минуту Теодоръ Гольфинъ могъ различить неподвижную фигуру человѣка, похожую на каменную статую; она находилась отъ него на разстояніи восьми или десяти метровъ, на тропинкѣ, неправильно извивавшейся по откосу. Эта дорожка и человѣческая фигура привлекли вниманіе заблудившагося, и онъ, поднявъ радостный взоръ къ небу, воскликнулъ:

— Слава Богу! Наконецъ-то я могу узнать, гдѣ нахожусь. Не думалъ я, чтобъ дорога была такъ близко отъ меня Другъ мой, не можете ли вы мнѣ сообщить: я на минахъ Сокорте?

Digitized by Google

— Да, сеньоръ, это мины Сокорте; но мы довольно далеко отъ самого зданія.

Отвѣчавшій голосъ былъ пріятенъ, въ тонѣ его выражалась учтивость и желаніе оказать услугу, что̀ доставило большое удовольствіе путнику, особенно когда онъ увидѣлъ вдали блеснувшій огонекъ, освѣтившій слегка небо и землю.

— Fiat lux! — воскликнулъ Гольфинъ, спускаясь съ откоса.—Ну, вотъ я и на вѣрномъ пути. Благодарю васъ, мой другъ, за данныя мнѣ свѣдѣнія и за тѣ, которыя я еще надѣюсь получить отъ васъ. Я пришелъ сюда изъ Вилламоады уже подъ вечеръ. Мнѣ сказали идти все прямо... прямо...

— Вы идете на рудникъ?—спросилъ собесѣдникъ, оставаясь неподвижнымъ и не глядя на подходившаго.

— Да, но, повидимому, я заблудился.

— Дорога на мины не здѣсь. Надо идти чрезъ пѣшеходный мостъ Рабагоне, гдѣ строится желѣзная дорога. Тѣмъ путемъ вы въ десять минутъ дойдете до минъ, а отсюда будетъ подальше, да и дорога очень плоха. Мы въ послѣднемъ поясѣ эксплуатаціи; намъ придется проходить галереи, тунели, спускаться по лѣстницамъ, подниматься на откосы, — однимъ словомъ, обойти весь рудникъ Сокорте отъ одного конца до другаго, гдѣ и находятся мастерскія, горны, машины, лабораторіи и контора.

— Да, я заблудился,—сказалъ, смѣясь, Гольфинъ.

— Я съ удовольствіемъ провожу васъ, потому что отлично знаю дорогу.

II.

Сопровождаемый.

Гольфинъ, идя по рыхлой землѣ, ступилъ наконецъ на твердую почву, взглянулъ на своего спутника и остановился отъ удивленія.

— Вы...—промолвилъ онъ.

— Я слѣпой, да, сеньоръ,—произнесъ молодой человѣкъ,— но я могу проходить мины Сокорте, не видя ихъ, отъ начала до конца. Палка не дастъ мнѣ оступиться, а Шото

Digitized by Google

провожаетъ меня, когда нѣтъ моего проводника. Такъ смѣло слѣдуйте за мной.

— Вы слѣпы отъ рожденія?—спросилъ Гольфинъ съ живымъ интересомъ, внушеннымъ ему не однимъ только сочувствіемъ.

— Да, отъ рожденія, — возразилъ слѣпой совершенно просто.—Я знаю міръ только по осязанію и слуху, но убѣжденъ, что лучше всего на свѣтѣ то, чего я лишенъ. Глаза другихъ—не то что мои, они даютъ понятіе о вещахъ; но этотъ даръ мнѣ кажется такимъ необыкновеннымъ, что я не могу себѣ представить его.

— Но что я вижу, другъ мой,— сказалъ Теодоръ, — что это за поразительное зрѣлище?

Путешественникъ, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ къ своему проводнику, остановился, ослѣпленный фантастической перспективой, открывшейся его глазамъ. Онъ находился во впадинѣ, похожей на кратеръ вулкана. Почва была неправильна, стѣны неровны. По краямъ и въ центрѣ этого огромнаго котла, объемъ котораго увеличивался темнотою ночи, вращались колоссальныя фигуры, безобразные люди, чудовища, опрокинутыя вверхъ ногами, съ огромными заломанными руками, короткими ногами, безпорядочныя фигуры, на подобіе тѣхъ, которыя образуются движущимися по небу облаками, но неподвижныя и отвердѣлыя. Онѣ имѣли видъ мумій: земляной цвѣтъ съ красноватымъ оттѣнкомъ; положеніе фигуръ было такое, какъ будто, въ своемъ лихорадочномъ движеніи, онѣ были застигнуты и остановлены смертью. Можно было принять ихъ за окаменѣлыхъ демоновъ-гигантовъ; ихъ движенія такъ и остались неподвижны, какъ позы въ скульптурѣ. Тишина, наполняющая всю окружность кратера, наводила ужасъ. Можно было подумать, что когда-то тысячи голосовъ и воплей замерли, окаменѣли здѣсь. Теперь это были столѣтніе камни.

— Гдѣ мы, мой добрый другъ?—спросилъ Теодоръ.

— Этотъ поясъ мины называется Ужаснымъ,—отвѣчалъ слѣпой, индиферентно относясь къ изумленію, выраженному его спутникомъ. — Имъ пользовались, назадъ тому два года, до тѣхъ поръ, пока руда цинка не истощилась. Теперь работа производится въ другихъ поясахъ, расположенныхъ ниже.

Digitized by Google

То, что̀ васъ удивляетъ, — простыя каменныя глыбы мѣла и отвердѣлой желѣзистой глины, которая осталась послѣ извлеченія руды. Говорятъ, что это представляетъ величественный видъ, особенно при лунномъ свѣтѣ. Я и вообразить себѣ этого не могу.

— Необыкновенное зрѣлище,—сказалъ Теодоръ, останавливаясь, чтобъ еще разъ полюбоваться имъ,— но оно меня скорѣе удивляетъ, чѣмъ доставляетъ удовольствіе. Знаете, на что это кажется похожимъ? Я воображаю, что путешествую по мозгу, волнуемому жестокой мигренью. Эти фигуры— точно видимые образы, производимые головной болью, смѣшанные съ грёзами и явленіями, происходящими оть лихорадки.

— Шото! Сюда, Шото!—крикнулъ слѣпой.—Будьте внимательны теперь, мы входимъ въ галерею.

И дѣйствительно, Гольфинъ видѣлъ, что слѣпецъ, пробуя почву своей палкой, направлялся къ маленькой, узенькой двери, рама которой состояла изъ трехъ толстыхъ бревенъ. Первой вошла собака, обнюхивая темную впадину. Слѣпой шелъ за нею съ безпечностью человѣка, который привыкъ къ вѣчнымъ потемкамъ. Теодоръ слѣдовалъ за нимъ, не безъ инстинктивнаго отвращенія къ этой подземной экспедиціи.

— Это очень любопытно,—сказалъ онъ,—что вы можете войти и выйти, ни разу не оступясь.

— Я выросъ въ этой странѣ и знаю ее, какъ свои пять пальцевъ. Здѣсь холодно, закутайтесь хорошенько, если у васъ есть плащъ. Мы скоро выдемъ отсюда.

Онъ ощупалъ правой рукой деревянную стѣну.

— Берегитесь,—прибавилъ слѣпой,—не споткнитесь на рельсы, которые у васъ подъ ногами. Здѣсь провозятъ руду, начинающуюся съ верхнихъ галерей. Вамъ не холодно?

— Скажите мнѣ, милый другъ,—весело спросилъ Гольфинъ,—увѣрены вы, что земля насъ не поглотитъ? И вы, молодой человѣкъ, часто прогуливаетесь по этимъ пріятнымъ дорогамъ?

— Я часто прихожу сюда и во всякое время; это мнѣ чрезвычайно нравится. Вотъ мы дошли до болѣе сухаго мѣста. Здѣсь одинъ песокъ. Теперь вотъ опять камень начался

Digitized by Google

Тутъ просачивается сѣрнистая вода; встрѣчаются въ землѣ окаменѣлыя раковины; есть также залежи графита. Слышите крикъ жабы? Мы приближаемся къ выходу. Жаба эта приходитъ сюда каждую ночь; я знаю ее, голосъ ея хриповатый, медленный. Ну, вотъ мы и добрались до выхода.

— Правда, я вижу впереди точно глазъ, который смотритъ на насъ. Это—отверстіе галереи.

Какъ только они вышли, первый звукъ, поразившій слухъ Гольфина, была та самая меланхолическая пѣсня, которую онъ недавно слышалъ. Слѣпецъ услышалъ ее и, быстро обернувшись, сказалъ улыбаясь съ чувствомъ удовольствія и гордости:

— Слышите?

— Я слышалъ этотъ голосъ недавно, и онъ доставилъ мнѣ живое удовольствіе. Кто это поетъ?

Вмѣсто отвѣта, слѣпой остановился и началъ изо все силы кричать:

— Нела, Нела!

Звонкое эхо прозвучало, нѣсколько разъ повторивъ имя. Слѣпецъ, приложивъ обѣ руки къ губамъ въ родѣ рупора, закричалъ опять:

— Не приходи, я иду туда. Жди меня на кузницѣ!—Затѣмъ, обращаясь къ спутнику, онъ сказалъ: —Нела, это молодая дѣвушка, которая меня сопровождаетъ; это мой вожакъ (lazarille) какъ мы говоримъ. Сегодня вечеромъ мы вмѣстѣ возвращались съ большаго луга, и было немного свѣжо. Такъ какъ отецъ запретилъ мнѣ выходить по вечерамъ безъ верхней одежды, то я вошелъ въ хижину Ромаликосъ, а Нела пошла домой за моимъ пальто. Случилось, что на минуту я остался одинъ въ хижинѣ, и въ это время вспомнилъ, что пріятель мой ждетъ меня дома. У меня не достало терпѣнія ждать возвращенія Нелы, я и отправился съ Шото. Проходя черезъ Ужасный рудникъ, мы встрѣтились. Теперь мы подходимъ къ кузницѣ, и тамъ разстанемся, потому что отецъ сердится, когда я возвращаюсь поздно, а Нела проводитъ васъ до конторы.

— Премного благодаренъ, мой другъ.

Тунель привелъ ихъ къ другому пространству, болѣе необыкновенному, чѣмъ первое. Это была глубокая расщелина

Digitized by Google

въ землѣ,—плодъ тяжелаго труда рудокопа. Внутренность ея напоминала внутренность большаго потерпѣвшаго крушеніе судна, выброшеннаго на морской берегъ, разбитаго волнами, накрененнаго на бокъ. Казалось, отъ судна остался только одинъ остовъ. Въ углубленіи легко было различить большіе камни, какъ остатки клади, колеблемой волнами; при слабомъ свѣтѣ луны, это производило необычайный эффектъ, и Гольфину казалось, что онъ, вмѣсто тысячи обломковъ судна и его принадлежностей, видитъ трупы, выброшенные волнами на берегъ, муміи, скелеты,—все мертвое, онѣмѣвшее, разложившееся, и глубоко-неподвижное.

Иллюзія стала совершенной, когда онъ услышалъ шумъ воды, плескъ ея, въ родѣ того, какой производятъ утихшія волны въ трещинахъ утеса, или когда онѣ бьются объ остатки погибшаго судна.

— Здѣсь есть вода?—спросилъ онъ спутника.

— Шумъ, который вы слышите, — возразилъ слѣпой, останавливаясь, — онъ... какъ бы это сказать?.. имѣетъ сходство со звукомъ, производимымъ при полосканіи горла?

— Вѣрно. А гдѣ находится эта вода? Здѣсь ручей протекаетъ?

— Нѣтъ, налѣво тутъ есть холмъ; за нимъ находится впадина, пропасть, глубина которой неизвѣстна. Называется она „Троскава“. Нѣкоторые думаютъ, что она примыкаетъ къ морю, недалеко отъ города Фикобрига; другіе говорятъ, что на днѣ ея безпрерывно протекаетъ ручей.

— И никто не спускался въ эту пропасть?

— Въ нее можно спуститься только однимъ способомъ.

— Какимъ?

— Бросившись въ нее. Тѣ, которые попали туда, не вернулись, и это очень грустно, потому что они сказали бы намъ, что происходитъ внизу. Днемъ вы могли бы видѣть этотъ вертепъ, такъ какъ достаточно спуститься здѣсь налѣво, между каменьями, чтобъ очутиться совсѣмъ близко отъ пропасти. Нѣкоторые боятся приблизиться къ ней, но Нела и я очень часто садимся тамъ, чтобъ послушать звучащій въ пропасти голосъ. И въ самомъ дѣлѣ можно подумать, что онъ намъ говоритъ что-то на ухо. Нела утверждаетъ, что она

Digitized by Google

слышить слова, ясно различаетъ ихъ. Я же, право, никогда не слыхалъ словъ.

— Кромѣ звука полосканья, и я ничего не слышу,—смѣясь, сказалъ Гольфинъ.

— Это такъ кажется, если слушать отсюда... Но не надо мѣшкать, потому что уже поздно. Приготовьтесь, мы входимъ въ другую галерею.

— Другую?

— Да, а эта, когда дойдешь до половины ея, раздѣляется на двѣ. Затѣмъ она становится лабиринтомъ, съ массой поворотовъ, закоулковъ. Проникали во многія покинутыя галереи, а эта и до сихъ поръ еще оставлена на произволъ судьбы. Шото, впередъ!

Шото вошелъ въ отверстіе, какъ хорекъ, преслѣдующій кролика, а за собакой проникли туда же Гольфинъ и его проводникъ, ощупывавшій палкой извилистую, узкую и темную дорогу. Они подвигались, описывая кривую линію, потомъ углы, углы, и все между двухъ стѣнъ гнилой, сырой плотины.

— Знаете, что я представляю себя,—сказалъ Гольфинъ,— ничтожнымъ созданіемъ въ виду этихъ величественныхъ картинъ природы.

Гольфинъ думалъ, что онъ выразился языкомъ мало понятнымъ для слѣпаго, но тотъ своимъ отвѣтомъ доказалъ противное:

— Для того, кто обладаетъ неизвѣстнымъ мнѣ даромъ зрѣнія, эти галереи должны быть скучны; но я, живущій впотьмахъ, нахожу даже нѣкоторое сродство между ними и моимъ существомъ. Я хожу здѣсь также, какъ вы расхаживаете по самымъ широкимъ улицамъ города. Еслибы здѣсь не былъ по временамъ рѣдкій воздухъ и чрезвычайная сырость, то я предпочелъ бы эти подземелья всѣмъ мѣстамъ, какія только знаю.

— Это вполнѣ обдуманная мысль.

— Я чувствую: въ моемъ мозгу есть проходъ въ родѣ того, по которому мы идемъ; въ немъ прекрасно работаютъ мои мысли.

— О, какая ужасная вещь не видѣть никогда голубаго небеснаго свода въ полномъ его величіи!—воскликнулъ Голь-

Digitized by Google

финъ съ невольнымъ порывомъ.—Скажите мнѣ, однако, этотъ проходъ имѣетъ ли конецъ?

— Сейчасъ мы выдемъ отсюда. Вы говорите: небесный сводъ!.. Могу себѣ представить, какое это должно быть гармоническое пространство, которое, мы думаемъ, можно руками достать.

Въ то время какъ онъ это говорилъ, они подошли къ выходу галереи. Гольфинъ, сильно вздыхая, какъ облегченный отъ большой тяжести, воскликнулъ, смотря на небо:

— Слава Богу, я опять васъ вижу, прекрасныя небесныя звѣзды. Никогда вы мнѣ не казались такъ хороши, какъ въ этотъ вечеръ.

— Проходя галерею,—сказалъ слѣпой, протягивая руку, въ которой держалъ камень,—я поднялъ этотъ кусокъ кристаллизованной глины. Вы сами скажете, что эти маленькіе кристаллы, которые я узналъ ощупью, такъ хорошо ограненные, тонкіе, такъ хорошо прилаженные одинъ къ другому,—вполнѣ прекрасная вещь? Я такъ думаю, по крайней мѣрѣ.

— Мой милый другъ,—сказалъ грустно Гольфинъ,—право, прискорбно, что вы не можете сознательно отнестись къ тому, какъ мало заслуживаетъ вниманія этотъ булыжникъ, когда надъ нашими головами находятся миріады небесныхъ свѣтилъ, которыми усѣяно все небо.

Слѣпой поднялъ голову и произнесъ съ глубокой тоскою:

— Правда ли, что вы существуете, звѣзды?

— Богъ безконечно великъ и милосердъ,—проговорилъ Гольфинъ, кладя руку на плечо своего спутника.—Кто знаетъ, мой другъ? Бывали случаи излѣченія еще болѣе рѣдкіе.

Говоря это, Гольфинъ вглядывался въ молодаго человѣка, стараясь разсмотрѣть его глаза при слабомъ ночномъ свѣтѣ. Неподвижный и безъ взгляда, слѣпецъ, улыбаясь, повернулъ голову въ сторону, откуда слышался голосъ.

— Я давно потерялъ надежду,—пробормоталъ онъ.

Они находились на открытомъ мѣстѣ. Луна съ каждой минутой все болѣе освѣщала волнистые луга и широкіе откосы, похожіе на эскарпы сильныхъ укрѣпленій. Налѣво, на правильной возвышенности, Гольфинъ увидѣлъ группу бѣлыхъ домовъ, окружавшихъ ее по склонамъ.

Digitized by Google

— Здѣсь, налѣво,—сказалъ слѣпецъ,—мой домъ, наверху. Эти три зданія,—вотъ все, что̀ осталось отъ деревни „Верхняго Альдеакорба“. Остальное было отнято у владѣльцевъ въ разное время необходимостью эксплуатаціи. Все, что̀ наверху, все это—хорошая руда, а отцы наши жили тамъ тысячи лѣтъ и не знали объ этомъ.

Такъ говорилъ онъ, когда къ нимъ подбѣжала молодая, небольшаго роста дѣвушка, почти ребенокъ.

— Нела,—сказалъ слѣпой,—ты несешь мнѣ пальто?

— Вотъ оно,—отвѣчала малютка, накидывая его на плечи.

— Это она пѣла? Знаешь ты, что у тебя прекрасный голосъ?

— О!—восклианулъ слѣпой съ выраженіемъ похвалы и искренности:—она восхитительно поетъ. Слушай, маленькая Марія, ты проводишь этого сеньора въ контору. Я же возвращусь домой. Я слышу голосъ отца, онъ идетъ меня искать, и вѣрно будетъ бранить. Я здѣсь!

— Идите скорѣй, мой другъ,—сказалъ Гольфинъ, пожимая руку молодому человѣку.—Воздухъ свѣжъ и можетъ повредить вамъ. Благодарю васъ за вниманіе. Надѣюсь, что мы будемъ друзьями, въ продолженіе того времени, что̀ я тутъ пробуду. Я—братъ Карлоса Гольфина, инженера этого рудника.

— А! превосходно, донъ Карлосъ другъ моего отца и мой другъ; онъ ждетъ васъ со вчерашняго дня.

— Сегодня вечеромъ я прибылъ на станцію Вилламоада и шелъ одинъ, отправивъ впередъ свой багажъ. Вы знаете, какъ я заблудился, но все къ лучшему: я познакомился съ вами; мы будемъ друзьями и, можетъ быть, большими. Ну, прощайте; возвращайтесь скорѣй, сентябрьская свѣжесть вредна. Прекрасная пѣвица будетъ такъ добра, проводитъ меня.

— Отсюда до конторы всего четверть часа ходьбы: это пустяки. Смотрите: не споткнитесь на рельсы; осторожнѣе спускайтесь по неровнымъ покатостямъ. На дорогахъ оставляютъ всегда вагончики, а отъ сырости земля очень скользка. Прощайте, покойной ночи.

Молодой человѣкъ поднялся по лѣстницѣ, протоптанной въ землѣ, ступени которой были утверждены досками. Гольфинъ продолжалъ свой путь, сопровождаемый Нелой. То

Digitized by Google

что говорилось между путешественникомъ и молодой дѣвушкой, достойно ли отдѣльной главы? Посмотримъ.

III.

Разговоръ, который служитъ объясненіемъ.

— Постой, моя дѣвочка, не иди такъ скоро,—сказалъ Гольфинъ, останавливаясь: —дай мнѣ закурить сигару.—И, приблизивъ спичку къ лицу Нелы, онъ добродушно прибавилъ: —ну, покажись-ка мнѣ теперь.

Молодая дѣвушка съ удивленіемъ посмотрѣла на него; маленькіе черные глазки ея блестѣли, какъ искры, вспыхнувшія на минуту. Она казалась почти ребенкомъ, такъ какъ была мала ростомъ, тонка, худощава. Но, тѣмъ не менѣе, это была уже молодая дѣвушка; во взглядѣ ея не было дѣтской застѣнчивости; фигура выражала зрѣлость организма. Не смотря на несовершенство тѣлосложенія, въ ней было все пропорціонально; ея маленькая головка поворачивалась съ рѣшительностью на щедушномъ корпусѣ. Кто-то выразился про нее, что это женщина, на которую приходится смотрѣть свысока; другой сказалъ, что это ребенокъ со взглядомъ и выраженіемъ взрослой женщины.

— Сколько тебѣ лѣтъ?—спросилъ Гольфинъ.

— Говорятъ, что шестнадцать лѣтъ,—отвѣтила Нела.

— Шестнадцать!—ты немного запоздала, мое дитя. По наружности тебѣ можно дать двѣнадцать, не больше.

— Говорятъ, что я феноменъ,—возразила она такимъ тономъ, точно ей стало жаль самой себя.

— Феноменъ!—сказалъ Гольфинъ, положивъ руку на голову малютки.—Это можетъ быть. Ну, веди меня.

Нела пошла ровнымъ шагомъ, не спѣша, стараясь держаться невдалекѣ отъ путешественника, показывая этимъ, что считаетъ за честь находиться въ его обществѣ. Башмаковъ на ней не было. Ея маленькія проворныя ножки, казалось, привыкли къ камнямъ, землѣ, лужамъ, хворосту. Одежду ея составляла простая узкая юбка—ея обыкновенный нарядъ. Короткіе, вьющіеся отъ природы волосы, небрежно

Digitized by Google

развѣвавшіеся, означали нѣкоторую независимость, болѣе свойственную дикаркѣ, чѣмъ нищей. Разговоръ, напротивъ того,— что особенно и поразило Гольфина, — сдержанный, скромный, показывалъ опредѣленный, разсудительный характеръ. Симпатичный тембръ голоса, вѣжливый тонъ не могли быть плодомъ воспитанія; взглядъ ея былъ очень живой, только не въ то время, когда она обращала его къ землѣ или къ небу.

— Скажи мнѣ,—спросилъ ее Гольфинъ,—ты живешь въ рудникѣ? Ты дочь кого нибудь изъ служащихъ здѣсь?

— Говорятъ, что у меня нѣтъ ни отца, ни матери.

— Бѣдная малютка! Ты работаешь на копяхъ?

— Нѣтъ. Я ни на что негодна, — отвѣчала она, не подымая глазъ.

— Правда! ты скромна.

Теодоръ наклонился, чтобъ посмотрѣть ей въ лицо; оно было блѣдно и покрыто веснушками. Маленькій лобъ, тонкій красивый носъ, черные, живые, хотя и съ выраженіемъ грусти, глаза, золотисто-каштановые волосы потеряли свой прекрасный природный цвѣтъ вслѣдствіе того, что о нихъ мало заботились, и потому они постоянно подвергались вліянію воздуха, солнца и пыли. Губы были поразительно тонки. Она постоянно улыбалась, но улыбка ея походила на то неизъяснимое выраженіе, которое остается на лицѣ покойника, думающаго о небесномъ въ послѣднія минуты жизни... Ротъ Нелы былъ некрасивъ, но, говорила ли эта бѣдная дѣвушка, смотрѣла ли, улыбалась ли она, ничто не выражало въ ней унизительныхъ привычекъ нищенства.

Гольфинъ взялъ ее за подбородокъ и погладилъ, покрывая почти все лицо своей огромной рукой.

— Бѣдняжка,—сказалъ онъ,—Богъ не былъ щедръ къ тебѣ. У кого ты живешь?

— У сеньора Сентено, смотрителя рудничныхъ работъ.

— Кажется, ты не въ богатствѣ родилась. Чья ты дочь?

— Говорятъ, что моя мать торговала перцемъ въ Вилламоадѣ. Она не была замужемъ. Она дала мнѣ жизнь въ день всѣхъ усопшихъ, а затѣмъ въ качествѣ кормилицы отправилась въ Мадридъ.

Digitized by Google

— Вотъ добрая женщина!—злобно проворчалъ Теодоръ.— Ты, можетъ быть, и отца не знаешь?

— Напротивъ,—отвѣчала Нела съ нѣкоторой гордостью.— Мой отецъ первый освѣтилъ городъ Вилламоада.

— Чортъ возьми!

— Я хочу сказать, что когда дума впервые поставила фонари на улицахъ,—говорила малютка, придавая своему разсказу историческое значеніе,—то на моего отца была возложена обязанность зажигать и чистить ихъ. Я была воспитана сестрою моей матери, которая тоже не была замужемъ, какъ говорятъ. Отецъ мой поссорился съ ней... Говорятъ, что они жили вмѣстѣ, всѣ вмѣстѣ, а когда онъ уходилъ къ своимъ фонарямъ, то и меня уносилъ въ корзинѣ со стеклами, фитилями, склянками. Разсказываютъ, что однажды, отправившись чистить фонарь на мосту, онъ поставилъ корзину на перила: я вылѣзла изъ нея и упала въ рѣку.

— И не утонула?

— Нѣтъ, потому что упала на камни. Они говорятъ, что до этого я была очень хороша собою.

— Да, безъ всякаго сомнѣнія, ты была очень хороша,— сказалъ Гольфинъ,—да и теперь ты еще хороша. Но скажи мнѣ вотъ что. Давно ты живешь на копяхъ?

— Говорятъ, что уже тринадцать лѣтъ. Разсказываютъ, что мать моя подняла меня, когда я упала. Отецъ захворалъ, а такъ какъ мать не хотѣла ухаживать за нимъ, то онъ легъ въ больницу, гдѣ и умеръ. Тогда мать отправилась работать въ рудникъ, но она сильно пила, такъ что начальникъ отказалъ ей отъ мѣста.

— И твоя мать опять ушла? Меня очень интересуетъ эта особа.

— Она исчезла въ той огромной пропасти, которая находится тамъ, наверху,—сказала Нела, придавая голосу самый жалобный тонъ,—моя мать бросилась въ пропасть.

— Послѣ этой катастрофы, бѣдное созданіе,—сказалъ Гольфинъ голосомъ, полнымъ сочувствія,—ты осталась здѣсь работать. Работа на рудникахъ довольно тяжелая. У тебя англійская болѣзнь, тебя плохо кормили. Эта жизнь убиваетъ и самыя крѣпкія натуры.

— Нѣтъ, я не работаю. Они говорятъ, что я ни на что

Digitized by Google

неспособна, и не могу быть ничѣмъ полезна. Я не могу работать: если я несу что немного потяжелѣе, то падаю. Если я начинаю дѣлать что нибудь трудное, мнѣ дѣлается дурно.

— Ну, а еслибы ты попала къ людямъ, которые съумѣли бы руководить тобою, ты, конечно, работала бы?

— Нѣтъ,—сказала Нела съ такою важностью, точно это было достойно похвалы,—я на это неспособна.

— Значитъ, ты бродяга?

— Нѣтъ, потому что я сопровождаю Пабло.

— Кто это Пабло?

— Молодой человѣкъ, слѣпой, котораго вы встрѣтили въ Ужасномъ рудникѣ. Я его lazarille (вожакъ) вотъ уже полтора года. Я всюду хожу съ нимъ; мы гуляемъ по всей этой деревнѣ.

— Этотъ Пабло, кажется, милый мальчикъ?

Нела опять остановилась; она сіяла восторгомъ.

— Матерь Божія!—воскликнула она,—это лучшій человѣкъ на свѣтѣ. Бѣдняга! Не видя, онъ знаетъ больше тѣхъ, кто видитъ.

— Твой хозяинъ здѣшній?

— Да, онъ единственный сынъ дона Франсиско Пенагиласъ, богатаго дворянина, живущаго въ этихъ рудникахъ Альдеакорба.

— Скажи мнѣ, отчего тебя зовутъ Нела? Что̀ означаетъ это имя?

Молодая дѣвушка пожала плечами; но, спустя нѣсколько минутъ, отвѣчала:

— Мою мать торговку звали Марія Канела, а также Нела. Говорятъ, что это прозвище собаки. Меня зовутъ Марія Нела, а также дочерью Канелы. Одни меня зовутъ Маріанелой, другіе просто Нелой.

— А господинъ твой тебя очень любитъ?

— Да, онъ очень добрый. Онъ говоритъ, что видитъ моими глазами, потому что я вожу его всюду, говорю ему, какой видъ имѣетъ каждая вещь.

— Все, что̀ онъ не можетъ видѣть?

— Да, я все ему говорю. Онъ меня спрашиваетъ, какъ сдѣланы звѣзды, я ему объясняю и говорю такъ, что для него

Digitized by Google

это все равно, какъ еслибы онъ ихъ самъ видѣлъ. Я все ему разсказываю: каковы растенія, облака, небо, вода, молнія, флюгера, бабочки, дымъ, фигуры людей и животныхъ. Объясняю, что̀ безобразно, что̀ красиво, такъ что онъ обо всемъ имѣетъ понятіе.

— Вижу, что у тебя немало работы. Что̀ безобразно, что̀ красиво! Это не легко объяснить! Скажи, ты умѣешь читать?

— Нѣтъ, потому что я ни къ чему не годна.

Это было сказано съ убѣжденіемъ, а жестъ, сопровождавшій ея возраженіе, казалось, прибавлялъ: „Странно, что вы могли предположить, что я къ чему нибудь способна“.

— Доставило ли бы тебѣ удовольствіе видѣть, что Богъ далъ зрѣніе твоему молодому другу?

Дѣвушка ничего не отвѣтила, но послѣ нѣкоторой паузы сказала:

— Это невозможно.

— Невозможно—нѣтъ; можетъ быть, трудно.

— Инженеръ нашего рудника подалъ надежду отцу моего господина.

— Донъ Карлосъ Гольфинъ?

— Да. У дона Карлоса есть братъ—глазной докторъ. По слухамъ, онъ возвращаетъ зрѣніе слѣпымъ, вылѣчиваетъ кривыхъ и исправляетъ косые глаза.

— Какой ловкій человѣкъ!

— Такъ какъ докторъ написалъ своему брату, что онъ пріѣдетъ къ нему, то братъ и просилъ его захватить съ собой инструменты, чтобы посмотрѣть, не можетъ ли онъ возвратить зрѣніе Пабло.

— И что же, пріѣхалъ этотъ добрякъ?

— Нѣтъ еще. Онъ все то въ Америкѣ, то въ Англіи; но, вѣроятно, пріѣдетъ позже. Пабло смѣется надъ этимъ: онъ говоритъ, что человѣкъ не можетъ дать ему того, въ чемъ Пресвятая Дѣва отказала съ самаго рожденія.

— Можетъ быть, онъ и правъ. Но я вижу трубы, изъ которыхъ валитъ дымъ, чернѣе адскаго, вижу также и свѣтъ, точно изъ кузницы...

— Мы подходимъ къ рудникамъ. Это обжигательныя печи, которыя работаютъ днемъ и ночью. Здѣсь вотъ, насупротивъ,

Digitized by Google

промывательныя машины, дѣйствующія только днемъ; направо—мастерскія, а внизу, за всѣмъ этимъ, контора завода.

Дѣйствительно, весь заводъ предсталъ предъ глазами Гольфина такимъ, какимъ его описала Маріанела. Разстилающійся дымъ, какъ темный газовый покровъ, скрывалъ зданія, черныя массы которыхъ фантастическими силуэтами рисовались на небѣ, освѣщаемомъ луною.

— Пріятно это видѣть одинъ разъ, но не жить тутъ всегда,—сказалъ Гольфинъ, прибавляя шагу.—Все застилается дымомъ, свѣтъ образуетъ какіе-то темные диски, какъ дискъ луны въ туманную ночь. Гдѣ же контора?

— Тамъ; мы сейчасъ придемъ.

Пройдя горны, жаръ отъ которыхъ заставилъ Гольфина идти еще скорѣе, онъ увидѣлъ зданіе, такое же черное, закоптѣлое, какъ и остальныя. Въ тотъ же моментъ онъ услышалъ звуки фортепіано, на которомъ играли съ настоящимъ музыкальнымъ азартомъ.

— У насъ играютъ; я узнаю игру моей невѣстки,—сказалъ онъ.

— Это Софія играетъ,—сказала Нела.

Окна дома блестѣли яркимъ свѣтомъ; среднее окно было открыто. Въ немъ виднѣлось слабое мерцаніе: это былъ огонекъ сигары. Прежде чѣмъ путникъ успѣлъ подойти, огонь упалъ по вертикальной линіи, дробясь на безчисленное количество тотчасъ же гаснущихъ искръ. Курившій бросилъ окурокъ сигары.

— Вотъ вѣчный курильщикъ,—крикнулъ Гольфинъ тономъ, полнымъ любви.—Карлосъ!

— Теодоръ!—отвѣтилъ голосъ съ балкона.

Фортепіано смолкло, какъ пѣвчая пташка, испуганная шумомъ. Въ домѣ послышались шаги. Докторъ далъ серебряную монету своей проводницѣ, а самъ направился къ двери.

IV.

Семейство каменныхъ людей.

Нела, ускоряя шагъ, перескакивая черезъ встрѣчающіяся ей по дорогѣ препятствія, направилась къ дому подлѣ ма-

Digitized by Google

стерскихъ, невдалекѣ отъ конюшенъ, гдѣ важно и покойно паслись шестьдесятъ муловъ, принадлежащихъ заведенію. Домъ сеньора Сентено былъ современной архитектуры, хотя не отличался элегантностью и удобствомъ. Очень низкій, состоящій изъ трехъ только комнатъ, домъ былъ малъ, чтобъ вмѣстить въ себѣ супруговъ Сентено съ четырьмя дѣтьми, кошкой, да еще сверхштатною Нелою; но, не смотря на это, онъ на общемъ планѣ заведенія означенъ былъ надписью: „Домъ надзирателя".

Внутренность зданія какъ бы имѣла цѣлью на практикѣ пояснить нѣкоторые афоризмы Маріанелы, напримѣръ, что бѣдная дѣвушка ни къ чему неспособна, какъ только стѣснять другихъ. И точно, въ домѣ для всѣхъ было мѣсто, и для супруговъ Сентено, и для дѣтскихъ игрушекъ, для множества безполезныхъ вещей, для кошки, для посуды, изъ которой ѣла кошка, для маленькаго Танаса, для матеріаловъ того же Танаса, нужныхъ ему для дѣланія корзинъ, для полдюжины старыхъ хомутовъ, для клѣтки чернаго дрозда, для двухъ ни къ чему не служащихъ печей, для алтаря, построеннаго усердіемъ супруги Сентено, съ тряпичными цвѣтами, засиженными мухами: для всего рѣшительно достало мѣста, исключая дѣвочки Канелы. Поминутно слышалось:

— Невозможно шагу сдѣлать безъ того, чтобъ не наткнуться на эту несчастную Нелу!..

Или еще:

— Убирайся же въ свой уголъ... Какая тварь! Она ничего не дѣлаетъ, а только другимъ мѣшаетъ!..

Домъ состоялъ изъ трехъ комнатъ и чердака. Первая комната была всѣмъ: столовой, залой и спальней супруговъ Сентено. Во второй помѣщались двѣ дочери, уже замужнія, Маріука и Пепина. Танасъ-первенецъ поселился на чердакѣ, а Селипинъ, самый младшій въ семействѣ, — ему было двѣнадцать лѣтъ, — спалъ въ кухнѣ, внутренней комнатѣ, самой отдаленной, темной, дымной и необитаемой изъ всѣхъ трехъ.

За все время своего долгаго пребыванія въ этомъ домѣ, Нела занимала разные углы, переходя изъ одного въ другой, смотря по требованію размѣщенія массы вещей, которыя ни

Digitized by Google

къ чему другому не служили, какъ только къ тому, чтобъ отнимать у живыхъ существъ послѣдній клочокъ обитаемаго ими дома. Однажды (не съумѣю сказать, когда именно) Танасъ, посвятившій себя выдѣлкѣ большихъ ивовыхъ корзинъ, сложилъ въ кухнѣ шесть объемистыхъ экземпляровъ своего произведенія. Дочь Канелы, печально блуждая взоромъ по комнатѣ, не находила въ ней покойнаго мѣстечка; вдругъ ей пришла въ голову счастливая мысль, которую она и привела тотчасъ же въ исполненіе: она устроилась въ корзинѣ и заснула въ ней крѣпкимъ, сладкимъ сномъ. Когда же было холодно, то она прикрывалась другою корзиною. Съ тѣхъ поръ, сколько бы ихъ ни было готовыхъ, у нея всегда была своя, чтобъ покрыться, послѣ чего домашніе стали говорить: „она спитъ, точно сокровище какое“.

За столомъ, среди оживленнаго разговора, предметомъ котораго были утреннія занятія, раздавался рѣзкій голосъ, говорившій: „бери!“ Нела, получивъ тарелку котораго нибудь изъ Сентено, молча уходила ѣсть къ своему сундуку. Часто также слышался строгій голосъ заботливаго сеньора Сентено: „Жена, ты дала чего нибудь бѣдной Нелѣ?“

Вечеромъ, послѣ ужина, начиналась молитва по четкамъ. Пошатываясь, какъ жрицы Бахуса, и потирая кулаками глаза, Маріука и Пепина отправлялись спать; кровати ихъ были покойны, удобны, покрыты стеганными цвѣтами одѣялами. Нѣсколько минутъ спустя, раздавался храпъ, длившійся до утра.

Танасъ поднимался въ свое верхнее отдѣленіе, а Селипинъ свертывался клубочкомъ на рваныхъ покрывалахъ, въ лохмотьяхъ, недалеко отъ корзинъ, въ которыхъ спала Нела.

Дѣти расходились; родители оставались еще съ минуту въ главной комнатѣ, и пока Сентено сидѣлъ за столомъ, протянувъ ноги, и бралъ газету, дѣлая тысячу гримасъ, что̀ означало его рѣшительное намѣреніе читать, Сепана вынимала изъ сундука чулокъ съ деньгами, считала ихъ, прибавляла или вынимала оттуда нѣсколько монетъ и тщательно убирала мѣшокъ на мѣсто. Затѣмъ брала маленькіе свертки бумаги, содержащіе золотыя монеты, и перекладывала нѣкоторыя изъ одного запаса въ другой. Изрѣдка произносились отрывистыя фразы, напримѣръ:

Digitized by Google

— Я взяла тридцать два рео на юбку для Маріуки... Отдала Танасу шесть рео, которыя у него брали... Намъ недостаетъ не болѣе одиннадцати дуро до пятисотъ.

Или, напримѣръ:

— Господа депутаты, подававшіе голосъ за... Вчера была конференція... и т. д.

Сепана считала по пальцамъ, Софронимъ Сентено водилъ дрожащею рукою по строкамъ газеты, чтобъ лучше справиться съ лабиринтомъ буквъ.

Разговоръ мало по малу переходилъ въ отрывистыя фразы, а затѣмъ и въ отдѣльныя слова; раздавался зѣвокъ, другой; наступала глубокая тишина, послѣ чего гасла свѣча, при свѣтѣ которой погонщикъ муловъ обогащалъ свои знанія.

Однажды ночью, когда все стихло, въ кухнѣ раздался трескъ. Было немного свѣтло, потому что ставни никогда не закрывались, и Селипинъ Сентено могъ различить, какъ двѣ верхнихъ корзины, поставленныхъ одна на другую, открылись. Изъ отверстія показались носъ и глаза Нелы.

— Селипинъ, маленькій Селипинъ,—сказала она, протягивая руку,—ты спишь?

— Нѣтъ, я проснулся, Нела; какъ ты похожа на ракушку. Что тебѣ надо?

— На, возьми эту монетку, мнѣ далъ ее сегодня вечеромъ одинъ господинъ, братъ дона Карлоса... Сколько ихъ уже у тебя? Надѣюсь, что это хорошій подарокъ; я тебѣ давала всегда только однѣ песеты (копѣйки).

— Давай, благодарю тебя, Нела,—сказалъ ребенокъ, вставая съ кровати, чтобъ взять монету.—Ты мнѣ дала уже около тридцати двухъ рео. Все это лежитъ у меня на груди, крѣпко за связанное въ маленькомъ мѣшечкѣ, который ты же мнѣ дала. Ты чудная дѣвушка!

— Мнѣ вовсе не нужны деньги. Береги ихъ хорошенько, потому что если Сепана увидитъ ихъ, то подумаетъ, что ты хочешь употребить ихъ на что нибудь дурное, и приласкаетъ тебя большою палкой.

— Нѣтъ, не на дурное я ихъ употреблю,—возразилъ мальчикъ съ энергіей, сжимая одною рукой лежавшій на груди мѣшочекъ, а на другую склонивъ голову,—но на то, чтобы быть работникомъ, быть полезнымъ, какъ многіе, которыхъ я знаю

Digitized by Google

Въ воскресенье, если меня отпустятъ въ Вилламоадо, я куплю книгу и буду одинъ учиться читать, потому что здѣсь не хотятъ меня учить. А я буду учиться одинъ. Слушай, Нела, говорятъ, что донъ Карлосъ—сынъ поденщика, который подметалъ улицы въ Мадридѣ. Онъ одинъ, совсѣмъ одинъ, съ божьей помощью выучился всему, что̀ знаетъ.

— И ты мечтаешь о томъ же? какой ты еще глупенькій!

— Отецъ небесный! но если родители не хотятъ меня выпустить изъ этихъ отвратительныхъ копей, то я самъ пробью себѣ дорогу, и ты увидишь, что̀ такое Селипинъ. Я не хочу здѣсь служить, Нела. Подожди, вотъ я соберу порядочную сумму, и ты увидишь, я уйду въ городъ, и разъ ужь буду тамъ, то по желѣзной дорогѣ отправлюсь въ Мадридъ, или съ пароходомъ на ближніе острова, и буду тамъ служить тому, кто дастъ мнѣ работу.

— Ты скрывалъ отъ меня всѣ эти глупости!—воскликнула Нела, больше раздвигая обѣ половинки своего помѣщенія въ корзинѣ и высовывая всю голову.

— За глупца ты меня считаешь? А! моя крошка Нела, я возмущенъ. Я не могу такъ жить; я умираю на этихъ минахъ. Боже мой! я ночи провожу въ слезахъ, я себѣ ногти грызу, и... не смѣйся, Нела, не заключай изъ того, что̀ я тебѣ скажу, что я злой; я только тебѣ это говорю.

— Что такое?

— Что я ни мать, ни отца не люблю такъ, какъ бы долженъ былъ любить...

— Слушай: когда такъ, то я тебѣ не дамъ ни одного реала! Ради Бога, Селипинъ, подумай, что̀ ты говоришь.

— Я неисправимъ. Ты видишь, какъ насъ здѣсь держатъ. Мы не люди, мы животныя. Иногда мнѣ приходитъ въ голову, что мы хуже муловъ, и я спрашиваю себя, чѣмъ я отличаюсь отъ какой нибудь клячи? Нести корзину, наполненную минералами, опоражнивать ее въ тачку, тащить тачку къ печамъ, переворачивать палкой металлъ на промывкѣ...—и когда онъ это говорилъ, рыданія заглушали голосъ бѣднаго мальчика.—Тотъ, кто проводитъ нѣсколько лѣтъ за этой работой, становится наконецъ злымъ, а мозгъ его превращается въ камень. Нѣтъ, Селипинъ не для этого созданъ. Я говорилъ моимъ родителямъ, чтобъ они взяли меня

Digitized by Google

отсюда и отдали въ ученье, а они на это отвѣтили, что бѣдны, и что у меня „слишкомъ много фантазій“. Мы—ничто иное какъ несчастныя созданія, работающія за кусокъ хлѣба... Но ты не говоришь ничего!

Нела не отвѣчала; мысленно она сравнивала печальное положеніе своего товарища съ своимъ собственнымъ и находила, что она гораздо несчастнѣе.

— Что ты хочешь, чтобъ я тебѣ сказала,—возразила она наконецъ.—Такъ какъ я никогда, ничѣмъ не могу быть, я тебѣ ничего и сказать не могу. Но не думай этого о твоихъ родителяхъ.

— Ты говоришь это, чтобъ меня утѣшить, но ты видишь, что я правъ. Ты, кажется, плачешь?

— Я? нѣтъ.

— Да, ты плачешь.

— У каждаго есть свои причины на эго,—сказала Нела прерывающимся голосомъ.—Поздно уже, Селипинъ, пора спать.

— Нѣтъ еще, Боже мой.

— Да, мое дитя, спи, и не думай больше о такихъ дурныхъ вещахъ. Покойной ночи!

Корзины закрылись, и водворилась тишина.

Много возстаютъ противъ матеріализма городовъ, этой язвы, которая пагубно дѣйствуетъ на нравственныя стороны общества, но есть язва болѣе ужасная: это матеріализмъ въ селахъ, который тысячи существъ превращаетъ въ автоматовъ, заглушая въ нихъ всѣ благородныя чувства, заключая ихъ въ тѣсный кругъ грубаго, мрачнаго, машинальнаго существованія. Наше общество имѣетъ страшныхъ враговъ: спекуляція, ажіотажъ, любовь интеллигенціи къ презрѣнному металлу, торговля; есть однако иное чудовище, иной разрушитель—алчность сельскихъ жителей. Для жаднаго сельчанина не существуютъ ни нравственные, ни религіозные законы; онъ не имѣетъ точныхъ понятій о пользѣ; все превратилось въ его головѣ въ излишнюю педантическую акуратность и въ грубыя вычисленія, образуя въ общемъ что-то непонятное. Подъ лицемѣрнымъ чистосердечіемъ скрывается темный разсчетъ, который своей тонкостью и хитростью будетъ не по силамъ самымъ опытнымъ математикамъ. Сельскій житель, пристра-

Digitized by Google

стившійся къ деньгамъ и заботящійся исключительно о наживѣ, стремится къ одной цѣли—пріобрѣтенія серебра, а потомъ золота, и становится самымъ неблагодарнымъ животнымъ, какое только можно себѣ представить. Считая по пальцамъ, онъ способенъ обратить въ цифры всякій нравственный законъ, совѣсть и даже самую душу.

Сепана и сеньоръ Сентено, претерпѣвъ на своемъ вѣку немало несчастья, нашли наконецъ вѣрный кусокъ хлѣба на минахъ Сокорте; получаемое ими вознагражденіе, увеличиваемое заработкомъ четверыхъ дѣтей, да еще содержаніемъ харчевень во время ярмарокъ, казалось имъ княжескимъ состояніемъ. Что касается до умственныхъ способностей сеньора Сентено, то надо сказать, что голова его, по мнѣнію многихъ, тупостью своей соперничала съ молотомъ, употребляемымъ въ мастерскихъ. Не такъ отзывались о Сепанѣ, которую считали за женщину разсудительную, осторожную, управляющую всѣмъ домомъ также хорошо, какъ мудрый царь правитъ своимъ государствомъ. Она была заботливою хранительницей капитала мужа и дѣтей, составлявшаго таки порядочную сумму, и, каждый разъ какъ они приносили жалованье, она испытывала такую радость при видѣ денегъ, какъ еслибы увидѣла самого Христа, входящаго въ дверь.

Взамѣнъ того состоянія, которое она накопила трудами дѣтей, она имъ доставляла весьма мало удобствъ; а такъ какъ они не жаловались на то жалкое, унизительное положеніе, въ какомъ находились, не выражали желанія сдѣлать свою жизнь болѣе достойной разумнаго существа, то все и шло старымъ порядкомъ. Столъ у нихъ былъ очень плохой, а относительно духовной пищи Сепана была твердо убѣждена, что учености ея мужа, сеньора Сентено, бывшей плодомъ начитанности, было достаточно для того, чтобъ все ея семейство слыло за образованное, потому она и разсуждала, что вовсе не слѣдуетъ пичкать умъ дѣтей устарѣлымъ школьнымъ преподаваніемъ. Если старшимъ дѣтямъ давались еще кое-какіе уроки, то младшій сынъ—былъ ихъ совершенно лишенъ, и двѣнадцать часовъ въ день посвящалъ работѣ въ рудникахъ, чему тупо, безтолково подчинялось и все семейство. Обѣ дочери, Маріука и Пепина, были одарены нѣкоторой миловидностью, заключавшейся въ

Digitized by Google

молодости и силѣ. Одна изъ нихъ читала бѣгло, другая гораздо хуже. Что касается ихъ знанія свѣта, то понятно, что многаго онѣ не понимали вслѣдствіе того, что находились среди общества нимфъ различнаго возраста и происхожденія, занятыхъ механической работой въ рудникахъ. Маріука и Пепина были очень трудолюбивы, ловки, крѣпки, держались прямо, стройно; костюмъ ихъ состоялъ изъ коротенькой юбочки и полу-чулочекъ, но больше онѣ ходили босикомъ, а ноги у обѣихъ были большія; замѣчательно крѣпкія головы ихъ могли бы поддерживать архитравъ на подобіе каріатидъ. Съ головы до ногъ онѣ были покрыты пылью руды, какъ и другіе работники, что придавало имъ видъ колоссальныхъ фигуръ изъ терракоты.

Танасъ былъ человѣкъ апатичный; безхарактерность и честолюбіе доводили его до идіотизма. Живя въ конюшняхъ съ самаго дѣтства, не зная никакихъ бѣдствій, непріятностей, удовольствій, работъ, мальчикъ этотъ, рожденный, чтобъ быть машиной, достигъ мало по малу того, что сталъ самымъ грубымъ орудіемъ. Если когда нибудь подобный субъектъ вздумалъ бы выразить свою собственную мысль, то это возбудило бы цѣлое возстаніе въ томъ порядкѣ вещей, который не допускаетъ, чтобъ камень могъ мыслить.

Взаимныя отношенія дѣтей и матери, державшей въ рукахъ весь домъ, были: безусловное послушаніе со стороны дѣтей и неограниченная власть со стороны матери. Только самый младшій осмѣливался иногда обнаруживать сопротивленіе. Сепана не понимала, по какому дьявольскому навожденію ребенокъ могъ имѣть желаніе перестать быть камнемъ. Можетъ ли быть что счастливѣе, беззаботнѣе существованія каменныхъ горъ? Сепана любила своихъ дѣтей; но вѣдь каждый любитъ по своему! Она ставила ихъ выше всего, зато они должны были безпрерывно работать въ рудникѣ и складывать свой заработокъ въ одинъ и тотъ же ящикъ, слѣпо повиноваться ей, не имѣть безумныхъ стремленій, не прельщаться роскошной одеждой, не жениться и не выходить замужъ раньше времени, не учиться чертовщинѣ, не вмѣшиваться въ ученыя вещи, потому что бѣдные, —говорила она,— должны быть всегда бѣдными и не искать пустыхъ разгово-

Digitized by Google

ровъ съ богатыми, съ горожанами, погрязшими въ порокахъ и грѣхахъ.

Такова была жизнь дѣтей Сентено. Можно поэтому составить себѣ понятіе: каково было положеніе Нелы, существа покинутаго, одинокаго, безполезнаго, неспособнаго зарабатывать деньги, безъ прошедшаго и будущаго, безъ рода, безъ надеждъ, безъ эгоизма, безъ права на что либо, кромѣ пищи. Сепана кормила ее, воображая, что ея щедрость доходитъ до героизма. Часто, наполняя чашку Нелы, она говорила себѣ: „Я поступаю по христіански, потому могу надѣяться на милосердіе божіе“.

И она вѣрила въ это также твердо, какъ въ истину словъ евангельскихъ. Въ ея ограниченномъ умѣ не вмѣщались и не могли вмѣститься размышленія о добрыхъ дѣлахъ другаго рода; она не понимала, что сочувственное слово, мягкое дружеское обхожденіе могутъ заставить ничтожнаго человѣка забыть его ничтожество, нищаго—его нищету, что это тоже геройскіе поступки. Кошку еще награждали ласковыми словами. Но слышала ли Нела, чтобъ ее когда нибудь назвали: „крошка, крошечка“; назвали ли ее когда нибудь „драгоцѣнной“ или другимъ ласковымъ именемъ, въ чемъ не отказывали кошкѣ?

Никогда Нелѣ не говорили, что она родилась отъ человѣческаго существа, какъ и прочіе домашніе; никогда ее не наказывали, но зато говорили, что она обязана этой привилегіей презрительному сожалѣнію, которое внушаетъ своимъ физическимъ сложеніемъ, а никакъ не уваженіемъ къ ея личности. Никогда ей не говорилось о томъ, что она имѣетъ душу, которая могла бы принести добрые плоды, еслибъ о ней было кому позаботиться; ни о томъ, что она обладаетъ, какъ и прочіе смертные, безконечною жаждой знаній, называемой человѣческимъ разумномъ; что она могла бы быть человѣкомъ полезнымъ, что въ ней все же были зародыши благородныхъ, возвышенныхъ чувствъ, и что отъ этихъ сѣмянъ могли бы произойти роскошные цвѣты безъ всякаго ухода. Никогда не слыхала она о томъ, что имѣла право на нѣкоторое вниманіе уже потому, что, природа обидѣла ее.

Въ ней все обнаруживало сходство ея съ камнемъ, кото-

Digitized by Google

рый не имѣетъ своей собственной формы, если не дастъ ея вода, увлекающая его за собой, или толчокъ ногой человѣка. Все доказывало, что ея іерархическое положеніе въ домѣ было хуже положенія кошки, которая получала нѣжнѣйшія ласки, и ниже положенія чернаго дрозда, прыгающаго въ своей клѣткѣ.

Тѣмъ, по крайней мѣрѣ, не говорили тономъ жестокаго состраданія: „Бѣдная малютка, было бы лучше, еслибы ты вовсе не являлась на свѣтъ“.

V.

Работа.—Пейзажъ.—Фигуры.

Утро. Дымъ отъ горновъ, работавшихъ всю ночь и издававшихъ громкій визгъ, сталъ серебриться и извиваться самой высокой спиралью; слабый свѣтъ показался вдали за горами; мало по малу стали выходить одинъ за другимъ изъ тѣни вершинъ, окружавшихъ Сокорте, огромныя массы красной земли и зданія. Раздался звонокъ, прозвучавшій рѣзкимъ голосомъ: „на работу!“—и сотни дремлющихъ еще людей вышли изъ своихъ шалашей и лачугъ. Слышится скрипъ дверныхъ петель; мулы спокойно выходятъ изъ своихъ хлѣвовъ и идутъ къ водопою; все заведеніе, которое за минуту до того казалось погребальнымъ жилищемъ, освѣщеннымъ адскимъ свѣтомъ горновъ, оживилось движеніемъ тысячи рабочихъ рукъ.

Паръ зашумѣлъ въ котлахъ большаго самодвигателя, который приводилъ въ движеніе, въ одно и тоже время, машины въ мастерскихъ и рудокопные апараты. Вода, игравшая важную роль въ всей этой операціи, побѣжала въ верхнихъ отдѣленіяхъ, откуда она должна была падать въ цилиндры; смѣхъ женщинъ, крики мужчинъ, принимающихся за работу, предшествовали труду. Ескорѣ завертѣлись съ ужаснымъ шумомъ цилиндрическія рѣшета; вода бѣжала изъ одного рѣшета въ другое, превращаясь въ брызги, а грязная земля, размельчаемая коловоротной машиной, взлетала и, падая съ колеса на колесо, становилась тончайшей пылью шеколаднаго

Digitized by Google

цвѣта. Этотъ шумъ производилъ такое впечатлѣніе, точно тысячи челюстей съ ослабѣвшими зубами жевали песокъ,— а движенія напоминали мельницу съ ея ослѣпляющимъ круговоротомъ, или калейдоскопъ съ его игрою свѣта, лязгъ стараго желѣза, черепковъ и обломковъ разнаго рода. Вниманіе не могло сосредоточиться на всемъ этомъ безъ головокруженія, отъ непрерывнаго и безконечнаго движенія воды, прозрачной или окрашенной въ красноватую окись желѣза. Ни одинъ человѣкъ, непривыкшій къ такому зрѣлищу, не въ состояніи присутствовать на этомъ сраженіи тысячи зубчатыхъ колесъ, безпрестанно кусающихъ другъ друга, желѣзныхъ скобъ, перекрещивающихся и цѣпляющихся одна за другую, и стержней, которые, вертясь, жалобно визжали, какъ бы прося пощады и масла.

Промывка происходила на чистомъ воздухѣ; ремни, сообщавшіе движеніе, тянулись отъ самаго зданія, гдѣ находились машины. Съ движеніемъ другихъ ремней сталъ слышаться то мѣрный взрывъ, то ударъ, приводившій все въ сотрясеніе, какъ шаги гиганта, или какъ сильное внутреннее колебаніе земли. Это пришелъ въ движеніе огромный молотъ, употребляемый въ мастерской для толченія руды. Его страшный ударъ сплющивалъ желѣзо, какъ самое мягкое тѣло. Формы колесъ, осей, рельсовъ, которые своей твердостью кажутся намъ вѣчными, измѣнялись, ломались, морщились. Молотъ, своими правильными ударами, создавалъ новыя формы, такія же твердыя, какъ и геологическія фигуры—произведенія трудолюбивыхъ вѣковъ. Въ твореніяхъ силъ природы и терпѣнія человѣка—много сходства.

Черные люди, какъ объуглившіяся существа, окружали огненные предметы, выходившіе изъ кузнечнаго горна, схватывали ихъ клещами и обработывали ихъ. Это было своего рода ваяніе, матеріалъ котораго—желѣзо, а рѣзецъ—молотъ! Здѣсь принимали свои формы колеса, оси и тысячи заводскихъ вагоновъ; исправлялись испорченныя части промывательнаго аппарата; здѣсь же дѣлались желѣзные крюки, заступы, тачки и т. д.

На дворѣ стояли вагоны, соединенные въ длинный поѣздъ. Они отвозили на откосы металлъ въ промывку и ненужную землю. Эти длинные поѣзда походили на пресмыкающихся,

Digitized by Google

которыя скрещивались, никогда не сталкиваясь другъ съ другомъ. Они входили въ галереи, и здѣсь сходство ихъ съ ползающими чудовищами еще больше увеличивалось, особенно когда въ темной тунели упрямый мулъ начиналъ кричать; тогда можно было подумать, что это шипятъ дерущіяся ящерицы. Тамъ, въ концѣ, въ самыхъ отдаленныхъ траншеяхъ, сотни людей разбивали землю желѣзными крюками, чтобы вырвать по частямъ ея сокровище. Это были скульпторы тѣхъ прихотливыхъ исполинскихъ фигуръ, которыя съ молчаливой важностью стояли и смотрѣли на вторженіе людей въ таинственныя геологическія сферы. Здѣсь рудокопы рубили, тамъ рыли, дальше измѣряли глубину, разбивали мѣловую скалу, раскалывали красивые пласты слоистаго песчаника, отбрасывая известковую и глинистую землю, отбивая желѣзный блескъ, обращая его въ пыль, перерывая всю почву до тѣхъ поръ, пока не встрѣтится цинковая кремнекислая соль—этотъ капиталъ Европы, грандіозный источникъ благосостоянія и цивилизаціи. На этомъ матеріалѣ промышленность водрузила знамя своего нравственнаго и политическаго величія.

Ясное небо. Солнце бросало свои лучи, и обширная эксплуатація Сокорте освѣщалась роскошнымъ красноватымъ отблескомъ. Красныя, точно высѣченныя скалы; драгоцѣнный минералъ; земля, свезенная за ненадобностью на косогоры, похожіе на вавилонскія стѣны; желѣзныя дороги и вагоны, машины, вода, мужчины и женщины, работавшіе на всемъ пространствѣ Сокорте,—все принимало яркій, однообразный кирпичный цвѣтъ съ легкими оттѣнками; онъ господствовалъ повсюду на землѣ, въ домахъ, на желѣзѣ и на одеждахъ. Занятыя у промывки женщины были окрашены цвѣтомъ ярко-желѣзистой земли. Внизу, по направленію къ рѣкѣ, протекалъ ручей алой воды, который можно было принять за кровь этой масы рабочихъ.

Нела вышла изъ дома. Не смотря на то, что она не работала на минахъ, она также была слегка окрашена красноватымъ цвѣтомъ, такъ какъ гальмейная пыль никого не щадила. Въ рукѣ она держала кусокъ хлѣба, данный ей Сепаною на завтракъ; она ѣла на ходу, ничѣмъ не развлекаясь, думая о чемъ-то. Скоро она прошла зданія и, слѣдуя

Digitized by Google

по наклонной мѣстности, поднялась по протоптанной въ землѣ лѣстницѣ, ведущей къ домамъ квартала Альдеакорба. Первымъ былъ хорошенькій частный домъ, большой, прочный, веселый, недавно ремонтированный и выкрашенный, съ каменными простѣнками, рѣзнымъ карнизомъ, широкимъ графитовымъ гербовымъ щитомъ, окруженнымъ зеленью. Но особенно бросалась въ глаза бесѣдка изъ виноградныхъ лозъ; длинныя вѣтви, обремененныя листьями, тянулись, какъ усы, по фасаду, два окна котораго изображали глаза, щитъ—носъ, а широкій балконъ—вѣчно смѣющійся ротъ. Чтобы олицетвореніе было полнѣе, передъ балкономъ тянулась перекладина, предназначенная для просушки бѣлья, и съ этой принадлежностью „домъ“ казался лицомъ. Крыша изображала полицейскую фуражку, а слуховое окно ея козырекъ. Не надо быть физіономистомъ, чтобъ увидѣть, что лицо дышало миромъ, довольствомъ и совѣсть его была покойна. Входъ въ домъ велъ чрезъ передній дворъ, окруженный стѣною; съ правой стороны тянулся прекрасный садъ. Когда Нела пришла туда, коровы выходили на пастбище. Обмѣнявшись нѣсколькими словами съ пастухомъ, грязнымъ десятилѣтнимъ парнемъ, ростомъ въ одинъ метръ, она подошла къ дородному, краснолицему сѣдому мужчинѣ съ симпатичной физіономіей и привѣтливымъ взглядомъ; судя по наружному виду, онъ былъ военный. Въ одномъ жилетѣ, съ засученными рукавами, онъ выставлялъ напоказъ свои мускулистыя, волосатыя руки. Раньше чѣмъ малютка успѣла сказать слово, онъ обернулся къ ней, говоря:

— Сынъ мой, вотъ и Нела.

Тогда изъ дома вышелъ молодой человѣкъ замѣчательной красоты, стройный, держа голову прямо; взглядъ его отличался неподвижностью. Лицо его казалось изваяніемъ слоновой кости; это былъ человѣкъ съ изысканными манерами; въ его физіономіи не было ни одной черты, недостойной высшаго совершенства, которое, тысячу лѣтъ назадъ, создало типъ эллиновъ. Самые глаза его, —казавшіеся сдѣланными рукою скульптора, потому что они были лишены зрѣнія,—были прекрасны: большіе, открытые; но отсутствіе зрѣнія и неподвижность уменьшали ихъ прелесть. Лишенное главной способности выраженія, лицо слѣпаго Антиноя сохраняло холод

Digitized by Google

ное спокойствіе мрамора, изъ котораго геній и рѣзецъ сдѣлали статую, а жизненная сила дала ей движеніе. Одного дуновенія, луча свѣта, было достаточно, чтобы оживить этотъ прекрасный камень, который, обладая всѣми совершенствами формъ, нуждался только въ личномъ сознаніи собственной красоты.

На видъ ему было лѣтъ 20; крѣпкій, стройный, замѣчательно пропорціональный корпусъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ достоинъ прекрасной головы. Никогда не было болѣе горькой ошибки природы, сообщающей своему творенію чудныя свойства и лишающей его затѣмъ лучшаго дара. Молодой человѣкъ былъ, сверхъ того, одаренъ прекрасной душой, рѣдкимъ умомъ.

Донъ Франсиско Пенагиласъ, отецъ этого несчастнаго, былъ очень образованный человѣкъ, самый уважаемый изъ мѣстныхъ богачей-землевладѣльцевъ, и не одинъ трудный вопросъ былъ рѣшенъ при посредствѣ умнаго „сеньора Верхняго Альдеакорба“. Онъ родился въ этой же мѣстности; въ молодости онъ отправился въ Америку, а по возвращеніи въ Испанію поступилъ на гражданскую службу, затѣмъ предался земледѣлію и разведенію стадъ. Вскорѣ онъ получилъ наслѣдство, а въ эпоху нашего разсказа ему предстояло получить еще и другое значительное имѣніе.

Жена его, андалузянка по происхожденію, умерла еще молодою, оставивъ ему сына, который съ самаго рожденія не имѣлъ драгоцѣннѣйшаго изъ пяти чувствъ. Это было самое ужасное горе, переполнившее скорбью жизнь добраго отца. Что за нужда ему была до того, что онъ пріобрѣтаетъ богатство, что его дому улыбается фортуна. Для кого все это? Для того, кто не можетъ видѣть ни жирныхъ коровъ, ни волнующихся нивъ, ни богатыхъ житницъ, ни фруктоваго сада, полнаго плодовъ. Донъ Франсиско отдалъ бы свои глаза сыну и согласился бы быть слѣпымъ остатокъ дней своихъ, еслибы этотъ родъ героизма былъ удобоисполнимымъ; но такъ какъ это невозможно, то онъ и не могъ осуществить своего желанія.

Онъ старался, по крайней мѣрѣ, доставлять насчастному [illegible], что могло сдѣлать сколько нибудь сноснымъ мракъ, въ которомъ онъ жилъ. Въ этомъ заключались всѣ его за-

Digitized by Google

боты, вся его безконечная нѣжность, секретъ которыхъ принадлежитъ матерямъ, а иногда и отцамъ. Никогда онъ ни въ чемъ не противорѣчилъ сыну, если это не касалось его здоровья, или не приходилось удерживать его въ границахъ нравственности. Умъ сына онъ занималъ разсказами, чтеніемъ; слѣдилъ за его здоровьемъ, удовольствіями, образованіемъ и воспитаніемъ. Добрый сеньоръ Пенагиласъ говорилъ: „Я не хочу, чтобы сынъ мой былъ дважды слѣпъ".

Видя Пабло, уходящаго въ сопровожденіи Нелы, онъ крикнулъ имъ вслѣдъ: „Не отходите очень далеко. Не бѣгайте. Прощайте".

Проводивъ ихъ взглядомъ отъ двери, до тѣхъ поръ пока они не скрылись за угломъ сада, онъ вернулся домой.

VI.

Глупости.

Пабло и Маріанела достигли деревни, предшествуемые Шото, который весело забѣгалъ впередъ, возвращался, прыгая, махая хвостомъ и одинаково ласкаясь къ хозяину и проводнику.

— Нела,—сказалъ Пабло,—день сегодня чудесный, воздухъ свѣжій и тихій, солнце грѣетъ, но не жжетъ. Куда идемъ мы?

— Идемъ впередъ чрезъ луга, — отвѣтила Нела, кладя руку въ одинъ изъ кармановъ куртки молодаго человѣка.— Посмотримъ, что ты мнѣ принесъ сегодня?

— Ищи хорошенько и найдешь что нибудь, — сказалъ Пабло, смѣясь.

— А! Матерь Божія! шеколадъ. Я не люблю шеколаду. Орѣхи... что-то въ бумагу завернуто—что это? А, конфекты... по правдѣ, я не люблю много сладкаго! У насъ никогда не ѣдятъ такихъ прекрасныхъ вещей, Пабло. Мы не знаемъ роскоши въ нашей пищѣ. Правда, что и въ одеждѣ также мы ее не знаемъ; ее у насъ ни въ чемъ не найдешь.

— Куда мы идемъ сегодня?—повторилъ слѣпой.

— Куда захочешь, дорогой мой,—отвѣчала Нела, кладя конфекту.—Это отъ тебя зависитъ.

Digitized by Google

Черные глазки Нелы блестѣли отъ удовольствія; ея маленькое птичье личико, оживленное и подвижное, увеличивало ихъ выразительность. Глядя на нее, можно было подумать, что видишь молнію, отраженную въ волнующейся водѣ. Это тщедушное созданіе, душа котораго казалась сдавленной въ его ничтожномъ тѣлѣ, возвышалось, прояснялось въ присутствіи своего господина и друга. Подлѣ него проявлялась въ ней свобода, тонкость, чувствительность, грація и фантазія. Когда она съ нимъ разлучалась, казалось, тяжелый покровъ падалъ на все ея существо.

— Я говорю тебѣ, что мы пойдемъ, куда *ты* хочешь,— возразилъ слѣпой.—Мнѣ нравится тебѣ повиноваться. Если хочешь, пойдемъ къ маленькому лѣсу, на той сторонѣ Сальдеоро... если это тебѣ доставитъ удовольствіе.

— Хорошо, пойдемъ въ лѣсъ,—воскликнула Нела, хлопая въ ладоши.—Но намъ нечего спѣшить, присядемъ, когда ты устанешь.

— А то мѣсто, гдѣ бьетъ фонтанъ, ты знаешь, Нела? оно красиво и большіе поломанные стволы деревьевъ, кажется, для того тамъ лежатъ, чтобъ мы садились на нихъ; потомъ тамъ поетъ много птицъ.

— Мы пройдемъ мимо мельницы. Какой чудный день и какъ я счастлива!

— Солнце очень блеститъ, Нела? Еслибъ ты мнѣ и отвѣтила: да, то я ничего не понялъ бы, потому что не знаю, что̀ значитъ блестѣть.

— Оно сильно свѣтитъ, да, мой милый сеньоръ. Но что тебѣ до этого? Солнце безобразно; прямо нельзя на него смотрѣть. Что̀ ты испытываешь, когда ты счастливъ?

— Когда я одинъ съ тобою, въ полѣ?

— Да.

— Я чувствую въ груди свѣжесть... что-то пріятное...

— Ну, вотъ это и есть! Ты понимаешь, какъ блеститъ солнце.

— Вижу, что эти вещи необъяснимы. Я было составилъ себѣ понятіе о днѣ и ночи. День—это когда всѣ говорятъ; ночь — когда всѣ молчатъ, одни пѣтухи только поютъ. Теперь я не дѣлаю болѣе такого сравненія. День—это когда мы вмѣстѣ, ты и я; ночь—когда разлучаемся.

Digitized by Google

— А, Святая Дѣва!—вскричала Нела, откидывая волосы.— Я, зрячая, испытываю то же самое.

— Я попрошу моего отца позволить тебѣ жить въ нашемъ домѣ, чтобъ ты больше не разлучалась со мной.

— Хорошо,—сказала Марія, опять хлопая въ ладоши.

И, пробѣжавъ нѣсколько шаговъ впередъ, она приподняла свои юбки и принялась танцовать.

— Что ты дѣлаешь, Нела?

— Танцую, мое дорогое дитя. Я такъ довольна, что мнѣ захотѣлось потанцовать.

Надо было перелѣзть черезъ маленькую загородку; Нела подала слѣпому руку. Миновавъ это препятствіе, они направились по тропинкѣ, усаженной по обѣимъ сторонамъ терновникомъ и густымъ плющемъ. Нела устранила вѣтви, чтобъ онѣ не кололи лицо ея друга, и, спустившись въ нѣсколько минутъ, они поднялись на косогоръ, поросшій каштановыми деревьями и орѣшникомъ. Взойдя на верхъ, Пабло сказалъ спутницѣ:

— Если тебѣ все равно, сядемъ здѣсь. Я слышу шаги людей.

— Это крестьяне возвращаются съ рынка. Сегодня среда. Большая дорога передъ нами. Посидимъ здѣсь, прежде чѣмъ идти туда.

— Это самое лучшее, что мы могли сдѣлать. Шото, иди сюда.

Всѣ трое сѣли.

— Все покрыто цвѣтами,—сказала Нела.—Какъ они хороши.

— Нарви мнѣ букетъ. Хоть я не могу его видѣть, но счастливъ, что могу держать въ рукахъ.

— Цвѣты такъ хороши!

— Мнѣ кажется, когда я ихъ держу въ рукѣ, они даютъ мнѣ знать, — не съумѣю тебѣ сказать какъ, — что они красивы. Во мнѣ есть одно чувство, не умѣю объяснить какое, но понимающее ихъ. Я воображаю, что вижу что-то внутри себя.

— Я понимаю это. У насъ у всѣхъ есть что-то внутри насъ. Солнце, растенія, луна, голубое небо, всегда покрытое звѣздами, все это есть и въ насъ. Вотъ цвѣтокъ, другой,

Digitized by Google

третій; всѣ они различны. Ты вѣдь не знаешь, что такое цвѣтокъ?

— Цвѣты,—сказалъ слѣпой, поднося ихъ къ своему лицу,—это улыбки, посылаемыя намъ землей. Правда, я многаго не знаю изъ царства растеній.

— Цвѣты—это звѣзды земли,—сказала Марія.

— А звѣзды, что же?

— Звѣзды—это взоры тѣхъ, которые на небѣ,—сказала Марія съ убѣжденіемъ и апломбомъ ученаго,—взоры тѣхъ, которые умерли, но еще не на небѣ. Мертвые погребены въ землѣ, а какъ оттуда они не могутъ смотрѣть на землю, то и глядятъ изъ нее звѣздами, какъ земля глядитъ на божій міръ цвѣтами. Если на лугу много цвѣтовъ, это значитъ, что, въ прежнія времена, тутъ было много погребено мертвыхъ.

— Нѣтъ,—серьезно возразилъ Пабло,—не вѣрь этимъ нелѣпостямъ. Религія насъ учитъ, что душа отдѣляется отъ тѣла и что съ тѣломъ все кончается въ этой жизни. То, что зарываютъ, ничто болѣе, какъ бренные останки, ненужная грязь, не могущая ни думать, ни чувствовать, ни видѣть.

— Объ этомъ въ книгахъ говорится, а книги полны лжи!

— Объ этомъ говорятъ вѣра и разсудокъ, моя милая Нела. Твое воображеніе вводитъ тебя въ тысячи заблужденій. Мало по малу я ихъ уничтожу, и ты будешь имѣть вѣрныя понятія обо всемъ.

— Ну, отъ тебя многому не научишься. Ты хотѣлъ меня увѣрить, что и солнце стоитъ покойно, а земля движется вокругъ него. Сейчасъ видно, что ты ихъ не видишь. Ты бы зналъ тогда, что земля стоитъ покойнѣе скалы, а солнце движется постоянно. Мой маленькій сеньоръ, не воображай же себя такимъ ученымъ; немало часовъ дня и ночи я провела, разсматривая небо, и кое-что знаю. Внизу земля, покрытая множествомъ большихъ и маленькихъ острововъ. Солнце восходитъ здѣсь, а заходитъ тамъ. Это чертогъ Господень. Ты не видѣлъ неба въ ясный день, другъ мой. Оно шлетъ намъ благословеніе. Я не думаю, чтобы тамъ могли быть злые; нѣтъ, ихъ тамъ не можетъ быть.

— Твоя религіозность, маленькая Нела, переполнена суевѣріями. Я внушу тебѣ лучшія понятія.

— Меня ничему не учили,—сказала Нела,—но я, ра-

Digitized by Google

зумно ли, глупо ли, выдумала изъ своей головы много вещей, утѣшающихъ меня; такъ что если мнѣ приходитъ въ голову хорошая мысль, то я говорю себѣ: „это должно быть такъ и не можетъ быть иначе“. Ночью, когда я одна дома, я думаю о томъ, что будетъ съ нами послѣ смерти, и говорю себѣ, какъ сильно всѣхъ насъ любитъ Пресвятая Дѣва. Смотрю я на небо и чувствую, что Она надо мной, и чувствую пріятную теплоту ея дыханія. Она смотритъ на насъ днемъ и ночью. Ты понялъ бы это, когда бы у тебя были глаза. Ты не видѣлъ бѣлаго облака, дерева, цвѣтка, движущейся воды, ребенка, росы, ягненка, луны, прогуливающейся среди небесъ, и звѣздъ,—этихъ взоровъ умершихъ добрыхъ людей. Въ звѣздахъ—души получившихъ спасеніе. И ты не знаешь, что звѣзды спускаются къ намъ. Да, сеньоръ, звѣзды часто сходятъ на землю, когда имъ надо что нибудь намъ сказать.

— Ахъ, Нела!—вскричалъ Пабло съ живостью,—твоя наивность, какъ она ни велика, плѣняетъ меня, потому что открываетъ непорочность твоей души и неисчерпаемость твоей фантазіи. Всѣ заблужденія — только результаты исканія истины и способности мыслить, которая была бы драгоцѣнна, будь она развита разумомъ и воспитаніемъ... Необходимо, чтобы ты пріобрѣла этотъ чудный даръ, котораго я лишенъ, надо, чтобъ ты училась читать.

— Читать! А кто меня будетъ учить?

— Отецъ мой. Я попрошу его учить тебя. Ты знаешь, онъ мнѣ ни въ чемъ не отказываетъ. Какое несчастіе, что ты живешь въ невѣжествѣ. Доброта твоя велика, также какъ и фантазія. Богъ далъ тебѣ многое. Я хорошо тебя знаю; я не вижу тебя, но вижу, что у тебя внутри, а душу твою я узналъ съ тѣхъ поръ, какъ ты стала моимъ проводникомъ. Вотъ ужь полтора года, но мнѣ кажется, что я тысячу лѣтъ тебя знаю. Потому-то и существуетъ такое большое сходство между тѣмъ, что ты испытываешь, и тѣмъ, что я чувствую. Ты наговорила сейчасъ тысячу нелѣпостей, и я, который все же что нибудь да знаю, слушаю тебя. Я воображаю, что ты говоришь тамъ, внутри меня.

— Матерь Божія!—вскричала Нела, подымая руки.—Вѣдь это похоже на то, что я чувствую!

— Что же именно?

Digitized by Google

— Что я существую для того, чтобъ быть твоимъ проводникомъ, и что мои глаза ни къ чему не были бы пригодны, еслибъ не служили для того, чтобы тебя водить и говорить тебѣ о красотахъ земли.

Слѣпой повернулъ къ ней голову, протягивая руки, дотрогиваясь до тонкаго стана своего друга, и порывисто воскликнулъ:

— Скажи мнѣ, Нела, какова же ты собою?

Нела ничего не отвѣтила; вопросъ причинилъ ей сильное горе.

VII.

Другія глупости.

Они отдохнули и продолжали свою прогулку до опушки лѣса, по другой сторонѣ Сальдеора. Они остановились среди группы орѣшниковъ, стволы и корни которыхъ образовали на землѣ рядъ ступенекъ съ мшистыми уступами, очень удобными для сидѣнья. Съ верхняго лѣса струился ручеекъ, перескакивая съ камня на камень, и, усталый, впадалъ въ небольшой бассейнъ, снабжавшій ключъ, откуда сосѣдніе жители запасались водой. Почва постепенно понижалась, представляя обширную панораму зеленыхъ холмовъ, покрытыхъ рощами высокихъ деревьевъ, мызами, сплошными лугами, на которыхъ паслись сотни скота. На границѣ, въ промежуткѣ двухъ отдаленныхъ горъ, соединявшихся съ горизонтомъ, виднѣлось чистое лазуревое море.

Пабло усѣлся на стволъ орѣшника, опираясь лѣвой рукой на край бассейна. Протягивая правую руку, онъ старался достать вѣтки, спускавшіяся ему на лобъ, который по временамъ, смотря по движенію листьевъ, освѣщался лучами солнца.

— Что ты дѣлаешь, Нела? — сказалъ молодой человѣкъ, послѣ паузы, не слыша ни шаговъ, ни голоса, ни дыханія своей спутницы.—Гдѣ ты?

— Здѣсь,—отозвалась Нела, дотрогиваясь до его плеча. —Я смотрѣла на море.

Digitized by Google

— А! оно очень далеко?

— Оно тянется по той сторонѣ горъ Фикобрига.

— Оно большое, очень большое, такъ велико, что хоть весь день смотри на него, а конца не увидишь; такъ?

— Виденъ только небольшой клочокъ его.

— Понимаю. Всѣ говорятъ, что ничего нѣтъ прекраснѣе моря, вслѣдствіе его простоты... Слушай, Нела, что я тебѣ скажу... Но что ты дѣлаешь?.

Нела, ухватившись обѣими руками за вѣтви орѣшника, висѣла, граціозно покачиваясь.

— Я здѣсь, дорогой сеньоръ. Я спрашивала себя, отчего Господь не далъ людямъ крыльевъ, чтобъ летать, какъ птицы? Какая это прелесть: взлетѣть на воздухъ, подняться и идти отдохнуть на то пространство, что тамъ, между горами и моремъ!..

— Если Богъ не далъ намъ крыльевъ, то взамѣнъ ихъ далъ мысль, которая летаетъ выше всякой птицы, потому что она возвышается до Него самого. Скажи-ка, что сталъ бы я дѣлать съ крыльями, еслибы Богъ лишилъ меня способности мыслить?

— Но я желала бы имѣть и то, и другое. Еслибъ у меня были крылья, я унесла бы тебя съ собой по всему свѣту, и поднялась бы до самыхъ высокихъ облаковъ.

Слѣпой протянулъ руку къ головѣ Нелы.

— Сядь подлѣ меня. Ты не устала?

— Немного,—отвѣтила она, садясь и склоняя голову съ дѣтской довѣрчивостью на плечо своего господина.

— Ты тяжело дышешь, малютка, ты очень устала. Вотъ что значитъ летать... Но я хотѣлъ тебѣ сказать: когда ты говорила о морѣ, то напомнила, о чемъ отецъ мнѣ вчера читалъ. Ты знаешь, что, съ тѣхъ поръ какъ я сталъ понимать, отецъ имѣетъ обыкновеніе по вечерамъ читать мнѣ разныя научныя историческія книги или объ искусствахъ. Я могу сказать, что вся моя жизнь заключается въ этихъ чтеніяхъ и нашихъ прогулкахъ. Богъ далъ мнѣ,—чтобъ утѣшить меня въ слѣпотѣ, — отличную память, благодаря которой я пріобрѣлъ пользу отъ этихъ чтеній. Начались они невзначай, безъ всякой методы; но, наконецъ, я достигъ порядка въ мысляхъ, скопившихся у меня въ умѣ. Какое наслажденіе

Digitized by Google

доставляютъ мнѣ картины удивительнаго порядка всей вселенной, регулярный ходъ небесныхъ свѣтилъ, движеніе малѣйшихъ атомовъ; затѣмъ еще болѣе поразительны законы, управляющіе нашей душой. Я былъ очень заинтересованъ исторіей, этимъ перечнемъ того, что люди сдѣлали до сихъ поръ. Выходитъ, моя дѣвочка, что они всегда творили тѣ же дурныя дѣла, тѣ же глупости, хоть не переставали исправляться, приближаясь, насколько это возможно, къ совершенству, но никогда не достигая его. Наконецъ, отецъ мой читалъ еще вещи мудреныя, даже слишкомъ, такъ что ихъ и не понять, но которыя приводятъ въ восторгъ, когда въ нихъ вдумаешься. Такое чтеніе ему не особенно нравится, потому что онъ самъ не все понимаетъ, и меня оно иногда утомляло, а въ другой разъ доставляло огромное удовольствіе. Несомнѣнно, что, когда встрѣчаешь автора, умѣющаго говорить яснымъ языкомъ, эти вещи неоцѣненны.

Нела, казалось, ничего не поняла изъ того, что говорилъ ея другъ, но она слушала его съ глубокимъ вниманіемъ. Чтобы вникнуть въ сущность вещей, о которыхъ говорилъ молодой человѣкъ, она открывала ротъ, какъ птица.

— Итакъ,—прибавилъ Пабло,—отецъ прочелъ мнѣ вчера нѣсколько страницъ о красотѣ. Авторъ говоритъ, что красота есть отраженіе доброты и правды; я слушалъ съ большимъ удовольствіемъ.

— Эта книга,—сказала Нела, желая придать себѣ важность,—не та, которая принадлежитъ отцу Сентено и называется: „Тысяча,—или не знаю сколько-то,—ночей?“

— Нѣтъ, не та. Авторъ говоритъ о безусловной красотѣ. Ты не знаешь, что такое идеальная красота? Ты должна однако знать, что есть красота невидимая, которую нельзя осязать и ощутить ни однимъ изъ чувствъ.

— Напримѣръ, Богородица,—возразила Нела,—которую мы не видимъ, не осязаемъ, потому что образа—все же не она, а только ея изображенія.

— Да, это такъ. Думая о прочитанномъ, отецъ закрылъ книгу и выражалъ свое мнѣніе, а я свое. Мы разсуждали о формахъ и отецъ прибавилъ: „Къ несчастію, ты не можешь понять этого“. Я утверждалъ, что существуетъ только одна красота и что она можетъ выражаться во всемъ.

Digitized by Google

Нела, вниманіе которой не могло сосредоточиться на такихъ мудреныхъ вещахъ, взяла цвѣты изъ рукъ своего друга и занялась ихъ плетеніемъ.

— Поэтому у меня явилась мысль,—прибавилъ слѣпой,—которую я лелѣю уже въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Мнѣ для этого не надо имѣть глазъ. Я сказалъ моему отцу: я знаю типъ очаровательной красоты, типъ, заключающій въ себѣ всевозможныя красоты, типъ этотъ—Нела. Отецъ сталъ смѣяться, но сказалъ, что я правъ.

Нела покраснѣла и не знала, что́ отвѣчать. На минуту ею овладѣла тоска, и ей показалось, что слѣпой смотрѣлъ на нее.

— Да, ты совершеннѣйшая, красота, какую только можно себѣ представить,—съ жаромъ прибавилъ Пабло.—Можетъ ли быть, чтобъ твоя доброта, твоя невинность, твое чистосердечіе, твоя любящая душа, усладившая мое печальное существованіе, можетъ ли быть, чтобъ она не была красотою? Нела,—прибавилъ онъ въ восторгѣ, невнятно,—не правда ли, ты очень хороша?

Нела молчала. Инстинктивно она подняла руки на голову, впутывая въ волосы наполовину уже завядшіе цвѣты.

— Ты не отвѣчаешь. Правда, ты скромна. Еслибъ ты не была такою, то не была бы такъ прелестна, какъ теперь. Ты не отвѣчаешь?

— Я...—застѣнчиво бормотала Нела, не вынимая рукъ изъ своей прически, — я не знаю... Говорятъ, что я была очень хороша, когда была мала... а теперь...

— И теперь тоже.

Марія въ смущеніи принудила себя отвѣтить:

— Теперь,—сказала она,—ты знаешь, что люди говорятъ много глупостей и часто ошибаются; кто больше всѣхъ глядитъ, тотъ часто меньше всѣхъ видитъ.

— Какъ хорошо то, что́ ты сказала! Иди сюда, обними меня.

Нела не могла идти къ нему, потому что, убравъ голову гирляндою цвѣтовъ, она ужасно хотѣла посмотрѣться въ кристальную воду, какой эффектъ производитъ это украшеніе. Первый разъ въ жизни она испытывала чувство тщеславія. Опершись на руки, она наклонилась надъ бассейномъ.

Digitized by Google

— Что ты дѣлаешь, маленькая Марія?

— Я смотрюсь въ воду, какъ въ зеркало,—отвѣчала она.

— Тебѣ не надо смотрѣться. Ты такъ прекрасна, какъ ангелы, которые окружаютъ престолъ Бога.

— Вода задрожала,—сказала Нела,—я не вижу себя хорошо, дорогой сеньоръ. Она дрожитъ, какъ и я. А, вотъ стала поспокойнѣе, совсѣмъ остановилась. Я смотрюсь теперь.

— Какая ты прелестная! Иди сюда, моя дорогая дѣвочка,—сказалъ слѣпой, протягивая руки.

— Прелестная, я?—возразила она съ горечью и въ замѣшательствѣ.—Та, кого я вижу въ этомъ бассейнѣ, не такъ безобразна, какъ говорятъ. Это значитъ, что много есть людей не понимающихъ дѣла.

— Правда, много.

— Еслибъ я была одѣта, какъ другія,—съ гордостью сказала Нела.

— Ты одѣнешься.

— Очень можетъ быть,—сказала Нела, отходя отъ своего зеркала въ задумчивости и на половину удовлетворенная:—очень можетъ быть, что недалекіе люди не умѣютъ смотрѣть на вещи, какъ надо.

— Даръ зрѣнія вводитъ въ сильныя заблужденія; онъ лишаетъ людей обладанія непреложной истиной, а эта истина говоритъ, что ты красавица, безъ малѣйшей тѣни безобразія. Пусть они мнѣ скажутъ противное, я ихъ изобличу. До какихъ глупостей доводитъ зрѣніе! Нела, иди сюда, я хочу, чтобъ ты была подлѣ меня, хочу обнять твою милую головку.

Нела бросилась въ объятія своего друга.

— Милая, добрая малютка, — говорилъ онъ, какъ въ бреду прижимая ее къ груди,—я люблю тебя всей душой!

Нела молчала. Радостныя чувства переполняли ея сердце. Взволнованный молодой человѣкъ страстно обнималъ ее и шепталъ на ухо:

— Я люблю тебя больше жизни! Люби меня или я умру.

Марія вырвалась изъ объятій Пабло. Онъ остался погруженнымъ въ глубокое размышленіе. Какая-то непреодолимая сила овладѣла этой дѣвушкой, побуждая ее вернуться и посмотрѣться въ текучее зеркало. Тихонько подошла она къ

Digitized by Google

борту бассейна и увидѣла въ немъ свое маленькое личико съ черными глазками, маленькимъ носикомъ, не лишеннымъ граціи, тѣло, покрытое веснушками, свою прическу и птичью физіономію. Она встала во весь ростъ надъ водою, чтобы видѣть свой бюстъ, и нашла его жалкимъ. Цвѣты, которыми она украсила голову, упали въ бассейнъ и поверхность его заволновалась. Дочери Канелы показалось, что у нея вырывали сердце; она пробормотала:

— Матерь Божія! Какъ я безобразна!

— Что ты говоришь, Нела?

— Ничего не говорю. Я думала... что тебѣ пора возвращаться. Скоро часъ обѣда.

— И отлично! вернемся; ты пообѣдаешь со мной, а вечеромъ сегодня мы еще погуляемъ. Дай руку, я не хочу, что бы ты со мной разлучалась.

Когда они вернулись домой, донъ Франсиско Пенагиласъ былъ на дворѣ съ двумя мужчинами. Маріанела узнала инженера рудника и ту личность, которая въ предъидущую ночь заблудилась въ рудникѣ.

— Вотъ, — сказала она, — инженеръ и братъ его, путешественникъ.

Всѣ трое съ видимымъ любопытствомъ смотрѣли на приближавшагося къ нимъ слѣпаго.

— Мы ждемъ тебя, дорогой сынъ,—сказалъ отецъ, взявъ его за руку,—чтобы представить доктору.

— Войдемте,—сказалъ инженеръ.

— Да будутъ благословенны люди ученые и добродѣтельные!—говорилъ отецъ, глядя на дона Теодора.—Проходите, господа. Благословенъ тотъ моментъ, въ который вы входите въ мой домъ.

— Посмотримъ,—возразилъ Гольфинъ.

Когда Пабло и оба брата скрылись, Франсиско вернулся къ Маріи, оставшейся неподвижно и грустно среди двора, и ласково сказалъ ей:

— Слушай, Нела, лучше бы ты вернулась къ себѣ. Сыну нельзя будетъ гулять сегодня вечеромъ. Пройди въ кухню. Доротея дастъ тебѣ пообѣдать.

Digitized by Google

VII.

Еще глупости.

На слѣдующій день Пабло и его проводникъ вышли изъ дому въ то же время, какъ и наканунѣ; но такъ какъ небо было покрыто тучами и дулъ небольшой, но непріятный вѣтеръ, угрожавшій перейти въ бурю, то они рѣшили не долго гулять. Проходя по лугу общины Альдеакорба, они шли по большому косогору, съ намѣреніемъ спуститься въ шахты.

— Нела, я скажу тебѣ одну вещь, которая заставитъ тебя подпрыгнуть съ радости,—сказалъ слѣпой, когда они были уже далеко отъ дома.—Нела, въ сердцѣ моемъ происходитъ сильное волненіе; кажется, вся вселенная, всѣ науки, исторія, философія, природа, все, чему я учился, поднимается во мнѣ, точно какая нибудь процессія. Ты видѣла этихъ господъ, которые ждали меня вчера?

— Донъ Карлосъ и его братъ, котораго мы встрѣтили тогда вечеромъ...

— Это большой ученый; онъ объѣздилъ всю Америку, чудесно вылѣчивая многихъ. Такъ какъ донъ Карлосъ—другъ моего отца, то онъ и просилъ брата своего освидѣтельствовать меня. Какъ онъ добръ и нѣженъ. Раньше всего онъ началъ говорить со мной, разспрашивать о моей жизни, потомъ разсказывалъ мнѣ интересныя и оригинальныя вещи; затѣмъ попросилъ меня сидѣть спокойно, и я чувствовалъ его пальцы на моихъ вѣкахъ. Спустя нѣсколько времени, онъ произнесъ какія-то слова, которыхъ я не понялъ; это были медицинскія выраженія. Отецъ никогда мнѣ о томъ не читалъ. Меня подвели къ окну. Пока онъ свидѣтельствовалъ меня съ помощью какого-то инструмента, въ залѣ было глубочайшее молчаніе. Наконецъ, докторъ сказалъ отцу: „Попробуемъ“. Они еще о чемъ-то поговорили шопотомъ, такъ что я не могъ ихъ разслышать. Когда они ушли, отецъ сказалъ мнѣ: „Дорогой мой сынъ, не могу скрыть отъ тебя радости, какую я испытываю. Этотъ человѣкъ подалъ мнѣ надежду, конечно, слабую; но мнѣ кажется, что чѣмъ менѣе

Digitized by Google

надежды, тѣмъ вѣрнѣе успѣхъ. Я отталкиваю ее, говоря, что это невозможно, почти невозможно, а она вкоренилась во мнѣ". Такъ говорилъ отецъ мой, и я по голосу угадалъ, что онъ плакалъ.—Что ты дѣлаешь Нела? ты танцуешь?

— Нѣтъ, я здѣсь, около тебя.

— Ты обыкновенно принимаешься танцовать, когда я тебѣ разсказываю что нибудь пріятное. Но куда мы идемъ?

— День гадкій. Мы идемъ стороной Троскавы, къ мѣсту, защищенному отъ непогоды, и спустимся къ шахтамъ.

— Хорошо, какъ хочешь. Ахъ! Нела, моя дорогая подруга, еслибъ это могло быть правдой; еслибъ Богъ сжалился надо мной и далъ мнѣ счастье увидѣть тебя. Даже еслибъ мое зрѣніе продолжалось только одинъ день, еслибъ завтра я опять долженъ былъ ослѣпнуть, какъ я буду благодаренъ!

Нела ничего не говорила; она размышляла, устремивъ взоры въ землю.

— На свѣтѣ такъ много странныхъ вещей,—прибавилъ Пабло,—а милосердіе божіе производитъ неожиданныя явленія. Они нисходятъ внезапно, послѣ долгихъ страданій. Не также ли и тебѣ кажется?

— Да, на что ты надѣешься, исполнится,—сказала Нела увѣреннымъ голосомъ.

— Ты почему знаешь?

— Мнѣ это сердце говоритъ.

— Сердце! И почему бы этому предсказанію не исполниться?—съ жаромъ возразилъ молодой человѣкъ.—Да, избранныя души въ подобныхъ случаяхъ могутъ предвидѣть результаты. Я на себѣ это замѣтилъ: такъ какъ даръ зрѣнія меня не можетъ отклонить отъ провѣрки самого себя, то я примѣтилъ, что умъ мой не разъ внушалъ мнѣ непостижимыя вещи; вслѣдъ за какимъ нибудь событіемъ, мнѣ часто приходилось говорить себѣ: „Я предвидѣлъ это".

— То же самое и со мной происходитъ,—отвѣтила Нела.—Вчера ты мнѣ сказалъ, что очень любишь меня. Возвратившись домой, я сказала себѣ: „Странно, но я предвидѣла это".

— Удивительно, моя дорогая малютка, какая гармонія существуетъ въ нашихъ душахъ. Волею соединеннымъ, намъ не достаетъ однихъ только узъ. Но мы этими узами соединимся, когда я буду обладать драгоцѣннымъ даромъ, котораго теперь

Digitized by Google

не имѣю. Мысль о врѣдѣ является у меня не иначе, какъ въ связи съ тѣмъ, что я тебя буду любить тогда еще больше. Обладаніе этимъ даромъ означаетъ для меня только возможность инымъ способомъ любоваться тѣмъ, предъ чѣмъ я и такъ уже преклоняюсь и что я уже люблю... Но ты, кажется, грустна сегодня?

— Да, мнѣ не весело... и признаться, я не знаю причины этому. Мнѣ и весело, и скучно вмѣстѣ. День такой мерзкій сегодня, — лучше, еслибъ не было дня, а все ночь...

— Нѣтъ, оставь все такъ, какъ есть. Ночь и день! еслибъ Богу было угодно, чтобъ я могъ наконецъ ихъ различать, какъ бы я былъ счастливъ! Почему мы остановились?

— Мы въ опасномъ мѣстѣ. Уйдемъ.

— А! Троскава! Скользкій дернъ отсюда спускается до самой пещеры. Кто падаетъ туда, выйти ужь не можетъ. Уйдемъ, Нела, я не люблю здѣсь быть.

— Дитя мое, путь дологъ отсюда до входа въ гротъ. Еслибъ ты видѣлъ, какъ онъ сегодня хорошъ!

Нела остановилась и, держа своего спутника за руку, смотрѣла въ отверстіе пропасти, открывавшейся въ землѣ въ видѣ воронки. Мелкая трава украшала кругъ маленькаго, глубокаго кратера. Въ самомъ глубокомъ мѣстѣ его, въ травѣ тянулась огромная продолговатая скала, среди массы хворостника, терновника, тростника и безчисленнаго множества маленькихъ, яркихъ цвѣтовъ. Около этой скалы едва виднѣлась пропасть, — бездна, спрятанная густою травой.

Нела не переставала смотрѣть.

— Чѣмъ ты говоришь, хороша эта Троскава? — спросилъ слѣпой.

— Тѣмъ, что тамъ много цвѣтовъ. Прошлую недѣлю они всѣ повысохли, а теперь ожили и на нихъ пріятно смотрѣть; кругомъ масса птицъ, бабочекъ, слетѣвшихся за цвѣточнымъ медомъ. Шото, сюда! не пугай маленькихъ пташекъ.

Собака веселo прибѣжала на зовъ Нелы, и мирное крылатое царство опять вступило во владѣніе своей страной.

— Меня пугаетъ это мѣсто, — сказалъ Пабло, ища руку молодой дѣвушки. — А теперь мы пойдемъ стороною рудника? Я, по крайней мѣрѣ, знаю ту дорогу; тамъ я на своей землѣ.

Digitized by Google

Оттуда мы пройдемъ прямо въ Борку. Шото, иди впередъ, не суйся подъ ноги.

Они спустились по тропинкѣ въ видѣ ступенекъ и скоро достигли рва, образовавшагося отъ рудничныхъ работъ. Оставляя зеленое покрытое растительностью мѣсто, они сразу очутились въ геологическомъ поясѣ. Стѣны этого глубокаго рва, изсѣченныя желѣзными крюками и лопатами, представляли интересное наслоеніе, разрѣзы котораго отливались различными цвѣтами. Это было то самое мѣсто, которое Теодоръ Гольфинъ сравнилъ съ внутренностью судна, которое потерпѣло крушеніе и которое гложутъ волны. Днемъ здѣсь любовались пластами горныхъ породъ съ ихъ жилами сѣры и соли, черными осадками и бурымъ углемъ, въ которомъ находятъ черный янтарь съ слоями желѣзистой земли, точно смѣшанной съ кровью; съ большими правильными пластами скалы, разбитой во многихъ мѣстахъ человѣческимъ трудомъ, испещренной остріями, надрѣзами, впадинами. Все это было похоже на открытую рану въ органической оболочкѣ, разсматриваемой въ микроскопъ. Ручей воды, насыщенной окисью желѣза, казался струею крови.

— Гдѣ нашъ стулъ?—спросилъ слѣпой.—Пойдемъ туда; здѣсь вѣтеръ очень рѣзкій.

Со дна рва они поднялись по тропинкѣ-лѣсенкѣ, пробитой среди поломанныхъ камней, рыхлой земли, кустовъ укропа, и сѣли подъ защиту мѣловой скалы, образовавшей въ серединѣ широкую щель. Это были скорѣе двѣ скалы, опирающіяся одна на другую неправильными краями, какъ двѣ сломанныя челюсти.

— Какъ здѣсь хорошо,—сказалъ Пабло.—Иногда здѣсь бываетъ сквозной вѣтеръ отъ этого грота, а сегодня—нѣтъ. Слышно только немного кипѣніе воды въ нѣдрахъ Троскавы.

— Она сегодня молчалива. Хочешь уснуть?

— Счастливая мысль. Я всю ночь не спалъ, думая о докторѣ и о томъ, что мнѣ сказалъ отецъ. Всю ночь я чувствовалъ, какъ чья-то рука дотрогивалась до моихъ глазъ и открывала въ нихъ закрытую и запечатанную расщелину.

Говоря это, онъ вытянулся на камнѣ, положивъ голову на колѣни молодой дѣвушки.

— Эта расщелина—продолжалъ онъ,—запертая въ самой

Digitized by Google

глубинѣ меня самого, открылась и открыла проходъ въ мозгъ, гдѣ заключалась преслѣдующая меня мысль. Ахъ, Нела, еслибъ Богу было угодно дать мнѣ то, чѣмъ я обиженъ! Я считалъ бы себя счастливѣйшимъ изъ смертныхъ, я, который уже счастливъ тѣмъ, что ты—подруга и спутница моей жизни. Мнѣ немногаго недостаетъ, чтобы мы оба стали однимъ существомъ; недостаетъ тебя видѣть, прійти въ восторгъ отъ твоей красоты съ помощью зрѣнія, которымъ,—я это смутно предчувствую,—буду обладать. Я испытываю страсть умомъ, но не зрѣніемъ. Думаю, что это будетъ новый способъ любить тебя. Я чувствую твою красоту, но въ ней есть что-то, чего я еще не постигъ.

— Ты слышишь?—сказала вдругъ Нела, вниманіе которой было занято совершенно не тѣмъ, о чемъ говорилъ ея другъ.

— Что?

— Здѣсь внутри Троскава; она говоритъ.

— Суевѣрная! Вода не говоритъ, дорогая Нела. Какимъ языкомъ, хочешь ты, чтобъ говорилъ ручей? Говорятъ только языкъ да совѣсть.

— А Троскава?—возразила Нела, блѣднѣя.—Это журчаніе... По временамъ я слышу голосъ моей матери, который ясно мнѣ говоритъ: „Дочь моя, какъ тутъ хорошо!“

— Я выбью изъ твоей головы эти нелѣпыя мысли,—сказалъ слѣпой, взявъ ее за руку.—Мы должны жить вмѣстѣ всю жизнь. Я буду очень несчастливъ, если не буду въ состояніи возродиться въ рукахъ доктора Гольфина. Это значитъ отречься отъ свѣта. А каково будетъ мое возрожденіе! Какова новая жизнь! У меня будетъ зрѣніе, Нела; я буду имѣть глаза, чтобы восторгаться твоей красотой, и тогда женюсь на тебѣ. Ты ничего на это не говоришь?

Нела прислонила къ себѣ красивую голову молодаго человѣка.

Она хотѣла говорить, но сильное волненіе препятствовало ей.

— А если Богу не будетъ угодно дать мнѣ зрѣніе,—прибавилъ слѣпой,—ты все же не разлучишься со мной; все равно будешь моей женой, только бы тебѣ не было противно соединиться со слѣпымъ. Ты ничего мнѣ не говоришь?

Digitized by Google

— Да, я тебя очень люблю,—говорилъ ребенокъ, приближая свое лицо къ лицу друга.—Но не желай такъ меня видѣть. Можетъ быть, я вовсе не такъ красива, какъ ты думаешь.

Говоря это, она стала искать въ карманѣ и вынула кусочекъ стеклышка, зазубрившійся обломокъ плохаго зеркала. Она посмотрѣлась въ него, но, вслѣдствіе незначительной величины осколка, могла видѣть себя только по частямъ: сначала одинъ глазъ, потомъ лобъ и половину лица. Печаленъ былъ результатъ ея изслѣдованій. Она убрала зеркало въ карманъ, и крупныя слезы потекли по лицу.

— Нела, мнѣ что-то капнуло на лобъ. Развѣ дождь идетъ?

— Да, мое дитя, кажется, идетъ,—рыдая, отвѣтила Нела.

— Нѣтъ, это ты плачешь. Мнѣ это сказало сердце. Правда?

— Правда.

— Твои слезы мнѣ отвѣчаютъ гораздо яснѣе всего, что ты могла бы сказать. Не правда ли, ты меня будешь одинаково любить, если мнѣ возвратятъ зрѣніе, или если я всегда буду его лишенъ?

— Одинаково, да?—увлекаясь и дрожа, сказала Нела.

— И ты останешься со мной?

— Навсегда!

— Слушай,—вскричалъ слѣпой въ страстномъ порывѣ,—еслибъ мнѣ предложили на выборъ: остаться слѣпымъ или тебя потерять, я предпочелъ бы...

— Ты предпочелъ бы остаться слѣпымъ... О! какъ я рада. Но... мнѣ сердце говоритъ, что ты меня увидишь: оно мнѣ это говоритъ, разрываясь.

— Я увижу твою красоту, какое счастье!—воскликнулъ молодой человѣкъ.

— Да, да!—повторяла Нела въ восторгѣ, дрожащими губами.—Я красива, я очень красива. Но тебѣ надо уснуть.

Она начала пѣть, какъ обыкновенно напѣваютъ засыпающимъ дѣтямъ. Спустя нѣсколько минутъ, Пабло спалъ. Нелѣ снова послышался голосъ Троскавы, который говорилъ:

„Дочь моя... сюда, сюда...“

Digitized by Google

IX.

Гольфины.

Теодоръ Гольфинъ не скучалъ въ Сокорте. На другой день своего пріѣзда, онъ провелъ много времени въ лабораторіи брата, а въ слѣдующіе дни прошелъ всѣ мины отъ одного конца до другаго, изучая ихъ и любуясь множествомъ находящихся тамъ замѣчательныхъ вещей; однѣ занимали его потому, сколько силы было на нихъ потрачено, другія—по искусству человѣческаго труда. Вечеромъ, когда кончались работы на заводѣ, докторъ наслаждался игрою на фортепіано своей невѣстки, жены Карлоса Гольфина.

Оба брата любили другъ друга. Происхожденія они были самаго скромнаго и съ молодыхъ лѣтъ принуждены были бороться съ бѣдностью и невѣжествомъ. Много разъ они не выдерживали, но сила воли всегда приводила ихъ, усталыхъ, къ берегу, оставляя позади мутныя волны, въ которыхъ волновалась грубость, невѣжество, нищета.

Теодоръ, какъ старшій, сдѣлался докторомъ раньше, чѣмъ Карлосъ—инженеромъ. Первый помогалъ второму изо всѣхъ силъ, пока это было нужно, а когда онъ увидѣлъ, что братъ сдѣлалъ себѣ карьеру, то послушался влеченія своего сердца и отправился въ Америку. Тамъ онъ встрѣтился со знаменитыми европейскими докторами и въ короткое время пріобрѣлъ репутацію и богатство. Онъ очень много путешествовалъ по Новому Свѣту, по Европѣ и, послѣ каждаго изъ этихъ путешествій, посѣщалъ свою родину, чтобъ усвоить себѣ послѣднія изысканія науки о глазныхъ болѣзняхъ, которой онъ себя посвятилъ. Это былъ человѣкъ по наружности флегматичный, брюнетъ, съ физіономіей, выражавшей умъ, съ черной всклоченной бородой, сверкающимъ взоромъ, неутомимый, крѣпкаго сложенія. Широкое лицо его, выдающійся лобъ, густые волосы, огненный взглядъ, огромныя руки, все это служило поводомъ къ тому, что его прозвали чернымъ львомъ. И дѣйствительно, онъ походилъ на льва, и не скрывалъ, что былъ о себѣ высокаго мнѣнія. Тщеславіе

Digitized by Google

этого замѣчательнаго человѣка не заслуживало порицанія, потому что онъ хотѣлъ только указать на то, что, не смотря на скромность своего происхожденія, на бѣдность, онъ только любовью къ хирургіи достигъ славы. Говорилъ онъ отрывистыми фразами.

Въ эпоху нашего правдиваго разсказа, Гольфинъ вернулся изъ Америки и, по его словамъ, это былъ послѣдній его выѣздъ изъ отечества, но этому не особенно вѣрили, потому что онъ не разъ говорилъ то же самое, а дѣлалъ противное. Братъ его Карлосъ былъ человѣкъ миролюбивый, любознательный, рабъ своего долга, пристрастившійся къ минералогіи и металлургіи до того, что эти два предмета онъ любилъ даже больше жены своей. Что касается обыденной жизни супруговъ, они жили въ совершенномъ согласіи или,—какъ выражался Теодоръ,—въ состояніи равномѣрности, т. е. какъ тѣла, имѣющія одинаковую кристалличискую форму, но различный химическій составъ. Когда Карлосъ заводилъ разговоръ о женитьбѣ брата, Теодоръ говорилъ:

— Женитьба будетъ для меня системой, объясняющей образованіе тѣлъ помощью постепеннаго наростанія частей, или псевдоморфическимъ кристалломъ,—иначе говоря, системой кристаллизаціи, ко мнѣ вовсе не подходящей.

Софія была превосходная женщина, правильной красоты, выразительность которой съ каждымъ днемъ уменьшалась, потому что, къ несчастію, она была склонна къ полнотѣ. Ей сказали, что отъ атмосферы каменнаго угля худѣютъ, и она поселилась на копяхъ, предполагая провести здѣсь весь годъ, хотя этотъ пыльный, дымный воздухъ былъ ей непріятенъ. У нея не было ни одного ребенка; главнымъ занятіемъ ея были игра на роялѣ, образованіе благотворительныхъ дамскихъ обществъ, для помощи на дому и для поддержки госпиталей и школъ. Въ Мадридѣ, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, ея дѣятельность производила чудеса и давала примѣръ, достойный подражанія. Съ помощью двухъ-трехъ знатныхъ дамъ, также посвятившихъ себя любви къ ближнему, ей удалось устроить болѣе двадцати драматическихъ представленій, столько же костюмированныхъ баловъ, шесть разъ—бой быковъ, два пѣтушиныхъ боя, и весь сборъ съ нихъ шелъ въ пользу бѣдныхъ.

Digitized by Google

Въ числѣ ея страстей, которыя были скоропреходящими, была одна, которая, можетъ быть, и не была достойна похвалы—это любовь къ собачкамъ и кошкамъ. За послѣднее время, съ тѣхъ поръ какъ она поселилась на рудникѣ Сокорте, она пріобрѣла собаку терьеръ, которую ей привезъ изъ Англіи, по ея желанію, Улисъ Бюлль, начальникъ машинной мастерской. Это была маленькая, тоненькая, изящная, прихотливая и нѣжная, какъ дитя, собачка; кличка ея—Лили, стоила она въ Лондонѣ двѣсти дуро. Если погода была хорошая, то Гольфины шли гулять, въ дурную же погоду они играли на фортепіано или пѣли; у Софіи былъ пискливый голосокъ, который могъ считаться пѣніемъ только въ Сокорте. У инженера былъ густой басъ, у Теодора тоже; Карлосъ также принадлежалъ къ ихъ партіи, и такимъ образомъ семейство образовывало хоръ, въ которомъ преобладалъ голосъ Софіи.

Въ хорошіе дни, они полдничали въ полѣ. Однажды въ полдень, это было въ концѣ сентября — недѣлю спустя, по прибытіи Теодора на копи,—все семейство возвращалось съ экскурсіи въ слѣдующемъ порядкѣ: Лили, Софія, Теодоръ, Карлосъ. За узкостью тропинки они не могли идти попарно. На Лили была маленькая, голубенькая попона съ вензелемъ ея госпожи. Софія держала зонтикъ, прислонивъ его къ плечу, а Теодоръ подобнымъ же манеромъ несъ свою тросточку и шапку на концѣ ея. Онъ очень любилъ гулять съ непокрытой головой. Въ то время какъ всѣ проходили мимо Троскавы, Лили вдругъ, съ необыкновенной легкостью своихъ тоненькихъ лапокъ, стремглавъ бросилась по склону луга къ краямъ пропасти. Сначала она бѣжала, потомъ стала скользить. Софія испустила крикъ ужаса. Первое движеніе, подсказанное ея чуть ли не материнскою любовью, было—бѣжать вслѣдъ за животнымъ, но мужъ удержалъ ее.

— Чортъ съ ней, съ этой Лили, милая; она вернется. Спускаться нельзя, дернъ очень скользкій.

— Лили, Лили!—кричала Софія, надѣясь, что ея ласковый голосъ остановитъ животное на пагубной дорогѣ и возвратитъ его на путь истины.

Но самыя нѣжныя воззванія не производили никакого впечатлѣнія на Лили, продолжавшую спускаться. Иногда она

Digitized by Google

посматривала на свою госпожу, и ея маленькіе выразительные глазки, казалось, говорили: „Ради Бога, не будьте такъ смѣшны“. Лили остановилась на большой бѣлой скалѣ, покрытой мхомъ и скрывавшей входъ въ пропасть. Всѣ обращенные на это мѣсто взоры увидѣли задвигавшійся предметъ. Сначала подумали, что какое нибудь злонамѣренное животное спряталось за этотъ камень; Софія снова закричала, и крикъ этотъ былъ уже скорѣе крикомъ удивленія, чѣмъ ужаса; она воскликнула:

— Это Нела!... Что ты здѣсь дѣлаешь?—Услышавъ свое имя, молодая дѣвушка вышла вся красная, дрожащая.

— Что ты дѣлаешь тамъ, сумашедшая,—повторила дама.— Возьми Лили и принеси ее ко мнѣ. Господи! посмотрите только, что она выдумала, гдѣ она была! Ты виновата, что Лили спустилась въ пропасть. Смотри, чему ты учишь это бѣдное животное.

Пока она говорила на краю Троскавы, Нела спустилась внизъ въ погоню за Лили, но своенравная собака увертывалась отъ рукъ молодой дѣвушки. Дама кричала, убѣждая собаку быть разумной, но та начала прыгать, безстыдно поглядывая на свою госпожу, какъ бы желая сказать: „не угодно ли вамъ продолжать прогулку, а меня оставьте въ покоѣ!“

Наконецъ, Лили сдѣлала прыжокъ въ терновые кусты, которые закрывали отверстіе грота, и здѣсь была остановлена, зацѣпившись своей попоной. Она стала лаять, взывая о помощи.

— Она убьется!—жалобно кричала Софія.—Нела, если ты ее мнѣ принесешь, я тебѣ дамъ, что хочешь; спускайся тихонько, держись хорошенько.

Нела стремительно бросилась, ступая на терновникъ, на иглистыя вѣтви, скрывавшія пропасть; наконецъ, цѣпляясь одною рукою за выступъ скалы, другою она успѣла схватить Лили за хвостъ и освободить изъ критическаго положенія. Затѣмъ, лаская животное, она, торжествующая, поднялась на край пропасти.

— Это ты виновата,—говорила Софія,—къ чему ты лазишь туда? Ты отлично знаешь, что Лили всюду бѣжитъ за тобой, гдѣ бы тебя ни увидѣла. Славную штуку ты сыграла!

Digitized by Google

Затѣмъ, поцѣловавъ неприученное къ повиновенію животное, давъ ему два щелчка по носу и убѣдившись, что собачка особенно не пострадала, Софія отдала ее Нелѣ, говоря:

— Бери ее, неси, она устала; эти длинныя прогулки могутъ быть ей вредны. Осторожно иди передъ нами; иди тихонько, тебѣ говорю; я сзади тебя, и вижу, что ты дѣлаешь.

И семейство двинулось впередъ, предшествуемое Нелою. Лили смотрѣла черезъ плечо молодой дѣвушки на свою госпожу.

Теодоръ Гольфинъ не произнесъ ни одного слова во время этихъ трогательныхъ сценъ; но когда они отправились дальше по большому лугу, гдѣ могли безъ стѣсненія идти въ рядъ, докторъ сказалъ невѣсткѣ:

— Мнѣ кажется, милая Софія, что ты ужь слишкомъ занята этимъ животнымъ. Правда, собака, стоющая двѣсти дуро, не чета другимъ. Но я спрашиваю себя: къ чему ты употребила время и деньги, чтобы смастерить костюмъ этой собачонкѣ и какъ тебѣ не пришло на умъ купить башмаки Нелѣ.

— Башмаки Нелѣ! — вскричала Софія, смѣясь. — Спрашивается: хотѣла ли бы она этого? Въ два дня она ихъ истаскаетъ. Смѣйся надо мной, сколько тебѣ угодно; я понимаю: это очень оригинально, что я такъ занята Лили; но ты не можешь меня обвинить въ томъ, что я недостаточно щедра. Въ умѣніи примѣнять къ дѣлу щедрость, я никому не уступлю. Щедрость не состоитъ въ томъ, чтобы давать безъ толку, не зная, будетъ ли милостыня хорошо употреблена. Ты хочешь мнѣ давать уроки? Но я въ этомъ также свѣдуща, какъ и ты въ глазныхъ болѣзняхъ.

— Да, я знаю, моя дорогая, что ты творила чудеса. Все это обнаруживаетъ только странные нравы общества, которое не умѣетъ быть щедрымъ иначе, какъ только съ условіемъ потанцовать, посмотрѣть на бой быковъ, заняться лотереей. Ну, не будемъ говорить объ этомъ; я знаю твои геройскіе поступки.

— Но ты не знаешь, что я дѣлаю или что намѣрена дѣлать?

— Не сердись, моя дорогая, — возразилъ Гольфинъ, — всѣ

Digitized by Google

мои аргументы сводятся къ одному; это—что тебѣ надо было купить башмаки Нелѣ.

— Ну, хорошо, завтра я куплю.

— Нѣтъ, сегодня же вечеромъ я самъ ихъ куплю. Не вмѣшивайтесь въ мои дѣла.

— Нела!—крикнула Софія, видя, что молодая дѣвушка отошла отъ нихъ на большое разстояніе.—Не иди такъ скоро, я хочу видѣть тебя, чтобъ знать, что ты дѣлаешь.

— Бѣдное созданіе!—сказалъ Карлосъ.—Кто скажетъ, что ей шестнадцать лѣтъ.

— Она запоздала развиться,—сказала Софія.—Я думаю, зачѣмъ Богъ допускаетъ жить такія существа? Ну, что можетъ выйти изъ нея? Ровно ничего; она бремя для другихъ—ее надо одѣвать, кормить. Весь день она только играетъ, поетъ, какъ птичка; все, что она получаетъ, обращается въ лохмотья.

— Однако,—сказалъ Карлосъ,—я замѣтилъ у Нелы наблюдательность и тонкость ума, подъ оболочкой дикаго чистосердечія и грубости. Нѣтъ, право, Нела вовсе не глупа, нисколько. Еслибъ кто нибудь взялся учить ее, она училась бы лучше многихъ. Нела мечтательница, она не имѣетъ самыхъ начальныхъ свѣдѣній, и ея воображеніе дѣлаетъ ее сантиментальной и суевѣрной.

— Правда,—сказалъ Теодоръ,—это участь первобытныхъ народовъ; она принадлежитъ къ эпохѣ номадовъ.

— Вчера именно,—прибавилъ Карлосъ,—я проходилъ мимо Троскавы и видѣлъ Нелу на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ мы и теперь ее нашли. Я позвалъ ее оттуда, спросилъ, что она тамъ дѣлаетъ? а она отвѣтила мнѣ, что разговаривала съ своей матерью. Ты знаешь, мать Нелы бросилась въ эту яму.

— Она самоубійца,—возразила Софія.—Это была женщина дурной жизни и самыхъ дурныхъ правилъ, судя по слухамъ. Карлоса не было здѣсь въ это время, но намъ разсказывали: она сильно пила. Есть люди, которые не должны были бы родиться.

— Не думай такъ, дорогая сестрица, — перебилъ Теодоръ...—для кого же существовали бы тогда благотворительныя убѣжища? Сироты, какого бы происхожденія они ни были,

Digitized by Google

должны имѣть право войти въ качествѣ пріемнаго ребенка въ достаточную семью, гдѣ нѣтъ дѣтей.

— Съ твоей системой,—сказала Софія,—порядокъ вещей станетъ таковъ, что мы окажемся родственниками Нелы.

— Почему же нѣтъ?—возразилъ Теодоръ.

— А къ чему же освобождать отъ этого прелестнаго закона богатыхъ холостяковъ? Почему не дать каждому изъ нихъ по сиротѣ, какъ и каждому семейству?

— Я не возстаю противъ этого,—сказалъ докторъ, смотря въ землю.—Что это такое? кровь!

Всѣ обратили вниманіе на дорогу, гдѣ мѣстами виднѣлись маленькія пятна крови.

— Господи!—воскликнула Софія.—Это Нела: смотри, въ какомъ состояніи ея ноги.

— Я понимаю... Она ушибла ногу, когда бросилась въ кусты терновника за твоей Лили. Нела, иди-ка сюда.

Нела, правая нога которой была вся въ крови, приблизилась, хромая.

— Дай мнѣ бѣдняжку Лили,—сказала Софія, беря собачонку изъ рукъ дѣвушки.—У тебя нога очень болитъ. О! сколько крови! Я не могу видѣть этого.

Чувствительная и нервная Софія отвернулась, лаская Лили.

— Посмотримъ, что это такое,—сказалъ Теодоръ, взявъ Нелу за руки и посадивъ ее на камень у забора. Потомъ, надѣвъ двойной лорнетъ, онъ осмотрѣлъ ея ногу.

— Это глупости. Двѣ или три царапины; кажется, заноза. Она тебя безпокоитъ? Подожди минутку. Софія, уходи дальше, если не хочешь присутствовать при операціи.

Пока Софія удалялась, чтобы ея нервы не подверглись волненію, Теодоръ вынулъ изъ футляра щипчики и въ мигъ вытащилъ изъ ноги иглу терновника.

— Отлично! Вотъ храбрая женщина,—сказалъ онъ, видя спокойствіе Нелы.—Теперь забинтуемъ ногу.

Онъ завернулъ раненую ногу своимъ платкомъ. Маріанела попробовала идти; Карлосъ далъ ей руку.

— Нѣтъ, иди сюда,—сказалъ Теодоръ, беря Маріанелу за руки.

И, поднявъ ее быстрымъ движеніемъ, онъ усадилъ ее къ себѣ на правое плечо.

Digitized by Google

— Если у тебя нѣтъ особенной смѣлости, то держись за мои волосы; они достаточно крѣпки. Теперь неси мою трость и шапку.

— Какая комедія! — вскричала Софія, умирая со смѣху.

Идя вверхъ по холму, граничащему съ западнымъ рудникомъ, они пришли въ Альдеакарба, въ домъ сиьора Пенагилась, который, сбросивъ камзолъ, шелъ на встрѣчу своимъ друзьямъ. Наступалъ вечеръ.

(*Окончаніе будетъ*).

СЛАВЯНЕ И ТЕВТОНЫ.

Историко-этнографическій этюдъ.

I.

Историки, посвятившіе себя изученію славянскаго племени и его судебъ, долгое время вынуждены были держаться такого положенія: «Славяне появились въ Европѣ въ V и VI вѣкахъ; откуда они появились—неизвѣстно; это племя было храброе, наводило страхъ на враговъ, но внутреннія междоусобія не дали возможности ему сплотиться и вскорѣ славяне подчинились римско-византійской культурѣ, подчинились цивилизующему вліянію скандинавскихъ народовъ и сохранили свою независимость только на востокъ отъ Вислы». Однако, еще въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія, эти историки стали смутно сознавать, что они, благодаря какимъ-то обстоятельствамъ, идутъ по ложной дорогѣ и, вмѣсто того, чтобы разъяснить прошлое славянъ, только затемняютъ его. Если какой нибудь скромный изслѣдователь, основываясь на изучаемомъ имъ историческомъ документѣ, получалъ выводы, несогласные съ вышеприведеннымъ положеніемъ, то его безъ церемоній осмѣивали. Общепризнанные авторитеты находили его выводы несогласными со своими, и скромный труженикъ предавался забвенію. Такія полицейскія мѣры могли на время остановить славянскихъ историковъ, но не прекратить ихъ работу совсѣмъ; пытливый умъ человѣка могъ быть задержанъ на своемъ пути, но ненадолго. Дѣйствительно, съ теченіемъ времени, славянскіе историки уяснили себѣ тѣ обстоятельства, которыя держали ихъ на ложномъ пути, и выработали новую программу своей дѣятельности, благодаря чему древняя исторія Европы должна явиться передъ нами въ совершенно новомъ освѣщеніи, правда, несогласномъ съ воззрѣніями авторитетовъ, но ближе стоящемъ къ истинѣ. Этотъ научный переворотъ въ

Digitized by Google

исторіи еще не окончился, а потому понятна ожесточенная борьба противъ новаторовъ.

Нѣмцы-учителя, въ силу присущаго каждому человѣку желанія оправдать себя, извратили всю древнюю исторію своего народа, а, съ тѣмъ вмѣстѣ, и исторію наиболѣе надѣлавшихъ имъ хлопотъ славянъ и кельтовъ. Разобраться въ систематичномъ накопленіи лжи, умолчаній и недомолвокъ, оставаясь на помочахъ нѣмцевъ-учителей, нѣтъ возможности, а потому желающій серьезно разработать исторію славянъ вынужденъ начать съ подлинныхъ историческихъ матеріаловъ и самостоятельно изучать ихъ, не принимая ни одного нѣмецкаго вывода на вѣру. Трудъ тяжелый, непосильный одному поколѣнію, но единственно могущій возсоздать правдивую картину минувшихъ вѣковъ и сбросить иго тевтонскихъ гелертеровъ. Много сдѣлано въ этомъ направленіи добросовѣстными тружениками, но немало остается работы будущимъ поколѣніямъ. Въ настоящемъ очеркѣ мы беремъ на себя задачу ознакомить читателей съ результатами, достигнутыми славянскими историками, причемъ мы постараемся выяснить и освѣтить взаимныя историческія отношенія между славянами и тевтонами.

Но, прежде всего, необходимо сдѣлать оговорку. Всѣ историческія и географическія данныя относительно минувшихъ вѣковъ можно черпать только у грековъ и римлянъ, такъ какъ только отъ нихъ сохранились научныя сочиненія, хотя не всегда въ полномъ объемѣ. Въ силу политическаго преобладанія, нѣмцы заняли предсѣдательское мѣсто и, среди изучающихъ Римъ и Элладу, сбили всѣхъ съ толку и заставили смотрѣть на многое своими глазами; недальновидность и ограниченность иноплеменныхъ историковъ помогла нѣмцамъ утвердить свою гегемонію въ исторической наукѣ и, благодаря этому, первоначальная исторія кельтовъ и славянъ была извращена въ ущербъ истинѣ. Очевидно, задача сводится теперь къ тому, чтобы возстановлять историческія и географическія справки римлянъ и грековъ въ ихъ истинномъ смыслѣ, а также отыскивать историческій матеріалъ у другихъ народовъ, призвавъ на помощь историческую критику, сравнительную филологію и.... здравый смыслъ.

Первый естественный вопросъ, который является у читателя, будетъ слѣдующій: когда явились славяне и скандинавы въ Европу? Отвѣтить съ точностью на этотъ вопросъ—исторія пока не въ силахъ; можно только утвердительно сказать, что оба народа поселились задолго до основанія Рима въ Европѣ и что скандинавы прибыли раньше славянъ. Оба народа явились изъ Индостана, а покинули родину въ разныя эпохи: первыми эмигрировали

Digitized by Google

скандинавы, а затѣмъ славяне; въ промежуткѣ между ними прибыли кельты. Какъ совершились эти переселенія—неизвѣстно, но что всѣ три племени заняли свои мѣста независимо одинъ отъ другаго, подтверждается тѣмъ, что въ преданіяхъ ихъ нѣтъ ни малѣйшаго указанія на столкновенія между собою въ моментъ разселенія по Европѣ. Для точнѣйшаго опредѣленія эпохи эмиграціи славянъ, не мѣшаетъ припомнить, что въ сраженіи при Пи-Аршопѣ (въ 1363 до Р. Х.), когда египтяне отражали нашествіе европейскихъ варваровъ, по изслѣдованіямъ виконта де-Ружэ, принимали участіе и славяне, заселявшіе въ то время Балканскій полуостровъ въ такомъ количествѣ, что могли свободно высылать многочисленныя экспедиціи.

Взаимныя границы скандинавовъ, кельтовъ и славянъ въ ту отдаленную эпоху нельзя опредѣлить, но можно угадывать, что скандинавы занимали нынѣшнюю Швецію, Норвегію и Данію, которыя составляли одинъ полуостровъ, обращенный устьемъ не къ Финляндіи, а къ Эльбѣ; позднѣйшимъ геологическимъ переворотомъ Швеція соединилась съ Финляндіею, а Данія образовала Ютландскій полуостровъ съ многочисленною группою острововъ. Кельты поселились во Франціи, Бельгіи, Вестфаліи, южной Германіи, сѣверной Италіи, Испаніи, Англіи, Шотландіи и Ирландіи. Сѣверная Голландія, Фрисландія и Люнебургъ оставались безлюдными, такъ какъ ничто не привлекало кельтовъ въ сплошныя болота, какими были названныя страны. Славяне заняли весь Балканскій полуостровъ, сѣверо-восточную Италію до устья По, Австрію, Германію до кельтовъ, устья Эльбы и Балтійскаго моря, склоны Карпатовъ, среднюю и южную Россію до Урала и Кавказа, хотя есть возможность предполагать, что они были и за Кавказомъ. Позднѣе кельты заняли сѣверную Африку, а славяне были вытѣснены тиррено-пелазгами, которые заняли часть Малой Азіи, Архипелагъ и нынѣшнюю Грецію, а потомъ захватили южную и среднюю Италію.

Яснѣе можемъ мы себѣ представить границы славянскаго племени въ III вѣкѣ до Р. Х. Къ этому времени климатъ сѣверной Европы настолько измѣнился къ худшему, что скандинавы начали эмигрировать изъ своей новой родины. На востокъ, гдѣ они столкнулись съ одичалыми финнами, они не двинулись такъ какъ скалистая и озерная Финляндія ихъ ничѣмъ не манила; поэтому они устремились на западъ и югъ. Какъ опытные мореплаватели, отважные скандинавы достигли на своихъ судахъ Исландіи, Гренландіи и Винландіи, гдѣ теплый климатъ далъ имъ возможность поселиться навсегда и достичь нѣкотораго культурнаго развитія. Постепенное пониженіе температуры въ названныхъ странахъ по-

Digitized by Google

губило скандинавскія колоніи, такъ что, когда европейцы прибыли въ окрестности Нью-Іорка и въ южную Канаду, то они не нашли и слѣдовъ Винландіи, а привычные къ холоду датчане съ трудомъ ютятся теперь на южной оконечности Гренландіи. Направившіеся на югъ скандинавы были счастливѣе: двинувшись черезъ Ютландію, они столкнулись въ Шлезвигѣ и Гольштейнѣ со славянами, которыхъ вытѣснили съ западнаго побережья и открыли себѣ дорогу къ устью тогдашней Лабы. Мѣстность, называемая теперь Гадельнъ, сдѣлалась историческими воротами, черезъ которыя направились всѣ скандинавскіе эмигранты въ кельто-славянскую Европу. Однако прибалтійскіе славяне оказали такой отпоръ сѣвернымъ дикарямъ, что тѣ должны были повернуть въ болотистыя мѣстности Люнебурга и Фрисландіи, остававшіяся незаселенными. Малотребовательные скандинавы были очень довольны новоприобрѣтенною страною, которая была гораздо лучше ихъ старой родины, и новыя толпы всельниковъ быстро направились сюда изъ Скандинавіи. Постепенно достигли они устья Рейна, перешли его и заняли часть Бельгіи около Арденнъ и часть Лотарингіи до Вогезовъ, оттѣснивъ кельтическихъ инсубровъ и другихъ народцевъ. Въ это время и славяне занимали уже всю Швейцарію, южную Германію, Эльзасъ и часть Бургундіи. Римляне узнали о вторженіи новаго народа и назвали его германцами, распространивъ это названіе, по незнанію, до Вислы.

Происхожденіе слова «германцы» до настоящаго времени не выяснено окончательно, но большинство историковъ склоняется къ предположенію, что римляне, совсѣмъ незнакомые съ этнографіею средней и сѣверной Европы, дали всѣмъ народамъ за Рейномъ одно общее названіе «germanus», то есть родственные между собою, собратья. Благодаря невѣдѣнію римлянъ, названіе «Германія» было дано всей странѣ отъ Рейна и Дуная на сѣверо-востокъ, въ томъ же смыслѣ, какъ греческій писатель Эфоросъ называлъ ту же мѣстность «Скитія». Сами же скандинавскіе дикари, занявшіе страну между устьями Лабы и Рейна, называли себя просто «teuta», то есть народъ, откуда произошло позднѣйшее названіе «teutscher» и еще позднѣйшее «deutscher». Древнѣйшее письменное указаніе на римскую «Germania» сохранилось въ одной изъ надписей Капитолія, относящейся къ 222 г. до Р. Х. и приведенной полностью въ первомъ томѣ исторіи Стацке. Въ указанномъ году или немного раньше, скандинавы стали тѣснить инсубровъ съ лѣваго берега Рейна, алчно стремясь въ Галлію, о плодородіи и богатствѣ которой между ними ходили самые соблазнительные расказы. На востокъ же, къ подножію Bacenis silva

Digitized by Google

(нынѣ Фогельсбергъ), гдѣ начинается Фульда (славянская Влтава), и вверхъ по Лабѣ отъ нынѣшняго Гамбурга, всельники не рѣшались двигаться, помня грозный отпоръ славянъ при первомъ ихъ появленіи изъ Ютландіи.

Но, задолго еще до вторженія скандинавовъ съ сѣвера, южные славяне подверглись нашествію дикихъ пелазговъ. Новые эмигранты изъ Индостана перевалили хребетъ Тавръ и нахлынули на благоустроенныя общины славянъ. Туземцы (какъ можно назвать славянъ въ сравненіи съ появившимися всельниками) дали отпоръ нападающимъ, и послѣдніе потянулись впередъ, проникли вдоль Адріатики въ Ретію и Италію, и осѣли тамъ подъ именами разеновъ и тирреновъ. Отставшія орды разсыпались по Балканскому полуострову и начали истребительную борьбу со славянами отъ Крита до Балканъ. Рыжіе пелазги постепенно овладѣли всею мѣстностью, превративъ ее въ пустыню, и только кое-гдѣ уцѣлѣли славянскія общины въ Эпирѣ, Македоніи, Ѳессаліи, Халкидикѣ и Средней Греціи. Пока эта борьба обливала кровью полуостровъ, въ Малой Азіи дѣла шли совершенно иначе. Оставшіеся тамъ пелазги отличались бо̀льшею мягкостью нравовъ и большею податливостью цивилизующему вліянію славянъ. Занявъ южный уголъ Малой Азіи (Карію, Ликію, Памфилію и др. области), іоняне,—какъ называлась эта этническая группа пелазговъ,—слились постепенно съ жившими тамъ славянами и кельтами, и создали могущественный союзъ богатыхъ и торговыхъ городовъ. Къ сѣверу же отъ нихъ, наученные опытомъ славяне,—по нѣкоторымъ сказаніямъ,—создали сильное государство Треянское (у грековъ: Троянское), подъ властью наслѣдственныхъ кралей, имѣвшихъ столицу въ Троѣ. Соперничество троянцевъ и іонянъ было неблагопріятно для послѣднихъ, но они долго не рѣшались схватиться серьезно съ кралями, и только когда на ихъ зовъ поднялись болѣе дикіе доряне, началась знаменитая троянская война, воспѣтая въ «Иліадѣ» и «Одиссеѣ». Славянское государство пало подъ напоромъ пелазговъ въ 1184 г. до Р. Х. и память объ этой народной борьбѣ сохранилась только у Гомера, слѣдовательно, съ точки зрѣнія исключительно враждебной побѣжденнымъ славянамъ. Найденныя и записанныя С. И. Верковичемъ пѣсни родопскихъ помаковъ проливаютъ новый свѣтъ на эпоху десятилѣтней осады Трои.

Необычайный подъемъ народнаго самосознанія у побѣдителей придалъ имъ отваги и энергіи; имя пелазговъ исчезаетъ и постепенно входитъ названіе эллиновъ, которые ринулись повсемѣстно захватывать лучшія земли, внося съ собою запустѣніе и дикость. Начавшаяся заря цивилизаціи угасла среди междоусобій, а осо-

Digitized by Google

бенно, когда доряне, заимствовавшіе у малоазійскихъ кельтовъ культъ Гара-Калы, переименованнаго въ Ираклеса или Геркулеса, задумали возвратиться въ южную Грецію, занятую ахеянами. Это «возвращеніе гераклидовъ», т. е. якобы потомковъ Геркулеса, вызвало такое кровопролитіе, что вынудило предпринять рядъ эмиграцій въ южную Италію и вокругъ Чернаго моря. Между тѣмъ, политическіе изгнанники изъ Финикіи и Египта поселились въ различныхъ пунктахъ страны и начали исподволь насаждать свою цивилизацію; нетревожимые врагами, эллины переработали все, воспринятое отъ славянъ, кельтовъ, финикіянъ и египтянъ, по своему, и надъ Греціею засіяла, наконецъ, блестящая культурная эпоха. А славяне, ненавидя рыжеволосыхъ враговъ, постоянно отступали на неприступныя планины и въ глухія дебри, гдѣ естественно одичали и получили кличку варваровъ. Менѣе упрямые, болѣе податливые, тѣ остались сосѣдями эллиновъ, заимствовали ихъ цивилизацію и радовались, если ихъ называли полу-варварами; такъ было въ Ѳессаліи, Эпирѣ и Македоніи. Послѣдняя, однако, никогда не прекращала борьбы съ греками и даже одно время покорила ихъ, когда явились Филиппъ II и его сынъ Александръ Великій.

Все вниманіе позднѣйшихъ историковъ сосредоточилось, очень естественно, на блестящихъ страницахъ греческой исторіи, сохраненной для потомства греческими же писателями; очень понятно, что «варвары» стушевались въ разсказахъ эллиновъ до такой степени, что не было возможности даже опредѣлить ихъ этническое происхожденіе. Презирая и ненавидя славянъ, эллины въ своихъ сочиненіяхъ избѣгали всѣми способами необходимости говорить о нихъ и, если среди «варваровъ» являлся выдающійся человѣкъ, ему немедленно приписывали эллинское происхожденіе. Словомъ, эллины поступали точно также, какъ позднѣе это дѣлали тевтоны. Между тѣмъ, благодаря такому отношенію, сохранились кое-какія указанія о пограничныхъ славянскихъ племенахъ, но что происходило въ нынѣшнихъ областяхъ Болгаріи, Сербіи, Иллиріи, Босніи, Паннониі, Румыніи и другихъ, — эллиновъ не интересовало, а потому изъ греческихъ источниковъ ничего нельзя и узнать.

Возвращаясь къ эпохѣ троянской войны, мы имѣемъ возможность, благодаря любезности г. Верковича, ознакомить читателей съ содержаніемъ помакской поэмы, нигдѣ еще не напечатанной. Эта поэма передаетъ эпизоды троянской войны по совершенно новой редакціи, хотя сходится съ «Иліадою» въ томъ, что Троя погибла изъ-за дивно-прекрасной женщины; однако, духъ и характеръ борьбы воспроизведены въ обѣихъ редакціяхъ вполнѣ

Digitized by Google

своеобразно. Приводимъ вкратцѣ содержаніе славянской редакціи «Иліады».

Подъ стѣнами Треи, которую основалъ король Дросина, шелъ пиръ горою по случаю свадьбы заморскаго короля Матеаша съ дѣвицею Таліаною; знаменитаго рода и равная по красотѣ солнцу, Тальяна обворожила двѣнадцать королей, пріѣхавшихъ въ гости изъ-за моря, а также и треянскаго короля, могучаго богатыря, мать котораго была вѣщею женою. Влюбившись въ новобрачную, энергичный треянскій король похитилъ ее и заперся въ городѣ. Матеашъ и его сородичи всполошились и положили зарокъ не класть оружія, пока на мѣстѣ города не вспашутъ поля; всѣ разъѣхались по домамъ, собрали войска, и затѣмъ союзная армія осадила Трею подъ главнымъ начальствомъ Матеаша. Девять лѣтъ продолжалась осада, но всѣ усилія союзниковъ разбились о твердыни столицы, защищаемой отважными треянцами и вѣщимъ богатыремъ-королемъ, счастливымъ обладателемъ Таліаны. Обезсиленные пораженіями и унывшіе короли-союзники задумали покинуть Матеаша, чтобы вернуться во-свояси, но Матеашъ убѣдилъ ихъ собрать еще войска и сдѣлать послѣднюю попытку. Послѣ трехмѣсячнаго отсутствія, союзники снова собрались подъ стѣнами Треи и тутъ Матеашъ увидѣлъ во снѣ божьяго слугу Зреенина, который посовѣтовалъ пригласить на помощь юдинскаго короля (индусскаго?). Съ общаго одобренія, Матеашъ поѣхалъ верхомъ къ могущественному монарху, въ государствѣ котораго сосредоточивалась цивилизація всего тогдашняго міра, и убѣдилъ его явиться на помощь. Треянскій король, при возобновленіи военныхъ дѣйствій, сталъ глумиться надъ союзною арміею, но, узнавъ о приближеніи юдинскаго короля, началъ готовиться къ борьбѣ. Трое сутокъ ждалъ юдинскій король покорности отъ треянскаго короля, но не дождался и приказалъ шестикрылому отряду перелетѣть три передовыя башни, проникнуть въ городъ и отворить желѣзныя ворота. Тогда союзники ворвались въ Трею ночью; Матеашъ закололъ въ постели своего соперника, получилъ Таліану обратно, а городъ былъ разрушенъ до основанія, жители его истреблены, и на мѣстѣ величавой столицы три года сѣяли траву, а на четвертый—пшеницу.

Вдумываясь въ эту поэму, описывающую борьбу троянцевъ съ заморскими королями, легко видѣть, что славянская редакція менѣе разработана, менѣе украшена поэтическими вымыслами, а потому ее можно считать если не старшею сестрою «Иліады», то, во всякомъ случаѣ, ровесницею; въ этомъ насъ убѣждаетъ множество признаковъ, среди которыхъ не послѣднее мѣсто занимаютъ

Digitized by Google

архаическія слова и обороты рѣчи, давно забытые современными славянами. У неутомимаго собирателя помакской поэзіи, г. Верковича, имѣется еще нѣсколько такихъ поэмъ, которыя дополняютъ и разъясняютъ во многомъ основное произведеніе народнаго славянскаго творчества, забытое и затерянное подъ игомъ иноземцевъ, среди суровыхъ родопскихъ Балканъ. Надо надѣяться, что драгоцѣнное собраніе г. Верковича скоро сдѣлается достояніемъ образованнаго міра, для пользы науки.

Переходя къ такъ называемымъ сѣвернымъ славянамъ въ ту отдаленную эпоху, слѣдуетъ замѣтить, что они занимали южную Россію, причемъ ихъ сѣверная граница тянулась кривою линіею отъ нынѣшняго Царицына на Волгѣ, мимо Харькова, къ устью Припети и Березины, а затѣмъ по Нѣману до Балтійскаго моря. Этихъ славянъ знали немного древніе греки, но сѣверъ отъ указанной границы былъ для нихъ terra incognita; грекъ Эфоросъ (за 300 лѣтъ до Р. Х.) называлъ всю мѣстность, занятую славянами, Скитіей, подразумѣвая подъ этимъ все пространство отъ Волги до Лабы, какъ позднѣе римляне назвали Германіею страну отъ Лабы до Волги. Сѣверные славяне, обитавшіе у подножія Кавказа, носили у сосѣдей названіе сарматовъ или «ссармати», то есть царственный народъ, сильное и отважное племя, съ которымъ неудачно воевалъ персидскій герой Аградатъ (перековерканный классиками въ Кира). Позднѣе сарматы переселились къ среднему Днѣпру, и здѣсь ихъ греки знали подъ именемъ царскихъ скитовъ, а исторія узнала потомъ ихъ національное имя: поляне. Кромѣ скитовъ и сарматовъ, сосѣди называли еще славянъ гуннами, по причинѣ общеупотребляемаго платья, которое въ разныхъ мѣстностяхъ и въ разныя времена называлось: гуня, свита, зипунъ, кафтанъ, балахонъ (отъ *бѣла гуня*). Названіе гунновъ сохранилось на крайнихъ оконечностяхъ славянства: скандинавы называли страну ильменскихъ кривичей Хунигардъ, а за Кавказомъ жили бѣлые и черные гунны, изъ которыхъ первые прославились позднѣе при Бѣломірѣ и Аттилѣ.

Сѣверными сосѣдями славянъ были народы, носящіе общее названіе чуди или финновъ. Эта неизслѣдованная еще группа народовъ, отъ Балтійскаго моря до вершины Алтая, обладала однимъ общимъ качествомъ: довольствомъ своимъ скромнымъ настоящимъ и отсутствіемъ завоевательныхъ и колонизаторскихъ стремленій. Благодаря этому, болѣе подвижные славяне постепенно и медленно оттѣсняли чудь къ сѣверу и занимали ея старыя становища; по Волгѣ это поступательное движеніе было остановлено на первыхъ же порахъ воинственными буртасами, происхожденіе которыхъ

Digitized by Google

остается до сихъ поръ загадкою, а мѣстопребываніемъ служили берега Дона и Волги въ нынѣшней Саратовской губерніи. По Днѣпру славяне достигли верховьевъ Двины, Ловати и Волги, спустились внизъ по названнымъ рѣкамъ до Балтійскаго моря и достигли широкаго пролива, соединяющаго море съ озеромъ Нево (нынѣшнимъ Ладожскимъ). Что касается чуди, то этотъ народъ уступалъ свою землю безъ борьбы, отходя все далѣе на сѣверъ и востокъ и вымирая исподволь въ невыгодныхъ условіяхъ жизни. Существуютъ указанія, что на пармахъ (т. е. на плоскогорьяхъ), въ нынѣшнихъ Вологодской, Нижегородской, Вятской, Пермской и Казанской губерніяхъ, были государства, созданныя чудскими народами: сыктола и эрзя, но дальнѣйшихъ свѣдѣній объ этомъ нѣтъ, и намъ приходится ограничиваться туманными догадками.

Мы разсмотрѣли, такимъ образомъ, разселеніе славянскаго народа по Европѣ, въ такъ называемую доисторическую эпоху. Отъ Рейна до Волги и отъ Балтійскаго моря до Средиземнаго жили славяне, гранича на сѣверѣ съ чудью и скандинавами, на западѣ съ кельтами, на югѣ съ тиррено-пелазами, на востокѣ—съ толпою народовъ, названіе и происхожденіе которыхъ до сихъ поръ не установлены. Имѣя враговъ только на сѣверѣ и на югѣ, славяне жили дружно съ кельтами и чудью; у нихъ была полная возможность создать два или три могущественныхъ государства, которыя служили бы оплотомъ противъ варваровъ и разсадникомъ самостоятельной славянской культуры. Но особенности славянскаго характера, одинаковыя на островѣ Ранѣ (нынѣ Рюгенъ), въ окрестностяхъ Страсбурга и Констанца, въ Бенетѣ (нынѣ Венеція), въ Маробудѣ (когда-то столица моравянъ), на озерѣ Гопло, подъ Кіевомъ, у подножія Кавказа и Балканъ, въ Новгородѣ, Дубровникѣ, Пеллѣ и Треѣ, — эти особенности сдѣлали то, что бо́льшая часть славянъ потеряла свою національную обособленность, забыла свое происхожденіе и слилась до неузнаваемости съ побѣдившими ихъ народами. Такъ какъ взаимныя отношенія славянъ и грековъ составляютъ почти всецѣло достояніе прошлаго, то мы предпочитаемъ ближе ознакомиться со взаимными отношеніями славянъ и тевтоновъ, вражда между которыми до сихъ поръ не утратила ни силы, ни остроты, ни горечи;—и эта вражда, очень естественно, можетъ кончиться только совершеннымъ разгромомъ того или другаго народа.

Digitized by Google

II.

Послѣднія строки требуютъ поясненія. Антагонизмъ и племенная вражда между славянами и пелазгами существуютъ до настоящаго времени, но потомки пелазговъ потеряли официально власть надъ славянами въ концѣ XII вѣка, при Палеологахъ, когда французскіе и итальянскіе выходцы основали полунезависимыя княжества на Балканскомъ полуостровѣ. Вскорѣ затѣмъ, греки потеряли сами свою независимость, и только въ началѣ нынѣшняго столѣтія вернули ее при иноземной помощи. При такихъ обстоятельствахъ, очевидно, племенная вражда должна была потерять свою напряженность и сохранилась лишь по традиціи и въ измѣненной формѣ. Стремленія панэллинизма отвергнуты при свѣтѣ науки; славянское населеніе Беотіи, Фокиды, Ѳессаліи настолько ассимилировалось съ греками, что о серьезной враждѣ не можетъ быть и рѣчи; съ болгарами же антагонизмъ перешелъ на церковно-каноническую почву. Что касается тевтоновъ, то, вторгнувшись съ сѣвера, они покорили западныхъ славянъ до Вислы и сохранили надъ ними власть до настоящаго времени, стремясь постоянно обезличить ихъ и истребить даже самую память о славянахъ. Очевидно, поводы къ враждѣ существуютъ до сихъ поръ и, благодаря національному самосознанію, пробудившемуся среди уцѣлѣвшихъ славянъ, тевтонамъ предстоитъ выдержать упорную борьбу, которая можетъ кончиться истребленіемъ одной изъ сторонъ или прекратиться нашествіемъ побѣдоноснаго иноземца, въ родѣ нашествія турокъ на византійскую имперію.

Чтобы имѣть возможность прослѣдить борьбу тевтоновъ со славянами отъ перваго появленія эмигрантовъ изъ Скандинавіи въ окрестностяхъ Киля и Бремена до послѣднихъ дней дѣятельности императора Вильгельма II, необходимо, насколько возможно, опредѣлить взаимное положеніе соперниковъ до столкновенія, ихъ племенной составъ, степень культурнаго развитія и отношенія обоихъ народовъ къ различнымъ сосѣдямъ.

Благодаря капитальному произведенію г. Богуславскаго, мы имѣемъ возможность ознакомиться съ положеніемъ страны, называемой греками: «Скитія», а римлянами: «Германія», въ началѣ II вѣка по Р. Х., то есть почти за четыреста лѣтъ до появленія славянъ въ Европѣ, какъ это утверждаютъ нѣмецкіе ученые, тезисъ которыхъ приведенъ нами въ началѣ настоящаго очерка. Обширная страна, занятая славянами, составляла въ ту эпоху около 4

Digitized by Google

милліоновъ квадратныхъ километровъ; на ней жили народы, распавшіеся на колѣна съ самыми разнообразными названіями, заимствованными отъ рѣкъ и разныхъ физическихъ особенностей обитаемой мѣстности. Бо́льшая часть этихъ названій народцевъ сохранена римскими писателями, но въ такой искалѣченной формѣ, что безъ особеннаго старанія историка и филолога нѣтъ возможности добиться истины. Нѣмецкіе ученые воспользовались этимъ обстоятельствомъ и ловкою аргументаціею убѣдили многихъ, что всѣ перечисляемые римлянами народцы—германскаго происхожденія, что они являются автохтонами и что нынѣшніе славяне прибыли въ Германію только въ VI вѣкѣ. Теперь это умышленно созданное заблужденіе разсѣялось, и мы имѣемъ возможность перечислить народы, населявшіе въ началѣ II вѣка римскую Германію, подъ ихъ настоящими славянскими названіями.

I. Группа *сербо-дуринская* занимала мѣстность отъ Влтавы (Фульды) и Могана (Майна) до средняго Дуная и Эльбы, отъ Страсбурга до Дрездена. Среди девяти племенъ, самымъ сильнымъ были дурины, жившіе въ нынѣшней Тюрингіи и сѣверной Баваріи; они рано создали могущественное государство, соприкасавшееся съ римлянами и кельтами, долго дававшее отпоръ тевтонамъ и разрушенное въ VI вѣкѣ послѣдними. II. Группа *чехо-моравская* населяла Чехію, Моравію, Силезію, Галицію и сѣверную Венгрію до Дуная. Моравскіе крали соперничали въ могуществѣ съ дуринскими и не разъ наносили пораженіе римлянамъ и тевтонамъ подъ классическимъ именемъ маркомановъ. Съ паденіемъ моравовъ, стали постепенно возвышаться чехи, а на короткое время блеснули словаки подъ именемъ гепидовъ въ V вѣкѣ. III. Группа *лужицкая* раскинулась отъ люнебургскихъ солончаковъ до Нарева и Буга въ Польшѣ. Огражденные первыми двумя группами отъ вліянія иноземцевъ, пятнадцать лужицкихъ племенъ жили мирно, занимались земледѣліемъ, ремеслами и разработали религіозный культъ. Въ ихъ богатыхъ и многолюдныхъ городахъ возвышались знаменитые храмы Яровита и Триглава, а въ лѣсныхъ трущобахъ—жертвенники Чернобога, мрачнаго и таинственнаго представителя зла. IV. Группа *вендская*, состоящая изъ семи племенъ, соединенныхъ поклоненіемъ богинѣ Нертѣ (т. е. матери земли) и заселившихъ балтійское побережье отъ Одера до Ютландіи. Среди вендовъ, важнѣйшимъ значеніемъ пользовались варны, наиболѣе сильные въ политическомъ отношеніи, и редане, у которыхъ въ двадцати-воротной Ретрѣ былъ храмъ, привлекавшій богомольцевъ всего славянства. Главнымъ занятіемъ вендовъ были заграничная торговля и мореходство. V. Самую сѣверную

Digitized by Google

группу славянъ составляли поморяне, занявшіе страну отъ Одера до Вислы; западная часть ихъ занималась также торговлею и мореходствомъ, а восточная,—позднѣйшіе кашубы,—земледѣліемъ. Волынь, Рана и Гданскъ были богатые торговые города, извѣстные римлянамъ еще до императоровъ.

Перечисленные славянскіе народы занимали среднюю Европу, причемъ западную границу ихъ составляли: рѣка Шлея (отъ которой получилъ названіе Шлезвигъ), верховья рѣки Егдоры (нынѣ Эйдеръ), затѣмъ пограничная линія пересѣкала Лабу возлѣ Гамбурга и Альтоны, проходила вдоль рѣки Лейны (нынѣ Ланъ), отъ ея верховьевъ пересѣкала Влетаву (нынѣ Фульда) и огибала западные склоны Буковины (нынѣ Фогельсбергъ). Сѣвернѣе Майнца граница поворачивала на западъ къ Рену и достигала сѣверныхъ отроговъ Вогезовъ, слѣдуя направленію которыхъ, спускалась къ югу, захватывая часть Люксембурга, Эльзасъ и часть Бургундіи; затѣмъ круто поворачивала на востокъ, къ Базелю, направлялась по Рену и Аару, достигала Женевскаго озера мимо Локля и Шоде-Фонъ, пересѣкала это озеро, Вальтелину и Савойю, достигая верховья Доры-Бальтеа у подножія Монблана. Отрѣзавъ все верхнее теченіе Доры, пограничная линія поднималась по Альпамъ на сѣверъ, потомъ рѣзко шла вдоль границы Швейцаріи на востокъ, пересѣкая Лаго-Маджоре и Комо; между Гардомъ и Адиджею поворачивала на югъ и по теченію По, южнѣе Мантуи, упиралась въ Ядерское море (нынѣ Адріатическое). Отъ Балтійскаго моря до Вогезовъ, противъ Страсбурга, сосѣдями славянъ были тевтоны, а далѣе, до Адріатики, кельты.

Обратимся теперь къ тевтонамъ и взглянемъ на ихъ разселеніе въ началѣ II вѣка, послѣ того момента, когда, оттѣснивъ славянъ съ Егдоры и устья Лабы, они ворвались изъ Скандинавіи въ нынѣшній Ганноверъ, Ольденбургъ, Голландію, Вестфалію и Бельгію.

Согласно Тациту и Плинію, скандинавскіе народы, нахлынувшіе черезъ Лабу за много вѣковъ до Р. Х., принадлежали къ тремъ этническимъ группамъ: истевоны, герміоны и ингевоны. Какъ можно догадываться, эти группы вышли изъ Норвегіи и Швеціи, но не изъ Даніи, въ которой данамъ и ютамъ жилось лучше, тѣмъ болѣе, что монархическій образъ правленія привился прочно, съ 1130 г. до Р. Х., среди этихъ народовъ. Дикія орды, подъ общимъ названіемъ истевоновъ, направились изъ Норвегіи и своимъ стремительнымъ напоромъ смяли, а, можетъ быть, и истребили приегдорскихъ славянъ. Новыя толпы эмигрантовъ съ сѣвера не дали истевонамъ успокоиться и погнали ихъ на югъ за Лабу. Такимъ образомъ, безлюдный край отъ Сѣвернаго моря до Рейна посте-

Digitized by Google

пенно наполнился сѣверными варварами, обрадованными климатомъ болѣе мягкимъ, чѣмъ на ихъ непривѣтливой родинѣ, и отсутствіемъ соперниковъ. Истевоны выдвинулись къ самому Рейну на югъ, сзади ихъ разселились герміоны (быть можетъ, давшіе римлянамъ поводъ назвать всю зарейнскую страну Германіею), а отъ залива Яде за Егдору осѣли ингевоны. Дѣло на этомъ не прекратилось. Привлекаемые разсказами о благодатномъ югѣ, какимъ казались для скандинавовъ Люнебургъ и Фрисландія, обитатели сѣвера въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ продолжали эмигрировать изъ своихъ становищъ, прорывались среди своихъ сородичей, смѣшиваясь съ ними и вообще производя страшную сумятицу. Среди истевоновъ главную роль стали играть сикамбры, представлявшіе военный союзъ шести народцевъ и, первые, перебравшіеся черезъ Рейнъ къ кельтамъ. Въ началѣ II вѣка скандинавскіе выходцы распадались на слѣдующія племена: 1) за Рейномъ истевонская группа: треверы—вокругъ нынѣшняго Трира почти до Меца; эбуроны—вокругъ Аахена и Юлиха, по верхнему теченію Мааса; тунгры—предки нынѣшнихъ фламандцевъ; убіи—между Маасомъ и Рейномъ; менапіи—вокругъ Нимвегена по Рейну. 2) По правому берегу Рейна до Эмса шла герміонская группа: гассы или хатты—по Когану (нынѣ Ланъ) до Фогельсберга; узипы—отъ Лана внизъ по Рейну; рядомъ съ ними тенктеры, вокругъ Кёльна; винолы или, позднѣе, лонгобарды—между тенктерами и гессами; сугамры—на югъ отъ Липпе, а марсы—на сѣверъ; херуски—у сліянія Влтавы и Виравы (нынѣ Фульда и Верра); бруктеры—у подножія Тевтобургскаго лѣса; хасуаріи—по сѣверному склону того же лѣса; тубанты, хамавы и хаттуаріи—между бруктерами и Зюдерзее, сзади котораго, у моря, жили канинефаты, вокругъ Амстердама. 3) Вдоль моря тянулась ингевонская группа: фризы—къ сѣверу отъ канинефатовъ; амсиваріи—по нижнему Эмсу; ангриваріи—отъ хасуаріевъ до Везера; хауки—между устьями Эмса и Везера. На сѣверъ отъ хауковъ, почти до половины Ютландіи, разселилась новая этническая группа—саксовъ, состоящая собственно изъ саксовъ, фаловъ, энгерновъ и англовъ; на первое время эти четыре племени, наиболѣе даровитыя и смѣлыя, сидѣли спокойно на занятыхъ побережьяхъ и не тревожили никого. Появясь впервые на Егдорѣ незадолго до Юлія Цезаря, саксы стали подвигаться впередъ въ концѣ II и въ началѣ III вѣка по Р. Х., когда новыя толпы эмигрантовъ хлынули съ сѣвера. Почти одновременно съ саксами, изъ той же Швеціи двинулась пятая этническая группа, готская, состоящая изъ готовъ, бургундовъ, вандаловъ и другихъ племенъ. Готы не пошлипо проторен-

Digitized by Google

ной дорогѣ на Ютландію, а высадились между Одеромъ и Вислою, куда прибыли на легкихъ судахъ; отсюда, сквозь славянъ, они проникли по Вислѣ, Припети и Днѣпру въ южную Россію, гдѣ черезъ нѣсколько вѣковъ создали готское царство, на половину состоящее изъ восточныхъ славянъ. Вандалы, бургунды и алане направились вверхъ по Одеру, исколесили всю Европу и поселились въ Испаніи и Африкѣ.

Теперь разсмотримъ вкратцѣ, на какой степени культурнаго развитія находились славяне и тевтоны въ началѣ II вѣка, основываясь на документальныхъ данныхъ, тщательно изученныхъ г. Богуславскимъ.

Обитавшіе въ средней Европѣ славяне заняли свои мѣста за долго до того времени, когда обитатели Аппенинскаго полуострова получили возможность начать завоевательную политику и оказывать давленіе на иноземцевъ. Насколько можно судить по сохранившимся указаніямъ, славяне остались неизмѣнными въ теченіе тысячелѣтій: придерживаясь родовыхъ понятій, они жили родами, переселялись въ случаѣ надобности цѣлымъ родомъ; при неблагопріятныхъ условіяхъ, родъ исчезалъ, сливался съ другимъ; въ случаѣ удачи превращался въ племя, которое опять таки распадалось на роды. Въ силу этого, сознаніе общаго происхожденія держалось крѣпко между различными племенами; еще въ XII вѣкѣ родовыя понятія среди радимичей и вятичей на Сожѣ и Окѣ были тѣ же, что́ у дуриновъ и моравянъ во время Юлія Цезаря; а въ Герцеговинѣ и Далмаціи они сохранились неизмѣнными до сихъ поръ. Важно то обстоятельство, что славяне явились въ Европу знакомые съ земледѣліемъ и многими ремеслами; это подтверждается тѣмъ, что названія сельско-хозяйственныхъ и ремесленныхъ предметовъ одинаковы отъ Волги до Рейна и отъ Балтики до Адріатики. Они пахали сохою поле, сѣяли рожь, ячмень, овесъ, пшеницу, жали или косили серпомъ или косою, собирали зерно въ житницы, мололи муку, пекли хлѣбы, знали солодъ и хмѣль, затирали квасъ, варили медъ и пиво; изъ льна и конопли пряли нитки, ткали уткомъ и челномъ красна́, держали коровъ, коней, козъ, овецъ, куръ, гусей, собакъ. Они добывали соль, желѣзо, выдѣлывали кожи, разводили огороды, устраивали водяныя мельницы, ловили рыбу, солили ее въ прокъ, шили одежду, изготовляли разную обувь, обжигали горшки, дѣлали ложки, выковывали въ кузницахъ оружіе,—словомъ, изучая бытъ древнихъ славянъ въ первые вѣка христіанства, мы видимъ то же самое, что́ въ настоящее время встрѣчается въ наименѣе тронутыхъ цивилизаціею мѣстностяхъ русскихъ деревень.

Digitized by Google

Деревни, выселки, села, города—все это было у славянъ. Многіе изъ городовъ сохранились до настоящаго времени, хотя съ новыми или измѣненными названіями; укажемъ нѣкоторыя: Свинобродъ (Швейнфуртъ), Гоболинъ (Гавельбергъ), Браниборъ (Бранденбургъ), Подступъ (Потсдамъ), Вертиборъ (Вюрцбургъ), Яробродъ (Эрфуртъ), Межиборъ (Мерзебургъ), Дѣвинъ (Магдебургъ), Велиградъ (Мекленбургъ), Могунъ (Майнцъ), Ратиборъ (Рацебургъ), Бенета (Венеція), Щетинъ (Штетинъ), Гданскъ (Данцигъ), Брно (Брюнъ) и многія другія. Смотря по мѣстнымъ условіямъ жизни, общій характеръ племенъ видоизмѣнялся; такъ напримѣръ, обитатели балтійскаго поморья были рыболовы и умѣли строить лодки и корабли, на которыхъ вели торговлю и сражались; дурины были лихіе наѣздники, и конница ихъ часто обращала въ бѣгство враговъ; горцы въ Карпатахъ добывали и обработывали руду, и въ пѣшемъ строю нерѣдко заставляли отступать римскіе легіоны; сербы и лужичане мирно обработывали свои поля и, при вторженіи непріятеля, миролюбиво подчинялись дикому произволу побѣдителя. Мѣновая торговля процвѣтала почти у всѣхъ племенъ, и ярмарки служили мѣстомъ, гдѣ собирались сородичи съ отдаленныхъ мѣстностей для обмѣна произведеній, взаимныхъ сношеній и политическихъ заговоровъ. Религіозныя воззрѣнія были настолько разработаны попами (древнѣйшее названіе жрецовъ у славянъ), что только въ XIII вѣкѣ католицизмъ утвердилъ свое господство.

Обращаясь отъ славянъ, культурность которыхъ засвидѣтельствована римскими писателями, къ тевтонамъ, мы видимъ совершенно противоположное явленіе. Дикія орды, нахлынувшія съ сѣвера, не имѣли понятія о земледѣліи и жили исключительно грабежемъ своихъ сосѣдей; въ связи съ этимъ, они одѣвались въ звѣриныя шкуры, дурно обдѣланныя, а по части ремеслъ умѣли только выковывать ножи, которыми славились особенно саксы и сѣкиры. Гражданственности у нихъ не было; селились они обыкновенно становищами или же лагеремъ, чтобы легче было сорваться съ мѣста и кинуться на добычу или на слабаго врага; городовъ тевтоны не основывали, а когда знакомство со славянами и кельтами дало имъ возможность оцѣнить пользу укрѣпленій, то они воспользовались городами, основанными римлянами (Кёльнъ, Кобленцъ, Аахенъ, Триръ), славянами (Бременъ, Гроденъ, Гамбургъ) и кельтами (Нимвегенъ, Ксантенъ). Въ то время, когда славяне гордились обширными полями, многочисленными стадами, накопленными трудомъ богатствами и торговыми городами,—тевтоны не имѣли ничего подобнаго, презирали всякій трудъ и славились

Digitized by Google

только грабежами, насиліями, воровствомъ, разнузданностью нравовъ и черствымъ эгоизмомъ. Таковы были оба народа во II вѣкѣ передъ борьбою за господство въ средней Европѣ.

III.

Прежде чѣмъ обратиться къ началу борьбы славянъ съ тевтонами, посмотримъ, насколько позволяютъ источники, на политическую исторію славянъ въ такъ называемый *доисторическій* періодъ. Прибыли славяне въ Европу, какъ уже было сказано раньше, изъ Индіи, что подтверждается филологіею и сохранившимися легендами, собранными впервые г. Верковичемъ; въ этихъ легендахъ прямо говорится, что предки помаковъ прибыли изъ Крайна-Земя, возлѣ которой живутъ юди, высоко-образованный народъ, извѣстное время поддерживавшій сношеніе съ эмигрантами и передавшій имъ разнообразныя знанія, въ томъ числѣ и письменность. Послѣднее обстоятельство настойчиво подтверждается въ различныхъ по содержанію легендахъ. Разселяясь постепенно по Европѣ, славяне понемногу одичали, забыли письменность и, еслибы ихъ никто не тревожилъ, то до настоящаго времени они сохранили бы всѣ особенности древняго земледѣльческо-пастушескаго народа. Главныя черты славянскихъ народовъ, раскинувшихся на четырехъ милліонахъ километровъ: миролюбіе, незлобивость, любовь къ старинѣ, покорность чужому человѣку и способность ассимиляціи съ иноземцами,—эти черты одинаковы на протяженіи всѣхъ вѣковъ, отъ момента эмиграціи изъ Пенджаба до нынѣшняго дня. Проявленіе этихъ племенныхъ особенностей и составляетъ всю исторію славянъ. Они никогда не нападали первыми на непріятеля; легко соглашались прекратить военныя дѣйствія; дорожили свободою, но въ то же время изъ-за добродушной лѣни подчинялись князьямъ, лехамъ, жупанамъ и кралямъ, которые ихъ притѣсняли; были консервативны иногда до безсмыслія и на черезчуръ смѣлаго новатора поднимались дружно и со слѣпою яростью; уважали всякаго пришельца, хотя бы явнаго нахала и пройдоху, и легко признавали надъ собою его власть, лишь бы онъ не затрогивалъ рѣзко ихъ внутреннихъ убѣжденій; охотно сближались съ иноземными сосѣдями и заимствовали у нихъ внѣшнія и внутреннія особенности. Благодаря этому, славянинъ въ Далмаціи дѣлается итальянцемъ, въ Чехіи—нѣмцемъ, во Ѳракіи—туркомъ, въ Нижегородской губерніи—мордвиномъ, на Кубани—черкесомъ, на Амурѣ — монголомъ, сохраняя при этомъ добродушіе, уступчивость и, въ то же

Digitized by Google

время, сознаніе своего умственнаго превосходства. Эта особенность объясняется отчасти самоуничиженіемъ, самооплеваніемъ, свойственнымъ всѣмъ славянамъ; «все чужое — достойно похвалы, все мое—никуда не годится», вотъ какъ обыкновенно формулируется эта характерная и присущая только славянамъ черта, стоящая въ противорѣчіи съ ихъ несомнѣннымъ консерватизмомъ!

Столкнувшись съ рыжими пелазгами, славяне не поработили ихъ, не заставили признать свою власть, даже не остановили ихъ стремленія на западъ, а вступили разрозненно и разновременно въ безтолковую борьбу, благодаря которой были покорены, истреблены или обращены въ рабство. Трудолюбивые и покорные, они добродушно работали на своихъ хозяевъ и собственными руками создавали имъ богатство, силу и величіе; будь это отъ умственной ограниченности, тупости, превращенія ихъ въ рабочую машину, съ этимъ можно было бы помириться, но дѣло въ томъ, что если съумѣть вызвать славянина на откровенность, то онъ самъ разскажетъ ясно и толково, какими путями его предки и онъ самъ создали въ потѣ лица славу и блескъ своихъ хозяевъ. Изумленный слушатель невольно задастъ вопросъ: почему? «Значитъ, судьба»! И при этомъ, опять таки ясно и толково, славянинъ объяснитъ, въ чемъ заключалась ошибка покорившихся иноземцу его предковъ, какъ слѣдовало бы поступить, въ чемъ заключается слабая сторона теперешнихъ хозяевъ; а затѣмъ, роковымъ образомъ, непремѣнно повторитъ ошибку предковъ, если представится случай. Въ Македоніи, Эпирѣ, Ѳракіи были владѣтельные князьки, которые, въ силу присущаго славянамъ самооплеванія, старались подражать эллинамъ и тщеславились, если находился льстецъ, который выводилъ ихъ родословіе изъ Эллады.

Когда римскіе орлы вылетѣли изъ Италіи, ихъ власти подчинились славяне Адріатики, Норики и Панноніи; произошло то же, что было раньше на границѣ Эллады: славяне храбро сражались за чуждые для нихъ интересы, покоряли цѣлыя царства, воспринимали цивилизацію своихъ побѣдителей и гордились званіемъ римскаго гражданина. Когда республика превратилась въ имперію, то многіе изъ славянъ становились трибунами, консулами, преторами и достигали даже престола, но такія возвышенія проходили безслѣдно для сородичей этихъ счастливцевъ. Приводимъ списокъ римскихъ императоровъ славянскаго происхожденія: 1) *Максиминъ-Кай-Юлій Веръ*, сынъ ѳракійскаго крестьянина, въ молодости былъ пастухомъ, попалъ въ военную службу, отличился, благодаря исполинскому росту (выше 7 фут.) и силѣ (справлялся съ шестерыми), и въ мартѣ 235 г. провозгласилъ себя императоромъ по смерти Алек-

Digitized by Google

сандра Севера. Первымъ дѣломъ онъ объявилъ войну славянамъ, разбилъ и ослабилъ ихъ, одолѣлъ выставленныхъ сенатомъ соперниковъ, но при осадѣ Аквилеи зарѣзанъ солдатомъ за жестокость и кровожадность въ 238 г. 2) ***Кней-Мессій-Децій-Оптимъ-Траянъ***, сынъ паннонскаго крестьянина, достигъ должности губернатора Мидіи, когда его возвели на престолъ въ 249 г.; въ сраженіи при Веронѣ лично убилъ императора Филиппа и выдержалъ упорную борьбу съ готами, причемъ погибъ въ сраженіи съ ними во Ѳракіи въ 251 г.; одинаково съ Максиминомъ жестоко преслѣдовалъ христіанъ. 3) ***Гостиліанъ-Кай-Валерій-Мессій-Квинтъ***, сынъ Деція, продержался послѣ отца два мѣсяца императоромъ и отравленъ соперникомъ Галломъ въ 251 г. 4) ***Авреліанъ-Луцій-Домицій-Кай-Валерій***, землякъ Деція, тоже изъ земледѣльцевъ; отличился въ военной службѣ и назначенъ консуломъ, а по смерти императора Клавдія II вступилъ на престолъ по завѣщанію. Съ іюня 270 г. воевалъ въ Галліи четыре года съ соперникомъ Тетрикомъ, билъ моравовъ, словаковъ, готовъ и вандаловъ, побѣдилъ знаменитую Зеновію пальмирскую и получилъ тріумфъ. Отдыхая на лаврахъ, украсилъ Римъ, сбавилъ налоги, преслѣдовалъ христіанъ и зарѣзанъ вольноотпущенникомъ Мнестеемъ въ 275 г. 5) ***Региліанъ-Квинтъ-Нонній***, изъ рода дакскаго царя Децебала (вѣрнѣе: Десятибѣла), отличался въ походахъ противъ сербовъ и объявленъ императоромъ въ Мидіи въ 261 г.; два года боролся съ Галліономъ и убитъ своими же солдатами. 6) ***Пробъ-Маркъ-Авреліи-Валерій***, сынъ паннонца изъ Срема (Сирміумъ), дослужившагося до званія военнаго трибуна; отличился на войнѣ и въ Сиріи былъ объявленъ императоромъ въ 276 г. Разбилъ сербовъ и исаврійцевъ, усмирилъ Египетъ, одолѣлъ всѣхъ соперниковъ, побѣдилъ тевтоновъ въ Галліи и съ тріумфомъ вошелъ въ Римъ. Солдаты, которыхъ онъ употреблялъ для мирныхъ работъ въ Сремѣ, взбунтовались и убили его въ августѣ 282 г. 7) ***Діоклетіанъ-Кай-Валерій-Іовій-Авреліи***, сынъ писаря въ далматинской Салонѣ, военными заслугами достигъ должности начальника дворцовой охраны и, послѣ убійства императора Нумеріана префектомъ Амеромъ, объявилъ себя императоромъ въ Никомидіи, въ сентябрѣ 284 г., а черезъ два года взялъ соправителемъ Максиміана,—славянина, которому поручилъ западъ, а себѣ оставилъ востокъ, гдѣ всѣхъ привелъ къ полное повиновеніе. Утомленный и больной, Діоклетіанъ отрекся въ маѣ 305 г. отъ престола и мирно доживалъ свои дни, занимаясь садоводствомъ. Умеръ въ 313 г. 8) ***Максиміанъ-Геркулесъ-Аннiй-Маркъ-Авреліи***, родомъ изъ присавской Панноніи, служилъ вмѣстѣ съ Діоклетіаномъ, который сдѣлалъ его

Digitized by Google

соправителемъ въ 286 г. Усмирилъ Африку и Галлію, но былъ разбитъ въ Британіи; отрекся было отъ престола, но снова захватилъ власть, измѣнилъ сыну, потомъ зятю и, осажденный въ Марсели, удавился въ 310 г. съ отчаянія. 9) *Максентій*, сынъ Максиміана, объявилъ себя императоромъ послѣ отреченія отца въ 306 г., уговорилъ послѣдняго вернуться къ власти, но потомъ поссорился съ нимъ и принудилъ бѣжать. Усмиривъ Африку, объявилъ войну шурину, Константину Великому, и въ битвѣ подъ стѣнами Рима утонулъ въ Тибрѣ въ 312 г. 10) *Галерій-Кай-Валерій-Максиміанъ*, родомъ пастухъ изъ Дакіи, пошелъ въ солдаты и дослужился до главнокомандующаго; Діоклетіанъ выдалъ за него свою дочь Валерію и назначилъ цезаремъ, причемъ онъ отличился въ войнѣ съ персами. Побѣжденный Максентіемъ и Константиномъ, умеръ отъ язвъ въ Сардикѣ дакскомъ въ 311 г., оставивъ сына Кантидіана. 11) *Максиминъ-Дайя-Валерій*, сынъ пастуха изъ Ѳракіи, женатаго на сестрѣ Галерія. Діоклетіанъ назначилъ его цезаремъ при своемъ отреченіи, а въ 307 г. Максиминъ объявилъ себя императоромъ. Разбитый соперникомъ Лициніемъ, бѣжалъ въ Азію и отравился въ Тарсѣ въ 313 г. Всѣ пять императоровъ преслѣдовали жестоко христіанъ. 12) *Маркіанъ*, родомъ ѳракійскій поселянинъ, дослужился до военнаго трибуна и былъ назначемъ сенаторомъ. По смерти Ѳеодосія II, сестра послѣдняго, Пульхерія-Элія, была объявлена византійскою императрицею въ 450 г. и вышла замужъ за Маркіана, передавъ ему престолъ. Онъ удержалъ Аттилу отъ нападенія на имперію и присутствовалъ на халкидонскомъ соборѣ; умеръ 17 февраля 457 г. За нимъ слѣдуетъ еще нѣсколько византійскихъ императоровъ славянскаго происхожденія. Всѣ эти примѣры показываютъ вполнѣ, что славяне легко ассимилируются съ иноземцами, способны забывать свое происхожденіе и даже дѣлаться прямо ренегатами, исключительно во имя сознанія, что «чужое хорошо, а свое дурно».

Тѣ же черты, которыя мы указали въ славянахъ, подчиненныхъ иноземцамъ, остаются и у независимыхъ славянъ, въ силу кореннаго убѣжденія, что свое, домашнее, хуже чужаго, славянскіе роды и общины всегда носили въ себѣ зародыши междоусобій; однако, вслѣдствіе добродушія и лѣни, ссоры и споры ограничивались перебранками и личной расправой, никогда не переходя въ тевтонскую злопамятную Rache или итальянскую страстную vendetta, но поддерживая въ членахъ общины или рода постоянную рознь, которая мѣшала имъ подняться дружно на врага. Пограничныя племена скорѣе измѣнили родовое начало на монархическое, легче ознакомясь съ политическимъ устройствомъ со-

Digitized by Google

сѣдей; благодаря этому, крали дуриновъ и моравовъ не разъ бывали грозою для кельтовъ и римлянъ, нанося имъ страшныя пораженія, но конецъ войны всегда былъ противъ славянъ. Тяготясь воинскою повинностью и никогда не обладая политическою сообразительностью, союзники кралей бросали лагерь и возвращались домой, не заботясь ни о чемъ; тогда враги били обезсиленныхъ кралей и добирались до отступившихъ союзниковъ. Тѣ вымаливали миръ на самыхъ невыгодныхъ условіяхъ, послѣ нѣсколькихъ пораженій, а затѣмъ нарушали мирный договоръ на самомъ наивномъ основаніи: не мы заключали условія, а наши крали, князья, лехи и жупаны. Начиналась новая война, и наконецъ, славяне подпадали власти иноземца. Самый яркій образчикъ политической несостоятельности представляютъ словаки, называемые разновременно квадами и гепидами; самое многочисленное, воинственное и зажиточное племя, словаки долго наводили страхъ на римлянъ, были желанными союзниками моравовъ и дуриновъ, но, вмѣсто того чтобы создать политически-сплоченное государство, оплотъ для соплеменниковъ, они подпадали подъ власть всякаго, кто только хотѣлъ ими владѣть, и политически умерли задолго до Габсбурговъ.

Наиболѣе стойкіе и самостоятельные изъ славянъ были прибалтійскіе, отъ которыхъ и самое море называлось славянскимъ или свевскимъ, но и тѣ испытали одинаковую участь. Пока тевтоны побаивались поклонниковъ Нерты, славяне продолжали жить по старому, не придавая никакого значенія, что устье Лабы и вся Егдора были у нихъ отняты; затѣмъ, когда на смѣну ингевоновъ явились болѣе рѣшительные саксы, славяне начали борьбу, но каждое племя отдѣльно шло въ бой или, лучше сказать, на бойню. Благодаря этому, борьба, правда, затянулась, но гибель славянъ можно было предсказать заранѣе; скандинавы настойчиво и упорно подвигались впередъ, безпощадно истребляя безтолковыхъ враговъ, которыхъ они презрительно называли Sclawen (вмѣсто Slawen), какъ будто самое имя славянъ указывало, что они предназначены быть *рабами* Справясь съ полабами, скандинавы раздѣлились: одни пошли вверхъ по Лабѣ, легко покоряя сербовъ и лужичанъ, другіе подвигались по берегу моря; поморяне, закаленные въ борьбѣ съ природою, защищались отчаянно, съ остервененіемъ, но врозь, и ихъ геройскія усилія привели только къ тому, что послѣдній поморскій князь умеръ не въ III или IV вѣкѣ, а въ 1603 г.; ободритскій же князь уцѣлѣлъ до сихъ поръ въ онѣмеченныхъ мекленбургскихъ герцогствахъ.

Ничего подобнаго мы не видимъ въ скандинавскихъ эмиграц-

Digitized by Google

такъ. Первое время, ворвавшись въ среднюю Европу, они держались смирно, съ любопытствомъ приглядываясь, куда они попали. Тѣмъ временемъ, новыя толпы прибывали съ сѣвера, внося переполохъ и смуты среди сородичей. Наконецъ, они перешли Рейнъ и напали на кельтовъ; послѣдніе, поддержанные римлянами, дали имъ отпоръ и надолго задержали между Арденами и Вогезами буйныя толпы грабителей и дикарей. Тогда тевтоны обратились на славянъ и начали борьбу дружно, стремительно и упорно, не кладя оружія, дѣйствуя всѣми способами, доступными сметливымъ дикарямъ, и не давая пощады. Когда тевтоны познакомились съ римлянами и усвоили себѣ ихъ правило: divide et impera, тогда порабощеніе славянъ пошло еще быстрѣе. Обманъ самый грубый, ложь самая наглая, насиліе, тайное убійство, отрицаніе самыхъ торжественныхъ клятвъ—все было пущено въ ходъ, чтобы скорѣе овладѣть воздѣланными полями славянъ, ихъ богатыми житницами, красивыми женщинами, торговыми и богатыми городами, многочисленными стадами и вообще всѣмъ, чѣмъ владѣли славяне. Розни между тевтонами не было, потому что, по призывѣ на войну, домашнія ссоры прекращались и сборныя дружины единодушно кидались на врага, не забывая ни одной военной хитрости, чтобы обезсилить его до боя. Видя, что римляне имѣютъ зубокъ на славянъ, тевтоны старались дѣйствовать съ ними заодно и оставались преданными имъ до тѣхъ поръ, пока не окрѣпли сами настолько, чтобы предписать свои условія Риму, и затѣмъ вѣнчать своихъ герцоговъ короною римскихъ императоровъ.

Кельты, прожившіе вѣка въ сосѣдствѣ со славянами, не имѣли съ ними за все время враждебныхъ отношеній и уживались очень дружелюбно, если приходилось жить вмѣстѣ; такъ напримѣръ, немало кельтическихъ общинъ осталось среди швейцарскихъ Альпъ, когда послѣднія были заняты славянами, и многія позднѣйшія племена образовались отъ сліянія прежнихъ поселенцевъ съ новыми всельниками (гельветы, седуны); точно также славяне эмигрировали въ страну кельтовъ, гдѣ, вѣрные своему характеру, сливались до неузнаваемости съ окружающимъ населеніемъ. Поэтому правъ былъ Вельтманъ, разыскивая слѣды славянъ въ южной Франціи, хотя его за это и осмѣяли. Но кельты отличались несомнѣнною солидарностью, которой не было у славянъ; они не ассимилировались съ иноземцами и считали свое очень хорошимъ, отдавая, конечно, должное и чужому. Благодаря этимъ качествамъ, они обдуманно отразили тевтоновъ съ сѣвера, а когда истевонская вольница, напоминающая новгородскихъ ушкуйниковъ, создала сборную дружину изъ разныхъ племенъ и приняла названіе франковъ, то кель-

Digitized by Google

ты вступили въ союзъ съ дуринами, чтобы успѣшнѣе отразить нашествіе. Политическая безтактность дуринскихъ кралей испортила все дѣло и франки утвердились въ Лотарингіи, а затѣмъ расширили свои владѣнія до Сены; успѣхъ привлекъ къ нимъ новые отряды и вскорѣ франки распались на салическихъ и рипуарскихъ, судьба которыхъ была различна. Салическіе франки, не имѣя въ себѣ ничего устойчиваго, усвоили бытъ и нравы кельтовъ, создали франкское государство и подружились съ дуринами, съ которыми вмѣстѣ наносили пораженія саксамъ; рипуарскіе франки остались ближе къ сородичамъ, не измѣняя привычкамъ вольницы, и постепенно исчезли, слившись съ сосѣдними племенами, въ VIII вѣкѣ.

Тевтоны, отличаясь всегда практичностью, поняли очень хорошо, что, переселяясь къ кельтамъ, они легко могутъ потерять свою національную обособленность, перестанутъ быть тевтонами и исчезнутъ безслѣдно въ кельтическомъ морѣ. Вслѣдствіе этого, они обратили свои усилія на востокъ и съ тѣхъ поръ возникъ пресловутый Drang nach Osten, существующій до нынѣшняго дня, въ чемъ легко убѣдится всякій, знающій положеніе южныхъ губерній Россіи. На востокъ отъ нихъ жили славяне, и съ ними-то началась отчаянная борьба, въ которой тевтоны дѣйствовали всегда навѣрняка, медленно, но настойчиво подвигаясь впередъ, не смущаясь никакими неожиданностями: своеобразныя особенности славянъ, указанныя выше, были въ глазахъ тевтоновъ глупостью, признакомъ низшей расы, и сообразно съ этимъ они повели свою тактику. Въ дѣлѣ порабощенія славянъ, тевтоны оказались способнѣе римлянъ; тѣ добивались сознательной покорности, осмысленнаго претворенія варвара въ римскаго гражданина, но, живя среди варваровъ, сами держались отъ нихъ въ сторонѣ, считая себя въ ссылкѣ, и стремились постоянно къ далекому Риму. Тевтоны поступали иначе: имъ некуда было стремиться вдаль, они не желали пересозданія славянъ въ тевтоновъ; имъ нужна была земля, которую обработывали бы даровыя руки, имъ нуженъ былъ тотъ комфортъ, который создала славянская культура, и они смѣло приходили, поселялись и предъявляли свои требованія. Если имъ сопротивлялись, они били, убивали; если имъ покорялись, то снисходительно позволяли работать на себя и дышать однимъ съ ними воздухомъ. Когда сопротивленіе становилось серьезнымъ и угрожало покончить съ пришлыми дармоѣдами, занимавшимися лишь правильно организованнымъ разбоемъ, тогда тевтоны собирались массами и начинали безпощадное и хладнокровно-обдуманное истребленіе дерзкихъ.

Въ своихъ разбойничьихъ набѣгахъ на римскія провинціи, тев-

Digitized by Google

тоны скоро ознакомились съ христіанскими проповѣдниками и оцѣнили ту пользу, которую могли извлечь изъ нихъ. Быть въ дружбѣ съ Римомъ, невольно внушавшимъ къ себѣ почтеніе, было выгодно, и тевтоны стали принимать католицизмъ, немедленно высылая миссіонеровъ къ славянамъ; тѣ сопротивлялись, конечно,—и на помощь духовнымъ просвѣтителямъ подоспѣвали боевыя дружины тевтоновъ. Такимъ образомъ, сѣверные всельники пріобрѣтали благодарность римскихъ властей и титулъ вѣрныхъ сыновъ церкви, а презираемые ими славяне считались неблагодарными, грубыми и непокорными, которыхъ надо бить и бить. Съ теченіемъ времени, тевтоны добились своей тайной цѣли и вошли хозяевами въ Римъ, но союзъ съ папами противъ упорныхъ язычниковъ остался безъ измѣненій, такъ что походы съ мечемъ въ одной рукѣ и съ крестомъ въ другой продолжались систематически до тѣхъ поръ, пока не замолкла славянская рѣчь на протяженіи отъ Рейна до Вислы. Уцѣлѣвшіе отъ истребленія славяне покорно склонились подъ игомъ тевтонскаго меча, забыли родной языкъ, утратили всѣ традиціи прошлаго и удовлетворились положеніемъ раба на той землѣ, гдѣ были властными хозяевами.

А. Быковъ.

(*Продолженіе будетъ*).

Digitized by Google

ВЪ ИЗГНАНІИ.

(На мотивъ изъ Пётефи).

Оставимъ родину, подруга,
Найдемъ пріютъ въ странѣ чужой,
Гдѣ насъ согрѣетъ небо юга
Своей лазурью голубой;
Гдѣ тайной прелести и ласки
Лѣса душистые полны,
Гдѣ мы заснемъ подъ лепетъ сказки
Адріатической волны.

Покинемъ сѣверныя степи,
Покинемъ тусклый небосводъ,
Гдѣ мы съ трудомъ влачили цѣпи
Лишеній, горя и невзгодъ;
Гдѣ мы любили, гдѣ страдали
За жизнь, за честь родной земли,
Но сердце полное печали
Отъ оскорбленья не спасли.

«За что?» не надо намъ отвѣта,
Отвѣтомъ горю не помочь,
Какъ не наполнить блескомъ свѣта
Съ тобою намъ глухую ночь.
Идя въ далекое изгнанье,
Мы все забудемъ, все простимъ:
И гнетъ, и зло, и поруганье
Надъ правды голосомъ святымъ.

Digitized by Google

А тамъ, въ чужбинѣ неизвѣстной,
Насъ приласкаютъ, насъ поймутъ,
И за стремленье къ жизни честной
Обиды злой не нанесутъ...
Земные дни пройдутъ незримо
За скромнымъ счастьемъ и трудомъ,
А въ смертный часъ странѣ родимой
Мы вздохъ прощальный отошлемъ.

Л. Медвѣдевъ.

Digitized by Google

ЦАРСТВО СМЕРТИ.

Эскизъ Гюи де-Мопассана.

Розы, розы, вездѣ розы! Поѣздъ мчится среди безконечныхъ полей изъ розъ; вѣтеръ дуетъ въ лицо, какъ ураганъ благоуханій. Другой запахъ, еще болѣе сильный и проникающій, стелется надъ первымъ; это—запахъ цвѣтущихъ апельсинныхъ и лимонныхъ деревьевъ. Стройными уступами, вверхъ по горѣ, тянутся эти деревья, и на темной блестящей листвѣ ихъ сверкаютъ, какъ звѣзды, золотистые померанцы и блѣдно-желтые лимоны. Дорога идетъ въ гору, вся окаймленная благоуханными деревьями, которые есплошь усыпаны цвѣтами и плодами вмѣстѣ. Какая-то безсознательная нѣга охватываетъ человѣка въ этомъ морѣ благоуханій, какое-то стремленіе уничтожиться, исчезнуть, потонуть въ этихъ упоительныхъ испареніяхъ.

Поѣздъ мчится дальше. Направо раскинулось Средиземное море, недвижное, тихое, густаго голубаго цвѣта, какъ огромный сапфиръ; море ласкающее, лѣнивое, не утомленное, какъ другія моря, безпрерывной борьбой волнъ съ крутыми берегами. Налѣво—цѣпь альпійскихъ горъ, покрытыхъ густою растительностью, между которой сверкаетъ по временамъ снѣжная вершина. И васъ начинаетъ преслѣдовать, и просится вамъ на уста давно извѣстный и всѣмъ знакомый мотивъ стихотворенія:

„Ты знаешь ли страну, гдѣ золотой лимонъ...“

Но вотъ поѣздъ останавливается въ какомъ нибудь городкѣ съ извѣстнымъ именемъ. Что это за странные люди

Digitized by Google

стоятъ тамъ вдоль рѣшетокъ и безпокойнымъ лихорадочнымъ взглядомъ провожаютъ поѣздъ? Почему, не смотря на жаръ и солнце, они кутаются въ плащи и опираются на чью нибудь руку? Почему ихъ впалые глаза слѣдятъ съ тоской и злобой за тѣмъ, какъ изъ вагоновъ выходятъ ихъ новые сотоварищи-больные? Потому, что эта очаровательная, благоуханная страна—больница міра, кладбище Европы!

* * *

Вотъ Ментонъ, любимое мѣстопребываніе англійской королевы. Городъ тихъ и безмолвенъ, предоставленный однимъ умирающимъ. Они бродятъ медленными шагами по берегамъ спокойнаго моря, и, когда глаза ихъ поднимаются вверхъ, они видятъ передъ собой, на вершинѣ холма, громадное кладбище, господствующее, какъ цитадель, надъ всею мѣстностью.

Такія крѣпости строятся въ городахъ на случай войны;—здѣсь же непобѣдимые бастіоны составлены изъ гробницъ. А что за мѣсто было бы для жизни—этотъ садъ, гдѣ спятъ мертвые! Розы, розы, вездѣ и повсюду розы! Есть и бѣлыя, и алыя, и ярко-красныя, и блѣдно-розовыя съ нѣжными жилками. Онѣ обвиваютъ могилы, камни, кресты, заполоняютъ каждое пустое мѣстечко. Прелестный запахъ ихъ одуряетъ, пьянитъ и кружитъ голову, какъ будто почерпая свой ароматъ изъ всѣхъ тѣхъ жизней, которыя преждевременно погибли здѣсь... потому что всѣ, здѣсь покоющіеся, умерли шестнадцати, осьмнадцати, двадцати лѣтъ. На могилахъ начертаны имена этихъ юныхъ существъ, унесенныхъ неизлѣчимымъ недугомъ. Это—кладбище вступающихъ въ жизнь, куда, какъ на дѣтскій балъ, не допускаются взрослые.

О, какія проклятія должны нестись со всѣхъ концовъ міра на эту прелестную, благоуханную, благодатную страну, на это преддверіе смерти! Сколько семействъ богатыхъ и бѣдныхъ, княжескихъ, королевскихъ и убогихъ, оставили здѣсь кого нибудь изъ своихъ; почти у всѣхъ былъ отнятъ ребенокъ, на которомъ сосредоточивались вся любовь, вся нѣжность, всѣ надежды... Повсюду, вдоль этихъ плѣнительныхъ береговъ, мы находимся въ царствѣ смерти. Но она не выказываетъ себя; она осторожно прячется, соблюдая приличія. Ее никогда не увидишь лицомъ къ лицу, хотя вѣяніе

Digitized by Google

ея слышится неустанно. Съ виду можно даже подумать, что въ этой странѣ никто не умираетъ,—до такой степени искусно обставленъ обманъ. Никогда вы не увидите на улицахъ ни гроба, ни погребальной процессіи, не услышите заунывнаго колокольнаго звона. Единственное, что̀ можетъ навести на слѣдъ, это то, что худой и блѣдный больной, вчера еще гулявшій подъ вашими окнами, не появляется больше—вотъ и все.

Въ другихъ городахъ Европы, смерть торжественно проходитъ по улицамъ, подъ роскошными балдахинами, со свитой траурныхъ каретъ, и всѣ благоговѣйно преклоняются передъ нею. Здѣсь, напротивъ, она прячется и скрывается; но какъ вездѣ чувствуется ея присутствіе! О, сколько надо розъ и померанцевыхъ цвѣтовъ, чтобъ заглушить ужасный запахъ тлѣнія!

* * *

Иногда смерть шутитъ страшныя шутки, вдругъ открываясь во всемъ своемъ безобразіи, словно подсмѣиваясь надъ человѣческими усиліями скрыть ее отъ глазъ непосвященныхъ. Есть въ Ме́нтонѣ одинъ большой домъ, гдѣ останавливаются преимущественно князья и принцы, пораженные страшной болѣзнью. Носится слухъ, что въ этомъ домѣ никто еще не умиралъ, что тутъ воздухъ такъ живителенъ, запахъ сосновыхъ деревьевъ такъ цѣлебенъ, солнце такъ тепло грѣетъ, что самые безнадежные больные поправляются и выздоравливаютъ. Поэтому, если нѣкоторые больные перестаютъ вдругъ показываться въ аллеяхъ сада, то предполагается, что они выздоровѣли и уѣхали на родину. О, да! конечно, выздоровѣли, и никакія болѣзни не страшатъ ихъ болѣе.

Въ первомъ этажѣ дома, внизу, поселился однажды принцъ крови. Онъ былъ очень плохъ, но вѣрилъ въ возможность выздоровленія, и съ надеждой ожидалъ благопріятнаго дѣйствія климата. Но вотъ, въ одну ночь, когда всѣ спали, въ домѣ раздался оглушительный шумъ и стукъ, какъ отъ раскатовъ грома. Затѣмъ, по ступенямъ лѣстницы, начало что-то скакать и катиться. Принцу показалось, что потолокъ обрушился и падаетъ внизъ. Онъ вскочилъ съ постели, схватилъ свѣчу и отворилъ дверь. Что-то сильно ударилось объ нее, и принцъ очутился лицомъ къ лицу съ трупомъ, выпавшимъ до половины изъ развалившагося гроба. По лѣстницѣ слышались

Digitized by Google

торопливые шаги бѣжавшихъ носильщиковъ, испуганныхъ своей неосторожностью. Они выпустили изъ рукъ цѣлую партію гробовъ, скатившихся внизъ съ верхней ступени до послѣдней. И вотъ двери изо всѣхъ номеровъ отворились, и всѣ обреченные на ту же участь остановились на порогѣ. Безмолвные, пораженные, ошеломленные, глядѣли они своими впалыми глазами на этихъ вчера еще живыхъ товарищей, къ которымъ завтра присоединятся въ могилѣ.

А луна мирно сіяетъ на небѣ, освѣщая дремлющія волны Средиземнаго моря, колыхающіяся легкой зыбью въ этомъ серебряномъ блескѣ. Вокругъ померанцевыхъ деревьевъ тучами носятся *лючіолы*, свѣтящіяся мухи, словно танцуютъ пламенный танецъ въ благоуханномъ воздухѣ. Онѣ летаютъ туда и сюда, разливая вокругъ себя фантастическій свѣтъ и разсыпаясь огненными, изумрудными и рубиновыми блестками по темной зелени.

О, какъ прелестна, какъ восхитительна страна смерти [1])!

---

[1]) Этотъ очеркъ Мопассана написанъ незадолго до открытія Коха. Многіе надѣются,—быть можетъ, преждевременно,—что это открытіе превратитъ страну смерти въ дѣйствительно благодатную и благословенную страну жизни.

Digitized by Google

КЛАДЪ.

РОМАНЪ.

III.

Такимъ образомъ, теперь прошло уже недѣли полторы съ тѣхъ поръ, какъ Павелъ Андреевичъ видѣлся въ послѣдній разъ съ дядей. Наступилъ іюнь мѣсяцъ. До роковаго дня оставалось пять недѣль или, пожалуй, даже нѣсколько больше,—тридцать шесть... нѣтъ, ровно тридцать семь дней.

„Ровно тридцать семь дней"!—мысленно повторилъ онъ и самъ не могъ рѣшить,—слишкомъ ли это много времени, или слишкомъ мало. Скорѣе слишкомъ много, чѣмъ мало. Теперь, когда исчезла послѣдняя надежда на Клочковскую дачу и впереди предстоитъ только одно: обратиться за деньгами къ дядѣ, тридцать семь дней—слишкомъ долгій срокъ. Тридцать семь дней, въ теченіе которыхъ у него не будетъ иныхъ мыслей, кромѣ мысли о Дивовѣ, векселѣ, трехъ тысячахъ, о томъ, какими глазами посмотритъ на него дядя „въ послѣднюю минуту", что̀ будутъ говорить о немъ люди, если его исторія съ векселемъ сдѣлается извѣстною... Тридцать семь дней тоски, тревоги, той сердечной муки, которая томитъ человѣка, не знающаго,—погибнетъ онъ или спасется... Тридцать семь дней этой невыразимой нравственной пытки!.. Нѣтъ, онъ не въ силахъ вынести... Да, къ тому же, развѣ можно откладывать обращеніе къ дядѣ до самаго послѣдняго дня? Если старикъ захочетъ уплатить эти три тысячи, то вѣдь ему понадобится же сколько нибудь времени, чтобы достать ихъ, потому что деньги у него лежатъ въ банкѣ и, по всей вѣроятности, отданы туда на какой нибудь продолжительный

Digitized by Google

срокъ. Необходимо положить на это, по крайней мѣрѣ, три дня или даже цѣлую недѣлю. Ну, пусть будетъ двѣ недѣли... Ровно за двѣ недѣли до девятаго іюля будетъ... будетъ двадцать пятое іюня,—тоже ровное число. Такъ какъ сегодня вторникъ, то двадцать пятое іюня придется въ четвергъ. Четвергъ, говорятъ, изъ счастливыхъ дней... Итакъ, пусть будетъ безповоротно рѣшено, что если до двадцать пятаго іюня не случится какого нибудь чуда, которое освободитъ его отъ петли, то въ этотъ день, въ одиннадцать часовъ настанетъ для него „послѣдняя минута“. Ровно въ одиннадцать часовъ онъ пойдетъ къ дядѣ и скажетъ ему, что если у него сохранилось еще хоть сколько нибудь старой привязанности и онъ хочетъ спасти его, то пусть достанетъ три тысячи рублей и не разспрашиваетъ ни о чемъ... Если старикъ дастъ эти деньги, тогда онъ, развязавшись съ векселемъ, найдетъ себѣ какое нибудь мѣсто и будетъ работать, какъ почтовая лошадь, будетъ жить, какъ самый послѣдній скаредъ, покуда не выплатитъ дядѣ взятыхъ у него денегъ. Если же дядя,—что совершенно невѣроятно,—откажется выручить его, ну, тогда, конечно, ему остается одно только средство расквитаться съ жизнью за всѣ вольныя и невольныя прегрѣшенія, которыя онъ надѣлалъ въ теченіе ея...

„Пусть это будетъ рѣшено безповоротно“,—мысленно повторилъ Павелъ Андреевичъ. И, странное дѣло, это „безповоротное рѣшеніе“, съ которымъ не являлось, повидимому, ровно ничего новаго, кромѣ развѣ того, что „послѣдняя минута“ была передвинута на нѣсколько дней ближе, да было назначено точно опредѣленное время для объясненія съ дядей, это рѣшеніе почти совсѣмъ успокоило Павла Андреевича. Кошмаръ, преслѣдовавшій его столько времени, разсѣялся. Мысли его, уже два мѣсяца точно прикованныя къ этимъ проклятымъ деньгамъ,—вдругъ получили свободу. Онъ будто въ первый разъ послѣ долгаго времени почувствовалъ, что солнце на небѣ стоитъ горячее, лѣтнее; что воздухъ полонъ ароматомъ травъ, цвѣтовъ и распускающихся почекъ, полонъ самой любимой его музыки,—щебетанья птицъ въ кустахъ и меланхолическаго ропота деревьевъ, тихо покачивающихъ своими вершинами отъ дуновенія вѣтра. Морщины на его лбу разгладились. Ужь богъ знаетъ сколько времени, холодные и угрю-

Digitized by Google

мые, глаза его начали принимать мягкое, хотя нѣсколько грустное выраженіе, и, наконецъ, увидѣвъ приближавшагося къ нему изъ-за кустовъ двоюроднаго брата Яшу, онъ посмотрѣлъ на него съ улыбкой, которая уже давно не показывалась на его губахъ.

Яша былъ юноша семнадцати лѣтъ, съ едва пробивающимися черненькими усиками, высокій, блѣдный, узкій въ плечахъ, съ узкою грудью. Шелъ онъ очень торопливо, безпрестанно спотыкаясь даже въ такихъ мѣстахъ, гдѣ, кажется, было не на что спотыкаться, и раза два уронивъ перекинутые у него черезъ плечо простыню и полотенце. Поздоровался онъ тоже будто куда-то спѣша и тотчасъ заговорилъ скороговоркой, обрывая слова и торопливо сопровождая ихъ размашистыми жестами:

— Ты это что еще такое выдумалъ? Канаву? А?.. Зачѣмъ тебѣ понадобилась тутъ канава?

— Канаву, да. И не одну, а двѣ. Ты видишь, тамъ, по серединѣ, образовалось цѣлое болото, на которомъ недостаетъ только куликовъ и утокъ. А когда я осушу это мѣсто канавами и засыплю безобразную трясину землей, тогда здѣсь можно будетъ развести такой садикъ, что ты же первый похвалишь меня,—отвѣчалъ Павелъ Андреевичъ.

— Да, садикъ... Ты разведешь здѣсь садикъ, а потомъ тебѣ понадобится перемѣнить квартиру или твоя старуха-хозяйка къ будущему лѣту умретъ, а ея наслѣдники попросятъ тебя выѣхать изъ ихъ дома. Тогда что будетъ съ твоимъ садикомъ? А?.. И почему ты не наймешь поденщика вырыть тебѣ эти канавы?—скороговоркой говорилъ Яша, взявъ у него изъ рукъ заступъ и неумѣло ковыряя землю.

Павелъ Андреевичъ, закуривавшій въ это время папиросу, бросилъ спичку и выпустилъ изо рта клубъ дыму.

— Потому же, почему я не нанимаю никого курить за меня табакъ, а курю самъ. Потому, что это мнѣ нравится,— сказалъ онъ, поднимая полотенце, опять свалившееся съ плеча Яши.—Ты ходилъ купаться?

— Да, купался.

— Не холодно?

— Я не знаю. Всѣ другіе, кто купается, говорятъ, что тепло... А мнѣ холодно.

Digitized by Google

— Такъ зачѣмъ же ты купаешься, если холодно?

— Зачѣмъ!.. Мнѣ сказано, что если я хочу поправить здоровье, то долженъ купаться по два, по три раза... Что же дѣлать, хоть у меня и щелкаютъ зубы другъ о дружку, вотъ такъ...

Онъ показалъ, какъ у него стучатъ зубы отъ купанья въ холодной водѣ, и продолжалъ:

— Мнѣ говорили, что если я не хочу разстроить свое здоровье еще больше, то долженъ перестать курить табакъ. Я пересталъ... бросилъ... хоть, откровенно признаться, мнѣ иногда до смерти хочется украсть гдѣ нибудь папиросочку и выкурить ее въ такомъ мѣстѣ, чтобы никто не видалъ... Что прикажешь дѣлать! Еслибы мнѣ сказали, что для поправленія здоровья я долженъ рыть канавы, я бы сталъ копать канавы, хоть у меня отъ этого только ломитъ руки и спину... Очень скверно, когда ломитъ руки и спину, но въ мильонъ разъ скверпѣе чувствовать, что ты своей болѣзнью отравляешь жизнь всѣмъ,—отцу, матери, прислугѣ, даже собакѣ и кошкѣ... А, не правда ли?

— Ну, я думаю, врядъ ли будетъ польза отъ купанья послѣ котораго стучатъ зубы,—сказалъ Павелъ Андреевичъ, взявъ заступъ изъ его холодныхъ рукъ и направляясь домой завтракать.

— Не знаю... Я недолго купался... Сначала попробовалъ въ купальнѣ, но тамъ какой-то молодой человѣкъ учился нырять и плавать подъ водой... Подъ водой онъ, должно быть, ничего не видитъ, потому что одинъ разъ попалъ мнѣ головой въ животъ, а въ другой разъ сзади ударилъ меня подъ колѣнки, такъ что я перекувырнулся...

— Семинаристъ какой нибудь.

— Почему семинаристъ?

— Или купеческій сынокъ... Семинаристы и купеческіе сынки постоянно выдумываютъ какія нибудь штуки, чтобы удивить публику, и при этомъ нисколько не заботятся о томъ, что заѣдутъ кому нибудь головой въ брюхо...

— Тогда я ушелъ... Хотѣлъ купаться съ берега... Да на берегу вездѣ сидѣли рыболовы съ удочками, — человѣкъ двѣнадцать, пятнадцать, если не больше. Не могъ же я мѣшать имъ,—я не семинаристъ и не купеческій сынъ. Я сѣлъ

Digitized by Google

было около одного старика съ крашеными въ зеленую краску удочками, но сейчасъ же и убѣжалъ поскорѣе, — чуть было не потерялъ простыню и полотенце... Ты ловилъ когда нибудь рыбу удочкой...

— Рѣдко.

— Почему рѣдко?

— Не охотникъ.

— А почему, почему не охотникъ?

— Не знаю. Потому, можетъ быть, что я больше охотникъ рыть землю и сажать цвѣты и деревья.

— Нѣтъ, можетъ быть, ты никогда объ этомъ не думалъ и поэтому самъ не понимаешь хорошенько. Какъ могутъ люди взять червяка, муху, бабочку, насадить ихъ на желѣзный крючокъ и безъ жалости смотрѣть на ихъ мученія? Муха на крючкѣ все перебираетъ лапками, точно старается сползти съ него, а червякъ крутится, вьется... Ахъ, ужасно!.. Эти люди, должно быть, никогда не испытывали сильной боли, потому что, еслибы они испытывали, то понимали бы, что червяку ужасно больно, больно!.. Я вотъ знаю, что̀ такое сильная боль. И когда я увидѣлъ на крючкѣ у этого старика корчащагося червяка, мнѣ сейчасъ же подумалось, что ему также страшно больно, какъ бываетъ больно и мнѣ, когда разбаливается голова и въ мозгъ точно вгоняютъ какой-то клинъ, все глубже, глубже,—тукъ, тукъ-тукъ...

Онъ показывалъ обѣими руками, какъ вбиваютъ ему клинъ въ мозгъ, а глаза его лихорадочно блестѣли, въ углахъ губъ виднѣлась запекшаяся слюна, похожая на пѣну. Павелъ Андреевичъ, вымывъ руки и вытерши ихъ полотенцемъ, пододвинулъ стулья къ столу, на которомъ былъ приготовленъ завтракъ,—кофе и хлѣбъ съ масломъ.

— Да, конечно,—сказалъ онъ тономъ гувернера, бесѣдующаго съ своимъ воспитанникомъ. — Однако, еслибы завтра утромъ у людей вдругъ прибавилось жалости, имъ пришлось бы прежде пожалѣть не червей, а своихъ же ближнихъ.

— И ихъ, и всѣхъ... и все, что̀ чувствуетъ боль!—вскричалъ Яша.—Зачѣмъ какая-то очередь? Жалѣть—такъ все жалѣть!.. Встрѣтилъ несчастнаго человѣка,—пожалѣй человѣка; увидѣлъ муху, упавшую въ воду,—пожалѣй и муху! Помоги,

Digitized by Google

вытащи изъ воды; не дѣлай никому боли... облегчай всякую боль!..

— Да, конечно,—своимъ обыкновеннымъ вялымъ тономъ повторилъ Павелъ Андреевичъ:—это все хорошо и даже прекрасно... Мнѣ хотѣлось бы только замѣтить, что не слишкомъ ли много будетъ работы для обыкновеннаго человѣка... Ходить и по дѣламъ несчастныхъ людей, и за больными мухами... Всего не успѣешь... Придется что нибудь оставить безъ вниманія... Да еще вотъ что я тебѣ скажу: терпѣть не могу особъ, которыя плачутъ надъ захворавшей собачкой, а людей не жалѣютъ. Лучше бы ужь никого не жалѣли.

— Чѣмъ лучше? Почему лучше?

— По крайней мѣрѣ, не было бы обидно и противно.

— Почему обидно и противно?

— Какъ тебѣ это объяснить? Я не философъ... Для собачекъ есть жалость, а для людей нѣтъ. Противна мнѣ такая жалость... Моськина жалость.

Яша задумался, жуя понравившуюся ему почему-то подгорѣлую корочку чернаго хлѣба. Ему чувствовалось, что въ словахъ двоюроднаго брата есть и правда, есть и нѣчто такое, съ чѣмъ нельзя согласиться; но въ чемъ заключается правда и въ чемъ неправда,— онъ никакъ не могъ уяснить себѣ. Мысли его остановились, точно колеса засорившихся часовъ, и не могли сдвинуться съ мѣста. Онъ морщилъ лобъ и старался припомнить слово за словомъ все, что̀ сказалъ братъ.

— Ну, что у васъ дѣлается дома? — спросилъ Павелъ Андреевичъ.

— У насъ?—разсѣянно повторилъ Яша.

— Всѣ здоровы?

— Да, живемъ... Папа безпокоился вчера, здоровъ ли ты,— что такъ давно не былъ у насъ.

— Пожалуй, что и въ самомъ дѣлѣ давно.

— Да!—вдругъ вспомнилъ Яша.—Сегодня у насъ новость. Не знаю только, серьезно ли это. Папа все преувеличиваетъ и такъ часто говоритъ, будто онъ разорился, что я ужь, право, не знаю, какъ принимать его слова. Сегодня принесли письмо, когда мы пили чай. Папа, какъ прочиталъ его, совсѣмъ растерялся. Уронилъ съ колѣнъ Лайку, поблѣднѣлъ и

Digitized by Google

какъ-то странно сталъ насъ спрашивать: „Что мы теперь будемъ дѣлать? Что мы теперь станемъ дѣлать“! Посмотритъ на меня, на Валентину Константиновну и опять: „Что же намъ теперь дѣлать?“.. Какой-то тамъ банкъ закрылся что ли,— я этого не понимаю хорошенько. Папа говоритъ, что лишился сколькихъ-то тамъ тысячъ... много... двадцати ли, тридцати ли... Однимъ словомъ, полуторы тысячи дохода. Со сколькихъ тысячъ придется полторы тысячи дохода? А?

Лицо смотрѣвшаго на него Павла Андреевича съ каждымъ ударомъ сердца становилось блѣднѣе и блѣднѣе. Его охватывалъ ужасъ, покуда еще смутный. Впечатлѣніе было въ родѣ того, какъ будто рухнуло какое-то зданіе, но въ пыли и въ грохотѣ, производимомъ падающими обломками, онъ не могъ разобрать еще ничего, даже и того,—погибъ онъ или, можетъ быть, уцѣлѣетъ.

— Можетъ быть, ничего особеннаго и нѣтъ,—продолжалъ Яша.—Сколько разъ бывало, что папа прочитаетъ какое нибудь письмо и вообразитъ богъ знаетъ что, а прочитаетъ его въ другой разъ и увидитъ, что пишутъ совсѣмъ не то... Положимъ, сегодняшнее письмо читала и Валентина Константиновна, но она ничего не понимаетъ и, къ тому же, совсѣмъ растерялась... Право, не знаю, стоитъ ли такъ теряться... Изъ-за чего?.. Развѣ намъ будетъ ѣсть нечего и жить негдѣ? А?

Но Павелъ Андреевичъ молчалъ и смотрѣлъ неподвижно-остановившимися глазами куда-то въ стѣну.

— Вѣдь ничего этого не будетъ. Папа получаетъ пенсію. Положимъ,—онъ говоритъ,—маленькую, но вѣдь, на самомъ дѣлѣ, что-то въ родѣ шестисотъ, семисотъ рублей? Это одно. Во-вторыхъ, у насъ есть домъ, въ которомъ мы живемъ сами. Потомъ дѣдушкинъ домъ на Варваринской... Положимъ, папа говоритъ, что домъ старъ и беретъ много денегъ на поправки. Но вѣдь самъ же папа какъ-то недавно сказалъ, что за этотъ домъ даютъ хоть сейчасъ одиннадцать тысячъ, потому только, что онъ стоитъ около самаго рынка. Это — уже третье. Все тысячи, тысячи... Да, кромѣ того, у насъ есть гдѣ-то тамъ земля или лѣсъ,—не знаю хорошенько, что̀ такое. Знаю только, что оттуда намъ тоже присылаютъ деньги... Со всѣхъ сторонъ деньги. А я вотъ слышалъ объ

Digitized by Google

одномъ чиновникѣ, который получаетъ семнадцать рублей въ мѣсяцъ и живетъ на нихъ съ женой, двоими дѣтьми и дѣдушкой, который клеитъ папиросные патроны... Какъ же эти пять душъ живутъ на семнадцать рублей, безъ всякихъ домовъ и земель? А?

Опять не получивъ отвѣта отъ блѣднаго и неподвижнаго двоюроднаго брата, онъ продолжалъ:

— И развѣ намъ много надо? Папа почти нигдѣ не бываетъ. Много ли ему нужно?.. Ну, надо, чтобы было тепло въ комнатахъ, надо, чтобы жаркое не было жосткое, котлеты хорошо изрублены. Надо, чтобы чай не пахнулъ вѣниками въ банѣ. Надо большую газету, которую онъ могъ бы почитать и послѣ обѣда, и вечеромъ. Мягкое кресло, въ которомъ онъ читаетъ газету, у него есть. Газета стоитъ семнадцать рублей. Халатъ онъ изнашиваетъ одинъ въ три, четыре года. Туфли стоютъ всего рубля полтора. Много ли же ему надо? Самые пустяки... Мнѣ тоже не нужно тысячъ. На что онѣ? Когда я боленъ, мнѣ ничего не нужно. Я не могу ѣсть, не пью чаю, не одѣваюсь, даже не чешу головы и не моюсь, — значитъ, мнѣ не надо даже гребенки и мыла. Надо только старое теплое пальтишко, чтобы накинуть прямо на бѣлье, и еще— уголъ, въ которомъ я могъ бы сидѣть съ утра до ночи, никому не мѣшая. Вотъ и все. А вѣдь я боленъ половину жизни. Когда же болѣзнь проходитъ, ну, тогда мнѣ, дѣйствительно, нужно и гребенку, и мыло, и порошокъ для зубовъ, и сапоги, и какое нибудь платье, да вѣдь это все недорого стоитъ. Апетита у меня почти никогда нѣтъ, — ѣмъ я немного. Франтить—не мое дѣло: знаю, что, какъ я ни разодѣнься, все останусь уродъ-уродомъ. Въ гости я почти совсѣмъ не хожу, потому что въ гостяхъ у меня всегда выдетъ непріятная исторія: или я скажу какую нибудь глупость, или поссорюсь, или уроню стаканъ со стола и оболью всѣхъ чаемъ. Какой нибудь одинъ разъ въ недѣлю нуженъ мнѣ полтинникъ, чтобы сходить въ театръ, но можно, пожалуй, обойтись и безъ этого. Или, еще лучше, сдѣлаю я такого рода реформу: стану носить простые некрахмаленныя рубашки и простые сапоги съ длинными голенищами. Это будетъ само по себѣ дешевле и, кромѣ того, не придется покупать ваксу и платить прачкамъ по пятнадцати копѣекъ за крахмаленье и глаженье.

Digitized by Google

— Ахъ, Яшурка, Яшурка!—вдругъ сказалъ Павелъ Андреевичъ съ такой тоской, что Яша встревожился.

— Что такое? Что такое? Развѣ есть еще что нибудь другое... особенное?—спросилъ онъ.

— А что?

— Ты смотришь на меня такими глазами, точно собираешься хоронить. Развѣ ты знаешь еще что нибудь такое, чего я не знаю?

— Ровно ничего. Мнѣ не хочется вѣрить даже и тому, что я услышалъ отъ тебя. Можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ, Алексѣй Тихоновичъ прочитаетъ письмо въ другой разъ — и окажется, что дѣло совсѣмъ не такъ худо. Надо будетъ пойти къ нему.

Онъ пошелъ въ другую комнату переодѣться. Яша послѣдовалъ за нимъ и, усѣвшись съ ногами на подоконникъ, озабоченно продолжалъ высказывать мысли, тѣснившіяся въ его головѣ.

— Вотъ только какъ поведетъ себя Валентина Константиновна? Положимъ, недавно горничная ворчала, что Валентина Константиновна, до замужства, сама выносила въ ведрѣ помои и мыла полы. Но вѣдь это было два года назадъ... давно. Теперь отъ Валентины Константиновны только и слышишь: „общество, общество, общество“. Конечно, нечего говорить, ей должно быть очень скучно дома, въ особенности, когда я боленъ и нагоняю тоску своими вздохами даже на Лайку. Но горе въ томъ, что это „общество“ очень дорого стоитъ. Нужны платья... Нужна горничная, чтобы крахмалить, гладить, чистить... Нужна лошадь, чтобы возить Валентину Константиновну въ общество и изъ общества. А разныя бездѣлушки, перчатки, духи, косметики?.. Да мало ли что нужно!.. Вотъ это-то меня и безпокоитъ: хватитъ ли теперь денегъ *для нея*. Мнѣ съ папой ничего не надо. Пусть она хоть все издерживаетъ на себя. Но хватитъ ли для нея всего этого? Что, если опять, какъ было прежде, у насъ пойдутъ всякія непріятности, объясненія, слезы,—папа будетъ сидѣть въ своемъ кабинетѣ и вздыхать, Валентина Константиновна будетъ лежать въ своей комнатѣ на диванчикѣ и плакать! Меня опять будутъ называть дурачкомъ, идіотомъ и юродивымъ. Ахъ, Господи! Скажи, пожалуйста, можно ей какъ нибудь обойтись

Digitized by Google

тѣми средствами, какія у насъ остаются, или нельзя? Какъ ты думаешь?

Павелъ Андреевичъ, слышавшій очень мало изъ того, что говорилъ его двоюродный братъ, отвѣчалъ не тотчасъ.

— Мнѣ кажется,—сказалъ онъ,—дѣло не въ томъ, много ли человѣкъ потерялъ и много ли еще у него осталось. Все дѣло въ томъ, что этотъ человѣкъ считаетъ себя разорившимся.

Яша посмотрѣлъ на него съ недоумѣніемъ и задумался. Ему не приходило въ голову, что братъ отвѣчалъ, не слыша его вопроса, наудачу, и онъ съ добрую минуту молчалъ, стараясь понять значеніе этого отвѣта Наконецъ, ему показалось, что онъ понялъ.

— А, да, да!—воскликнулъ онъ.—Правда! Дѣйствительно, какія бы средства у насъ ни оставались, но если папа считаетъ себя разорившимся, онъ будетъ очень, очень туго выдавать деньги. Бѣдные мы всѣ! Худо намъ придется теперь отъ Валентины Константиновны!

Павелъ Андреевичъ не сказалъ больше ни слова, покуда не пришелъ съ Яшей въ кабинетъ дяди. Старикъ, осунувшійся, постарѣвшій лѣтъ на десять, сидѣлъ въ своемъ любимомъ креслѣ, обитомъ синимъ плюшемъ, и безпрестанно сбрасывалъ пальцами какія-то соринки у себя съ халата.

— Пропали мы, братецъ, — сказалъ онъ тономъ безнадежно погибшаго человѣка, вяло поздоровавшись съ племянникомъ.

— Что такое случилось? Лопнулъ банкъ?

— Да, лопнулъ, мерзавецъ... И какъ онъ могъ лопнуть, грабитель, когда занимался такими операціями... такими вѣрными операціями? Мы только что сейчасъ вотъ говорили объ этомъ съ Валентиной,—сказалъ онъ, указывая на вошедшую въ комнату жену.

— И договорились до того, что Алексѣй Тихоновичъ слишкомъ довѣрчивъ и мягкосердеченъ, — сказала она рѣзко.— Кто хотѣлъ, тотъ и тащилъ у него деньги. Одному онѣ нужны были на вѣрныя операціи, другому сшить себѣ шубу, третьему—купить корову... Нѣтъ, довольно! Теперь буду я завѣдывать деньгами. Меня не такъ-то легко соблазнятъ „вѣрными операціями“ и не разжалобятъ. Я не очень жалостлива.

— Да, такъ будетъ лучше. По крайней мѣрѣ, я не буду

Digitized by Google

знать всѣхъ этихъ счетовъ и разсчетовъ... Буду себѣ читать газеты,—подтвердилъ старикъ, опять сбрасывая какія-то соринки съ своего халата.

Яша посмотрѣлъ на своего двоюроднаго брата унылымъ, многозначительнымъ взглядомъ. Но Павелъ Андреевичъ, прислонившись спиной къ кафельной печкѣ и заложивъ холодную правую руку подъ жилетъ, неподвижно смотрѣлъ въ землю.

— Кажется, и вы ужасно поражены этимъ неожиданнымъ несчастіемъ?—насмѣшливо спросила его Валентина Константиновна.

Она была очень зла сегодня. Во-первыхъ, ей казалось, что тѣ десятки тысячъ, которыя потерялъ мужъ, онъ отнялъ прямо у нея, потому что для него, отжившаго старика, и для его полуидіота-сына онѣ были, пожалуй, даже лишнія. Во-вторыхъ, ей именно теперь были нужны деньги. Потомъ, когда пришелъ Павелъ Андреевичъ, она разозлилась еще больше, вспомнивъ, что мужъ обѣщалъ подарить ему Клочковскую дачу, стоившую, по меньшей мѣрѣ, тысячъ пять. И вотъ, единственнымъ вознагражденіемъ за всѣ непріятныя чувства, пережитыя ею въ это утро, явилась злорадная мысль, что теперь Павелъ Андреевичъ пусть ужь извинитъ, — ему придется отложить всякую надежду и на дачу, и на другіе подарки отъ дяди. Пусть опять идетъ на службу, которую оставилъ, разумѣется, потому только, что разсчитывалъ не сегодня, такъ завтра сдѣлаться землевладѣльцемъ.

— Что?—съ недоумѣніемъ спросилъ Павелъ Андреевичъ.

— Я говорю, что, кажется, и вы ужасно разстроены этою несчастною перемѣною въ нашихъ обстоятельствахъ?—повторила она, выразительно подчеркивая послѣднія слова.

Павелъ Андреевичъ посмотрѣлъ въ ея насмѣшливые глаза и потомъ медленно оглядѣлъ ее съ головы до ногъ. Онъ понялъ все, на что она хотѣла намекнуть ему, и эта всегда антипатичная для него женщина, со слишкомъ широкими бровями, жесткими чертами лица, высокою и короткою грудною клѣткою, и толстыми бедрами,—показалась ему противною.

— Валентина Константиновна!—сказалъ онъ.—Мнѣ тридцать два года. За эти тридцать два года дядя былъ всегда добръ ко мнѣ, какъ отецъ, и многое для меня сдѣлалъ. Съ Яшей я друженъ уже семнадцать лѣтъ...

Digitized by Google

Всѣ ждали, что онъ еще что нибудь прибавитъ къ этимъ словамъ, но онъ ничего не прибавилъ и взялъ съ этажерки свою шляпу.

— Куда же ты? Я не хочу, не хочу съ тобой прощаться... Ты непремѣнно долженъ сегодня обѣдать съ нами, — заговорилъ тронутый его словами старикъ, пряча обѣ руки подъ халатъ.

— Не могу, — сказалъ Павелъ Андреевичъ и, пожавъ ему, вмѣсто руки, худое, свисшее внизъ и впередъ плечо, пошелъ изъ комнаты.

— Вѣроятно, вы опять скоро поступите на службу?— спросила Валентина Константиновна, взглянувъ на него смѣющимися, какъ ему показалось, глазами.

— Нѣтъ, по всей вѣроятности, очень не скоро,—отвѣчалъ онъ.

IV.

Онъ опять въ ту же секунду понялъ, на что она намекала своимъ вопросомъ, и съ горѣвшими отъ стыда щеками, съ сильно бьющимся сердцемъ, уходилъ изъ дома дяди, повторяя себѣ, что эта женщина—его врагъ, отъявленный врагъ. Зла онъ не сдѣлалъ ей никакого. Впрочемъ зло, даже большое, она, пожалуй, простила бы ему со временемъ. Но того, что онъ всегда не любилъ ея, всегда находилъ некрасивой, грубой, злой женщиной, совсѣмъ неподходящей къ такимъ людямъ, какъ его дядя и братъ,—этого она не проститъ ему никогда или, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, покуда онъ не будетъ находить ее красивой, умной и доброй... Она до того зла на него, что начала издѣваться надъ нимъ въ глаза, какъ только почувствовала силу на своей сторонѣ. Судя по этому, надо думать, что она уже въ достаточной степени возстановила противъ него мужа, и при случаѣ, конечно, съумѣетъ возстановить еще больше. Налжетъ чего нибудь, насочинитъ цѣлую кучу такихъ неуловимыхъ мерзостей, которыя невозможно опровергнуть; пожалуется, что онъ позволилъ себѣ дерзко и двусмысленно обращаться съ нею. Мало ли на что способна злая женщина, когда она возненавидитъ кого нибудь

Digitized by Google

и, въ особенности, когда ей приходится дѣйствовать на безхарактернаго, вполнѣ подчинившагося ей, человѣка.

Конечно, не смотря ни на что, — ни на злобу этой женщины, ни на потерю дядей нѣсколькихъ десятковъ тысячъ, — все еще нельзя сказать, чтобы была утрачена послѣдняя надежда. Если обратиться къ дядѣ, то онъ, по всей вѣроятности, даже и теперь достанетъ ему нужныя деньги, достанетъ если не ради его, то ради фамиліи, которую носятъ они оба. Но только подумать о томъ, чтобы теперь, послѣ всего перечувствованнаго имъ сегодня, обратиться къ дядѣ или, — что одно и то же, — обратиться къ Валентинѣ Константиновнѣ, которая отнынѣ будетъ распоряжаться всѣми денежными дѣлами! Только подумать, — и того достаточно, чтобы сгорѣть со стыда. А если прибавить къ этому, что, можетъ быть, вліяніе Валентины Константиновны возьметъ верхъ даже въ этомъ исключительномъ случаѣ, и дядя просто пошлетъ его къ ней, сославшись на то, что отнынѣ она завѣдуетъ всѣмъ... Ну, послѣ этого... Послѣ этого становится очевиднымъ, что пойти къ дядѣ за деньгами онъ можетъ, — развѣ только напившись до скотскаго состоянія...

Лучше ужъ судъ! Лучше тюрьма и ссылка. А всего лучше пойти и разомъ покончить всѣ свои запутанные счеты съ жизнью. Чего ждать? Хотя ему и остается еще пять недѣль до „послѣдней минуты“, но вѣдь, въ теченіе этихъ пяти недѣль, не совершится чуда, которое могло бы его выручить. Будетъ одна только долгая, мучительная пытка. И всего лучше, не подвергаясь этой пыткѣ, не дожидаясь того ужаснаго дня, когда чуть не весь городъ будетъ говорить о немъ, какъ о мошенникѣ, не дожидаясь суда и осужденія, — положить конецъ всему. Чего ждать? Ради чего дорожить жизнью? Людей, которыхъ бы онъ страстно любилъ и которыхъ ему было бы очень жаль покинуть, — такихъ людей у него нѣтъ никого. Людей, которые страстно любили бы его и стали бы жестоко страдать безъ него, — такихъ людей тоже нѣтъ ни души. Какого нибудь неоконченнаго любимаго дѣла, какой нибудь недостигнутой желанной цѣли или привязанности къ чему бы то ни было — у него опять таки нѣтъ. Ничего дорогаго въ жизни у него нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ; ничего особенно хорошаго отъ нея онъ никогда и не ожидалъ, Въ сущности, — если

Digitized by Google

разсудить хорошенько, — жизнь для него не больше, какъ дурная привычка, въ родѣ привычки курить табакъ. Курить вредно, отъ табаку накопляется скверная горечь во рту и на губахъ, временами куренье не только не доставляетъ никакого удовольствія, но даже непріятно, — и все таки куришь; рука сама собой тянется по привычкѣ за папиросой. Точно также и жизнь. Нѣтъ въ жизни никакихъ особенныхъ радостей, каждый новый день приноситъ какія нибудь новыя непріятности, порою жить невыносимо тяжело, а все таки живешь. Зачѣмъ?

Но когда Павелъ Андреевичъ, уже съ полчаса ходившій взадъ и впередъ по аллеямъ сада на соборной площади, подумалъ, что, можетъ быть, завтра же его не будетъ въ живыхъ и онъ никогда не увидитъ больше ни этого синяго неба съ плывущими по небу облаками, ни этой яркой молодой зелени на кустарникахъ и деревьяхъ, ни этой всегда горячо любимой имъ матери-земли, испещренной на половину зарывшимися въ нее корнями березъ и липъ, покрытой суетливо двигающимися по всѣмъ направленіямъ муравьями, — сердце его сжалось отъ невыразимой тоски. Онъ вдругъ почувствовалъ, что напрасно спрашиваетъ: чего жалѣть ему въ жизни? Всего жаль. Солнечнаго сіянія, колеблющихся тѣней на пескѣ дорожекъ, цвѣтка, выглядывающаго изъ зеленой травы, воркованья голубя гдѣ-то тамъ, подъ колоколами; пѣсни, которую мурлычетъ маляръ, топчась на койкѣ, подтянутой къ самой крышѣ, этой дѣвочки съ узелкомъ, что остановилась передъ папертью собора и медленно крестится, крѣпко прижимая пальцы къ плечамъ, къ груди, и съ мольбой поднявъ печальные глаза на образъ. Ахъ, всего, всего жаль!..

На площади онъ встрѣтился съ товарищемъ по полку, пріѣхавшимъ изъ лагеря за покупками. Павелъ Андреевичъ простоялъ съ нимъ минутъ двадцать, разспрашивая о полковыхъ новостяхъ и о другихъ товарищахъ, съ которыми не видался уже нѣсколько недѣль. Жаль и этихъ добрыхъ малыхъ, на кружокъ которыхъ онъ привыкъ столько времени смотрѣть, какъ на свою настоящую семью, хотя эта семья иногда разлаживалась и принималась перекоряться изъ-за какихъ нибудь дрязгъ. Но въ какой же семьѣ не бываетъ, по

Digitized by Google

временамъ, разлада? А въ общемъ всѣ они жили дружно, по возможности поддерживали другъ друга, и ни отъ кого изъ нихъ онъ не видѣлъ зла.

— Поклонитесь имъ всѣмъ низко,—сказалъ онъ. — Можетъ быть, мнѣ долго не приведется увидаться съ ними.

— Почему? Вѣдь мы не на луну ушли. Отъ города до лагеря четырнадцать верстъ, только.

— Можетъ быть, мнѣ придется не сегодня-завтра уѣхать отсюда.

— Куда еще? Далеко, надолго?

— Пожалуй, что́ и надолго, и далеко.

Простившись съ товарищемъ, онъ пошелъ все прямо, самъ не зная куда; потомъ вернулся обратно и пошелъ было домой. Но что ему дѣлать дома? Скоро онъ опять повернулъ назадъ и пошелъ къ Муравлеву.

— Не приходилъ еще Григорій Александровичъ? — спросилъ онъ горничную, отворившую ему дверь.

Не слушая отвѣта, онъ снялъ пальто и пошелъ въ кабинетъ Муравлева. Въ залѣ, черезъ которую ему надо было проходить, сидѣлъ въ углу, въ креслѣ, очень моложавый старикъ съ длинными свѣтлыми, зачесанными назадъ безъ пробора, волосами, съ акуратно подстриженной короткой бородкой и съ закрученными, прибранными волосокъ къ волоску, усами. Это былъ отецъ Григорія Муравлева. Павелъ Андреевичъ собрался было мимоходомъ пожать ему руку, но, подойдя ближе, увидѣлъ, что старикъ спитъ.

Въ кабинетѣ Муравлева, Павелъ Андреевичъ сѣлъ въ кресло и, вытянувъ ноги во всю ихъ длину, откинулъ голову на спинку кресла и закрылъ глаза. Какъ страшно онъ усталъ сегодня! Кажется, какъ никогда въ жизни. Не хочется ни думать, ни пошевельнуться. Однако, посидѣвъ съ минуту, онъ всталъ, перешелъ на диванъ и, положивъ себѣ подъ голову вышитую шерстями подушку, легъ. Ему подумалось, что, не смотря на всю свою необычайную усталость, онъ все таки не сможетъ заснуть, потому что у него горятъ щеки, сильно бьется сердце и начинаетъ разбаливаться голова. Однако, почти тотчасъ же за этою мыслью, онъ заснулъ и лежалъ, какъ мертвый, безъ признака какого бы то ни было движенія въ мускулахъ, почти безъ дыханія. Минутъ черезъ пять онъ про-

Digitized by Google

снулся, не отдавая себѣ отчета, спалъ онъ или не спалъ, и все продолжалъ думать. Въ головѣ его,—какъ прямое продолженіе прежнихъ мыслей,—проходили соображенія о томъ, какіе обидные толки пойдутъ въ городѣ послѣ его самоубійства. Одни будутъ говорить, что онъ поддѣлалъ подпись дяди на векселѣ; другіе скажутъ, что просто укралъ старый бланкъ изъ бумагъ дяди; третьи выдумаютъ еще что нибудь. Да, обидно, но вѣдь эти толки все равно поднимутся и въ томъ случаѣ, если дѣло дойдетъ до суда. Разница только та, что послѣ его смерти всѣ, кто будетъ вкривь и вкось толковать о немъ, найдутъ въ концѣ концовъ, что, какъ бы ни была велика его вина, она вполнѣ искуплена смертью. Можетъ быть, найдется даже немало людей, которые скажутъ, что онъ слишкомъ дорого поплатился за эту вину, и пожалѣютъ его. Успокоенный, до нѣкоторой степени даже растроганный мыслью, что его пожалѣютъ, онъ опять заснулъ и ему видѣлись во снѣ милыя лица какихъ-то невыразимо дорогихъ ему людей, съ которыми онъ непремѣнно долженъ разстаться, потому что иначе они сами покинутъ его навсегда.

Часа черезъ полтора пришелъ изъ банка молодой Муравлевъ, казавшійся настолько же старше своихъ тридцати трехъ лѣтъ, насколько его отецъ казался моложе своихъ шестидесяти. Высокій, худощавый, сутуловатый, съ рѣдко разглаживавшеюся морщиною между бровями, съ меланхолическими больными глазами, но холодный и вѣжливый въ обращеніи, онъ производилъ впечатлѣніе человѣка, постоянно поглощеннаго какою-то большою заботою и вмѣстѣ съ тѣмъ хорошо знающаго, что до его заботъ никому нѣтъ дѣла.

Положивъ на столъ шляпу и снимая перчатки, онъ въ недоумѣніи посматривалъ на спящаго Павла Андреевича. Будить его или не будить? Обѣдалъ онъ или не обѣдалъ?

— Павелъ Андреевичъ!—негромко позвалъ онъ его.

Павелъ Андреевичъ открылъ глаза и посмотрѣлъ на Муравлева, на картину, висѣвшую прямо передъ нимъ, на стеклянный шкафикъ въ углу, очевидно не понимая еще, гдѣ онъ находится.

— Пойдемъ обѣдать,—сказалъ Муравлевъ.

— Не хочу.

— Однако ты обѣдалъ или нѣтъ?

Digitized by Google

— Не хочу,—соннымъ, капризнымъ голосомъ повторилъ Павелъ Андреевичъ и, закрывъ глаза, зарылся лицомъ въ подушку.

Онъ понялъ теперь, что лежитъ у Муравлева на диванѣ, что Муравлевъ только что пришелъ изъ банка и пойдетъ сейчасъ въ столовую обѣдать. Такъ зачѣмъ же нужно было будить его, когда онъ совсѣмъ не хочетъ ѣсть, а хочетъ спать? Когда, черезъ часъ, Муравлевъ опять пришелъ въ свою комнату, Павелъ Андреевичъ тотчасъ же проснулся и, перевернувшись съ бока на спину, смотрѣлъ передъ собой мрачными глазами. Прощайте сновидѣнія, успокоившія его на нѣкоторое время. Конецъ короткому отдыху. Теперь опять придется биться, какъ волку въ желѣзной клѣткѣ, думать, ни до чего не додумываясь, окончательно рѣшаться на то или другое и почти тотчасъ же отказываться отъ этого рѣшенія... Онъ медленно досталъ изъ кармана портсигаръ, еще медленнѣе вынулъ изъ него папиросу и задумчиво покусывалъ ея мундштукъ зубами, спрашивая самого себя: „все“ говорить Муравлеву или не все? Муравлевъ зажегъ спичку и далъ ему закурить папиросу.

— Глупо было спать, — сказалъ Павелъ Андреевичъ.— Прошлую ночь я спалъ скверно. Вотъ теперь выспался и, разумѣется, ночью опять буду больше мучиться, чѣмъ спать.

— Ты нездоровъ?—спросилъ Муравлевъ, всматриваясь въ его осунувшееся и измѣнившееся лице.

— При смерти.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ?..

— Въ самомъ дѣлѣ, почти безнадеженъ. Если я не достану денегъ, мнѣ придется очень плохо. Будетъ „матъ“.

— А, денегъ!—проговорилъ Муравлевъ такимъ тономъ, какъ будто хотѣлъ сказать: „у всѣхъ одна и та же пѣсня, всѣмъ нужно денегъ“!—И много тебѣ нужно денегъ?

— Три тысячи.

— Чортъ побери! А къ какому сроку?

— Черезъ пять недѣль.

Муравлевъ озабоченно покачалъ головой. Онъ взялъ стулъ и, усѣвшись передъ диваномъ, на которомъ лежалъ Павелъ Андреевичъ, сказалъ:

— И что это у тебя за роковое число: три тысячи. Мѣ-

Digitized by Google

сяца два назадъ, когда ты проигрался, тебѣ тоже были нужны три тысячи... Или, можетъ быть, это тѣ же самыя?

— Тѣ самыя. Съ того проигрыша и пошла вся эта исторія,—отвѣчалъ Павелъ Андреевичъ и принялся подробно разсказывать ее Муравлеву, только по временамъ замедляя свой разсказъ и вглядываясь въ находившуюся у него передъ глазами стѣну, точно на ней были имъ сдѣланы прежде какія-то замѣтки для памяти.

Муравлевъ внимательно слушалъ его, не прерывая ни словомъ, ни жестомъ. Сначала онъ, по крайней мѣрѣ, смотрѣлъ на него. Но потомъ, когда заглянувшее въ окно солнце стало безпокоить его больные глаза, онъ пересѣлъ спиной къ свѣту и сталъ смотрѣть на ту же стѣну, на которую взглядывалъ Павелъ Андреевичъ.

— Вотъ вѣдь какое проклятое стеченіе обстоятельствъ,— сказалъ Павелъ Андреевичъ, окончивъ свое повѣствованіе.— Точно западня! Не случись у меня между бумагами этого несчастнаго векселя, ничего бы и не было. Волей-неволей я разсказалъ бы дядѣ о моемъ положеніи и получилъ бы отъ него деньги. Вотъ и все... Знаю, что мнѣ ни въ какомъ случаѣ не слѣдовало пользоваться векселемъ и что я сдѣлалъ подлость, но... говорю тебѣ, что это была точно какая-то западня съ дьявольски соблазнительной приманкой.

Муравлевъ молчалъ еще нѣсколько секундъ и потомъ сказалъ, отвѣчая не столько на его слова, сколько на свои собственныя мысли:

— Что дѣлать, мой милый. Жизнь — война. Всякій борется, какъ можетъ. Никому нѣтъ охоты, чтобы ему наступили ногой на шею и прошибли голову... Однако, — прибавилъ онъ, — я думаю, безполезно говорить о прошломъ, котораго нельзя ни воротить, ни передѣлать. Вопросъ теперь въ томъ: что дѣлать?

Павелъ Андреевичъ, почувствовавшій себя несовсѣмъ одинокимъ передъ грозившей ему бѣдой и опять начавшій питать какія-то смутныя надежды на возможность спасенія, пожалъ плечами.

— Мнѣ, по всей вѣроятности, не добыть даже и тысячи рублей,—сказалъ Муравлевъ.

Онъ задумчиво глядѣлъ въ полъ, весь наморщившись и

Digitized by Google

сдѣлавшись на видъ еще десятью годами старше; потомъ всталъ и началъ ходить изъ угла въ уголъ, отъ двери къ двери, отъ большаго письменнаго стола у оконъ къ стеклянному шкафику у дальней стѣны. Спина его горбилась все больше, голова опускалась ниже, глаза становились мрачнѣе. Отъ мыслей о безвыходномъ положеніи товарища онъ незамѣтно перешелъ къ мыслямъ о своемъ собственномъ положеніи, представлявшемся ему тоже безвыходнымъ, и мало по малу почувствовалъ себя точно въ глубинѣ какой-то бездны, сырой, холодной, а, главное, совершенно недоступной ни малѣйшему лучу свѣта. У него даже дрожь пробѣжала по кожѣ.

— Нѣтъ,—глухо сказалъ онъ, передернувъ плечами, — мнѣ ни за что не добыть даже и тысячи рублей. Дня три назадъ, мнѣ нужно было достать для Тани пятьсотъ рублей, и, знаешь ли, что изъ этого вышло? Я могъ достать только четыреста, за восемь процентовъ въ мѣсяцъ!

— Для Тани?—съ недоумѣніемъ повторилъ Павелъ Андреевичъ.

— Ну, да, для сестры Тани... Впрочемъ, мы такъ давно не видѣлись съ тобой, что ты не знаешь моихъ текущихъ дѣлъ. Нужно тебѣ сказать, что мужъ Тани увлекся какой-то актрисой, а когда она, съ окончаніемъ зимняго сезона, уѣхала въ другіе края, взялъ да и сбѣжалъ за нею. Онъ—хватъ въ этомъ отношеніи. Не задумался бросить и мѣсто, и жену съ ребенкомъ. Дней десять назадъ, Таня пріѣхала ко мнѣ съ своимъ наслѣдникомъ. Съ недѣлю жила у меня и плакала... и все клялась Богомъ,—у нея нынче самое любимое выраженіе: „клянусь Богомъ“. А потомъ объявила мнѣ, что если я не отпущу ее разыскивать мужа, то она умретъ: „клянусь Богомъ, умру“! Ну, я вовсе не хочу брать себѣ на душу такого грѣха. Я занялъ четыреста рублей за восемь процентовъ и такимъ образомъ доставилъ ей возможность ѣхать въ погоню за мужемъ.

Павелъ Андреевичъ качнулъ головой и проговорилъ;

— Не думаю, чтобы она воротила его.

— И я не думаю. Вѣрнѣе всего, что она въ непродолжительномъ времени возвратится ко мнѣ, и такимъ образомъ около меня соберется препорядочное количество членовъ семьи и домашнихъ людей. Папочка, сестра, племянникъ, его нянька,

Digitized by Google

кухарка и горничная. Шесть человѣкъ, я седьмой. Прими во вниманіе еще Ольгу. Положимъ, содержаніе этой неприхотливой бабы обходится мнѣ, по крайней мѣрѣ, вчетверо дешевле, чѣмъ обошлось бы содержаніе жены, но все таки и Ольга, при всей ея лѣни, всегда успѣетъ извести въ мѣсяцъ рублей семьдесятъ пять.

Павелъ Андреевичъ опять качнулъ головой.

— Да, эти бабы, — сказалъ онъ нерѣшительнымъ тономъ суевѣрнаго человѣка, которому приходится говорить о чортѣ.— Татьяна Александровна оставила у тебя ребенка?

— Конечно. Какъ же съ нимъ таскаться по дорогамъ?

— Слѣдовательно, къ кухаркѣ и горничной прибавилась еще нянька. Такимъ образомъ, три бабы въ домѣ, Ольга на сторонѣ—четвертая...

— Таня, рыскающая теперь по дорогамъ, — пятая. Да, пять безпутныхъ бабъ, которыя всѣ убѣждены, что если я служу кассиромъ въ банкѣ, то нечего жалѣть моихъ денегъ, потому что я во всякое время могу ихъ взять сколько угодно... Впрочемъ, нужно сказать и то, что не напрасно ли мы обижаемъ бабъ... А папочка? Чѣмъ эти бабы хуже его?..

— Что, онъ все тотъ же послѣ болѣзни?

— Хуже. Лѣтъ пять назадъ онъ былъ несравненно лучше. Теперь онъ съ каждой недѣлей становится все безшабашнѣе, такъ что иногда я съ большимъ интересомъ спрашиваю себя: до чего же дойдетъ онъ, когда ему будетъ шестьдесятъ пять, семьдесятъ лѣтъ. Нынче я и не знаю, получаетъ ли онъ изъ своей сторублевой пенсіи хоть десять рублей? Не заложена ли вся его пенсіонная книжка у какого нибудь Дивова? Недаромъ онъ собирался на дняхъ подавать прошеніе о пособіи. Совсѣмъ безстыдникъ!..

— Какъ же онъ живетъ безъ денегъ?

— Живетъ по прежнему. Утромъ и почти до самаго обѣда дремлетъ въ креслѣ, сложивъ руки на животѣ. Послѣ обѣда, вздремнетъ еще часика два. А вечеромъ пропадаетъ обыкновенно до утра, играетъ. Нынче онъ выдумалъ только новую манеру тянуть съ меня деньги; прежде онъ обыкновенно бралъ у меня „взаймы“ и „до перваго числа“ рублей пятьдесятъ, сорокъ, двадцать. Теперь же, когда я прекратилъ ему кредитъ, онъ сталъ брать у меня по рублю, по полтиннику. Ну,

Digitized by Google

какъ отказать человѣку, который проситъ всего только рубль или даже полтинникъ? Мало ли на что можетъ быть ему нуженъ этотъ полтинникъ? Даешь... Дашь и сейчасъ же забудешь. Но потомъ мнѣ стало казаться, что онъ ужь слишкомъ часто обращается ко мнѣ за этими рублями и полтинниками: и утромъ, и послѣ обѣда, и вечеромъ. Я, изъ любопытства, далъ себѣ трудъ записывать все, что̀ выдавалъ ему, и оказалось, что въ теченіе прошлой недѣли, съ воскресенья по воскресенье, онъ вытянулъ у меня ровно одиннадцать рублей семьдесятъ пять копѣекъ.

Павелъ Андреевичъ засмѣялся нервнымъ смѣхомъ.

— И оказывается, что это у него составилась такая система,—продолжалъ Муравлевъ, тоже смѣясь.—Оказывается, что онъ вытягивалъ у меня эти полтинники не потому, чтобы они были ему нужны сейчасъ, а такъ, на всякій случай, въ запасной фондъ, что ли. Не дальше какъ въ прошлую субботу, я зашелъ къ Бару: отдать ему въ передѣлку запонки.— Смотрю: мой папочка, только что выпросившій у меня рубль двадцать пять копѣекъ, покупаетъ у него брошку и серьги. „А сколько стоитъ это удовольствіе?“—спрашиваю я о нихъ у прикащика. „Шестьдесятъ пять“... И, по всей вѣроятности, еще убавилъ цѣну, потому что,—я замѣтилъ,—папочка успѣлъ во-время подмигнуть ему.

— Можетъ быть, онъ бралъ въ кредитъ.

— Кто же ему повѣритъ такія деньги въ кредитъ? Нѣтъ, я накрылъ его въ ту самую минуту, когда онъ передавалъ прикащику деньги. Да и что же мудренаго въ томъ, что у него отъ времени до времени бываютъ въ карманѣ порядочныя деньги?.. Игрокъ!.. Нѣтъ у него ничего, кромѣ нѣсколькихъ рублей,—онъ играетъ въ карты съ какими нибудь старухами, или на бильярдѣ. Выиграетъ побольше, — поведетъ игру покрупнѣе. Проиграется,—сядетъ на время спать въ кресло и сложитъ руки на животѣ. Выиграетъ, — пойдетъ покупать серьги для какой нибудь понравившейся ему толстухи. Недавно онъ сказалъ мнѣ съ самымъ задумчивымъ и недоумѣвающимъ видомъ, что—странное дѣло! — чѣмъ больше онъ старѣетъ, тѣмъ привлекательнѣе для него становятся толстыя женщины.

Оба они опять засмѣялись, но тотчасъ же вслѣдъ за этимъ

Digitized by Google

задумались и стали мрачно смотрѣть передъ собою. Все это— вздоръ и глупости. Единственное во всемъ мірѣ, что̀ заслуживало разговора, было для нихъ именно то, о чемъ они теперь думали, поникнувъ головами и сдвинувъ брови.

— Въ результатѣ этой безалаберной жизни, я опутанъ долгами, какъ... вотъ какъ тканью всей этой одежды, — продолжалъ Муравлевъ, плотно запахнувъ вокругъ груди свой сюртукъ. — Нельзя сдѣлать шагу, чтобы не наступить на какого нибудь кредитора, иногда даже на такого, о самомъ существованіи котораго я не имѣлъ никакого понятія. Не дальше какъ сегодня, у подъѣзда банка останавливаетъ меня очень приличный человѣкъ, только въ какомъ-то странномъ галстукѣ, и подаетъ мнѣ счетъ. Оказывается, счетъ отъ какого-то Ниточкина... Ниткина, кондитера... Есть такой?

— Есть Нитовкинъ.

— Ну, Нитовкинъ, все равно... Счетъ, что-то, рублей на пятнадцать... Говорю: „сколько мнѣ помнится, я не бралъ вашихъ конфектъ“. — „Его превосходительство, вашъ батюшка, изволили брать на ваше имя“. — „Для меня?!.“ — „Точно такъ-съ“.

На этотъ разъ Муравлевъ даже не засмѣялся и только махнулъ рукой.

— Конечно, все это пустяки, о которыхъ не стоило бы и говорить, еслибы не зашла рѣчь о невозможности для меня найти порядочный кредитъ, — продолжалъ онъ. — Не Богъ знаетъ какихъ трудовъ стоило бы привести все въ порядокъ. Не въ этихъ пустякахъ дѣло...

Помолчавъ секунду, онъ докончилъ дрогнувшимъ голосомъ:

— Дѣло въ томъ, милый мой, что я слѣпну...

Павелъ Андреевичъ, все время неподвижно лежавшій, вдругъ свѣсилъ ноги на полъ и сѣлъ на диванѣ, почти съ ужасомъ смотря на темныя припухшія вѣки и нѣсколько воспаленные глаза товарища. Для человѣка съ характеромъ и привычками Муравлева, ослѣпнуть—было такое страшное несчастіе, что Павелъ Андреевичъ совсѣмъ забылъ въ эту минуту о себѣ и думалъ только о томъ: что̀ будетъ дѣлать Муравлевъ, если въ самомъ дѣлѣ ослѣпнетъ?

— Слѣпну, милый мой, да! — повторилъ Муравлевъ.— Я ли не берегу глаза? Я ничего не читаю. Я пишу чуть не

Digitized by Google

дюймовыми буквами и, при этомъ, стараюсь по возможности не смотрѣть на то, что̀ пишу. Въ этомъ отношеніи я достигъ такой ловкости, что могу написать цѣлую записку, закрывъ глаза. И однако же, какъ я ни берегу зрѣніе, все чаще и чаще случается, что у меня передъ глазами вдругъ точно опустится темная занавѣска. Ты не можешь себѣ представить, что̀ я испытываю за послѣднее время!.. Иногда мнѣ кажется, что̀ я начинаю сходить съ ума. Не такъ давно, напримѣръ, въ меня закралось вдругъ подозрѣніе, что не имѣютъ ли какого нибудь вреднаго вліянія на мои глаза... обои, которыми была оклеена эта комната... Мало ли какою ядовитою дрянью пачкаютъ фабриканты свои обои? И вотъ я началъ смотрѣть на эти обои со страхомъ и ненавистью, пробовалъ на платокъ ихъ окраску, сжигалъ клочки отъ нихъ на свѣчкѣ и разсматривалъ золу... покуда не замѣнилъ ихъ другими, можетъ быть, еще болѣе вредными. И такихъ враговъ моему зрѣнію я подозрѣваю во всемъ: въ чаю, который ставятъ передо мной, въ кушаньѣ, которое подаютъ за обѣдомъ... Можетъ быть, именно въ этомъ кушаньѣ и заключается нѣчто такое, что вредно дѣйствуетъ на мои глаза?.. Очевидно, мысль принимаетъ совсѣмъ болѣзненное направленіе.

— Что же говорятъ доктора?—спросилъ Павелъ Андреевичъ, продолжавшій смотрѣть на него все съ тѣмъ же тревожнымъ участіемъ.

— Доктора!.. Что они могутъ сказать въ тѣхъ случаяхъ, когда болѣзнь имъ не по силамъ?.. „Органическое предрасположеніе“... „золотушная организація“... „трудно сказать что нибудь опредѣленное“... „во всякомъ случаѣ, необходимо дать абсолютный покой глазамъ“... Абсолютный покой! Какъ будто можно найти гдѣ нибудь абсолютный покой, кромѣ развѣ могилы... да еще существуетъ ли онъ и въ ней-то?

— Однако, въ самомъ дѣлѣ, было бы хорошо тебѣ взять отпускъ. Какъ ни бережешь ты глаза, а все таки для нихъ есть довольно работы при твоей службѣ...

— Нельзя, милый мой. Я даже скрываю, по возможности, что у меня болятъ глаза. Стоитъ мнѣ только уѣхать хоть на мѣсяцъ въ отпускъ, за мной тотчасъ же навсегда захлопнутся двери въ банкъ. Я это знаю. Съ тѣхъ поръ какъ умеръ Бухарцевъ, пригласившій меня на службу въ банкъ, я тамъ со-

Digitized by Google

всѣмъ чужой. Если я до сей поры держусь на своемъ мѣстѣ, то отчасти потому, что меня все таки настолько боятся, что не рѣшаются указать на дверь безъ всякихъ уважительныхъ причинъ; а отчасти потому еще, что ждутъ—вотъ скоро выздоровѣетъ Агличъ, должность котораго я исправляю, и тогда будетъ уже совсѣмъ легко отдѣлаться отъ меня: просто похерятъ должность помощника кассира, вотъ и все. Теперешніе директора терпѣть меня не могутъ. У одного изъ нихъ были довольно крупные личные счеты съ моимъ папочкой, когда тотъ состоялъ на службѣ. Другой всегда былъ врагомъ Бухарцева. Всѣ они вообще смотрятъ на себя, какъ на Юпитеровъ-громовержцевъ, и привыкли, чтобы простые смертные относились къ нимъ съ трепетомъ или ужь, по крайней мѣрѣ, съ самымъ глубочайшимъ уваженіемъ. Относительно же меня они знаютъ, что я не трепещу ни передъ кѣмъ, не уважаю почти никого, а на банкъ смотрю просто, какъ на воронье гнѣздо. Черныя вороны-тетки въ сѣрыхъ платкахъ, только развѣ съ желѣзными носами, — вотъ и все... Я имъ не ко двору... Они—хамы, а я—баринъ.

— Такъ что же тебѣ держаться за такое ненадежное мѣсто? Что же будетъ дальше? — съ недоумѣніемъ спросилъ Павелъ Андреевичъ.

Мелькомъ взглянувъ на него, Муравлевъ отошелъ прочь и сталъ опять ходить отъ двери къ двери, изъ угла въ уголъ.

— Дальше?.. Ну... не знаю... Можетъ случиться и то, что я ослѣпну въ скоромъ времени. Ну... тогда мнѣ дадутъ, въ видѣ единовременнаго пособія, полугодовой окладъ жалованья... А еще дальше — надо будетъ или хлопотать о томъ, чтобы меня приняли въ дворянскую богадѣльню, или учиться плести корзины, дѣлать сапожныя щетки... Что еще такое дѣлаютъ слѣпые? Желалъ бы я знать: очень это трудно для человѣка, который никогда въ жизни не утруждалъ своихъ рукъ такъ называемой черной работой, не умѣетъ даже набивать папиросы и ни разу не вычистилъ себѣ платья?.. Интересно также, скоро ли человѣкъ, привыкшій проживать не меньше пяти тысячъ въ годъ, привыкнетъ жить на нѣсколько копѣекъ въ день?.. Но всего интереснѣе, разумѣется, какъ этотъ человѣкъ, никогда не допускавшій, чтобы кто нибудь осмѣлился недостаточно вѣжливо отнестись къ нему,—

Digitized by Google

освоится съ тѣмъ, что никто не будетъ стѣсняться съ нимъ ни въ словахъ, ни въ дѣйствіяхъ?.. Недавно я видѣлъ, какъ одного слѣпаго, заѣхавшаго своей палочкой подъ ноги Ярославцевой, лакей ея превосходительства съѣздилъ мимоходомъ по шеѣ... Интересно знать, какъ тотъ человѣкъ, о которомъ мы говоримъ, почувствуетъ, когда и его съѣздятъ за что нибудь по шеѣ...

Павелъ Андреевичъ съ недоумѣніемъ скользнулъ глазами по ковру, покрывавшему весь полъ, по старымъ картинамъ на стѣнахъ, по всей дорогой и барской обстановкѣ этой комнаты. Въ его головѣ все еще никакъ не могла уложиться мысль, что Муравлевъ ослѣпнетъ и сдѣлается нищимъ. Невозможное дѣло! Это—дѣйствительно баринъ, избалованный, требовательный, привыкшій, чтобы у него и вокругъ него все было хорошо, прилично, по барски, а не какъ нибудь по мѣщански. Онъ постоянно жаловался, что на четыре тысячи получаемаго имъ жалованья становится все труднѣе жить, потому что и послѣдніе, попавшіе къ нему, остатки нѣкогда большаго состоянія матери уже прожиты. Какъ же онъ станетъ жить, когда ослѣпнетъ и у него не будетъ не только этихъ четырехъ тысячъ, но и ничего не будетъ? Тогда ему нельзя и жить.

— Такимъ образомъ, дальше для меня — бездна... буквально бездна, безъ единаго луча свѣта. Слѣпота... нищенство... униженія... все, что только можно придумать самаго страшнаго,—продолжалъ Муравлевъ послѣ недолгаго молчанія, и вдругъ спросилъ: — Послушай. Когда у тебя совсѣмъ запуталась эта исторія съ векселемъ, такъ что не представлялось никакой возможности ее распутать... ты думалъ о... о самоубійствѣ?

Павелъ Андреевичъ нахмурился и нехотя проговорилъ:

— Ну... да.

— И я думалъ. Много думалъ... Я повторялъ самому себѣ, что, когда для меня погаснетъ послѣдній свѣтъ, пусть погаснетъ и жизнь! И когда ты думалъ объ этомъ, ты говорилъ самому себѣ, что вѣдь, на самомъ дѣлѣ, въ жизни ничего нѣтъ, кромѣ зла, глупости и страданія? Ты вѣдь говорилъ это себѣ?

— Говорилъ...

Digitized by Google

— И я говорилъ... Но чѣмъ настойчивѣе ты говорилъ и повторялъ себѣ это, тѣмъ сильнѣе сказывалась въ твоемъ сердцѣ привязанность къ жизни? Вѣдь это правда? Скажи. Я вижу, что тебѣ непріятно говорить объ этомъ, но все таки мнѣ хочется, чтобы ты отвѣтилъ на мой вопросъ. Вѣдь правда?

— Ну, правда...

Муравлевъ разсмѣялся отрывистымъ смѣхомъ.

— Все то же... Все то же самое было и со мной. Жизнь— гадка, глупа, но покинуть ее—жаль. Изъ этого можно, пожалуй, сдѣлать выводъ, что глупости и гадости, можетъ быть, и есть самая настоящая наша стихія... Разсудокъ говоритъ, что надо умереть, а что-то такое въ сердцѣ и во всемъ существѣ только что не съ рыданьями возстаетъ противъ этого и настаиваетъ, что надо жить, жить во что бы то ни стало. Тогда я,—какъ почти всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ,— сдѣлалъ уступку. Я началъ говорить себѣ, что разбить себѣ голову пулей съумѣетъ всякій дуракъ... что сдѣлать это— всегда будетъ время... что покончить самоубійствомъ — все равно, что бѣжать съ поля битвы.

— Да что же, что же дѣлать?

— Не знаю...

Уже около минуты Муравлевъ стоялъ, прислонившись спиной къ растворенной двери въ залу и сжимая заложенными назадъ руками дверную ручку. Теперь онъ обернулся назадъ и, отворивъ дверь, посмотрѣлъ, — нѣтъ ли кого нибудь въ залѣ.

— Не знаю... Можетъ быть, я украду... Ну, да, украду въ банкѣ такія деньги, съ которыми можно будетъ кое-какъ прожить и слѣпому,—сказалъ онъ, опять затворивъ дверь и съ усмѣшкой смотря на Павла Андреевича.

Тотъ только отмахнулся рукой и нахмурилъ брови, досадуя на неумѣстную шутку.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, я, можетъ быть, сдѣлаю это,— повторилъ Муравлевъ.

— Къ чему говорить глупости!

— Да почему же это глупости? Почему глупости? — поддразнивающимъ тономъ спросилъ Муравлевъ и продолжалъ

Digitized by Google

улыбаться, но уже одними только губами, тогда какъ глаза его становились все мрачнѣе и суровѣе.

— Просто потому, что ты неспособенъ на это,—сказалъ Павелъ Андреевичъ, и вдругъ, вглядѣвшись пристальнѣе въ эти мрачные глаза, почувствовалъ что-то въ родѣ приступа лихорадки: руки его похолодѣли, лицо опять стало горѣть, по тѣлу пробѣжала дрожь. Въ него начало закрадываться подозрѣніе, что, можетъ быть, Муравлевъ несовсѣмъ шутитъ.

— Я неспособенъ?! Да почему же ты думаешь, что я не способенъ на это?.. А мнѣ, напротивъ, кажется, что именно я-то и способенъ больше другихъ... Потому что, въ самомъ дѣлѣ, что такое можетъ остановить меня? Подумай. Не благоговѣніе же передъ собственностью этого хищнаго воронья!.. Не боязнь же того, какъ на меня будутъ глядѣть люди! Ты знаешь, какъ я смотрю на это... Или, ты скажешь, меня остановитъ уже одна только брезгливость?.. Да вѣдь въ моемъ положеніи не до брезгливости... Говорятъ еще, что очень труденъ только первый шагъ во всякой непривычной области... Но почему ты знаешь, что перваго шага я не сдѣлалъ уже давнымъ — давно, такъ что этотъ шагъ, теперешній, для котораго я собираюсь занести ногу, будетъ, можетъ быть, не только не первымъ, но даже не вторымъ, не третьимъ, а—чего добраго—только что не десятымъ?..

— Что такое ты говоришь! что говоришь!.. Да объясни же мнѣ, наконецъ, что ты хочешь сказать этимъ... Я рѣшительно ничего не понимаю! — въ страшномъ волненіи вскричалъ Павелъ Андреевичъ и, дѣйствительно, ничего не могъ понять. По словамъ Муравлева выходило такъ, что какъ будто бы онъ уже нѣсколько разъ прибѣгалъ къ воровству, но очевидно, что это—совершенно невозможное дѣло. Не могъ, не могъ онъ этого дѣлать!

— Неужели же я говорю до такой степени невѣроятныя вещи? — спросилъ нѣсколько поблѣднѣвшій Муравлевъ, съ силою налегая обѣими заложенными назадъ руками на дверную ручку.—А мнѣ, вообрази, казалось, что я говорю о самыхъ обыкновенныхъ фактахъ, которые бываютъ каждый день. Для примѣра и поясненія, я приведу тебѣ одинъ случай. Припомни тотъ несчастный день, не такъ давно, когда ты проигралъ что-то около тысячи рублей. Сейчасъ же, какъ

Digitized by Google

только мнѣ сказалъ объ этомъ папочка, я постарался приготовить для тебя тѣ деньги, которыя былъ долженъ. Но,— припомни, — я вѣдь говорилъ тебѣ тогда, что если ты отыщешь какую нибудь возможность обойтись безъ этихъ денегъ, то выручишь меня изъ ужасно сквернаго положенія... Ну, такъ вотъ сквернность моего положенія въ томъ и заключалась, что эти деньги я... какъ это называется?.. взялъ безъ спроса въ кассѣ... Что мнѣ было дѣлать? Я вѣдь далъ тебѣ слово, что возвращу деньги тотчасъ же, какъ только онѣ тебѣ понадобятся. Между тѣмъ, денегъ у меня не было. Достать ихъ такъ скоро было негдѣ. Касса же у меня подъ рукой.

— Ну, такъ это же другое дѣло. Разумѣется, не слѣдовало этого дѣлать. Но ты вѣдь взялъ эти деньги не съ тѣмъ, чтобы припрятать ихъ себѣ въ карманъ, а съ тѣмъ, чтобы сейчасъ же возвратить ихъ.

— Если не сейчасъ, то при первой возможности, какъ это обыкновенно дѣлается, — сказалъ Муравлевъ съ блѣдной усмѣшкой, мелькнувшей на его губахъ и тотчасъ же скрывшейся. — И возвратилъ... Потомъ опять взялъ, и опять возвратилъ. Еще и еще... И въ концѣ концовъ, если порыться хорошенько въ банковскихъ документахъ, можетъ оказаться, что мнѣ тоже необходимо добыть гдѣ нибудь двѣ-три тысячи и положить въ кассу.

— Это ужасно, это ужасно! — тихо повторялъ Павелъ Андреевичъ, крѣпко вложивъ пальцы одной руки между пальцами другой.—И ты говоришь,—нѣтъ никакой возможности достать денегъ.

— Покуда — ни малѣйшей. Я тебѣ говорю, что старался достать пятьсотъ рублей, а досталъ только четыреста... Если я не ослѣпну скоро и продержусь на мѣстѣ еще мѣсяцевъ пять, шесть,—въ такомъ случаѣ мнѣ, можетъ быть, и удастся извернуться. Если же не продержусь, ну, тогда—нечего дѣлать. А между тѣмъ, нѣтъ почти никакихъ шансовъ, чтобы судьба дала мнѣ эту отсрочку. Настоящій кассиръ Агличъ долженъ воротиться къ августу, самое позднее къ сентябрю, а два, три мѣсяца — слишкомъ, слишкомъ мало времени. Я не успѣю...

Показавъ Павлу Андреевичу знакомъ, что кто-то вошелъ

Digitized by Google

въ залу, онъ воротился на прежнее мѣсто и машинально повторилъ:

— Слишкомъ, слишкомъ мало времени...

Вошелъ „папочка“, еще болѣе принаряженный, еще тщательнѣе расчесанный, въ легкомъ лѣтнемъ костюмѣ и съ какимъ-то совсѣмъ воздушнымъ галстучкомъ вокругъ шеи.

— Господа, господа, молодые люди!—укоризненнымъ тономъ сказалъ старикъ. — Въ такую прелестную погоду даже грѣшно сидѣть въ комнатѣ и заниматься философіей. Посмотрите: небо совсѣмъ голубое и ни одного облачка. На деревьяхъ не шелохнутся листья. Тепло, — двадцать градусовъ въ тѣни... Что касается до меня, то я сейчасъ же отправляюсь подышать чистымъ воздухомъ. Только дай мнѣ, пожалуйста, на дорогу рубль,—прибавилъ онъ, обращаясь уже спеціально къ сыну.

Муравлевъ досталъ изъ кармана бумажникъ и раза два пересчиталъ находившіяся въ немъ деньги. Рублевой бумажки не было.

— Нѣтъ рубля?—спросилъ старикъ.—Въ такомъ случаѣ, я могу взять и три рубля... а потомъ возвращу тебѣ сдачу.

Не говоря ни слова, Муравлевъ спряталъ бумажникъ и досталъ изъ кармановъ нѣсколько штукъ серебряныхъ монетъ.

— Двадцать... сорокъ... шестьдесятъ... восемьдесятъ... рубль,—считалъ онъ, кладя монету за монетой на ладонь папочки, и остальныя деньги положилъ обратно въ карманъ.

— Благодарю,—сказалъ старикъ.— У насъ, въ малолѣтнемъ отдѣленіи пансіона, былъ служитель, который, когда собиралъ послѣ обѣда серебряныя ложки со столовъ—никогда не считалъ ихъ, какъ обыкновенно считаютъ: одна, двѣ, три... Онъ считалъ ихъ по своему, скороговоркой: лиска, киска, щучка, штучка, гулька, пулька, утка, дудка, галка, палка... и, когда не доставало десятой ложки, говорилъ къ общему удовольствію: „Подайте палку“!.. До свиданья, господа... Идите, идите на чистый воздухъ, пользуйтесь хорошимъ временемъ, покуда оно не ушло. Барометръ падаетъ.

Сложивъ руки на колѣняхъ, понуривъ голову, Муравлевъ неподвижно сидѣлъ на стулѣ и ждалъ, скоро ли уйдетъ папочка. Но только что папочка вышелъ въ залу, стало слыш-

Digitized by Google

но, что въ нее вошелъ еще кто-то, изъ прихожей, и раскланивается съ нимъ, шаркая ногами.

— Ну, еще! Кажется это тотъ... Шлеинъ, — съ досадой проговорилъ Муравлевъ.

Павелъ Андреевичъ всталъ. Шлеинъ или не Шлеинъ, онъ все равно сейчасъ уйдетъ, потому что чувствуетъ себя не въ состояніи ни говорить о какихъ нибудь пустякахъ, ни слушать музыку, которая теперь пойдетъ на весь вечеръ, если это пришелъ Шлеинъ со своей скрипкой. Въ дверяхъ показался, дѣйствительно, Шлеинъ. Это былъ невысокій молодой человѣкъ лѣтъ двадцати трехъ, пухлый, съ бѣлымъ, точно напудреннымъ, скуластымъ лицомъ, съ длинными, свѣтлыми волосами. Всего только года четыре назадъ этотъ молодой человѣкъ служилъ копіистомъ на одной изъ дистанцій желѣзной дороги и, по всей вѣроятности, никогда бы не пошелъ дальше должности какого нибудь письмоводителя или волостнаго писаря, еслибы его, вдругъ, не вывезла далеко впередъ скрипка, на которой онъ, даже безъ особенной охоты, поигрывалъ въ часы досуга. Оказалось, что у него былъ довольно большой талантъ. Первая открыла въ немъ этотъ талантъ одна барыня, пріѣзжавшая на лѣто въ то село, въ которомъ помѣщалось управленіе дистанціей. Со словъ этой барыни обратили вниманіе на Шлеина и другіе любители, въ особенности же любительницы музыки. Шлеинъ разомъ пошелъ въ гору. Его перевели изъ села въ губернскій городъ, доставили сначала одно довольно порядочное мѣсто, потомъ другое, еще лучшее, и онъ довольно быстро поползъ все впередъ и впередъ, пролѣзая со своей скрипкой въ такія двери, въ которыя его не пустили бы безъ нея никогда или, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, покуда не стали бы въ немъ нуждаться. Держалъ онъ себя по прежнему мальчишкой-писаремъ, принесшимъ къ начальнику бумаги для подписи, одѣвался пестро, говорилъ вычурно и, помимо этого, во всемъ его существѣ,—въ тяжеломъ взглядѣ, въ злобномъ смѣхѣ, въ манерѣ скалить свои бѣлые зубы, въ привычкѣ косить глаза и стискивать челюсти, — постоянно чувствовалось что-то жосткое и тупое. Бывшіе его товарищи разсказывали о немъ, что онъ былъ, дѣйствительно, жестокій мальчишка и чуть ли не высшее удовольствіе для него заключалось въ томъ, чтобы поймать ворону или галку

Digitized by Google

и прибить ее, живую, гвоздями къ дереву,—изловить ребенка, забравшагося къ нему въ садъ за яблоками, и мучить его, какъ кошка мучитъ мышь, покуда у несчастнаго воришки не почернѣетъ лицо и не станутъ закатываться глаза подъ лобъ,—вывести изъ терпѣнія свою любовницу, шестнадцатилѣтнюю дѣвчонку, и, когда та выругаетъ или ударитъ его, схватить ее за руки, закрутить ихъ такъ, чтобы онѣ почти вышли изъ своихъ суставовъ, потомъ связать ее, раздѣть и бросить нагую въ крапиву. Несомнѣнно, это былъ звѣрь. Но когда этотъ звѣрь бралъ скрипку и, какъ-то курьезно оттопыривъ верхнюю губу,—точно подъ нею вдругъ появлялся откуда-то невидимый орѣхъ,—начиналъ играть, изъ его инструмента лились такіе мягкіе чарующіе звуки, что впечатлительному слушателю казалось, будто какая-то волшебная сила уноситъ его все выше, выше, все дальше и дальше отъ этой бѣдной земли съ ея зловонною грязью, повседневнымъ страданіемъ и возмущающимъ сердце звѣрствомъ. По выраженію Муравлева, у этой скотины очевидно была душа, только она жила не въ немъ, а въ его футлярѣ со скрипкой.

— Я слышалъ, что Алексѣй Тихоновичъ, вашъ дядюшка, испытали большое несчастіе. Говорятъ, они потеряли большія деньги по случаю несостоятельности банка, — сказалъ Павлу Андреевичу Шлеинъ, бывшій короткимъ пріятелемъ съ его другимъ двоюроднымъ братомъ, Васильемъ Араповымъ, и поэтому считавшій себя до нѣкоторой степени даже обязаннымъ выразить скорбныя чувства по поводу этого несчастія.

— Я не знаю... Можетъ быть, дядя вовсе не хочетъ, чтобы объ этомъ толковали на всѣхъ улицахъ... Ничего не могу вамъ сказать,—отвѣчалъ Павелъ Андреевичъ, сердясь, что этотъ бѣлый прыщъ позволяетъ себѣ распространяться о несчастіяхъ человѣка, съ которымъ онъ если и встрѣчался раза два, то не иначе, какъ на улицѣ.

— Слышно даже, что это несчастіе неблагопріятно подѣйствовало на здоровье Алексѣя Тихоновича,—точно также полувопросительно прибавилъ Шлеинъ.

— Не знаю. Я сегодня утромъ видѣлся съ дядей и оставилъ его въ добромъ здоровьѣ,—сухо сказалъ Павелъ Андреевичъ, совсѣмъ собравшійся уходить.

Муравлевъ проводилъ его до прихожей и, когда они во-

Digitized by Google

шли въ нее, сказалъ ему съ очень многозначительнымъ взглядомъ:

— А вѣдь легко могло случиться, что Алексѣй Тихоновичъ и въ самомъ дѣлѣ захворалъ отъ огорченія...

Павелъ Андреевичъ, недоумѣвавшій, что онъ хотѣлъ сказать своимъ взглядомъ и этими словами, вопросительно посмотрѣлъ на него, но, не получая никакого дальнѣйшаго поясненія, пробормоталъ нѣчто въ родѣ того, что, конечно, случиться все можетъ, и ушелъ. Только уже внизу лѣстницы, передъ выходною дверью, онъ вдругъ понялъ значеніе словъ Муравлева. Вѣдь, еслибы дядя серьезно захворалъ и умеръ, тогда вся гроза, собравшаяся надъ головою его, Павла Андреевича, прошла бы мимо. Ни одна душа въ мірѣ не могла бы тогда сказать, откуда онъ взялъ вексель, выданный имъ Дивову. Деньги по этому векселю были бы уплачены изъ имущества, оставшагося послѣ дяди, а потомъ онъ, Павелъ Андреевичъ, мало по малу выплатилъ бы ихъ Яшѣ, у котораго, послѣ смерти отца, можетъ быть, не будетъ ровно ничего своего, такъ какъ старикъ, по всей вѣроятности, оставитъ все свое состояніе не больному и неумѣющему распоряжаться деньгами сыну, а женѣ. Все могло бы устроиться благополучно.

Н. Бажинъ.

(*Продолженіе будетъ*).

Digitized by Google

БРАТЪ И СЕСТРА.

Подъ той же кровлею родной
Отрадный свѣтъ они узрѣли,
Подъ шопотъ пѣсенки одной
Ихъ колыхались колыбели.
Степной природы красота,
И тѣже звуки и цвѣта
Ихъ чувства съ дѣтства поражали,
Ихъ тѣ же люди окружали.
Но одинаковый посѣвъ
Взошелъ различно. Онъ сталъ рано
Любимцемъ общимъ, нараспѣвъ
Читалъ стихи, на фортепьяно
Игралъ не съ дѣтскимъ огонькомъ
И пѣсни пѣлъ не съ дѣтскимъ чувствомъ;
Гостей при всѣхъ плѣнялъ искусствомъ
И передразнивалъ тайкомъ.
Она талантовъ не имѣла,
Но книжный впитывала ядъ:
Твердила правду невпопадъ,
Солжетъ ли кто другой, краснѣла
И рано слезы пролила
О томъ, что въ мірѣ много зла.
Такъ сердца смутное влеченье
Имъ жребій разный предрекло,
И много лѣтъ съ тѣхъ поръ прошло,—
Сбылося дѣтства предреченье!

Digitized by Google

Столица ожила. Осенній мракъ смѣненъ
Для бѣдняковъ зимой, для баръ—сезономъ зимнимъ.
Въ театрѣ свѣтъ. Къ его сѣнямъ гостепріимнымъ
Нарядная толпа спѣшитъ со всѣхъ сторонъ,
Пѣшкомъ, въ извощичьихъ саняхъ или въ каретахъ.
Сегодня будетъ пѣть—молвою и въ газетахъ
Прославленный—теноръ... до вешнихъ дней кумиръ.
И всѣ: хохолъ-студентъ, и меломанъ-банкиръ,
И гость провинціи—рабъ суеты столичной,—
И щеголь, ищущій для разговора темъ,
И дама свѣтская—всѣ съѣхались затѣмъ,
Чтобъ услыхать пѣвца иль поскучать прилично.
И вотъ пѣвецъ поетъ.
Смягченный полусвѣтъ
На душный льется залъ, украдкой озаряя
То наготу плеча, то яркій туалетъ,
И надъ чернѣющимъ партеромъ замирая.
Весенній ароматъ одеждой дамъ разлитъ
И въ теплыхъ сумеркахъ, какъ тайный грѣхъ, паритъ...
Въ оркестрѣ тѣснота. Огней полузакрытыхъ
Мерцаютъ отблески на мѣди трубъ сердитыхъ
И руки бѣгаютъ, и застываютъ вдругъ,
И вихрь мелодіи разносится вокругъ.
Но взоры тысячъ глазъ обращены на сцену.
Тамъ, парикмахеромъ въ Отелло превращенъ,
Пѣвецъ, вниманіемъ толпы завороженъ,
Поетъ ей про любовь и плачетъ про измѣну.
Какъ много страсти въ немъ! Какъ тонко вникъ онъ въ роль
Какъ волосы завилъ! Какъ тянетъ si-bémol!
Вотъ приближается онъ къ спящей Дездемонѣ:
Ужасенъ взоръ его, въ лицѣ кровинки нѣтъ!
Вотъ душитъ... Задушилъ... Тогда въ минорномъ тонѣ
Онъ жалобно поетъ послѣдній свой дуетъ,
И въ темный людный залъ, восторгомъ насыщенный,
Изъ груди страждущей летитъ за звукомъ звукъ,—
И долго сдержанный восторгъ прорвался вдругъ!
Какъ ураганъ, какъ громъ, волнами повторенный,
Рукоплесканія и крики раздались,
И, чайками въ грозу, платки въ рукахъ взвились.
Толпа бѣснуется, кричитъ до истощенья
И словно говоритъ:

Digitized by Google

— Ты понялъ насъ вполнѣ,
Ты дорогъ намъ, пѣвецъ! Живя какъ бы во снѣ,
Мы любимъ безъ огня и мстимъ безъ увлеченья,
И скученъ нашъ романъ, какъ въ осень вѣтра свистъ.
Но въ жизни сумрачной и безобразно-лживой,
Мы жаждемъ иногда лжи яркой и красивой,
И ты намъ далъ ее, разряженный артистъ!
Такъ будь благословенъ за этотъ даръ сирены:
Тебѣ—восторги женъ, вѣнки цвѣтовъ, почетъ!—
Такъ говоритъ толпа, и ей въ отвѣтъ со сцены
Растроганный теноръ поклонъ глубокій шлетъ...
Но средь толпы сидѣлъ одинъ безмолвный зритель,
Должно быть, музыки неопытный цѣнитель.
Его не увлекли ни голосъ, ни костюмъ.
Онъ слушалъ и глядѣлъ, разсѣянъ и угрюмъ.
Когда жъ раздался громъ всеобщихъ ликованій,
Его не тронуло искусства торжество,
И онъ тайкомъ вздохнулъ, богъ знаетъ отчего...

То не гроза шумитъ, не громъ рукоплесканій,—
То въ полуночный часъ расплакалась мятель,
То вихорь разметалъ сѣдой зимы постель.
Въ убогой комнатѣ, одна съ тоской безсонной,
Поникла женщина бозсильной головой,
И жадно слушаетъ мятели скорбный вой,
И много въ эту ночь ея душѣ смущенной
Онъ, плача, говоритъ,—и силы нѣтъ пресѣчь
Укоровъ и угрозъ исполненную рѣчь:
—Зачѣмъ, безумная, во имя правды новой,
Дерзнула ты на споръ съ преданьями вѣковъ!
Ты людямъ не нужна съ своей тоской суровой,
Твоя любовь для нихъ презрѣннѣе оковъ!
Безцѣльно, какъ въ бреду, ты дни свои сгубила.
Спасла ли ты кого? чью муку искупила?
Ужь міръ забылъ тебя, похоронилъ давно!
Какъ прежде, онъ живетъ, скучающій и старый,
О многомъ говоритъ, но любитъ лишь одно:
Восторговъ чувственныхъ отравленныя чары.
А тотъ, кто, согнутый подъ жизненнымъ ярмомъ,
Причиной былъ твоей тоски великодушной,—
Онъ даже не слыхалъ объ имени твоемъ;

Digitized by Google

Услышавъ, осмѣетъ со злобой равнодушной
И наругается надъ памятью твоей.
На что еще таишь безумныя надежды?
На судъ исторіи? Что̀ поздній судъ дѣтей!—
Ученыхъ праздный споръ иль буйный крикъ невѣжды...
Блаженъ, кто побѣдилъ, кого вѣнчалъ успѣхъ!
Ему исторія кадитъ въ раздумьѣ важномъ,
Ему художникъ льститъ на полотнѣ продажномъ,
Ему и міръ проститъ свершонный втайнѣ грѣхъ!
Но горе тѣмъ глупцамъ, кто, не измѣривъ силы,
Довѣрился мечтѣ взволнованной души:
Остынетъ ихъ мечта въ невѣдомой глуши,
Безъ лавровъ—подвигъ ихъ, безъ надписей—могилы.
И сколько вынесли ихъ гордыя сердца,
Какъ въ одиночествѣ ихъ жизни догорѣли,—
О томъ повѣдаютъ лишь сѣвера мятели,
Да запоздалый стихъ грядущаго пѣвца!..

Н. Минскій.

Digitized by Google

НАША ПРОТЕКЦІОННАЯ СИСТЕМА.

(Экономическій очеркъ).

Издавна среди экономистовъ, какъ теоретиковъ, такъ и практиковъ, ведется великій споръ о томъ, какой системы государство должно придерживаться относительно произведеній иностранной промышленности. Этотъ споръ ведется съ ожесточеніемъ, и ни одна сторона не уступаетъ другой ни на іоту; иногда, въ періодъ, когда правительство дѣлаетъ какіе либо шаги въ этомъ направленіи, все вниманіе образованной и читающей публики направлено на изученіе и освѣщеніе этого важнаго вопроса. Споръ еще болѣе разгорается и столбцы періодической печати переполнены статьями pro и contra протекціонизма. Такой именно періодъ переживаемъ мы теперь, когда при министерствѣ финансовъ образовалась комисія по пересмотру таможеннаго тарифа. Наша печать раздѣлилась на два рѣзко-противоположныхъ лагеря: съ одной стороны защищается свобода промышленности, необходимость уменьшенія таможенныхъ тарифовъ; съ другой—очень незначительной, впрочемъ,—требуютъ увеличенія этихъ пошлинъ во имя всероссійской промышленности. Помимо газетныхъ статей, мы встрѣчаемъ также за послѣднее время нѣсколько монографическихъ работъ по тому же вопросу; въ особенности обращаетъ на себя вниманіе записка императорскаго вольно-экономическаго общества. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что она представляетъ самую полную и лучшую оцѣнку всей нашей таможенной политики. Записка эта замѣчательна еще тѣмъ, что она не является теоретическимъ трактатомъ о протекціонизмѣ, не вдается въ область абстракціи и не злоупотребляетъ сравнительнымъ методомъ, который въ данномъ случаѣ едва ли можетъ много помочь. Эти сопоставленія Америки и Англіи такъ далеки отъ истины и такъ мало говорятъ уму человѣка, хоть мало мальски знакомаго съ выводами экономической науки, что удивляешься: какъ ихъ авторы могутъ думать, что они дѣлаютъ серьезное дѣло, предпринимая экскурсію въ область сравнительнаго изученія послѣдствій охранительной политики и свободной торговли?

Народное хозяйство не представляетъ изъ себя нѣчто оторванное отъ почвы: оно тѣсно связано съ характеромъ народа, его

Digitized by Google

обычаями и нравами; климатъ и почва страны, географическія и этнографическія условія вліяютъ поразительнымъ образомъ на экономическую дѣятельность народа. Нельзя ставить вопросъ объ охранительной политикѣ и свободной торговлѣ внѣ мѣста и времени и пытаться разрѣшить его абстрактно. Если спорящія стороны спустятся съ облаковъ на землю и возьмутъ именно опредѣленную страну, изучатъ ея экономическій бытъ, строй жизни, характеръ народа, то тогда они убѣдятся, что споръ въ общей формѣ ни къ чему не приведетъ, а будетъ плодить все больше и больше недоразумѣній. Правда, та и другая сторона и теперь прибѣгаютъ къ фактамъ, но они: во 1) являются у нихъ тенденціозно подобранными и потому мало заслуживающими довѣрія; во 2) собираніе этихъ фактовъ далеко не полное и мало освѣщаетъ вопросъ.

Вопросъ о таможенной пошлинѣ находится въ тѣсной связи со многими другими вопросами нашей хозяйственной и государственной жизни, а потому выясненіе этихъ сторонъ должно быть на первомъ планѣ. Въ зависимости отъ того, какая будетъ принята таможенная политика, стоитъ вопросъ о русскомъ капитализмѣ, о русской земледѣльческой промышленности; поэтому, не забѣгая впередъ, мы постараемся выяснить, какое вліяніе будетъ имѣть та или другая политика на ходъ нашего хозяйства.

I.

Россія представляетъ изъ себя страну по преимуществу земледѣльческую: около 90 проц. ея населенія занимается исключительно земледѣліемъ; притомъ добрыя три четверти ея пространства принадлежатъ крестьянскимъ общинамъ, которыя служатъ сильнымъ препятствіемъ къ развитію у насъ безземельнаго пролетаріата. Далѣе, наряду съ общиною, мы встрѣчаемся со своеобразнымъ явленіемъ—кустарнымъ промысломъ, который еще очень мало изслѣдованъ, но представляетъ очень много интереснаго и свидѣтельствуетъ объ особыхъ свойствахъ нашей хозяйственной организаціи. Такова экономическая жизнь нашего крестьянина; она выливается въ формѣ общинъ и кустарнаго промысла, стоящаго, конечно, на очень низкой ступени техническаго совершенства.

Если мы коснемся теперь хозяйственной жизни другихъ классовъ нашего общества, то увидимъ съ одной стороны дворянъ-землевладѣльцевъ, которые отчасти живутъ въ своихъ помѣстьяхъ и занимаются своими имѣніями, отчасти переселились въ столицы и состоятъ на службѣ, предоставивъ веденіе хозяйства прикащикамъ—управляющимъ. Хозяйственная сторона жизни этого класса людей представляетъ ту особенность, что они являются неподготовленными къ борьбѣ съ наростающимъ у насъ классомъ промышленниковъ, стремящихся вести и сельское хозяйство на началахъ капиталистическихъ. Привыкшіе къ даровому труду, наши помѣщики не могутъ свыкнуться съ мыслью, что крупное землевладѣніе тогда только можетъ быть выгодно, если оно будетъ вес-

Digitized by Google

тись раціонально. Послѣдній классъ, только народившійся у насъ—это городское сословіе, промышленники и торговцы, предъявляющіе довольно громко свои права на общественное вниманіе. Россія далеко отстала въ промышленномъ отношеніи отъ западной Европы и находится еще на первыхъ ступеняхъ капиталистической лѣстницы; поэтому теперь нетрудно слышать голоса, исходящіе изъ устъ именно промышленниковъ или бюрократовъ-доктринеровъ, вопіющихъ о нашей экономической отсталости, о слабомъ развитіи нашей промышленности, о необходимости разработки естественныхъ богатствъ и поднятіи нашей внѣшней торговли. Эти господа промышленники и доктринеры прикрываются, конечно, маской народныхъ интересовъ; они якобы радѣютъ о національной самостоятельности и независимости даже въ экономическомъ отношеніи, а на самомъ дѣлѣ являются слѣпыми подражателями запада и диктуютъ намъ такой образъ дѣйствій, который рѣзко расходится со всѣмъ строемъ нашей жизни. Они хотятъ измѣнить теченіе нашей хозяйственной жизни, наполнить Россію дымящимися трубами фабрикъ, одѣть всѣхъ русскихъ пейзанъ въ блузы фабричныхъ рабочихъ и, что есть мочи, производить свои русскія издѣлія, но для кого и зачѣмъ, они сами едва ли отвѣтятъ. Для этой своей цѣли они хотятъ ввести по возможности бо̀льшія тарифныя пошлины, вытѣснить изъ нашего внутренняго рынка англійскіе, французскіе и нѣмецкіе товары, и имѣютъ даже намѣреніе выступить ихъ конкурентами на всемірномъ рынкѣ. Такова задача нашего немногочисленнаго промышленнаго класса, а также нѣкоторыхъ сочувствующихъ имъ доктринеровъ. Если мы вникнемъ поглубже въ эти требованія промышленниковъ, то замѣтимъ тутъ глубокое соціальное явленіе—это процессъ роста нашего капитализма.

Никто, конечно, не станетъ отрицать, что Россія стоитъ еще на очень низкой ступени капиталистической лѣстницы; промышленность мало развита въ ней и бо̀льшая часть населенія живетъ вполнѣ самостоятельно. Правда, этой самостоятельности не позавидуетъ самый зависимый англійскій рабочій, но фактъ, что большинство нашего населенія живетъ на своей землѣ, питается своимъ хлѣбомъ и не принуждено продавать своего труда, свидѣтельствуетъ о томъ, что капиталъ у насъ еще сдѣлалъ очень мало, что онъ не имѣетъ благопріятной почвы для своего развитія.

Съ легкой руки Маркса, основателя интернаціональнаго общества, утверждаютъ, что процессъ обобществленія труда можетъ идти только путемъ капитализма. Въ своей знаменитой критикѣ политической экономіи, въ книгѣ «Капиталъ», онъ со свойственными ему талантомъ и эрудиціей старается указать на примѣрѣ Англіи тотъ путь, по которому должно пойти экономическое движеніе. По его мнѣнію, крупный капиталистъ, какъ болѣе сильный, убиваетъ мелкаго капиталиста, который послѣ долгой борьбы превращается въ наемнаго рабочаго. Вслѣдствіе такого поглощенія крупнымъ капиталистомъ мелкаго, настанетъ, по мнѣнію Маркса, такая пора, когда весь міръ будетъ принадлежать нѣсколькимъ крупнымъ милліонерамъ, а всѣ остальные будутъ ихъ наемными работ-

Digitized by Google

никами въ той или другой формѣ. Когда трудъ, такимъ образомъ, обобществится и рабочіе будутъ пріучены къ труду сообща, то настанетъ тотъ моментъ, когда возможно будетъ отобрать въ вѣдѣніе государства всѣ орудія труда и передать ихъ въ распоряженіе рабочихъ. Таковъ путь, по которому пойдетъ дальнѣйшее развитіе капитализма. Эта гипотеза подтверждается массой фактовъ изъ исторіи Англіи. Нетрудно поэтому убѣдиться, что сильное развитіе капитализма на западѣ дойдетъ именно до этого предѣла рано или поздно, если не окажется препятствій этому движенію. Такую же участь должны испытать всѣ государства, одни раньше, другіе позже.

Россія, слѣдуя развитію своихъ экономическихъ силъ по стопамъ запада, должна, конечно, подлежать тому же закону. Мы, такимъ образомъ, будемъ добиваться обобществленія труда путемъ тяжкихъ испытаній запада, разрушая тѣ задержки, какія представляются намъ теперь: именно, общину и кустарный промыселъ, отдавая ихъ въ жертву ихъ наростающему кулачеству. Протекціонизмъ—въ той формѣ, какъ онъ практикуется у насъ, т. е. въ формѣ строгаго покровительства нашей промышленности,—долженъ, по нашему крайнему убѣжденію, привести къ развитію капиталистическаго производства; этого, впрочемъ, добиваются и наши протекціонисты: они хотятъ подчинить внутренній и даже по возможности внѣшній всемірный рынокъ нашей промышленности, чтобы снабжать насъ и даже иностранцевъ продуктами внутренняго отечественнаго производства. Выступивъ на арену промышленной дѣятельности гораздо позже, чѣмъ наши сосѣди, Россія съ одной стороны поставлена въ худшія, а съ другой—въ лучшія условія. Худшія условія—тѣ, что намъ приходится бороться съ такими производителями, которые пріобрѣли громадный навыкъ и техническую подготовку къ производству. У нихъ имѣются и дешевые капиталы, и способные работники, и образованные техники, и удобные пути сообщенія, и школы, о которыхъ мы составили себѣ только слабое представленіе. Понятно, что борьба тяжела, она требуетъ поддержки и покровительства, но желательна ли она вообще и будемъ ли мы болѣе счастливы, если станемъ сами производить многое изъ того, что́ въ настоящее время привозимъ изъ-за границы? Отвѣтъ на этотъ вопросъ нельзя дать сразу; его необходимо нѣсколько расчленить. Нужно выяснить: во 1) что промышленность отечественная можетъ дать временную работу извѣстной части населенія въ теченіе зимы, или постоянную тому населенію, которое вообще не можетъ заниматься земледѣліемъ по скудости почвы или суровости кли мата; во 2) необходимо выяснить, насколько эта работа, которой мы займемъ нашего крестьянина, сдѣлаетъ его болѣе счастливымъ и экономически обезпеченнымъ. Рѣшеніе первой части вопроса отчасти даетъ намъ возможность отвѣтить и на второй вопросъ. Мы сказали, что Россія, какъ страна, поздно вступившая на путь капитализма, находится съ одной стороны въ худшихъ, а съ другой—въ лучшихъ условіяхъ, чѣмъ страны западной Европы. Лучшія условія состоятъ въ томъ, что Россія имѣетъ то преимущество предъ всѣми другими странами, раньше ея вступившими на этотъ путь,

Digitized by Google

что она можетъ пользоваться богатымъ опытомъ своихъ предшественницъ: она избавлена отъ необходимости ощупью доискиваться того, чего, трудомъ многихъ поколѣній, добилась уже Европа; предъ ней раскрыты всѣ техническія и притомъ самыя новыя усовершенствованія. Приступая къ содѣйствію своей промышленности, она не должна переживать того, что̀ пережили всѣ до нея. Она сразу можетъ примѣнить всѣ усовершенствованія въ области техники, сразу приноровиться къ тому, что̀ добыто путемъ тяжелыхъ усилій, что̀ стоило трудовъ многимъ тысячамъ людей.

Когда Англія вступала на путь промышленности, она должна была занять гораздо большее количество людей, чѣмъ теперь. Промышленность, такимъ образомъ, привлекала тамъ и созидала цѣлый классъ людей, оторванныхъ отъ почвы и связанныхъ тѣсными узами съ фабрикой; она занимала въ своихъ фабрикахъ, заводахъ, докахъ и корабляхъ тотъ излишекъ народныхъ силъ, который не могъ прокормиться землей. Ко тому же стремятся, повидимому, и наши протекціонисты: они хотятъ труда для нашего крестьянина, мало или совершенно не надѣленнаго землей; они ищутъ занять тотъ нашъ людъ, который по климатическимъ условіямъ не можетъ прокормиться земледѣліемъ.

Еслибы эта цѣль была достижима, еслибы можно было пособить какому нибудь вологодскому или архангельскому крестьянину доставленіемъ ему заработка на фабрикѣ, то можно было бы временно пожертвовать интересами потребителей и всѣми мѣрами поощрять русскую промышленность, въ надеждѣ на то, что русскій человѣкъ, обезпеченный работой, не будетъ принужденъ корпѣть въ своемъ бѣдномъ домишкѣ, питаясь хлѣбомъ пополамъ съ мякиной, такъ какъ бѣдная природа не можетъ дать ему ничего больше. Но въ томъ-то и дѣло, что разсчеты эти разбиваются послѣ серьезныхъ размышленій и достаточнаго изученія вопроса. Въ статьѣ: «Русская промышленность и ея нужды» мы находимъ слѣдующую таблицу, касающуюся исторіи русскихъ фабрикъ и заводовъ, не обложенныхъ акцизомъ:

Годы.	Число фабрикъ.	Число рабочихъ.	Сумма производства въ рубляхъ.	Производ. одного рабочаго въ рубляхъ.
Въ 1761 г. . .	200	7,839	2.122,000	около 300 р.
» 1804 » . .	2,423	95,202	26,750,000	
» 1842 » . .	6,930	455,827	97.865,000	
» 1854 » . .	9,444	459,637	151.985,000	» 330 »
» 1866 » . .	16,451	393,371	342.910,000	» 870 »
» 1870 » . .	18,892	463,093	452.000,000	» 975 »
» 1877 » . .	—	417,000	379.000,000	» 900 р.

Какой выводъ можно сдѣлать изъ этихъ цифръ? До 1842 года производительность труда почти не измѣнялась и сумма производства возрастала параллельно съ увеличеніемъ числа рабочихъ. Послѣ 1842 года, когда англійскія машины разрѣшены къ свободному привозу, рядомъ съ увеличеніемъ оборотовъ, идетъ

Digitized by Google

уменьшеніе числа рабочихъ [1]). Вслѣдствіе примѣненія машинъ, производительность труда съ 300 р. выросла до 975 р. Поэтому число рабочихъ рукъ будетъ все болѣе уменьшаться, и цѣль, къ которой стремятся господа протекціонисты, желающіе занять фабричнымъ трудомъ ту часть населенія, которая при болѣе интенсивномъ сельскомъ хозяйствѣ, или просто при невозможности заниматься земледѣліемъ, совершенно останется безъ работы,—не будетъ достигнута, такъ какъ привилегированное положеніе русскаго капитализма способствуетъ прямому переходу къ лучшимъ орудіямъ производства и значительному увеличенію производительности труда, что, конечно, уменьшаетъ количество требуемыхъ для промышленности рабочихъ рукъ. Такимъ образомъ, протекціонизмъ. способствующій насажденію у насъ фабричной и заводской промышленности, приведетъ къ наполненію внутренняго рынка отечественными товарами; крестьяне не будутъ имѣть покупателей. Между тѣмъ, благосостояніе массы будетъ все болѣе и болѣе истощаться, такъ какъ, благодаря тарифамъ, цѣна товара увеличивается и лишаетъ нашего крестьянина возможности улучшить свою обстановку.

Мы не можемъ, конечно, похвастать обезпеченностью нашего сельскаго населенія: большинство его живетъ изъ рукъ вонъ плохо, безъ всякаго намека на какія либо удобства или комфортъ. Вотъ какое впечатлѣніе вынесъ одинъ американецъ изъ своего путешествія по Россіи. «Я видѣлъ націю,—говоритъ онъ,—которая живетъ не въ домахъ, а въ какихъ-то курныхъ, крытыхъ соломою лачугахъ, неизвѣстныхъ у насъ даже во вновь водворяющихся колоніяхъ дальняго запада; питаніе огромнаго большинства русскаго народа ниже всякой гигіенической критики, одежда также оставляетъ желать очень многаго; холодъ господствуетъ зимою въ домишкахъ, отапливаемыхъ хворостомъ или соломою, а объ опрятности лучше и не говорить»...

Если къ этой душу раздирающей картинѣ прибавить, что несчастному крестьянину, живущему въ курныхъ избахъ, крытыхъ соломой, питающемуся богъ вѣсть чѣмъ, приходится уплачивать среднимъ числомъ за товаръ первой необходимости на 198 проц. болѣе противъ финляндца, на 268 проц. болѣе германца и на 362 проц. болѣе австрійца,—будетъ понятно, какъ гибельно отражается на народной спинѣ протекціонная политика, ведущая къ развитію капитализма, который еще болѣе ухудшитъ экономическое положеніе нашего народа.

Обратясь къ даннымъ относительно потребленія хлѣба нашимъ населеніемъ, мы замѣтимъ, что въ десятилѣтіе съ 1870 — 79 г. (при менѣе высокомъ тарифѣ) приходилось на душу хлѣба 16,98 пуда, а въ періодъ съ 1883 — 1889 года потребленіе хлѣба сократилось на одинъ процентъ и дошло до 16,81 пуда. «Если перевести эту цифру на суточную порцію,—читаемъ въ запискѣ вольно-экономическаго общества,—не теряя изъ виду, что въ составъ ея входитъ весь хлѣбъ, остающійся въ наличности за отчисленіемъ

1) В. В. „Судьбы капитализма въ Россіи". С.-Петербургъ, 1882 г.

Digitized by Google

посѣвочныхъ сѣмянъ и за вычетомъ отпуска за границу,—слѣдовательно, не только хлѣбъ, съѣдаемый и выпиваемый «душою» въ видѣ кваса, водки, браги и пива, но и скармливаемый домашнимъ животнымъ,—то окажется, что на всю эту потребу средняя русская душа имѣетъ въ сутки безъ малаго 1 фунтъ 37 лотовъ, т. е. меньше, чѣмъ половинная доля солдатскаго пайка, состоящая, какъ извѣстно, кромѣ приварочныхъ денегъ, изъ трехъ фунтовъ печенаго хлѣба».

II.

Прежде чѣмъ приступить къ дальнѣйшему выясненію затронутаго нами вопроса, должно оговориться, что мы далеки отъ мысли защищать безгранично свободную торговлю, непримѣнимую къ намъ по многимъ причинамъ, о которыхъ мы скажемъ ниже. Итакъ, выступая противъ современнаго протекціонизма, мы не споримъ противъ разумнаго примѣненія принципа, а противъ безшабашной разнузданности нашихъ промышленниковъ, которые, въ погонѣ за барышами, совершенно забыли и совѣсть, и мѣру.

Нашъ современный протекціонизмъ едва ли заслуживаетъ этого названія—онъ имѣетъ также мало общаго съ истиннымъ протекціонизмомъ, какъ и съ фритредерствомъ. Весь его центръ тяжести заключается въ постепенномъ поднятіи таможенныхъ ставокъ, наряду съ полной беззаботностью о томъ, насколько то или другое повышеніе или пониженіе тарифа отражается на этомъ производствѣ. У насъ почти не знаютъ другой формы покровительства отечественной промышленности, какъ при помощи увеличенія тарифа, что̀ является, конечно, ничѣмъ инымъ, какъ посягательствомъ на карманъ потребителя.

Ни министерство финансовъ, ни, тѣмъ менѣе, сами промышленники не позаботились изслѣдовать положеніе тѣхъ промысловъ, какіе у насъ защищаются пошлиной; мы не имѣемъ никакихъ точныхъ и безпристрастно собранныхъ данныхъ о томъ, какая промышленность и гдѣ можетъ развиться, гдѣ она найдетъ себѣ сбытъ и долго ли придется ей помогать, пока она не окрѣпнетъ; далѣе, въ нашей таможенной политикѣ нѣтъ никакой руководящей идеи; мы не знаемъ, что̀ и для чего мы «покровительствуемъ». Въ одинъ періодъ, намъ почему-то нравится покровительствовать извѣстной промышленности и губить другую, или мы поддерживаемъ одновременно двѣ отрасли промышленности, которыя параллельно развиваться не могутъ.

Пояснимъ это примѣрами. У насъ машиностроеніе очень поощряется; ввозъ иностранныхъ машинъ, даже земледѣльческихъ (!) облагается огромной пошлиной, но это покровительство діаметрально противоположно интересамъ другихъ отраслей промышленности, тоже покровительствуемымъ нами, напр., бумагопрядильнымъ; или — еще лучше — мы хотимъ создать свою промышленность, хотимъ увеличеніемъ пошлины на иностран-

Digitized by Google

ный товаръ дать возможность нашему производителю конкурировать, хотя бы на внутреннемъ рынкѣ, съ иноземнымъ производителемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ налагаемъ пошлину на уголь, который, вслѣдствіе этого, дорожаетъ,—и уничтожаемъ все то, что сдѣлалъ тарифъ, такъ какъ иностранецъ опять таки находится въ лучшихъ условіяхъ. Всякому извѣстно, что ни одна отрасль промышленности не можетъ обойтись безъ каменнаго угля, какъ топлива, а потому облагать этотъ продуктъ пошлиной—значитъ, губить свою собственную промышленность. Необходимо разъ навсегда установить извѣстный принципъ въ таможенной политикѣ—необходимо выполнять и осуществлять одну заранѣе выработанную программу дѣйствій; безъ этого мы одной рукой будемъ разрушать то, что сотворили другой. Безъ этой программы всѣ усилія пропадутъ даромъ и, не смотря на то, что нашъ крестьянинъ живетъ впроголодь, благодаря тарифамъ, мы все таки *не* создадимъ «русской промышленности». У насъ теперь тарифная политика ведется такъ: устраивается гдѣ либо заводъ или фабрика—ведутся они неумѣло, безъ всякой подготовки, какъ технической, такъ и научной; собственникъ ея мало смыслитъ въ торговлѣ и ея операціяхъ, не пользуется кредитомъ и ведетъ свое производство кулаческимъ способомъ; но когда, послѣ всего этого, онъ не можетъ жить бариномъ отъ своего производства, то, купно съ другими такими же невѣждами въ области промышленности, шлетъ нижайшую просьбу, во имя интересовъ «русской промышленности», обложить иностранные продукты пошлиной, по возможности, большою; обыкновенно эти просьбы легко удовлетворяются, и съ каждымъ годомъ образуется все бо̀льшая и бо̀льшая путаница въ нашей тарифной политикѣ.

Мы должны сказать, что протекціонизмъ, при помощи однихъ тарифовъ, безполезенъ и даже вреденъ, если онъ не сопровождается другой дѣятельностью государства, другими внутренними мѣрами, стремящимися создать почву для развитія промышленности. Покровительствовать такой промышленности, которая не имѣетъ никакихъ данныхъ для своего развитія, — вслѣдствіе ли недостатка сыраго матеріала, или отсутствія спроса,—равносильно толченію воды въ ступѣ, такъ какъ это покровительство должно выразиться и въ заботѣ правительства о хорошихъ путяхъ сообщенія, о знающихъ техникахъ и рабочихъ, объ удобномъ сбытѣ и т. д.; безъ этого, одинъ тарифъ ничего не сдѣлаетъ. Сколько бы лѣтъ вы ни покровительствовали промышленности, вы ничего для нея не сдѣлаете, если она не будетъ имѣть хорошихъ рабочихъ, хорошихъ техниковъ и мастеровъ, дешеваго кредита и удобныхъ путей сообщенія.

При отсутствіи этихъ условій, тарифъ будетъ съ одной стороны способствовать обѣдненію народныхъ массъ, а съ другой—полному застою нашей промышленности въ техническомъ отношеніи. Авторъ новѣйшей «Хозяйственной статистики Россіи», Д. Д. Моревъ, описываетъ современное положеніе нашей промышленности въ слѣдующихъ совершенно вѣрныхъ чертахъ: «за весьма немногими исключеніями, почти всѣ отрасли ея сильно отстали отъ промышленности

Digitized by Google

другихъ странъ, какъ по суммѣ производства, такъ и по качеству продуктовъ. Самая слабая сторона ея заключается въ томъ, что она и теперь еще стоитъ не на прочномъ фундаментѣ личной энергіи, предпріимчивости и знанія фабрикантовъ и заводчиковъ, а на *искуственныхъ подпоркахъ протекціонизма...* Воспитанная подъ защитою строго охранительнаго тарифа, наша промышленность привыкла видѣть въ немъ одномъ исключительный залогъ успѣха своихъ предпріятій, а на другія условія, существенно необходимыя, обращаетъ мало вниманія и особенно малую цѣну придаетъ главному двигателю всякаго прогресса—знанію: официально собранныя въ 1887 году данныя показали, что изъ общаго числа 21,810 лицъ, завѣдывавшихъ въ Россіи фабрично-заводскимъ производствомъ, только 6, 8 проц. получили техническое образованіе, да и въ этомъ ничтожномъ числѣ болѣе трети приходилось на иностранцевъ; *остальные затѣмъ 93,2 процента не имѣли за собой не только технической, но даже элементарной научной подготовки*».

Если таковъ умственный уровень нашихъ предпринимателей, то какъ можно ожидать, что они разовьютъ свое дѣло, когда иностранный промышленникъ вооруженъ и общимъ образованіемъ, и техническими знаніями, и энергіей, и предпріимчивостью; въ натурѣ же нашего предпринимателя лежитъ апатичное ко всему отношеніе, отсутствіе энергіи, знанія и любви къ труду.

Загляните въ кабинетъ иностраннаго промышленника, посмотрите, что онъ дѣлаетъ, и вы сплошь да рядомъ застанете его за новѣйшей книгой, трактующей о новѣйшихъ открытіяхъ въ области его производства. На полкахъ его библіотеки вы найдете массу справочныхъ книгъ, картъ, чертежей, спеціальныхъ изданій и газетъ по интересующему его вопросу. Онъ неутомимо слѣдитъ за ходомъ промышленности, за ея успѣхами; онъ получаетъ спеціальные органы, интересуется состояніемъ этой промышленности во всѣхъ концахъ міра и ищетъ возможности сбыть свои произведенія, гдѣ только возможно. Что же дѣлаетъ нашъ промышленникъ? Ничего. Онъ знаетъ, что, если дѣло его пойдетъ плохо, стоитъ лишь написать прошеніе въ министерство финансовъ о поднятіи пошлины на соотвѣтственные продукты, такъ чтобы иностранные производители не могли съ нимъ конкурировать, и онъ будетъ продолжать ad infinitum свою зимнюю спячку. Тарифная ставка для такихъ промышленниковъ равносильна преміи за невѣжество, лѣность и апатію.

Истинная цѣль протекціонизма должна заключаться въ томъ, чтобы создать всѣ условія, необходимыя для развитія промышленности. Если у насъ будетъ достаточное число высшихъ и среднихъ школъ, если наши купеческіе сынки, вмѣсто того чтобы бить зеркала въ трактирахъ, будутъ пріучены къ серьезному труду и пройдутъ школу, сперва общеобразовательную, а потомъ и спеціальную, если мы изъ нашихъ дѣтей будемъ создавать не филологовъ и чиновниковъ, а людей подготовленныхъ къ практической дѣятельности; наконецъ, если мы разовьемъ въ народныхъ массахъ тольше просвѣщенія, больше техническихъ знаній, пособимъ на-

Digitized by Google

шимъ кустарямъ-ремесленникамъ,—то тогда только мы и можемъ разсчитывать на то, что устоимъ въ промышленной борьбѣ съ нѣмцемъ, французомъ и англичаниномъ; тогда и временная поддержка, въ формѣ таможеннаго тарифа, окажетъ свое дѣйствіе и приведетъ къ цѣли, а безъ этого никакой тарифъ, никакія запрещенія не помогутъ.

III.

Выше мы имѣли случай замѣтить, что насажденіе у насъ фабрикъ, заводовъ едва ли сдѣлаетъ насъ счастливыми, но нельзя изъ этого заключить, что мы можемъ существовать безъ собственной промышленности и являться одними только производителями сырья. Россія представляетъ собою страну, изобилующую природными богатствами; разработка этихъ богатствъ, для собственнаго потребленія и для вывоза, принесла бы намъ большую пользу, но для этого время не настало, такъ какъ наши собственные капиталы слишкомъ дороги, иностранные же неохотно идутъ къ намъ, вслѣдствіе колебанія вексельнаго курса и отсутствія размѣна. Россія, разбросанная на разстояніи десятка тысячъ верстъ въ длину и ширину, не можетъ явиться только производительницею сырья, ибо въ этомъ случаѣ она будетъ все бѣднѣть и бѣднѣть, и вотъ почему.

Представьте себѣ страну, которая занимаетъ около 400 т. квадратныхъ миль и живетъ исключительно однимъ земледѣліемъ; допустимъ даже, что земледѣльческая промышленность стоитъ въ ней на высокомъ уровнѣ, что она, вслѣдствіе избытка своихъ собственныхъ земледѣльческихъ продуктовъ и недостатка другихъ мануфактурныхъ произведеній, принуждена все выписывать изъ-за границы: что же получится? Получится то, что русскій земледѣлецъ принужденъ будетъ заплатить массу денегъ за транспортъ своихъ продуктовъ на европейскій рынокъ и, обратно, за транспортъ купленныхъ имъ мануфактурныхъ произведеній. Такимъ образомъ, онъ будетъ дешево продавать свой хлѣбъ, ибо ему придется на этомъ иностранномъ рынкѣ встрѣтиться: во 1-хъ, съ произведеніями своей же страны, но ближе находящимися къ рынку сбыта; во 2 хъ, съ другими производителями, которые могутъ почему либо продавать дешевле свои произведенія; при этомъ, конечно, придется и нашему производителю продавать по той же цѣнѣ, какъ и его соперники, и притомъ платить еще за провозъ тѣхъ товаровъ, которые онъ получитъ взамѣнъ своихъ продуктовъ. Что же будетъ результатомъ такой сдѣлки?—будетъ то, что русскій земледѣлецъ получитъ за большее количество своихъ продуктовъ меньшее количество чужихъ; онъ будетъ бѣднѣть, а на его счетъ станутъ богатѣть соперники, въ томъ числѣ, правда, и его соотечественники, которые живутъ ближе къ границѣ: они будутъ получать ренту на счетъ расположеннаго дальше отъ границы производителя. Если же вблизи производителя хлѣба, льна, пеньки будутъ выстроены фабрики, которыя явятся, съ одной стороны, центромъ

Digitized by Google

тотребленія хлѣба и сырья, съ другой—мѣстомъ ихъ обработки, по этихъ потерь на транспортъ не будетъ и производители сырья будутъ давать столько же своихъ продуктовъ, сколько получатъ мануфактуристы товаровъ; тогда установится правильный обмѣнъ товаровъ, и страна будетъ богатѣть.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что страна безъ своей промышленности существовать не можетъ, тѣмъ болѣе въ этомъ нуждается Россія—страна съ разнообрлзнымъ климатомъ и населеніемъ.

Фритредеры вполнѣ отрицаютъ необходимость отечественной промышленности; они хотятъ наполнить нашъ рынокъ иностранными товарами, но полное фритредерство есть такой же абсурдъ, какъ и крайній безсмысленный протекціонизмъ. Едва ли мы найдемъ страну, которая покупала бы все, кромѣ сырья, у своихъ сосѣдей—это дѣленіе странъ на мануфактурныя и земледѣльческія есть ничто иное, какъ крайность, такъ называемой, органической теоріи общества, стремящейся приписать каждому государственному организму свойственныя ему функціи. Чѣмъ дальше потребитель будетъ находиться отъ производителя, тѣмъ больше будетъ посредниковъ, ничего не создающихъ и все таки предъявляющихъ права на часть народнаго труда; поэтому всякое государство должно стремиться къ тому, чтобы хоть немного приблизить потребителя къ производителю, а это возможно только тогда, когда государство способствуетъ развитію различныхъ, могущихъ имѣть успѣхъ, отраслей промышленности.

Нельзя выводить отсюда проповѣдь отчужденнести государствъ другъ отъ друга, такъ какъ мы далеки отъ мысли защищать безшабашную погоню русскаго производителя за рублемъ, его безсовѣстное обираніе страны во имя отечественной промышленности. Намъ не зачѣмъ догонять Европу, лѣзть изъ кожи, чтобы производить непремѣнно то, что она производитъ, что вѣками уже тамъ вырабатывалось, надъ чѣмъ цѣлыя поколѣнія мастеровъ и техниковъ уже немало потрудились. Мы должны стремиться къ тому, чтобы наше сырье не осталось необработаннымъ, чтобы оно не возвращалось къ намъ обработаннымъ на иностранныхъ рынкахъ; для этой-то цѣли нужно прибѣгать къ различнымъ мѣрамъ, между которыми важное значеніе должно приписать и пошлинѣ, но она не должна быть исключительной мѣрой. Пошлина есть только *средство*, но не *цѣль*; она должна быть временной и ею нужно умѣть пользоваться. Также какъ и гарантіи, даваемыя желѣзнодорожнымъ обществамъ, до тѣхъ поръ, пока эксплуатація дороги не доставитъ требуемаго дохода,—эта пошлина должна быть временной. Въ самомъ дѣлѣ, жертвуя интересами потребителя, государство жертвуетъ и своими интересами: оно какъ будто бы приплачиваетъ изъ своихъ средствъ для поддержки той или другой отрасли промышленности. Неужели же такая приплата, такая жертва не заслуживаетъ того, чтобы и на нее распространить правила контроля и счетоводства?

Правительство, устанавливающее пошлину, должно: во 1) знать, съ кѣмъ оно имѣетъ дѣло, кому покровительствуетъ; а для этого необходимо создать такое учрежденіе, которое регистрировало бы

Digitized by Google

всѣ промышленныя заведенія, слѣдило бы за ихъ дѣятельностью, за техническими усовершенствованіями, и въ извѣстные періоды времени могло бы дать свои отзывы о состояніи той или другой отрасли промышленности. Этотъ правительственный надзоръ не долженъ обременять производителя, не долженъ вторгаться въ его частную сферу, а можетъ ограничиться одними наблюденіями со стороны органовъ правительственной власти, приходящихъ въ столкновеніе съ этими производителями и ихъ фабриками и заводами. Лучше всего было бы довѣрить исполненіе этой функціи фабричной инспекціи, которая и безъ того находится очень близко къ фабрикамъ и заводамъ. Отчеты фабричныхъ инспекторовъ должны дать яркую картину состоянія у насъ фабрично-заводскаго дѣла, и только тогда мы съумѣемъ судить, въ какихъ предѣлахъ возможно государственное покровительство. Дѣятельность фабричной инспекціи, благодаря удачному подбору способныхъ и дѣятельныхъ лицъ въ качествѣ инспекторовъ и ихъ помощниковъ, заслуживаетъ полной похвалы; поэтому можно надѣяться, что она справится и съ новой задачей. Если изъ отчетовъ инспекторовъ правительство усмотритъ, что извѣстная промышленность не развивается и становится безполезной, то можно отнять отъ нея покровительственную руку, въ видѣ ли пошлины, или другихъ правительственныхъ мѣропріятій.

Протекціонная политика полезна лишь тогда, когда руководится опредѣленной идеей, когда она, однимъ словомъ, не противорѣчива; она полезна лишь тогда, когда постарается сперва создать одну или нѣсколько однородныхъ отраслей промышленности, а потомъ постепенно будетъ переходить къ другимъ отраслямъ. Сразу ничего сдѣлать нельзя да и спѣшить намъ тоже незачѣмъ; мы такъ далеко отстали отъ Европы въ техническомъ отношеніи, что дальнѣйшій ростъ промышленности насъ не долженъ пока безпокоить. Выше мы указали, что одновременное покровительство ведетъ только къ полной противоположности интересовъ одинаково покровительствуемыхъ отраслей промышленности. Если мы будемъ покровительствовать горной промышленности наряду съ покровительствомъ машиностроенію, то мы одной рукой разрушимъ то, что создадимъ другой. Наконецъ, мы этимъ напрасно разрушаемъ благосостояніе потребителей. Еще будетъ понятна жертва въ пользу одной, двухъ отраслей промышленности, и потребитель можетъ сказать, что онъ платилъ за машины дорого, но зато у насъ все остальное дешево и онъ не чувствуетъ большихъ лишеній; но, при теперешней системѣ, жизнь потребителя вся отдается въ распоряженіе хищныхъ апетитовъ промышленниковъ; что бы потребитель ни покупалъ, онъ всюду чувствуетъ, что жертвуетъ на безцѣльное воспособленіе русской промышленности. Если эту жертву потребителя перевести на финансовый языкъ, то получится опредѣленный налогъ для спеціальной цѣли развитія промышленности; но, при современной системѣ, этотъ налогъ черезчуръ великъ и не выдерживаетъ никакой критики, если его разсматривать съ финансово-экономической точки зрѣнія.

Покровительствовать всѣмъ отраслямъ промышленности сразу—

Digitized by Google

значитъ ничего не дѣлать для промышленности, а только обременять потребителя; если же это покровительство ведется медленно и постепенно переходитъ отъ одной уже окрѣпшей промышленности къ другой, нуждающейся въ помощи, то можно разсчитывать, что по прошествіи нѣсколькихъ десятилѣтій разовьется прочная и правильно веденная промышленность, а не тепличное растеніе, которое при малѣйшей неудачѣ непремѣнно завянетъ. Только въ такомъ случаѣ таможенную политику можно признать важной протекціонной мѣрой; мы говоримъ: протекціонной мѣрой, такъ какъ, по нашему мнѣнію, установленіе таможенной пошлины есть только одна изъ мѣръ, могущихъ служить для развитія отечественной промышленности, и притомъ не самая главная. Необходимо сперва испробовать тѣ мѣры, какія не связаны съ непосредственными жертвами отечественнаго потребителя, а потомъ только,—когда, и при опытности, знаніи, энергіи и трудѣ, нельзя достигнуть желаемыхъ результатовъ,—тогда можно на время парализовать конкуренцію иностранныхъ производителей наложеніемъ на ихъ продукты ввозной пошлины.

У насъ, впрочемъ, разсуждаютъ иначе. Мы могли бы,—говорятъ наши доморощенные протекціонисты,—производить и то, и другое, и третье; стоитъ только установить пошлину, но они жестоко ошибаются, такъ какъ пошлиной ничего нельзя создать, а можно только поддержать уже существующее. Если у насъ нѣтъ какого нибудь промысла, но онъ могъ бы возникнуть,—то, благодаря одной пошлинѣ, онъ все же не возникнетъ, ибо не будетъ потребителей этого товара; и только тогда, когда промыселъ возникъ, слѣдовательно, доказалъ свою жизненность и необходимость, можно говорить о его поддержкѣ.

Эта поддержка должна быть умѣлая и основанная на строгомъ и серьезномъ изученіи нашей промышленности, а не на какихъ-то априорныхъ положеніяхъ. Къ сожалѣнію, за послѣднее время у насъ появилось немало такихъ записокъ и докладовъ по интересующему насъ вопросу, которые основаны на однихъ предположеніяхъ и аналогіяхъ, ничего не доказывающихъ. Мы говоримъ о докладной запискѣ нашего извѣстнаго химика Д. Менделѣева. Въ періодъ менѣе чѣмъ 15 мѣсяцевъ, этотъ ученый химикъ написалъ большую докладную записку, въ которой онъ представилъ «попытку общаго тарифа всѣхъ товаровъ, привозимыхъ по западной нашей границѣ, отвѣчающую какъ современному положенію промышленности Россіи, такъ и духу тѣхъ новыхъ тарифныхъ измѣненій, которыя во многихъ случаяхъ уже оправдались современной русской дѣйствительностью».

Короткій срокъ, въ который написанъ этотъ докладъ, доказываетъ, что онъ является скорѣе плодомъ личныхъ соображеній химика, чѣмъ серьезнымъ изученіемъ состоянія русской промышленности. По крайнему разумѣнію автора, развитіе нефтяной промышленности свидѣтельствуетъ о томъ, что подъ защитой таможеннаго тарифа не только наши ископаемыя богатства, но и фабрикаты, для производства которыхъ Россія изобилуетъ собственнымъ сырьемъ,—каковы: сода, стекло, фарфоръ, мыло и многіе другіе,—могутъ

Digitized by Google

сдѣлаться важной статьей нашего отпуска за границу; поэтому надо, *прежде всего*, очень высокими ставками «вызвать *сразу* многихъ предпринимателей и покрыть Россію фабриками и заводами», чтобы достигнуть той же дешевизны и того же совершенства, какія достигнуты уже въ керосиновомъ, хлопчатобумажномъ, свекло-сахарномъ и спиртовомъ производствахъ, а затѣмъ—продавать всему свѣту *свое*, покупая лишь очень немногое *чужое*, ибо-де «одинъ донецкій край можетъ всю Европу отопить своимъ углемъ, оковать желѣзомъ и засыпать содою; одного Кавказа достаточно для снабженія всего свѣта виноградным виномъ; одной Волги—для того, чтобы рыбные консервы пріобрѣли всеобщую извѣстность; одинъ Батумъ и одного бензина дастъ на 4 мил. руб. для заграничнаго отпуска». Авторъ, правда, не разъ оговаривается, что, кромѣ высокаго тарифа, для достиженія такой благостыни нужны еще разныя другія мѣры и жертвы, даже такія колоссальныя, какъ поднятіе уровня Азовскаго моря, зашлюзованіе Керченскаго пролива, созданіе собственнаго въ донецкомъ краѣ желѣзно-пароваго флота для вывоза въ Средиземное море 500 мил. пуд. каменнаго угля, пониженіе для него желѣзнодорожныхъ тарифовъ къ сѣверу до $^1/_{125}$ съ пуда и версты и т. п.; но *начинать* онъ рекомендуетъ именно съ высокихъ таможенныхъ ставокъ на привозные товары, такъ какъ «чѣмъ выше обложеніе, тѣмъ скорѣе достигнется укрѣпленіе производства, дешевизна товаровъ и внѣшняя торговля ими» [1]).

Нашъ почтенный профессоръ, какъ можно заключить изъ приведенныхъ строкъ, не изучилъ детально условій русской хозяйственной жизни, а строитъ свои предположенія, довольно остроумныя—«на песцѣ». Для того чтобы возникла какая нибудь новая отрасль промышленности, мало одной пошлины, препятствующей ввозить чужое, а для этого необходимъ цѣлый рядъ условій, при отсутствіи которыхъ промышленность совсѣмъ не возникнетъ, а если и возникнетъ, то будетъ влачить очень жалкое существованіе, вѣчно нуждаясь въ поддержкѣ таможенной пошлины.

Правда, у насъ есть богатыя залежи каменнаго угля, соды, желѣза, но для ихъ разработки нужны: во 1) дешевые капиталы, во 2) знаніе и предпріимчивость; наконецъ, въ 3) нуженъ рынокъ для сбыта продуктовъ. Если всѣ эти условія будутъ на лицо и возникшая промышленность не сможетъ конкурировать съ иностранными продуктами, то тогда только можно говорить о необходимости временнаго наложенія пошлинъ, такъ какъ при всѣхъ равныхъ условіяхъ наши конкуренты все таки болѣе опытны на этомъ полѣ. Вотъ при какихъ данныхъ возможенъ и допустимъ протекціонизмъ при помощи пошлинъ. Наше мнѣніе не голословно; можно указать на то, что пошлина на соду у насъ существуетъ уже давно и все таки до сихъ поръ нѣтъ ни одного завода, перерабатывающаго этотъ продуктъ, находящійся у насъ въ изобиліи, какъ это утверждаетъ проф. Менделѣевъ. Далѣе, ученый докладчикъ указываетъ на желѣзо, какъ на продуктъ, который при высокомъ

[1]) „Записка имп. вольно-экономическаго общества". Спб., 1890 г.

Digitized by Google

тарифѣ можетъ у насъ производиться въ изобиліи, дешевѣть, распространяться въ народѣ и достигать до заграничнаго сбыта; при этомъ г. Менделѣевъ ссылается на примѣръ Юзовскаго завода, основаннаго въ Екатеринославской губерніи англійскими капиталистами и извлекающаго очень хорошія прибыли изъ своего предпріятія,—получая свыше 100% на затраченный капиталъ. Но нужно помнить, что этотъ заводъ основанъ англичанами; кромѣ того, онъ получаетъ до послѣдняго времени весьма значительныя субсидіи отъ правительства; при всемъ томъ, наше желѣзо «не подешевѣло и не распространилось въ народѣ и далеко не достигло до заграничнаго сбыта», какъ это сулилъ намъ профессоръ.

Мы рѣшительно не можемъ понять,—даже ставъ на точку зрѣнія нашихъ ярыхъ протекціонистовъ и строгихъ націоналистовъ,—какая намъ польза отъ того, что какой нибудь англичанинъ Юзъ пользуется субсидіями русскаго правительства, наживаетъ милліонъ, благодаря русскому тарифу и даетъ приличныя жалованья своимъ служащимъ англичанамъ. Русскому же рабочему, который добился блаженства работать на заводѣ Юза, отъ этого сдѣлалось ничуть не лучше, а хуже, сравнительно съ его прежнимъ положеніемъ. Отчеты фабричныхъ инспекторовъ, проповѣди русскихъ іерарховъ и судебная практика съ достаточной яркостью освѣтили и выяснили положеніе русскаго рабочаго на подобныхъ заводахъ, въ томъ числѣ и на Юзовскомъ. Вотъ какъ рисуетъ корреспондентъ одной южной газеты жизнь русскаго рабочаго на этомъ заводѣ: «помѣщенія русскихъ рабочихъ подраздѣляются на казармы и каюты; казармы—это бывшіе у прежняго владѣльца скотскіе загоны, раздѣленные на отдѣленія, въ которыхъ скученность жильцовъ стоитъ въ разрѣзъ съ элементарными правилами гигіены, не говоря о грязи и вони, превращающихъ эти помѣщенія въ свиные хлѣва; блѣдность дѣскихъ лицъ и видимое худосочіе лучше всего иллюстрируютъ экономическое положеніе семей. Полное отсутствіе изолированности половъ устанавливаетъ простоту отношеній, *часто въ раннемъ уже возрастѣ переходящихъ въ развратъ*. Что же касается до каютъ, то онѣ даже названія построекъ не заслуживаютъ, такъ какъ это кануры не болѣе одной квадратной сажени и высотой около 2-хъ аршинъ, гдѣ ютятся семьи рабочихъ, въ составѣ не менѣе 4-хъ душъ; ихъ строятъ жены рабочихъ и обходится такая каюта въ 3—4 рубля. Не мудрено, что отцы, послѣ 14-часоваго труда въ шахтахъ, предпочитаютъ идти на отдыхъ въ кабакъ, а не домой, гдѣ видятъ полную свою безпомощность вырвать семью изъ нищеты. Наоборотъ, англійскіе рабочіе, работая не въ шахтахъ, а въ мастерскихъ, и получая отъ 2 р. 80 к. до 5 р. въ день, живутъ въ каменныхъ постройкахъ, имѣютъ 2—3 комнаты съ деревяннымъ поломъ и довольно высокимъ потолкомъ, вполнѣ приличную домашнюю обстановку, свои порядочныя школы, свой собственный клубъ съ библіотекой и бильярдомъ, гдѣ по вечерамъ и праздникамъ собираются со своими семьями. Ихъ здоровый упитанный видъ какъ бы демонстрируетъ своей противоположностью предъ русскими рабочими, къ которымъ они, не стѣсняясь, относятся съ презрѣніемъ» [1].

[1]) Беремъ эту цитату изъ «Нов. Времени», № 4,470.

Digitized by Google

Вотъ для какихъ блаженствъ существуютъ у насъ основанные иностранцами заводы, которые ни на іоту не удешевили своихъ продуктовъ. Какая, спрашивается, выгода намъ русскимъ: отдаемъ ли мы наши деньги англичанину, работающему на своемъ бирмингамскомъ или шеффильдскомъ заводѣ, или платимъ вдвое больше за тотъ же товаръ, но опять тому же англичанину, ничего намъ взамѣнъ этого не дающему, кромѣ презрѣнія и грубаго отношенія къ нашему рабочему. Англійскіе работники на заводѣ Юза составляютъ какъ бы аристократію рабочаго населенія и всѣми способами ограждаютъ себя отъ общенія съ паріями русскаго происхожденія. При этихъ условіяхъ, нашъ рабочій не сдѣлается болѣе опытнымъ въ механическомъ производствѣ, а, наоборотъ, будетъ эксплуатируемъ, помимо самого заводчика, еще и рабочими-иностранцами, и эта эксплуатація — самая безчеловѣчная; нѣтъ деспота хуже раба, воспитаннаго деспотомъ, и это можетъ быть вполнѣ примѣнено къ отношеніямъ, установляющимся между русскими и иностранными рабочими—аристократами труда.

Съ точки зрѣнія интересовъ русскаго народнаго хозяйства, безразлично: существуетъ или нѣтъ такой заводъ, который, благодаря русскому тарифу, получаетъ прибыли, попадающія исключительно въ руки иностранцевъ; эти прибыли ни на іоту не увеличиваютъ народнаго богатства, а скорѣе уменьшаютъ его, такъ какъ онѣ истощаютъ производительныя силы нашихъ рабочихъ, какъ это мы видѣли изъ описанія жизни юзовскихъ мучениковъ. Такимъ образомъ, одними тарифами мы создаемъ только то, что иностранные производители, находя сбытъ своихъ товаровъ въ Россіи и затрудняясь ихъ распространеніемъ вслѣдствіе отяготительной пошлины, переносятъ свои фабрики и заводы, вмѣстѣ со своими же рабочими и штатомъ служащихъ, *въ предѣлы Россіи* и, подъ прикрытіемъ тарифа, наживаютъ милліоны, эксплуатируютъ нашего рабочаго и потомъ увозятъ эти милліоны обратно въ свое отечество—нѣмецкій фатерландъ или «старую, веселую Англію». Русское же народное хозяйство отъ этого ничего не выиграло; мы ничему не научились, такъ какъ доступъ на эти вновь возникшіе заводы намъ открытъ въ качествѣ самыхъ простыхъ рабочихъ; никакого знакомства съ техникой производства, никакой опытности и никакихъ знаній мы не пріобрѣтаемъ; наконецъ, и никакихъ прибылей мы отъ этого не получаемъ, ибо заработная плата у насъ не увеличилась, съ тѣхъ поръ какъ правительство вступило на путь пошлиннаго протекціонизма. Взгляните на наши окраины, на границы Пруссіи и Австріи; тамъ выстроены громадныя фабрики и заводы нѣмецкими капиталистами, съ которыми русскому производителю нельзя даже конкурировать, потому что, при равныхъ условіяхъ, первые болѣе опытны и энергичны. Не мудрено, что разнузданные апетиты нашихъ промышленниковъ дошли было до... возстановленія у насъ *внутреннихъ заставъ*. Одно время московскіе фабриканты требовали учрежденія таможенныхъ границъ между царствомъ польскимъ и центральной Россіей, утверждая, что Лодзь и Сосновицы губятъ Москву, но московскіе фабриканты очевидно забыли, что эти конкуренты возникли вслѣдствіе ихъ же собствен-

Digitized by Google

ныхъ просьбъ о повышеніи пошлинъ на привозные товары. Сильное развитіе фабричнаго дѣла въ Сосновицахъ и Лодзи объясняется *только покровительственными пошлинами* послѣднихъ лѣтъ. Не будь ихъ, иностранцамъ было бы невыгодно строить новыя фабрики въ предѣлахъ Россіи, и наши московскіе фабриканты могли бы смѣло завоевывать себѣ внутренніе рынки, не боясь ничьей конкуренціи. Простой разсчетъ убѣдитъ насъ въ этомъ. Раньше, при менѣе высокихъ таможенныхъ ставкахъ, прусскій или австрійскій фабрикантъ могъ конкурировать съ нашими фабрикантами только въ приграничныхъ областяхъ, такъ какъ, вслѣдствіе большей опытности и меньшихъ расходовъ на производство, затрачиваемыхъ имъ сравнительно съ московскимъ фабрикантомъ, онъ могъ вынести и пошлины, не увеличивая значительно цѣны товара. Но, при сильномъ возвышеніи этой пошлины, иностранному производителю оказалось уже выгоднѣе занять капиталъ, платить за него проценты и выстроить новый заводъ за русской границей, ибо прибыль, какую онъ будетъ получать вслѣдствіе возвысившейся пошлины, съ лихвой покроетъ всѣ расходы. Намъ скажутъ, что того же могли достигнуть мы сами и выстроить свои собственные заводы, но дѣло въ томъ, что мы не имѣемъ тѣхъ данныхъ, какими располагаетъ иностранный фабрикантъ. Во 1) мы не можемъ выписывать иностранныхъ опытныхъ рабочихъ, потому что у насъ они будутъ совсѣмъ иначе относиться къ своему дѣлу, чѣмъ подъ руководствомъ давно знакомаго имъ хозяина-иностранца; во 2) мы не можемъ за дешевые проценты, достать такіе капиталы, какіе находятся въ распоряженіи иностраннаго фабриканта, ведущаго въ своемъ отечествѣ обширное производство: его кредиторамъ безразлично, гдѣ находится заводъ или фабрика — въ предѣлахъ ли Германіи, или въ Россіи; они знаютъ его, какъ акуратнаго плательщика, знатока своего производства, а потому и будутъ продолжать съ нимъ вести дѣла. Правда, тутъ имъ придется принимать къ учету русскіе векселя, но имъ достаточно ручательство фабриканта, чтобы рискнуть своими капиталами. Далѣе, слѣдуетъ принять во вниманіе ту опытность, какую пріобрѣли иностранные фабриканты, съ которыми мы и сравниться не съумѣемъ. Если теперь посмотримъ, что имѣетъ за собой русскій человѣкъ, чтобы подъ прикрытіемъ тарифа развить свое дѣло, то въ итогѣ окажется, что онъ является въ новомъ предпріятіи круглымъ невѣждой, не имѣетъ достаточныхъ капиталовъ и не пользуется кредитомъ. Послѣ этого, для кого же пишутся и сочиняются наши тарифы, какъ не для иностранцевъ же, — для тѣхъ предпринимателей, которыхъ едва ли одна четвертая часть останется въ Россіи и обрусѣетъ; большинство же наполнитъ свои карманы и уѣдетъ обратно въ свой фатерландъ.

Изъ всего вышесказаннаго можно вывести то заключеніе, что одними пошлинами ничего создать нельзя: *это значитъ играть въ руку нашимъ же конкурентамъ.*

Намъ кажется, что русская промышленность прежде всего нуждается въ другой формѣ воспитанія народа: въ подготовленіи его къ промышленной жизни, въ развитіи въ немъ энергіи, знаній, предпріим-

Digitized by Google

чивости, въ поддержкѣ тѣхъ формъ производства, которыя уже возникли, а не въ обезьянничаніи и подражаніи западу. Мы будемъ во сто кратъ богаче и счастливѣе, если разовьемъ наши кустарные промыслы, создадимъ такія формы труда, которыя могли бы производить тѣ же продукты, что̀ и крупные производители. Не въ крупномъ капитализмѣ наше спасеніе, а въ поддержкѣ народной формы труда— въ поддержкѣ и созданіи артелей, которыя теперь, при самыхъ скверныхъ условіяхъ, все таки существуютъ и борются съ житейскими препятствіями всякаго рода. Такова должна быть разумная и, дѣйствительно, патріотическая цѣль нашей протекціонной политики. Къ такимъ выводамъ пришли практики и теоретики, хорошо знакомые со строемъ нашего народнаго хозяйства. Только люди, витающіе въ эмпиреяхъ, прельщающіеся внѣшнимъ блескомъ фабричныхъ городовъ запада и не видящіе изнанки всей этой роскоши, могутъ диктовать намъ такія тарифныя пошлины, какіе диктуются нашимъ «знаменитымъ» химикомъ и менѣе знаменитыми техниками, которые изъ-за своихъ ретортъ и чертежей забываютъ жизнь,—живую дѣйствительность.

А. Залшупинъ.

Digitized by Google

ТРИ ПИСЬМА.

Мгновенно сердце молодое
Горитъ и гаснетъ. Въ немъ любовь
Проходитъ и приходитъ вновь,
Въ немъ чувство каждый день иное.
А. Пушкинъ.

Письмо первое.

15 іюня 1889 года.
Село Будяковка.

Вотъ уже мѣсяцъ прошелъ, какъ я уѣхала изъ института, и до сихъ поръ не могла написать тебѣ, моя милая Соня. Но лучше поздно, чѣмъ никогда. Всего только двѣ недѣли тому назадъ, мама окончила свои хлопоты, и мы наняли дачу, въ тридцати верстахъ отъ города, въ чудесной живописной мѣстности. Въ огромномъ и тѣнистомъ грабовомъ лѣсу, гдѣ я провожу бо́льшую часть дня, стоитъ старинный мужской монастырь. Позолота его куполовъ почернѣла отъ времени, низенькая каменная стѣна мѣстами развалилась, а мѣстами скрывается въ кустахъ шиповника; кое-гдѣ ее обвиваетъ дикій плющъ; высокая и странно узкая колокольня, того гляди, рухнетъ и задавитъ убогую хижину привратника; но ты не можешь себѣ представить, какъ красивъ этотъ монастырь на фонѣ темной зелени лѣса! Монахи живутъ въ немъ старые-престарые, да ихъ и немного,—человѣкъ десять не больше. Монастырь заштатный, и старики доживаютъ свой вѣкъ на покоѣ, хотя, разумѣется, въ маленькой церкви по субботамъ, воскресеньямъ и праздникамъ идетъ служба. Говорятъ, что среди монаховъ есть одинъ схимникъ, который далъ обѣтъ молчанія и не нарушаетъ его уже пятнадцать

Digitized by Google

нѣтъ. Мнѣ говорили также, что этотъ схимникъ, до поступленія въ монастырь, служилъ въ гвардіи, игралъ блестящую роль въ петербургскомъ большомъ свѣтѣ и считался однимъ изъ самыхъ обаятельныхъ молодыхъ людей своего времени. У него было много побѣдъ; многихъ дамъ и дѣвушекъ онъ сдѣлалъ несчастными, но раскаялся и постригся въ монахи. Я его ни разу не видѣла, потому что онъ никуда, даже въ церковь, не выходитъ изъ своей кельи, а пойти къ нему изъ одного любопытства,—чтобы посмотрѣть на него,—стыдно и неловко. Рѣка протекаетъ подъ горой въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нашего домика, прехорошенькаго домика съ рѣзьбой въ русскомъ вкусѣ; я каждый день хожу купаться. У насъ своя отдѣльная купальня, и я учусь плавать.

Но, вѣроятно, ты ожидаешь отъ меня чего нибудь болѣе интереснаго, чѣмъ описаніе стариннаго монастыря и нашей дачи съ ея удобствами. Постараюсь не обмануть твоихъ ожиданій, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы остальную часть этого письма ты читала какъ можно внимательнѣе. Конечно, ты догадываешься, что если я и провожу большую часть дня, гуляя въ лѣсу, то далеко не все время любуюсь живописными видами и красивымъ монастыремъ; ты догадываешься также, что не всегда я гуляю одна, такъ какъ прекрасно знаешь, что я не давала обѣта одиночества, а тѣмъ болѣе—молчанія. Помнишь, какъ мы, разставаясь съ тобой, дали другъ другу слово какъ можно веселѣе провести каникулярное время и... влюбиться? Не знаю, сдержала ли ты хоть первое обѣщаніе, что же касается меня, то я могу сказать, что не посмѣла обмануть своей подруги и, вѣрная своему слову, въ точности исполнила оба свои обѣщанія.

Кажется, на другой же день послѣ переѣзда на дачу, я познакомилась со всѣмъ здѣшнимъ обществомъ. Въ этой деревнѣ, благодаря близости ея къ городу, много дачниковъ и много молодежи: студентовъ, курсистокъ, гимназистовъ и гимназистокъ. Институтка я одна. Молодежь собирается по вечерамъ въ ригѣ, довольно большомъ сараѣ, и мы танцуемъ, или устраиваемъ игры (все тѣ же вѣчные фанты). Одинъ разъ былъ любительскій спектакль, и я участвовала въ глупѣйшемъ водевилѣ, изображая обманутую ревнивую жену. Мнѣ поднесли букетъ. Но все это въ сторону. Такъ вотъ въ этой ригѣ,—на-

Digitized by Google

шей танцовальной залѣ (полъ натертъ стеариномъ, а къ потолку или—вѣрнѣе—къ брусьямъ, привѣшена деревянная люстра) въ первый же вечеръ я познакомилась съ Андреемъ Михайловичемъ Крашевичемъ, студентомъ третьяго курса юридическаго факультета. Молодой человѣкъ,—ему всего двадцать четыре года, — сразу произвелъ на меня впечатлѣніе. Онъ очень интересный. Представь себѣ стройнаго юношу средняго роста, съ густыми черными, какъ смоль, волосами, съ темно-карими глазами, длинными рѣсницами и чудеснымъ цвѣтомъ лица. У него правильный римскій носъ, и когда онъ улыбается, то показываетъ небольшіе зубы ослѣпительной бѣлизны. Онъ не куритъ, всегда одѣтъ въ свѣжій китель безукоризненной чистоты, умѣетъ хорошо держать себя и превосходно танцуетъ.

Вѣроятно, и я показалась ему несовсѣмъ обыкновенной дѣвушкой, или, во всякомъ случаѣ, и я произвела на него хорошее впечатлѣніе (на мнѣ было розовое платье въ бѣлыхъ кружевахъ, а ты знаешь, какъ идетъ мнѣ этотъ цвѣтъ), такъ какъ онъ весь вечеръ не отходилъ отъ меня, что̀ и было всѣми замѣчено. Но хоть убей меня, не могу вспомнить, о чемъ мы говорили съ нимъ, хотя говорили, не переставая, и хохотали, какъ безумные. Крашевичъ—очень остроумный студентъ и у него злой, презлой языкъ. Ни одной барышни, которая была въ тотъ вечеръ въ ригѣ, онъ не оставилъ безъ замѣчанія или шутки. Представь себѣ: онъ знаетъ и понимаетъ толкъ въ дамскихъ туалетахъ, костюмахъ и даже прическахъ. Онъ такъ раскритиковалъ костюмы нѣкоторыхъ барышень, что я удивлялась. Онъ не пропускаетъ ни одного безвкусно приколотаго бантика. Обо мнѣ онъ сказалъ, что я, „вѣроятно, родилась въ этомъ розовомъ платьѣ, съ этой французской прической, и что онъ не можетъ себѣ представить меня иначе одѣтой“. Когда я спросила, откуда у него такія странныя для мужчины познанія, онъ отвѣчалъ, что выросъ и бо̀льшую часть своей жизни провелъ въ женскомъ обществѣ, и съ грустью добавилъ: „ахъ, женщины, женщины, сколько счастья и несчастья вы принесли мнѣ!“ По тону его голоса я заключила, что у него уже былъ романъ и, можетъ быть, съ несчастнымъ концомъ, но я не рѣшилась спрашивать, да мнѣ совсѣмъ и не хочется узнавать ничьихъ романовъ.

Digitized by Google

Черезъ два дня шелъ спектакль, въ которомъ я участвовала, и я имѣю нѣкоторое основаніе предполагать, что букетъ мнѣ поднесъ Крашевичъ. Послѣ спектакля, по обыкновенію, танцовали. Крашевичъ еще наканунѣ выпросилъ у меня первую и третью кадриль и мазурку. Но я танцовала съ нимъ и вторую, и четвертую кадриль, и польку, и вальсъ по нѣскольку разъ. Только одну пятую кадриль пришлось отдать нѣкоему Горѣлову, молодому художнику, который пріѣхалъ изъ Петербурга къ намъ, въ Малороссію, писать этюды для большой картины. За эту картину онъ надѣется получить золотую медаль. Онъ также очень красивъ, но совсѣмъ въ другомъ родѣ. Онъ высокаго роста, широкоплечій, и у него длинные каштановые волосы гривой. Лицо блѣдное, глаза узкіе, сѣрые и голосъ тихій. Но его нельзя сравнивать съ Крашевичемъ. Все время молчитъ и только изрѣдка посмотритъ долгимъ взглядомъ. Между тѣмъ я чувствую, да и Крашевичъ мнѣ говорилъ, что я очень и очень нравлюсь господину художнику. Но онъ—настоящій медвѣдь, танцовать не умѣетъ, путаетъ фигуры, причемъ конфузится хуже всякой институтки. Однимъ словомъ, герой не моего романа, хотя Крашевичъ увѣрялъ, что онъ очень талантливый художникъ и добрый человѣкъ. Пусть его таланты и доброта при немъ останутся; займемся злымъ Крашевичемъ.

А злой Крашевичъ, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, въ тотъ же вечеръ, во время мазурки, заговорилъ о томъ, что ему до выхода изъ университета осталось всего два года, ровно столько, сколько мнѣ до окончанія институтскаго заточенія. Говорилъ также, что онъ ни за что не женится на дѣвушкѣ, которая училась въ гимназіи, или,—что, по его мнѣнію, хуже всего,—побывала „на курсахъ“. Только институтъ, говоритъ Крашевичъ, можетъ приготовить „изъ благодарнаго матерьяла хорошую жену порядочному человѣку“. А будущая „хорошая жена“ слушала медовыя рѣчи и робѣла не хуже Горѣлова. Когда же я овладѣла собой, то сдѣлала видъ, что эти проэкты меня ни въ какомъ случаѣ касаться не могутъ, и постаралась перемѣнить разговоръ. Но я чувствую, что рѣшительное объясненіе не за горами, жду его и боюсь: я не готова къ нему. Мнѣ нравится Крашевичъ, очень нравится и мнѣ даже кажется, что я въ него влюблена. Видѣть его, го-

Digitized by Google

ворить съ нимъ—для меня большое удовольствіе; все время я думаю о немъ и даже попробовала писать дневникъ, куда акуратно заносила каждое его слово. Но, признаюсь тебѣ, милая Соня, какъ единственному другу, который не будетъ надо мной смѣяться: со мной не произошло той перемѣны, которую я ожидала съ такой радостной тревогой. Я не испытываю „святыхъ восторговъ“, я не отдала Крашевичу своей души; его душа для меня тоже потемки. Но сердце мое бьется крѣпче, когда я вижу изъ окна, какъ идетъ къ нашей дачѣ „онъ“, въ своемъ бѣломъ кителѣ, бѣлой фуражкѣ, неторопливой увѣренной походкой. Каждое его слово полно для меня значенія, самый звукъ голоса Крашевича... Но, кажется, я вдаюсь въ такія подробности, которыя и единственному другу могутъ показаться скучными. И устала рука. Вѣдь я написала тебѣ цѣлыхъ три листа моимъ бисернымъ почеркомъ. Прощай, моя кошечка, моя вѣчно милая Сонюша. Рѣши за меня, влюблена я или нѣтъ и; если нѣтъ, то какъ назвать мое чувство? Цѣлую тебя милліонъ разъ. Жди втораго письма скоро, очень скоро. Я пошлю тебѣ отчетъ о „рѣшительномъ объясненіи!“

Твоя вѣрная подруга Люся, Олюся, Ольга Вѣтвицкая.

Письмо второе

21-го іюня 1889 года.

Вчера, въ четвергъ,—чудесный жаркій день, — въ монастырскомъ лѣсу произошло рѣшительное объясненіе, а вечеромъ того же дня въ ригѣ вышелъ ужасный случай, отъ котораго я до сихъ поръ не могу опомниться. Но я забѣгаю впередъ: надо разсказывать по порядку.

Послѣ завтрака, съ томомъ Лермонтова въ рукахъ, я ушла въ монастырскій лѣсъ. На опушкѣ меня встрѣтилъ Крашевичъ. Дрожащимъ голосомъ онъ попросилъ позволенія сопровождать меня и, разумѣется, я согласилась. Даже моя строгая мама, говоря какъ-то о Крашевичѣ, обмолвилась, что „Андрей Михайловичъ кажется ей такимъ порядочнымъ молодымъ человѣкомъ, въ обществѣ котораго молодая дѣвушка застрахована отъ непріятныхъ неожиданностей“.

Digitized by Google

Я сразу замѣтила блѣдность Крашевича, и сразу его волненіе передалось мнѣ. Молча мы прошли нѣсколько шаговъ.

— Ольга Петровна!—произнесъ Крашевичъ.

„Начинается!“ — подумала я и не рѣшилась поднять глазъ.

— Ольга Петровна, для васъ не тайна, какое чувство возбудили вы во мнѣ. Я не смѣю разсчитывать на взаимность,—мы съ вами такъ недавно знакомы,—но я хотѣлъ бы узнать, могу ли надѣяться... не противенъ ли я вамъ?

Наступило молчаніе... Я не могла оторвать глазъ отъ корешка книги, сотый разъ повторяя про себя: „стихотворенія Лермонтова, стихотворенія Лермонтова!“

— Ольга Петровна! — почти прошепталъ Крашевичъ. Я подняла глаза. Боже мой, какъ тяжело мужчинѣ говорить о своей любви! Какой жалкій видъ имѣла вся фигура Крашевича, всегда такого спокойнаго и самоувѣреннаго; какъ онъ поблѣднѣлъ, какъ странно мигали его глаза! Первый взглядъ на него возвратилъ мнѣ бодрость и присутствіе духа.

Я сказала ему откровенно и прямо, что онъ мнѣ нравится (я даже сказала: *очень* нравится!) что онъ, конечно, можетъ надѣяться, но что я не знаю своего чувства, не понимаю себя; я просила его подождать и не возобновлять до поры до времени этого разговора.

— Ольга!—вдругъ вскричалъ Крашевичъ и взялъ меня за обѣ руки, причемъ книга упала на траву.—Ольга, не томи меня: скажи, что ты меня...

Его глаза сверкали торжествомъ, онъ неожиданно наклонился ко мнѣ, и я не успѣла опомниться, какъ его губы прикоснулись къ моей щекѣ, и прозвучалъ поцѣлуй. Въ это время, изъ ближайшей прогалины, показался сѣдой, какъ лунь, монахъ, съ длинной палкой, на которую онъ опирался. Пристально посмотрѣлъ онъ на насъ, покачалъ головой и пошелъ своей дорогой. Я не могу, милая Соня, разсказать себѣ, какой стыдъ я пережила въ нѣсколько мгновеній. Мнѣ почему-то показалось, что монахъ — никто иной, какъ тотъ схимникъ, о которомъ я говорила тебѣ въ первомъ письмѣ. Я совсѣмъ забыла, что онъ никогда не выходитъ изъ своей кельи. И я первый разъ въ своей жизни узнала, что та-

Digitized by Google

кое оскорбленіе. Цѣловать безъ малѣйшаго повода, безъ позволенія, почти насильно! Я ненавидѣла въ эту минуту Крашевича и чуть не разрыдалась. Но я собрала на помощь всѣ свои силы и, отступивъ на нѣсколько шаговъ отъ Крашевича, сказала, что я оскорблена, что все разскажу мамѣ, — пусть она поступаетъ, какъ знаетъ. Я попросила его сію же минуту оставить меня, уйти изъ лѣсу и забыть, что я считалась его знакомой.

Онъ не ушелъ. Онъ просилъ прощенія, проклиналъ себя, свою безумную страсть, умолялъ сохранить наше свиданіе въ тайнѣ. Онъ съ такими клятвами обѣщалъ на будущее время не выходить изъ границъ почтительности, даже благоговѣнія, такъ убѣдительно увѣрялъ меня, что теперь единственная цѣль его жизни вновь заслужить мое расположеніе, что я согласилась молчать о его нелѣпой выходкѣ, хотя все таки настояла, чтобы онъ немедленно ушелъ. Онъ повиновался. Поклонился мнѣ чуть ли не до земли, по дорогѣ оборачивался нѣсколько разъ, смотря на меня умоляющимъ и виноватымъ взглядомъ.

Я задыхалась и, когда онъ скрылся, я упала на траву и долго плакала. Сомнѣній нѣтъ: я не любила Крашевича, потому что поцѣлуй любимаго человѣка не можетъ оскорбить женщину; онъ только нравился мнѣ; любопытство я приняла за любовь. Но зачѣмъ я дала ему слово ничего не говорить мамѣ? Теперь насъ связываетъ тайна; я сообщница Крашевича. Долго я не могла успокоиться. Къ мамѣ пріѣхалъ ея адвокатъ, и она такъ была занята своими дѣлами, которыя преслѣдуютъ ее и на дачѣ, что ничего не замѣтила. Только вечеромъ, когда меня пришли звать въ ригу и я отказалась, она сказала: „у тебя, Люся, какой-то растерянный видъ. Отчего ты не хочешь сегодня танцовать?“ Чтобы доказать мамѣ, что со мной ничего не случилось, я противъ желанія ушла съ молодыми людьми въ этотъ противный сарай, гдѣ меня ожидало новое оскорбленіе. Крашевичъ былъ тамъ и у него хватило смѣлости или, вѣрнѣе, дерзости пригласить меня на первую кадриль, но, разумѣется, я отказалась. Послѣ него подошелъ ко мнѣ Горѣловъ, я и ему отказала. Тогда онъ попросилъ позволенія посидѣть возлѣ меня, и я охотно согласилась. Онъ сказалъ мнѣ, что танцовать не умѣетъ и

Digitized by Google

не любитъ, а если можетъ пользоваться моимъ обществомъ безъ танцевъ,—оно ему вдвое пріятнѣе. Въ этотъ вечеръ онъ былъ разговорчивѣе, чѣмъ обыкновенно. Я разспрашивала его объ извѣстныхъ художникахъ, о его работахъ, о Петербургѣ; онъ отвѣчалъ мнѣ обстоятельно на каждый вопросъ и, вѣроятно, привыкнувъ ко мнѣ, уже безъ всякихъ вопросовъ разсказалъ много интереснаго. Въ его бесѣдѣ нѣтъ злой насмѣшливости, которая мнѣ нравилась въ Крашевичѣ, но все такъ умно, складно и живо (о себѣ онъ совсѣмъ не говоритъ) что его можно заслушаться.

Уже шла третья кадриль, и недалеко отъ насъ сидѣли Крашевичъ съ своей дамой. Его визави были студентъ-медикъ Завистовскій съ своей сестрой, очень полной, некрасивой блондинкой маленькаго роста. Завистовская приколола большой рогообразный малиновый бантъ въ свои жидкіе волосы, и безъ состраданія на нее нельзя было смотрѣть. Въ шэнѣ второй фигуры, Крашевичъ, возвращаясь къ своей дамѣ, довольно громко сказалъ, подмигивая въ сторону Завистовской: „нашей коровѣ идутъ рога“!

Эту глупую шутку услыхалъ Завистовскій и, подойдя къ Андрею Михайловичу, громко произнесъ: „повторите, что вы сказали!“ Крашевичъ смутился, попробовалъ отшутиться, сказалъ, что онъ говорилъ не съ Завистовскимъ, но все было напрасно. Завистовскій еще громче, на всю залу, повторилъ свое требованіе и поднялъ руку. Вѣроятно, онъ оскорбилъ Крашевича ударомъ по лицу, но я не могла видѣть, потому что вокругъ нихъ собралась толпа. Всѣ перестали танцовать. Я поспѣшила уйти изъ риги и, внѣ себя отъ волненія, ожидала на лужайкѣ, передъ сараемъ, чѣмъ кончится эта возмутительная сцена.

Тогда я узнала отъ Завистовской, что Крашевичъ, получивъ пощечину, бросился на ея брата и схватилъ его за шею, но тотъ оказался сильнѣе противника и повалилъ его на полъ. Въ драку вмѣшались еще два студента, товарищи Завистовскаго, и одинъ изъ нихъ, ужь не знаю за что, въ свою очередь ударилъ Крашевича.

Горѣловъ давно уже всталъ съ своего мѣста и слѣдилъ за единоборствомъ, но когда Завистовскому стали помогать его товарищи, онъ не выдержалъ, пробился сквозь толпу и

Digitized by Google

воскликнулъ голосомъ, полнымъ негодованія: „мерзавцы, трое на одного!“ На его окликъ никто не обратилъ вниманія; тогда онъ вмѣшался въ драку и положилъ ей конецъ. Завистовскій попробовалъ кинуться на Горѣлова, но тотъ скрутилъ ему руки за спину и такъ толкнулъ на двухъ его защитниковъ, что у нихъ пропала всякая охота къ дальнѣйшему состязанію. Весь избитый, въ жалкомъ видѣ, поднялся съ пола Крашевичъ. Горѣловъ заставилъ его просить прощенія у Завистовской, что́ и было имъ тотчасъ же исполнено. Въ его голосѣ слышались слезы, и онъ немедленно удалился изъ риги.

Ты не можешь вообразить себѣ, что̀ я чувствовала во время разсказа Завистовской. Какое униженіе испытала я за Крашевича, да и за себя саму! Все таки этотъ человѣкъ еще недавно мнѣ нравился, онъ сегодня говорилъ мнѣ о своей любви, цѣловалъ маня... Какъ могъ онъ уйти изъ риги, оставивъ Завистовскаго не наказаннымъ! Положимъ, онъ самъ виноватъ, но вѣдь такія оскорбленія среди мужчинъ смываются кровью. Я не подумала о томъ, что завтра Крашевичъ можетъ вызвать Завистовскаго на дуэль; мнѣ было и стыдно, и невыразимо тяжело,—гораздо тяжелѣе, чѣмъ утромъ въ лѣсу.

Но кто привлекъ мое сочувствіе, возбудилъ во мнѣ удивленіе, такъ это Горѣловъ. Какой отвагой дышало его лицо, когда онъ вышелъ изъ риги, куда дѣлась его неуклюжесть, какъ красивъ былъ онъ въ своей широкой синей блузѣ. Ты упрекнешь меня въ преувеличеніи, но длинные каштановые волосы дѣлали его похожимъ на Самсона въ гравюрѣ Дорэ, которой мы восхищались съ тобой въ твоей библіи—право!

Мнѣ передавала также Завистовская, что, заставивъ Крашевича просить у нея прощенія, онъ обратился къ ея брату со словами: „вы можете свести со мной ваши счеты когда угодно“. Но Завистовскій извинился передъ нимъ, обнялъ его и поцѣловалъ; извинились и другіе студенты. Горѣловъ былъ настоящимъ героемъ вечера. Разумѣется, послѣ подобнаго приключенія, танцы разстроились, и всѣ ушли домой. Меня провожалъ Горѣловъ. Я шла съ нимъ подъ руку. Онъ, какъ и всѣ, догадывался о симпатіи, которую я такъ недавно

Digitized by Google

чувствовала къ Крашевичу. Онъ сказалъ мнѣ: „воображаю, какъ оскорблено сегодня ваше чувство. Но не горюйте. Утро вечера мудренѣе. Можетъ быть, завтра дѣло поправится". Мы разстались съ нимъ друзьями. Уже часъ ночи, и мама пришла изъ своей спальни, чтобы я погасила лампу. До завтра, Сонюша.

На другой день.

Сегодня у насъ завтракалъ Горѣловъ и принесъ новость: Крашевичъ уѣхалъ изъ деревни съ утреннимъ пароходомъ. Его товарищи настаивали на дуэли, но онъ отвѣчалъ имъ, что если вчера онъ былъ жалокъ, то сегодня ему совсѣмъ не хочется быть смѣшнымъ. Дуэлей онъ въ нашъ вѣкъ не признаетъ, но просилъ передать Завистовскому, что тотъ его еще вспомнитъ. Возмущенные товарищи Крашевича не подали ему на прощанье руки.

Горѣлову, очевидно, было очень трудно разсказывать мнѣ о внезапномъ отъѣздѣ Крашевича и передавать его слова. Можетъ быть, онъ боялся огорчить меня. Во время завтрака, разговоръ объ оскорбленіяхъ, пощечинахъ и дуэляхъ не прекращался. Мама не оправдывала Крашевича и говорила, что онъ понесъ справедливое, хотя и жестокое наказаніе за обиду дѣвушки, но она рѣшительно возставала противъ дуэли, какъ противъ всякаго убійства. Горѣловъ слушалъ ее молча и не возражалъ. Но когда мама спросила, раздѣляетъ ли онъ ея мнѣніе, то онъ, стараясь не глядѣть на меня, отвѣтилъ, что бываютъ случаи, когда человѣкъ, и не признающій дуэли, подъ вліяніемъ гнѣва, можетъ убить своего оскорбителя. „Я не оправдываю такого увлеченія",—сказалъ Горѣловъ тихимъ, едва слышнымъ голосомъ: „но я понимаю его". Я не вмѣшивалась въ этотъ разговоръ и, признаюсь, онъ меня нисколько не трогалъ. Крашевича я забыла или старалась забыть, какъ нелѣпый сонъ, изъ котораго сохраняется въ памяти нѣсколько незначительныхъ подробностей, а дуэли и оскорбленія отъ меня слишкомъ далеки. Но какіе злые мужчины, даже самые добрые изъ нихъ! Вотъ, напримѣръ, Горѣловъ. Въ каждомъ словѣ, въ каждомъ жестѣ его чувствуется безконечная доброта, а между тѣмъ, еслибы ты видѣла, какъ сверкнули его задумчивые глаза, когда онъ сказалъ, что по-

Digitized by Google

нимаетъ увлеченіе гнѣвомъ до возможности убійства оскорбителя. Мнѣ даже жутко сдѣлалось при этихъ словахъ, да и мама поспѣшила заговорить о его картинѣ, чтобы перемѣнить разговоръ.

Однако, прощай, я дописываю уже третій листъ; будетъ съ тебя. Изъ незначительныхъ подробностей, связанныхъ съ воспоминаніемъ о Крашевичѣ, самая непріятная—его поцѣлуй. Положимъ, онъ едва коснулся моей щеки; положимъ, все это вышло такъ неожиданно, безъ всякаю повода съ моей стороны, что я по совѣсти не могу считать себя виноватой, но все таки я, вѣроятно, не скоро забуду это „рѣшительное объясненіе“ и, можетъ быть, буду помнить его дальше, чѣмъ отвратительную сцену въ ригѣ, куда больше ни за что не пойду.

Цѣлую тебя крѣпко, крѣпко. Твоя Ольга.

Письмо третье.

12 іюля 1889 года.

Почти три недѣли я не писала тебѣ, дорогая Соня, хотя получила оба твои посланія. Можетъ быть, ты поймешь и простишь мое молчаніе, прочитавъ это письмо. Въ послѣднее время произошла въ моей жизни большая перемѣна: поздравь меня, Соня, я—невѣста Горѣлова. Мнѣ даже какъ-то странно писать его фамилію, потому что вотъ уже недѣля, какъ я называю его Сережей. Его зовутъ Сергѣй Александровичъ.

Это письмо будетъ короче предъидущихъ, потому что, еслибы я захотѣла все разсказать, нужно исписать цѣлую книгу, да и той бы не хватило. А самое главное: я не могу и не умѣю передать тебѣ всѣхъ моихъ впечатлѣній, которыя накопились за это время, и откладываю подробный отчетъ до нашего свиданія.

Попробую все таки, хотя въ общихъ чертахъ, разсказать тебѣ о моемъ счастьѣ. Послѣ того завтрака, о которомъ я тебѣ писала, Сережа сдѣлался нашимъ ежедневнымъ посѣтителемъ. Что онъ любитъ меня, я увидѣла очень скоро. Но

Digitized by Google

ни слова не говорилъ онъ о своемъ чувствѣ, не преслѣдовалъ меня краснорѣчивыми взглядами, не искалъ свиданій наединѣ. Присутствіе мамы его нисколько не стѣсняло, и я убѣдилась, что это дѣлается не изъ вѣжливости или разсчета, а потому, что мама ему нравится. Мама привыкла къ нему и полюбила его. Я попросила Сережу написать маминъ портретъ; ты знаешь, что мнѣ давно хотѣлось имѣть ея портретъ масляными красками. Блѣдная фотографія не можетъ передать ея милаго лица. Сережа съ радостью согласился. Черезъ недѣлю портретъ былъ написанъ. Сережа ѣздилъ въ городъ и оттуда привезъ роскошную золотую раму, въ которой и былъ мнѣ поднесенъ этотъ портретъ. Нечего и говорить, что портретъ чудесный. Сережа схватилъ и передалъ любимое мною выраженіе лица мамы: ея добрую, немножко грустную улыбку. Разумѣется, принявъ этотъ подарокъ, мама заговорила о благодарности и вознагражденіи за трудъ. Сережа не хотѣлъ и слышать о деньгахъ, да и мама не настаивала, догадываясь объ истинной причинѣ его отказа. Вмѣсто всякой благодарности, Сережа попросилъ у мамы, съ моего согласія, позволенія написать мой портретъ, который ему нуженъ, какъ этюдъ для задуманной картины. Мама согласилась. И вотъ, во время втораго сеанса, Сережа сказалъ мнѣ... или нѣтъ, мы все сказали другъ другу. Я не помню ни словъ, ни подробностей, или я все помню, но не могу, не хочу, не умѣю о нихъ писать. Наша любовь не была неожиданностью для мамы, и она согласилась. Свадьба отложена на годъ, и этотъ годъ я проживу въ институтѣ,— въ педагогическомъ классѣ не буду.

Ты, которая такъ любишь Достоевскаго за его „психологическій анализъ“, разумѣется, ждешь описанія и анализа моего чувства къ Сережѣ. Но я не Достоевскій, а потому анализа не жди. Мое чувство безконечно дорого и значительно для меня,—другому, даже и тебѣ, оно покажется, можетъ быть, и совсѣмъ не интереснымъ. Только одно признаніе. Когда я вижу Сережу, я боюсь его, но, разумѣется, не такъ, какъ мы боимся нашего Перепельскаго, учителя словесности. Мнѣ кажется, страхъ, возбуждаемый Сережей,—и есть любовь, потому что онъ доставляетъ мнѣ безконечное наслажденіе. Впрочемъ, не утверждаю.

Digitized by Google

Да, чуть не забыла сообщить тебѣ новость. Ты прекрасно знаешь, что я никогда не отличалась смиреніемъ паче гордости и безъ особеннаго самомнѣнія думала, что дѣвушку съ такой наружностью, какъ моя, изъ десятка не выкинутъ. Зеркало мнѣ докладывало, что у меня густые и длинные волосы, румянецъ во всю щеку, голубые глаза, которые, благодаря темнымъ, почти чернымъ рѣсницамъ и бровямъ, кажутся нѣсколько выразительнѣе, чѣмъ у другихъ бѣлобровыхъ блондинокъ. Правда, смущалъ меня мой вздернутый носъ, потому что онъ сообщаетъ лицу какой-то капризный оттѣнокъ, но мнѣ всегда нравились мои маленькія уши. Теперь читай внимательно описаніе моей внѣшности, сдѣланное въ разное время Сережей. Оказывается, что моя голова—„характернаго склада головы Венеры Медицейской“, что мои глаза, разставленные, какъ мнѣ всегда казалось, нѣсколько широко, и мой невысокій лобъ напоминаютъ Сережѣ „очертанія античныхъ статуй“; мой вздернутый носъ напоминаетъ ему „красавицъ Грёза и Ланкрэ“, а маленькія уши—„признакъ страстной и сильной натуры“.

Каково! Но ты, пожалуйста, не подумай, что „вѣщуньина съ похвалъ вскружилась голова“, и хотя Сережа восхищается мной искренно, тономъ знатока-художника, но любовь, какъ всѣмъ извѣстно, слѣпа, а Сережа врядъ ли представляетъ счастливое исключеніе. Да я бы этого и не хотѣла.

Я знаю, что ты не упрекнешь меня въ тщеславіи за эти подробности. Впрочемъ, еслибы ты увидѣла теперь свою подругу, ты бы не узнала прежней Ольги! Я во многомъ перемѣнилась. Помнишь, съ какимъ увлеченіемъ я мечтала и говорила о новомъ платьѣ, которое мнѣ, бывало, нообѣщаетъ мама, о браслетахъ, серьгахъ и тому подобныхъ бездѣлушкахъ. Помнишь, какъ я потихоньку отъ нашей надзирательницы, наканунѣ пріемныхъ дней, на ночь завивала въ папильотки „непокорныя“ пряди волосъ на лбу, а утромъ старательно зачесывала, чтобы потомъ, при входѣ въ пріемную залу, развить ихъ... Помнишь, какъ храбро я выдерживала укоризненные взгляды дежурной классной дамы,—которая, по долгу службы, ненавидѣла наши „чолки“,—и ея грубые и подчасъ оскорбительные выговоры... Мнѣ даже стыдно вспоминать, до чего доходило мое малодушіе. Зато

Digitized by Google

теперь... Ты знаешь, какъ не любила я прежде всякую чувствительность, слезы, „обожанія“ и другія институтскія привычки, которыя мнѣ всегда казались притворствомъ. Теперь суди меня, недавняго строгаго судью.

Позавчера, гуляя въ лѣсу съ Сережей, я, по обыкновенію, восхищалась монастыремъ, освѣщеннымъ солнцемъ, и вслухъ высказала свой восторгъ. Сережа согласился со мной, полюбовался какими-то „теплыми тонами“ монастырской ограды и посовѣтовалъ мнѣ посмотрѣть монастырь ночью, при лунѣ.

— Это нѣчто удивительное!—прибавилъ онъ. „Удивительное“—его любимое слово.

Вечеромъ того же дня мы пошли въ лѣсъ. Было еще рано и мы долго ходили у опушки, ожидая восхода луны. Но вотъ засвѣтились верхушки деревьевъ и зеленый мракъ лѣса смѣнила прозрачная серебристая мгла. Мы подошли ближе къ монастырю и сѣли на стволъ поваленнаго дуба, покрытаго плэдомъ заботливаго Сережи. Луна всходила. Изъ мрака выступали до сихъ поръ невидимыя деревья за оградой монастыря, забѣлѣла узкая колокольня.

Все выше и выше поднималась луна, и на крестахъ и на куполахъ,—тамъ, гдѣ уцѣлѣла позолота, — загорались серебряныя искры. Весь бѣлый, монастырь словно выплылъ изъ луннаго тумана передъ моими глазами. Чудесная голубая ночь и теплый ароматный воздухъ довершали очарованіе. Я не умѣю, милая Соня, описать тебѣ даже приблизительно всю прелесть этой картины.

Сережа молчалъ и я не сказала ни слова, но чувствовала, что со мной происходитъ нѣчто непонятное. Этотъ ли дивный вечеръ, близость ли Сережи, я не знаю какія причины,— но къ глазамъ моимъ подступали слезы; мнѣ было и жутко, и сладко, и страшно. Я дрожала, какъ въ лихорадкѣ, руки мои похолодѣли. Сережа взялъ мою руку, хотѣлъ поднести ее къ своимъ губамъ и сразу замѣтилъ перемѣну. Онъ сначала подумалъ, что мнѣ холодно отъ лѣсной сырости. Набросилъ мнѣ на плечи свой плэдъ, согрѣвалъ дыханіемъ мои руки, но все было напрасно.

Къ горлу подступали рыданія, и я не могла сдержать слезъ. Сережа встревожился не на шутку, хотѣлъ сейчасъ же увести и даже унести меня домой на своихъ рукахъ, но

Digitized by Google

я овладѣла собой, пересилила рыданія и успокоила его. Я плакала не отъ горя. Счастье было слишкомъ велико и неожиданно для меня, и я не выдержала его приближенія.

Ты спросишь меня, можетъ быть, зачѣмъ я разсказываю тебѣ объ этой прогулкѣ въ лѣсу: что въ ней? Я не могу тебѣ объяснить, но увѣрена, что такой вечеръ не повторится въ моей жизни, и я навсегда сохраню о немъ благодарное воспоминаніе.

Въ послѣднее время, почему-то, я чаще стала заглядывать въ себя и удивляюсь своей глупости. Я ничего не знаю, ничего не читала. Я даже о многомъ не думала и во многомъ не отдавала себѣ отчета. Эти мысли появились во мнѣ, вѣроятно, подъ вліяніемъ Сережи. Иногда, послѣ его ухода, послѣ разговора съ нимъ, я долго не могу заснуть. Я вспоминаю каждое его слово, толкую его такъ или иначе; многое для меня и непонятно, и ново. Ты не подумай, что онъ меня „развиваетъ“, или хочетъ блистать передо мной умомъ или начитанностью. Въ немъ нѣтъ и тѣни тщеславія, да онъ и любитъ меня слишкомъ сильно, чтобы можно было заподозрить его въ какой бы то ни было игрѣ. Ему просто-напросто хочется подѣлиться со мной всѣмъ, что онъ знаетъ и чувствуетъ.

Недавно (но только, пожалуйста, не улыбайся!) мы говорили о Богѣ. Сережа на мой вопросъ, вѣритъ ли онъ, отвѣчалъ утвердительно. Не знаю зачѣмъ, но я противъ себя сказала, что иногда сомнѣваюсь. Сережа не удивился, не предложилъ никакого вопроса и сказалъ только, что онъ подчиняется сомнѣнію въ дурныя минуты своей жизни. „Когда во мнѣ погасаетъ любовь къ людямъ, природѣ, къ своему дѣлу; когда я чувствую себя способнымъ на злой поступокъ, я въ то же время чувствую, что Богъ уходитъ отъ меня. Но, и уходя, Онъ оставляетъ за собой свѣтъ, при которомъ я отличаю зло отъ добра“. Этотъ свѣтъ Сережа и называетъ своей вѣрой. Какъ бы я желала, чтобы этотъ свѣтъ никогда не покидалъ насъ! Но я никогда не кончу письма, если захочу вдоволь поговорить о Сережѣ. До свиданія, до скораго свиданія, милая Соня. Больше не буду тебѣ писать, но вѣрь, я люблю тебя по прежнему, даже больше прежняго. Твоя Ольга.

Викторъ Бибиковъ.

Digitized by Google

ВЛАСТЬ ДЕНЕГЪ.

Романъ **Эмиля Золя**.

IV.

Между тѣмъ, возникли затрудненія, дѣло затянулось; пять мѣсяцевъ прошло, а оно все еще не устраивалось. Наступили послѣдніе дни сентября, и Саккаръ бѣсился, видя, что, при всѣхъ его стараніяхъ, вѣчно являлись новыя помѣхи, выступала цѣлая серія второстепенныхъ вопросовъ, съ которыми нужно было предварительно раздѣлаться, чтобы основать что нибудь дѣйствительно-серьезное и солидное. Его нетерпѣніе возрасло до того, что одну минуту онъ былъ готовъ послать къ чорту синдикатъ, увлекшись внезапной идеей: начать предпріятіе въ товариществѣ съ одной княгиней Орвіедо. У нея были милліоны, необходимые для перваго начала. Почему бы княгинѣ не вложить ихъ въ эту великолѣпную операцію, съ тѣмъ чтобы привлечь мелкихъ кліентовъ, когда капиталъ будетъ возрастать, что было уже у него въ проэктѣ? Саккаръ дѣйствовалъ съ полнѣйшей искренностью, убѣжденный въ томъ, что, помѣстивъ такимъ образомъ состояніе княгини, состояніе бѣдняковъ, онъ удесятеритъ его, а слѣдовательно дастъ ей возможность еще щедрѣе раздавать милостыню.

Итакъ, въ одно прекрасное утро Саккаръ явился къ хозяйкѣ дома, чтобы въ качествѣ друга, но вмѣстѣ съ тѣмъ и дѣловаго человѣка, изложить ей свой проэктъ, объяснивъ, какъ основную идею, такъ и самый механизмъ предпріятія, о которомъ мечталъ. Онъ разсказалъ все, развернулъ передъ ней весь портфель Гамлена, не пропустилъ ни одного изъ

Digitized by Google

плановъ, которые они собирались осуществить на востокѣ. При своей способности опьянять себя собственнымъ энтузіазмомъ и проникаться убѣжденіемъ, когда имъ руководило жгучее желаніе успѣха, Аристидъ коварно выдалъ даже безумную мечту инженера утвердить папскій престолъ въ Іерусалимѣ; онъ говорилъ объ окончательномъ торжествѣ католицизма, съ увлеченьемъ описывалъ, какъ папа будетъ царствовать въ святой землѣ, подчиняя себѣ цѣлый міръ и будучи обезпеченъ королевскимъ бюджетомъ, благодаря учрежденію банка, наименованнаго Сокровищемъ Святаго Гроба. Княгиня, отличавшаяся пламенной набожностью, приняла къ сердцу только этотъ колоссальный проэктъ,—вѣнецъ зданія, химерическое величіе котораго подѣйствовало на ея ненормально-возбужденное воображеніе, заставлявшее эту женщину швырять милліоны на богоугодныя заведенія колоссальной и безполезной роскоши. Дѣйствительно, французскіе католики страшно негодовали на конвенцію, заключенную императоромъ съ королемъ Италіи, въ силу которой онъ обязывался, подъ извѣстными условіями гарантіи, отозвать корпусъ французскихъ войскъ, занимавшихъ Римъ. Это значило предать папскую столицу во власть Италіи. Надо было предвидѣть, что папа подвергнется изгнанію; его почитатели мысленно видѣли его уже собирающимъ милостыню, блуждающимъ изъ города въ городъ съ нищенскимъ посохомъ. И вдругъ такая чудесная развязка: папу провозглашаютъ первосвященникомъ и королемъ Іерусалима, онъ воцаряется тамъ, и его расходы покрываетъ банкъ, въ которомъ пожелаютъ принять участіе христіане цѣлаго міра, считая за честь быть его акціонерами! Это было до того прекрасно, что княгиня объявила идею Саккара величайшей идеей настоящаго столѣтія, достойной увлечь каждую личность благороднаго происхожденія и религіозныхъ правилъ. Успѣхъ казался ей несомнѣннымъ, поражающимъ, и ея уваженіе къ инженеру Гамлену возросло еще болѣе съ этого момента, такъ какъ г-жа Орвіедо почитала его и раньше за богомольность. Тѣмъ не менѣе, однако, она отказалась наотрѣзъ принять участіе въ дѣлѣ Саккара, желая остаться вѣрной своей торжественной клятвѣ отдать состояніе бѣднымъ, не извлекая изъ него барышей ни на одинъ сантимъ,—чтобы эти деньги, пріобрѣтенныя биржевой игрою,

Digitized by Google

потерялись, были поглощены нищетою, какъ отравленная вода, которую слѣдовало уничтожить. Доводы Саккара, что бѣдные воспользуются спекуляціей, не убѣждали ея, а, напротивъ, приводили въ раздраженіе. Нѣтъ, нѣтъ! проклятый источникъ изсякнетъ: она приняла на себя миссію истощить его, и не хочетъ знать другихъ цѣлей.

Раздосадованный Саккаръ добился только того, въ чемъ она уже не разъ отказывала. Онъ имѣлъ намѣреніе помѣстить свой банкъ въ отелѣ Орвіедо, и эту мысль внушила ему Каролина, потому что самъ онъ задавался болѣе широкими планами и желалъ бы немедленно выстроить для своего банка цѣлый дворецъ. Теперь же можно было ограничиться незначительными перестройками: покрыть стекляннымъ куполомъ дворъ, обративъ его въ центральную залу, а къ помѣщенію различныхъ бюро приспособить нижній этажъ, конюшни, сараи; въ первомъ этажѣ Саккаръ уступалъ свою гостинную, которая должна была служить залой совѣта, а свою столовую и шесть прочихъ комнатъ отдавалъ опять таки подъ остальныя отдѣленія банка. Для него же самого оставалась только спальня и уборная; онъ намѣревался жить вверху вмѣстѣ съ Гамленами, обѣдать и завтракать съ ними за однимъ столомъ и тамъ же проводить вечера; это давало возможность при небольшихъ расходахъ устроить новый банкъ хотя немного тѣсновато, но все таки прилично. Княгиня въ качествѣ домовладѣлицы, сначала отказала; ей были ненавистны всякіе денежные обороты: никогда не пріютитъ она подъ своей кровлей грязную спекуляцію! Но въ этотъ день Саккаръ съумѣлъ задѣть чувствительныя струны ея души, и религіозная женщина, тронутая величіемъ конечной цѣли предпріятія, дала свое согласіе. Однако, это стоило ей дорого; она чувствовала легкую дрожь при мысли о кредитномъ учрежденіи, которому давала мѣсто въ своемъ жилищѣ, о пріютѣ биржевой игры и ажіотажа, со всѣми его приспособленіями и подлыми махинаціями, приводившими столькихъ людей къ разоренію и смерти. Наконецъ, недѣлю спустя послѣ неудачной попытки вовлечь въ предпріятіе княгиню Орвіедо, Саккаръ былъ обрадованъ неожиданнымъ устройствомъ своихъ дѣлъ; всѣ препятствія были устранены въ нѣсколько дней. Дегремонъ явился къ нему однажды поутру, съ извѣстіемъ, что можно

Digitized by Google

окончательно приступить къ учрежденію банка, такъ какъ онъ выхлопоталъ разрѣшеніе. Тутъ въ послѣдній разъ было приступлено къ проэкту устава и былъ составленъ актъ учрежденія новаго общества. Развязка эта являлась особенно желанной для Гамлена, которому снова приходилось плохо отъ матеріальныхъ недостатковъ. Цѣлые годы онъ лелѣялъ одну мечту — занять должность инженера въ совѣтѣ большаго кредитнаго общества: по его словамъ, онъ бралъ на себя трудъ „провести воду на мельницу.“ Горячка Саккара мало по малу сообщилась ему; теперь онъ пылалъ одинаковымъ съ нимъ усердіемъ, одинаковымъ нетерпѣньемъ. Напротивъ того, Каролина, приходившая прежде въ восторгъ отъ великолѣпныхъ и полезныхъ предпріятій на востокѣ, какъ будто охладѣла и стала задумчивой, съ тѣхъ поръ какъ имъ пришлось наткнуться на первыя препятствія, прокладывать себѣ дорогу въ дикой чащѣ, по опаснымъ топямъ. Ея обширный здравый смыслъ и прямодушіе чуяли повсюду скрытыя грязныя западни и она трепетала особенно за своего брата, который былъ ея кумиромъ и котораго она иногда называла „большимъ дурнемъ“, не смотря на его ученость. Собственно она нимало не сомнѣвалась въ неподкупной честности ихъ друга, который такъ хлопоталъ о томъ, чтобы обогатить ихъ; но ею овладѣло страшное ощущеніе непрочности почвы подъ ногами, боязнь упасть и быть поглощенной какой нибудь коварной глубиной при первомъ невѣрномъ шагѣ.

Въ это утро Саккаръ, по уходѣ Дегремона, вошелъ съ сіяющимъ лицомъ въ залу, обвѣшанную чертежами.

— Наконецъ-то все устроилось!—воскликнулъ онъ.

Гамленъ, растроганный, съ влажными глазами, принялся до боли пожимать ему руки, между тѣмъ какъ его сестра только повернулась къ вошедшему, слегка поблѣднѣвъ.

— Ну, что жъ, развѣ вы не рады и ничего мнѣ не скажете?—прибавилъ онъ, замѣтивъ это.

Тогда она улыбнулась привѣтливой улыбкой.

— Ну, разумѣется, я очень рада, увѣряю васъ.

Потомъ, когда онъ сталъ подробно говорить съ ея братомъ насчетъ окончательно составленнаго синдиката, она

Digitized by Google

вмѣшалась въ ихъ разговоръ со свойственнымъ ей спокойнымъ, увѣреннымъ видомъ.

— Значитъ, это дозволительно, не такъ ли? Нѣсколько человѣкъ могутъ соединяться между собою для раздѣла акцій банка, даже раньше ихъ выпуска?

Саккаръ быстро закивалъ головой въ знакъ подтвержденія.

— Ну, конечно, это позволено!.. Неужели вы считаете насъ такими глупыми, чтобъ мы рисковали провалиться? Не говоря уже о томъ, что намъ необходимы солидные люди, держащіе рынокъ въ своей власти... если дѣло окажется труднымъ... Вотъ уже четыре пятыхъ нашихъ бумагъ помѣщены въ вѣрныхъ рукахъ. По крайней мѣрѣ, мы можемъ подписать актъ учрежденія общества у нотаріуса.

Однако, она рѣшилась съ нимъ поспорить.

— Я полагала, что законъ требуетъ подписки на весь капиталъ?

На этотъ разъ Саккаръ, сильно удивленный, заглянулъ ей въ лицо.

— Значитъ, вы читаете сводъ законовъ?

Она слегка покраснѣла, потому что онъ угадалъ: наканунѣ, мучимая безпокойствомъ, неопредѣленной, безпричинной боязнью, Каролина просмотрѣла законъ объ учрѣжденіи обществъ. Одну минуту она была готова солгать, но потомъ призналась со смѣхомъ:

— Это правда, я читала вчера сводъ законовъ, и послѣ этого чтенія стала относиться недовѣрчиво, какъ къ моей собственной честности, такъ и къ честности другихъ. Такъ бываетъ съ людьми, читающими медицинскія книги; они становятся мнительными и невольно приписываютъ себѣ всевозможныя болѣзни.

Возраженія Каролины пришлись не по вкусу Аристиду; если она хотѣла вникнуть во все сама, то, значитъ, была недовѣрчива по природѣ и готова наблюдать за нимъ своими пытливыми, умными женскими глазами.

— Ахъ,—продолжалъ онъ, дѣлая жестъ рукою, какъ будто отталкивалъ напрасныя подозрѣнія,—неужели вы думаете, что мы будемъ во всемъ соображаться съ китайскими церемоніями свода законовъ! Тогда мы не могли бы сдѣлать

Digitized by Google

двухъ шаговъ, не запутавшись въ разныхъ затрудненіяхъ, между тѣмъ какъ наши соперники давно бы опередили насъ, спокойно перепрыгивая черезъ ненужныя мелочи!.. Ужь, конечно, я не стану дожидаться подписки на весь капиталъ; кромѣ того, я предпочитаю сохранить за нами акціи и найду человѣка, которому открою кредитъ и который будетъ фиктивнымъ учредителемъ нашего банка.

— Это запрещено,—спокойно сказала Каролина своимъ прекраснымъ, серьезнымъ голосомъ.

— Да, запрещено и однако всѣ общества дѣлаютъ это.

— И они не правы, потому что это дурно!

Саккаръ, сдерживая досаду рѣзкимъ усиліемъ воли, нашелъ нужнымъ обратиться къ Гамлену, который слушалъ, не прерывая, и былъ видимо сконфуженъ.

— Любезный другъ, надѣюсь, что вы не сомнѣваетесь во мнѣ... Я тертый калачъ и имѣю кое-какую опытность, такъ что вы смѣло можете довѣрить Саккару финансовую сторону дѣла; подавайте мнѣ только хорошія идеи, а я беру на себя извлечь изъ нихъ наибольшую выгоду съ наименьшимъ рискомъ. Полагаю, что всякій практичный человѣкъ скажетъ то же самое.

Молодой инженеръ со своей вѣчной робостью и малодушіемъ повернулъ дѣло въ шутку, чтобы избѣжать прямаго отвѣта.

— О, въ Каролинѣ вы встрѣтите настоящаго цензора! Она родилась школьнымъ учителемъ.

— Что жъ, я охотно поступлю въ ея классъ,—любезно заявилъ Саккаръ.

Сама Каролина разсмѣялась, и разговоръ продолжался въ дружелюбномъ тонѣ.

— Видите ли, я очень люблю моего брата, да и васъ люблю гораздо больше, чѣмъ вы думаете; вотъ почему мнѣ было бы крайне непріятно, еслибъ вы запутались въ какихъ нибудь неблагопріятныхъ сдѣлкахъ, которыя не приведутъ ни къ чему хорошему... Говоря по правдѣ, спекуляція и биржевая игра внушаютъ мнѣ непобѣдимый ужасъ. Я была такъ счастлива, когда, переписывая для васъ проэктъ устава, прочитала въ параграфѣ 8-мъ, что общество будетъ строго воздерживаться отъ всякихъ срочныхъ операцій; вѣдь это зна-

Digitized by Google

читъ воздерживаться отъ игры? Но потомъ вы меня разочаровали, когда стали смѣяться надо мною, объясняя, что этотъ параграфъ включенъ только для виду, что это не болѣе какъ стилистическая формула, къ которой считали необходимымъ прибѣгать всѣ общества, чтобы не исполнять ея... Вы не знаете, чего мнѣ хотѣлось; мнѣ хотѣлось, чтобы, вмѣсто этихъ пятидесяти тысячъ акцій, которыя вы собираетесь пустить въ обращеніе, вами были бы выпущены только облигаціи. О, вы видите, что я знаю очень многое, съ тѣхъ поръ какъ читаю сводъ законовъ; мнѣ извѣстно, что на облигаціи не играютъ; что владѣлецъ облигаціи есть просто лицо, которое ссужаетъ деньги обществу, получая извѣстный процентъ на свою ссуду, но не имѣя доли въ барышахъ, тогда какъ акціонеръ есть уже компаньонъ общества, который дѣлитъ барыши и несетъ убытки... Скажите, почему же вы не хотите выпустить облигацій? Это меня такъ бы успокоило, я была бы такъ рада!..

Каролина нарочно говорила шутливымъ умоляющимъ тономъ, чтобы скрыть свою настоящую тревогу, и Саккаръ отвѣчалъ ей съ комической напускной горячностью:

— Облигаціи, облигаціи! Да ни за что на свѣтѣ! Чего вы такъ прицѣпились къ этимъ облигаціямъ? Вѣдь это мертвая матерія... Поймите, что спекуляція, игра, есть центральный двигатель, самое сердце въ такомъ обширномъ дѣлѣ, какъ наше. Да, именно; она притягиваетъ кровь, беретъ ее отовсюду маленькими токами, собираетъ и снова отсылаетъ уже рѣками по всѣмъ направленіямъ, установляя громадную циркуляцію денегъ, которая и есть сама жизнь крупныхъ предпріятій. Безъ игры, большія движенія капиталовъ, обширныя цивилизующія работы, которыя изъ нихъ проистекаютъ, радикально невозможны... Возьмемъ хотя бы анонимныя общества. Ужь сколько противъ нихъ кричали, называя ихъ мошенническими, разбойничьими притонами! А на повѣрку вышло, что безъ нихъ у насъ не было бы желѣзныхъ дорогъ, не осуществилось бы ни одно изъ гигантскихъ предпріятій новѣйшаго времени, которыя обновили міръ; никакого богатства отдѣльной личности не хватило бы для ихъ осуществленія, точно также какъ ни одинъ индивидуумъ и даже цѣлая группа индивидуумовъ не взяли бы на себя по-

Digitized by Google

добнаго риска. Но только крупный рискъ ведетъ къ великой цѣли. Нуженъ обширный проэктъ, громадность котораго поражала бы воображеніе; нужна надежда на крупный барышъ, который однимъ разомъ можетъ удесятерить вашъ вкладъ, если не унесетъ всего. И вотъ, при такихъ-то условіяхъ, страсти разгораются, жизнь приливаетъ широкой волной; каждый несетъ свои деньги, и, если вы захотите, то можете такимъ образомъ перемѣстить весь земной шаръ. Что же тутъ дурнаго? Рискъ, которому подвергаются люди, для нихъ не обязателенъ; они рискуютъ по доброй волѣ и затѣмъ онъ еще разверстывается на безконечное число лицъ, притомъ неравными и ограниченными долями, по мѣрѣ богатства и смѣлости каждаго. Въ предпріятіяхъ проигрываютъ, но также и выигрываютъ; всякій надѣется на счастье, но долженъ быть готовъ и къ неудачѣ, а человѣчество ни о чемъ не мечтаетъ такъ пламенно, такъ упорно, какъ объ игрѣ случая, о неожиданномъ благоволеніи судьбы, которое по своему капризу можетъ сдѣлать его и царемъ, и богомъ!

Мало по малу Саккаръ пересталъ смѣяться; выпрямляясь на своихъ маленькихъ ножкахъ, онъ воспламенялся лирическимъ жаромъ, жестикулируя и поворачиваясь во всѣ стороны.

— Вотъ хоть бы мы, — продолжалъ онъ,—съ нашимъ Всемірнымъ Банкомъ; развѣ мы не откроемъ широчайшаго горизонта, не прорубимъ окно въ обветшалый азіатскій міръ, не откроемъ безграничной арены для піонеровъ прогресса, для радужныхъ сновъ искателей золота? Дѣйствительно, никогда еще самолюбіе не заходило такъ далеко и, я сознаюсь въ томъ, никогда еще условія успѣха и не успѣха не были болѣе темными. Но именно—самая проблематичность предпріятія возбудитъ необыкновенно любопытство публики, едва только о насъ узнаютъ... Нашъ Всемірный Банкъ прежде всего сдѣлается классическимъ учрежденіемъ, которое будетъ касаться всѣхъ банковыхъ, кредитныхъ и учетныхъ операцій, будетъ принимать фонды на текущій счетъ, будетъ заключать контракты, сдѣлки, выпускать займы. Но мнѣ прежде всего нужно, чтобъ онъ послужилъ орудіемъ которое пустила бы въ ходъ великіе проэкты вашего бр ата: вотъ въ чемъ будетъ его настоящая роль, ис

Digitized by Google

точникъ возрастающихъ барышей и могущества, которое мало по малу подчинитъ себѣ все. Однимъ словомъ, мой Всемірный Банкъ основанъ въ помощь финансовымъ и промышленнымъ обществамъ, которыя мы учредимъ въ иностранныхъ земляхъ гдѣ будемъ пристраивать ихъ акціи, а эти общества будутъ обязаны намъ своею жизнью и обезпечатъ за нами главенство... И вдругъ—передъ такимъ ослѣпительнымъ, побѣдоноснымъ будущимъ вы меня спрашиваете: позволительно ли составлять синдикаты, поощрять преміей ихъ участниковъ и отнести этотъ расходъ на счетъ перваго обзаведенія? Васъ тревожатъ маленькія фатальныя неправильности, неподписанныя акціи, которыя общество будетъ хранить подъ эгидой фиктивнаго учредителя, наконецъ вы воюете противъ игры... Противъ игры! Но Боже ты мой, вѣдь она-то и есть сама душа, самый очагъ, живительное пламя исполинской механики, о которой я мечтаю!.. Такъ узнайте же, что все это—не больше какъ ничего не стоющіе пустяки, что несчастный капиталишка въ двадцать пять милліоновъ только простая вязанка хворосту, подброшенная подъ машину для растопки; что я надѣюсь удвоить, учетверить, упятерить его по мѣрѣ расширенія нашихъ операцій, что намъ нуженъ цѣлый градъ червонцевъ, пляска милліоновъ, если мы хотимъ сотворить на востокѣ обѣщанныя чудеса! Боже, да я не отвѣчаю за провалъ. Нельзя же перевернуть весь свѣтъ, не наступивъ на ноги нѣсколькимъ прохожимъ.

Каролина смотрѣла на него и, при своей любви къ жизни, ко всему, въ чемъ сказывается сила и дѣятельность, она кончила тѣмъ, что нашла Саккара прекраснымъ, обольстительнымъ въ своей горячности и непоколебимой вѣрѣ. Поэтому, не сдаваясь на его теоріи, которыя возмущали ея прямодушіе и свѣтлый умъ, она прикинулась убѣжденной его словами.

— Ну, отлично; допустимъ, что я не болѣе, какъ женщина, и что житейскія битвы пугаютъ меня... Но только старайтесь, пожалуйста, давить какъ можно меньше народу, а въ особенности не раздавите тѣхъ, кто мнѣ дорогъ.

Саккаръ, опьяненный своимъ краснорѣчіемъ, въ восторгѣ отъ своего обширнаго плана,—какъ будто онъ уже осуществился,—обнаружилъ необыкновенное благодушіе.

Digitized by Google

— Не бойтесь! Вѣдь это въ шутку я представляюсь людоѣдомъ; повѣрьте, черезъ меня всѣ только разбогатѣютъ.

Послѣ того, они принялись спокойно обсуждать необходимыя распоряженія и между ними было рѣшено, что, на другой же день послѣ окончательнаго учрежденія общества, Гамленъ отправится въ Марсель, а оттуда на востокъ, чтобы ускорить начало великихъ предпріятій. Между тѣмъ, на парижскомъ рынкѣ уже стали ходить кое-какіе слухи, поминалось имя Саккара, забытаго въ глубокомъ омутѣ, куда онъ нырнулъ послѣ своего разоренія. О новомъ предпріятіи сначала толковали шопотомъ, потомъ заговорили все громче и громче, пока наконецъ стали трубить о предстоящемъ успѣхѣ Аристида. И вотъ опять, какъ нѣкогда въ паркѣ Монсо, его прихожая стала наполняться просителями. Маклеръ Мазо забѣгалъ къ нему мимоходомъ; другіе маклеры дѣлали тоже, какъ напримѣръ, еврей Жакоби со своимъ громовымъ голосомъ и его зять Деларокъ, толстый, рыжій господинъ, возмутительно обращавшійся съ женою. Являлась и кулиса въ лицѣ Натансона, маленькаго, подвижнаго блондина, необыкновенно счастливаго въ дѣлахъ. А что касается Массіаса, покорно тянувшаго лямку вольнаго агента-неудачника, то онъ приходилъ каждый день, хотя Саккаръ не давалъ еще никакихъ заказовъ. Словомъ, у него порядкомъ таки обивали пороги.

Въ одно утро, съ девяти часовъ онъ нашелъ свою прихожую переполненной. Не успѣвъ еще составить штата служащихъ, хозяинъ кое-какъ обходился съ однимъ камердинеромъ и чаще всего самъ впускалъ посѣтителей. Въ этотъ день, когда Саккаръ отворилъ дверь своего кабинета, къ нему хотѣлъ войти Жантру; однако, увидавъ Сабатани, котораго по его распоряженію разыскивали уже два дня, банкиръ сказалъ, останавливая бывшаго учителя:

— Извините, мой другъ, вамъ придется немного подождать,—и пропустилъ впередъ левантинца.

Сабатани со своей подозрительной, ласковой улыбкой, со своей змѣиной гибкостью далъ высказаться Саккару, который впрочемъ, приступилъ къ дѣлу безъ дальнихъ околичностей, зная, какъ съ кѣмъ обойтись.

— Мой милый, вы мнѣ нужны... Намъ необходимъ фик-

Digitized by Google

тивный директоръ. Я открою вамъ счетъ и запишу на ваше имя нѣкоторое количество акцій нашего банка, за которыя вы расплатитесь нѣсколькими штрихами пера... Вы видите, я прямо иду къ цѣли и обращаюсь съ вами, какъ съ другомъ.

Молодой человѣкъ смотрѣлъ на него своими прекрасными бархатными глазами, такими кроткими на его смугломъ лицѣ.

— Законъ, любезный хозяинъ, требуетъ формальнымъ образомъ взноса наличными деньгами... Я говорю вамъ это, конечно, не по отношенію къ себѣ. Вы поступаете со мной дружески и я очень польщенъ этимъ... Заранѣе согласенъ на всѣ ваши условія.

Тогда Саккаръ, чтобы польстить, завелъ рѣчь о томъ, какимъ уваженіемъ пользуется Сабатани у Мазо, принимающаго теперь отъ него заказы безъ обезпеченія. Затѣмъ банкиръ сталъ шутить насчетъ Жермены Кёръ, съ которой встрѣтилъ его наканунѣ, и сказалъ, что всѣ кокотки биржеваго міра сходятъ по немъ съ ума. Левантинецъ не отрицалъ этого, посмѣиваясь двусмысленнымъ смѣхомъ. Да, эти барыни пресмѣшныя и съ чего-то всѣ принялись бѣгать за нимъ... такъ, просто, изъ любопытства...

— Ахъ кстати, — перебилъ Саккаръ, — намъ также понадобятся подписи для урегулированія нѣкоторыхъ операцій, напримѣръ, для передачъ... Вы позволите посылать къ вамъ пакеты съ бумагами къ подписанію?

— Разумѣется, любезный хозяинъ! Все, что вамъ угодно.

Онъ даже не поднималъ вопроса о платѣ, зная, что подобнымъ услугамъ нѣтъ цѣны, и когда Аристидъ прибавилъ, что ему будутъ выплачивать по франку за подпись, чтобы вознаградить его за потерянное время, онъ изъявилъ согласіе молчаливымъ кивкомъ головы, послѣ чего прибавилъ со своей мягкой улыбкой:

— Надѣюсь, любезный хозяинъ, что вы не откажете мнѣ въ своихъ совѣтахъ. Теперь вы займете такой важный постъ, что я стану обращаться къ вамъ за справками.

— Хорошо, — отвѣчалъ Саккаръ, отлично понимавшій, къ чему клонится рѣчь. — До свиданья. Поберегите себя: не слишкомъ уступайте дамскому любопытству.

И, опять развеселившись, онъ проводилъ Сабатани черезъ боковую дверь, которая позволяла ему отпускать посѣтителей,

Digitized by Google

не заставляя ихъ вторично проходить черезъ пріемную залу. Потомъ, выглянувъ изъ первой двери, онъ позвалъ Жантру. Но одной внѣшности было видно, что этотъ человѣкъ сильно нуждается. Рукава его сюртука были вытерты о столики въ кафе, въ ожиданіи мѣста. Биржа по прежнему была для него мачихой, но все таки Жантру держался еще молодцомъ: носилъ бороду вѣеромъ, щеголялъ цинизмомъ, былъ начитанъ и отъ времени до времени отпускалъ еще цвѣтистыя фразы человѣка съ университетскимъ образованіемъ.

— А я собирался вскорѣ вамъ написать,—сказалъ Саккаръ.—Мы составляемъ списокъ служащихъ, и васъ я записалъ однимъ изъ первыхъ, намѣреваясь доставить вамъ должность въ бюро выпусковъ.

Жантру остановилъ его жестомъ.

— Вы очень добры, благодарю васъ... Только я самъ хочу предложить вамъ одно дѣло.

Онъ не объяснился сразу, отдѣлываясь общими мѣстами, и наконецъ спросилъ, какую роль будутъ играть газеты въ рекламированіи Всемірнаго Банка. Саккаръ, воспламенившись съ первыхъ же словъ, заявилъ, что онъ стоитъ за самую широкую гласность и употребитъ на это всѣ свободныя деньги. Ни однимъ органомъ не слѣдовало пренебрегать, не исключая и такихъ, которые въ розничной продажѣ ходятъ по два су; онъ принималъ за аксіому, что всякій шумъ хорошъ, только бы побольше шумѣли. Конечно, было бы пріятно привлечь всѣ газеты на свою сторону, еслибъ это не требовало уже слишкомъ большихъ затратъ.

— Послушайте, не приходило ли вамъ въ голову организовать это дѣльце, взять на себя переговоры съ журналистами? Это было бы, пожалуй, не глупо. Мы еще потолкуемъ съ вами...

— Послѣ, если позволите... Но что вы скажете о собственномъ органѣ печати, который совершенно былъ бы вашимъ, выходя подъ моей редакціей? Каждое утро вамъ отводилась бы страница: для статей, гдѣ васъ превозносили бы до небесъ, для простыхъ замѣтокъ, обращающихъ на васъ вниманіе, для намековъ въ статьяхъ, совершенно чуждыхъ финансамъ; однимъ словомъ, это былъ бы правильный походъ по всей формѣ и вамъ постоянно трубили бы хвалы, по по-

Digitized by Google

воду всего и ничего, на гекатомбѣ вашихъ соперниковъ... Вѣдь соблазнительно, не такъ ли?

— Да, но во что это обойдется!

— Не бойтесь: цѣна будетъ умѣренная.

И Жантру назвалъ, наконецъ, газету. Это была „Espérance“, листокъ, основанный два года назадъ небольшой группой вліятельныхъ католиковъ, ярыхъ сторонниковъ своей партіи, жестоко преслѣдовавшихъ имперію. Успѣха эта газета не имѣла никакого и каждую недѣлю толковали о ея закрытіи.

Саккаръ замахалъ руками.

— Что вы, да вѣдь у нея нѣтъ и двухъ тысячъ подписчиковъ!

— Это ужъ будетъ наше дѣло увеличить ихъ число.

— Нѣтъ, тутъ есть еще другая загвоздка: „Espérance“ топчетъ въ грязь моего брата, а я не могу съ нимъ ссориться на первыхъ же шагахъ.

Жантру тихонько пожалъ плечами.

— И ни съ кѣмъ не слѣдуетъ ссориться. Вы знаете, когда у кредитнаго общества есть свой органъ, это рѣшительно все равно, поддерживаетъ ли онъ правительство, или нападаетъ на него. Если онъ офиціозенъ, общество можетъ быть увѣрено, что безъ его участія не обойдется ни одинъ изъ синдикатовъ, составляемыхъ министромъ финансовъ для обезпеченія государственныхъ и общинныхъ займовъ; если же органъ стоитъ на сторонѣ оппозиціи, тотъ же министръ будетъ оказывать всякаго рода вниманіе банку, представителемъ котораго служитъ враждебная газета; желаніе обезоружить ее или переманить въ свой лагерь выражается нерѣдко еще бо́льшими милостями. Поэтому не смущайтесь цвѣтомъ нашей „Espérance“; заводите журналъ: это нешуточная сила.

Задумавшись на минуту, Саккаръ съ той быстротой соображенія, которая позволяла ему сразу усвоить чужую идею, разобрать ее до тонкости и примѣнить къ своимъ нуждамъ,— такъ что она вполнѣ дѣлалась его собственною,—успѣлъ развить цѣлый планъ. Онъ купитъ „Espérance“, прекратитъ въ ней рѣзкую полемику, заставитъ ее пресмыкаться у ногъ своего брата, принудивъ этимъ Ругона къ благодарности, но въ то же время сохранитъ за ней католическій букетъ и даже

Digitized by Google

оставитъ ее на всякій случай въ прежнемъ видѣ, какъ угрозу, какъ машину, всегда готовую опять вооружиться противъ враговъ католицизма во имя религіи. И, если ему не будутъ покровительствовать, онъ станетъ угрожать могуществомъ Рима и рискнетъ заговорить о будущемъ іерусалимскомъ королевствѣ. Это было бы недурно для рѣшительнаго окончанія дѣла.

— Но будемъ ли мы свободны?—рѣзко спросилъ онъ.

— Совершенно свободны. Газетка надоѣла самимъ издателямъ и теперь попала въ руки одного голыша, который охотно продастъ ее за какихъ нибудь десять тысячъ франковъ. Мы сдѣлаемъ изъ этого органа, что хотимъ.

Саккаръ размышлялъ еще съ минуту.

— Ну, хорошо! Дѣло кончено. Переговорите съ издателемъ и пригласите его сюда... Вы будете редакторомъ, и въ вашихъ рукахъ централизуется вся наша гласность, которую я желаю сдѣлать исключительной, громадной,—о! конечно, впослѣдствіи, когда у насъ будетъ достаточно матеріала, чтобы растопить серьезнымъ образомъ машину!

Онъ всталъ; Жантру сдѣлалъ тоже, сдерживая свою радость, довольный, что наконецъ нашелъ кусокъ хлѣба, но скрывая свои настоящія чувства подъ шутливымъ смѣхомъ выкинутаго изъ общества балагура, которому надоѣло влачиться въ парижской грязи.

— Наконецъ-то я опять буду въ своей тарелкѣ, стану заниматься моей милой литературой!

— Прошу васъ, не приглашайте еще никого въ сотрудники,—продолжалъ Саккаръ, провожая его.—А пока я обдумываю дѣло, наведите справки объ одномъ изъ моихъ протежэ, Полѣ Іорданѣ, молодомъ человѣкѣ, который, по моему, обладаетъ замѣчательнымъ талантомъ; онъ будетъ для васъ отличнымъ редакторомъ по литературной части. Я ему напишу, чтобъ онъ къ вамъ зашелъ.

Жантру выходилъ въ боковую дверь, какъ вдругъ его поразило такое удобное расположеніе кабинета съ двумя выходами.

— Послушайте, а вѣдь это преотлично,—сказалъ онъ со свойственной ему фамильярностью,—здѣсь можно спрятать кого угодно... Это въ особенности удобно, когда приходятъ

Digitized by Google

такія хорошенькія дамочки, какъ та, съ которой я только что раскланялся въ передней,—баронесса Сандорфъ...

Саккаръ не зналъ, что она была тамъ; онъ пожалъ плечами, дѣлая видъ, какъ будто ему рѣшительно все равно, но Жантру лукаво усмѣхался, отказываясь вѣрить его равнодушію. На прощанье они обмѣнялись крѣпкимъ рукопожатіемъ.

Оставшись одинъ, Саккаръ машинально подошелъ къ зеркалу и приподнялъ волосы безъ малѣйшей просѣди. Впрочемъ, онъ не лгалъ: женщины не занимали его нисколько, когда онъ уходилъ въ дѣла, и въ данномъ случаѣ Аристидъ уступалъ единственно врожденной любезности француза, который не можетъ остаться наединѣ съ женщиной, не боясь прослыть глупцомъ, если ему не удастся очаровать ее. Пригласивъ баронессу въ кабинетъ, онъ принялъ ее съ величайшей почтительностью.

— Сударыня, прошу садиться!

Никогда еще не видалъ онъ ее въ ореолѣ такой необыкновенной привлекательности,—съ этими пурпурными губами, жгучими глазами подъ измятыми вѣками, глубоко запавшими подъ черной дугой густыхъ бровей. Чего она отъ него хотѣла? И онъ былъ удивленъ, почти разочарованъ, когда посѣтительница объяснила причину своего прихода.

— Боже мой! милостивый государь, извините, пожалуйста, что я васъ безпокою единственно ради себя; но между людьми одного круга нельзя обойтись безъ нѣкоторыхъ маленькихъ услугъ... Недавно у васъ служилъ поваръ, котораго хочетъ взять къ себѣ мой мужъ. Я пріѣхала навести о немъ справки.

Саккаръ принялся обязательно отвѣчать на всѣ вопросы, не обнаруживая нетерпѣнья и въ то же время не спуская взгляда съ баронессы; онъ угадывалъ, что это былъ только одинъ предлогъ: красавица навѣрно нисколько не безпокоилась о поварѣ и пріѣхала съ другою цѣлью. Дѣйствительно, съ вопроса о прислугѣ она перешла на одного общаго знакомаго, оказавшагося никѣмъ инымъ, какъ маркизомъ де-Богеномъ, который говорилъ ей о Всемірномъ Банкѣ. Ужасно трудно пристроить свои деньги и найти имъ вѣрное помѣщеніе. Наконецъ Саккаръ понялъ, что она охотно взяла бы

Digitized by Google

акціи съ преміею въ десять процентовъ, предоставленной участникамъ синдиката; но онъ понялъ еще лучше, что, если открыть ей текущій счетъ, она не заплатитъ.

— У меня собственное состояніе, котораго мужъ не касается,—продолжала она.—Мнѣ много хлопотъ съ деньгами, но это меня также и развлекаетъ отчасти, признаюсь откровенно... Не правда ли, женщина, занимающаяся финансами, а въ особенности молодая, представляетъ собою какое-то анормальное явленіе и невольно напрашивается на порицаніе?... Бываютъ дни, когда я нахожусь въ ужасномъ затрудненіи за неимѣніемъ друзей, которые дали бы мнѣ совѣтъ. Не дальше, какъ двѣ недѣли назадъ, я по своей неопытности потеряла значительную сумму... Но теперь, когда вы займете такое выгодное положеніе, причемъ вамъ будутъ извѣстны многіе биржевые секреты, не будете ли вы такъ добры... такъ любезны...

Страсть къ азартной игрѣ ясно сквозила въ этой свѣтской женщинѣ,—страсть неудержимая, бѣшеная, овладѣвшая этой дочерью Ладрикуровъ, одинъ изъ предковъ которой взялъ Антіохію, этой женою дипломата, передъ которой раболѣпствовала иностранная колонія Парижа. И всѣ эти высокія преимущества не мѣшали ей однако являться въ качествѣ двусмысленной просительницы ко всѣмъ финансовымъ тузамъ. Изъ ея губъ, казалось, вотъ-вотъ брызнетъ кровь; ея глаза блестѣли ярче; желаніе порывалось наружу, волнуя пылкую женщину, какой выказывала себя баронесса. И Саккаръ имѣлъ наивность повѣрить, что она пришла сюда предложить ему себя просто ради того, чтобъ участвовать въ его обширномъ предпріятіи и при случаѣ воспользоваться нужными свѣдѣніями съ биржи.

— Сударыня,—воскликнулъ онъ,—я ничего не желаю такъ сильно, какъ положить свою опытность къ вашимъ ногамъ.

Аристидъ пододвинулъ поближе стулъ и взялъ баронессу за руку. Между тѣмъ, она вдругъ какъ будто отрезвилась. Ахъ, нѣтъ, теперь еще слишкомъ рано; она всегда успѣетъ подарить ночь любви за сообщеніе важной депеши! Ей ужь и безъ того достаточно претила отвратительная связь съ генеральнымъ прокуроромъ Делькамбромъ,—этой высохшей желтой мумією, которую она должна была по неволѣ терпѣть,

Digitized by Google

благодаря скаредности своего мужа. И ея плотское безстрастіе, тайное презрѣніе къ мужчинѣ обнаружилось въ утомленной минѣ поблѣднѣвшаго лица, которому она придала напускную страстность, на самомъ дѣлѣ волнуясь только разсчетомъ на выгодную игру. Она встала въ порывѣ возмущенной гордости женщины знатной и утонченно воспитанной, что уже не разъ доводило ее до промаховъ въ финансовыхъ дѣлахъ.

— Итакъ, милостивый государь, вы говорите, что были довольны своимъ поваромъ?

Удивленный Саккаръ поднялся въ свою очередь. На что же она разсчитывала? На то, что онъ запишетъ ее въ число участниковъ банка и будетъ доставлять ей свѣдѣнія, такъ себѣ, здорово живешь? Рѣшительно не стоитъ довѣрять женщинамъ! На денежныхъ рынкахъ онѣ оказываются самыми лукавыми созданіями. И хотя Аристидъ очень желалъ овладѣть этой сиреной, но онъ не настаивалъ и только поклонился ей съ многозначительной улыбкой, которая какъ будто говорила: „къ вашимъ услугамъ, сударыня, когда вамъ будетъ угодно“. Онъ прибавилъ вслухъ:

— Я былъ очень доволенъ своимъ поваромъ, повторяю вамъ; только перемѣна моей домашней обстановки заставила меня съ нимъ разстаться.

Баронесса съ минуту колебалась, не потому, чтобъ сожалѣла о порывѣ возмущенной гордости, но она, конечно, почувствовала, какъ наивно было съ ея стороны пріѣхать къ какому нибудь Саккару, не будучи готовой ко всѣмъ послѣдствіямъ подобнаго шага. Она досадовала на себя, такъ какъ вѣрила въ свою серьезность. Молодая женщина кончила тѣмъ, что отвѣтила простымъ наклоненіемъ головы на почтительный поклонъ хозяина. Тотъ проводилъ ее до боковаго выхода, какъ вдругъ маленькая дверца съ шумомъ распахнулась, отворенная чьей-то безцеремонной рукою. Это былъ Максимъ; онъ завтракалъ сегодня у отца и вошелъ, какъ близкій человѣкъ, черезъ коридоръ. Юноша посторонился также съ поклономъ и пропустилъ баронессу. Когда она ушла, у него вырвался легкій смѣхъ.

— Значитъ, твое дѣло пошло въ ходъ? — Ты ужь получаешь преміи!

Digitized by Google

Не смотря на крайнюю юность, онъ отличался солидностью опытнаго человѣка, неспособнаго увлечься рискованнымъ удовольствіемъ. Отецъ понялъ его тонъ ироническаго превосходства.

— Вотъ и ошибаешься: я ровно ничего не получилъ и даже не изъ цѣломудрія, потому что, милый мальчикъ, я также горжусь тѣмъ, что мнѣ вѣчно двадцать лѣтъ, какъ и ты, повидимому, гордишься своимъ почтеннымъ шестидесятилѣтнимъ возрастомъ.

Максимъ расхохотался своимъ прежнимъ, жемчужнымъ дѣвическимъ смѣхомъ, двусмысленные переливы котораго сохранились у него, не смотря на выработанный апломбъ остепенившагося юноши, не желающаго больше портить своей жизни. Онъ выказывалъ величайшую снисходительность ко всему, лишь бы не затрогивали его интересовъ.

— Клянусь, ты правъ, если это тебя не утомляетъ.... Я же, какъ тебѣ извѣстно, обзавелся уже ревматизмомъ.

Усѣвшись поудобнѣе въ кресло и взявъ газету, онъ прибавилъ:

— Пожалуйста, не обращай на меня вниманія, — кончи свой пріемъ, если я тебя не стѣсняю... Я пришелъ слишкомъ рано, потому что мнѣ нужно было зайти къ доктору, но я не засталъ его дома.

Какъ разъ въ ту минуту лакей доложилъ о приходѣ графини де-Бовильеръ.

Саккаръ, нѣсколько удивленный, хотя онъ и познакомился въ Домѣ Трудолюбія со своей благородной сосѣдкой,—какъ онъ ее называлъ,—отдалъ приказъ немедленно ввести почтенную даму; затѣмъ, снова окликнувъ лакея, онъ распорядился отказать всѣмъ остальнымъ посѣтителямъ, ссылаясь на усталость и голодъ.

При входѣ въ кабинетъ, графиня даже не замѣтила Максима, скрытаго высокой спинкой кресла, а Саккаръ удивился еще болѣе, увидавъ, что она привела съ собою дочь Алису. Это придавало еще болѣе торжественности ея визиту. Обѣ женщины казались такими бѣдными и печальными; мать тоненькая, высокая, вся сѣдая, преждевременно состарившаяся; дочь, уже увядшая, съ длинной шеей, дѣлавшей ее нераціозною. Хо-

Digitized by Google

зяинъ пододвинулъ стулья съ суетливой вѣжливостью, чтобы рельефнѣе выказать свое вниманіе.

— Сударыня, вы сдѣлали мнѣ величайшую честь!.. Еслибъ я имѣлъ счастье чѣмъ нибудь услужить вамъ... но...

Крайне застѣнчивая подъ своимъ надменнымъ видомъ, графиня кончила тѣмъ, что объяснила причину своего прихода.

— Милостивый государь, вслѣдствіе разговора съ моей пріятельницей, княгиней Орвіедо, мнѣ пришла въ голову мысль явиться къ вамъ. Признаюсь, сначала я колебалась; такъ трудно измѣнить свои воззрѣнія въ мои года, а меня всегда ужасно страшили многіе нынѣшніе обычаи, которыхъ я не понимаю... Наконецъ, я переговорила съ дочерью и полагаю, что долгъ предписываетъ мнѣ отбросить излишнюю щепетильность, чтобы сдѣлать попытку обезпечить счастье моихъ дѣтей.

И она продолжала, разсказывая о томъ, что княгиня сообщила ей объ учрежденіи Всемірнаго Банка, который, хотя и будетъ походить на другіе банкирскіе дома въ глазахъ непосвященныхъ, на самомъ же дѣлѣ имѣетъ себѣ безспорное оправданіе, потому что основывается совсѣмъ на иныхъ началахъ и съ такой достойной, возвышенной цѣлью, что противъ него не должна возмущаться самая щекотливая совѣсть. Она не упомянула ни о папѣ, ни объ Іерусалимѣ: объ этихъ вещахъ не говорили вслухъ, а только таинственно перешептывались между вѣрными католиками; это и была тайна, возбуждавшая умы. Зато въ каждомъ словѣ графини, въ каждомъ намекѣ, въ каждой недомолвкѣ сказывалась такая пламенная надежда и вѣра, что она вся горѣла религіознымъ энтузіазмомъ, непоколебимо убѣжденная въ успѣхѣ новаго банка.

Самъ Аристидъ былъ пораженъ ея сдержаннымъ волненіемъ, дрожью въ ея голосѣ. До сихъ поръ онъ говорилъ объ Іерусалимѣ только въ лирическомъ порывѣ своей горячки, не довѣряя въ глубинѣ души этому безумному проэкту, чуя въ немъ смѣшную сторону, готовый оставить его и поднять на смѣхъ, еслибъ эта фантазія Гамлена была встрѣчена шутками. Между тѣмъ трогательный поступокъ этой святой женщины, которая привела съ собою дочь, ея восторженная рѣчь, которой графиня давала понять, что и она со своими

Digitized by Google

близкими, и вся французская знать увѣруютъ въ высокую святость намѣченной цѣли и увлекутся ею,—сильно поразили Саккара. Такой неожиданный результатъ его затѣи какъ бы облекалъ въ плоть и кровь химерическую мечту, расширялъ до безконечности его поле дѣйствій. Значитъ, это правда, что здѣсь скрывался рычагъ, которымъ онъ былъ въ состояніи поднять міръ! При своей способности быстро усвоивать всякую идею, онъ тотчасъ оріентировался въ своемъ новомъ положеніи и также заговорилъ таинственными намеками объ этомъ конечномъ торжествѣ, котораго онъ будетъ добиваться въ тиши. Его слова были проникнуты жаромъ; Саккаръ, дѣйствительно, былъ тронутъ вѣрой въ превосходство тѣхъ средствъ, которыя давалъ ему въ руки печальный кризисъ, переживаемый папствомъ. Онъ имѣлъ счастливую способность вѣрить, какъ только этого требовали интересы его плановъ.

— Наконецъ, милостивый государь,—продолжала графиня,—я рѣшилась на то, что до сихъ поръ внушало мнѣ отвращеніе... Да, мысль пустить деньги въ оборотъ, получать съ нихъ проценты, никогда не приходила мнѣ въ голову. Все это устарѣлыя понятія, щепетильность, которая теперь немного смѣшна, я знаю это; но чего вы хотите? Трудно идти противъ убѣжденія, которое мы всосали съ молокомъ, а я всегда воображала, что одна земля, крупныя помѣстья должны давать средства къ жизни людямъ нашего круга... Къ несчастью, крупная поземельная собственность...

Она слегка покраснѣла, потому что ей приходилось сознаться въ разореніи, которое она такъ тщательно скрывала.

— Крупная поземельная собственность не существуетъ болѣе... Фамилія Бовильеръ понесла страшные убытки... у насъ осталась только одна ферма.

Тутъ Саккаръ, желая вывести ее изъ затрудненія, принялся съ жаромъ поддакивать графинѣ:

— Но, сударыня, въ настоящее время никто не живетъ доходами съ земли; это устарѣвшій способъ помѣщать свои капиталы. Онъ всегда производилъ только застой въ обращеніи денегъ, цѣнность которыхъ мы теперь удесятерили, заставляя ихъ циркулировать и подъ видомъ ассигнацій, и подъ видомъ бумагъ всякаго рода, комерческихъ и финан-

Digitized by Google

совыхъ. Этимъ путемъ мы подвигаемся къ обновленію міра, потому что безъ денегъ нельзя было достичь рѣшительно ничего. Я хочу сказать: безъ денегъ наличныхъ, которыя текутъ рѣкою, безъ живаго капитала, способнаго проникнуть всюду; безъ него немыслимы ни примѣненія науки, ни окончательный универсальный миръ... Поземельная собственность! Да она также устарѣла, какъ таможенныя брандвахты. Можно умереть съ голоду, обладая милліономъ въ помѣстьяхъ, и можно прожить на четверть этого капитала, помѣщеннаго въ выгодныхъ предпріятіяхъ на пятнадцать, двадцать и тридцать процентовъ.

Графиня покачала головой со свойственной ей надменной грустью.

— Я совсѣмъ васъ не понимаю и уже сказала вамъ, что остаюсь вѣрна той эпохѣ, когда подобныя вещи ужасали людей, какъ нѣчто дурное и запретное... Но, къ несчастью, я не одна и должна позаботиться о своей дочери. Въ нѣсколько лѣтъ мнѣ удалось скопить кое-что. О! конечно, это самая незначительная сумма...

На лицѣ у нея опять появился румянецъ.

— У меня всего двадцать тысячъ франковъ, которыя я храню дома. Впослѣдствіи, можетъ быть, мнѣ придется раскаяться, что я оставила ихъ лежать мертвымъ, непроизводительнымъ капиталомъ; а такъ какъ ваше предпріятіе имѣетъ благую цѣль, по словамъ княгини, и вы хотите работать ради того, чего мы такъ пламенно желаемъ, то я рискнула... однимъ словомъ, я буду вамъ безконечно благодарна, если вы оставите мнѣ акцій своего банка на сумму отъ десяти до двѣнадцати тысячъ франковъ. Я непремѣнно хотѣла, чтобъ и дочь пошла со мною, потому что—не скрою отъ васъ—эти деньги ея.

До сихъ поръ Алиса не открывала рта и стушевывалась, хотя глаза ея смотрѣли живо и умно. При послѣднихъ словахъ матери, она сдѣлала жестъ, выражавшій нѣжный упрекъ.

— Мои, мама! Какъ будто у меня есть что нибудь, что не принадлежало бы вамъ.

— А твое будущее замужство, дитя мое?

— Вѣдь вы знаете, что я вовсе не хочу замужъ! — Она

Digitized by Google

произнесла это слишкомъ торопливо, и въ рѣзкихъ нотахъ ея голоса невольно сказалась печаль одиночества.

Графиня заставила дочь замолчать, бросивъ на нее полный горечи взглядъ, и обѣ онѣ съ полминуты смотрѣли одна на другую, не будучи въ силахъ скрыть своихъ настоящихъ чувствъ, какъ люди, привыкшіе день за день вмѣстѣ страдать и скрываться отъ людей.

Саккаръ былъ растроганъ.

— Сударыня, еслибъ у меня даже разошлись всѣ акціи, я вырылъ бы ихъ для васъ изъ земли. Да если придется, я пожертвую даже своими собственными... Вашъ поступокъ безконечно тронулъ меня, и я считаю за величайшую честь оказанное мнѣ довѣріе...

Въ эту минуту онъ искренно вѣрилъ, что обогатитъ этихъ несчастныхъ женщинъ и что онѣ также будутъ имѣть свою голю въ томъ градѣ червонцевъ, который непремѣнно посыплется на него и вокругъ него.

Дамы встали и начали прощаться. Только въ дверяхъ графиня позволила себѣ прямой намекъ на великую цѣль предпріятія Аристида, о которой не говорили громко.

— Я получила изъ Рима, отъ моего сына Фердинанда очень грустное письмо; говорятъ, весь городъ въ унынiи по случаю выступленія нашихъ войскъ.

— Терпѣніе! — воскликнулъ Саккаръ убѣдительнымъ тономъ,—мы хлопочемъ о томъ, чтобы спасти все.

Послѣдовалъ обмѣнъ глубокихъ поклоновъ, и хозяинъ проводилъ посѣтительницъ до наружныхъ дверей, пройдя на этотъ разъ черезъ прихожую, гдѣ не разсчитывалъ никого встрѣтить. Однако, возвращаясь обратно, онъ увидѣлъ сидящаго на скамейкѣ человѣка лѣтъ пятидесяти, высокаго и сухаго, одѣтаго въ праздничное платье рабочаго; съ нимъ была хорошенькая дѣвушка лѣтъ восемнадцати, тоненькая и блѣдная.

— Что вы тутъ дѣлаете? что вамъ нужно?

Молодая дѣвушка поднялась первая, тогда какъ мужчина, скофуженный рѣзкостью хозяина, принялся бормотать что-то несвязное.

— Я приказалъ не принимать никого больше! Зачѣмъ вы тутъ?.. Скажите, по крайней мѣрѣ, какъ васъ зовутъ?

Digitized by Google

— Зовутъ меня, сударь, Дежуа, и я пришелъ со своей дочерью Натали...

Онъ снова до того смѣшался, что взбѣшенный Саккаръ чуть не вытолкалъ его за дверь, пока, наконецъ, ему не объяснили, что этотъ человѣкъ пришелъ съ позволенія г-жи Каролины, которая знала его давно и велѣла обождать.

— А-а! если вы извѣстны г-жѣ Каролинѣ, это совсѣмъ другое дѣло! Такъ и нужно было сказать сейчасъ же... Ну, войдите ко мнѣ да объяснитесь покороче, потому что я ужасно голоденъ.

Въ кабинетѣ онъ не предложилъ посѣтителямъ сѣсть и самъ остался на ногахъ, желая поскорѣе ихъ спровадить. Максимъ, вставшій съ кресла по уходѣ графини, не нашелъ нужнымъ отойти въ сторону и съ любопытствомъ смотрѣлъ на вошедшихъ. Дежуа принялся пространно излагать свое дѣло.

— Видите ли, сударь... отбывъ воинскую повинность, я поступилъ конторщикомъ къ г-ну Дюрье, мужу г-жи Каролины, когда еще онъ былъ живъ и имѣлъ свой пивоваренный заводъ; потомъ я служилъ у г-на Ламбертье, рыночнаго фактора, потомъ у г-на Блезо, котораго вы хорошо знаете, но онъ застрѣлился два мѣсяца тому назадъ, и я съ тѣхъ поръ безъ мѣста... Прежде всего, надо вамъ сказать, что я былъ женатъ. Женился я на своей Жозефинѣ, когда еще служилъ у г-на Дюрье, а жена моя была въ кухаркахъ у невѣстки хозяина, г-жи Левекъ, которую г-жа Каролина отлично знаетъ. Впослѣдствіи, когда я перешелъ къ г-ну Ламбертье, она не могла со мной поселиться и помѣстилась у доктора изъ Гренеля, а потомъ ходила въ магазинъ Троихъ Братьевъ въ улицѣ Рамбюто, гдѣ, какъ на зло, никогда не было для меня мѣста...

— Однимъ словомъ,—прервалъ Саккаръ, — вы хотите получить занятія, не такъ ли?

Но Дежуа непремѣнно хотѣлъ описать горе своей жизни,— свое несчастье, заключавшееся въ томъ, что онъ женился на кухаркѣ, причемъ ему никогда не удавалось помѣститься въ одномъ домѣ съ нею. Это все равно, что вовсе не быть женатымъ, когда приходится жить не вмѣстѣ, въ отдѣльной комнатѣ, а видѣться, какъ придется, цѣлуясь съ

Digitized by Google

женою только за дверями чужой кухни. У нихъ родилась дочь Натали, которую пришлось держать у кормилицы до восьми лѣтъ, до тѣхъ поръ пока отцу наскучило быть одинокимъ и онъ взялъ дѣвочку къ себѣ, въ свою тѣсную холостую каморку. Такимъ образомъ, Дежуа вполнѣ замѣнилъ мать малюткѣ; онъ воспитывалъ ее, водилъ въ школу, наблюдалъ за ней съ нѣжной заботливостью, и любовь къ своему дѣтищу все болѣе и болѣе наполняла его сердце.

— О, сударь! скажу вамъ по совѣсти, что она вознаградила меня за всѣ труды. Моя Натали—ученая, а, главное, честная дѣвушка... Взгляните на нее, ну, можно ли быть милѣе!

Дѣйствительно, Саккаръ нашелъ прелестной эту бѣлокурую дѣвушку,—хрупкій цвѣтокъ парижскихъ мостовыхъ, худенькую, граціозную, съ большими глазами, смотрѣвшими изъ-подъ завитковъ свѣтлыхъ волосъ. Она позволяла отцу обожать себя и берегла свою невинность, не видя никакой выгоды поступать иначе. Эта дѣвушка была надѣлена жестокимъ и спокойнымъ эгоизмомъ, сквозившимъ въ ея прозрачныхъ, ясныхъ глазахъ.

— Итакъ, сударь, вотъ ужь моя дочка на возрастѣ, пора ее и замужъ выдавать, и женихъ къ ней присватался хорошій, сынъ картонажника, нашего сосѣда. Только малый-то хочетъ обзавестись своимъ хозяйствомъ и спрашиваетъ шесть тысячъ франковъ приданаго. Конечно, эти деньги не велики; за него охотно пошла бы дѣвушка и побогаче... Надо вамъ сказать, что жену свою я потерялъ четыре года тому назадъ и она оставила намъ свои сбереженія; извѣстное дѣло, каждая кухарка имѣетъ маленькіе барыши, вы понимаете?.. Такимъ-то образомъ скопилось у меня четыре тысячи франковъ; но до шести тысячъ это все таки далеко, а молодой человѣкъ спѣшитъ женитьбой, да и Натали тоже...

Молодая дѣвушка слушала съ улыбкой, не опуская своего яснаго взгляда,—такого холоднаго и рѣшительнаго. При послѣднихъ словахъ отца, она кивнула подбородкомъ въ знакъ подтвержденія.

— Ну, разумѣется... Вѣдь я не шучу; надо же покончить это дѣло такъ или иначе.

Саккаръ снова прервалъ ихъ. Дежуа показался ему человѣкомъ ограниченнымъ, но очень прямодушнымъ, добрымъ,

Digitized by Google

выправленнымъ военной дисциплиной; кромѣ того, онъ былъ рекомендованъ Каролиной.

— Отлично, мой другъ... я открываю газету и возьму васъ къ себѣ конторщикомъ... Оставьте мнѣ свой адресъ и до свиданья.

Однако Дежуа медлилъ уходить и въ замѣшательствѣ продолжалъ:

— Вы очень добры, сударь; я принимаю мѣсто съ благодарностью—нужно же мнѣ работать, когда Натали будетъ пристроена! Но пришелъ-то я сюда не за тѣмъ... Видите ли, отъ г-жи Каролины и другихъ лицъ я прослышалъ, что вы затѣваете большія дѣла и что черезъ васъ могутъ обогатиться всѣ ваши друзья и знакомые; вотъ, если будетъ милость ваша, попросилъ бы я васъ, сударь, уступить намъ нѣсколько акцій...

Саккаръ вторично былъ растроганъ, даже на этотъ разъ болѣе, чѣмъ въ ту минуту, когда графиня довѣрила ему приданое своей дочери. Этотъ простой человѣкъ, крохотный капиталистъ, копившій деньги по грошамъ, былъ однимъ изъ представителей легковѣрной, простодушной толпы,—громадной массы, создающей многочисленныя и солидныя кліентуры, фанатизированную армію, которая вооружаетъ кредитное учрежденіе непобѣдимой силой. Если этотъ добрый малый прибѣжалъ сюда еще до появленія всякихъ рекламъ, что же будетъ, когда банкъ начнетъ дѣйствовать и откроетъ форточки въ своихъ конторахъ? Растроганный Аристидъ привѣтливо улыбнулся этому первому мелкому акціонеру, видя въ немъ залогъ крупнаго успѣха.

— Хорошо, мой другъ, вы получите акціи.

Лицо Дежуа просіяло, какъ будто бы на него излилась неожиданная благодать.

— Сударь, вы слишкомъ добры... Скажите, ради Бога, вѣдь въ шесть мѣсяцевъ я могу получить на свои четыре тысячи франковъ двѣ тысячи барыша, чтобы пополнить нужную сумму?.. И потомъ, ужь будьте такъ добры, покончимъ дѣло сейчасъ. Я принесъ деньги.

Онъ началъ рыться въ грудномъ карманѣ и, вытащивъ оттуда конвертъ, подалъ его Саккару, который въ молчаливомъ восторгѣ не подвижно стоялъ передъ нимъ, оконча-

Digitized by Google

тельно пораженный такимъ поступкомъ новаго кліента. И этотъ ужасный пиратъ, потопившій столько чужихъ состояній, кончилъ тѣмъ, что разразился добродушнымъ смѣхомъ, давая себѣ честное слово обогатить и этого довѣрчиваго простяка.

— Извините, любезный, это такъ не дѣлается... Оставьте ваши деньги при себѣ; я васъ запишу, и вы уплатите, что слѣдуетъ, въ свое время.

На этотъ разъ онъ отпустилъ отца и дочь; однако Дежуа заставилъ Натали предварительно поблагодарить хозяина и довольная улыбка дѣвушки освѣтила ея прекрасные глаза, жосткіе и невинные.

Оставшись, наконецъ, наединѣ со своимъ отцомъ, Максимъ замѣтилъ ему съ насмѣшливою наглостью:

— Итакъ, ты теперь снабжаешь приданымъ молоденькихъ дѣвушекъ?

— А почему бы и нѣтъ?—весело отвѣчалъ Саккаръ.—Человѣкъ не раскается, если послужитъ счастью ближняго.

Онъ разобралъ нѣкоторыя бумаги, прежде чѣмъ выйти изъ кабинета, и вдругъ неожиданно обратился къ сыну:

— Ну, а ты не хочешь подписаться на мои акціи?

Максимъ, прохаживавшійся по комнатѣ мелкими шажками, круто повернулся къ отцу.

— Ужь, конечно, нѣтъ! Неужели ты принимаешь меня за глупца?

Саккаръ невольно сдѣлалъ гнѣвный жестъ, находя такой отвѣтъ крайне дерзкимъ и глупымъ; ему хотѣлось возразить, что затѣянное имъ дѣло великолѣпно и что сынъ, вѣроятно, принимаетъ его самого за дурака, считая отца обыкновеннымъ воромъ, которыми хоть прудъ пруди. Но, взглянувъ на Максима, онъ почувствовалъ жалость къ бѣдному мальчику, истощенному въ двадцать пять лѣтъ, остепенившемуся, даже скупому, и до того состарившемуся въ порокахъ, до того озабоченному своимъ здоровьемъ, что онъ не смѣлъ рискнуть ни денежной тратой, ни наслажденіемъ, не взвѣсивъ предварительно всѣхъ выгодъ своего поступка. И тутъ, совершенно утѣшенный, гордый своей страстной порывистостью, не смотря на пятидесятилѣтній возрастъ, Аристидъ снова разсмѣялся и хлопнулъ юношу по плечу.

Digitized by Google

— Ну, пойдемъ-ка лучше завтракать, мой бѣдный мальчикъ, да смотри, не запускай своего ревматизма.

День спустя, пятаго октября, Саккаръ, въ сопровожденіи Гамлена и Дегремона, отправился къ Лелорену, нотаріусу, въ улицу Сентъ-Аннъ. Здѣсь былъ засвидѣтельствованъ актъ объ учрежденіи анонимнаго товарищества, подъ названіемъ Общества Всемірнаго Банка, съ капиталомъ въ двадцать пять милліоновъ, раздѣленнымъ на пятьдесятъ тысячъ акцій по пятисотъ франковъ каждая, причемъ только одна четвертая часть ихъ подлежала продажѣ. Помѣщеніе общества было устроено въ улицѣ Сенъ-Лазаръ, въ отелѣ Орвіедо. Одинъ экземпляръ устава, составленнаго согласно акту учрежденія, былъ оставленъ въ конторѣ нотаріуса Лелорена. Въ этотъ день осеннее солнце свѣтило ярко, и учредители общества, выходя отъ нотаріуса, закурили сигары, а потомъ отправились потихоньку по бульвару и улицѣ Шоссе д'Антенъ, веселые, жизнерадостные, точно школьники, выпущенные изъ училища.

Общее учредительное собраніе состоялось только на слѣдующей недѣлѣ, въ улицѣ Бланшъ, въ залѣ одного прогорѣвшаго танцкласса, гдѣ какой-то предпріимчивый господинъ старался устроить выставки картинъ. Члены синдиката уже помѣстили тѣ изъ акцій, взятыхъ ими, которыхъ они не хотѣли оставлять за собою, и такимъ образомъ на собраніе явилось сто двадцать два акціонера, владѣвшихъ приблизительно сорока тысячами акцій, что должно было составить итогъ въ двѣ тысячи голосовъ, такъ какъ, только владѣя двадцатью акціями, акціонеръ имѣлъ право засѣдать въ собраніи и подавать голосъ. Кромѣ того, каждый акціонеръ имѣлъ право только на десять голосовъ, каково бы ни было чисдо пріобрѣтенныхъ имъ бумагъ, слѣдовательно, настоящая цифра голосовъ доходила только до тысячи шестисоть сорока трехъ.

Саккаръ непремѣнно хотѣлъ, чтобъ Гамленъ предсѣдательствовалъ. Самъ же онъ нарочно стушевался въ толпѣ. Онъ записалъ на инженера и на себя по пятисотъ акцій, за которыя ему приходилось расплатиться только нѣсколькими штрихами пера. Всѣ члены синдиката были на лицо: Дегремонъ, Гюре, Седиль, Кольбъ, маркизъ де-Богенъ, каждый съ группой своихъ акціонеровъ, находившихся у нихъ въ распоряженіи. Тутъ же былъ и Сабатани, одинъ изъ самыхъ

Digitized by Google

крупныхъ подписчиковъ, также какъ и Жантру, и многія другія лица, занимавшія высшія должности въ банкѣ, открытомъ третьяго дня. Всѣ вопросы, которые приходилось рѣшать, были такъ хорошо предусмотрѣны и урегулированы заранѣе, что никогда еще учредительное собраніе не шло такъ гладко, такъ просто и согласно. Съ образцовымъ единодушіемъ было принято заявленіе о полной подпискѣ на капиталъ, равно какъ и о взносѣ по сту двадцати пяти франковъ на акцію. Затѣмъ торжественно объявили общество окончательно составленнымъ и приступили къ избранію административнаго совѣта: онъ долженъ былъ состоять изъ двадцати членовъ, которые, кромѣ присутственныхъ жетоновъ, раздаваемыхъ ежегодно на сумму въ пятьдесятъ тысячъ франковъ, пользовались, въ силу одного параграфа устава, десятью процентами съ прибыли. Это было недурно, и каждый синдикаторъ требовалъ, чтобы его выбрали въ совѣтъ; прежде всего прошли, разумѣется, Дегремонъ, Гюре, Седиль, Кольбъ, маркизъ де-Богенъ, также какъ и Гамленъ, котораго непремѣнно хотѣли сдѣлать президентомъ; всѣ они стояли во главѣ списка съ четырнадцатью другими, менѣе важными лицами, выбранными изъ наиболѣе податливыхъ подставныхъ акціонеровъ. Наконецъ, появился Саккаръ, остававшійся до сихъ поръ въ тѣни, какъ разъ въ ту минуту, когда наступила очередь выбирать директора. Гамленъ предложилъ его. Сочувственный ропотъ встрѣтилъ это предложеніе, и Саккаръ былъ выбранъ также единогласно. Теперь оставалось избрать только двоихъ комисаровъ-цензоровъ, на обязанности которыхъ лежало представлять собранію отчетъ о балансѣ и контролировать счеты, доставляемые администраторами. Обязанность настолько же щекотливая, насколько и безполезная. Саккаръ назначилъ на эту должность нѣкоего Руссо и еще другаго, Лавиньера, причемъ первый совершенно подчинялся второму, высокому блондину, крайне вѣжливому, со всѣмъ соглашавшемуся, который страстно жаждалъ сдѣлаться впослѣдствіи членомъ совѣта, заслуживъ благоволеніе принципаловъ. Послѣ выбора Руссо и Лавиньера, хотѣли закрыть засѣданіе, какъ вдругъ президентъ нашелъ нужнымъ заговорить о преміи въ десять процентовъ, ассигнованной синдикаторамъ на сумму всего въ четыреста тысячъ франковъ отнесенной собраніемъ, по его

Digitized by Google

предложенію, къ цифрѣ расходовъ на первое обзаведеніе. Это, конечно, была бездѣлица; ни въ какомъ предпріятіи нельзя обойтись безъ убытковъ. Отпуская толпу мелкихъ акціонеровъ, расходившихся съ топотомъ стада барановъ, крупные подписчики помедлили еще немного и, обмѣнявшись между собою рукопожатіями, останавливались на тротуарѣ, съ веселыми улыбающимися лицами.

На другой же день совѣтъ собрался въ отелѣ Орвіедо, въ бывшей гостиной Саккара, преобразованной въ залу засѣданій. Большой столъ, накрытый зеленой бархатной скатертью, стоялъ посрединѣ, а вокругъ него размѣщалось двадцать креселъ, обитыхъ тою же матеріей; другой мебели тамъ не было, кромѣ двухъ книжныхъ шкафовъ со стеклянными дверцами, затянутыми изнутри зеленой тафтой. Темнокрасные обои придавали темноватый видъ этой комнатѣ, выходившей окнами въ садъ отеля Бовильеръ. Оттуда проникалъ только слабый сумрачный свѣтъ, какъ въ стѣны стариннаго монастыря, дремлющаго подъ зеленой тѣнью деревьевъ. Это придавало залѣ строгій и благородный колоритъ, какъ будто здѣсь было святилище честности древнихъ временъ. Совѣтъ собрался для сформированія своей конторы, и члены не заставили себя ждать; едва пробило четыре часа, какъ они были уже въ сборѣ. Маркизъ де-Богенъ со своей высокой фигурой, маленькой головой и блѣднымъ аристократичеекимъ лицомъ служилъ прекраснымъ представителемъ старой Франціи, между тѣмъ какъ Дегремонъ, любезный, доступный, былъ живымъ образчикомъ сытаго благополучія второй имперіи съ ея пышностью и трескучими успѣхами. Седиль, разстроенный менѣе обыкновеннаго, разговаривалъ съ Кольбомъ о неожиданномъ переворотѣ, обнаружившемся на вѣнскомъ рынкѣ; вокругъ нихъ группировались другіе администраторы, тогда какъ остальные мелкіе акціонеры жадно прислушивались, стараясь уловить какое нибудь полезное указаніе, или же разговаривали между собою о своихъ личныхъ дѣлахъ, явившись сюда только для формы, ради пополненія необходимаго числа присутствующихъ. Они думали только, какъ бы получить свою долю барышей, когда наступитъ дѣлежъ добычи. Послѣ всѣхъ, по своему обыкновенію, явился Гюре, запыхавшійся, усталый, только что вырвавшійся изъ засѣданія одной комисіи въ па-

Digitized by Google

латѣ. Онъ извинился, и присутствующіе заняли мѣста вокругъ стола.

Самый старшій по годамъ, маркизъ де-Богенъ, занялъ предсѣдательское кресло, нѣсколько выше другихъ и роскошнѣе позолоченное. Саккаръ, въ качествѣ директора, сѣлъ напротивъ. И тотчасъ же, когда маркизъ заявилъ, что сейчасъ будетъ приступлено къ избранію президента, Гамленъ всталъ, говоря, что онъ рѣшительно отклоняетъ отъ себя всякую кандидатуру: онъ сказалъ, что ему извѣстно желаніе многихъ присутствующихъ выбрать именно его, но такъ какъ онъ на другой же день уѣзжаетъ на востокъ и, кромѣ того, совершенно неопытенъ въ счетоводствѣ, въ банкирскихъ и биржевыхъ спекуляціяхъ, то и отказывается отъ обязанности президента, связанной, къ тому же, съ большою отвѣтственностью, которую онъ не можетъ на себя принять. Саккаръ слушалъ его съ крайнимъ удивленіемъ. Не дальше, какъ вчера, между ними было рѣшено, что Гамленъ будетъ выбранъ, и онъ угадывалъ, что это Каролина отговорила брата сегодня поутру, когда они долго бесѣдовали вдвоемъ. Не желая однако инаго президента, кромѣ Гамлена,—потому что другой, независимый человѣкъ могъ бы его стѣснить,—Аристидъ позволилъ себѣ вмѣшаться въ дѣло, объясняя, что президентская должность скорѣе почетная, чѣмъ дѣйствительная, что для него достаточно только присутствовать на общихъ собраніяхъ, чтобы заявлять о предложеніяхъ совѣта и произносить обычныя рѣчи. Кромѣ него, будетъ выбранъ еще вице-президентъ, который станетъ расписываться. Что же касается остальнаго,—т. е. чисто технической стороны дѣла, счетоводства, биржевыхъ операцій и внутренняго управленія такимъ обширнымъ кредитнымъ учрежденіемъ, какъ Всемірный Банкъ,—то вѣдь на это существуетъ онъ, Саккаръ, директоръ, избранный именно для управленія банкомъ. Въ силу устава, онъ долженъ завѣдывать занятіями въ бюро, контролировать приходы и расходы, наблюдать за текущими дѣлами, слѣдить за исполненіемъ постановленій совѣта, однимъ словомъ, быть исполнительною властью общества. Его доводы казались вполнѣ основательными, тѣмъ не менѣе Гамленъ еще долго отнѣкивался, такъ что Дегремону и Гюре пришлось, наконецъ, уговаривать его самымъ убѣдительнымъ образомъ. Маркизъ де-Бо-

Digitized by Google

генъ величественно молчалъ, какъ будто все это рѣшительно его не касалось. Кончилось однако тѣмъ, что инженеръ согласился и былъ выбранъ, тогда какъ въ вице-президенты выбрали одного безличнаго господина, агронома по профессіи, бывшаго государственнаго совѣтника, виконта де-Робенъ-Шаго, человѣка кроткаго и большаго скрягу,—великолѣпную машину для подписыванья бумагъ. Что же касается секретаря, то онъ былъ выбранъ внѣ административнаго совѣта, изъ числа служащихъ въ конторахъ банка; это былъ завѣдующій отдѣленіемъ выпусковъ. Между тѣмъ наступили сумерки. Въ обширной темноватой залѣ сгустился мракъ и придалъ ей еще болѣе печальный видъ. Члены собранія нашли, что они достаточно потрудились, и стали расходиться, предварительно назначивъ по два засѣданія въ мѣсяцъ: малый совѣтъ на каждое пятнадцатое число и большой—на тридцатое.

Саккаръ съ Гамленомъ поднялись вмѣстѣ на верхъ, въ залу чертежей, гдѣ ихъ ожидала Каролина. Она съ перваго взгляда убѣдилась по смущенному виду брата, что онъ, по малодушію, опять уступилъ; въ первую минуту это разсердило ее.

— Послушайте, но вѣдь вы, право, безразсудны!—вскричалъ Саккаръ.—Подумайте, вѣдь президентъ получаетъ тридцать тысячъ франковъ жалованья, и эта цифра будетъ удвоена съ расширеніемъ нашихъ операцій. Вы не настолько богаты, чтобъ пренебрегать такой выгодой... да и чего жъ вы наконецъ боитесь, скажите ради Бога?

— Я боюсь всего, — отвѣчала Каролина. — Моего брата здѣсь не будетъ, а я ничего не смыслю въ дѣлахъ... Вотъ хоть бы эти пятьсотъ акцій, которыя вы подписали на его имя безо всякаго денежнаго взноса; вѣдь это уже нарушеніе правилъ, и онъ можетъ отвѣчать за него, если дѣла банка примутъ дурной оборотъ?

Саккаръ засмѣялся.

— Вотъ глупости! Пятьсотъ акцій—первый взносъ шестьдесятъ двѣ тысячи пятьсотъ франковъ. Да если при первой прибыли, раньше шести мѣсяцевъ, вашъ братъ не могъ бы покрыть этой суммы, такъ лучше было бы намъ всѣмъ теперь же броситься въ Сену, вмѣсто того чтобъ начинать дѣло... Нѣтъ, вы можете быть спокойны: спекуляція опасна только ротозѣямъ.

Digitized by Google

Каролина оставалась, по прежнему, серьезной и строгой въ надвигавшемся сумракѣ ночи. Когда принесли двѣ лампы, стѣны ярко освѣтились, а съ ними вмѣстѣ—архитектурные планы и акварели съ живыми красками, которыя такъ часто заставляли сестру Гамлена уноситься мыслью въ далекія страны. Да, равнина оставалась еще здѣсь совершенно голой; горы заграждали горизонтъ и Каролинѣ ясно представлялось запустѣнье этого одряхлѣвшаго міра, заснувшаго надъ своими сокровищами. Одна наука могла заставить его воспрянуть изъ грязи и невѣжества. Сколько великихъ, прекрасныхъ и полезныхъ вещей можно здѣсь создать! Мало по малу фантазія нарисовала ей новыя поколѣнія, цѣлое человѣчество, болѣе сильное и болѣе счастливое, выросшее на античной почвѣ, вспаханной заново плугомъ прогресса.

— Спекуляція, спекуляція! — машинально шептала она, удрученная сомнѣніемъ.

Саккаръ, хорошо знавшій ея обычныя мысли, прочиталъ на лицѣ Каролины эту надежду на будущее.

— Да, спекуляція! Почему это слово пугаетъ васъ?.. Но спекуляція эта и есть приманка жизни, вѣчное желанье, заставляющее бороться и жить... Еслибъ я осмѣлился прибѣгнуть къ сравненію, я бы васъ убѣдилъ...

И онъ снова засмѣялся, стѣсняясь формулировать свою мысль; но все же Саккаръ рѣшился высказать ее, потому что привыкъ не церемониться съ женщинами.

— Послушайте, неужели вы думаете, что безъ... ну, какъ бы это выразиться поделикатнѣе?.. безъ разврата производилось бы на свѣтъ много дѣтей? На сто неудачныхъ попытокъ этого рода едва удается сфабриковать лишь одного ребенка. Только излишества помогаютъ достичь необходимаго, не такъ ли?

— Пожалуй,—отвѣчала она въ смущеніи.

— Ну, вотъ и безъ спекуляцій не состоялось бы крупныхъ дѣлъ, мой другъ! Зачѣмъ же, чортъ возьми, вы требуете, чтобъ я выкладывалъ свои деньги, рисковалъ своимъ состояніемъ, если это не даетъ шанса на особенное наслажденіе на внезапное счастье, которое откроетъ мнѣ рай на землѣ?.. При законномъ и посредственномъ вознагражденіи за трудъ, при мудромъ равновѣсіи ежедневныхъ торговыхъ сдѣлокъ, че-

Digitized by Google

ловѣческая жизнь была бы монотонной пустыней, болотомъ, гдѣ спитъ и застаивается всякая полезная сила; между тѣмъ попробуйте показать человѣчеству лучезарную мечту, пообѣщайте, что на одинъ су можно нажить сто, предложите всѣмъ этимъ уснувшимъ принять участіе въ охотѣ за невозможнымъ, за милліонами, пріобрѣтаемыми въ два часа времени, посреди самыхъ ужасныхъ опасностей, и скачка тотчасъ начнется, энергія каждаго удесятерится, а толкотня дойдетъ до того, что, обливаясь потомъ единственно для своего удовольствія, эти люди невзначай будутъ производить дѣтей, т. е. подразумѣваю, что они осуществятъ живыя, прекрасныя и великія вещи... Ахъ, сударыня, на свѣтѣ совершается много безполезныхъ пакостей, но безъ нихъ онъ давно бы вымеръ.

Каролина рѣшилась разсмѣяться, потому что вовсе не была жеманной.

— Въ такомъ случаѣ, — сказала она, — вы хотите доказать, что пакостямъ слѣдуетъ покоряться, потому что это входитъ въ планы природы?.. Вы правы: жизнь нечистоплотна.

И на нее нашелъ настоящій порывъ удали при мысли о томъ, что всякій шагъ впередъ совершается въ крови и грязи. Да, надо было хотѣть; ея глаза, блуждавшіе вдоль стѣнъ, не отрывались отъ плановъ и рисунковъ, и передъ ея умственнымъ взоромъ возникало будущее: порты, каналы, шоссе, желѣзныя дороги, деревни съ обширными фермами, снабженными всякими приспособленіями, точно заводы; новые города, оздоровленные, интеллигентные, гдѣ люди доживали до глубокой старости и пользовались образованіемъ.

— Ну, что жъ, — весело продолжала она, — мнѣ, какъ всегда, приходится уступить!.. постараемся, по крайней мѣрѣ, сдѣлать немного добра, во искупленіе неизбѣжнаго зла.

Гамленъ, до сихъ поръ молчавшій, подошелъ къ сестрѣ и поцѣловалъ ее. Она погрозила ему пальцемъ.

— О, ты у меня хитрецъ; я знаю тебя!.. Завтра же, разставшись съ нами, ты и думать забудешь о томъ, что творится здѣсь, а по пріѣздѣ на мѣсто углубишься въ свои работы; у тебя все пойдетъ отлично, и ты станешь мечтать о предстоящихъ тріумфахъ, между тѣмъ какъ здѣсь все, можетъ быть, рушится подъ нашими ногами.

Digitized by Google

— Но,—весело воскликнулъ Саккаръ, поддѣлываясь къ ней,—вѣдь вашъ братъ рѣшилъ оставить васъ при мнѣ, въ видѣ жандарма, чтобы сейчасъ же схватить меня, если я совершу что нибудь предосудительное!

Всѣ трое громко расхохотались.

— И вы можете быть увѣрены, что вамъ не будетъ отъ меня поблажки! Вспомните, что вы обѣщали намъ, сначала мнѣ съ Жоржемъ, а потомъ столькимъ другимъ, вотъ хоть бы моему славному старику Дежуа, котораго я вамъ рекомендовала... Ахъ, да! Еще нашимъ сосѣдкамъ, бѣднымъ графинямъ Бовильеръ, которыхъ я не дальше какъ сегодня видѣла въ прачешной: онѣ присматривали за кухаркой, стиравшей имъ какую-то мелочь, вѣроятно, для того, чтобы поменьше приходилось тратить на мыло.

Еще съ минуту они дружески разговаривали втроемъ и отъѣздъ Гамлена былъ окончательно рѣшенъ.

Когда Саккаръ спускался въ свой кабинетъ, лакей доложилъ ему о приходѣ какой-то женщины, во что бы то ни стало желавшей его дождаться. Сначала, измученный усталостью, Аристидъ разсердился и велѣлъ прогнать ее, но потомъ одумался изъ боязни, что счастье можетъ измѣнить ему, если онъ станетъ пропускать случаи имъ пользоваться. Волна просителей увеличивалась съ каждымъ днемъ, и эта толпа, хлынувшая съ улицы, опьяняла его.

Въ скудно освѣщенномъ кабинетѣ, гдѣ горѣла всего одна лампа, хозяинъ не сразу разсмотрѣлъ вошедшую.

— Г. Бушъ послалъ меня къ вамъ, милостивый государь...—заговорила она.

Взбѣшенный Саккаръ оставался на ногахъ и даже не предложилъ посѣтительницѣ стула. Этотъ пискливый голосъ въ непомѣрно тучномъ тѣлѣ сейчасъ же напомнилъ ему, кого онъ видитъ передъ глазами. Отличный акціонеръ, нечего сказать,—эта женщина, скупающая акціи на фунты!

Между тѣмъ она спокойно объясняла Аристиду, что Бушъ прислалъ ее справиться насчетъ выпуска бумагъ во Всемірномъ Банкѣ. Оставались ли у нихъ свободныя акціи? Можно ли было надѣяться получить ихъ съ премiей, ассигнованной синдикатомъ? Но, конечно, всѣ эти вопросы служили только предлогомъ, чтобы втереться въ домъ съ цѣлью высматри-

Digitized by Google

ванья и разнюхиванья, да кстати пощупать и самого Саккара. Дѣйствительно, маленькіе глазки Мешенъ, точно проверченные буравчикомъ на ея жирномъ лицѣ, то бѣгали по всѣмъ угламъ комнаты, то впивались въ глаза хозяина съ очевиднымъ желаніемъ проникнуть къ нему въ самую душу. Послѣ долгаго ожиданія и давъ достаточно созрѣть знаменитой исторіи съ покинутымъ ребенкомъ, Бушъ, наконецъ, рѣшился дѣйствовать и послалъ свою неизмѣнную пріятельницу на развѣдки.

— Нѣтъ, у насъ не осталось больше ничего,—грубо отвѣчалъ Саккаръ.

Она сейчасъ почувствовала, что не узнаетъ никакихъ дальнѣйшихъ подробностей и что было бы неосторожностью добиваться чего нибудь насильно. Поэтому, не ожидая, чтобъ ее отпустили, толстая Мешенъ сдѣлала шагъ къ двери.

— А почему вы не спрашиваете у меня акцій для себя?— спросилъ Аристидъ, желая задѣть ее.

— О-о! я не занимаюсь операціями этого рода!.. Мое дѣло ждать,—просюсюкала торговка своимъ тоненькимъ голосомъ.

Она говорила до того безобразно, какъ будто передразнивала кого нибудь.

Замѣтивъ въ ея рукахъ большой саквояжъ изъ потертой кожи, съ которымъ она никогда не разставалась, Саккаръ невольно содрогнулся. Зачѣмъ въ такой счастливый день, когда все шло по его желанію, когда онъ былъ такъ доволенъ, видя осуществленіе своей мечты, явилась вдругъ эта старая мошенница! Не была ли она тою злой колдуньей, которая приносила роковой даръ прекраснымъ новорожденнымъ принцессамъ въ сказкахъ? Саккаръ чувствовалъ, что ея предловутый саквояжъ биткомъ набитъ бумагами, потерявшими всякую цѣнность, прогорѣвшими акціями, и вдругъ она прищемила его въ бюро новаго банка, только начавшаго свое существованіе. Саккару показалось, что она съ цѣлью замѣшала ему, въ чемъ заключаются ея операціи, и нарочно сказала, что будетъ ждать, сколько угодно, въ увѣренности, что его собственныя акціи не минуютъ ея рукъ послѣ неизбѣжнаго краха. Это былъ зловѣщій крикъ ворона, который летитъ вслѣдъ за арміей, выступившей въ походъ, преслѣдуя

Digitized by Google

ее до кровавой битвы; жадная птица рѣетъ въ воздухѣ надъ полемъ смерти и, наконецъ, слетаетъ на землю, зная, что ей будетъ богатая пожива.

— До свиданья, сударь,—сказала Мешенъ, до крайности вѣжливо.

Она задыхалась отъ усталости, но ея тонъ былъ привѣтливъ.

V.

Мѣсяцъ спустя, въ первыхъ числахъ ноября устройство помѣщенія новаго банка не было еще готово. Столяры прилаживали шкафы, конторки; маляры оканчивали окраску громадной стеклянной крыши, которой покрыли дворъ. Въ этомъ замедленіи былъ виноватъ Саккаръ; недовольный бѣдностью обстановки, онъ затягивалъ работы, стараясь устроить все по возможности роскошно; ему хотѣлось бы раздвинуть стѣны, чтобы осуществить свою постоянную мечту о грандіозномъ, и такъ какъ это оказывалось невозможнымъ, онъ кончилъ тѣмъ, что разсердился и взвалилъ на Каролину обязанность окончательно раздѣлаться съ подрядчиками. Сестра Гамлена наблюдала, какъ навѣшивали послѣднія форточки. Здѣсь было необыкновенное число форточекъ; весь дворъ, обращенный въ центральную залу, былъ окруженъ ими; защищенныя рѣшетками, онѣ имѣли строгій, внушительный видъ, а надъ ними красовались мѣдныя дощечки съ надписями черными буквами. Въ общемъ, помѣщеніе банка, хотя и тѣсноватое было очень удобно: въ нижнемъ этажѣ помѣщались такія отдѣленія, куда постоянно является публика: кассы, отдѣлы выпусковъ и всѣхъ текущихъ банковыхъ операцій; вверху же находились отдѣлы, касавшіеся внутренняго механизма: дирекція, корреспонденція, отчетность, провѣрочное бюро и бюро служащихъ. Всего на такомъ пространствѣ работало болѣе двухсотъ человѣкъ служащаго персонала. И что̀ поражало при самомъ входѣ, даже среди толкотни рабочихъ, вбивавшихъ послѣдніе гвозди,—между тѣмъ какъ золото звенѣло въ кассахъ,—такъ это отпечатокъ серьезности, античной честности, лежавшій здѣсь на всемъ; тутъ что-то смутно на

Digitized by Google

поминало церковную ризницу, вѣроятно, благодаря старинному аристократическому дому, почернѣвшему отъ времени и тихо стоявшему подъ тѣнью деревьевъ сосѣдняго сада. Словомъ, въ отелѣ Орвіедо пахло набожностью.

Возвратившись какъ-то передъ вечеромъ съ биржи, Саккаръ самъ проникся этимъ ощущеніемъ и тутъ же утѣшился въ отсутствіи позолоты комнатъ. Онъ поспѣшилъ выразить свое удовольствіе Каролинѣ.

— Ну, что жъ, у насъ все таки недурно для начала! Мы устроились чисто по семейному,—настоящая маленькая капелла! Потомъ можно затѣять что нибудь и получше... Благодарю, мой прекрасный другъ, за всѣ ваши хлопоты! Вы столько трудились послѣ отъѣзда вашего брата.

И такъ какъ Аристидъ принялъ за правило пользоваться всѣми непредвидѣнными обстоятельствами, то онъ старался съ тѣхъ поръ ещё болѣе усилить строгій характеръ обстановки, требовалъ отъ своихъ подчиненныхъ, чтобъ они были сдержанны и важны, говорили негромко, выдавали и получали деньги съ чисто клерикальной скромностью.

Никогда еще во всю свою суетливую жизнь, полную всевозможныхъ превратностей, Саккаръ не былъ такъ дѣятеленъ. Съ семи часовъ утра, раньше прихода своихъ служащихъ, прежде даже, чѣмъ служитель при конторѣ успѣвалъ затопить каминъ, онъ уже сидѣлъ у себя въ кабинетѣ, распечатывая письма и отвѣчая на болѣе важныя изъ нихъ. Потомъ, до одиннадцати часовъ то и дѣло входили и выходили безпрерывной вереницей то близкіе знакомые, то крупные кліенты банка, то маклеры, то частные биржевые агенты,—цѣлая ватага представителей финансоваго міра, не считая завѣдывающихъ отдѣлами банка, приходившихъ за приказаніями. Самъ хозяинъ, пользуясь каждой свободной минутой, вставалъ съ мѣста и производилъ быстрый осмотръ различныхъ бюро, гдѣ служащіе постоянно трепетали, ожидая его внезапнаго появленія, такъ какъ онъ приходилъ въ разное время. Въ одиннадцать часовъ Саккаръ поднимался на верхъ и завтракалъ съ Каролиной, причемъ аппетитно ѣлъ и пилъ, какъ всѣ худощавые люди, которыхъ не отягощаетъ избытокъ пищи, и цѣлый часъ, посвященный завтраку, не былъ для него потерянъ, потому что въ эту пору, по его словамъ, онъ „испо-

Digitized by Google

вѣдывалъ своего прекраснаго друга", т. е. спрашивалъ мнѣній Каролины о людяхъ и вещахъ, причемъ большею частью ея благоразумные совѣты пропадали даромъ. Въ полдень Саккаръ уходилъ изъ дому и отправлялся на биржу, желая прійти туда однимъ изъ первыхъ, чтобы взглянуть, что тамъ дѣлается, и поговорить. Впрочемъ, онъ не игралъ открыто и бывалъ тамъ, какъ будто съ единственной цѣлью повидаться съ нужными людьми, такъ какъ на биржѣ постоянно бывали кліенты его банка. Между тѣмъ, его вліяніе на рынкѣ уже давало себя чувствовать; Саккаръ явился на биржу побѣдителемъ, человѣкомъ солиднымъ, имѣвшимъ съ этихъ поръ въ своемъ распоряженіи настоящіе милліоны. И лукавые люди перешептывались между собою, поглядывая на него; объ немъ стали ходить удивительные слухи; ему пророчили колоссальный успѣхъ. Въ половинѣ четвертаго, Аристидъ неизмѣнно былъ уже дома, принимаясь за монотонную обязанность подписыванья бумагъ. Механически выводя перомъ свою фамилію, Саккаръ въ то же время преспокойно дѣлалъ распоряженія, давалъ отвѣты, устраивалъ дѣла; голова у него была совершенно свободна и онъ не путался въ разговорѣ, не переставая въ то же время писать. До шести часовъ онъ опять принималъ посѣтителей, заканчивалъ дневную работу и приготовлялъ другую, для слѣдующаго дня. Поднимаясь вторично наверхъ, Аристидъ садился за обѣдъ, еще болѣе обильный, чѣмъ завтракъ; особенно любилъ онъ дорогую рыбу и дичь, между тѣмъ какъ вина мѣнялъ очень часто; ему подавали то бургонское; то бордо или шампанское, смотря по тому, насколько удаченъ былъ истекшій день.

— Не правда ли, какой я умница?—восклицалъ онъ иногда, улыбаясь.—Вмѣсто того чтобы кутить съ женщинами, посѣщать клубы, театры, я живу, какъ порядочный буржуа, возлѣ васъ... Надо написать объ этомъ вашему брату; по крайней мѣрѣ, онъ будетъ спокоенъ.

Однако онъ не былъ такъ благоразуменъ, какъ увѣрялъ, потому что въ этотъ періодъ времени увлекся одной пѣвичкой изъ театра Буффъ и даже одинъ разъ замѣшкался очень долго въ свою очередь у Жермены Керъ, гдѣ не нашелъ, однако, ничего пріятнаго. Дѣло въ томъ, что его скромность объяснялась просто крайней усталостью къ вечеру.

Digitized by Google

Кромѣ того, Саккара воодушевляло такое желаніе, такая тревожная жажда успѣха, что другіе инстинкты какъ будто умалялись и парализовались этимъ. Онъ откладывалъ наслажденіе жизнью до тѣхъ поръ, пока не почувствуетъ себя тріумфаторомъ, безспорнымъ повелителемъ судьбы.

— Ба, — весело отвѣчала Каролина на замѣчаніе Саккара,—мой братъ постоянно былъ до такой степени скроменъ, что скромность сдѣлалась для него вполнѣ естественнымъ условіемъ, а не заслугой... Вчера я ему писала, что вы рѣшили не возобновлять позолоты въ залѣ совѣта. Такое свѣдѣніе доставитъ ему гораздо больше удовольствія.

Однажды, въ послѣполуденное время, въ одинъ изъ холодныхъ дней въ началѣ ноября, Каролина давала приказъ малярному мастеру только обмыть раскраску этой залы, не подновляя ея, какъ вдругъ ей подали карточку, говоря, что одинъ человѣкъ настоятельно желаетъ ее видѣть. На неопрятномъ билетикѣ стояло имя Буша, напечатанное грубымъ шрифтомъ. Она не знала этой фамиліи и распорядилась провести посѣтителя къ себѣ, въ кабинетъ брата, служившій ей пріемной.

Если Бушъ въ теченіе полугода терпѣливо ждалъ, не стараясь утилизировать необыкновенной находки въ лицѣ незаконнаго сына Саккара, то онъ имѣлъ на это свои важныя причины. Ему не хотѣлось ограничиться полученіемъ только шестисотъ франковъ по векселямъ, выданнымъ матери, а между тѣмъ онъ чувствовалъ, какъ будетъ трудно запугать Аристида, чтобы вытянуть у него путемъ шантажа кругленькую сумму въ нѣсколько тысячъ. Саккаръ былъ вдовцемъ и совершенно свободнымъ человѣкомъ, который не побоится скандала. Какимъ же образомъ заставить его плясать подъ свою дудку и принудить къ тому, чтобъ онъ дорого заплатилъ за скверный подарокъ въ видѣ ребенка, случайно явившагося на свѣтъ, выросшаго въ грязи, кандидата въ содержатели публичныхъ женщинъ или убійцы? Мешенъ, само собою разумѣется, тщательно составила длинный счетъ расходовъ, доходившій до шести тысячъ франковъ: тутъ были маленькія суммы, которыя она ссужала покойной Октавіи Шаваль, матери ребенка; затѣмъ было высчитано, во что обошлась ей болѣзнь несчастной женщины, ея похороны, содер-

Digitized by Google

жаніе могилы, наконецъ все то, что она издержала на самого Виктора, съ тѣхъ поръ какъ онъ остался на ея попеченіи,—на его пищу, одежду и массу другихъ вещей. Но если банкиръ окажется не особенно чувствительнымъ отцомъ, то вѣдь онъ, пожалуй, безъ церемоніи пошлетъ ихъ къ чорту? Ничто на свѣтѣ не могло доказать, что Викторъ—дѣйствительно его сынъ, исключая родственнаго сходства между ними; да и въ самомъ благопріятномъ случаѣ Мешенъ и Бушъ могли вытребовать съ него только деньги по векселямъ, и то если онъ не откажется отъ платежа, опираясь на десятилѣтнюю давность.

Съ другой стороны, если Бушъ замедлялъ дѣло, то причиной тому, главнымъ образомъ, была болѣзнь Сигизмунда; чахотка пожирала его, и старшій братъ провелъ въ смертельной тревогѣ нѣсколько недѣль у постели бѣднаго ученаго. Сигизмундъ былъ особенно опасенъ въ теченіе пятнадцати дней, причемъ Бушъ, этотъ неутомимый, отъявленный спекуляторъ, запустилъ всѣ дѣла, забросилъ всѣ слѣды, отысканные съ такими усиліями, не ходилъ на биржу, не выслѣживалъ кредиторовъ и все сидѣлъ у изголовья больнаго, не смыкая глазъ, и ухаживалъ за нимъ, перекладывая его и переодѣвая съ чисто материнской заботливостью. Забывъ свою скаредность, онъ не жалѣлъ денегъ и приглашалъ лучшихъ докторовъ, хотѣлъ даже платить дороже за лѣкарства аптекарю, чтобы они приносили больше пользы. Врачи запретили Сигизмунду всякую работу, а тотъ, во чтобы то ни стало, хотѣлъ заниматься, и старшему брату приходилось насильно прятать его книги и бумаги. Между ними началась настоящая война, въ которой они старались перехитрить одинъ другаго; едва только измученный Бушъ засыпалъ отъ усталости, какъ больной, обливаясь потомъ, пожираемый лихорадкой, умудрялся отыскать гдѣ нибудь кусочекъ карандаша, бѣлое поле на газетномъ листкѣ и опять принимался за свои выкладки, распредѣляя богатства, согласно своей мечтѣ о справедливости, обезпечивая за каждымъ свою долю счастья и жизни. Проснувшись, Бушъ выходилъ изъ себя, видя, что Сигизмунду стало хуже, и его сердце обливалось кровью при взглядѣ на этого мечтателя, который отдавалъ своей химерѣ жалкій остатокъ жизненныхъ силъ. Онъ еще

Digitized by Google

позволялъ ему заниматься этими глупостями въ видѣ забавы, какъ мы позволяемъ дѣтямъ играть картоннымъ паяцомъ, но это было хорошо для здороваго человѣка, тогда какъ убивать себя дурацкими, неприложимыми на практикѣ идеями, являлось уже непростительною глупостью! Наконецъ, согласившись быть благоразумнымъ изъ любви къ брату, Сигизмундъ сталъ поправляться и вставать съ постели.

Только тогда Бушъ, принявшись за работу, объявилъ, что онъ намѣренъ ликвидировать дѣло Саккара, тѣмъ болѣе, что тотъ вернулся на биржу побѣдителемъ и съ каждымъ днемъ завоевывалъ обратно репутацію человѣка несомнѣнно состоятельнаго. Докладъ г-жи Мешенъ, которую онъ послалъ въ улицу Сенъ-Лазаръ, былъ превосходенъ. Между тѣмъ Бушъ еще колебался прямо аттаковать свою жертву; онъ тянулъ время, придумывая искусную тактику, какъ вдругъ одно слово Мешенъ о г-жѣ Каролинѣ, особѣ, завѣдывавшей домомъ Саккара и извѣстной всѣмъ подрядчикамъ квартала, подало еврею мысль затѣять новый планъ кампаніи. А ну, какъ эта барыня была настоящей хозяйкой, имѣвшей ключъ ко всѣмъ шкапамъ, да вмѣстѣ съ тѣмъ и къ сердцу хозяина? Бушъ нерѣдко повиновался тому, что онъ называлъ вдохновеніемъ, уступая внезапной догадкѣ, пускаясь на охоту по указанію своего чутья, увѣренный въ томъ, что его разсчетъ подтвердится на дѣлѣ. Вотъ почему онъ явился въ улицу Сенъ-Лазаръ, чтобы видѣть Каролину. Поднявшись на верхъ, въ залу чертежей, Каролина была немало удивлена при видѣ этого толстаго, плохо выбритаго человѣка съ грязнымъ, плоскимъ лицомъ, одѣтаго въ прекрасный, но до нельзя засаленный сюртукъ и съ бѣлымъ галстукомъ на шеѣ. Еврей посмотрѣлъ на нее такимъ проницательнымъ взглядомъ, какъ будто хотѣлъ заглянуть въ самую глубину души этой женщины, которую нашелъ именно такою, какъ желалъ: высокую ростомъ, здоровую, съ восхитительными бѣлыми волосами, освѣщавшими весельемъ и кротостью моложавое лицо. Но въ особенности его поразило выраженіе нѣсколько крупнаго рта; въ немъ было столько доброты, что Бушъ рѣшился немедленно дѣйствовать.

— Сударыня, — сказалъ онъ, — я имѣлъ въ виду пере-

Digitized by Google

говорить съ г-номъ Саккаромъ, но мнѣ отвѣчали, что его нѣтъ дома...

Еврей лгалъ. Онъ вовсе не спрашивалъ хозяина, отлично зная, что тотъ теперь на биржѣ, потому что самъ же подстерегъ его уходъ.

— Тогда, — продолжалъ онъ, — я позволилъ себѣ обратиться къ вамъ; да для меня это и лучше, потому что я зналъ, къ кому обращаюсь; здѣсь дѣло касается одного вопроса, крайне важнаго и деликатнаго...

Каролина, не просившая его до сихъ поръ садиться указала ему стулъ, встревоженная такимъ вступленіемъ.

— Говорите, сударь, я васъ слушаю.

Бушъ, поднимая полы своего сюртука, точно изъ боязни ихъ запачкать, сказалъ самъ себѣ, что эта особа навѣрно живетъ съ Саккаромъ.

— Видите, сударыня, — мое дѣло вовсе не такъ ловко объяснить, и сознаюсь, что даже въ настоящую минуту я колеблюсь открыть вамъ подобную вещь... Надѣюсь однако, что въ моемъ поступкѣ вы увидите единственное желаніе съ моей стороны дать возможность г-ну Саккару загладить давнишніе грѣшки...

Г-жа Дюрье жестомъ дала понять, чтобъ онъ не стѣснялся ей самой стало ясно, какого сорта человѣкъ передъ нею, и; потому Каролина постаралась сократить безполезныя оговорки. Впрочемъ Бушъ и не настаивалъ, а прямо приступилъ къ разсказу о томъ, какъ Розалію соблазнили въ улицѣ Ла-Гарпъ, какъ родился ребенокъ послѣ исчезновенія Саккара, а мать умерла въ нищетѣ и развратѣ, между тѣмъ какъ Викторъ, оставленный на попеченье двоюродной сестры,—женщины слишкомъ занятой, чтобы присматривать за нимъ,—выросталъ среди дурныхъ примѣровъ. Каролина слушала, прежде всего удивляясь тому, что ей разсказываютъ романъ, тогда какъ она приготовилась услышать о какомъ нибудь неблаговидномъ гешефтѣ. Затѣмъ молодая женщина очевидно смягчилась, тронутая печальной судьбой матери и сиротствомъ ребенка; ихъ грустная повѣсть задѣла материнскій инстинктъ женщины, оставшейся бездѣтной.

— Но, — сказала она, — убѣждены ли вы въ достовѣрности приводимыхъ вами фактовъ?.. Вѣдь въ исто-

Digitized by Google

ріяхъ подобнаго рода требуются болѣе сильныя, болѣе несомнѣнныя улики.

Еврей улыбнулся.

— О,—сударыня, у насъ есть одна подавляющая улика, необыкновенное сходство ребенка съ отцомъ... Затѣмъ слѣдуетъ совпаденіе чиселъ; оно подтверждаетъ фактъ съ несомнѣнной очевидностью.

Каролина дрожала, слушая его, и Бушъ отлично замѣтилъ ея волненіе. Послѣ нѣкоторой паузы, онъ продолжалъ:

— Вы понимаете теперь, насколько мнѣ было неловко обратиться къ самому г-ну Саккару? Я лично въ этой исторіи непричемъ и пришелъ только отъ имени г-жи Мешенъ, той самой кузины мальчика; она, только благодаря случайности, напала на слѣдъ отца, котораго такъ долго разыскивали. Вѣдь я уже имѣлъ честь вамъ доложить, что двѣнадцать векселей по пятидесяти франковъ каждый, выданные несчастной Розаліи, были подписаны фамиліей Сикардо. Конечно, я не смѣю судить человѣка за такой поступокъ, въ сущности простительный среди парижской жизни со всѣми ея мерзостями. Но только г. Саккаръ могъ понять въ дурную сторону мое вмѣшательство... Тутъ мнѣ пришла счастливая идея обратиться къ вамъ, сударыня; рѣшите сами, какъ намъ повести дѣло; это будетъ вполнѣ зависѣть отъ васъ; я знаю, что вы принимаете близко къ сердцу интересы г-на Саккара... Ну, теперь вамъ извѣстна наша тайна; скажите же, нужно ли мнѣ его дождаться и сегодня же сказать ему всю правду?

Волненіе Каролины еще увеличилось.

— Нѣтъ, нѣтъ! Потомъ, — промолвила она, смущенная странностью такого открытія.

Бушъ продолжалъ изучать ее, довольный такой крайней чувствительностью. Она была въ его рукахъ, и въ головѣ еврея окончательно созрѣлъ планъ; теперь онъ надѣялся извлечь изъ Каролины гораздо больше пользы, чѣмъ изъ Саккара.

— Надо на что нибудь рѣшиться,—прошепталъ Бушъ.

— Ну, хорошо... я поѣду... Да, я съѣзжу въ этотъ поселокъ, повидаюсь съ г-жею Мешенъ и взгляну на ребенка... Это будетъ несравненно лучше, если я увижу все своими глазами.

Digitized by Google

Она думала вслухъ, рѣшившись тщательно изслѣдовать обстоятельства, прежде чѣмъ заговорить съ Саккаромъ; потомъ, когда она убѣдится въ истинѣ, нужно будетъ предупредить и отца. Развѣ не на ея обязанности лежитъ забота о всемъ домѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и о спокойствіи хозяина?

— Къ несчастью, время не терпитъ,—продолжалъ Бушъ, осторожно подводя Каролину къ желанному пункту,—бѣдный мальчуганъ страдаетъ. Ему приходится жить въ ужасной средѣ.

Каролина встала.

— Я сейчасъ надѣну шляпу и поѣду.

Бушъ всталъ въ свою очередь и небрежно замѣтилъ:

— Я не говорилъ вамъ о маленькомъ счетѣ, по которому придется заплатить. Ребенокъ, разумѣется, требовалъ расходовъ, да и его матери давали взаймы денегъ... О, конечно, меня это нисколько не касается! Я не знаю хорошенько, какъ велика сумма, — потому что не хотѣлъ браться за это дѣло. Всѣ бумаги тамъ.

— Хорошо, я посмотрю.

Бушъ прикинулся въ свою очередь растроганнымъ.

— Ахъ, сударыня, еслибъ вы знали, какіе смѣшные казусы происходятъ иногда! Самымъ честнымъ людямъ приходится страдать впослѣдствіи за свои увлеченія, а что еще хуже—за увлеченія своихъ родителей... Вотъ хоть бы взять для примѣра вашихъ несчастныхъ сосѣдокъ, графинь де-Бовильеръ.

Онъ безцеремонно подошелъ къ одному изъ оконъ и съ жаднымъ любопытствомъ заглянулъ въ сосѣдній садъ. Нѣтъ сомнѣнья, что съ первой же минуты своего прихода еврей обдумалъ эту шпіонскую уловку, потому что любилъ предварительно освоиться съ театромъ своихъ наступательныхъ дѣйствій. Въ дѣлѣ съ распиской на десять тысячъ франковъ, данной графомъ дѣвицѣ Леони Кронъ, Бушъ ловко разгадалъ самую суть; свѣдѣнія, присланныя изъ Вандома, подтвердили его предположенія. Соблазненная молодая дѣвушка осталась безъ гроша по смерти графа, съ безполезнымъ клочкомъ бумаги въ рукахъ; ее грызло желаніе побывать въ Парижѣ, и она передала документъ ростовщику Шарпье, пожалуй, за какихъ нибудь пятьдесятъ франковъ. Но если Бушу

Digitized by Google

не стоило никакого труда разыскать семейство Бовильеръ, зато Мешенъ въ продолженіе шести мѣсяцевъ бѣгала по всему Парижу и никакъ не могла найти Леони. Сначала дѣвушка поступила служанкой къ одному приставу; Мешенъ прослѣдила ее на трехъ мѣстахъ, но потомъ дѣвица Кронъ, выгнанная за дурное поведеніе, куда-то исчезла и Бушъ напрасно разыскивалъ ее, обшаривая всѣ притоны. Это тѣмъ болѣе приводило его въ отчаяніе, что онъ не могъ ничего требовать отъ графини, прежде чѣмъ найти дѣвушку, какъ живую угрозу скандаломъ. Но, тѣмъ не менѣе, онъ не бросалъ дѣла и, остановившись противъ окна, былъ очень доволенъ, что могъ заглянуть въ садъ графскаго отеля, у котораго видѣлъ только парадный фасадъ, выходившій на улицу.

— Неужели и этимъ дамамъ грозитъ какая нибудь непріятность?—спросила Каролина съ искреннимъ соболѣзнованіемъ.

Бушъ прикинулся невиннымъ младенцемъ.

— Нѣтъ, не думаю... Я хотѣлъ только указать на печальное положеніе, до котораго ихъ довелъ распутный графъ... Видите, у меня есть знакомые въ Вандомѣ, и я знаю ихъ исторію.

Наконецъ, рѣшившись отойти отъ окна въ своемъ притворномъ волненіи, онъ неожиданно повернулъ разговоръ на самого себя.

— Но что значатъ денежныя потери сравнительно со смертью близкихъ!

На этотъ разъ, у него на глазахъ выступили настоящія слезы. Онъ вспомнилъ о братѣ и рыданія подступили ему къ горлу. Каролина подумала, что онъ недавно потерялъ кого нибудь изъ близкихъ, но изъ деликатности не стала разспрашивать. До сихъ поръ она не ошибалась, угадывая, какая передъ ней грязненькая личность, по тому отвращенью, которое внушалъ ей Бушъ. Однако эти нежданныя слезы сдѣлали то, чего не достигла бы самая ловкая тактика: Каролинѣ еще сильнѣе захотѣлось навѣстить несчастнаго ребенка.

— Сударыня, такъ я могу на васъ разсчитывать?

— Я ѣду сію же минуту.

Часъ спустя, Каролина, взявшая наемную карету, блуждала позади Монмартрскаго холма, напрасно отыскивая вла-

Digitized by Google

дѣнія Мешенъ. Наконецъ, въ одной изъ пустынныхъ улицъ, примыкающихъ къ улицѣ Маркаде, встрѣчная старуха показала поселокъ кучеру. Пробираться туда пришлось по какой-то проселочной дорогѣ съ избитыми колеями, заваленной грязью и разными остатками; она вела къ пустырю, гдѣ, только внимательно приглядѣвшись, можно было различить убогія лачужки, сколоченныя изъ старыхъ досокъ, изъ старыхъ цинковыхъ листовъ, точно это были кучи обломковъ, сгруппированныя вокругъ внутренняго двора. На улицу выходилъ одноэтажный домъ, выстроенный изъ песчаника, но также обветшалый и отвратительно-грязный; онъ какъ будто стоялъ на стражѣ у входа въ тюрьму. И, дѣйствительно, г-жа Мешенъ жила тамъ, какъ бдительная домовладѣлица, лично собиравшая плату со своихъ голодныхъ жильцовъ.

Едва Каролина вышла изъ экипажа, какъ тотчасъ увидала на порогѣ монументальную фигуру хозяйки. Ея толстая грудь и колоссальный животъ были обтянуты истасканнымъ платьемъ изъ голубой шолковой матеріи, вытертой по складкамъ и лопнувшей по швамъ; маленькій носъ Мешенъ совсѣмъ исчезалъ между щекъ, до того толстыхъ и красныхъ, что онъ какъ будто пекся посреди двухъ костровъ. Г-жа Дюрье колебалась заговорить съ ней, чувствуя непріятное замѣшательство, но ее тотчасъ успокоилъ нѣжный голосъ, напоминавшій своими высокими нотами пастушескую свирѣль.

— Ахъ, сударыня, васъ вѣроятно послалъ г. Бушъ, и вы пріѣхали взглянуть на маленькаго Виктора?... Войдите, войдите, пожалуйста; здѣсь именно и находится наша колонія; только улица не имѣетъ пока названія и дома еще не занумерованы... войдите! Намъ нужно сперва потолковать. Боже мой, какъ все это скучно и печально!

Каролинѣ пришлось присѣсть на стулъ съ продавленнымъ сидѣньемъ, въ черной отъ копоти столовой, гдѣ раскаленная до-красна печь поддерживала нестерпимые жаръ и запахъ, отъ которыхъ можно было задохнуться. Мешенъ распространялась теперь о томъ, что посѣтительница, только благодаря счастливой случайности, застала ее дома, такъ какъ у нея масса дѣла въ Парижѣ и она обыкновенно возвращается домой не раньше шести часовъ.

— Извините, сударыня, я пріѣхала ради этого несчаст-

Digitized by Google

наго ребенка,—рѣшилась прервать потокъ ея пустословія Каролина.

— Именно такъ, сударыня, и я вамъ его покажу... Вы знаете, что мать Виктора была моя кузина? Ахъ, ужь могу сказать, что я исполнила свой долгъ!.. Вотъ бумаги, вотъ счеты.

Изъ какого-то буфета она вытащила цѣлую тетрадь акуратно подшитыхъ листовъ въ синей обложкѣ, точно это было дѣло изъ канцеляріи какого нибудь нотаріуса или повѣреннаго. Въ то же время хозяйка не переставала сообщать различныя подробности о бѣдной Октявіи: нечего грѣха таить, она вела подъ конецъ самую распутную жизнь, отдаваясь первому встрѣчному, а домой возвращалась пьяная, разбитая въ кровь послѣ кутежей, длившихся по цѣлой недѣлѣ, но можно ли ее въ томъ винить? Бѣдняжка была хорошей работницей, пока отецъ ребенка не вывихнулъ ей плечо, когда соблазнилъ неопытную дѣвочку на лѣстницѣ; сдѣлавшись калѣкой, она, разумѣется, не могла поддерживать своего существованія, торгуя лимонами на рынкѣ.

— Вотъ видите, сударыня, я передавала ей большую сумму денегъ, ссужая по сорока и по сто су. Всѣ числа тутъ записаны: двадцатаго іюня 40 су, двадцать седьмаго іюня опять 40 су, а третьяго іюля 100 су. Постойте! вѣроятно, въ это время Октавія была больна, потому что тутъ идутъ все ссуды на эту сумму безъ конца... Потомъ мнѣ опять приходилось одѣвать Виктора; я ставила букву Впередъ всѣми расходами на мальчика... А ужь когда Октавія умерла, правду говоря, въ страшной грязи и отъ такой скверной болѣзни, что она заживо сгнила, ребенокъ остался совсѣмъ на моемъ попеченіи. Послѣ того,—вотъ видите,—я употребляла на его содержаніе по пятидесяти франковъ въ мѣсяцъ; вѣдь это очень немного, согласитесь сами? Отецъ богатъ, онъ можетъ заплатить по пятидесяти франковъ въ мѣсяцъ за мальчика... Итакъ, все это вмѣстѣ составляетъ пять тысячъ четыреста три франка. А если мы прибавимъ сюда шестьсотъ франковъ, причитающихся по векселямъ, то выдетъ сумма въ шесть тысячъ франковъ... Да, только шесть тысячъ за все!

Не смотря на чувство отвращенья и тошноту, заставлявшую ее блѣднѣть, Каролина все таки сдѣлала замѣчанье:

Digitized by Google

— Но вѣдь векселя принадлежатъ не вамъ; они составляютъ собственность мальчика.

— Извините,—обидчиво возразила Мешенъ,—я отдавала деньги подъ эти документы. Чтобъ оказать услугу Октавіи, я ихъ учла. На оборотѣ вы можете видѣть переводъ на меня, и я оказываю еще большое снисхожденье, что не требую процентовъ... Надо разсудить это все, моя добрѣйшая: за что же терять хотя бы одинъ су такой бѣдной женщинѣ, какъ я!

„Добрѣйшая“ махнула рукой въ знакъ согласія. Мешенъ успокоилась и своимъ голоскомъ, напоминавшимъ флейту, сказала гостьѣ:

— Теперь я позову сюда Виктора.

Но напрасно посылала она одного за другимъ троихъ мальчишекъ, бродившихъ по двору, а сама выходила на крыльцо и махала руками: Викторъ рѣшительно не хотѣлъ слушаться. Одинъ изъ ребятъ принесъ даже вмѣсто отвѣта очень скверное слово. Послѣ того, тучная фигура Мешенъ заколыхалась, и она пошла сама за непокорнымъ воспитанникомъ съ такимъ видомъ, какъ будто собиралась притащить его за ухо. Впрочемъ, она одумалась и вернулась, вѣроятно, считая за лучшеее показать его во всей красѣ.

— Не угодно ли будетъ вамъ, сударыня, пойти со мною?

Проходя черезъ дворъ, хозяйка разсказывала различныя подробности о Неаполитанскомъ поселкѣ, доставшемся ея мужу въ наслѣдство отъ дяди. Этотъ мужъ, вѣроятно, умеръ; по крайней мѣрѣ, никто его не зналъ да и сама Мешенъ упоминала о немъ, только говоря о своихъ владѣніяхъ. Она жаловалась на плохіе доходы и говорила, что дрязги съ жильцами сведутъ ее въ могилу; хлопотъ бездна, а выгоды почти никакой, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ префектура стала преслѣдовать ее да посылать инспекторовъ, которые требовали починокъ и улучшеній на томъ основаніи, что люди мрутъ у нея, какъ мухи. Впрочемъ, она энергически отказывалась истратить на ремонтъ хотя бы одинъ су; этакъ вѣдь пожалуй, полиція потребуетъ отъ нея каминовъ съ зеркалами въ комнатахъ, ходившихъ по два су въ недѣлю! Но Мешенъ тщательно умалчивала о томъ, что была страшно жадна и безо всякой жалости выбрасывала нищенскія семьи

Digitized by Google

на улицу, если онѣ не могли заплатить ей за недѣлю впередъ; она сама замѣняла у себя полицію, и всѣ до того боялись этой безсердечной женщины, что безпріютный бѣднякъ не смѣлъ уснуть, прислонившись къ стѣнѣ принадлежавшей ей лачуги, не заплативъ за это чего н.будь.

Сердце Каролины сжималось, когда она осматривала дворъ, — обширный участокъ земли, заваленный всякой нечистью, изрытый ямами, куда кидали всякіе отбросы, превращая ихъ такимъ образомъ въ клоаки. Ни о водостокахъ, ни о выгребныхъ ямахъ здѣсь не было и помину, и весь дворъ представлялъ собою какъ бы колоссальную навозную кучу, постоянно увеличивавшуюся и отравлявшую воздухъ. Къ счастью, было холодно, но въ жаркую погоду здѣсь образовывался настоящій очагъ заразы. Каролина ступала осторожно, выбирая мѣсто почище, гдѣ не было набросано остатковъ овощей и обглоданныхъ костей; въ то же время она оглядывалась по сторонамъ на лачужки, вытянутыя въ двѣ линіи; ихъ скорѣе всего слѣдовало бы назвать берлогами; всѣ онѣ держались кое-какъ и походили на развалины, починенныя самыми разнообразными матерьялами. Многія были покрыты одной просмоленной бумагой; у многихъ не было дверей и въ зіяющія отверстія виднѣлось нѣчто въ родѣ погреба, откуда валилъ вонючій паръ—зловонное дыханіе нищеты. Семьи, состоящія изъ восьми и десяти человѣкъ, тѣснились въ этихъ трущобахъ, часто не имѣя даже постели; мужчины, женщины, дѣти, всѣ были въ кучѣ и гноили другъ друга, какъ гнилые плоды. Эта чудовищная скученность развивала въ нихъ съ младенческихъ лѣтъ самые скверные пороки. Ватаги ребятишекъ, тощихъ, изможденныхъ, съѣденныхъ золотухой и наслѣдственнымъ сифилисомъ, то и дѣло высыпали на дворъ; то были несчастныя созданья, выроставшія на этой навозной кучѣ, какъ червивые грибы, и обязанныя своимъ существованіемъ случайной вспышкѣ страсти между мужчиной и женщиной; отцы обыкновенно ихъ не знали, да и они — своихъ отцовъ. Во время эпидеміи тифа или оспы, зараза уносила половину ихъ на кладбище.

— Я уже говорила вамъ, сударыня, — снова начала Мешенъ,—что Виктору пришлось расти среди худыхъ примѣровъ и что пора подумать о его воспитаніи, такъ какъ ему скоро

Digitized by Google

минетъ двѣнадцать лѣтъ... При жизни матери онъ насотрѣлся, на всякую скверность, потому что она нисколько не стѣснялась, когда бывала пьяна: приводила къ себѣ мужчинъ и ребенокъ все это видѣлъ... Я же опять не имѣла времени присматривать за нимъ построже; у меня множество дѣлъ въ городѣ. И вотъ мальчикъ цѣлый день бѣгалъ по городскимъ валамъ. Два раза мнѣ приходилось его выручать, такъ какъ онъ былъ пойманъ за кражу, хотя, конечно, кралъ сущіе пустяки. Потомъ, когда Викторъ немножко вошелъ въ возрастъ, начались у него глупости съ маленькими дѣвчонками. Конечно, онъ испортился, насмотрѣвшись на развратную мать! Послѣ этого, нечего удивляться, что въ двѣнадцать лѣтъ онъ кажется совсѣмъ мужчиной, вотъ вы сами увидите... Наконецъ, чтобъ пріучить его немножко къ труду, я отдала Виктора къ одной женщинѣ, Евлаліи; она—разнощица фруктовъ и торгуетъ въ Монмартрѣ. Викторъ провожаетъ ее на рынокъ и несетъ ей одну изъ корзинъ. Да вотъ жалость какая: теперь она захворала; у нея вередъ на ногѣ... Ну, вотъ мы и пришли; сударыня, потрудитесь войти!

Въ первую минуту Каролина попятилась. Въ глубинѣ двора, за настоящей баррикадой всякихъ зловонныхъ отбросовъ виднѣлась какая-то темная зловонная дыра; она вела въ лачужку, вросшую въ землю и похожую на кучу мусора, подпертую досками. Окна здѣсь не было и старая стеклянная дверь, обитая цинковымъ листомъ, стояла настежъ, свободно пропуская страшный холодъ; безъ этого въ каморкѣ царила бы полная тьма. Въ углу г-жа Дюрье увидѣла соломенникъ, брошенный прямо на утрамбованную землю. Никакой другой мебели здѣсь и не было, посреди набросанныхъ кое-какъ, разбитыхъ бочекъ, вырванныхъ трельяжей, полусгнившихъ корзинъ, которыя должны были служить стульями и столами. По стѣнамъ сочилась сырость, и онѣ были покрыты липкой грязью, въ закоптѣломъ потолкѣ; виднѣлась громадная щель, откуда лилъ дождь прямо къ ногамъ убогой постели. Но омерзительнѣе всего былъ запахъ въ этой берлогѣ; трудно было представить себѣ что нибудь противнѣе этой вони среди страшной нищеты, представлявшей, кажется, послѣднюю степень униженія человѣческаго достоинства.

Digitized by Google

— Евлалія, — сказала Мешенъ, — вотъ со мной пришла одна дама, которая хочетъ добра Виктору... Что сдѣлалось съ этой жабой, что онъ не хочетъ идти, когда его зовутъ?

Какая-то безформенная масса зашевелилась на соломенникѣ, она была завернута въ кусокъ стараго ситцу, служившій одѣяломъ; наконецъ Каролина различила въ ней женщину лѣтъ сорока, совершенно голую за неимѣніемъ рубашки, и напоминавшую до половины опростанный бурдюкъ, до того она обрюзгла и покрылась складками. Впрочемъ, голова у нея не была некрасива, а лицо еще молодо и обрамлено бѣлокурыми вьющимися волосами.

— А-а!—прошептала больная,—пускай эта барыня войдетъ, она хоть что нибудь для насъ сдѣлаетъ. Вѣдь нельзя же такъ биться дольше... Подумайте только, сударыня, вотъ ужъ двѣ недѣли, какъ я не хожу на рынокъ изъ-за этихъ поганыхъ чирьевъ, которые совсѣмъ источили мнѣ ляжку! Конечно, у меня теперь нѣтъ ни одного су. Какъ я буду продолжать торговлю? У меня было двѣ рубашки, но я послала Виктора продать ихъ и думала, что мы сегодня вечеромъ околѣемъ съ голоду.

Потомъ, возвысивъ голосъ, она продолжала:

— Однако, наконецъ, это ужасно глупо. Вылѣзай-ка, малышъ! Нечего прятаться. Эта дама не сдѣлаетъ тебѣ ничего дурнаго.

И Каролина вздрогнула, увидавъ, какъ изъ корзины сталъ вылѣзать какой-то узелъ, который въ первую минуту она приняла за груду лохмотьевъ. Это и былъ Викторъ, одѣтый въ разорванные панталоны и холщевую куртку; въ дыры одежды сквозило его голое тѣло. Когда онъ выпрямился во весь ростъ передъ дверью, посѣтительница была поражена его сходствомъ съ Саккаромъ. Всѣ ея сомнѣнья разомъ исчезли; мальчикъ несомнѣнно былъ его сыномъ.

— Я не хочу,—заявилъ онъ,—чтобы мнѣ надоѣдали съ хожденьемъ въ школу!

Между тѣмъ Каролина смотрѣла на него съ возрастающимъ недоумѣніемъ. При своемъ поразительномъ сходствѣ съ отцомъ, Викторъ былъ очень непріятенъ на видъ; одна половина лица была у него больше другой, носъ смотрѣлъ вправо,

Digitized by Google

а голова была точно раздавлена на ступени каменной лѣстницы, гдѣ его зачала изнасилованная мать. Кромѣ того, онъ поражалъ своимъ физическимъ развитіемъ, необыкновеннымъ въ двѣнадцатилѣтнемъ мальчикѣ; невысокій ростомъ, онъ былъ совершенно сформированъ и уже оброс волосами, какъ молодой звѣрокъ. Смѣлые, пожирающіе глаза и чувственный ротъ говорили, что онъ уже совершенный мужчина. И въ этомъ ребенкѣ средняго возраста, съ нѣжнымъ цвѣтомъ лица и чѣмъ-то еще дѣвическимъ въ нѣкоторыхъ чертахъ, такой внезапный расцвѣтъ возмужалости невольно смущалъ, какъ чудовищное явленіе.

— Такъ, значитъ, училище васъ пугаетъ, мой маленькій другъ?—сказала, наконецъ, г-жа Дюрье. — Между тѣмъ, въ школѣ вамъ будетъ лучше, чѣмъ здѣсь... Гдѣ вы спите?

Онъ указалъ жестомъ на соломенникъ.

— Вонъ тамъ... вмѣстѣ съ ней.

Сконфуженная такимъ откровеннымъ отвѣтомъ, Евлалія заегозила, стараясь оправдаться.

— Я ему устроила постель на маленькомъ матрацѣ, но потомъ пришлось ее продать. Конечно, въ бѣдности спишь, гдѣ попало.

Мешенъ сочла нужнымъ вмѣшаться въ разговоръ, хотя прекрасно знала, что̀ тутъ происходитъ.

— Во всякомъ случаѣ, это неприлично, Евлалія... А тебѣ, пострѣленокъ, слѣдовало ночевать у меня, вмѣсто того чтобъ спать съ нею.

Викторъ разставилъ свои короткія толстыя ноги и приподнялъ плечи, какъ бы хвастаясь своей ранней зрѣлостью.

Тогда Евлалія принялась смѣяться, такъ что ея жирное, обрюзглое тѣло заколебалось отъ хохоту; стараясь отвлечь отъ себя подозрѣнье въ отвратительномъ развратѣ,—она повернула дѣло въ шутку, говоря:

— О, Викторъ—такой озорникъ! Будь у меня дочь, я ни за что не оставила бы ее съ нимъ съ глазу на глазъ.

И въ ея словахъ сквозило нѣжное восхищеніе.

Каролина содрогнулась; она едва стояла на ногахъ, подавленная всѣмъ видѣннымъ. Неужели этотъ двѣнадцатилѣтній мальчишка, это маленькое чудовище, валялся съ сорока-

Digitized by Google

лѣтней бабой, изможденной и больной, на гниломъ соломенникѣ, среди этого тряпья, этихъ черепковъ и невыносимой вони! О, нищета, которая все разрушаетъ и гноитъ!

Она оставила Евлаліи двадцать франковъ и убѣжала обратно въ квартиру Мешенъ, чтобы на чемъ нибудь остановиться и окончательно рѣшить съ нею дѣло. Ей пришло въ голову пристроить несчастнаго покинутаго ребенка въ „Домъ Трудолюбія“; вѣдь это заведеніе было основано для подобныхъ дѣтей, выросшихъ въ развратѣ, которыхъ старались перевоспитать съ помощью гигіены и полезнаго физическаго труда. Виктора слѣдовало какъ можно скорѣе извлечь изъ этой нравственной грязи и помѣстить его туда, въ здоровыя условія жизни. Отъ волненія, г-жу Дюрье трясла лихорадка. Рѣшившись пристроить мальчугана, она изъ женской деликатности сочла за лучшее не говорить пока отцу о находкѣ ребенка, чтобы хотя отчасти придать человѣческій видъ чудовищному выродку, прежде чѣмъ показать его; ея собственное цѣломудріе возмущалось за Саккара при видѣ этого отвратительнаго потомства; она чувствовала, сколько стыда принесетъ Викторъ отцу. Но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ, конечно, станетъ получше, и тогда она переговоритъ откровенно съ Аристидомъ, счастливая, что ей удалось сдѣлать доброе дѣло.

Мешенъ съ трудомъ поняла, чего отъ нея хотятъ.

— Боже мой, сударыня, поступайте, какъ знаете!... Только заплатите мнѣ немедленно мои шесть тысячъ франковъ. Я не позволю взять Виктора, пока ихъ не получу.

Эта требовательность привела въ отчаяніе Каролину: такой суммой она не располагала и, разумѣется, не хотѣла просить ее у Саккара. Однако всѣ ея доводы и просьбы не привели ни къ чему.

— Нѣтъ, нѣтъ! Если я выпущу изъ рукъ свой залогъ, то останусь на бобахъ. Я—старый воробей, меня на мякинѣ не обманешь.

Однако, видя, что такихъ большихъ денегъ ей ни за что не получить заразъ, она согласилась на скидку.

— Ну, хорошо, дайте мнѣ двѣ тысячи франковъ сейчасъ; остальное я подожду.

Между тѣмъ, Каролина по прежнему оставалась въ замѣшательствѣ и спрашивала себя, откуда взять двѣ тысячи фрна-

Digitized by Google

ковъ, какъ вдругъ ей пришло въ голову обратиться къ Максиму. Она крѣпко ухватилась за эту мысль, не желая даже взвѣсить ее хорошенько. Конечно, онъ будетъ согласенъ держать втайнѣ ея открытіе и не откажетъ дать небольшую сумму, которую отецъ возвратитъ ему впослѣдствіи. И она уѣхала, обѣщая взять Виктора на слѣдующій день.

Было только пять часовъ. Каролинѣ до того хотѣлось поскорѣе покончить дѣло, что она приказала кучеру ѣхать въ Аллею императрицы, гдѣ жилъ старшій сынъ Саккара. Когда она пріѣхала, камердинеръ сказалъ, что его господинъ одѣвается, но, тѣмъ не менѣе, онъ доложилъ о ней.

Съ минуту посѣтительница задыхалась въ гостинной, гдѣ ожидала Максима. Онъ жилъ въ маленькомъ отелѣ, устроенномъ съ утонченной роскошью и комфортомъ. Здѣсь была масса драпировокъ, ковровъ и тонкое благовоніе носилось въ тишинѣ теплыхъ комнатъ. Обстановка ихъ была мила, нѣжна и скромна, хотя здѣсь не было женщины, такъ какъ молодой вдовецъ, получившій богатство послѣ смерти жены, устроилъ свою жизнь единственно ради культа самому себѣ, закрывъ свою дверь, въ качествѣ опытнаго юноши, всякому женскому вторженію. Одна женщина доставила ему средства наслаждаться жизнью, и онъ не хотѣлъ допустить, чтобъ другая испортила ему существованіе. Порокъ наскучилъ Максиму, и онъ не увлекался имъ больше, а прибѣгалъ къ нему, какъ къ тонкому лакомству, которымъ не могъ наслаждаться часто, по причинѣ разстройства пищеваренія. Молодой Саккаръ давно оставилъ мысль вступить въ государственный совѣтъ и даже не участвовалъ на скачкахъ, пресытившись лошадьми, какъ и продажными женщинами. Онъ жилъ одинъ, праздный и совершенно счастливый, тратя свое состояніе умѣючи и осторожно, съ жестокостью порочнаго зятя, живущаго на чужомъ иждивеніи и остепенившагося.

— Не угодно ли вамъ будетъ, сударыня, пройти въ комнату барина?—спросилъ Каролину вернувшійся лакей.

Г-жа Дюрье жила съ Максимомъ на дружеской ногѣ, съ тѣхъ поръ какъ сдѣлалась вѣрной домоправительницей Саккара, а молодой человѣкъ сталъ нерѣдко обѣдать въ отелѣ Орвіедо. Войдя въ комнату хозяина, она увидала, что тамъ спущены шторы. Шесть свѣчей горѣло на каминѣ и на ма

Digitized by Google

ленькомъ столикѣ, освѣщая своимъ спокойнымъ пламенемъ это гнѣздышко, подбитое пухомъ и обтянутое шолкомъ, точно мягкій, сладострастный будуаръ продажной красавицы съ его глубокими креслами и громадной постелью, мягкой, какъ перина. Это была любимая комната Максима, гдѣ онъ истощилъ весь свой изящный вкусъ въ роскошной мебели и цѣнныхъ бездѣлушкахъ, въ чудесахъ послѣдняго столѣтія, какъ бы таявшихъ, терявшихся въ самомъ восхитительномъ смѣшеніи мягкихъ складокъ дорогихъ тканей.

Дверь въ уборную была отворена настежъ и юноша показался на порогѣ, говоря:

— Что такое? что случилось? Надѣюсь, папа не умеръ?

По выходѣ изъ ванны, онъ облекся въ элегантный костюмъ изъ бѣлой фланели; кожа его была свѣжа и ароматна, красивая дѣвичья голова имѣла томный видъ, а въ голубыхъ свѣтлыхъ глазахъ такъ и сквозила пустота его мозга. Черезъ отворенную дверь, слышно было паденье капель изъ крана въ ваннѣ, а отъ теплой воды распространялся крѣпкій запахъ цвѣтовъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, дѣло вовсе не такъ важно, какъ вы думаете,—отвѣчала Каролина, смущенная спокойно-шутливымъ тономъ вопроса.—Однако то, что я имѣю вамъ сказать, затрудняетъ меня немного... Извините, пожалуйста, что я такъ безцеремонно къ вамъ явилась!

— Мнѣ, дѣйствительно, предстоитъ ѣхать на званый обѣдъ, однако я успѣю одѣться... Ну, говорите, что у васъ тамъ такое?

Онъ ждалъ, а она вдругъ стала колебаться и несвязно бормотала слова, невольно подавленная этой страшной роскошью, этой утонченностью сибаритской обстановки, этой особой атмосферой его жилища. Ею овладѣла трусость, и она не находила въ себѣ мужества высказаться безъ утайки. Возможно ли, чтобы судьба, такая неумолимая къ ребенку, случайно явившемуся на свѣтъ и прозябавшему тамъ, въ клоакѣ Неаполитанскаго поселка, была такъ щедра къ другому, среди этого изощреннаго плотоугодія? Столько пошлыхъ пороковъ съ одной стороны, голодъ и неизбѣжная грязь; съ другой же—такая изысканность, изобиліе и красота жизненныхъ условій! Неужели и воспитаніе, и здоровье, и умственное развитіе, все это въ деньгахъ? И если та же человѣческая грязь остается

Digitized by Google

внизу—значитъ, вся цивилизація резюмируется лишь въ превосходствѣ человѣка, отъ котораго пріятно пахнетъ и который живетъ хорошо?

— Боже мой, это цѣлая исторія и, по моему, мнѣ слѣдуетъ разсказать ее вамъ... Впрочемъ, меня принуждаетъ къ тому необходимость; вы мнѣ нужны.

И она стала разсказывать.

Максимъ слушалъ ее сначала стоя, потомъ онъ сѣлъ напротивъ: у него подкосились ноги отъ изумленія.

— Какъ, неужели!—воскликнулъ онъ, когда она замолчала.—Значитъ, я не единственный сынъ? Какой-то отвратительный братишка неожиданно сваливается мнѣ вдругъ на голову, даже не крикнувъ: „берегись“!

Каролина вообразила, что Максимъ тревожится денежнымъ вопросомъ, и намекнула на отцовское наслѣдство.

— О, наслѣдство папа!

И онъ махнулъ рукой съ иронической безпечностью. Г-жа Дюрье не поняла его жеста. Что онъ хотѣлъ сказать? Развѣ онъ не вѣрилъ въ высокія достоинства отца, въ его несомнѣнное обогащеніе?

— Нѣтъ, нѣтъ, мои дѣла устроены; я ни въ комъ не нуждаюсь... Только все случившееся, въ самомъ дѣлѣ, до того потѣшно, что я не могу не смѣяться.

Максимъ дѣйствительно смѣялся, но оскорбленный въ глубинѣ души, втайнѣ встревоженный. Онъ думалъ о себѣ, не успѣвъ еще взвѣсить, выгодно или невыгодно отзовется на немъ неожиданное приключеніе. Онъ чувствовалъ себя отодвинутымъ въ сторону и у него вырвалось слово, въ которомъ этотъ эгоистъ вылился весь цѣликомъ:

— Въ сущности, я тутъ совершенно непричемъ.

Вставъ съ мѣста, онъ прошелъ въ уборную, тотчасъ вернулся оттуда съ черепаховой щеточкой и началъ осторожно полировать себѣ ногти.

— Ну, что же вы намѣрены сдѣлать теперь съ вашимъ чудовищемъ?—Вѣдь нельзя же посадить его въ Бастилію, какъ желѣзную маску!

Тутъ Каролина заговорила о счетахъ Мешенъ и о своемъ намѣреніи помѣстить Виктора въ Домъ Трудолюбія, и попросила у него двѣ тысячи франковъ.

Digitized by Google

— Я не хочу, чтобъ вашъ отецъ зналъ пока объ этомъ, а, кромѣ васъ, мнѣ не къ кому обратиться; ссудите, пожалуйста, эту сумму.

Но Максимъ отказалъ наотрѣзъ.

— Отцу—ни за что на свѣтѣ!.. Видите, я далъ клятву, что если папа понадобится одинъ су, чтобы перейти черезъ мостъ, то я не дамъ ему взаймы. Поймите: есть глупости черезчуръ ужь глупыя, а я не хочу быть смѣшнымъ.

Каролина опять пристально взглянула на него, смущенная пошлымъ значеніемъ его словъ. Но въ эту минуту у нея не было ни желанія, ни времени заставить его высказаться яснѣе.

— Ну, а мнѣ,—продолжала она торопливымъ тономъ, — дадите ли вы мнѣ взаймы эти двѣ тысячи франковъ?

— Вамъ, вамъ?..—Красивымъ и легкимъ движеніемъ продолжалъ онъ полировать свои ногти, не спуская съ Каролины своихъ свѣтлыхъ глазъ, умѣвшихъ проникать въ глубокіе тайники женской души.

— Ну, вамъ я дамъ охотно... вы съумѣете заставить отца возвратить мнѣ ихъ.

Вынувъ два тысячныхъ билета изъ низенькаго шкафика и отдавая ихъ г-жѣ Дюрье, Максимъ взялъ ее за обѣ руки и удержалъ ихъ на минуту въ своихъ, съ дружеской веселостью, точно любезный пасынокъ, расположенный къ своей мачихѣ.

— Вы создали себѣ иллюзіи насчетъ папа!.. О, пожалуйста, не возражайте, я не требую у васъ отчета въ вашихъ дѣлахъ... Женщины—такія прихотливыя созданія: иногда имъ нравится жертвовать собою и, понятно, онѣ имѣютъ право брать удовольствіе тамъ, гдѣ его находятъ... Во всякомъ случаѣ, если вамъ заплатятъ неблагодарностью, приходите ко мнѣ и мы потолкуемъ.

Очутившись въ своемъ фіакрѣ, Каролина едва отдышалась послѣ теплой, мягкой атмосферы маленькаго отеля, напоенной запахомъ геліотропа, которымъ пропахло и ея платье. Она дрожала, точно вышла изъ какого нибудь подозрительнаго мѣста. Кромѣ того, краснорѣчивыя недомолвки Максима и его шутки надъ отцомъ непріятно подѣйствовали на нее, усиливая подозрѣнія насчетъ темнаго прошлаго Саккара. Но она не хотѣла ничего знать благо у нея были деньги, и успокоилась, придумывая, какъ бы распредѣлить удобнѣе завтраш-

Digitized by Google

ній день, чтобы пристроить Виктора въ Домъ Трудолюбія въ тотъ же вечеръ; ей такъ хотѣлось поскорѣе вырвать его изъ когтей порока.

На слѣдующій день, Каролинѣ пришлось хлопотать съ самаго утра; нужно было исполнить множество формальностей, необходимыхъ для опредѣленія мальчика въ пріютъ. Занимаемая ею должность секретаря попечительнаго совѣта, составленнаго основательницей, княгиней Орвіедо, изъ десяти свѣтскихъ дамъ, конечно, значительно облегчила Каролинѣ ея задачу, такъ что послѣ полудня ей оставалось только отправиться за Викторомъ въ Неаполитанскій поселокъ. Она повезла съ собою приличное платье и, не шутя, побаивалась сопротивленія со стороны упрямца, не хотѣвшаго ничего слышать о школѣ. Между тѣмъ Мешенъ, которой она послала депешу и которая ее ожидала, съ первыхъ же словъ сообщила неожиданную новость, сильно подѣйствовавшую на Каролину: Евлалія скоропостижно умерла въ ту ночь и докторъ не могъ съ точностью опредѣлить причину внезапной смерти, происшедшей, вѣроятно, отъ зараженія крови. Но ужаснѣе всего было то, что мальчикъ, спавшій рядомъ съ ней, въ потемкахъ не замѣтилъ случившагося и догадался уже о катастрофѣ только по окоченѣнію трупа, лежавшаго съ нимъ рядомъ. Онъ провелъ остатокъ ночи у тетки, ошеломленный этой драмой и перепуганный. Викторъ безпрекословно позволилъ одѣть себя и согласился ѣхать съ Каролиной. Ему понравилось, что онъ будетъ жить въ домѣ съ великолѣпнымъ садомъ. Теперь ничто не удерживало его болѣе на старомъ пепелищѣ, потому что „толстуха скоро сгніетъ въ ямѣ“, какъ выражался онъ.

Давая расписку въ полученіи двухъ тысячъ франковъ, Мешенъ ставила свои условія:

— Такъ, значитъ, между нами рѣшено, что вы заплатите всю сумму сполна за одинъ разъ, спустя полгода? Въ случаѣ же вашего отказа, я обращусь къ г-ну Саккару.

— Да онъ самъ и заплатитъ,—возразила Каролина...— Сегодня я просто замѣняю его, вотъ и все.

Прощанье Виктора съ теткой было не изъ трогательныхъ: она поцѣловала его въ голову, а мальчикъ спѣшилъ поскорѣе сѣсть въ карету. Мешенъ была не въ духѣ. Бушъ разбранилъ

Digitized by Google

ее за уступку, и она съ досадой смотрѣла, какъ ускользалъ у нея изъ рукъ ея живой залогъ.

— Надѣюсь, сударыня, что вы поступите со мною честно; иначе я съумѣю заставить васъ раскаяться.

По дорогѣ отъ Неаполитанскаго поселка къ Дому Трудолюбія, на бульварѣ Бино, Каролинѣ не удалось добиться ничего отъ Виктора, кромѣ односложныхъ отвѣтовъ; зато онъ пожиралъ глазами улицу, широкія аллеи, прохожихъ и богатые дома. Писать онъ не умѣлъ, а читалъ съ большимъ трудомъ, такъ какъ постоянно отлынивалъ отъ школьныхъ занятій, бѣгая по городскимъ валамъ. На лицѣ слишкомъ быстро созрѣвшаго ребенка выражалась только необузданная жадность его расы, торопливость насладиться земными благами, не разбирая ничего; гнетъ нищеты и отвратительный примѣръ окружающихъ лишь способствовали развитію этихъ инстинктовъ. На бульварѣ Бино, глаза молодаго звѣря заблистали еще сильнѣе, когда по выходѣ изъ кареты онъ проходилъ по центральному двору, къ которому примыкалъ справа флигель пріюта для дѣвочекъ, а слѣва—для мальчиковъ. Онъ уже успѣлъ окинуть взглядомъ обширныя лужайки, усаженныя прекрасными деревьями, кухни, облицованныя фаянсомъ, откуда черезъ раскрытыя окна доносился дразнящій запахъ мясныхъ блюдъ, и роскошныя столовыя, украшенныя мраморомъ, высокія и длинныя, точно капеллы, и всю эту царственную роскошь, которую княгиня Орвіедо хотѣла доставить бѣднякамъ во искупленіе темнаго прошлаго своего мужа. Достигнувъ главнаго корпуса зданія, гдѣ помѣщалась администрація, Викторъ ходилъ съ Каролиной изъ одного отдѣленія въ другое, чего требовали обычныя формальности пріема. Ему нравилось стучать подошвами новыхъ башмаковъ по звонкимъ плитамъ громадныхъ коридоровъ, по широкимъ лѣстницамъ и площадкамъ, гдѣ было такое обиліе воздуха и свѣта, а по стѣнамъ живопись и украшенія, достойныя настоящаго дворца. Ноздри мальчика вздрагивали: все это будетъ принадлежать ему! Но когда Каролина спустилась опять въ нижній этажъ для подписи одного документа и повернула съ Викторомъ въ коридоръ, она подвела его къ стеклянной двери. Тамъ была мастерская; мальчики

Digitized by Google

его лѣтъ стояли передъ станками и учились вырѣзыванью на деревѣ.

— Видите, дружокъ,—сказала г-жа Дюрье,—здѣсь также и работаютъ; трудъ необходимъ для нашего здоровья и счастья. По вечерамъ же дѣти учатся въ классѣ, и я надѣюсь, что вы будете послушны и также станете заниматься... Вамъ нужно самимъ устроить свое будущее, и ваша жизнь сложится такъ хорошо, какъ вы не могли и мечтать.

Темная складка появилась на лбу Виктора. Онъ ничего не отвѣтилъ и глаза молодаго волчонка бросали теперь на окружающую роскошь одни косые взгляды разбойника: ему хотѣлось имѣть все это только съ тѣмъ, чтобъ наработать, добыть себѣ богатство, раздолье и наслаждаться имъ, хватая его ногтями и зубами! Съ этихъ поръ предстоящая неволя стала возмущать Виктора; онъ былъ настроенъ уже враждебно и чувствовалъ себя плѣнникомъ, который мечтаетъ о кражѣ и побѣгѣ.

— Ну, теперь все устроено, — сказала Каролина, — мы поднимемся въ ванную комнату.

По правиламъ пріюта, каждый новый пансіонеръ въ день пріема бралъ ванну; ванны помѣщались въ отдѣльныхъ кабинетахъ, примыкавшихъ къ лазарету для выздоравливающихъ, который, состоя изъ двухъ небольшихъ дортуаровъ,— одного для дѣвочекъ, другаго для мальчиковъ, — примыкалъ въ свою очередь къ бѣльевой залѣ. Шесть сестеръ общины распоряжались въ этихъ двухъ отдѣленіяхъ, въ бѣльевой залѣ,—великолѣпной комнатѣ съ мебелью изъ полированнаго клена, съ тремя этажами глубокихъ шкафовъ,—и въ этомъ образцовомъ лазаретѣ, залитомъ свѣтомъ и сверкающемъ бѣлизной безъ малѣйшаго пятнышка, веселомъ и чистомъ, какъ само здоровье. Дамы попечительнаго совѣта часто пріѣзжали туда въ послѣполуденные часы не столько для контроля, сколько для того, чтобъ потрудиться немного самимъ. Въ тотъ день здѣсь какъ разъ находились графиня де-Бовильеръ съ дочерью; онѣ сидѣли въ залѣ, раздѣлявшей мужское и женское отдѣленія лазарета. Графиня нерѣдко привозила сюда свою дочь, желая доставить ей маленькое развлеченіе. Алиса помогала одной изъ сестеръ намазывать

Digitized by Google

варенъемъ булку для двухъ маленькихъ дѣвочекъ, выздоравливавшихъ послѣ продолжительной болѣзни.

— Ахъ, — сказала графиня при видѣ Виктора, котораго привели туда же посидѣть, пока ему приготовятъ ванну,— вотъ новичокъ!

Обыкновенно она держала себя церемонно съ Каролиной, отвѣчая только наклоненіемъ головы на ея привѣтствіе, и никогда не разговаривала съ нею, пожалуй, изъ боязни завязать знакомство по поводу ихъ близкаго сосѣдства. Но этотъ мальчикъ, приведенный Каролиной, обратилъ на себя ея вниманье, и она, вѣроятно, была тронута добротой г-жи Дюрье, такъ ласково хлопотавшей о немъ. Онѣ разговорились между собой вполголоса.

— Еслибъ вы знали, сударыня, изъ какой трущобы я его привезла! Позвольте поручить его вашей благосклонности, о чемъ я просила и прочихъ попечительницъ и попечителей.

— А у него есть родители? вы ихъ знаете?

— Нѣтъ, его мать умерла; о немъ некому позаботиться, кромѣ меня.

— Бѣдный мальчикъ! Сколько на свѣтѣ горя!

Въ это время Викторъ не спускалъ глазъ съ тартинокъ; его глаза загорѣлись дикой жадностью; отъ варенья, которое намазывали ножемъ на булку, его взглядъ переходилъ выше, къ бѣлымъ, тонкимъ рукамъ Алисы, къ ея черезчуръ тощей шеѣ, ко всей ея сухопарой дѣвической фигурѣ, увядавшей въ напрасномъ ожиданіи замужства. Еслибъ они остались одни, онъ такъ бы и ударилъ ее головой въ животъ, чтобы она отлетѣла къ стѣнѣ, а онъ могъ захватить тартинки! Дѣвушка замѣтила эти жадные взгляды и, переглянувшись съ сестрой милосердія, спросила:

— Вамъ хочется кушать, дружокъ?

— Да.

— А вы не прочь отъ варенья?

— Нѣтъ.

— Хотите, я приготовлю вамъ пару тартинокъ, чтобъ вы могли ихъ съѣсть послѣ ванны?

— Хочу.

— Побольше варенья и поменьше хлѣба, не такъ ли?

— Да.

Digitized by Google

Она смѣялась, шутила, но онъ оставался серьезнымъ и озадаченнымъ, а его глаза по прежнему пожирали и дѣвушку, и лакомство.

Въ эту минуту радостные крики и громкій топотъ донеслись въ комнату со двора мальчиковъ. Это былъ знакъ, что наступила рекреація, начинавшаяся въ четыре часа. Мастерскія пустѣли; пансіонерамъ давался получасовой отдыхъ, чтобы закусить и поразмять ноги.

— Вотъ видите, — начала Каролина, подводя Виктора къ окну, — если здѣсь работаютъ, то вѣдь также и играютъ... Любите вы работать?

— Нѣтъ.

— А играть любите?

— Да.

— Ну, такъ для того, чтобъ играть, нужно работать... Впрочемъ, вы сами понемногу привыкнете къ здѣшней жизни и вамъ не будетъ трудно; только ведите себя хорошо.

Онъ не отвѣчалъ. Румянецъ удовольствія показался на его лицѣ при видѣ выпущенныхъ на волю товарищей, которые прыгали и кричали. Потомъ его взгляды снова обратились на молодую дѣвушку; она сдѣлала тартинки и положила ихъ на тарелку. Да, онъ жаждалъ только свободы и удовольствій, постоянныхъ, безпрерывныхъ, и ничего больше! Ванна была готова; его увели.

— Ну, съ этимъ малышемъ будетъ не легко справиться, — кротко замѣтила монахиня. — Признаться, я имъ не довѣряю, когда у нихъ на лицѣ столько скрытности.

— А между тѣмъ онъ недуренъ, — прошептала Алиса, — и такъ посматриваетъ на васъ, точно ему восемнадцать лѣтъ.

— Да, — заключила Каролина съ легкой дрожью, — онъ черезчуръ развитъ для своего возраста.

Передъ своимъ уходомъ, графини захотѣли полюбоваться, какъ маленькія дѣвочки будутъ ѣсть тартинки; одна изъ нихъ была премиленькая десятилѣтняя блондинка съ умными глазами, съ видомъ маленькой женщины, рано созрѣвшей и истощенной въ нездоровыхъ условіяхъ жизни парижскихъ предмѣстій. Исторія ея была одна изъ самыхъ обыкновенныхъ: пьяница отецъ приводилъ къ себѣ въ домъ женщинъ, взятыхъ съ панели, и наконецъ сбѣжалъ съ одной изъ нихъ:

Digitized by Google

покинутая мать также взяла сначала одного, потомъ другаго любовника, и сама понемногу спилась; а на бѣднаго ребенка то и дѣло сыпались удары ото всѣхъ этихъ самцовъ, когда они не покушались ее изнасиловать. Въ одно утро, матери пришлось вырвать ее изъ рукъ одного каменщика, котораго она привела къ себѣ наканунѣ. Однако ей, падшей женщинѣ, позволяли видѣться со своей дочерью, потому что она сама умоляла взять ее въ пріютъ, сохранивъ въ своемъ паденіи горячую материнскую любовь. Эта несчастная какъ разъ была тамъ; блѣдная, желтая, изможденная, съ заплаканными глазами, сидѣла она у бѣленькой постельки, гдѣ ея дѣвчурка, такая чистенькая и опрятная, полулежала въ подушкахъ и мило кушала тартинки.

Она узнала Каролину, потому что приходила къ Саккару на домъ съ просьбой о помощи.

— Ахъ, сударыня, вотъ и еще разъ моя бѣдняжка Магдалина спасена отъ смерти! Наше несчастье вошло ей въ кровь и докторъ сказалъ мнѣ, что она не осталась бы въ живыхъ, еслибъ по прежнему бѣдствовала съ нами да терпѣла колотушки... А здѣсь ей даютъ и мясо, и вино, и подышать есть чѣмъ, и спокойствіе она видитъ... Прошу васъ, сударыня, скажите тому доброму господину, что не проходитъ часа, котда бы я не благословляла его.

Рыданья прервали ея слова; сердце у нея переполнялось благодарностью. Она говорила о Саккарѣ, потому что знала только его, какъ и большинство родителей, дѣти которыхъ были помѣщены въ Домѣ Трудолюбія. Княгиня Орвіедо никогда здѣсь не показывалась, между тѣмъ какъ Аристидъ очень много хлопоталъ о бѣдныхъ, не жалѣя трудовъ; онъ ѣздилъ по всѣмъ трущобамъ, собирая сиротъ и бездомныхъ, чтобы поскорѣе наполнить пріютъ и видѣть въ дѣлѣ это колоссальное учрежденіе; недаромъ оно было отчасти твореніемъ его рукъ! Онъ увлекался имъ, какъ и всѣмъ прочимъ, раздавалъ монеты во сто су изъ своего собственнаго кармана бѣднякамъ, которымъ пристраивалъ дѣтей; такимъ образомъ, Саккаръ былъ единственнымъ и настоящимъ благодѣтельнымъ геніемъ для всѣхъ этихъ несчастныхъ людей.

— Сударыня, не правда ли, вѣдь вы скажете ему, что есть на свѣтѣ одна бѣдная женщина, котарая постоянно мо-

Digitized by Google

лится о немъ? О, я вовсе не хочу выставлять себя набожной! Къ чему лгать и лицемѣрить? Нѣтъ, намъ не до церквей; мы объ нихъ и не вспоминаемъ. Что проку ходить туда и терять время!.. Но какъ ни говорите, а есть кое-что выше насъ и намъ отрадно призывать благословеніе на тѣхъ, кто сдѣлалъ намъ добро.

Слезы переполнили ея глаза и потекли по увядшимъ щекамъ.

— Послушай меня, Магдалина, послушай...

Дѣвочка, такая блѣдная въ своей бѣлоснѣжной рубашкѣ, полизывала тартинку кончикомъ жаднаго язычка съ выраженіемъ счастливаго довольства въ глазахъ. Когда мать позвала ее, она подняла голову и сдѣлалась внимательна, не переставая лакомиться.

— Каждый вечеръ передъ сномъ, ложась въ постель, складывай вотъ такъ свои руки и говори: „Господи, награди г-на Саккара за его доброту, пошли ему долголѣтіе и счастье“... Ты слышишь, ты обѣщаешь мнѣ?

— Да, мама.

Слѣдующія недѣли Каролина провела въ сильномъ нравственномъ безпокойствѣ. Ей все не удавалось составить опредѣленнаго мнѣнія о Саккарѣ. Исторія рожденія Виктора, брошеннаго отцомъ на произволъ судьбы, несчастная Октавія, соблазненная на ступеняхъ лѣстницы и притомъ такъ грубо, что она осталась на всю жизнь калѣкой, подписанные чужимъ именемъ и неоплаченные векселя, и этотъ несчастный ребенокъ безъ имени, выросшій въ грязи... Такое гнусное прошлое внушало ей отвращеніе къ Аристиду. Впрочемъ, г-жа Дюрье удаляла отъ себя эти картины, точно также какъ не хотѣла вызывать нескромныхъ разоблаченій Максима; несомнѣнно, у Саккара были пятна на совѣсти, которыя пугали ее и причинили бы ей слишкомъ много огорченія, еслибъ она объ нихъ узнала. А, между тѣмъ, передъ ея глазами то и дѣло появлялась мать Магдалины, вся въ слезахъ, которая складывала руки своей дѣвочки, заставляя ребенка молиться за того же человѣка. Саккара дѣйствительно боготворили за его доброту, и онъ въ самомъ дѣлѣ былъ добръ и спасалъ отъ гибели людскія души, пламенѣя жаромъ спекулятора, который возвышался до чистой добродѣтели, когда она была

Digitized by Google

красиво обставлена. Каролина кончила тѣмъ, что отказалась его судить и, стараясь успокоить свою совѣсть умной женщины, слишкомъ много читавшей и размышлявшей, говорила себѣ, что въ немъ, какъ и во всѣхъ прочихъ, много недостатковъ, но много и достоинствъ.

Въ то же время ей стало стыдно при мысли, что она ему принадлежала. Она до сихъ поръ не могла примириться съ нелѣпой случайностью и успокоивала себя только тѣмъ, что клялась не продолжать этой связи, явившейся плодомъ увлеченія минуты. Прошло три мѣсяца, въ теченіе которыхъ она акуратно по два раза въ недѣлю посѣщала Виктора, и вотъ какъ-то позднимъ вечеромъ молодая женщина опять очутилась въ объятіяхъ его отца. Тутъ онъ окончательно овладѣлъ ею и она допустила, чтобы между ними установилась постоянная близость. Что такое происходило съ нею? Неужели она грѣшила, какъ другія, изъ любопытства? Неужели воспоминанія прежней любви, потревоженныя ею, внушили ей чувственное желаніе? Или найденный ребенокъ послужилъ связующимъ звеномъ между ними, сблизилъ ихъ: настоящаго отца и названную мать? Да, здѣсь не могло быть ничего, кромѣ сантиментальнаго увлеченья. Въ своемъ великомъ горѣ о томъ, что она бездѣтна, Каролина, вѣроятно, расчувствовалась до распущенности воли среди заботъ о сынѣ этого человѣка, найденномъ въ такой ужасной обстановкѣ. При каждомъ свиданьѣ съ мальчикомъ, она привязывалась къ нему все сильнѣе, и въ ея одинокомъ сердцѣ громко заговорило материнское чувство; кромѣ того, г-жа Дюрье была женщина яснаго здраваго смысла: она принимала вещи, какъ онѣ есть, не муча себя напрасными стараньями разъяснить тысячу сложныхъ причинъ, которыя ихъ обусловливаютъ. Для нея въ этомъ разматываньѣ сердца и мозга, въ этомъ утонченномъ анализѣ волоконъ, разрѣзанныхъ на четвертыя доли, не было ничего поучительнаго; она предоставляла развлекаться подобнымъ самоуглубленьемъ свѣтскимъ дамамъ, не имѣющимъ ни занятій, ни дѣтей, на которыхъ онѣ могли бы обратить свою любовь,—этимъ интеллектуальнымъ шутамъ въ юбкѣ, которые ищутъ оправданья своему паденію и, подъ маской глубокаго изученія человѣческой души, даютъ волю плотскимъ вожделѣніямъ, одинаковымъ, какъ у герцогинь, такъ и у трактир-

Digitized by Google

ныхъ служанокъ. Каролина, женщина съ такой обширной эрудиціей, въ прежніе годы горѣвшая желаньемъ объѣздить цѣлый свѣтъ и принимать участіе въ философскихъ спорахъ, вынесла великое презрѣніе изъ этихъ психологическихъ рекреацій, которыя въ настоящее время стремятся вытѣснить въ женскомъ обиходѣ фортепіано и вышивку. Она говорила, смѣясь, что онѣ развратили бо́льшее число женщинъ, чѣмъ исправили. Поэтому въ тѣ дни, когда она поступала не такъ, какъ требовалъ разумъ, когда ея свободная воля сламывалась посторонними вліяніями, Каролина предпочитала мириться съ совершившимся фактомъ, констатировавъ его. Она разсчитывала, что жизнь въ своемъ дальнѣйшемъ теченіи и полезный трудъ помогутъ ей загладить свой проступокъ, исправить сдѣланное зло, подобно тому какъ растительные соки, поднимаясь постоянно къ верху, заживляютъ порѣзъ въ сердцевинѣ дуба, возстановляя древесину и кору. Если она принадлежала теперь Саккару, сама того не желая, не будучи увѣрена ни въ своей, ни въ его любви, то старалась подняться въ собственныхъ глазахъ, поднимая его въ своемъ мнѣніи, подкупленная достоинствами дѣльнаго человѣка, его энергическимъ стремленіемъ къ побѣдѣ. Она повторяла себѣ, что Саккаръ добръ и полезенъ другимъ. Ея первоначальный стыдъ прошелъ, растворился въ свойственной намъ потребности очистить свои ошибки. И въ самомъ дѣлѣ, ничего не могло быть существеннѣе и безмятежнѣе ихъ связи. Эту пару соединялъ одинъ благоразумный разсчетъ, не болѣе того; Аристидъ былъ счастливъ, что Каролина сидитъ возлѣ него по вечерамъ, когда онъ остается дома; она относилась къ нему почти съ материнской заботливостью, нѣжно покоила его, скрашивая ихъ отношенія своимъ живымъ умомъ, облагораживая прямотою характера. И для этого пирата парижской мостовой, прошедшаго огонь и воду, прожженнаго во всѣхъ финансовыхъ ловушкахъ, было незаслуженнымъ счастьемъ, незаконно присвоеннымъ благополучіемъ, обладаніе восхитительной женщиной, такой молодой и здоровой въ тридцать шесть лѣтъ подъ снѣгомъ густыхъ сѣдыхъ волосъ, одаренной такимъ завиднымъ здравомысліемъ, такимъ гуманнымъ взглядомъ на вещи, благоразуміемъ и вѣрою въ жизнь, какова она есть, не смотря на грязь, уносимую потокомъ.

Digitized by Google

Прошли цѣлые мѣсяцы, и надо сознаться, что Каролина не разочаровалась въ Саккарѣ. Онъ дѣйствовалъ энергично и вмѣстѣ съ тѣмъ осторожно въ началѣ дѣятельности Всемірнаго Банка, первые шаги котораго были сопряжены со множествомъ затрудненій.

Подозрѣнія г-жи Дюрье насчетъ неблаговидныхъ операцій и боязнь, чтобы Саккаръ не скомпрометировалъ ея и брата, теперь совершенно разсѣялись, благодаря неутомимой дѣятельности Аристида, который постоянно боролся съ препятствіями и хлопоталъ съ утра до вечера, стараясь дать правильный ходъ своей обширной новой механикѣ, колеса которой пока еще скрипѣли, готовыя лопнуть. И Каролина была ему благодарна за это, восхищалась имъ. На самомъ дѣлѣ „Всемірный“ пока еще не работалъ такъ, какъ разсчитывалъ Саккаръ; въ высшихъ финансовыхъ сферахъ на него еще смотрѣли косо; о немъ ходили дурные слухи, снова появлялись на сцену различныя помѣхи, задерживая движеніе капитала, тормозя попытки прибыльныхъ операцій. Поэтому Саккаръ даже щеголялъ своей манерой не спѣшить, хотя эта сдержанность и была вынужденной; онъ подвигался шагъ за шагомъ на солидной почвѣ, высматривая впереди всѣ ямы и выбоины, слишкомъ погруженный въ заботу о своей безопасности, для того чтобы пуститься, очертя голову, въ азартную игру. Онъ сгоралъ нетерпѣніемъ, какъ скаковая лошадь, которую заставляютъ идти мелкой рысцой во время прогулки, но покорялся обстоятельствамъ. Зато ни одно кредитное общество въ началѣ своей карьеры не могло поспорить со Всемірнымъ Банкомъ въ строгой порядочности и выдержкѣ; на биржѣ, не шутя, поговаривали о немъ съ немалымъ удивленіемъ.

Такъ подошло время перваго общаго собранія. Оно было назначено на двадцать пятое апрѣля. Еще съ двадцатаго Гамленъ покинулъ Востокъ со спеціальной цѣлью предсѣдательствовать здѣсь; онъ былъ наскоро выписанъ Саккаромъ, задыхавшимся въ своей тѣсной обстановкѣ. Гамленъ привезъ превосходныя вѣсти. Были заключены условія по составленію главной компаніи соединенныхъ параходствъ, а съ другой стороны у него лежали въ карманѣ концессіи, обезпечивавшія за однимъ французскимъ обществомъ разработку серебря-

Digitized by Google

ныхъ копей Кармила, не говоря уже о національномъ турецкомъ банкѣ, которому Гамленъ положилъ основу въ Константинополѣ и который долженъ былъ сдѣлаться простымъ отдѣленіемъ Всемірнаго Банка. Что же касается крупнаго вопроса о желѣзныхъ дорогахъ въ Малой Азіи, то онъ еще не созрѣлъ и его слѣдовало на время отложить. Вообще Гамлену было необходимо вернуться туда, чтобы возобновить изысканія на другой же день своего пріѣзда. Восхищенный Саккаръ имѣлъ съ нимъ продолжительный разговоръ, въ присутствіи Каролины. Онъ безъ труда увѣрилъ брата и сестру въ абсолютной необходимости увеличить основной капиталъ учрежденія, чтобы имѣть возможность приступить къ предпріятіямъ, затѣяннымъ на востокѣ. Когда спросили мнѣнія крупныхъ акціонеровъ: Дегремона, Гюре, Седиля и Кольба, они одобрили этотъ планъ. Такимъ образомъ, можно было разсмотрѣть и представить проэктъ черезъ два дня административному совѣту, какъ разъ наканунѣ собранія акціонеровъ.

Это чрезвычайное засѣданіе совѣта, вызванное крайней необходимостью, прошло въ высшей степени торжественно; всѣ администраторы были на лицо въ большой залѣ строгаго стиля, съ ея зеленоватымъ полусвѣтомъ отъ густой тѣни вѣковыхъ деревьевъ сосѣдняго сада. Обыкновенно общество Всемірнаго Банка устраивало по два засѣданія ежемѣсячно: малое около пятнадцатаго числа, наиболѣе важное, на которомъ присутствовало только настоящее начальство: администраторы учрежденія, и большое собраніе—около тридцатаго числа, созывавшееся скорѣе для виду; сюда имѣли доступъ всѣ акціонеры, нѣмые и декоративные; они только и дѣлали, что одобряли работы, заранѣе подготовленныя воротилами банка, да подписывали бумаги. Въ этотъ день маркизъ де-Богэнъ со своей маленькой аристократической головою явился однимъ изъ первыхъ; человѣкъ этотъ со своимъ величавымъ утомленнымъ видомъ какъ бы принесъ съ собою одобреніе всей французской знати. Что же касается виконта де-Робенъ-Шаго, вице-президента, кроткаго и скареднаго человѣчка, то онъ подстерегалъ администраторовъ, не знавшихъ, что такое затѣвается, послѣ чего отводилъ ихъ въ сторону и сообщалъ имъ въ короткихъ словахъ распоряженія директора,

Digitized by Google

настоящаго хозяина дѣла. Само собою разумѣется, что каждый изъявлялъ свое согласіе, молча кивая головой. Наконецъ, засѣданіе было открыто. Гамленъ познакомилъ совѣтъ съ отчетомъ, который ему предстояло прочесть передъ главнымъ собраніемъ; это былъ серьезный трудъ Саккара, подготовленный имъ давно, но оконченный за два дня и увеличенный свѣдѣніями, привезенными инженеромъ. Аристидъ слушалъ чтеніе съ самымъ скромнымъ видомъ и очень внимательно, какъ будто все это было ему совершенно незнакомо. Сначала въ отчетѣ говорилось объ операціяхъ Всемірнаго Банка со времени его учрежденія; всѣ онѣ были безупречны, представляя собою однѣ мелкія спекуляціи изо дня въ день, начатыя сегодня и реализованныя на завтра, согласно избитому ходу дѣлъ въ обыкновенныхъ банкирскихъ конторахъ. Между тѣмъ, акціонерамъ мексиканскаго займа были объявлены крупные барыши, тогда какъ это предпріятіе возникло всего только мѣсяцъ тому назадъ, послѣ отъѣзда императора Максимильяна въ Мексику. При выпускѣ мексиканскихъ акцій, было много фокусовъ и акціонерамъ наобѣщали сумасшедшія преміи, причемъ Саккаръ страшно сожалѣлъ, что ему не удалось запастись ими въ бо́льшемъ количествѣ, за неимѣніемъ денегъ. Все это не выходило изъ ряду обыкновеннаго, но служило уже несомнѣннымъ проявленіемъ жизнедѣятельности новаго учрежденія. Съ пятаго октября, дня основанія банка, по тридцать первое декабря, барыши съ операцій достигли суммы всего въ четыреста тысячъ франковъ съ небольшимъ, что̀ давало возможность покрыть на одну четверть расходы на первое обзаведеніе и выплатить акціонерамъ ихъ законные пять процентовъ. Кромѣ того, администраторы получили по десяти процентовъ по уставу и въ остаткѣ оказалась сумма приблизительно въ шестьдесятъ восемь тысячъ франковъ, которую отнесли на будущія операціи. Не было только дивиденда. Такимъ образомъ, дѣла банка шли какъ нельзя болѣе скромно и правильно. То же самое можно было сказать и о курсѣ его акцій на биржѣ; онѣ медленно повысились съ пятисотъ до шестисотъ франковъ, безъ скачковъ, вполнѣ нормальнымъ ходомъ, какъ бумаги всякаго солиднаго предпріятія. Въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ онѣ стояли на одной точкѣ: имъ не было повода подняться выше при за-

Digitized by Google

тишьѣ банковыхъ дѣлъ, въ которомъ нарождающееся учрежденіе какъ будто задремало до поры до времени.

Затѣмъ Гамленъ въ своемъ отчетѣ перешелъ къ будущему. Тутъ картина рѣзко измѣнялась. Передъ зрителями развертывался необозримый горизонтъ крупныхъ предпріятій. Президентъ особенно настаивалъ на необходимости учредить главную компанію соединенныхъ пароходствъ, акціи которой предстояло выпустить Всемірному Банку. Эта компанія съ капиталомъ въ пятьдесятъ мильоновъ непремѣнно овладѣетъ всѣмъ пароходнымъ сообщеніемъ по Средиземному морю и къ ней примкнутъ оба крупныхъ общества, соперничавшихъ между собою: „Фокейское“, пароходы котораго ходили въ Константинополь, Смирну и Трапезундъ черезъ Пирей и Дарданеллы, и „Морское“, совершавшее рейсы въ Александрію, Мессину и Сирію, не считая другихъ мелкихъ пароходныхъ фирмъ, также входившихъ въ составъ синдиката, какъ напримѣръ: фирма Комборель и К-°, державшая сообщеніе съ Алжиромъ и Тунисомъ; фирма вдовы Генриха Ліотара, также совершавшая рейсы въ Алжиръ черезъ Марокко и Испанію; пароходная контора братьевъ Феро-Жиро, суда которой ходили въ Италію, въ Неаполь и города по Адріатическому морю черезъ Чивита-Веккію.

Соединивъ въ одну компанію всѣ эти общества и фирмы, до сихъ поръ соперничавшія между собою и подъѣдавшія другъ друга, можно было забрать въ руки все Средиземное море. Благодаря централизованнымъ капиталамъ, нетрудно построить пароходы новаго типа съ такимъ быстрымъ ходомъ и такимъ комфортомъ обстановки, о какихъ до сихъ поръ не было и помину; это увеличитъ число путешественниковъ, причемъ можно будетъ создать новые пути и станціи и обратить востокъ въ настоящее предмѣстье Марселя. А какую важность пріобрѣтетъ компанія послѣ открытія Суэзскаго канала, когда ей можно будетъ совершать рейсы въ Индію, Тонкинъ и Японію! Никогда еще не бывало предпріятія съ болѣе широкой и вѣрной будущностью. Затѣмъ предстояло оказать поддержку національному турецкому банку, насчетъ котораго въ отчетѣ были приведены многія техническія подробности въ доказательство его непоколебимой солидности; предсѣдатель заканчивалъ этотъ обзоръ будущихъ операцій сообщеніемъ,

Digitized by Google

что Всемірный Банкъ принималъ еще подъ свое покровительство общество серебряныхъ рудниковъ Кармила съ основнымъ капиталомъ въ двадцать милліоновъ. Анализы химиковъ, произведенные надъ образцами руды, обнаружили въ ней значительное количество серебра. Но еще болѣе, чѣмъ наука, античная поэзія святыхъ мѣстъ способствовала тому, чтобы скрытое въ нѣдрахъ земли серебро излилось чудеснымъ дождемъ; эту поэтическую вольность Саккаръ приплелъ въ концѣ одной фразы отчета и остался очень доволенъ ею.

Отъ заманчивыхъ обѣщаній славнаго будущаго отчетъ переходилъ къ необходимости увеличить капиталъ, который слѣдовало удвоить, поднявъ его цифру съ двадцати пяти до пятидесяти милліоновъ. Принятая система выпуска была совершенно проста, чтобы ее могли понимать всѣ и каждый: нужно выпустить пятьдесятъ тысячъ новыхъ акцій и раздѣлить ихъ между обладателями первыхъ акцій по такому же количеству, какое было у нихъ раньше; такимъ образомъ, гласной подписки совсѣмъ не будетъ. Только цѣна новыхъ акцій возвысится на двадцать франковъ противъ старыхъ, и эта премія въ двадцать франковъ, составляющая въ общемъ сумму въ одинъ милліонъ, будетъ отнесена къ запасному капиталу. Справедливость и осторожность требовали этого небольшаго налога на акціонеровъ, которымъ зато были предоставлены новыя выгоды. Остальная четверть акцій подлежала вольной продажѣ съ преміей.

Когда Гамленъ кончилъ читать, въ залѣ поднялся нестройный гулъ одобренія. Это великолѣпно и тутъ рѣшительно не къ чему придраться! Во все время чтенія Дегремонъ, погруженный въ разглядыванье своихъ ногтей, улыбался про себя. Депутатъ Гюре, откинувшійся на спинку стула съ закрытыми глазами, безмятежно дремалъ, воображая себя въ палатѣ; а банкиръ Кольбъ, спокойно и не скрываясь, занялся пространнымъ вычисленіемъ на листкахъ чистой бумаги, лежавшихъ передъ каждымъ администраторомъ. Между тѣмъ Седиль, вѣчно мнительный и недовѣрчивый, вздумалъ предложить вопросъ: куда дѣнется избытокъ акцій, если нѣкоторые акціонеры не захотятъ воспользоваться своимъ правомъ оставить ихъ за собой. Приметъ ли ихъ общество на свой счетъ, что̀ было бы незаконно, такъ какъ нотаріусъ не можетъ утвер-

Digitized by Google

дить акта о выпускѣ, ранѣе пополненія подписки на весь капиталъ? А если общество не захочетъ оставлять за собою излишка бумагъ, то какъ оно думаетъ сбыть ихъ съ рукъ? Однако, съ первыхъ же словъ фабриканта шолковыхъ издѣлій, маркизъ де-Богэнъ, замѣтивъ досаду Саккара, поспѣшилъ прервать его со своей величавой, благородной манерой и сказалъ, что административный совѣтъ вполнѣ полагается относительно этихъ подробностей на предсѣдателя и директора, людей вполнѣ компетентныхъ и надежныхъ. Послѣ того, въ залѣ слышались одни только поздравленія, и засѣданіе было закрыто среди всеобщаго восторга.

На другой день общее собраніе послужило поводомъ къ самымъ трогательнымъ манифестаціямъ. Оно опять таки происходило въ улицѣ Бланшъ, въ помѣщеніи публичныхъ баловъ, антрепренеръ которыхъ обанкрутился. До прихода директора, въ этой залѣ, уже переполненной публикой, передавались самые благопріятные слухи; одинъ въ особенности занималъ всѣхъ и его повторяли другъ другу шопотомъ: вслѣдствіе рѣзкихъ нападокъ все возрастающей оппозиціи, министръ Ругонъ, братъ директора, былъ не прочь покровительствовать Всемірному Банку, если газета общества „Espérance“, бывшій католическій органъ, будетъ защищать правительство. Одинъ депутатъ лѣвой воскликнулъ въ палатѣ: „второе декабря есть преступленье!“ и этотъ возгласъ прогремѣлъ съ одного конца Франціи до другаго, какъ пробужденіе общественной совѣсти. На него надо отвѣчать великими дѣяніями; предстоящая всемірная выставка удесятеритъ цифру предпріятій; мексиканскій заемъ и другія аферы дадутъ громадные барыши, при тріумфѣ имперіи въ апогеѣ славы. Между тѣмъ, въ другой маленькой группѣ акціонеровъ, гдѣ ораторствовали Жантру и Сабатани, много смѣялись надъ другимъ депутатомъ, который, во время дебатовъ насчетъ арміи, вздумалъ, ни съ того ни съ сего, предложить ввести во Франціи прусскую систему рекрутскаго набора. Это сильно распотѣшило палату. Вѣроятно, Пруссія нагнала страху на слабые умы послѣ дѣла съ Даніей, и, кромѣ того, ихъ безпокоила скрытая злоба Италіи противъ насъ, послѣ Сольферино. Но всѣ разговоры смолкли при появленіи Гамлена и администраціи банка. Затерявшись въ толпѣ, Саккаръ нарочно стушевывался еще усиленнѣе, чѣмъ на совѣтѣ. Онъ

Digitized by Google

ограничился только тѣмъ, что подалъ сигналъ къ аплодисментамъ, одобрявшимъ представленный собранію отчетъ въ первыхъ операціяхъ банка, провѣренный и принятый комисарами-цензорами Лавиньеромъ и Руссо; въ немъ также заключалось предложеніе увеличить капиталъ. Только общее собраніе могло утвердить предложенную мѣру и оно встрѣтило ее съ энтузіазмомъ, совершенно опьяненное милліонами главной компаніи соединенныхъ пароходствъ и національнаго турецкаго банка, признавая необходимость поставить цифру капитала въ соотвѣтствіе съ тѣмъ важнымъ значеніемъ, котораго долженъ былъ скоро достичь Всемірный Банкъ. Что же касается серебряныхъ рудниковъ Кармила, то предложеніе заняться ихъ разработкою было встрѣчено съ религіознымъ трепетомъ. Когда же акціонеры разстались послѣ коллективныхъ изъявленій благодарности президенту, директору и администраторамъ, то всѣ они мечтали про себя о Кармилѣ, объ этомъ чудесномъ серебряномъ дождѣ, падавшемъ со святыхъ мѣстъ посреди лучей славы.

Два дня спустя, Гамленъ съ Саккаромъ, сопровождаемые на этотъ разъ вице-президентомъ, виконтомъ де-Робенъ-Шаго, направились снова въ улицу Сентъ-Аннъ къ нотаріусу Лелорену, чтобы заявить объ увеличеніи капитала, на который, по ихъ словамъ, была сдѣлана полная подписка. На самомъ же дѣлѣ, около трехъ тысячъ акцій осталось на рукахъ общества, вслѣдствіе отказа первыхъ акціонеровъ взять ихъ, и онѣ снова были оставлены за Сабатани, конечно, только фиктивно, на бумагѣ. Это была первоначальная неправильность, принявшая еще болѣе серьезные размѣры,— система, состоявшая въ томъ, чтобы скрывать въ кассахъ банка нѣкоторое количество собственныхъ бумагъ въ видѣ резерва на случай битвы, что̀ давало возможность Саккару спекулировать и немедленно броситься въ разгаръ биржеваго сраженія, еслибъ это оказалось нужнымъ.

Гамленъ, осуждая такую противозаконную тактику, кончилъ однако тѣмъ, что совершенно положился на Саккара во всемъ, касавшемся финансовыхъ операцій. Между обоими мужчинами и Каролиной произошелъ по этому поводу разговоръ, относившійся, впрочемъ, къ пятистамъ акціямъ, навязаннымъ Аристидомъ сестрѣ и брату при первомъ выпускѣ;

Digitized by Google

при второмъ, число ихъ само собою удвоилось. Въ общемъ, это составляло тысячу акцій, и для перваго взноса, покрывавшаго четверть ихъ стоимости съ премій, требовалась сумма во сто тридцать пять тысячъ франковъ. Братъ съ сестрою непремѣнно хотѣли внести ихъ немедленно, такъ какъ имъ неожиданно свалилось съ неба наслѣдство, около трехсотъ тысячъ франковъ, отъ тетки, скончавшейся десять дней спустя послѣ смерти своего единственнаго сына: обоихъ ихъ унесла злокачественная горячка. Саккаръ согласился, чтобы они заплатили, но умолчалъ о томъ, какимъ способомъ намѣренъ онъ самъ расквитаться за свои собственныя акціи.

— Ахъ, тетушкино наслѣдство!—сказала, смѣясь, Каролина.—Рѣшительно, это первая счастливая случайность, порадовавшая насъ... Я, право, думаю, что вы принесли намъ счастье, г-нъ Саккаръ! Братъ получаетъ теперь тридцать тысячъ жалованья и, сверхъ того, прогоны; а тутъ еще золото такъ и сыплется на наши головы, вѣроятно, потому что оно намъ болѣе не нужно... Можно сказать, что мы настоящіе богачи.

Она посмотрѣла на Саккара съ добродушной благодарностью; съ этихъ поръ онъ внушалъ ей довѣріе и Каролина съ каждымъ днемъ все больше и больше впадала въ ослѣпленіе, по мѣрѣ того какъ росла ея привязанность къ этому человѣку. Но, тѣмъ не менѣе, она прибавила въ порывѣ веселой откровенности:

— Во всякомъ случаѣ, еслибы эти деньги были заработанны мною, честное слово, я не стала бы рисковать ими въ вашихъ аферахъ... Но эта сумма досталась намъ отъ тетки, которую мы едва знали, о ея наслѣдствѣ мы никогда не думали; это все равно, что найти деньги гдѣ нибудь брошенными на землѣ; право, я даже стыжусь ихъ немного, точно съ моей стороны несовсѣмъ честно ими пользоваться. Поймите, у меня не лежитъ къ нимъ сердце, и я даже согласна ихъ потерять.

— Напротивъ,—сказалъ Саккаръ, принимаясь шутить въ свою очередь, — эти деньги увеличатся и принесутъ вамъ милліоны. Ворованное добро всегда идетъ въ прокъ... Вотъ увидите, черезъ восемь дней наши акціи станутъ подыматься.

Дѣйствительно, Гамленъ, принужденный отложить свой

Digitized by Google

отъѣздъ, былъ немало удивленъ быстрымъ повышеніемъ акцій Всемірнаго Банка. При ликвидаціи, къ концу мая, ихъ курсъ стоялъ выше семисотъ франковъ. Впрочемъ, таковъ обыкновенно результатъ всякаго увеличенія капитала: это классическій маневръ, способъ ускорить успѣхъ, заставить галопировать курсы при каждомъ новомъ выпускѣ. Но здѣсь играла также большую роль несомнѣнная важность предпріятій, затѣваемыхъ банкомъ. Громадныя желтыя афиши, расклеенныя по всему Парижу, возвѣщали о предстоящей разработкѣ серебряныхъ залежей Кармила, и это окончательно кружило людямъ головы, напускало въ нихъ угару, разжигало страсть, которая должна была прогрессивно разростаться и заглушить голосъ разсудка. Почва была подготовлена; это былъ жирный черноземъ имперіи, выработанный изъ перегноя обломковъ старины, подогрѣтый чудовищными апетитами и крайне благопріятный для обильныхъ всходовъ спекуляціи, которые каждыя двадцать лѣтъ засоряютъ рынокъ, отравляя все вокругъ и оставляя за собою только опустошенія и кровь. Такъ и теперь, мошенническія общества нарождались то и дѣло, какъ грибы; крупныя товарищества бросались въ рискованныя аферы; горячка игры принимала эпидемическій характеръ, среди блеска и богатства второй имперіи, шумныхъ удовольствій и роскоши, вѣнцомъ которыхъ обѣщала сдѣлаться предстоящая всемірная выставка—трескучій апоѳеозъ фееріи! И въ этомъ угарѣ, охватившемъ толпу, въ сутолокѣ другихъ заманчивыхъ аферъ, о которыхъ возвѣщалось на всѣхъ перекресткахъ парижскихъ улицъ, пошелъ наконецъ работать и Всемірный Банкъ, какъ могучая машина, предназначенная на то, чтобы одурманить всѣ головы и все смести на своемъ пути; недаромъ торопливыя сильныя руки непомѣрно растапливали ее, такъ что она угрожала взрывомъ!

Когда Гамленъ снова уѣхалъ на востокъ, Каролина осталась вдвоемъ съ Саккаромъ, и у нихъ потекла мирная жизнь сообща, почти какъ между супругами. Она продолжала заниматься его хозяйствомъ, экономничать, какъ вѣрная домоправительница, хотя они оба не нуждались болѣе. Каролина, всегда веселая и довольная, тревожилась только по поводу Виктора. Она сомнѣвалась, хорошо ли съ ея стороны долѣе скрывать отъ отца существованіе мальчика. Но дѣло въ томъ,

Digitized by Google

что Викторъ подавалъ мало надежды къ исправленію; въ Домѣ Трудолюбія имъ были очень недовольны; онъ ежеминутно выкидывалъ самыя возмутительныя шалости. Слѣдовало ли Каролинѣ представить теперь Саккару маленькое чудовище, послѣ шестимѣсячнаго испытанія, или подождать, пока мальчикъ исправится? Иногда это тревожное недоумѣніе, не шутя, мучило г-жу Дюрье.

Однажды вечеромъ она была готова заговорить о щекотливомъ предметѣ. Саккаръ, котораго бѣсило довольно убогое помѣщеніе банка, успѣлъ убѣдить совѣтъ принанять нижній этажъ сосѣдняго дома, чтобъ увеличить число бюро въ ожиданіи возможности приступить къ постройкѣ роскошнаго отеля, рисовавшагося въ его мечтахъ. Онъ снова принялся за хлопоты, приказывая тутъ пробить дверь, тамъ снять перегородку и понадѣлать новыхъ форточекъ. Каролина только что вернулась съ бульвара Бино въ очень тяжеломъ настроеніи: Викторъ опять жестоко провинился, онъ почти отгрызъ ухо одному изъ товарищей. Она попросила Саккара подняться съ ней на верхъ въ свои комнаты.

— Мнѣ бы хотѣлось переговорить съ вами объ одномъ дѣлѣ, мой другъ.

Но Саккаръ, съ плечемъ, перепачканнымъ известкой, имѣлъ такой довольный, сіяющій видъ: ему пришла счастливая идея покрыть стеклянной крышей и сосѣдній дворъ. У г-жи Дюрье не хватило мужества отравить бѣднягѣ пріятную минуту сообщеніемъ грустной тайны. Нѣтъ, она еще подождетъ; пусть этотъ ужасный негодяй сначала немного исправится; Каролина всегда падала духомъ, когда ей приходилось по неволѣ огорчать другихъ.

— Представьте, какое совпаденіе!—весело воскликнула она,—вѣдь мнѣ также пришло въ голову, какъ и вамъ, перестроить сосѣдній дворъ.

VI.

Контора журнала „Espérance“, жалкаго органа католиковъ, купленнаго Саккаромъ по совѣту Жантру для рекламированья его банка, помѣщалась въ улицѣ Сенъ-Жозефъ,

Digitized by Google

въ старомъ почернѣвшемъ и сыромъ отелѣ, гдѣ она занимала нижній этажъ въ глубинѣ двора. Отъ прихожей тянулся темный коридоръ, постоянно освѣщенный газомъ; влѣво былъ кабинетъ Жантру, завѣдывавшаго газетой, далѣе комната, оставленная за собой Саккаромъ, а по правую руку находились: общая зала редакціи, кабинетъ секретаря и кабинеты различныхъ отдѣловъ. По другую сторону площадки помѣщались администрація и касса, соединявшіяся съ редакціей внутреннимъ коридоромъ, огибавшимъ лѣстницу. Въ этотъ день Іорданъ кончалъ статью по хроникѣ въ общей залѣ, куда онъ забрался пораньше, чтобы его не безпокоили. Услышавъ, какъ часы пробили четыре, онъ бросилъ работу и пошелъ къ Дежуа, служившему при конторѣ; старикъ при свѣтѣ газа жадно прочитывалъ только что принесенный биржевой бюллетень.

— Скажите, пожалуйста, Дежуа, кто это пріѣхалъ сейчасъ? вѣроятно, г. Жантру?

— Да, г. Іорданъ.

Молодой человѣкъ съ минуту колебался, оставаясь въ непріятной нерѣшимости. Его счастливая супружеская жизнь началась при очень неблагопріятныхъ матерьяльныхъ условіяхъ; приходилось расплачиваться со старыми долгами и, не смотря на то, что теперь у него была постоянная работа въ журналѣ, онъ страшно нуждался, тѣмъ болѣе, что изъ жалованья у него производили вычетъ, а сегодня былъ опять срокъ уплаты по векселю подъ угрозой продажи всего движимаго имущества. Уже два раза онъ напрасно обращался за авансомъ къ Жантру, который отговаривался тѣмъ, что на его жалованье наложено офиціальное запрещеніе.

Однако молодой человѣкъ рѣшился и подошелъ уже къ двери, какъ служитель остановилъ его:

— Извините, сударь, г. Жантру не одинъ.

— А-а! съ кѣмъ же онъ?

— Онъ пріѣхалъ съ г-номъ Саккаромъ и г. Саккаръ не велѣлъ никого впускать, кромѣ г. Гюре, котораго ждутъ.

Іорданъ вздохнулъ свободнѣе, облегченный этой отсрочкой: до того ему было тяжело просить денегъ.

— Ну, хорошо, я пойду кончать свою статью; скажите мнѣ, когда редакторъ будетъ свободенъ.

Digitized by Google

Но, когда онъ уходилъ, Дежуа удержалъ его и воскликнулъ ликующимъ тономъ:

— Вы знаете, что „Всемірный“ дошелъ до 750?

Іорданъ пренебрежительно махнулъ рукой и ушелъ прочь.

Почти каждый день Саккаръ являлся въ редакцію послѣ закрытія биржи и даже нерѣдко принималъ нужныхъ людей въ своей комнатѣ, гдѣ устраивались особыя таинственныя дѣла. Вообще Жантру, хотя и назывался официально редакторомъ „Espérance“,—гдѣ онъ писалъ университетскимъ слогомъ, старательно выглаженнымъ и цвѣтистымъ, политическія статьи, причемъ даже его противники признавали въ его языкѣ чистѣйшій аттицизмъ,—но былъ на самомъ дѣлѣ тайнымъ агентомъ Саккара, податливымъ пособникомъ въ щекотливыхъ дѣлахъ. Между прочимъ, его стараніями была организована въ печати широкая огласка плодотворной дѣятельности Всемірнаго Банка. Онъ выбралъ и подкупилъ съ десятокъ органовъ изъ числа мелкихъ финансовыхъ листковъ. Лучшіе изъ нихъ принадлежали подозрительнымъ банкирскимъ конторамъ, тактика которыхъ, очень простая по своимъ пріемамъ, заключалась въ томъ, что эти учрежденія издавали газетку на свой счетъ съ платою по два, по три франка въ годъ, что̀ не окупало даже почтовыхъ издержекъ; зато они нагоняли выгоду въ другомъ, пуская въ оборотъ деньги и цѣнныя бумаги кліентовъ, доставляемыхъ газетой. Подъ предлогомъ печатанья биржевыхъ курсовъ, вышедшихъ номеровъ билетовъ выигрышнаго займа и различныхъ техническихъ свѣдѣній, полезныхъ мелкимъ рантье, они помѣщали рекламы подъ видомъ рекомендацій и совѣтовъ, сначала скромныхъ и благоразумныхъ, а потомъ уже беззастѣнчивыхъ и наглыхъ, клонившихся къ прямому разоренію довѣрчивыхъ подписчиковъ. Изъ этой кучи газетъ, печатавшихъ до двухъ или трехсотъ публикацій и опустошавшихъ такимъ образомъ Парижъ и Францію, Саккаръ по чутью выбралъ для себя листки, которые еще несовсѣмъ изолгались и несовсѣмъ потеряли свою репутацію. Кромѣ того, онъ замышлялъ обдѣлать крупное дѣльце: купить одинъ изъ нихъ, именно газету „La Cote financière“, которая уже двѣнадцать лѣтъ славилась своей добросовѣстностью. Впрочемъ, это пріобрѣтеніе угрожало большими затратами: еще бы! патентованная чест-

Digitized by Google

ность продавалась недешево! До поры, до времени, Саккаръ выжидалъ, пока Всемірный Банкъ будетъ побогаче, а самъ держался наготовѣ; онъ былъ въ такомъ состояніи, котда съ послѣднимъ звукомъ боевой трубы человѣкъ надѣется услышать оглушительную тріумфальную музыку. Кромѣ того, усилія Саккара не ограничились тѣмъ, чтобы сгруппировать вокругъ себя послушный батальонъ этихъ спеціальныхъ листковъ, прославлявшихъ въ каждомъ нумерѣ прелесть саккаровскихъ операцій; онъ сносился также съ крупными органами, политическими и литературными, посылалъ туда любезныя замѣтки, хвалебныя статьи съ платою построчно, старался заручиться ихъ содѣйствіемъ, приподнося и посылая имъ въ подарокъ акціи своего банка во время выпусковъ. Между тѣмъ въ „Espérance“ само собою велась ежедневная кампанія подъ контролемъ Саккара, но кампанія не ожесточенная, съ навязчивыми восхваленіями, а, напротивъ, очень ловкая; она велась посредствомъ объясненій, даже полемикъ, и такимъ образомъ взгляды Саккара мало по малу проникали въ публику; ему было необходимо внушить ей довѣріе, чтобы потомъ зарѣзать своихъ кліентовъ по всѣмъ правиламъ искусства.

Въ этотъ день онъ заперся съ Жантру, имѣя въ виду поговорить о дѣятельности журнала. Въ утреннемъ нумерѣ Аристидъ нашелъ статью Гюре, полную такихъ утрированныхъ похвалъ по поводу рѣчи Ругона, произнесенной наканунѣ въ палатѣ, что это его страшно взбѣсило, и теперь онъ ожидалъ депутата, намѣреваясь задать ему головомойку. Ужь не думаютъ ли, что онъ состоитъ на жалованьѣ у брата? Да развѣ ему платятъ деньги за то, чтобъ онъ компрометировалъ направленіе своей газеты, абсолютно одобряя малѣйшія дѣйствія министра? Услыхавъ о направленіи газеты, Жантру чуть-чуть улыбнулся. Впрочемъ, онъ невозмутимо слушалъ Саккара, разсматривая свои ногти, благо гроза разразилась не надъ его головой. Жантру, со своимъ цинизмомъ образумившагося ученаго, глубоко презиралъ литературу, т. е. „одинъ и два“, какъ онъ называлъ первую и вторую страницы журнала, гдѣ появлялись статьи, даже и его собственныя; онъ начиналъ волноваться, только доходя до объявленій. Теперь захудалый спекуляторъ ходилъ франтомъ;

Digitized by Google

все на немъ было съ иголочки; изящный сюртукъ съ яркой розеткой въ петлицѣ, лѣтомъ свѣтлое легкое пальто, переброшенное черезъ руку, зимой мѣховая шуба въ сто луидоровъ. Но всего болѣе щеголялъ онъ шляпами: онѣ были безукоризненны и блестѣли, какъ зеркало. Однако, въ его элегантности были своего рода прорѣхи. Разряженный въ пухъ, онъ все прорывался какой-то нечистоплотностью, какъ будто въ него глубоко въѣлась грязь бродяги—выключеннаго со службы учителя, попавшаго изъ Бордосскаго лицея на парижскую биржу; его кожа напиталась и окрасилась всякими нечистотами, среди которыхъ онъ провелъ цѣлыхъ десять лѣтъ; то же самое можно было сказать и объ его заносчивой самоувѣренности, пріобрѣтенной въ послѣднее время. Часто она измѣняла ему; онъ робѣлъ отъ какого нибудь замѣчанія, терялся и поводилъ глазами вокругъ, точно боясь, что ему вотъ-вотъ сейчасъ влетитъ по затылку, какъ въ былое время. На службѣ у Саккара, Жантру получалъ сто тысячъ франковъ въ годъ, а ухитрялся проживать вдвое больше, богъ вѣсть на что; по крайней мѣрѣ, явной любовницы никто у него не видѣлъ, но надо полагать, что этотъ человѣкъ былъ рабомъ какой нибудь низкой страсти, которая, вѣроятно, и послужила тайной причиной его удаленія со службы. Абсентъ мало по малу подтачивалъ его здоровье; Жантру привыкъ къ нему въ бѣдности, а теперь медленный ядъ дѣлалъ свое дѣло, хотя вмѣсто грязныхъ отвратительныхъ кафе бывшій педагогъ посѣщалъ роскошные рестораны. Абсентъ лишалъ его остатка волосъ, наполнялъ, какъ тяжелымъ свинцомъ его черепъ и только роскошная черная борода оставалась единственнымъ украшеніемъ испитаго лица Жантру; при ней онъ все еще казался красивымъ мужчиной. Когда Саккаръ снова упомянулъ о направленіи журнала, редакторъ остановилъ его жестомъ руки съ усталымъ видомъ человѣка, который не любитъ напрасно кипятиться. Онъ хотѣлъ потолковать о серьезныхъ дѣлахъ, благо Гюре замѣшкался.

Съ нѣкотораго времени, у Жантру созрѣли новые планы по части рекламированья банка. Во-первыхъ, онъ собирался написать брошюру страничекъ въ двадцать о крупныхъ предпріятіяхъ, затѣянныхъ Саккаромъ, и притомъ въ такой формѣ, чтобы придать этому очерку интересъ маленькаго романа съ

Digitized by Google

драматическимъ содержаніемъ, изложеннаго общедоступнымъ языкомъ. Онъ намѣревался наводнить провинцію этой брошюрой, которую слѣдовало распространять безплатно въ самыхъ глухихъ уголкахъ и захолустьяхъ. Затѣмъ онъ проэктировалъ устроить агентство, которое разсылало бы биржевые бюллетени во всѣ лучшіе журналы департаментовъ: это слѣдовало дѣлать даромъ или за самую ничтожную плату. Такой маневръ далъ бы въ руки Саккару съ его компаніей могущественное орудіе, грозную силу, съ которой пришлось бы считаться всѣмъ банкирскимъ конторамъ. Зная Аристида, Жантру искусно внушалъ ему свои идеи до тѣхъ поръ, пока его патронъ соглашался съ ними, усвоивалъ ихъ себѣ и расширялъ до полнаго пересозданія. Минуты проходили, редакторъ съ издателемъ успѣли распредѣлить суммы расходовъ на слѣдующій триместръ: субсидіи крупнымъ журналамъ и страшному изданію бюллетеней одной враждебной банкирской конторы—этого сильнаго противника имъ непремѣнно слѣдовало купить. Затѣмъ они обсудили, сколько нужно дать за то, чтобъ имъ отвели мѣсто на четвертой страницѣ одной старой уважаемой газеты. И въ этой щедрости, въ этомъ безпутномъ швыряньѣ денегъ на газетный шумъ сказывалось прежде всего ихъ страшное презрѣніе къ публикѣ, презрѣніе дѣловыхъ людей къ непроходимому невѣжеству стада, готоваго повѣрить всякой сказкѣ и до такой степени несвѣдущаго въ сложныхъ банковыхъ операціяхъ, что самыя нахальныя объявленія, расклееныя на перекресткахъ, зажигали страсть къ игрѣ въ прохожихъ и вызывали цѣлый дождь милліоновъ.

Іордану оставалось еще написать строчекъ пятьдесятъ для пополненія двухъ газетныхъ столбцовъ, какъ вдругъ къ нему вошелъ Дежуа.

— А-а!—сказалъ онъ,—значитъ, г. Жантру теперь освободился?

— Нѣтъ, сударь, но ваша супруга спрашиваетъ васъ.

Сильно встревоженный, Іорданъ бросился въ коридоръ. Уже нѣсколько мѣсяцевъ, съ тѣхъ поръ какъ Мешенъ узнала, что онъ пишетъ въ „Espérance“ подъ своимъ именемъ, его преслѣдовать Бушъ, требуя уплаты по шести векселямъ въ пятьдесятъ франковъ каждый, выданныхъ Іорданомъ одному портному въ прежніе годы. Онъ еще ухитрился бы какъ ни-

Digitized by Google

будь заплатить занятую сумму въ триста франковъ, но его ужасали страшные проценты, доводившіе цифру долга до семисотъ тридцати франковъ пятнадцати сантимовъ. Онъ уже условился платить по сту франковъ въ мѣсяцъ по уговору съ кредиторомъ, но неустроенное хозяйство постоянно требовало новыхъ затратъ; такимъ образомъ, уплата затягивалась, проценты наростали и бѣдный писатель подвергался невыносимымъ непріятностямъ. Въ настоящее время, его дѣла опять дошли до остраго кризиса.

— Ну, что?—спросилъ онъ жену, стоявшую въ прихожей.

Она не успѣла отвѣтить, какъ дверь изъ комнаты директора шумно распахнулась и на порогѣ показался Саккаръ, крича:

— А-а, вотъ наконецъ-то! Дежуа, гдѣ же г. Гюре?

Опѣшившій служитель пробормоталъ въ отвѣтъ:

— Сударь, онъ еще не приходилъ. Не могу же я заставить его прійти скорѣе.

Хозяинъ съ бранью захлопнулъ дверь, а Іорданъ ввелъ жену въ одинъ изъ сосѣднихъ кабинетовъ, желая выспросить ее безъ помѣхи.

— Ну, что случилось, дорогая?

Марсель, обыкновенно такая веселая и славная, съ своей толстенькой фигуркой, черными волосами и яснымъ лицомъ, освѣщеннымъ парой смѣющихся глазъ, со свѣжимъ ротикомъ, выражавшимъ счастіе даже въ тяжелыя минуты, казалась совсѣмъ разстроенной.

— О, Поль, еслибъ ты зналъ!.. Сейчасъ къ намъ приходилъ какой-то человѣкъ, такой противный, ужасный; отъ него гадко пахло и, мнѣ кажется, онъ былъ пьянъ... Такъ вотъ онъ сказалъ, что теперь все кончено; на завтра назначена продажа нашей мебели... Въ рукахъ у него было объявленіе; онъ непремѣнно хотѣлъ приклеить его внизу у воротъ.

— Какъ! что ты говоришь?—воскликнулъ Іорданъ.—Но это невозможно! Вѣдь я не получалъ никакой повѣстки, а такое дѣло требуетъ формальностей.

— Ну да, какъ же! Въ дѣлахъ ты смыслишь еще меньше, чѣмъ я. Когда приходятъ офиціальныя бумаги, ты даже ихъ и не читаешь... Я стала уговаривать этого человѣка не при-

Digitized by Google

клеивать объявленія и дала ему сорокъ су, а сама побѣжала сюда предупредить тебя.

Молодые супруги были въ отчаяніи; они жалѣли своего маленькаго хозяйства въ аллеѣ Клиши, своей скромной мебели чернаго дерева, обитой голубымъ репсомъ, которую пріобрѣли съ такимъ трудомъ, выплачивая за нее помѣсячно. Они такъ гордились этими стульями и диванами, хотя и смѣялись надъ ними порою, находя ихъ черезчуръ въ мѣщанскомъ вкусѣ. Но вся эта обстановка была имъ дорога; она служила рамкой ихъ счастья, начиная съ брачной ночи. Въ этихъ двухъ тѣсныхъ комнаткахъ было такое обиліе солнечнаго свѣта, а изъ оконъ открывался обширный видъ вплоть до Монъ-Валеріена. Молодой мужъ самъ устраивалъ здѣсь каждую бездѣлицу, вбивалъ гвозди, а Марсель старалась поискуснѣе сложить складки драпировокъ, чтобы придать квартирѣ болѣе уютный артистическій видъ! Неужели все это пойдетъ съ молотка, и они будутъ выгнаны изъ своего гнѣздышка, гдѣ самая нищета не тяготила ихъ?

— Послушай,—сказалъ онъ,—я собирался просить аванса и сдѣлаю все, что могу, но едва ли мнѣ дадутъ денегъ.

— А я думала вотъ о чемъ... О, конечно, я не сдѣлала бы этого безъ твоего согласія; доказательствомъ тебѣ служитъ то, что я пришла сюда... Видишь, мнѣ лучше всего обратиться къ моимъ родителямъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, ни за что!—съ живостью произнесъ Іорданъ.—Ты знаешь, что я не хочу ничѣмъ быть имъ обязаннымъ.

Супруги Можандръ относились къ молодымъ очень привѣтливо. Но зять не могъ забыть ихъ холоднаго пріема, когда, послѣ самоубійства отца и потери всего состоянія, онъ пришелъ къ нимъ просить согласія на бракъ съ Марселью. Старики были рѣшительно противъ этого и уступили только энергичнымъ настояніямъ дочери, принявъ оскорбительныя предосторожности противъ зятя въ брачномъ контрактѣ. Между прочимъ, они сказали, что не дадутъ въ приданое ни гроша, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, изъ молодаго человѣка, пишущаго въ газетахъ, не выдетъ никакого проку—онъ способенъ только промотать состояніе жены,—но послѣ ихъ смерти Марсель получитъ все. При такомъ оборотѣ дѣлъ, и дочь, и

Digitized by Google

зять дали себѣ слово скорѣе умереть съ голоду, чѣмъ попользоваться какой нибудь бездѣлицей отъ Можандровъ, кромѣ еженедѣльнаго обѣда по воскресеньямъ. Но теперь Марсель взглянула на дѣло иначе.

— Увѣряю тебя,—продолжала она,—что наша церемонность доходитъ до смѣшнаго; вѣдь я единственное дитя моихъ родителей и все состояніе должно перейти впослѣдствіи ко мнѣ!... Мой отецъ повторяетъ всѣмъ и каждому, что получаетъ пятнадцать тысячъ франковъ съ парусинной фабрики въ Виллетѣ; кромѣ того, у нихъ есть маленькій отель съ прекраснымъ садомъ, куда они теперь удалились на покой. Глупо съ ихъ стороны причинять намъ столько горя, когда у нихъ самихъ всего вдоволь; впрочемъ, они никогда не были злыми въ глубинѣ сердца, и я надѣюсь тронуть ихъ своей просьбой.

Марсель храбрилась, улыбка не сходила съ ея лица, тонъ ея рѣчи былъ рѣшителенъ. Первой заботой молодой женщины было успокоить своего дорогаго мужа, который столько работалъ, не встрѣчая пока ни въ критикѣ, ни среди читающей публики ничего, кромѣ колоссальнаго равнодушія, если не считать нѣсколькихъ крупныхъ непріятностей на литературномъ поприщѣ. Ахъ, деньги, деньги! Она хотѣла бы имѣть ихъ цѣлыми ушатами, чтобы принести ему это золото, а съ его стороны было глупо деликатничать, потому что она его любила и была ему всѣмъ обязана. Эти мечты были ея волшебной сказкой про Сандрильону: какъ принцъ положилъ къ ногамъ ея сокровища своей королевской фамиліи, такъ и Марсель была готова положить своими ручками къ ногамъ своего разореннаго принца богатства родителей, чтобы помочь ему идти впередъ, къ славѣ и побѣдѣ міра.

— Послушай,—весело сказала она, цѣлуя Іордана,—должна же я приносить тебѣ какую нибудь пользу! Несправедливо возлагать всѣ заботы на одного тебя.

Онъ уступилъ; было рѣшено, что она отправится немедленно въ Батиньоль, въ улицу Лежандръ, гдѣ жили ея родители, и принесетъ деньги; можетъ быть, они успѣютъ заплатить долгъ еще сегодня вечеромъ. Іорданъ провожалъ жену до площадки, до того взволнованный, какъ будто ей предстояло отправиться въ какую нибудь опасную экспедицію; въ дверяхъ молодымъ супругамъ пришлось посторониться,

Digitized by Google

чтобы пропустить Гюре, явившагося наконецъ въ редакцію. Когда Іорданъ вернулся въ общую залу кончать свою хронику, до него долетѣли громкіе раздраженные голоса изъ кабинета Жантру.

Саккаръ, вернувши свое имущество, требовалъ безусловнаго повиновенія, отлично сознавая, что онъ держитъ въ рукахъ своихъ компаньоновъ и подчиненныхъ съ помощью надежды на выигрышъ и боязни проиграть въ колоссальной партіи, затѣянной съ ними сообща.

— А а, наконецъ-то вы явились! — крикнулъ онъ увидавъГюре.—Вѣроятно, вы подносили великому человѣку свою статью, вставленную въ рамку, и потому такъ долго замѣшкались въ палатѣ?.. Долженъ вамъ сказать, что мнѣ опротивѣло до тошноты ваше кажденіе передъ нимъ; вы это дѣлаете до того усердно, что чуть не разбиваете ему носъ кадиломъ; нѣтъ, ужь мнѣ надоѣли эти штуки. Знайте напередъ, что теперь мы хотимъ отъ васъ кой-чего другаго.

Опѣшившій Гюре перевелъ глаза на Жантру, но тотъ твердо рѣшилъ не наживать себѣ лишнихъ хлопотъ, заступаясь за депутата, и сидѣлъ съ безстрастнымъ взглядомъ, запустивъ пальцы въ свою прекрасную бороду.

— Какъ, вы хотите отъ меня другаго? — сказалъ, наконецъ, клевретъ Ругона. — Да вѣдь я вамъ даю то, чего вы отъ меня требуете!.. Взявши „Espérance,“ органъ католицизма и роялизма, который велъ такую ожесточенную борьбу противъ Ругона, вы сами же просили меня написать рядъ хвалебныхъ статей, изъ желанія показать своему брату, что вы нисколько не настроены противъ него враждебно, и, кромѣ того, заявить о новомъ направленіи журнала.

— А вы именно и компрометируете это направленіе! — еще съ большей горячностью воскликнулъ Саккаръ.—Неужели, по вашему, я долженъ идти въ прихвостни къ моему брату? Конечно, я преисполненъ восторгомъ и признательностью къ императору и никогда не забуду, чѣмъ мы обязаны ему всѣ вообще, а я въ частности. Только это еще не значитъ нападать на имперію, а, напротивъ, значитъ исполнять долгъ вѣрноподданнаго, если указывать на ошибки въ правительственныхъ сферахъ... Вотъ вамъ оно, направленіе моего журнала: преданность династіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ

Digitized by Google

полная независимость по отношенію къ министрамъ и разнымъ честолюбцамъ, которые суетятся безъ толку, оспаривая другъ у друга благосклонность Тюльери!

И Саккаръ пустился разбирать политическое положеніе страны въ доказательство того, что у императора плохіе совѣтчики; онъ обвинялъ Ругона въ малодушіи, въ недостаткѣ прежней вѣры въ монархическую власть, наконецъ, въ заигрываньѣ съ либеральными идеями, съ единственной цѣлью сохранить свой портфель. Самъ онъ, ударяя кулакомъ въ грудь, называлъ себя непоколебимымъ бонапартистомъ, съ перваго часа вѣровавшимъ въ государственный переворотъ, убѣжденнымъ, что спасеніе Франціи и теперь, какъ тогда заключалось въ геніи и силѣ одного человѣка. Да, вмѣсто того чтобы помогать вилянью своего братца и спокойно смотрѣть, какъ императоръ наложитъ на себя руки, подвигаясь по пути безконечныхъ уступокъ, онъ скорѣе съ отвращеніемъ отвернется отъ „непримиримыхъ“ диктатуры и протянетъ руку католикамъ, чтобы затормозить быстрое паденіе, угрожающее имперіи. Нѣтъ, пускай Ругонъ будетъ на сторожѣ, потому что „Espérance“ можетъ опять начать войну въ пользу Рима! Гюре и Жантру слушали его, пораженные горячностью принципала; они никогда не предполагали, чтобы у Саккара были такія пламенныя политическія убѣжденія. Депутатъ сдѣлалъ, однако, попытку защитить послѣднія дѣйствія правительства.

— Послушайте, мой милый, если имперія идетъ къ свободѣ, такъ это потому, что вся Франція рѣшительно толкаетъ ее туда... Императоръ увлеченъ общимъ движеніемъ, и Ругонъ по неволѣ долженъ за нимъ слѣдовать.

Но Саккаръ перескочилъ уже къ другимъ вопросамъ, не тревожась отсутствіемъ логики въ своихъ нападкахъ.

— Постойте! возьмемъ теперь нашу внѣшнюю политику; да вѣдь она въ плачевномъ состояніи!.. Со времени Виллафранкскаго договора, послѣ Сольферино, Италія вооружена противъ насъ за то, что мы не довели кампаніи до конца и не возвратили ей Венеціи; на зло намъ, она вступила въ союзъ съ Пруссіей, въ надеждѣ, что та поможетъ ей побить Австрію... Когда вспыхнетъ война, вотъ вы увидите, какой тутъ пойдетъ кавардакъ и какъ намъ придется тяжко. Фран-

Digitized by Google

ція сдѣлала непростительную ошибку, допустивъ Бисмарка и короля Вильгельма овладѣть Шлезвигомъ и Гольштиніей въ дѣлѣ съ Даніей, вопреки договору, подписанному ею. За это мы получили пощечину, и намъ не остается ничего инаго, какъ подставить другую ланиту... Говорю вамъ, война неминуема; помните, какъ въ прошломъ мѣсяцѣ понизились французскіе и итальянскіе фонды, когда разнесся слухъ о возможномъ вмѣшательствѣ Франціи въ германскія дѣла? Да, можетъ быть, не пройдетъ двухъ недѣль, какъ вся Европа будетъ охвачена пожаромъ!

Удивляясь все болѣе и болѣе, Гюре, противъ обыкновенія, разгорячился.

— Право, можно подумать, что вы поете съ голоса оппозиціонныхъ журналовъ; ужь не желаете ли вы, чтобъ, „Espèrance“ пошла по стопамъ „Siécle“ и другихъ? Недостаетъ только, чтобъ вы принялись утверждать, по примѣру этихъ органовъ, что если императоръ позволилъ унизить себя въ шлезвигъ-гольштинскомъ дѣлѣ и если онъ допускаетъ Пруссію безнаказанно увеличивать свое могущество, то это объясняется нашимъ военнымъ безсильемъ въ данное время, такъ какъ цѣлый корпусъ французской арміи находится въ Мексикѣ. Ну, такъ знайте же, что все это кончено; французскія войска возвращаются обратно изъ-за океана... И потомъ я не понимаю васъ, мой милый. Если вы желаете сохранить Римъ за папой, зачѣмъ же вы какъ будто порицаете торопливое заключеніе Виллафранкскаго мира? опять же, если Венеція будетъ отдана Италіи, не пройдетъ и двухъ лѣтъ, какъ итальянцы овладѣютъ Римомъ; вы это знаете также отлично, какъ и я; и Ругонъ это знаетъ, хотя клянется въ противномъ съ трибуны...

— А-а, теперь вы видите, что онъ мошенникъ!—воскликнулъ сіяющій Саккаръ.—Никто не посмѣетъ коснуться папы, знайте это, потому что тогда вся католическая Франція встанетъ на его защиту!.. Мы ему отдадимъ всѣ наши деньги, да, всѣ деньги Всемірнаго Банка! У меня есть особый проэктъ, и въ немъ наша сила. Право, вы до того бѣсите меня, что я готовъ высказать то, о чемъ не пришло еще время толковать.

Жантру, сильно заинтересованный, навострилъ уши; онъ

Digitized by Google

сталъ понимать и старался уловить въ свою пользу какое нибудь слово, оброненное невзначай.

— Однако,—продолжалъ Гюре,—я хочу знать, чего мнѣ держаться въ статьяхъ; мы должны это выяснить; хотите ли вы вмѣшательства въ политику съ нашей стороны, или нѣтъ? Если мы стоимъ за принципъ національностей, то по какому праву будемъ вмѣшиваться въ дѣла Италіи и Германіи?.. Не желаете ли вы открыть кампанію противъ Бисмарка? Да?—во имя безопасности нашихъ границъ, которымъ угрожаютъ нѣмцы?

Но Саккаръ, вскочившій съ мѣста, вышелъ изъ себя и разразился потокомъ негодованія.

— Чего я хочу! Я хочу, чтобъ Ругонъ не глумился надо мной больше... Какъ, послѣ всего того, что я для него сдѣлалъ! Я покупаю газету, которая была его заклятымъ врагомъ, дѣлаю изъ нея органъ, преданный его политикѣ, заставляю васъ цѣлые мѣсяцы пѣть ему хвалы, и что же? Этотъ неотесанный мужикъ не пошевелилъ даже пальцемъ въ нашу пользу. Я до сихъ поръ напрасно жду отъ него хоть какой нибудь услуги!

Депутатъ робко замѣтилъ, что тамъ, на востокѣ, поддержка министра принесла инженеру Гамлену большую пользу, что вліяніе Ругона открыло передъ нимъ всѣ двери и оказало сильное давленіе на многихъ вліятельныхъ лицъ.

— Ахъ, не морочьте вы меня! Тутъ онъ не могъ поступить иначе... Но предупредилъ ли онъ когда нибудь роднаго брата наканунѣ повышенія или пониженія? А между тѣмъ это ему ничего бы не стоило. При его привилегированномъ положеніи, онъ долженъ все знать. Вспомните сами, сколько разъ поручалъ я вамъ покупать его немного; вѣдь вы видитесь съ нимъ ежедневно и могли бы доставлять мнѣ очень полезныя свѣдѣнія... Здѣсь нѣтъ ничего опаснаго; стоило вамъ передать мнѣ одно словечко!

— Разумѣется, онъ этого не любитъ; онъ говоритъ, что это мошенничество, въ которомъ рано или поздно непремѣнно придется раскаяться.

— Перестаньте, пожалуйста! Почему же онъ не выказываетъ такой щепетильности по отношенію къ Гундерману?

Digitized by Google

Онъ корчитъ честнаго человѣка со мною, а Гундерману доставляетъ свѣдѣнія!

— Ахъ, Гундерманъ, это совсѣмъ другое дѣло! Они всѣ нуждаются въ Гундерманѣ; безъ него имъ не заключить ни одного займа.

Саккаръ торжествовалъ и захлопалъ отъ радости въ ладоши.

— Ну, вотъ договорились таки! Вы сами сознаете, что имперія продана жидамъ, грязнымъ жидамъ! Скоро они загребутъ всѣ наши деньги своими крючковатыми пальцами; Всемірному Банку остается только вылетѣть въ трубу, въ виду ихъ всемогущества.

И онъ принялся изливать свою наслѣдственную ненависть, сыпля обвиненіями противъ этой расы торгашей и ростовщиковъ, которые цѣлыя столѣтія подвигаются впередъ между другими народами, высасывая изъ нихъ кровь, питаясь ихъ соками, какъ отвратительные паразиты. Они идутъ себѣ по своему пути подъ плевками и ударами на вѣрную побѣду міра, которымъ и овладѣютъ со временемъ непобѣдимою силою золота. Саккаръ въ особенности нападалъ на Гундермана, уступая своей давнишней непріязни, неосуществимому бѣшеному желанію сломить его, на зло предчувствію, которое подсказывало ему, что тутъ-то онъ и сложитъ голову, если вздумаетъ вступить въ неравную борьбу. Ахъ, этотъ Гундерманъ, пруссакъ въ душѣ, хотя и уроженецъ Франціи! Рѣшительно, онъ тянетъ сторону Пруссіи и охотно поддержалъ бы ее своими деньгами, да — кто знаетъ?—можетъ быть, и поддерживаетъ втайнѣ! Осмѣлился же онъ сказать однажды вечеромъ въ свѣтскомъ салонѣ, что, въ случаѣ войны между пруссаками и французами, послѣдніе будутъ побиты.

— Мнѣ это все надоѣло, поймите вы, Гюре! И запомните, пожалуйста, разъ навсегда, что если мой братъ не сдѣлаетъ для меня ничего, то и я отплачу ему тою же монетой... Когда вы мнѣ принесете отъ него доброе словечко, т. е. я хочу сказать, важное сообщеніе, которое мы ужъ съумѣемъ утилизировать: тогда я вамъ позволю снова начать ваши диѳирамбы въ честь великаго мужа. Кажется, это ясно?

Это было даже черезчуръ ясно. Жантру, нашедшій своего прежняго Саккара подъ личиной политическаго теоретика,

Digitized by Google

снова принялся расчесывать бороду пальцами. Но Гюре, непріятно задѣтый за живое въ своей осторожной практичности нормандскаго мужика, былъ раздосадованъ. Его благополучіе зависѣло отъ обоихъ братьевъ, и онъ не желалъ бы ссориться ни съ тѣмъ, ни съ другимъ.

— Вы правы, — пробормоталъ депутатъ, — замолчимъ на время, тѣмъ болѣе, что необходимо выждать событій... Кромѣ того, обѣщаю вамъ приложить всѣ старанія, чтобы добиться откровенности министра. При первомъ важномъ извѣстіи отъ него, я беру фіакръ и лечу къ вамъ.

Сыгравъ свою роль, Саккаръ началъ балагурить:

— Это только для васъ я работаю, мои добрые друзья... Самъ я постоянно разорялся и постоянно проживалъ по мілліону ежегодно.

И, возвращаясь опять къ прессѣ, онъ прибавилъ:

— А вамъ, Жантру, не мѣшаетъ оживить немного свой биржевой бюллетень... Вы знаете разныя смѣшныя словечки, каламбуры. Публика любитъ это; ее можно заставить проглотить что угодно съ приправой остроумія... Такъ вы не забудете подпустить этакъ тамъ и сямъ забавный каламбурчикъ?

Пришла очередь редактора внутренно разозлиться. Онъ именно щеголялъ своей выдержкой въ литературѣ. Но дѣлать нечего, пришлось пообѣщать каламбурчиковъ патрону. Тутъ онъ кстати сочинилъ анекдотъ объ очень милыхъ дамочкахъ, которыя предлагали ему нататуировать себѣ объявленія на самыхъ нѣжныхъ частяхъ своей особы. Послѣ того, трое мужчинъ принялись хохотать до упаду и снова сдѣлались лучшими друзьями.

Между тѣмъ Іорданъ кончилъ свою хронику и съ нетерпѣніемъ ожидалъ возвращенія жены. Пришли другіе сотрудники; онъ поговорилъ съ ними и завернулъ опять въ прихожую. Тутъ молодой человѣкъ былъ непріятно пораженъ при видѣ служителя Дежуа, приложившаго ухо къ двери редакторскаго кабинета. Отецъ подслушивалъ, а дочь, молоденькая Натали, стояла насторожѣ.

— Не входите, — прошепталъ онъ, — г-нъ Саккаръ все еще тамъ. Мнѣ послышалось, будто бы меня зовутъ...

На самомъ же дѣлѣ, пожираемый жаждой наживы послѣ

Digitized by Google

покупки восьми акцій Всемірнаго Банка, оплаченныхъ сполна четырьмя тысячами франковъ, скопленныхъ покойной женою, Дежуа проводилъ дни въ сладкомъ волненіи, видя, какъ поднимается цѣна этихъ бумагъ. Онъ боготворилъ Саккара, подхватывалъ его малѣйшія слова, какъ изреченія оракула, и не могъ вытерпѣть, когда патронъ бывалъ здѣсь, чтобы не подслушивать подъ дверью. Ему такъ страстно хотѣлось узнать сокровенныя мысли банкира и слышать то, что̀ говорило его божество въ тайникѣ святилища. Впрочемъ Дежуа хлопоталъ о поправкѣ своихъ дѣлъ совершенно безкорыстно. Онъ думалъ только о своей дочери и съ восторгомъ высчитывалъ, что пріобрѣлъ уже и теперь на своихъ восьми акціяхъ—по курсу въ семьсотъ пятьдесятъ франковъ—сто двадцать франковъ барыша; эти деньги, прибавляемыя къ капиталу, давали сумму въ пять тысячъ двѣсти франковъ. Стоитъ акціямъ подняться еще на одну сотняжку, и у него будетъ шесть тысячъ, цифра приданаго, котораго требовалъ картонажникъ за Натали, чтобы тотчасъ обвѣнчать съ молодой дѣвушкой своего сына. При этой мысли, его сердце таяло отъ восхищенія. Съ радостными слезами смотрѣлъ Дежуа на милаго ребенка, воспитаннаго его собственными заботами и попеченіями. Онъ былъ для Натали настоящей матерью въ ихъ маленькомъ счастливомъ семействѣ, которое они вели сообща съ тѣхъ поръ, какъ дѣвочка была взята отъ кормилицы.

Чтобы скрыть свое замѣшательство, сконфуженный старикъ несвязно заговорилъ съ Іорданомъ:

— Моя Натали сейчасъ только зашла сюда на минуту провѣдать меня; на улицѣ она встрѣтила вашу супругу, сударь.

— Да,—подтвердила молодая дѣвушка,—мадамъ Іорданъ поворачивала въ улицу Фейдо и шла такъ быстро!

Отецъ позволялъ Натали свободно ходить, куда ей вздумается, вполнѣ увѣренный въ ея благоразуміи. И онъ былъ правъ, разсчитывая на добрую нравственность дочери: она была слишкомъ холодна по натурѣ и слишкомъ стремилась упрочить свое счастье, чтобы допустить какое нибудь глупое увлеченіе, которое сдѣлало бы для нея невозможнымъ давно желанный бракъ. Со своей тонкой таліей и большими глазами на хорошенькомъ блѣдномъ личикѣ, она любила себя съ

Digitized by Google

эгоистичнымъ упорствомъ, и самодовольная улыбка не сходила съ ея губъ.

Удивленный Іорданъ, не понявъ, въ чемъ дѣло, воскликнулъ:

— Какъ, въ улицѣ Фейдо?

Но онъ не успѣлъ разспросить Натали хорошенько, потому что вошла Марсель, запыхавшаяся отъ быстрой ходьбы. Мужъ торопливо увелъ ее въ сосѣдній кабинетъ. Однако, тамъ они наткнулись на сотрудника „Espérance“, завѣдывавшаго отдѣломъ судебной хроники, и имъ пришлось удовольствоваться скамейкой въ глубинѣ коридора.

— Ну, что же?

— Удача, мой дружокъ; только не безъ труда досталась мнѣ побѣда.

Обрадованный Іорданъ замѣтилъ однако огорченіе жены. И она все разсказала ему торопливымъ шопотомъ, хотя и дала себѣ слово умолчать о нѣкоторыхъ вещахъ. Но бѣдная женщина была не въ силахъ скрыть что нибудь отъ мужа.

Съ нѣкоторыхъ поръ, Можандры перемѣнились къ дочери. Они принимали ее суше, были чѣмъ-то озабочены. Дѣло объяснялось просто: ими овладѣла новая страсть, и эта страсть была... азартная биржевая игра. Подобныя вещи случаются сплошь и рядомъ. Отецъ Марсели, флегматичный толстякъ, плѣшивый, съ сѣдыми бакенбардами, и мать, сухая, дѣятельная старушка, много способствовавшая обогащенію мужа, вели сытую жизнь въ своемъ отелѣ, получая пятнадцать тысячъ франковъ дохода. Бездѣйствіе мало по малу стало тяготить ихъ. У старика было теперь одно развлеченіе—получать свои проценты. Въ эту эпоху онъ безпощадно громилъ спекуляцію, съ гнѣвомъ и сожалѣніемъ пожимая плечами, когда заходила рѣчь о несчастныхъ глупцахъ, которые позволяютъ пускать себя по міру, увлекаясь мошенническими предпріятіями и различными затѣями спекуляторовъ, настолько же глупыми, какъ и неблаговидными. Но вотъ какъ-то Можандръ неожиданно получилъ значительную сумму денегъ и ему пришло въ голову заняться перепродажей акцій. Это вѣдь не спекуляція, а простое помѣщеніе денегъ! Между тѣмъ, съ того дня онъ каждое утро сталъ внимательно просматривать въ своей газетѣ курсовой листъ въ отдѣлѣ

Digitized by Google

биржевыхъ извѣстій. Мало по малу его охватила лихорадка наживы при видѣ этой пляски цѣнныхъ бумагъ; его потянуло въ отравленную атмосферу азартной игры, а разгорячившееся воображеніе постоянно рисовало ему милліоны, нажитые въ одинъ часъ. Между тѣмъ, онъ работалъ тридцать лѣтъ, чтобы пріобрѣсти какихъ нибудь нѣсколько сотъ тысячъ! Можандръ не могъ удержаться, чтобы не заговаривать объ этомъ съ женой всякій разъ, когда они сидѣли за столомъ. Ахъ, какіе славные обороты сдѣлалъ бы онъ, еслибъ не поклялся никогда не играть! И Можандръ принимался излагать ходъ операцій, маневрируя своими фондами со всей ученой тактикой боеваго генерала, сидящаго у себя въ кабинетѣ; всегда кончалось тѣмъ, что онъ побѣдоносно разбивалъ воображаемыя противныя стороны; старикъ, не шутя, возмечталъ о себѣ, какъ о перворазрядномъ финансистѣ, до тонкости знающемъ толкъ въ преміяхъ и перепродажахъ. Встревоженная жена говорила ему: „я скорѣй согласна сейчасъ же утопиться, чѣмъ допустить тебя рискнуть хотя однимъ су“. Тогда онъ успокоивалъ ее. Да за кого же она его принимаетъ? Да онъ ни за что на свѣтѣ не сдѣлаетъ такой глупости! Между тѣмъ, ему представился удобный случай. Супруги давно уже мечтали выстроить у себя въ саду оранжерею, стоимостью отъ пяти до шести тысячъ франковъ. И вотъ въ одинъ вечеръ мужъ, дрожащими отъ волненія руками, положилъ на рабочій столикъ передъ женою шесть билетовъ по тысячѣ франковъ, выигранныхъ на биржѣ: операція была вѣрная, и онъ позволилъ себѣ это маленькое баловство, но съ тѣмъ, чтобы сдѣлать разъ да и закаяться! И рискнулъ-то онъ единственно ради новой оранжереи. Г-жа Можандръ не знала, сердиться ли ей, или радоваться; однако радость взяла верхъ; у нея не хватило духу разбранить своего старика. На слѣдующій мѣсяцъ онъ пустился на операцію съ преміями, объясняя женѣ, что не боится ничего, такъ какъ не можетъ потерять болѣе опредѣленной суммы. Да наконецъ,— чортъ побери!—въ такой кучѣ аферъ есть же вѣдь и вѣрныя дѣла, не все одни мошенничества. Что онъ за дуракъ, чтобъ дозволить загребать всѣ барыши только сосѣду. И роковымъ образомъ Можандръ принялся играть на сроки, сначала по мелочамъ, а потомъ, становясь все смѣлѣе, рисковалъ ужее

Digitized by Google

болѣе крупными суммами. Жена, вѣчно тревожась за цѣлость капитала, какъ образцовая хозяйка, не знала покою; при малѣйшемъ выигрышѣ, ея глаза загорались жадностью, но все же она не переставала твердить мужу, что онъ умретъ на соломѣ.

Больше всѣхъ порицалъ старика братъ г-жи Можандръ, капитанъ Шавъ. Правда, онъ самъ игралъ на биржѣ, потому что ему не хватало пенсіи въ тысячу восемьсотъ франковъ, но вѣдь зато онъ былъ дока, какихъ поискать, и ходилъ туда, какъ чиновникъ на должность, спекулируя только на чистыя деньги, вполнѣ довольный, если ему удавалось заработать къ вечеру червонецъ въ двадцать франковъ: ежедневныя операціи, совершаемыя навѣрняка и въ такихъ скромныхъ размѣрахъ, никогда не могли принести убытка. Сестра предложила ему поселиться у нихъ въ домѣ, гдѣ было много свободнаго мѣста со времени замужства Марсели; но капитанъ отказался: онъ дорожилъ свободой, такъ какъ за нимъ водились грѣшки. Старикъ жилъ бобылемъ, нанимая всего одну комнату, въ глубинѣ большаго сада въ улицѣ Нолле. Тамъ у него то и дѣло мелькали женскія юбки. И всѣ барыши, наживаемые на биржѣ, вѣроятно, уходили у почтеннаго ветерана на конфекты и пирожки для его маленькихъ пріятельницъ. Онъ постоянно предостерегалъ Можандра не играть, совѣтуя ему лучше употребить свои деньги на какое нибудь живое, полезное дѣло. Когда же тотъ возражалъ ему: „Ну, а вы-то сами?“—капитанъ энергически махалъ рукой: онъ—это совсѣмъ особая статья! Кромѣ того, вѣдь у него не было пятнадцати тысячъ годоваго дохода. Если онъ игралъ, то здѣсь виновато недобросовѣстное правительство, которое не хотѣло, какъ слѣдуетъ, обезпечить старость своихъ храбрыхъ воиновъ. Самымъ вѣскимъ аргументомъ капитана Шава противъ биржевой игры былъ математическій разсчетъ, по которому всякій игрокъ долженъ нести извѣстный убытокъ. Въ случаѣ выигрыша, онъ принужденъ вычесть изъ своей прибыли цифру куртажа и гербовый сборъ, при проигрышѣ онъ платитъ то же самое. Слѣдовательно, если допустить, что онъ также часто выигрываетъ, какъ проигрываетъ, изъ его кармана уходятъ еще деньги на гербовыя марки и куртажъ. На парижской биржѣ

Digitized by Google

ежегодно эти права игры оплачиваются громаднымъ капиталомъ въ 80 милліоновъ. И капитанъ Шавъ съ ожесточеніемъ повторялъ эту цифру,—восемьдесятъ милліоновъ, которые загребаетъ на свою долю правительство и кладутъ себѣ въ карманъ члены кулисы да биржевые маклера!

На скамейкѣ въ коридорѣ редакціи „Espérance“, Марсель отчасти передавала мужу эту исторію.

— Милый другъ, говоря по правдѣ, я пришла къ нимъ сегодня не особенно кстати. Мама бранилась съ отцомъ за проигрышъ на биржѣ... Кажется, онъ не уходитъ оттуда. Мнѣ такъ смѣшно подумать о такой перемѣнѣ, потому что прежде папа не признавалъ ничего, кромѣ труда... Однимъ словомъ, они спорили, а мама размахивала газетой „Cote financière“ подъ самымъ носомъ папа и кричала ему, что онъ ничего не понимаетъ въ дѣлахъ, тогда какъ она ясно предвидѣла пониженіе. Тутъ отецъ побѣжалъ за другой газетой и принесъ вашу „Espérance“, желая показать ей статью, которой онъ руководствовался. У нихъ теперь вездѣ газеты; они зарываются въ нихъ съ утра до вечера и я, право, думаю, что мама тоже играетъ на биржѣ, хотя и прикидывается сердитой.

Іорданъ невольно расхохотался: до того забавно представляла Марсель, не смотря на свое огорченіе, бурную сцену между родителями.

— Ну, я все таки разсказала имъ про наши затрудненія и попросила взаймы двѣсти франковъ, чтобы остановить опись имущества. Боже мой, еслибъ ты слышалъ, какъ они принялись кричать: двѣсти франковъ, когда они потеряли двѣ тысячи на биржѣ! Вѣрно, я ихъ дурачу или собираюсь разорить дотла... Никогда еще не видала я своихъ стариковъ въ такомъ азартѣ. Вѣдь они всегда такъ баловали меня, были готовы засыпать подарками. Право, это какое-то сумашествіе: вѣдь это безсмысленно портить себѣ такимъ образомъ жизнь, когда они жили счастливо въ своемъ прекрасномъ домѣ безо всякихъ хлопотъ и могли спокойно наслаждаться богатствомъ, заработаннымъ тяжелыми трудами.

— Надѣюсь, однако, что ты не настаивала?

— А какъ же иначе? Конечно, настаивала; и тогда они напали на меня съ упреками... Ты видишь, я говорю все

Digitized by Google

безъ утайки, хотя была намѣрена скрыть отъ тебя происшедшее между нами... Отецъ съ матерью повторяли, что они предвидѣли мое несчастье, что твое писательство—не хлѣбное ремесло и намъ съ тобою придется умереть на больничной койкѣ... Но только что я разсердилась въ свою очередь и хотѣла уходить, пришелъ капитанъ. Ты знаешь, вѣдь онъ всегда любилъ меня безъ памяти, милый дядя Шавъ. Въ его присутствіи старики притихли, тѣмъ болѣе, что онъ сталъ поддразнивать папа его неудачей и спросилъ, намѣренъ ли онъ и дальше позволять обкрадывать себя... Тутъ мама отвела меня въ сторону и сунула мнѣ потихоньку пятьдесятъ франковъ, говоря, что съ этими деньгами мы можемъ получить отсрочку на нѣсколько дней, чтобы успѣть извернуться.

— Пятьдесятъ франковъ! Да это нищенская подачка! Неужели ты взяла?

Марсель съ нѣжностью схватила руки мужа, стараясь образумить его своей спокойной разсудительностью.

— Послушай, не сердись, пожалуйста... Я, конечно, взяла ихъ и, предвидя, что ты ни за что не рѣшишься отнести такую бездѣлицу судебному приставу, пошла къ нему сама, знаешь, въ улицу Каде. Но представь себѣ: онъ не взялъ денегъ, говоря, что Бушъ далъ ему формальный приказъ произвести взысканіе. Только онъ самъ могъ отмѣнить опись нашего имущества... О, этотъ Бушъ! Хоть я не могу питать ненависти ни къ одному человѣку, но этотъ мнѣ ужасно противенъ. Такой гадкій!.. Однако нечего дѣлать: я побѣжала къ нему въ улицу Фейдо, и Бушъ, какъ ни бранился, а все таки ему пришлось удовольствоваться пятьюдесятью франками. Теперь мы съ тобой опять можемъ быть спокойны полмѣсяца.

Лицо Іордана передергивало отъ волненія; на глазахъ у него навернулись слезы.

— И ты это сдѣлала, моя малютка-женочка, ты это сдѣлала!

— Ну, разумѣется. Я не хочу, чтобы тебѣ надоѣдали болѣе. Что за бѣда, если мнѣ и приходится выслушивать непріятныя вещи, только бы тебѣ дали спокойно работать.

Она смѣялась и со смѣхомъ стала разсказывать о своемъ

Digitized by Google

визитѣ къ Бушу; о томъ, какъ у него грязно, какія кипы дѣлъ загромождаютъ его кануру, какъ грубо онъ обошелся съ нею и грозилъ не оставить у нихъ никакой рухляди въ квартирѣ, если они не уплатятъ ему немедленно всѣхъ денегъ сполна. Смѣшнѣе всего было то, что она нарочно выводила его изъ себя, выражая сомнѣніе въ томъ, имѣетъ ли онъ еще законное право требовать эти триста франковъ по векселю, возросшіе съ процентами до семисотъ тридцати франковъ пятнадцати сантимовъ, потому что долговое обязательство, пріобрѣтенное имъ вмѣстѣ со старымъ хламомъ, вѣроятно, не стоило ему и ста су. Эти слова довели еврея до бѣлаго каленія; онъ задыхался отъ бѣшенства: во-первыхъ, за документы съ него взяли очень дорого; затѣмъ онъ терялъ время и мучился два года, отыскивая должника. А къ какимъ хитростямъ ему приходилось прибѣгать въ этой охотѣ за человѣкомъ! Такъ неужели же не вознаградить себя за такія хлопоты! Кто не съумѣлъ спрятаться отъ кредитора, пусть пеняетъ самъ на себя! Но въ концѣ концовъ онъ все таки взялъ пятьдесятъ франковъ; у него была своя система, съ должниками и, согласно ей, Бушъ не отказывался ни отъ одного предложеннаго сантима.

— Ахъ, какая ты у меня славная и какъ я тебя люблю,—сказалъ Іорданъ.

Онъ не могъ удержаться, чтобы не поцѣловать Марсель, хотя въ эту минуту мимо нихъ проходилъ секретарь редакціи.

Потомъ онъ спросилъ, понизивъ голосъ:

— А сколько у тебя осталось на домашніе расходы?

— Семь франковъ.

— Отлично!—продолжалъ онъ, вполнѣ довольный,—этого намъ хватитъ на два дня и я не стану просить аванса, въ которомъ мнѣ все равно отказали бы. Ахъ, мнѣ такъ тяжело унижаться до просьбъ... Завтра я предложу одну статью въ редакцію „Siècle“; можетъ быть, и удастся ее пристроить... Вотъ еслибъ мнѣ кончить свой романъ да нажить на немъ что нибудь!

Марсель поцѣловала его въ свою очередь.

— Погоди, наши дѣла поправятся и все пойдетъ хорошо!.. А теперь вѣдь мы вернемся вмѣстѣ домой, не такъ ли? Это будетъ премило! Надо еще купить на завтрашнее утро

Digitized by Google

копченую селедку на углу улицы Клиши; я видѣла тамъ великолѣпныя. А къ ужину я приготовлю сегодня картофель на свиномъ салѣ.

Поручивъ одному изъ товарищей просмотрѣть свои корректуры, Іорданъ отправился домой съ женою. Саккаръ и Гюре также уходили. У подъѣзда редакціи остановилось купэ; изъ него вышла баронесса Сандорфъ. Она улыбнулась банкиру и его товарищу, послѣ чего легкой поступью поднялась на ступени крыльца. Порой она заѣзжала такимъ образомъ къ Жантру. Саккаръ, котораго красавица сильно волновала своими большими глазами съ красноватыми вѣками, чуть было не вернулся.

Зайдя въ кабинетъ редактора, посѣтительница не захотѣла даже присѣсть. Она зашла сюда на минутку, проѣзжая мимо; ей просто хотѣлось освѣдомиться, не знаетъ ли онъ чего нибудь новенькаго. Не смотря на рѣзкую перемѣну въ положеніи этого человѣка, баронесса обращалась съ нимъ почти также, какъ въ былое время, когда она видѣла его каждое утро у своего отца, де-Ладрикура, въ подобострастной позѣ вольнаго агента биржи, почтительно ожидающаго, не сдѣлаютъ ли ему заказа. Ея отецъ отличался возмутительной грубостью; она не могла забыть, какъ онъ однажды вышвырнулъ его ударомъ ноги за дверь, разсердившись за крупный проигрышъ на биржѣ. Теперь же, видя Жантру у источника новостей, баронесса снова сдѣлалась съ нимъ фамильярной, стараясь выпытывать у него что нибудь.

— Ну, что же? Ничего новенькаго?

— Ей богу, ничего. По крайней мѣрѣ, я не слышалъ.

Однако, она не спускала съ него взгляда и продолжала плѣнительно улыбаться, увѣренная, что онъ знаетъ кое-что, но не хочетъ говорить. Желая вызвать его на откровенность, молодая женщина завела рѣчь объ этой глупѣйшей войнѣ, которая угрожаетъ вспыхнуть между Австріей, Италіей и Пруссіей. Спекуляція бросается туда и сюда; итальянскіе фонды страшно падаютъ, а вмѣстѣ съ ними и другія бумаги понижаются въ цѣнѣ. Она ужасно раздосадована, потому что не знаетъ, какъ долго слѣдуетъ ей держаться этого направленія, между тѣмъ у нея пущены въ оборотъ большія суммы на предстоящую ликвидацію.

Digitized by Google

— Да развѣ вашъ супругъ не даетъ вамъ нужныхъ указаній?—игриво освѣдомился Жантру. — Вѣдь онъ занимаетъ такой выдающійся постъ при посольствѣ?

— Мой мужъ!—прошептала баронесса съ презрительнымъ жестомъ.—Отъ мужа мнѣ теперь ничего не добиться.

Тутъ редакторъ „Espèrance“ сдѣлался еще игривѣе, и договорился до того, что позволилъ себѣ намекнуть на генеральнаго прокурора Делькамбра, любовника баронессы, который, по слухамъ, платилъ за нее убытки, если она вообще покорялась печальной необходимости платить при проигрышѣ въ биржевой игрѣ.

— Ну, а ваши друзья? Ужъ будто бы они ничего не узнаютъ ни при дворѣ, ни въ судебномъ мірѣ!

Она прикинулась ненонимающей и продолжала, не спуская съ него глазъ:

— Послушайте, однако; ну, будьте такъ милы... Вы знаете что нибудь?

Одинъ разъ Жантру, легко воспламенявшійся всякой юбкой, нечистоплотной или элегантной, которая его задѣвала мимоходомъ, пытался уже „заставить заплатить себѣ“ (по его грубому выраженію) эту красавицу, забывавшую все въ азартѣ игры и обращавшуюся съ нимъ такъ безцеремонно. Но, при первомъ словѣ, при первомъ жестѣ, она выпрямилась съ такимъ отвращеніемъ, съ такой надменностью, что онъ далъ себѣ слово не начинать въ другой разъ. Снизойти до человѣка, котораго ея отецъ угощалъ пинками! Нѣтъ, ни за что! Она еще не дошла до этого.

— Съ чего же я буду милъ по отношенію къ вамъ!—возразилъ онъ, смѣясь и прикидываясь смущеннымъ.—Вы сами вовсе не милы со мною.

Она тотчасъ сдѣлалась серьезной и въ ея глазахъ мелькнуло жосткое выраженіе. Баронесса повернула ему спину, собираясь уходить, когда Жантру прибавилъ въ пику ей:

— Кажется, вы встрѣтили на подъѣздѣ Саккара? Почему бы вамъ не обратиться за совѣтомъ къ нему; онъ рѣшительно не въ силахъ отказать вамъ ни въ чемъ.

Она круто повернулась.

— Что вы хотите этимъ сказать?

Digitized by Google

— Гм! То, что̀ вамъ будетъ угодно понять... Право, не притворяйтесь лучше! Вѣдь я видѣлъ васъ у него и понимаю, что̀ это значитъ. Саккаръ не упуститъ удобной минуты.

Она страшно возмутилась. Вся гордость ея расы, еще несовсѣмъ, подавленная поднялась изъ мутной глубины, изъ грязи, въ которой низкая страсть топила эту женщину съ каждымъ днемъ все глубже и глубже. Впрочемъ, она не обнаружила гнѣва, а только произнесла отчетливо и сурово:

— Вотъ какъ, милѣйшій! За кого же вы меня принимаете? Да вы, кажется, рехнулись... Нѣтъ, я вовсе не любовница вашего Саккара, я не пожелала этого.

— Напрасно, сударыня: вы сдѣлали величайшій промахъ... Повѣрьте мнѣ, если вамъ опять представится случай, не зѣвайте. Вотъ вы постоянно гоняетесь за биржевыми свѣдѣніями, а между тѣмъ вамъ легко безо всякихъ хлопотъ найти ихъ подъ подушкой этого господина... Придетъ время, и тогда вы смѣло запускайте туда свои хорошенькіе пальчики.

Баронесса сочла за лучшее разсмѣяться, поддакивая цинизму Жантру. Когда она пожала ему руку, онъ почувствовалъ, что ея рука была холодна, какъ ледъ. Ну, какъ могла переносить отвратительную связь съ этой безжизненной муміей, Делькамбромъ, подобная женщина съ ея алымъ ротикомъ, слывшая ненасытимо-страстной по натурѣ?

Миновалъ іюнь. Пятнадцатаго числа Италія объявила войну Австріи. Съ другой стороны Пруссія, въ какихъ нибудь двѣ недѣли, стремительно заняла Ганноверъ, покорила оба гессенскихъ герцогства, Баденъ, Саксонію, захвативъ врасплохъ ихъ населеніе, не успѣвшее вооружиться. Въ это время Франція не двинулась съ мѣста. Люди свѣдущіе сообщали шопотомъ на биржѣ, будто бы ее связывалъ тайный договоръ съ Пруссіей послѣ свиданія Бисмарка съ императоромъ Наполеономъ въ Біаррицѣ; ходили таинственные слухи объ уступкахъ, обѣщанныхъ Франціи за сохраненіе нейтралитета. Но пониженіе цѣнъ все таки обнаруживалось слишкомъ рѣзко и грозило бѣдствіями. Когда 4-го іюля пришла вѣсть о Садовой, поразившая всѣхъ, какъ громомъ, такой неожиданный оборотъ дѣлъ отразился самымъ неблагопріятнымъ образомъ на рынкѣ. Ни однѣ бумаги не могли удержаться. Всѣ ждали ожесточеннаго продолженія войны, потому что, если Австрія была побита Прус-

Digitized by Google

сіей, зато она побѣдила Италію подъ Кустоццой; поговаривали уже о томъ, что она собираетъ остатки своей арміи, покидая Богемію. Приказы о продажѣ сыпались дождемъ въ главномъ отдѣленіи биржи, покупателей же вовсе не находилось.

4-го іюля Саккаръ, забѣжавъ въ редакцію, не нашелъ тамъ Жантру, часто отлучавшагося съ нѣкоторыхъ поръ; очевидно, страсти сбивали его съ толку: онъ вдругъ бросалъ работу, чтобы исчезнуть часа на два, на три, а потомъ возвращался усталый съ мутными глазами; неизвѣстно, что̀ больше подтачивало его силы: кутежи съ женщинами или алкоголь. Въ эту пору дня контора журнала пустѣла. Въ ней оставался только Дежуа, обѣдавшій на уголкѣ стола въ передней. Саккаръ, написавъ два письма, также собирался уйти, какъ вдругъ къ нему влетѣлъ ураганомъ Гюре, весь красный отъ волненія и въ такихъ попыхахъ, что даже забылъ затворить за собою двери.

— Мой добрый другъ, мой добрый другъ...

Онъ задыхался и положилъ обѣ руки на грудь Саккара.

— Я сейчасъ отъ Ругона... Бѣжалъ бѣгомъ, потому что не нашелъ фіакра. Наконецъ-то мнѣ посчастливилось хоть разъ... Ругонъ получилъ депешу оттуда. Я ее видѣлъ... Такая новость, такая новость...

Саккаръ остановилъ его рѣзкимъ жестомъ и бросился запирать дверь, замѣтивъ Дежуа, который началъ уже бродить вокругъ, навостривъ уши.

— Ну, что такое?

— Слушайте! Императоръ австрійскій уступаетъ Венецію императору французовъ, принявъ его посредничество, а Наполеонъ хочетъ обратиться къ королямъ прусскому и итальянскому съ ходатайствомъ о перемиріи.

Наступила пауза.

— Значитъ, миръ?...

— Очевидно.

Ошеломленный Саккаръ, не отдавая еще себѣ яснаго отчета въ случившемся, энергически выругался.

— Чортъ побери! А между тѣмъ вся биржа идетъ на пониженіе!

Затѣмъ онъ прибавилъ машинально:

Digitized by Google

— А что же эта новость... ее пока никто не знаетъ?

— Нѣтъ, депеша получена конфиденціальная; это извѣстіе не появится даже завтра въ „Moniteur'ѣ“. Парижъ узнаетъ о немъ не раньше, какъ сутки спустя.

Тутъ Саккара моментально осѣнило вдохновеніе, быстрое, какъ громовой ударъ. Онъ снова побѣжалъ къ двери и отворилъ ее, желая убѣдиться, что ихъ никто не можетъ подслушать. Онъ былъ внѣ себя и, остановившись противъ депутата, схватилъ его за лацканы сюртука.

— Молчите! Не дѣлайте шуму... Теперь все въ нашихъ рукахъ, если Гундерману съ его шайкой ничего пока неизвѣстно... Слышите: ни слова никому, ни единой душѣ!— ни вашимъ друзьямъ, ни женѣ!.. Вотъ счастье, что Жантру провалился куда-то. Тайна останется между мной и вами, и мы успѣемъ обдѣлать колоссальное дѣло. О, я хочу работать для одного себя! Въ дѣлежѣ добычи будете участвовать только вы да компаньоны Всемірнаго Банка. Но тайна не можетъ сохраниться, если о ней узнаютъ многіе. Все будетъ потеряно, если кто нибудь обмолвится полусловомъ завтра, до открытія биржи.

Гюре, взволнованный, сбитый съ толку грандіозной спекуляціей, затѣянной ими, обѣщалъ хранить глубокое молчаніе. Тутъ они распредѣлили между собою предстоящія хлопоты, находя, что нужно дѣйствовать безотлагательно. Саккаръ надѣлъ уже шляпу, какъ вдругъ ему пришелъ въ голову одинъ вопросъ.

— Это Ругонъ поручилъ вамъ передать мнѣ важную новость?

— Конечно.

(Продолженіе будетъ).

Digitized by Google

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ОЧЕРКИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

I.

Настроеніе прошлогднихъ литературныхъ обозрѣній.—Упадокъ критики и беллетристики.—Афоризмы нѣмецкаго эстетика. — Французская теорія критической эволюціи.—Книга Брюнетьера.—Утраты 1890 года.—Луиза Акерманъ и поэзія пессимизма.—Наука и чувство.—Позитивизмъ и нирвана.—Послѣдній представитель романтизма.—Талантъ и оригинальничанье.—„Осы“ Альфонса Карра.

Обзоры литературныхъ явленій прошлаго года у всѣхъ цивилизованныхъ націй отличаются пессимистическимъ и отчасти даже мрачнымъ настроеніемъ. Вездѣ раздаются жалобы на измельчаніе творческой фантазіи, на упадокъ чистаго искусства и особенно серьезной, безпристрастной критики. Вмѣсто прежняго дѣленія критики на эстетическую и историческую, на реальную и моральную или формальную, основанную на старыхъ классическихъ принципахъ—господствуетъ въ беллетристикѣ только критика продажная, или—говоря уже все въ риѳму, неважная, то есть такая, изъ которой не сдѣлаешь ровно никакого вывода, кромѣ того, что рецензентъ, обязанный дать отчетъ о произведеніи, не захотѣлъ отозваться благопріятно объ авторѣ, потому что не принадлежитъ къ его партіи, и ограничился общими мѣстами. Будь они оба—авторъ и его судья—одной шайки, тогда критика несомнѣнно является продажною, не изъ-за денегъ конечно, а изъ-за кумовства, изъ партійности. Все это печально, но справедливо, особенно въ примѣненіи къ Германіи и Франціи, когда-то предписывавшихъ критическіе законы образованной Европѣ. Теперь Германія, въ лицѣ Роберта Плёна и другихъ молодыхъ эстетиковъ, вовсе отрицаетъ искусство критики. «Толкуютъ о критическихъ талантахъ, даже о критическомъ геніи,—говоритъ Плёнъ:—утверж-

Digitized by Google

дают даже, что это художественный даръ. Но талантъ только критическій—весьма сомнительный талантъ. Критика составляетъ только часть искусства, частичное проявленіе поэтической способности, но не творческой, не установившейся на прочныхъ основаніяхъ. Слово критика происходитъ отъ греческаго κρινω (латинское *cerno*) и значитъ: различать. Воззрѣнія различны, но Шиллеръ напрасно противополагаетъ наивному воззрѣнію—сантиментальное: контрастъ наивнаго—критическое міросозерцаніе».

Французскій писатель Фердинандъ Брюнетьеръ примѣняетъ къ критикѣ теорію эволюціи, господствующую теперь не только въ наукахъ, но и въ искусствѣ. Брюнетьеръ занимается исключительно критическими изслѣдованіями на философской подкладкѣ. Первые этюды его о французской литературѣ среднихъ вѣковъ (1880 г.) о Паскалѣ, Севинье, Мольерѣ, Расинѣ и др. (1882) и «Натуралистскій романъ» увѣнчаны академіей. Въ 1886—87 г. вышли еще четыре тома подобныхъ критическихъ очерковъ, за которые онъ сдѣланъ профессоромъ французскаго языка и литературы въ высшей нормальной школѣ. Лекціи свои въ этой школѣ онъ издалъ въ прошломъ году подъ названіемъ «Эволюція видовъ въ исторіи литературы. Введеніе: эволюція критики отъ эпохи возрожденія до нашего времени». Объ этомъ серьезномъ трудѣ французская журналистика умолчала по своему обыкновенію, такъ какъ авторъ его не принадлежитъ ни къ какой партіи, а между тѣмъ въ книгѣ много мѣткихъ выводовъ о роли и значеніи критики и литературы. Различные виды литературы придуманы ли писателями, или живутъ своею собственною органическою жизнью? Такой вопросъ предлагаетъ авторъ и рѣшаетъ его утвердительно, въ смыслѣ фактическаго существованія этихъ видовъ, продолжающагося въ теченіе извѣстнаго времени. Онъ разсматриваетъ далѣе: причины этого существованія, его развитія и упадка, подъ какими вліяніями виды появляются, измѣняются и исчезаютъ. Особенную важность играетъ въ этомъ случаѣ законъ о трансформаціи видовъ. Такъ, по его мнѣнію, ораторское краснорѣчіе развилось изъ лирической поэзіи. Но прежде всего онъ изслѣдуетъ, какимъ путемъ критика дошла до эволюціи видовъ, бывши сначала простымъ выраженіемъ мнѣнія или сужденія, а теперь превратившись въ науку, схожую съ естественной исторіей. Въ эпоху возрожденія, критика, ознакомившаяся съ высокими твореніями классической древности, только каталогизировала ихъ красоты и старалась отдать себѣ отчетъ въ томъ, почему они производятъ такое сильное впечатлѣніе. Замѣчанія тогдашнихъ критиковъ: Малерба, Шапелена и др., были возведены въ правила, приведенныя въ систему Буало, котораго Брюнетьеръ ставитъ выше Дидро. Вольтеръ, Мармонтель, Лагарпъ только поддерживали эту теорію поклоненія классицизму, но еще въ концѣ XVII вѣка поднялся литературный споръ о

Digitized by Google

преимуществѣ новѣйшихъ писателей, и послѣдствіемъ спора было сознаніе, что критическіе законы не непреложны ип одвергаются измѣненіямъ. Жанъ-Жакъ Руссо замѣнилъ вѣчныя, абсолютныя правила—относительными, временными. Этотъ же критеріумъ приняли Шатобріанъ и г-жа Сталь, съ которыхъ начинается литературное движеніе XIX вѣка. Вильменъ, Гизо, Кузенъ ввели въ критику исторію, политику, соціологію, Сентъ-Бёвъ—психологію и физіологію, «естественную исторію ума», какъ говорилъ онъ самъ. Эту исторію развилъ еще болѣе Тэнъ, примѣняя къ ней выводы, извлеченные изъ естественныхъ наукъ Жофруа Сентъ-Илеромъ и Кювье. Брюнетьеръ старается утвердить критику на выводахъ Дарвина и Геккеля. По его мнѣнію, критика въ послѣднія триста лѣтъ является душою французской литературы, и онъ убѣжденъ, что никакая литература не можетъ развиться внѣ критики, и безъ ея вліянія. Но для этого необходимо, чтобы критика не была только выраженіемъ личнаго пристрастія, не зависѣла отъ прихоти и фантазіи; необходимо, чтобы она судила, въ чемъ и заключается собственно ея назначеніе, находила въ нашихъ впечатлѣніяхъ причины, оправдывающія ихъ, и чтобы она классифицировала эти впечатлѣнія. А этого нельзя достигнуть безъ знанія исторіи и научныхъ методовъ.

Книга Брюнетьера еще не кончена, о лекціяхъ его систематически умалчиваютъ ученые органы и текущая журналистика, но во всякомъ случаѣ это одинъ изъ выдающихся современныхъ мыслителей Франціи, и хотя его идеи объ эволюціи критики во многомъ парадоксальны, но, чтобы произнести объ нихъ окончательное сужденіе, необходимо дождаться полнаго ихъ развитія, за которымъ слѣдятъ со вниманіемъ серьезные писатели. Во всякомъ случаѣ, даже въ своихъ увлеченіяхъ, Брюнетьеръ, какъ критикъ, гораздо выше недавно умершаго Геннекена, пытавшагося создать нѣчто въ родѣ «органической критики» нашего Аполлона Григорьева, или представителя эпикуреизма въ литературѣ, Поля Буржэ, примѣшивающаго къ своимъ жидкимъ критическимъ выводамъ психопатическіе парадоксы.

Исторію литературнаго движенія въ прошломъ году приходится начинать съ трудовъ тѣхъ, кто уже пересталъ трудиться для современниковъ и остается жить только въ ихъ памяти. Надолго ли? На этотъ вопросъ также трудно отвѣчать, какъ сдѣлать полную и вѣрную критическую оцѣнку писателя, еще не закончившаго своего земнаго поприща. Многіе ли, въ концѣ его, остаются вѣрны, не говоримъ: своимъ убѣжденіямъ, а, по крайней мѣрѣ, или развитію своего дарованія, поддержанію его на той ступени, которая сдѣлала ихъ извѣстными? «Схоронили—позабыли», говоритъ Гамлетъ, а по отношенію къ писателямъ можно еще прибавить: позабыли такъ, какъ будто ихъ никогда и не было. Правда, для массы, для большинства они не существуютъ и при жизни,

Digitized by Google

Но и интеллигенція часто знаетъ только по имени, — и рѣдко по немногимъ произведеніямъ, — такихъ писателей, чьи имена навсегда остаются въ исторіи литературы. Кто помнитъ, напримѣръ, оригинальное выдающееся дарованіе Луизы Акерманъ, въ стихахъ которой глубокая философская мысль облекалась въ блестящую поэтическую форму? А между тѣмъ, эта писательница принадлежитъ къ такимъ рѣдкимъ явленіямъ современной соціальной жизни, что было бы непростительно умолчать о ея дѣятельности, оставившей глубокую память среди всѣхъ, кто знакомился съ этою самобытною личностью. Газеты сообщили, конечно, о смерти поэтессы, но что это были за свѣдѣнія! Не говоримъ уже о «Figaro», навравшемъ по обыкновенію, съ три короба о покойницѣ; но даже серьезный «Temps» серьезно увѣрялъ, что она умерла въ башнѣ, близъ Ниццы, гдѣ провела въ уединеніи сорокъ четыре года. Парижъ скоро все забываетъ, но онъ могъ бы припомнить, что въ немъ, пятнадцать лѣтъ назадъ, былъ салонъ поэтессы, открытый для всѣхъ ея почитателей. Въ Ниццу она пріѣхала только въ 1889 году, подышать ея теплымъ воздухомъ, и жила въ маленькой виллѣ, гдѣ не могла только принимать прежнихъ друзей, по причинѣ своей болѣзни, но гдѣ всѣ могли видѣть, какъ по саду возили 77-лѣтнюю старушку, почти совершенно лишившуюся употребленія ногъ. Но, живя въ Парижѣ, эта старушка поражала всѣхъ своею типичною физіономіею. Она носила всегда черное, очень короткое платье, маленькую шляпу съ цвѣтами и высокія мужскія ботинки. Бѣлые волосы были низко зачесаны подъ шляпку, подъ которою блестѣли большіе круглые глаза, полные ума и выразительности. Ее представляли, какъ жрицу пессимизма, но съ незнакомыми она не любила говорить ни о поэзіи, ни о философіи, а толковала о своемъ хозяйствѣ и давала рецепты вкусныхъ блюдъ. Она не обижалась, когда ей замѣчали, что выборъ такого предмета разговора — съ ея стороны аффектація и позировка. У себя, въ улицѣ Фёльянтинъ, она принимала по субботамъ, въ очень скромной квартирѣ, полутемной, такъ какъ хозяйка страдала слабостью зрѣнія. Въ крошечной гостинной сидѣла она у камина съ головою, укутанною вуалеткою, съ ногами на грѣлкѣ, вся въ черныхъ кружевахъ. Вокругъ нея размѣщались ученые, поэты, профессора, физіологи, женщины-писательницы, дамы большаго свѣта, журналисты; пріѣзжали нерѣдко Ренанъ, Сюлли-Прюдомъ. Постояннымъ посѣтителемъ былъ романистъ Барбе д'Орвильи, въ костюмѣ временъ реставраціи, въ длинномъ сюртукѣ со жгутами, нашитыми на груди, въ кружевныхъ манжетахъ и огромномъ шолковомъ галстукѣ яркаго цвѣта, также обшитомъ кружевами. Онъ былъ затянутъ въ корсетъ; его красивое, не смотря на немолодые годы, лицо было все раскрашено: волосы, длинные усы, даже брови. Въ рукѣ у него былъ всегда маленькое, карманное зеркальце, въ которое онъ поминутно раз-

Digitized by Google

сматривалъ свою всегда стройную фигуру. Этотъ оригиналъ,—авторъ порнографическихъ романовъ и рѣзкихъ статей противъ современной литературы,—пріобрѣлъ благосклонность Акерманъ, поднеся ей одно изъ своихъ произведеній съ посвященіемъ: «A la grande Diabolique». У нея онъ постоянно молчалъ, презирая все ея общество, въ которомъ болѣе всего было иностранцевъ: австрійцевъ, румынъ, датчанъ, грековъ, являвшихся на поклонъ къ знаменитой писательницѣ, которая нерѣдко читала свои стихи въ салонѣ, но чаще всего разсказывала о своей жизни, полной сильныхъ ощущеній, еще прежде чѣмъ явилась въ 1883 году ея автобіографія, приложенная къ книгѣ: «Мысли отшельницы». Жизнь эта дѣйствительно стоитъ того, чтобы прослѣдить за ея перипетіями.

Луиза-Викторія Шокэ родилась въ Парижѣ, но выросла въ деревнѣ, гдѣ въ уединеніи развилась у нея страсть къ чтенію и литературѣ. Отецъ поощрялъ въ ней эту страсть, мать удерживала ее отъ эксцентрическихъ выходокъ. Состояніе у нихъ было обезпеченное; у Луизы были прекрасные учителя, развившіе блестящія способности дѣвочки. По смерти отца, она отправилась въ Берлинъ слушать лекціи философіи, познакомилась тамъ съ французомъ Полемъ Акерманъ, которому прусское правительство поручило приготовить къ печати французскія произведенія Фридриха II. Луиза вышла за Акермана въ 1844 году, но мужъ, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ супружества, захворалъ грудной болѣзнью, которая свела его въ могилу. Луиза и тогда уже писала стихи, но не говорила объ этомъ мужу, и онъ умеръ, не подозрѣвая, что жена его обладаетъ выдающимся поэтическимъ талантомъ. «Еслибы онъ остался жить,—говорила Луиза,—я бы, вѣроятно, не напечатала ни одной строки, занятая хозяйствомъ, исполненіемъ секретарскихъ обязанностей при мужѣ и уходомъ за нимъ». Тридцатитрехлѣтняя вдова, по смерти мужа, хотѣла удалиться отъ свѣта; ея мать умерла еще до замужства дочери. Въ 1846 году она переселилась въ Ниццу, наняла въ окрестностяхъ давно заброшенный монастырь и прожила въ добровольномъ уединеніи двадцать четыре года. Разъ въ недѣлю, по воскресеньямъ, она принимала, впрочемъ, рѣдкихъ посѣтителей, сосѣднихъ крестьянъ и фермеровъ. Ее заставали всегда за книгами или въ саду, гдѣ нѣсколько рабочихъ занимались подъ ея надзоромъ цвѣтоводствомъ и огородничествомъ. Но въ то же время она писала стихи и изучала древніе и новѣйшіе языки. Ея лингвистическія знанія были солидны: она не только прочла въ подлинникѣ греческихъ поэтовъ и прониклась ихъ духомъ, но знала и восточные языки. Бесѣдуя въ Берлинѣ съ носильщиками на ихъ простонароднóмъ языкѣ, она въ Ниццѣ такъ бѣгло болтала съ торговками на ломаномъ франко-итальянскомъ жаргонѣ, что слышавшій ее профессоръ Сорбонны, ѣхавшій съ ней въ одномъ вагонѣ изъ Ниццы, упорно отказывался вѣрить, что она чистая парижанка.—Но я потому хорошо знаю мѣстное нарѣчіе, что

Digitized by Google

живу здѣсь больше двадцати лѣтъ,—говорила Луиза.—Стало быть, для того, чтобы говорить по китайски, нужно только нѣсколько времени пожить въ небесной имперіи?—замѣтилъ профессоръ.—Можно и не ѣздить такъ далеко, а выучиться ему и здѣсь, отвѣчала Акерманъ.—Не въ Ниццѣ ли?—съ усмѣшкой спросилъ собесѣдникъ.—Даже и въ Ниццѣ. Вотъ я выучилась же ему, и вамъ можетъ засвидѣтельствовать это вашъ товарищъ по университету, Станиславъ Жюльенъ, съ которымъ я переписываюсь,—скромно отвѣчала пассажирка. Собесѣдникъ ея былъ такъ пораженъ словами сосѣдки что не успѣлъ даже спросить о ея имени, когда она вышла на слѣдующей станціи, и, только вернувшись въ Парижъ, узналъ отъ Жюльена, что это была Луиза Акерманъ.

Она знала хорошо и санскритскій языкъ, что̀ доказываютъ ея «Сказки», вышедшія въ 1863 году. Между ними есть двѣ: «Савитри» и «Сакунтала», взятыя прямо съ индійскаго оригинала. Въ первой изъ нихъ, написанной стихами въ десять слоговъ, Луиза описываетъ свое супружеское счастье, такъ скоро исчезнувшее. Сказки не имѣли успѣха и прошли незамѣченными, хотя содержаніе ихъ основано на любви, какъ и «Первыхъ стихотвореній», появившихся вслѣдъ затѣмъ. Но это любовь тихая, улыбающаяся, нѣжная, чуждая волненій и увлеченій. Луиза никогда не знала страсти. Въ своей автобіографіи она говоритъ, что очень любила своего мужа, но тутъ же прибавляетъ, что она предпочитала въ немъ товарища—мужу. «Воображаю,—сознается она,—какіе холодные романы писала бы я, еслибъ принялась за нихъ. Женщины вносятъ въ нихъ всѣ увлеченія своего темперамента, но мнѣ нечего было бы вносить въ нихъ». А между тѣмъ она вдохновлялась любовными строфами Алкея, сожалѣла о нераздѣленной любви Паскаля, написала на смерть Альфреда Мюссэ стихотвореніе, полное чувства, которое «Revue des deux mondes» отказался напечатать. Въ стихахъ Акерманъ преобладаетъ любовь, но не личная, эгоистическая, а ко всему человѣчеству; въ нихъ, дѣйствительно, больше ума, чѣмъ страсти, больше мысли, чѣмъ блестящихъ картинъ и поэтическихъ образовъ. «Въ стихахъ Гюго,—говоритъ она,—столько метафоръ, антитезъ и сравненій, что ихъ немного остается на долю будущихъ поэтовъ». И, однако, въ ея «Философскихъ стихотвореніяхъ», явившихся въ 1877 году, не меньше поэзіи, чѣмъ мысли, но эта поэзія не утѣшенія и увлеченія, а разочарованія и пессимизма. Поэтесса возмущается не своею судьбою, а печальною участью всего человѣчества, «его бѣдствіями, страданіями, напрасными надеждами и стремленіями, въ силу самыхъ законовъ, въ виду равнодушной природы, съ развязкою конечнаго уничтоженія». Въ пьесѣ: «Несчастные», мученики, возставшіе изъ гроба, говорятъ: «Намъ не забыть того, что̀ мы переносили. За что страданья здѣсь обрушились на насъ? Оставь насъ позабыть, что мы на

Digitized by Google

свѣтѣ жили, что отдыхъ на землѣ нашли въ предсмертный часъ»! Но, видя въ человѣкѣ, сознающемъ свое ничтожество, игрушку безсознательной природы, она не оплакиваетъ его, а возстаетъ противъ несправедливости этой природы. Вся поэзія этой «grande revoltée», какъ ее называлъ Каро въ оцѣнкѣ ея произведеній: сплошной протестъ противъ убѣжденій, господствующихъ въ массѣ, противъ фанатизма, лицемѣрія и невѣжества толпы и ея руководителей. Но профессоръ и академикъ напрасно называетъ даровитую Акерманъ поэтомъ позитивизма. Она не вѣритъ и въ идеалы Огюста Конта, и говоритъ прямо, что позитивизмъ не побѣдилъ религіи. Ее нельзя также назвать послѣдовательницею Шопенгауера, потому что ея убѣжденія сложились, когда объ этомъ философѣ еще не имѣли понятія въ Парижѣ. Скорѣе она увлекалась въ молодости пѣвцомъ «всемірнаго и неизбѣжнаго несчастья», Леопарди. Но итальянскій поэтъ, проклиная природу, заботящуюся только о томъ, чтобы произвести человѣка, а не о томъ, чтобы ему было хорошо жить на землѣ, относится и къ людямъ съ сарказмомъ, тогда какъ Акерманъ полна къ нимъ снисхожденія. Они сходятся только въ одномъ: что лучше было бы не родиться вовсе.

Полное собраніе сочиненій Луизы Акерманъ, вышедшее въ 1885 году, заключается всего въ одномъ томѣ въ 300 страницъ съ небольшимъ. Ея автобіографія умѣщается на 12-ти страницахъ; лучшихъ пьесъ у нея не больше двадцати. Этого немного для болѣе чѣмъ полувѣковой литературной дѣятельности. Но Акерманъ больше училась сама, чѣмъ поучала другихъ, и въ ея стихахъ высказываются только личныя ощущенія этой больной дочери больнаго вѣка. Стихи эти выходятъ изъ ряда произведеній другихъ поэтовъ по своей искренности и отсутствію декламаціи. Каждое свое стихотвореніе она сама пережила и перечувствовала; основная тема ихъ—стремленіе къ истинѣ, какъ бы она ни была безпощадна; лиризмъ ея полонъ чувства, наболѣвшаго отъ страданій человѣчества. Въ пьесѣ на смерть Мюссэ она говоритъ: «ты одинъ нашелъ въ себѣ тотъ крикъ, который хватаетъ за сердце, тѣ глубокіе звуки, которые со взволнованныхъ устъ переходятъ въ сердце всѣхъ. Съ тобою, страдающій сынъ тревожнаго времени, мы соединены связью сомнѣній и скорби. Ты бросилъ въ міръ свои безсмертныя рыданья». Свое бѣгство изъ отечества, свое уединеніе она оправдываетъ въ другой пьесѣ: «такъ бѣгутъ всѣ, кого гонитъ мрачное отчаяніе; всѣ, кто видя, какъ ничтоженъ человѣкъ, какъ жизнь полна бѣдствій, не нашли въ себѣ силы любить. Я бы нашла въ себѣ эти силы, но не нашла человѣка, кому бы могла отдать ихъ. Не вѣрьте, что я равнодушно гляжу, какъ гаснутъ всѣ лучшіе дни моей жизни, всѣ улыбающіяся надежды на счастіе. Сердце можетъ умереть, но страданіе живетъ вѣчно». Философскія пьесы Акерманъ выше ея лирическихъ и воспѣваютъ мысль, науку,

Digitized by Google

соціальную жизнь, политическіе интересы. Она не ищетъ утѣшенія въ религіи, хотя «вѣрующимъ быть такъ легко: и здѣсь имъ открыты всѣ двери и тамъ открыты двери рая». У женщины-гражданки одна святая цѣль: будить спящихъ, указывать людямъ на зло, которое они терпятъ по своей же винѣ, по апатіи и отсутствію солидарности въ убѣжденіяхъ и поступкахъ. Чуждаясь всякихъ фразъ и напускнаго пафоса, она однако не остается равнодушна къ людскимъ страданіямъ, и въ пьесѣ, относящейся къ эпохѣ осады Парижа и коммуны, на его пылающихъ развалинахъ, бросаетъ горькое проклятіе всему, что̀ погубило великій городъ.

Какою напыщенною декламаціей, жалкой риторикою отзываются всѣ стихотворенія современныхъ поэтовъ, воспѣвающихъ буддистскую нирвану, шопенгауеровскій пессимизмъ, пѣсни реванша Коппэ и Деруледа, «богохульства» (Les blasphèmes) Ришпена—въ сравненіи съ искренними, глубоко выстраданными строфами Акерманъ, относящейся съ сочувствіемъ къ людямъ, не смотря на всѣ ихъ заблужденія, доходящей даже въ описаніяхъ природы, равнодушной къ людскимъ страданіямъ, до яснаго міросозерцанія Гёте и до пластическихъ картинъ ея любимаго поэта, Лукреція. Какъ мелки передъ ея дѣйствительною тоскою по міру (Weltschmerz) всѣ описанія единичныхъ и исключительныхъ страданій такихъ выродковъ человѣчества, какихъ рисуютъ Золя и современные реалисты, не говоря уже о герояхъ Мопассана, представителяхъ животно-эпикурейскихъ теорій, или о психопатическихъ субъектахъ, выводимыхъ въ романахъ Поля Буржэ и новѣйшей школы. Къ ней снисходительна нынѣшняя критика потому, что все это—молодыя силы, изъ которыхъ могутъ развиться будущіе блестящіе таланты. Все это—можетъ быть, и Акерманъ уже слишкомъ далеко простирала свою мизантропію, говоря, что не могла никогда прочесть двухъ страницъ Золя, и не признавая дарованія главы романтиковъ, Виктора Гюго. Это уже отзывается аффектаціей и можетъ объясниться только тѣмъ, что Акерманъ никогда не была молода. Говоря о своихъ уже твердо установившихся мнѣніяхъ еще въ 1852 году, она прибавляетъ: «я, должно быть, родилась сорока лѣтъ». Можетъ быть, ее потому такъ высоко и ставятъ люди, перешедшіе уже за этотъ почтенный возрастъ.

Вслѣдъ за Луизой Акерманъ умеръ послѣдній представитель романтизма тридцатыхъ годовъ, Альфонсъ Карръ,—писатель, обладавшій безспорно большимъ талантомъ, но позабытый современниками. И не мудрено: онъ умеръ 82-хъ лѣтъ, а нашъ вѣкъ, послѣ смерти Гюго и отставки Бисмарка, не хочетъ больше ни въ политикѣ, ни въ литературѣ управляться геронтократіей, которую осмѣивалъ еще Аристофанъ. Карръ прожилъ бы и до ста лѣтъ, еслибъ больше берегся и не позволялъ себѣ излишествъ, вредныхъ въ его годы. Этотъ колоссъ родился въ Парижѣ, но почему-то любилъ деревню и чистый воздухъ. Онъ не переносилъ

Digitized by Google

жизни въ душныхъ салонахъ, упражнялся въ гимнастикѣ, плаваніи, фехтованіи, гордясь болѣе тѣмъ, что вытащилъ однажды изъ воды кирасира, чѣмъ своими романами. Онъ съ гордостью носилъ медаль «за спасеніе» на своей зеленой блузѣ, гуляя даже по Парижу въ деревянныхъ башмакахъ, и не прочь былъ, чтобы объ немъ говорили газеты. На послѣдней выставкѣ былъ его портретъ съ длинною бѣлою бородою, лицомъ, загорѣвшимъ отъ солнца и напоминавшимъ матроса и садовника. Объ немъ недаромъ сказалъ давно Сальванди: «онъ будетъ довольствоваться и хижиною отшельника, только поставленною на сценѣ». Жизнь онъ велъ всегда оригинальную. Сынъ недурнаго мюнхенскаго музыканта и композитора, онъ до сорока лѣтъ былъ баварцемъ и принялъ французское подданство только въ 1848 году. Воспитывался онъ въ Парижѣ, но сильно бѣдствовалъ во время своего ученья и долженъ былъ взять мѣсто репетитора въ Бурбонской коллегіи. Онъ разсказызывалъ потомъ о своей жалкой жизни въ то время, выводя не разъ въ своихъ романахъ себя и близкихъ лицъ. Изъ тяжкаго положенія его вывела литература. Еще ученикомъ, не смотря на свою юность, Карръ началъ писать стихи и прозу, и акуратно опускалъ свои произведенія въ ящикъ съ письмами у подъѣзда редакціи «Figaro». Долгое время эти посланія не приводили ни къ какому результату, но однажды онъ увидѣлъ свою статью напечатанною въ газетѣ—и понесъ въ нее другія. Ихъ печатали охотно, платя по пяти франковъ за столбецъ, но требовали, чтобы онѣ были какъ можно короче. Стиховъ его не печатали вовсе. Въ редакціи онъ сошелся съ Леономъ Гозланомъ, Мери Жюль-Жаненомъ, Ройе, Массономъ, Ромье, и заработывалъ въ мѣсяцъ франковъ 80. Въ 1832 году онъ напечаталъ свой первый романъ: «Подъ липами», написавъ его прежде въ стихахъ, но передѣлавъ, по совѣту «Figaro», въ прозу. Романъ, написанный блестящимъ языкомъ, гдѣ иронія смѣшивается съ чувствомъ, имѣлъ успѣхъ и создалъ автору имя. О героѣ романа, Стефенѣ, говорили не меньше, чѣмъ о Вертерѣ и Рене. Затѣмъ слѣдовали: «Самая короткая дорога», «Кловисъ Госслеръ», «Часомъ позже», «Фа-діезъ», «Въ пятницу вечеромъ», «Покойный Бресье», «Женевьева» и др.—Не смотря на занимательный, бойкій разсказъ, вездѣ было множество излишнихъ отступленій, ненужныхъ эпизодовъ; вездѣ авторъ говорилъ очень много о себѣ, о своихъ привычкахъ и взглядахъ, о своей собакѣ Фрейшюцъ, о своемъ другѣ Леонѣ Гатейесѣ, какъ будто все, что касалось автора, должно было интересовать читателей. Его страсть разсказывать о себѣ доходила до того, что въ романѣ: «Самая короткая дорога» онъ описалъ исторію своей женитьбы, выставляя себя, конечно, героемъ и осуждая другихъ. Это ему, однако, не удалось, и обвиненныя имъ лица въ 1837 году возбудили противъ него процессъ. На судѣ оказалось, что Карръ, взявъ дѣвушку изъ хорошаго семейства,

Digitized by Google

бросилъ ее съ ребенкомъ послѣ 15-ти мѣсяцевъ брака. Писателю-моралисту, громившему въ своихъ романахъ пороки общества, прокуроръ и президентъ суда высказали немало горькихъ истинъ, и разведенному супругу было запрещено вступать во второй бракъ. Жена его живетъ до сихъ поръ въ Парижѣ; дочь, Тереза Карръ, умерла въ 1888 году и была также писательницею въ дѣтскихъ и семейныхъ журналахъ: «Le Musée», «La Semaine» и др. Одно время она была редакторомъ журнала: «Le Conseiller».

Въ 1839 году Карръ началъ издавать «Осы», ежемѣсячный журналъ, посвященный злобѣ дня и прославившій автора еще болѣе, чѣмъ его романы. Здѣсь онъ дѣйствительно является очень умнымъ человѣкомъ, меткимъ сатирикомъ, блестящимъ юмористомъ. Въ «Осахъ» онъ говоритъ обо всемъ: о политикѣ, литературѣ, нравахъ общества, вседневныхъ событіяхъ, даже о модахъ; говоритъ дѣльно, увлекательно, остроумно. Успѣхъ этого памфлета былъ огромный и длился десятки лѣтъ, возбудивъ множество подражаній, хотя ничто не старѣетъ такъ быстро, какъ злобы дня и полемическая литература. Карръ нажилъ своими «Осами» много денегъ, но еще больше враговъ, потому что отзывался рѣзко обо всемъ, не щадя ничьего самолюбія. Поэтесса Луиза Коле, осмѣянная имъ, нанесла ему легкій ударъ ножомъ въ спину, но Карръ отнялъ у нея ножъ и повѣсилъ у себя въ кабинетѣ съ надписью: «Данъ г-жею Коле—въ спину». Больше всего онъ обижался, что ножъ этотъ былъ кухонный. «Зарѣзать писателя, какъ цыпленка—уже слишкомъ буржуазно»,—писалъ онъ въ «Осахъ». Вообще онъ не упускалъ ни одного случая, чтобы сдѣлать себѣ рекламу чѣмъ бы то ни было: прославлялъ свои подвиги въ качествѣ моряка и рыбака; подъ конецъ жизни сдѣлался садоводомъ, открылъ въ Ниццѣ цвѣточный магазинъ, гдѣ выращивалъ и продавалъ растенія и цвѣты, повѣсивъ вывѣску: «Альфонсъ Карръ—садовникъ». Но онъ не оставлялъ и литературы до конца жизни и, пробуя нѣсколько разъ возобновить свои «Осы», часто посылалъ свои causeries въ «Figaro», «Siècle», «Moniteur», пересыпая мало интересную болтовню съ остроумными выходками и вѣрными замѣчаніями. Въ концѣ года эти мелкія замѣтки являлись въ формѣ сборниковъ подъ разными заглавіями: «Горсть истинъ», «Зерно здраваго смысла», «Точки на і», «Чѣмъ чаще это мѣняется, тѣмъ больше это—все одно и то же». Въ нихъ много парадоксовъ, но много вѣрнаго и меткаго. Ламартинъ говорилъ объ «Осахъ», что онѣ скрываютъ свое жало подъ блескомъ крыльевъ. Онъ писалъ и для театра, и издавалъ въ 1848 году журналъ для поддержанія правительства Кавеньяка, но это были неудачныя попытки. Изъ всѣхъ своихъ произведеній онъ выбралъ массу афоризмовъ, замѣтокъ, мыслей и издалъ подъ названіемъ: «Остроуміе Альфонса Карра». Въ сравненіи съ нынѣшними писателями, которыхъ хва-

Digitized by Google

таетъ на три-четыре романа, послѣ чего они начинаютъ исписываться, Карръ—талантъ рѣдкій и замѣчательный. Но для того, чтобы сдѣлаться первоклассным сатирикомъ и юмористомъ, ему недоставало твердости нравственныхъ принциповъ, выдержанности характера, отсутствія самомнѣнія. Въ наше время, больше чѣмъ когда нибудь, надо помнить слова стараго Квинтиліана, что писатель долженъ быть не только dicendi peritus, но и vir bonus.

В. Зотовъ.

(До слѣдующаго №).

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Возобновленіе парламентскихъ сессій въ конституціонной Европѣ.—Германскій рейхстагъ и превращеніе Бреславля въ укрѣпленный лагерь.—Правительственное миролюбіе и газетная вражда къ Россіи. — Прусскій календарь и подвизающійся въ немъ бѣглый балтіецъ.—Оппозиція стараго канцлера. — Военныя мѣры Пруссіи. — Митавская газета, сбирающаяся мѣшать франко-русскому союзу.—Толки о разоруженіи.—Нѣмецкая печать и нѣмецкій сепаратизмъ.—Финляндскія брошюры и личная унія.—Бывшій сенаторъ, признающій только „общаго монарха“.—Русская безпечность и финляндскія интриги.—Наивные вопросы и Готскій альманахъ.—Французскій парламентаризмъ.—Избраніе Фрейсинэ въ сенаторы и академики.—Фальсификація Подлевскаго и его дѣйствительная исторія. — Индійскій и англійскій парламентъ.—Прелюбодѣйство и политика.

Парламентская жизнь, послѣ новогоднихъ праздниковъ, началась съ усиленною дѣятельностью во всѣхъ конституціонныхъ державахъ Европы. Вездѣ министерскіе и оппозиціонные ораторы, повторяя газетныя увѣренія, толкуютъ о неизмѣнно миролюбивомъ настроеніи правителей и кабинетовъ, и ручаются за прочность дружественныхъ международныхъ отношеній, по крайней мѣрѣ, въ теченіе всего наступившаго года. Въ палатахъ идутъ пренія только по внутреннимъ вопросамъ; по внѣшнимъ, дипломатія ведетъ переговоры только относительно заключенія торговыхъ трактатовъ и пересмотра тарифовъ. Однимъ словомъ, сущая идиллія и если германскій канцлеръ упорно не хочетъ сбавить высокихъ пошлинъ за ввозъ русскаго хлѣба, а берлинская биржа, расхваливая нашу государственную роспись на 1891 годъ, даетъ все таки 235 марокъ за сто рублей, когда въ прошломъ августѣ давала 260,—это нисколько не нарушаетъ увѣренности въ прочности мира. Не нарушаютъ его и колоссальныя работы, начатыя по укрѣпленію Бреславля, единственнаго слабаго пункта, остававшагося незащищеннымъ противъ на-

Digitized by Google

паденія со стороны русской границы. Всего комичнѣе, что работы эти ведутся въ строжайшемъ секретѣ, какъ будто можно тайкомъ отъ всѣхъ превратить цѣлый городъ въ укрѣпленный лагерь. За намекъ въ рейхстагѣ на эти работы, Каприви такъ разсердился, что обозвалъ чуть не измѣнникомъ отечества члена парламента, позволившаго себѣ обратить вниманіе на этотъ предметъ. А членъ рейхстага Рихтеръ не успѣлъ даже сообщить товарищамъ, что прусскіе инженеры наблюдаютъ за работами въ крѣпости—въ статскихъ платьяхъ и въ цилиндрахъ, а солдатъ, исполняющихъ работы, одѣваютъ въ клеенчатые плащи и шапки наемныхъ рабочихъ. Каприви началъ такъ кричать на Рихтера: «неправда! ложь!» что удивилъ даже консерваторовъ.

Но что̀ уже вовсе не комично—это постоянное возбужденіе нѣмецкими публицистами вражды къ Россіи въ ихъ соотечественникахъ. Говорятъ: правительство не отвѣчаетъ за газетныя мнѣнія и выходки. Это совершенно справедливо, хотя при Бисмаркѣ, по его командѣ, выходки эти, появлявшіяся одновременно во всѣхъ концахъ Германіи, легко сбивали съ толку общественное мнѣніе. Теперь «фондъ для пресмыкающихся» значительно сократилъ свои подачки, но нападки на Россію, сдѣлавшись рѣже въ газетахъ, нисколько не сдѣлались отъ этого мягче. Да и однѣ ли газеты занимаются систематическимъ осужденіемъ всего, что̀ дѣлается у насъ? Въ Берлинѣ, на новый годъ вышелъ «Національный германскій календарь», въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ, изданіе если не прямо правительственное, то охотно имъ распространяемое и поддерживаемое. Въ этомъ календарѣ помѣщена статья Эрвина Бауера о Прибалтійскомъ краѣ, и авторъ открыто призываетъ всѣхъ нѣмцевъ «выступить на защиту нашихъ угнетаемыхъ остзейскихъ единоплеменниковъ». Не говоримъ уже о томъ, что Бауеръ—чистокровный балтіецъ, уроженецъ Пернова, воспитанникъ тамошней гимназіи и дерптскаго университета, бывшій редакторъ «Ревельской газеты», который такъ задорно всталъ это изданіе, что бѣжалъ наконецъ въ Германію, откуда и продолжаетъ воевать съ Россіей. Бауеръ говоритъ прямо, что балтійскій вопросъ—вопросъ вовсе не внутренно-русскій, а національно-германскій и то, что̀ теперь происходитъ въ краѣ—есть страница нѣмецкой національной исторіи, трагедія, заслуживающая самаго искренняго участія нѣмецкаго народа. Балтійское море—говоритъ Бауеръ—море германское, и рано или поздно Германія сознаетъ необходимость распространить свое политическое вліяніе и на русское балтійское побережье. Поэтому Германіи слѣдовало бы и нынѣ принять участіе въ судьбахъ балтійцевъ, стремящихся къ возсоединенію съ ихъ нѣмецкимъ отечествомъ. Для подкрѣпленія откровенно сепаратистическихъ стремленій, Бауеръ утверждаетъ, что Ливонія не покорена Россіей, а присоединилась къ ней добровольно, и Петръ I гарантировалъ нѣмецкое преподаваніе въ университетѣ

Digitized by Google

(котораго еще тогда и не было!). Вотъ заключительныя слова Бауера по этому вопросу: «Сопротивленіе балтовъ, не смотря на всѣ насильственныя мѣры, еще не сломлено, и если они встрѣтятъ поддержку въ Германіи, то, быть можетъ, имъ удастся выдержать борьбу до великаго разсчета между германскимъ и русскимъ народомъ; а разсчетъ этотъ не за горами. Тогда балтійскій край снова станетъ тѣмъ, чѣмъ онъ всегда былъ: германскимъ форпостомъ на границѣ славянства». Это ли еще не мирное настроеніе нѣмецкой печати? Не мудрено, что одинъ изъ органовъ Бисмарка, раздраженный тѣмъ, что на стараго канцлера лаютъ его бывшіе прихвостни, намекнулъ, что Бисмарку ничего бы не стоило, обнародовавъ кое-какіе документы, положить конецъ дружественнымъ отношеніямъ Россіи къ Германіи.

Вліянію стараго канцлера приписываютъ и то обстоятельство, что извѣстіе о секретномъ укрѣпленіи Бреславля явилось первоначально не во французскихъ или русскихъ газетахъ, а въ англійскомъ органѣ, до того времени сообщавшемъ только пріятныя Берлину извѣстія. Въ столицѣ Пруссіи, какъ и въ Вѣнѣ, вся офиціозная печать поднялась на Бисмарка за то, что онъ предостерегаетъ Германію отъ слишкомъ тѣснаго союза съ Австріею. Переговоры этихъ державъ о введеніи диференціальныхъ пошлинъ въ пользу Пруссіи—органъ Бисмарка: «Гамбургскія извѣстія» назвали экономическою контрибуціею за политическій союзъ; это вывело изъ себя австрійскихъ жидовъ, а слѣдовательно и министерство. Они начали въ одинъ голосъ доказывать всѣ преимущества таможеннаго соединенія, о которомъ теперь идутъ переговоры, и говорятъ прямо, что до паденія Бисмарка союзъ съ Германіей былъ выгоденъ только для нея, а теперь будетъ полезенъ и для Австріи, благодаря искренности и прямотѣ нынѣшняго прусскаго правительства, тогда какъ Бисмаркъ изъ личной зависти старается помѣшать этому союзу. Газета Бисмарка увѣряетъ также, что Каприви употребляетъ всѣ усилія, чтобы склонить на сторону правительства партію Виндгорста, безъ которой немыслимо большинство въ рейхстагѣ. Этимъ клерикаламъ и ретроградамъ обѣщаютъ возвратить не только капиталъ, образовавшійся изъ конфискованнаго содержанія римско-католическаго духовенства, но и такъ называемый вельфско-ганноверскій фондъ, изъ котораго Бисмаркъ такъ щедро выдавалъ субсидіи своимъ рептиліямъ. Все это весьма возможно, особенно въ виду того, что партія свободномыслящихъ въ парламентѣ, подъ предводительствомъ Рихтера, требуетъ не только пониженія хлѣбныхъ пошлинъ до размѣра, существовавшаго въ 1887 году, но и совершенной отмѣны всякой пошлины на хлѣбъ, скотъ, пищевые продукты и лѣсъ. Кромѣ того, соціаль-демократы требуютъ отмѣны всѣхъ привилегій и льготъ, какими пользуются винокуренные заводчики и сахаровары, учреждающіе постыдныя стачки подъ видомъ преміи за нормировку и вывозъ сахара.

Digitized by Google

Что все вниманіе миролюбивой и дружественной къ намъ Пруссіи обращено теперь на ея восточную границу, доказываетъ настойчивое требованіе военнаго министра отъ желѣзнодорожнаго управленія—дѣятельно увеличить свою смѣту расходовъ для представленія ея въ рейхстагъ. Генеральный штабъ находитъ нынѣшнее число рельсовыхъ путей въ Помераніи и Восточной Пруссіи недостаточнымъ и требуетъ сооруженія новыхъ желѣзныхъ дорогъ—къ концу будущаго года. Заказаны уже рельсы, 250 паровозовъ и 1,500 вагоновъ. Сверхъ того, открытъ конкурсъ на возможно лучшую модель снѣгоочистительной машины, необходимой на случай мобилизаціи въ зимнее время. Это ли еще не мирное настроеніе уже не печати, а самого правительства?..

Другой, не менѣе откровенный, хотя и анонимный балтійскій патріотъ такъ выражается въ «Крестовой Газетѣ», постоянно клевещущей на Россію, «во имя Бога и отечества» (извѣстно, что этотъ девизъ: Für Gott und Vaterland взятъ эпиграфомъ газетою): «Московитъ, не смотря на то, что мы состоимъ съ нимъ подъ одною державой почти 180 лѣтъ, остается для насъ тѣмъ же наслѣдственнымъ врагомъ, какимъ онъ былъ въ продолженіе нашей семисотлѣтней исторіи и какимъ онъ выказалъ себя при разрушеніи всей нашей культуры. Ненависть и презрѣніе къ нему наполняетъ наши сердца, а рабскую благодарность за постоянное нарушеніе нашихъ правъ нельзя получить отъ уважающихъ себя порядочныхъ людей. Этого русскій, конечно, не понимаетъ, а всегда остается низкимъ рабомъ, какъ въ своей преданности, такъ и въ своемъ возмущеніи». Но, оплакивая угнетеніе, которому подвергается населеніе балтійскихъ губерній, наши лойяльные нѣмецкіе патріоты не теряютъ надежды на будущее и говорятъ: «божьи мельницы мелютъ медленно, но зато вѣрно (а газетныя мельницы мелютъ быстро, зато плохо), и если настоящее поколѣніе не доживетъ до спасенія, то мы все таки не отчаиваемся въ будущности нашей церкви и нѣмецкой культуры Прибалтійскаго края». Въ унисонъ съ «Kreuzzeitung» и другія нѣмецкія газеты сообщаютъ о Россіи возмутительныя нелѣпости. «Kölnische Zeitung» увѣряетъ, что изъ послѣдняго выпуска николаевской академіи генеральнаго штаба офицеровъ - лютеранъ съ нѣмецкими фамиліями отправляютъ только за это во Владивостокъ, или не допускаютъ вовсе къ экзамену въ академію. Но недоброжелательство къ намъ прусскихъ газетъ еще понятно, а вотъ изъ-за чего горячатся иногда наши собственныя газеты, издающіяся въ Россіи, хоть и на нѣмецкомъ языкѣ, это трудно понять. Противъ Россіи онѣ, конечно, ничего не высказываютъ, новозстаютъ за то на дружественную и сочувствующую намъ Францію. И отчего, подумаешь, сыръ-боръ загорѣлся? Парижская газета «Matin» помѣстила статью о дерптскомъ университетѣ и строго отнеслась къ его нынѣшнимъ порядкамъ или, вѣрнѣе, безпорядкамъ и безобразіямъ, чинимымъ буршами, одобривъ вводимыя ре-

Digitized by Google

формы. За это «Митавская Газета» обрушилась на бѣдныхъ французовъ и говоритъ, что, «обвиняя русскихъ нѣмцевъ, они ни на шагъ не приблизятся къ горячо желаемому ими франко-русскому союзу. Никто въ Россіи не думаетъ, что въ Прибалтійскомъ краѣ вводятся реформы для того, чтобы улучшить мѣстныя учрежденія; не улучшить хотятъ эти учрежденія, а только замѣнить ихъ русскими—по политическимъ соображеніямъ... Что же касается русскихъ нѣмцевъ—а число ихъ велико — то они, не смотря на наступившія для нихъ нынѣ тяжелыя времена, достаточно сильны, и французская печать своими нападками на нихъ создаетъ себѣ озлобленнаго врага, который воспользуется своимъ вліяніемъ въ Россіи, чтобы руками и ногами бороться противъ сближенія съ Франціей». Такимъ образомъ, «Митавская Газета» почти объявляетъ войну Франціи, и во всякомъ случаѣ сбирается руками и ногами мѣшать ея союзу съ Россіей. Не говоримъ уже о томъ, что всякій, кто признаетъ вводимыя въ Прибалтійскомъ краѣ реформы улучшеніемъ мѣстныхъ учрежденій, считается озлобленнымъ врагомъ нѣмецко-балтскихъ литератовъ. Нечего и говорить уже что всѣ правительственныя мѣры, вводимыя, наконецъ, твердо и настойчиво въ краѣ, совсѣмъ было онѣмечившемся, принимаются съ упорнымъ, хотя и пассивнымъ сопротивленіемъ, а безучастность и апатичность мѣстнаго русскаго элемента дѣлаетъ возможными подчасъ такія явленія и выходки, которыя возвращаютъ насъ къ прежней системѣ управленія краемъ

И въ такое-то время поднялись опять толки о всеобщемъ разоруженіи. Починъ въ этомъ вопросѣ приписываютъ, конечно, все тому же лицу, которое разомъ взялось за всевозможныя реформы и быстротою своихъ плановъ сбило съ толку всѣхъ государственныхъ людей Европы, привыкшихъ спѣшить медленно. Этой быстротѣ Вильгельмъ II задумалъ подчинить не только политику и администрацію, но и науку, и, не давъ времени ученому медику изслѣдовать свое открытіе, потребовалъ немедленнаго обнародованія его и примѣненія къ лѣченію. Оказалось, что не всегда выгодно торопиться опытами, еще невполнѣ изученными и подтвержденными, хотя Кохъ, понявъ все неудобство держать въ секретѣ свою лимфу противъ чахотки, объявилъ, что она не болѣе, какъ настойка изъ тѣхъ же чахоточныхъ бациллъ; но это объясненіе нисколько не увеличило вѣры въ непогрѣшимое дѣйствіе цѣлебнаго средства. Та же поспѣшность можетъ повредить и общественнымъ реформамъ. По вопросу о разоруженіи не было еще до сихъ поръ не только никакихъ переговоровъ, но даже простаго обмѣна мыслей между дипломатами. Да и какъ понимать это разоруженіе? Конечно, не въ смыслѣ уничтоженія армій, пушекъ, крѣпостей, а въ смыслѣ ихъ сокращенія. Но и тутъ сокращеніе, пропорціональное населенію, немыслимо: держава, въ которой больше всего

Digitized by Google

жителей, будетъ всегда сильнѣе другихъ и численностью своихъ солдатъ. Во Франціи 35 мильоновъ населенія, въ Германіи 45, но теперь у Франціи войска больше, чѣмъ во всей германской имперіи. Какъ же она согласится уменьшить его, пропорціонально съ населеніемъ, то есть сдѣлаться вдругъ слабѣе? Уменьшить численность всѣхъ европейскихъ армій на сто, двѣсти тысячъ?—но у Англіи, напримѣръ, сильной своимъ флотомъ, не найдется столько войска подъ ружьемъ и во всѣхъ ея колоніяхъ, а если Австрія или Италія сократятъ свой флотъ на десятокъ другой судовъ каждая, что́ же у нихъ останется? Не орудія войны слѣдуетъ уничтожать, а поводы къ ней, но возможно ли это при нынѣшнихъ международныхъ отношеніяхъ? Покуда у Франціи будетъ хоть горсть солдатъ, она будетъ стараться вернуть себѣ отторгнутыя у нея провинціи, а горсть нѣмцевъ будетъ удерживать свое завоеваніе. Пока Австріи не дадутъ серьезнаго урока, чтобы она не думала о захватѣ балканскихъ государствъ, она будетъ вести подпольныя интриги на полуостровѣ, надѣясь на тайную поддержку Германіи. А исчезнутъ эти двѣ причины тревожнаго состоянія политической Европы—найдутся другія, въ родѣ почти открыто высказываемой Англіею претензіи владѣть Константинополемъ. Какое же разоруженіе возможно при подобныхъ условіяхъ? При невозможности уничтоженія поводовъ къ войнѣ, остается одна надежда на науку, что она изобрѣтетъ какое нибудь новое орудіе разрушенія, уничтожающее разомъ тысячи человѣческихъ жизней и цѣлыя укрѣпленія. При возможности истребить вдругъ цѣлую армію противника, самое существованіе этихъ армій должно подвергнуться измѣненію. Вильгельмъ II ждетъ какихъ-то чудесъ отъ бездымнаго пороха. На обѣдѣ у министра финансовъ Микеля, императоръ объявилъ, что не вѣритъ въ возможность воинственныхъ отношеній: Германія «сыта» и не мечтаетъ о завоеваніяхъ, да и изобрѣтеніе бездымнаго пороха «поведетъ, можетъ быть, къ тому, что прекратитъ эру войнъ». Но новый порохъ вовсе не такое орудіе истребленія, которое положило бы конецъ войнѣ. Чтобы достигнуть этой цѣли, слѣдуетъ скорѣе усовершенствовать всѣ эти мелениты, панкластиты, робуриты и другіе динамитные составы, разрушающіе цѣлыя крѣпости и корабли. Французская печать съ ироніей относится ко всѣмъ толкамъ о разоруженіи. Деруледъ издалъ брошюру: «Désarmement», въ которой говоритъ прямо, что конецъ нынѣшнему тревожному положенію можетъ положить одна война.

Германская журналистика сначала почти ничего не говорила объ этомъ предметѣ, но теперь вдругъ начала, точно по данному сигналу, разработывать эту тему. Одинъ изъ бывшихъ органовъ Бисмарка, «Биржевой Курьеръ», говоритъ: «въ продолженіе многихъ лѣтъ, мы были свидѣтелями непрекращавшихся угрозъ миру и постояннаго науськиванья одного европейскаго народа противъ другаго (а кто же упражнялся въ

Digitized by Google

этомъ усерднѣе бывшаго канцлера)? Но, не смотря на это, никто не рѣшился взять на себя отвѣтственность—довести дѣло до войны (Бисмаркъ пробовалъ, какъ извѣстно, и это въ 1875 году, но Россія не позволила ему придираться къ Франціи). Безусловное нерасположеніе къ войнѣ усилилось повсемѣстно, особенно въ правящихъ сферахъ, гдѣ дѣйствительно чувствуютъ бремя отвѣтственности за мѣры, могущія повести къ нарушенію мира. Если чувство это увеличится, то предварительное условіе для разоруженія будетъ найдено». Газета не указываетъ однако, въ чемъ же состоитъ это условіе, и утверждаетъ только, что у народовъ и правителей теперь исчезли воинственныя цѣли, и монархи вскорѣ войдутъ въ соглашеніе по предмету разоруженія. Другія газеты, какъ «Національная», прямо заявляютъ, что отнынѣ Германія будетъ еще сильнѣе прежняго стремиться къ осуществленію миролюбивыхъ цѣлей. Ко всѣмъ подобнымъ идеямъ относится скептически только гамбургскій органъ Бисмарка, утверждая, что онѣ неосуществимы, потому что кто же можетъ привлечь къ отвѣтственности государство, которое нарушило бы вдругъ мирный договоръ? На это можно бы отвѣтить: да всѣ остальныя государства, которыя, по этому же договору, были бы обязаны подняться общими силами на нарушителя. Но дѣло, конечно, не въ этомъ, а въ условіяхъ разоруженія, на которыя будетъ очень трудно получить единодушное согласіе всѣхъ державъ.

И почему вздумалось вдругъ нѣмецкимъ офиціозамъ такъ дружно заговорить объ этомъ? Сосѣдей имъ бояться нечего. Изъ нѣмцевъ, не примкнувшихся еще къ общему фатерланду, австрійскіе сепаратисты такъ и льнутъ къ германской имперіи, а въ ней самой партикуляризмъ обнаруживается неопасными выходками, въ родѣ предложенія Бисмарку Мекленбургскимъ герцогствомъ мѣста перваго министра, или протестовъ клерикальныхъ органовъ Баваріи противъ извѣстія прусскихъ официальныхъ газетъ, что осенью, въ окрестностяхъ Мюнхена, будутъ большіе императорскіе маневры. Выраженіе: «Kaisermanöver» баварская печать называетъ посягательствомъ на самостоятельность и достоинство королевства. Напрасно мюнхенская «Allgemeine Zeitung» возражала на эту комическую обидчивость, что императоръ, какъ глава союзной арміи, имѣетъ право руководить маневрами баварскихъ войскъ. Газеты продолжали кричать, что въ Баваріи могутъ происходить только королевскіе маневры. Чтобы успокоить щепетильность баварцевъ, принцъ-регентъ напечаталъ официальное сообщеніе, что онъ «пригласилъ императора присутствовать на маневрахъ баварской арміи». Пока нѣмецкій сепаратизмъ будетъ высказываться въ такихъ пустыхъ мелочахъ, онъ не опасенъ для единства имперіи.

По поводу толковъ о разоруженіи журналы напоминаютъ, что объ этомъ вопросѣ говорили Фридрихъ II, Наполеонъ I и Наполеонъ III.

Digitized by Google

Первый настаивалъ на томъ, что государи, собравшись на конгреесъ, могли бы останавливать столкновенія, стоившія жизни столькимъ людямъ. Наполеонъ I сознавался, что онъ желалъ слить всѣ народы Европы въ одну націю, чтобы можно было достигнуть единенія въ области законодательства, принциповъ, мнѣній и интересовъ. Онъ былъ даже увѣренъ, что такое сплоченіе народовъ случится рано или поздно. Наполеонъ III еще въ 1864 году предлагалъ созвать общеевропейскій конгрессъ и учредить третейскій судъ для рѣшенія спорныхъ вопросовъ между державами и уничтоженія между ними соперничества, вѣчно тормозящаго успѣхи цивилизаціи. Дѣло только въ томъ, что всѣ эти три миролюбца были завоевателями и эгоистами.

Переходя отъ балтійскихъ сепаратистовъ къ финляндскимъ, мы должны отмѣтить двѣ новыя попытки нашихъ сѣверныхъ сосѣдей—обморочить русскую публику. Какой-то Неовіусъ издалъ брошюру комерческаго характера, въ которой доказываетъ, конечно, что не слѣдуетъ вводить въ Финлядію ни таможенную, ни почтовую, ни монетную реформы, объединяющія завоеванный край съ Россіею. О брошюрѣ этой распространяться не стоитъ, такъ какъ всѣ эти реформы уже вводятся и частію осуществлены, а по тому всякія жалобы на ихъ безцѣльность и несправедливость несвоевременны и запоздалы. Но другая брошюра г. Мехелина имѣетъ политическое значеніе. Она носитъ названіе: «Противорѣчатъ ли права Финляндіи интересамъ Россіи»? издана по русски въ Гельсингфорсѣ и на нее нельзя не обратить вниманія. Не знаемъ, тотъ ли это Л. Мехелинъ, который былъ цензоромъ при Николаѣ I, но онъ состоялъ членомъ финляндскаго сената въ послѣднее время и долженъ былъ оставить это званіе, вслѣдствіе несовмѣстимости его убѣжденій съ обязанностями. Брошюра написана не въ сенаторскомъ, а въ цензорскомъ тонѣ: скромно, елейно, примирительно и, повидимому, безпристрастно. Авторъ предупредительно хочетъ устранить всѣ недоразумѣнія и взаимныя ошибки путемъ разъясненій, сохраняя спокойствіе и согласіе. «Если требуется измѣнить какую нибудь деталь въ устройствѣ зданія, то не зачѣмъ колебать фундамента». Это совершенно справедливо, но надо знать, что̀ именно г. Мехелинъ считаетъ деталью. На страницѣ 20-й онъ говоритъ «объ общихъ монархахъ Россіи и Финляндіи», но неужели бывшій сенаторъ не знаетъ, что престолъ Россіи и Финляндіи нераздѣленъ, и слѣдовательно въ нихъ не можетъ быть *общаго* монарха, какъ въ государствахъ, соединенныхъ личною уніею. Эту унію г. Мехелинъ поддерживалъ и во всѣхъ своихъ прежнихъ рѣчахъ и брошюрахъ, и за нее упорно держатся его соумышленники, не признающіе завоеванія Финляндіи, а принимающіе ея добровольное присоединеніе къ Россіи, да еще на основаніи какихъ-то не существующихъ договоровъ. Всѣ эти претензіи давно уже опровергнуты офиціальными документами и книгами, но

Digitized by Google

ничего этого не хотятъ знать финляндскіе уніонисты и, добившись всякими неправдами въ шестидесятыхъ годахъ введенія у себя отдѣльныхъ таможенныхъ, почтовыхъ и мѣстныхъ льготъ, считаютъ уже ихъ неприкосновенными и не подлежащими измѣненіямъ. Видя нашу податливость въ этомъ отношеніи, они пошли и дальше, и сочинили такой новый уголовный кодексъ, который привелъ всѣхъ въ изумленіе. Его должны были ввести съ нынѣшняго года, но, по счастію, истинно русскіе люди спохватились вѣ-время и возвратили зарвавшимся финляндцамъ ихъ произведеніе для необходимыхъ измѣненій. Извѣстно, напримѣръ, постановленіе этого кодекса, что финляндцы могутъ служить, и сотнями служатъ въ Россіи, а русскіе не имѣютъ права служить въ Финляндіи. Чухонецъ можетъ быть министромъ въ Россіи, а русскій въ Финляндіи не можетъ быть и сторожемъ. Эту возмутительную несправедливость г. Мехелинъ объясняетъ тѣмъ, что для чиновника необходимо знакомство съ бытомъ и характеромъ народа, со спеціальными знаніями, какія требуются въ разныхъ отрасляхъ управленія. Но отчего же чухонецъ считается отъ рожденія способнымъ знать всѣ наши административные порядки, очень сложные, и занимать любое мѣсто въ Россіи? Вообще русскую культуру г. Мехелинъ, въ своей брошюрѣ, считаетъ гораздо ниже финляндской. Но что извинительно со стороны нѣмцевъ, которые могутъ поставить много громкихъ именъ въ параллель съ русскими именами, то уже вовсе непростительно для чухонъ съ ихъ Топеліусами и Афцеліусами.

Въ памфлетѣ Мехелина есть, впрочемъ, немало любопытныхъ указаній на то, какъ финляндцы понемногу и постепенно расширяли свои льготы и привилегіи, и присвоивали себѣ не принадлежащія имъ права. Дѣлалось это, конечно, съ помощью русскихъ людей, относившихся безпечно, по врожденной имъ халатности, къ финляндскимъ претензіямъ, постоянно усиливавшимся. Такъ, таможенная черта между Россіей и Финляндіей установлена по почину русскаго финансоваго управленія. Оно же уничтожило въ 1835 году взаимность обѣихъ частей имперіи въ торговлѣ; проэктъ ограниченія православной церкви составленъ комисіею, гдѣ большинство состояло изъ православнаго духовенства; въ 1851 году, по почину русскаго министерства внутреннихъ дѣлъ, право пріобрѣтенія недвижимой собственности въ Финляндіи предоставлено только русскимъ дворянамъ, тогда какъ въ Россіи всякій чухна можетъ пріобрѣсти все, что ему угодно; въ 1877 году, русскій министръ финансовъ высказался за необходимость золотой валюты для Финляндіи раньше, чѣмъ этотъ вопросъ былъ переданъ земскимъ чинамъ. Напрасно Александръ II, при закрытіи сейма 1863 года, говорилъ его членамъ: «не могу не сожалѣть о томъ, что нѣкоторыя пренія сейма подали поводъ къ недоразумѣніямъ касательно отношеній великаго княжества къ Россійской имперіи... Ясное пониманіе истинныхъ

Digitized by Google

пользъ Финляндіи должно склонять васъ къ упроченію, а отнюдь не къ ослабленію той тѣсной связи съ Россіею, которая служитъ несомнѣннымъ ручательствомъ благосостоянія вашей родины».

Тѣсная связь эта дошла до того, что, подъ видомъ пересмотра уголовнаго уложенія, новый финляндскій кодексъ добивается уже въ Россіи экстерриторіальности, чтобъ финляндцевъ судили по ихъ законамъ финляндцы же. Это тѣ же капитуляціи, которыя допускаются только въ сношеніяхъ съ Хивою или восточными ханствами. Бывшій сенаторъ ни слова не говоритъ объ этомъ, точно также какъ не говоритъ о томъ, что финляндцы употребляли до послѣдняго времени всѣ усилія, чтобы убѣдить Европу, что ихъ страна составляетъ какое-то особое, самостоятельное государство. Въ прошломъ году, когда многіе иностранные члены собравшагося у насъ тюремнаго конгресса отправились изъ Петербурга взглянуть и на сосѣднюю съ нами Финляндію, имъ раздавали вездѣ брошюры на французскомъ языкѣ, съ переводомъ новаго кодекса и со слезными воззваніями, чтобы цивилизованная Европа признала за Финляндіей «право быть живымъ членомъ въ кругу образованныхъ народовъ». Представителей этихъ народовъ финляндцы спрашивали очень наивно: «почему же народъ, работающій для всемірной цивилизаціи и развивающій самыя высокія правовыя идеи нашего времени, не имѣетъ права жить независимою національною и политическою жизнью?» И на такой откровенный вопросъ журнальныя статьи, особенно французскія, отвѣчали, что, конечно, Финляндія имѣетъ на это полное право. И право это признается не только журналистикой, но и официальными изданіями. До 1890 года, оракулъ дипломатіи и аристократіи, «Готскій альманахъ», въ числѣ отдѣльныхъ государствъ, показывалъ царство польское и Финляндію, но съ прошлаго года, уничтоживъ вовсе царство польское, оставилъ одну Финляндію, съ такимъ объясненіемъ: «конституціонная монархія, соединенная съ 1809 года съ Россійской имперіей подъ управленіемъ общаго монарха». Если общій монархъ г. Мехелина проникъ уже и въ документальныя изданія, то мудрено ли, что эта наглая ложь распространяется и въ періодической печати, благодаря усиліямъ всякихъ сенаторовъ и партикуляристовъ, не только изъ однихъ финляндцевъ. Тѣ кому это на руку, очень довольны что ихъ не опровергаютъ официально, а большинство истинно русскихъ людей безсильно что либо предпринять противъ такихъ тонкихъ и іезуитскихъ хитросплетеній.

Парламентская система во Франціи принимаетъ все болѣе устойчивый характеръ. Въ половинѣ января сенатъ обновился, по закону, въ своемъ составѣ, и изъ одной трети его членовъ, выбывавшихъ по очереди, вакантныя мѣста заняли чистые республиканцы. Въ числѣ трехсотъ сенаторовъ, монархистовъ и консерваторовъ—только 55. Военный министръ Фрейсинэ находился въ числѣ тѣхъ сенаторовъ, чьи полномочія

Digitized by Google

окончились 15-го января, и былъ избранъ вновь значительнымъ числомъ голосовъ. Въ рѣчи къ своимъ избирателямъ, министръ высказалъ далеко не оптимистическій взглядъ на прочность европейскаго мира. Онъ сказалъ прямо, что такъ какъ «сила» является и теперь рѣшительницей судебъ народовъ, и намъ далеко еще до царствованія «права» на землѣ, то Франція должна постоянно заботиться о довершеніи предпринятаго ею дѣла—національной обороны. Въ вооруженномъ лагерѣ, который представляетъ теперь вся Европа, хорошая армія для Франціи необходимѣе, чѣмъ для другихъ державъ. Ея боевая готовность служитъ помѣхою многимъ своекорыстнымъ расчетамъ, и поэтому въ Германіи и Австріи рѣчь Фрейсинэ названа тревожнымъ симптомомъ, нарушающимъ гармонію концерта миролюбивыхъ заявленій. Французы, конечно, противнаго мнѣнія, и совершенно довольны своимъ статскимъ военнымъ министромъ, такъ много сдѣлавшимъ для обороны страны. Это доказываетъ выборъ его не только въ сенаторы, но и въ члены академіи, хотя онъ не писалъ ничего, кромѣ сочиненій по инженерной части. Но французская академія, что́ бы ни говорили о независимости ея убѣжденій, все таки учрежденіе государственное, и потому ей очень близко политическое настроеніе правительства. Она скорѣе слѣдитъ за нимъ, чѣмъ за голосомъ общественнаго мнѣнія, и доказывала это не разъ въ ущербъ своему значенію и достоинству. Такъ, при самомъ паденіи имперіи, она выбрала въ свои члены перваго министра и ренегата Оливье, который тотчасъ же, вслѣдъ за избраніемъ въ академики, долженъ былъ съ позоромъ оставить министерскій постъ и не былъ ни разу въ академіи. Фрейсинэ будетъ вездѣ на своемъ мѣстѣ, хотя въ академіи, конечно, нужнѣе писатель и критикъ, чѣмъ министръ и инженеръ. Въ сенатѣ онъ будетъ также играть выдающуюся роль, но, при занятіяхъ по своему управленію, врядъ ли найдетъ время и возможность противодѣйствовать интригамъ и зловредному вліянію тонкинца Жюля Ферри, также выбраннаго, къ сожалѣнію, въ сенаторы, послѣ того какъ онъ провалился на выборахъ въ палату депутатовъ. Этотъ прихвостень Бисмарка, втянувшій Францію въ тонкинскую экспедицію, гдѣ легли десятки тысячъ французской арміи, также говорилъ рѣчь о необходимости реванша и о своей враждѣ къ Германіи, но на слова его не обратили вниманія даже и нѣмецкіе офиціозы. Что около этого интригана сгруппируются всѣ враги республиканскихъ учрежденій и будутъ стараться опрокинуть министерство—это несомнѣнно, но надо надѣяться, что здравый смыслъ не дастъ восторжествовать подпольнымъ каверзамъ. И палата, и вся Франція очень довольны успѣхомъ послѣдняго займа. Успѣхъ этотъ удивилъ нѣмецкія газеты и, стараясь уменьшить его значеніе, онѣ все таки сознаются, что это новая финансовая побѣда Франціи. Не смотря на такія катастрофы, какъ крахи Бонту, Панамскаго канала, учетнаго банка, на

Digitized by Google

ссуду англійскому банку 75-ти мильоновъ франковъ золотомъ; не смотря даже на то, что государственный долгъ Франціи достигъ колоссальной суммы 32 миліардовъ,—заемъ въ 870 милліоновъ былъ покрытъ въ 16½ разъ тѣмъ самымъ народомъ, который, двадцать лѣтъ назадъ, уплатилъ пять мильярдовъ контрибуціи Германіи, гдѣ съ трудомъ былъ покрытъ въ прошломъ году заемъ въ 170 мильоновъ марокъ. Нѣмцы утѣшаютъ себя тѣмъ, что въ 1870 году Франція была гораздо богаче, а все таки потерпѣла жестокія пораженія.

Дѣло объ убійцѣ генерала Селиверстова приняло опять новый фазисъ. Подлевскій объявился въ Испаніи и былъ арестованъ тамошними властями въ маленькомъ городкѣ Олото. Но вскорѣ оказалось, что это не настоящій Подлевскій, а какой-то проходимецъ, принявшій его имя для того ли, чтобы навести полицію на ложный слѣдъ, или просто для того, чтобы его привезли въ Парижъ, гдѣ его давно знаютъ, какъ порядочнаго мошенника. Это Леопольдъ Габергъ, бельгійскій уроженецъ, дезертировавшій изъ арміи и поселившійся въ Парижѣ, откуда его уже выслали однажды за участіе въ буланжистскихъ свалкахъ. Онъ поступилъ затѣмъ въ иностранный легіонъ въ Алжиріи, но былъ выгнанъ и оттуда за какое-то мошенничество. Въ Испаніи онъ бѣдствовалъ и вздумалъ назваться именемъ убійцы, чтобы пожить на казенномъ содержаніи. Между тѣмъ, арестъ Габерга поднялъ новые толки въ парижскихъ газетахъ. Радикальные органы принялись кричать даже противъ союза съ Россіею, какъ «Lanterne», органъ Флоке и министра Ива Гюйо. Эта газета говоритъ, что франко-русскій союзъ приноситъ больше пользы Россіи, чѣмъ Франціи, давшей намъ, въ конвертированныхъ займахъ, болѣе трехъ мильярдовъ въ то время, когда для насъ закрылся германскій рынокъ. Газета «Rappel» сравниваетъ Подлевскаго съ Шарлотою Корде; «Radical» говоритъ, что Франція не обязана исполнять полицейскія обязанности за другое государство, и напоминаетъ, что, когда Испанія попыталась вмѣшаться въ процессъ Людовика XVI, Дантонъ хотѣлъ объявить ей за это войну. Такими же патріотами оказались и члены апеляціоннаго суда, отмѣнившіе заключеніе въ тюрьму Лабрюйера подъ тѣмъ предлогомъ, что не доказано, чтобы репортеръ помогъ спастись именно Подлевскому. Анархистскіе органы говорятъ, что Подлевскій вовсе не нигилистъ и не анархистъ, а польскій патріотъ, мстившій Селиверстову за казнь въ 1863 году двухъ своихъ родственниковъ. Двое Подлевскихъ, дѣйствительно, были разстрѣляны за участіе въ возстаніи. Одинъ, Владиславъ, начальникъ шайки повстанцевъ, разграбилъ почтовую станцію и повѣсилъ ея смотрителя за то, что тотъ оставался вѣренъ своему долгу. Сынъ Владислава, Сигизмундъ, офицеръ гвардейской конной артиллеріи, бѣжалъ въ Парижъ, потомъ вернулся, былъ взятъ съ оружіемъ въ рукахъ и также разстрѣлянъ по приговору военнаго суда, какъ

Digitized by Google

офицеръ измѣнившій своему государству и присягѣ. Станиславъ Подлевскій, убійца Селиверстова, былъ сынъ Александра Подлевскаго, штабсъ-капитана въ отставкѣ, двоюроднаго брата казненныхъ, также участвовавшаго въ возстаніи и выданнаго крестьянами русскимъ властямъ, но умершаго до суда надъ нимъ въ госпиталѣ. Итакъ, Станиславъ мстилъ черезъ 27 лѣтъ (въ 1863 году ему было шесть лѣтъ) за троюродныхъ дядей человѣку, не участвовавшему въ усмиреніи возстанія 1863 г. и до 1878 г. бывшему въ статской службѣ, а при Мезенцевѣ служившему только два мѣсяца. Мыслимо ли все это? Воспитывавшійся въ Краковѣ, Подлевскій кончилъ образованіе въ Цюрихѣ на счетъ польской кассы, прекратившей, однако, выдачу ему субсидіи. Пріѣхавъ въ Варшаву, онъ увидѣлъ, что тамъ ему дѣлать нечего, и отправился въ Познань поднимать крестьянъ противъ нѣмцевъ. За это его посадили на три года въ тюрьму и потомъ выдали русскимъ властямъ. Въ Варшавѣ онъ притворился сумашедшимъ и былъ отправленъ подъ надзоръ полиціи въ городъ, гдѣ жила его мать. Оттуда ему удалось бѣжать, и въ 1889 году онъ явился въ Парижъ —все тѣмъ же заядлымъ полякомъ. Не ясно ли, что, убивая Селиверстова, онъ былъ только слѣпымъ орудіемъ не личной мести, а анархическихъ плановъ враговъ Россіи, которыхъ парижская полиція могла бы разыскать, еслибы не поторопилась отпустить на свободу жида Мендельсона и другихъ динамитчиковъ, замѣшанныхъ въ дѣлѣ Подлевскаго.

Недавно посѣтилъ уже Калькутту высокій русскій путешественникъ, странствующій теперь по Индіи; но мы убѣждены въ томъ, что англо-индійское правительство не предложило ему посѣтить «національный конгрессъ», собравшійся въ этомъ городѣ. Конгрессъ этотъ состоитъ только изъ туземныхъ жителей индійской имперіи и собирается уже въ шестой разъ. Англичане называютъ его иронически «индійскимъ парламентомъ», хотя его резолюціи и постановленія не имѣютъ никакого значенія въ глазахъ министерства. И однако индусы отправили на конгрессъ тысячу делегатовъ со всѣхъ концовъ страны, облеченныхъ полномочіями четырехсотмильоннаго населенія. Всѣхъ членовъ на конгрессѣ участвуетъ 6,000. Цѣль его—открыто стремиться къ политической эмансипаціи индусовъ. Теперь это не болѣе какъ сходка, допускаемая конституціей и не имѣющая никакихъ офиціальныхъ послѣдствій; но, увеличиваясь съ каждымъ годомъ, она заставляетъ кабинетъ задумываться надъ вопросомъ: чѣмъ же кончатся эти періодическія сборища туземцевъ, дѣлающіяся съ каждымъ разомъ все внушительнѣе и многолюднѣе? Индусы нашего времени далеко не тѣ, какими управляла остъ-индская компанія. Многіе изъ нихъ образованы по европейски и настойчиво требуютъ политической равноправности для своихъ соплеменниковъ. Достиженію этой цѣли мѣшаетъ только отсутствіе единодушія между разнородными индійскими племенами. Англичане смотрятъ на нихъ, какъ на низшую породу и закрыли имъ

Digitized by Google

доступъ къ управленію огромною страною, гдѣ они составляютъ однако подавляющее большинство. Даже въ туземныхъ войскахъ индусъ можетъ служить только до оберъ-офицерскаго чина и на своей землѣ не можетъ добиться справедливости и равноправности отъ горсти пришельцевъ, подчинившихъ себѣ племя мирное, но обладающее цивилизаціею, которая процвѣтала еще въ то время, когда жители Альбіона ходили раскрашенными, какъ дикари Океаніи.

Въ самой Англіи парламентская сессія еще ничѣмъ не ознаменовалась. Выбрали въ члены палаты общинъ еще одного гладстоніанца, на мѣсто правительственнаго кандидата, и этотъ единичный успѣхъ либеральной партіи замѣчателенъ тѣмъ, что въ ней не установились еще опредѣленныя отношенія къ той части ея, которую составляли парнелисты до раскола, происшедшаго вслѣдствіе упорнаго нежеланія Парнеля удалиться на время отъ управленія ирландскими гомрулерами. Цѣлый мѣсяцъ велись таинственные переговоры между «некоронованнымъ королемъ Ирландіи» и другими главами ирландцевъ: О'Бріеномъ и Диллономъ, нарочно пріѣзжавшими во Францію изъ Америки, куда они бѣжали, чтобы не быть снова посаженными въ англійскія тюрьмы за возбужденіе своего народа къ сопротивленію правительственнымъ распоряженіямъ. Однѣ газеты говорили, что Парнель готовъ передать свою власть О'Бріену; другія, что онъ требуетъ отъ Гладстона гарантіи въ поддержаніи гомрулеровъ; третьи—что онъ женится на разведенной съ мужемъ мистрисъ О'Ши, и такимъ образомъ нравственность будетъ удовлетворена, какъ будто она имѣетъ какое нибудь отношеніе къ управленію политическою партіею. Да и сколько же государственныхъ людей всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ были бы принуждены отказаться отъ всякаго участія въ общественныхъ дѣлахъ, еслибы покопаться въ ихъ частной жизни, не имѣющей ничего общаго съ политикою ихъ родины. Конечно, офиціальное названіе «прелюбодѣя», данное судомъ Парнелю, не очень красиво, но оно нисколько не уменьшаетъ услугъ, оказанныхъ имъ Ирландіи, и надо желать, чтобы его положеніе урегулировалось, наконецъ, хотя бы какимъ нибудь компромиссомъ.

Digitized by Google

НОВЫЯ КНИГИ.

Жизнь замѣчательныхъ людей. Біографическая библіотека, *Ф. Павленкова.* Три выпуска: **Жоржъ Кювье, Александръ Гумбольдтъ** и **Чарльзъ Дарвинъ**, біографическіе очерки *М. А. Энгельгардта*, съ портретами. Спб. 1891 г.

Читающая публика наша извѣрилась во многомъ, а въ томъ числѣ и въ литературной критикѣ. Для подобнаго пренебрежительнаго недовѣрія существуетъ немало основательныхъ поводовъ. Дѣйствительно, своеобразное развитіе ежедневной прессы,—какъ уже указалъ г. Ефимъ Простосердовъ въ своемъ фельетонѣ (см. № 9 «Наблюдателя» за 1890 г.),—способствовало извращенію литературной критики, забывшей даже объ именахъ Бѣлинскаго, Добролюбова и другихъ. Въ большинствѣ газетъ и даже журналовъ безпристрастная и объективная критика не существуетъ; взамѣнъ ея являются: безсодержательная библіографическая замѣтка, ничего не объясняющая читателю; ушатъ помой, выливаемый на автора книги его собратомъ по перу; и—наконецъ зазывательная реклама,—во вкусѣ мелочныхъ лавочниковъ и еврейскихъ гешефтмахеровъ. Очевидно, любознательный читатель, который желалъ бы знать мнѣніе образованнаго человѣка объ интересующей его книгѣ, остается «при пиковомъ интересѣ». Онъ наталкивается чуть-что не на такія фразы: «Такая-то книга представляетъ верхъ мерзости. Оно и понятно, такъ какъ авторъ не платитъ своей прачкѣ и до сихъ поръ не возвратилъ мнѣ двугривеннаго». Или: «Нашъ талантливый Ивановъ 123, составившій себѣ почетную извѣстность въ литературѣ, снова подарилъ намъ свое прелестное произведеніе». Пишутъ подобныя «критики и рецензіи» большею частью недоучившіеся юноши (отъ 18 до 50 лѣтъ), у которыхъ главнымъ стимуломъ служитъ построчная плата, а затѣмъ,—желаніе «удружить», въ томъ или другомъ смыслѣ, автору книги. Серьезнаго знанія предмета, умѣнья выставить дѣйствительныя достоинства и недостатки книги—искать у такихъ борзописцевъ нельзя, а потому читателю остается скромно сидѣть у моря да ждать погоды, то есть ждать, когда пройдетъ это безобразное настроеніе въ нашей литературѣ и появятся люди, которые съ бо́льшимъ уваженіемъ отнесутся и къ себѣ, и

Digitized by Google

къ читателю. А между тѣмъ нельзя сказать, чтобы наше книжное дѣло не заслуживало другаго къ себѣ отношенія.

Передъ нами первые три выпуска біографической библіотеки, задуманной Ф. Ѳ. Павленковымъ, который достаточно зарекомендовалъ себя въ дѣтской и учебной литературѣ самостоятельными работами и переводами; кромѣ того, публика достаточно знакома съ цѣлымъ рядомъ изданій г. Павленкова какъ по научнымъ предметамъ, такъ и по изящной литературѣ. Очевидно, отъ такого издателя мы вправѣ ожидать хорошаго вклада на книжный рынокъ, а поэтому остановимся на первыхъ образчикахъ задуманной имъ библіотеки, которую онъ обѣщается окончить къ 1-му января 1893 г., выпустивъ, по меньшей мѣрѣ, полтораста книжечекъ. Самая мысль ознакомить читающую публику въ популярныхъ очеркахъ съ жизнью людей, замѣчательныхъ въ исторіи различныхъ народовъ, заслуживаетъ похвалы. Русская историческая литература не отличается обиліемъ, такъ что большинство интеллигенціи пробавляется тѣми познаніями, которыя почерпаются на школьной скамейкѣ изъ учебниковъ; а эти учебники скомпонованы такъ сжато, историческіе дѣятели освѣщены такъ невѣрно, самые факты настолько извращены, что нерѣдко цѣлыя эпохи представляются въ иномъ видѣ, чѣмъ онѣ были въ дѣйствительности. Поэтому, рядъ біографическихъ очерковъ лицъ, выдѣлившихся въ области литературы, искусства, науки, религіи и политики, долженъ принести несомнѣнную пользу. Конечно, первымъ условіемъ для этого должна быть объективность автора, его безпристрастное отношеніе къ описываемому лицу и умѣнье освѣтить характерныя особенности этого лица.

Мы не станемъ передавать содержаніе трехъ очерковъ, написанныхъ г. Энгельгардтомъ и занимающихъ вмѣстѣ 280 страницъ. Отказать автору въ добросовѣстномъ отношеніи къ взятой на себя задачѣ—нельзя; чтобы очертить три такія личности, какъ Кювье, Дарвинъ и Гумбольдтъ, невозможно сѣсть и строчить съ плеча, не подумавши; очевидно, авторъ долженъ былъ собрать маторіалъ и ознакомиться съ нимъ. Прочитать же 23 сочиненія (какъ указываетъ г. Энгельгардтъ) по русски, по французски, по англійски и по нѣмецки и извлечь изъ нихъ необходимое—составляетъ трудъ не маленькій. Но тутъ авторъ дѣлаетъ промахъ, который сразу обнаруживаетъ передъ внимательнымъ читателемъ, что г. Энгельгардтъ въ дѣлѣ писанія біографій является новичкомъ. Видно это изъ того, что онъ хотѣлъ написать біографическій очеркъ,—какъ это и значится въ заглавіи,—а написалъ біографическую компиляцію. Другими словами, авторъ имѣлъ намѣреніе представить самостоятельную работу по исполненію, высказать свой личный взглядъ на Кювье, Дарвина и Гумбольдта, представить этихъ лицъ въ томъ освѣщеніи, которое ему казалось бы наиболѣе правильнымъ, но ничего этого не выполнилъ, а огра-

Digitized by Google

ничился перепѣвами съ чужаго голоса, стушевавъ безслѣдно авторское «я». Будь это статья въ пространномъ энциклопедическомъ словарѣ, гдѣ требуется только сводка всего уже извѣстнаго, то трудъ г. Энгельгардта былъ бы вполнѣ удовлетворительнымъ, но разъ онъ выступаетъ передъ публикою съ самостоятельною брошюрою, то обязанъ сказать хоть что нибудь отъ себя и тѣмъ оправдать свое появленіе на литературномъ поприщѣ. Второй недостатокъ, замѣчаемый въ очеркахъ, это ученическая робость автора въ опредѣленіи тѣхъ или другихъ явленій, тѣхъ или другихъ фактовъ. Дѣйствительно, страннымъ кажется, что авторъ обходитъ молчаніемъ фразу Кювье о томъ, что «для честныхъ людей свобода существуетъ подъ всѣми формами правленія». Принципъ «приспособленія», высказанный въ этой фразѣ, помогъ — какъ извѣстно—сыну скромнаго отставнаго офицера сдѣлаться барономъ и пэромъ Франціи; если же Кювье умѣлъ льстить властямъ только потому, что это—власти, то, очевидно, что онъ съумѣлъ бы ужиться и при какомъ нибудь восточномъ ханѣ совершая для него тоже рядъ «приспособленій». Въ обрисовкѣ Кювье эту сторону слѣдуетъ, конечно, очертить ярче, чтобы портретъ великаго ученаго вышелъ точнѣе и правдивѣе, но г. Энгельгардтъ какъ будто сконфузился передъ возможностью бросить тѣнь на пэра и ограничился неопредѣленною фразою: «Въ этихъ словахъ отчеканился *политическій кодексъ Кювье, возведшій его впослѣдствіи на вершину почестей и славы*». Что здѣсь понимать: похвалу или порицаніе? неизвѣстно То же самое повторяется и съ г-жею Гумбольдтъ. Авторъ не рѣшился дурно отозваться о ней, хотя она вполнѣ этого заслуживаетъ; онъ, какъ вѣжливый кавалеръ, не задѣлъ жену камергера и смягчилъ все, относящееся къ ней, словно боялся указать поводы дурныхъ отношеній родителей къ дѣтямъ. Это очень трогательно, но въ серьезномъ дѣлѣ неумѣстно.

Взглянемъ теперь на отношеніе г. Энгельгардта къ научной дѣятельности лицъ, описанныхъ имъ. Энциклопедизмъ Гумбольдта и разнообразіе его работъ очерчены удачнѣе, даже съ подчеркиваніями, такъ что читатель удовлетворительно знакомится съ его ученою дѣятельностью, хотя слѣдовало бы вкратцѣ передать содержаніе «Космоса», которому самъ Гумбольдтъ придавалъ большое значеніе и который вызвалъ въ свое время ожесточенныя нападки. При этомъ не мѣшаетъ указать, что авторъ пропустилъ одну подробность: ни однимъ словомъ онъ не обмолвился, что братья Гумбольдты были бароны. Относительно Кювье можно замѣтить, что, не смотря на видимыя усилія автора, его научныя работы изложены блѣдно, а сравнительная анатомія и палеонтологія объяснены, точно въ книгѣ для дѣтей. Авторъ упустилъ изъ виду, что если кто поинтересуется біографіею Кювье, то, конечно, пожелаетъ прочесть сжатую, но ясную характеристику всѣхъ его работъ; тутъ-то и является благодарный трудъ для составителя очерка: не вдаваясь въ бездну пре-

Digitized by Google

мудрости и оставаясь вполнѣ популярнымъ, отчетливо ознакомить читателя съ науками, созданными французскимъ натуралистомъ. Остается Дарвинъ, но здѣсь авторъ слабѣе всего. Суть теоріи эволюціонизма не выяснена, какъ будто г. Энгельгардтъ предполагаетъ, что съ нею хорошо знакомы всѣ читатели біографіи англійскаго ученаго; кромѣ того, онъ не обмолвился ни однимъ словомъ, что эта теорія встрѣчаетъ немало серьезныхъ и вѣскихъ возраженій, сущность которыхъ слѣдовало привести, чтобы точнѣе обрисовать состояніе современной науки. Напротивъ того, авторъ вездѣ выражается такъ, какъ будто научныя положенія Дарвина приняты въ наукѣ безусловно. Можно быть вполнѣ сторонникомъ дарвинизма, но не слѣдуетъ закрывать глаза на противниковъ этого ученія. Закончимъ нашу замѣтку пожеланіемъ, чтобы г. Энгельгардтъ въ слѣдующихъ своихъ очеркахъ выказалъ больше самостоятельности мысли, серьезнѣе вдумался въ свою работу и далъ бы намъ болѣе законченные біографическіе этюды.

Меліораціонный кредитъ и состояніе сельскаго хозяйства въ Россіи и иностранныхъ государствахъ. Изслѣдованіе *И. С. Бліоха*. Спб. 1890 г.

Имя г. Бліоха не безъизвѣстно нашей читающей публикѣ, благодаря его солиднымъ изслѣдованіямъ о русскихъ финансахъ XIX-го вѣка и желѣзнодорожномъ хозяйствѣ. Въ настоящее время, г. Бліохъ издалъ новый трудъ, который появился какъ нельзя болѣе кстати, въ виду пересмотра таможеннаго тарифа. Извѣстная часть нашей печати, а также само министерство финансовъ, склоняется въ пользу еще бо́льшаго увеличенія нашего тарифа и установленія запретительныхъ пошлинъ на нѣкоторые предметы, причемъ интересы сельскаго хозяйства—этого главнаго источника нашего богатства—игнорируются совершенно. Книга г. Бліоха явилась во-время: изъ нея можно почерпнуть немало поучительныхъ совѣтовъ для нашей экономической политики. Здѣсь собрано очень много данныхъ о состояніи меліораціоннаго кредита въ Англіи, Германіи, Бельгіи, Франціи, Испаніи, Португаліи, Румыніи, Турціи и Россіи. Изъ подробныхъ очерковъ исторіи и организаціи меліораціоннаго кредита на западѣ, весьма точно разработанныхъ на основаніи новыхъ данныхъ, можно убѣдиться, какъ мало сдѣлано въ этомъ направленіи у насъ; какъ мы,—по преимуществу народъ земледѣльческій,—отстали отъ нашихъ сосѣдей. У насъ, за послѣднюю четверть вѣка, въ земледѣліи, вмѣсто прогресса, замѣтны разные признаки упадка, не смотря на усиливающійся вывозъ зернового хлѣба. Повсюду замѣчается тотъ фактъ, что почва все болѣе и болѣе истощается; что многіе помѣщики сократили у себя собственныя запашки, что число крупныхъ правильно устроенныхъ хозяйствъ съ каждымъ годомъ сокращается и урожайность слабѣетъ, подъ вліяніемъ плохой обработки земли и хищническаго способа веденія сельскаго хозяйства. Въ то

Digitized by Google

время какъ на западѣ Европы и въ Америкѣ общій доходъ съ земледѣльческой промышленности, по вычисленіямъ Вассераба, возросъ въ періодъ съ 1861 — 1885 годъ на 3,170 мил. марокъ вслѣдствіе постепеннаго перехода къ интенсивной культурѣ, *доходность нашей земледѣльческой промышленности постепенно падаетъ*. Общій упадокъ цѣнъ на сельскіе продукты съ 1872 — 1889 г. составилъ въ Россіи: *на пшеницѣ 42 проц., на ржи 46 проц., на овсѣ—34 процента*. «Если все это предоставить естественному теченію,—говоритъ авторъ,—то можно предвидѣть, что земледѣльческая промышленность будетъ болѣе и болѣе падать. Чѣмъ болѣе успѣха будутъ дѣлать конкурирующія съ нами государства и чѣмъ болѣе будутъ вслѣдствіе того падать цѣны на земледѣльческіе продукты, тѣмъ менѣе будетъ спроса на наши произведенія, потому что таковыя, какъ менѣе доброкачественныя, будутъ находить меньшій кругъ покупателей» (стран. 149). Въ виду такого плачевнаго состоянія нашего сельскаго хозяйства, авторъ находитъ необходимымъ приступить, по примѣру западныхъ государствъ, къ насажденію у насъ *меліораціоннаго кредита*, т. е. такого кредита, который способствовалъ бы поднятію доходности земли болѣе интенсивнымъ способомъ ея обработки, примѣненіемъ лучшихъ земледѣльческихъ орудій, осушеніемъ болотъ, дренажемъ, орошеніемъ полей и т. п. Для этой цѣли уже повсемѣстно въ Европѣ существуютъ особыя кредитныя учрежденія, выдающія ссуды на улучшеніе (меліорація) земледѣльческой промышленности. Въ Англіи, помимо краткосрочнаго кредита по 4 проц. годовыхъ, выдаются ссуды изъ государственнаго казначейства на различныя улучшенія въ сельско-хозяйственномъ быту. До конца 1878 г., на отдѣльныя земельныя меліораціи затрачено 4.511,020 ф. стерл. Въ Германіи существуютъ такъ называемыя Landesculturrentenbank'и, выдающіе ссуды на улучшенія въ сельскомъ хозяйствѣ, въ особенности для дренажа. Необходимыя денежныя средства достаются посредствомъ выпуска 4-проц. непрерывно-доходныхъ билетовъ культуры земли (Landescultur-Rentenscheine). Всѣ эти банки существуютъ и дѣйствуютъ на основаніи закона 1879 г. Въ Австріи тоже существуютъ различныя кредитныя учрежденія для меліораціонныхъ цѣлей: Oesterreichische Boden Credit-Anstalt въ Вѣнѣ, затѣмъ Bank Krajowy въ Галиціи, и Ungarische Allgemeine Boden Credit-Anstalt въ Пештѣ. Въ Россіи нѣтъ ни одного такого учрежденія, если не считать ссудо-сберегательныхъ товариществъ, которыя въ началѣ обратили на себя общественное вниманіе, а потомъ какъ-то все утихло и эти благія для нашего сельскаго хозяйства учрежденія поблекли, не пустивъ даже ростковъ. Сопоставивъ данныя, приводимыя авторомъ относительно меліораціоннаго кредита у насъ и на западѣ, можно вынести несовсѣмъ отрадное впечатлѣніе о будущности нашей сельско-хозяйственной промышленности, и такъ уже находящейся въ крайнемъ загонѣ, вслѣдствіе все бо́льшаго увле-

Digitized by Google

ченія протекціонизмомъ. Не мѣшало бы, чтобы наши земскіе дѣятели и правительственные органы, заботящіеся о сельской промышленности, обратили вниманіе на трудъ г. Бліоха; они вынесутъ изъ этой книги много поучительнаго и полезнаго. Россія, въ промышленномъ отношеніи, представляетъ государство почти исключительно земледѣльческое; поэтому усовершенствованіе въ Россіи сельскаго хозяйства, учрежденіе меліоративныхъ банковъ,—какъ указываетъ г. Бліохъ,—представляетъ предметъ первостепеннаго значенія, отъ котораго зависитъ государственное и народное богатство.

НАШИ ВНУТРЕННІЯ ДѢЛА.

Итоги государственнаго бюджета на 1891 годъ. — Оригинальный пріемъ вычисленія возможныхъ поступленій. — Къ чему стремится министерство финансовъ?—Поддержка другихъ вѣдомствъ.—Данныя о государственныхъ расходахъ.—Сравнительная вѣдомость расходовъ по отдѣльнымъ вѣдомствамъ.—„Lieder ohne Worte“, или цифры безъ коментаріевъ.—Новый источникъ для покрытія чрезвычайнаго бюджета.—Свободная наличность государственнаго казначейства.—Приключенія съ кредитнымъ рублемъ.—Объясненіе этого явленія у насъ и за границей.—Кто можетъ и кто не долженъ играть на биржѣ.—Не въ свои сани не садись.—Новое общество для вспомоществованія переселенцамъ.—Почтенныя задачи этого общества.—Печальная картина переселенческихъ мытарствъ. — Куда бы слѣдовало направить переселенцевъ?

Обыкновенный государственный бюджетъ на нынѣшній 1891 г.,—подобно бюджетамъ трехъ предшествующихъ лѣтъ,—также заключенъ не только безъ дефицита, но съ небольшимъ превышеніемъ доходовъ надъ расходами, составляющимъ 1.868,549 руб. Итакъ, небольшой излишекъ обыкновенныхъ доходовъ противъ расходовъ въ нашемъ государственномъ бюджетѣ сталъ такимъ же обычнымъ явленіемъ, какъ нѣкогда, т. е. до вступленія въ министерство И. А. Вышнеградскаго, хроническій дефицитъ. Тѣмъ не менѣе, министръ финансовъ и на этотъ разъ считаетъ необходимымъ подробно объяснить во всеподданнѣйшемъ докладѣ основательность предположенныхъ поступленій государственныхъ доходовъ въ нынѣшнемъ году. Для того чтобы доказать, съ какою осторожностью исчислены ожидаемые на нынѣшній годъ доходы, министръ финансовъ употребляетъ весьма назидательный и, вмѣстѣ съ тѣмъ, крайне оригинальный пріемъ. А именно: сопоставляются предположенныя по росписи на 12 мѣсяцевъ 1891 г. обыкновенныя (за вычетомъ оборотныхъ) поступленія (897.198,944 р.) съ дѣйствительными доходами, также за вычетомъ оборотныхъ, въ теченіе наиближайшихъ къ разсматриваемому году двѣнадцатимѣсячныхъ періодовъ. Съ этою цѣлью, изъ свѣдѣній, публикуемыхъ ежемѣсячно министерствомъ финансовъ о поступленіи доходовъ,—по исправленіи этихъ свѣдѣній во всѣхъ тѣхъ частяхъ, которыя уже обревизованы государственнымъ контролемъ,—сдѣлана выборка обыкно-

Digitized by Google

венныхъ поступленій (кромѣ оборотныхъ) за послѣдовательные двѣнадцатимѣсячные періоды, начинающіеся 1-го января, 1-го февраля, 1-го марта, 1-го апрѣля, 1-го мая, 1-го іюня, 1-го іюля, 1-го августа, 1-го сентября и 1-го октября 1889 г. и оканчивающіеся въ соотвѣтствующія числа 1890 г. При этомъ, таможенные доходы за каждый изъ указанныхъ періодовъ уменьшены въ отношеніи 160 къ 170, въ виду. принятаго по росписи 1891 г. исчисленія золотаго рубля по цѣнѣ 1 р. 60 к. вмѣсто 1 р. 70 к. кред., какъ это было предположено росписями 1889 и 1890 гг.

Изъ упомянутой выборки усматривается, что дѣйствительныя поступленія за десять означенныхъ двѣнадцатимѣсячныхъ періодовъ представляются слѣдующими цифрами:

За двѣнадцатимѣсячные періоды, начинающіеся:	Поступило доходовъ обыкновенныхъ, кромѣ оборотныхъ, въ милліонахъ рублей.
1-го января 1889 г.	916,091 мил. руб.
1-го февраля » »	916,560 » »
1-го марта » »	912,610 » »
1-го апрѣля » »	910,355 » »
1-го мая » »	915,283 » »
1-го іюня » »	919,775 » »
1-го іюля » »	919,187 » »
1-го августа » »	916,861 » »
1-го сентября » »	918,622 » »
1-го октября » »	924,507 » »

Какъ видно, изъ всѣхъ десяти ближайшихъ двѣнадцатимѣсячныхъ періодовъ, за которые доходы теперь уже приведены въ извѣстность, наименьшую сумму—910,355 мил. руб.—далъ періодъ отъ 1-го апрѣля 1889 г. по 1-е апрѣля 1890 г.; по росписи же 1891 года годовое поступленіе тѣхъ же доходовъ исчислено лишь въ суммѣ 897,199 мил. руб.

Казалось бы, что прямое сравненіе этихъ чиселъ достаточно свидѣтельствуетъ о той осторожности, съ которою произведено исчисленіе доходовъ по бюджету 1891 года. Но, не довольствуясь этимъ, министръ финансовъ счелъ еще нужнымъ сравнить предположенныя поступленія по росписи съ суммою, которая получается чрезъ сложеніе отдѣльныхъ видовъ доходовъ, взятыхъ за тотъ изъ десяти упомянутыхъ двѣнадцатимѣсячныхъ періодовъ, за который каждый отдѣльный доходъ поступилъ въ наименьшемъ размѣрѣ. Счетъ, такимъ образомъ составленный, съ обозначеніемъ, какому именно двѣнадцатимѣсячному періоду соотвѣтствуетъ наименьшая величина каждаго изъ доходовъ, также приложенъ ко всеподданнѣйшему докладу; изъ него видно, что исчисленная указаннымъ способомъ сумма составляетъ 888,643 мил. руб. и, слѣдовательно, она меньше предположенной на 1891 г. суммы обыкновенныхъ, — за вычетомъ оборотныхъ, — доходовъ (897,199 м. руб.) лишь на 8,556 мил. руб.

Digitized by Google

Такая пространная аргументація, въ подтвержденіе вѣроятности осуществленія предположенныхъ по смѣтѣ 1891 г. доходовъ, тѣмъ болѣе назидательна, что нынѣшнему министру финансовъ и въ прошломъ году нѣкоторые дѣлали упрекъ въ черезчуръ осторожномъ исчисленіи ожидаемыхъ доходовъ. Но, какъ бы то ни было, лучше разсчитывать на меньшее и получить больше, чѣмъ наоборотъ. Не бѣда, если къ концу смѣтнаго года оказывается, что поступившіе доходы превзошли смѣтныя исчисленія. Нѣкоторый излишекъ всегда пригодится. Плохо, когда получаются обратные результаты, какъ то бывало прежде. Что же касается этой оборотной стороны медали, то, по словамъ министра финансовъ, «едва ли можно сказать, что сдѣланныя по росписи (на нынѣшній 1891 годъ) назначенія замѣтно меньше тѣхъ, которыхъ можно ожидать въ 1891 году, не входя въ область особенно благопріятныхъ предположеній. Правда, что поступленія 1888 и 1889 гг. много превысили назначенія по росписямъ, но нельзя забывать, что доходы 1888 года поступили въ годъ истинно благодатнаго урожая, притомъ слѣдовавшій за превосходною жатвою 1887 года, когда благосостояніе населенія въ значительной степени возрасло; поступленія 1889 года дали также отличный результатъ, потому что оба урожая 1887 и 1888 годовъ, вмѣстѣ взятые, не только покрыли потребность населенія въ продовольственныхъ средствахъ и дали большой избытокъ для вывоза въ эти годы, но и оставили въ странѣ къ 1889 году значительный запасъ, который, судя по всѣмъ признакамъ, не смотря на мало удовлетворительный урожай 1889 г., не былъ сполна израсходованъ въ теченіе этого года и въ нѣкоторой долѣ перешелъ на 1890 г. Затѣмъ, запасы хлѣба къ жатвѣ 1890 г. были, конечно, гораздо меньше, чѣмъ къ жатвѣ 1889 года».

Упомянутыхъ результатовъ,—какъ справедливо утверждаетъ г. Вышнеградскій,—нельзя не принимать въ соображеніе при исчисленіи государственныхъ доходовъ на 1891 г. «Особенно нельзя упускать изъ виду, что бездождіе въ августѣ и сентябрѣ сего года значительно помѣшало росту озимыхъ, и хотя, подъ вліяніемъ благопріятной октябрьской погоды, они почти всюду значительно поправились, и вообще урожай 1891 г. можетъ оказаться не только удовлетворительнымъ, но даже и хорошимъ, тѣмъ не менѣе нельзя не признать, что для этого нужно благопріятное сочетаніе атмосферическихъ явленій, разсчитывать на которое, при соображеніяхъ о поступленіи государственныхъ доходовъ, едва ли было бы благоразумно».

Обращаясь затѣмъ къ расходному бюджету на текущій годъ, необходимо прежде всего замѣтить, что *расходы* по *всѣмъ* вѣдомствамъ, за исключеніемъ министерства двора, *увеличены* противъ росписи прошлаго 1890 года.

Въ этомъ отношеніи разсматриваемая роспись рѣзко отличается отъ трехъ предшествующихъ росписей за время управленія министерствомъ финансовъ И. А. Вышнеградскаго. Читатели наши, вѣроятно, еще не позабыли, что во всѣхъ упомянутыхъ росписяхъ г. Вышнеградскій постоянно указывалъ на необходимость соблюденія въ расходномъ бюджетѣ «спасительной экономіи», причемъ

Digitized by Google

онъ не безъ явнаго удовольствія отмѣчалъ въ своихъ всеподданнѣйшихъ докладахъ старанія всѣхъ министровъ содѣйствовать финансовой администраціи къ достиженію возможнаго сокращенія расходовъ. Въ росписи на нынѣшній 1891 годъ министръ финансовъ обходитъ этотъ вопросъ молчаніемъ, очевидно сознавая, что, хотя на обязанности финансовой администраціи лежитъ заботиться о возможномъ сокращеніи расходнаго бюджета, но сокращеніе расходовъ a tout prix не всегда возможно и полезно, потому что потребности государства растутъ съ необычайной быстротою. Удовлетвореніе многихъ изъ нихъ не терпитъ отлагательства, а потому задача мудрой финансовой политики состоитъ въ томъ, чтобы соблюсти равновѣсіе между доходами и расходами. Къ этому идеалу и стремится нынѣшній глава нашего финансоваго вѣдомства, и желательно, конечно, чтобы ему вторили въ этомъ отношеніи всѣ другіе власть имущіе, памятуя, что всякій изъ нихъ прежде и главнѣе всего призванъ защищать и охранять интересы всего податнаго населенія и расходовать государственные доходы только въ тѣхъ случаяхъ, когда это можетъ принести дѣйствительную пользу всему государству, а не тѣмъ или другимъ избранникамъ судьбы. За отсутствіемъ прямыхъ указаній по разсматриваемому предмету во всеподданнѣйшемъ докладѣ министра финансовъ, мы считаемъ небезъинтереснымъ остановить вниманіе читателей на нѣкоторыхъ цифровыхъ данныхъ, приводимыхъ въ росписи на 1891 годъ относительно предположенныхъ расходовъ по отдѣльнымъ вѣдомствамъ, сравнительно съ подобными же расходами, по росписи на прошлый 1890 годъ. Для бо́льшей наглядности мы предпосылаемъ послѣдующимъ замѣчаніямъ таблицу, гдѣ сопоставлены государственные расходы по росписямъ 1890 и 1891 годовъ по отдѣльнымъ вѣдомствамъ, по порядку увеличенія этихъ расходовъ на 1891 годъ противъ прошлаго 1890 года:

Обыкновенные расходы назначены:

По вѣдомству:	На 1890 г.	На 1891 г.	въ 1891 году *болѣе*, чѣмъ въ 1890 г. на
	Рубли.	Рубли.	Рубли.
свят. синода	11.347,315	11.355,914	8,599
мин. народн. просв. . .	22.908,625	22.935,781	27,156
высш. госуд. учрежд. . .	2.025,313	2.081,300	55,987
гл. упр. гос. коннозавод.	1.135,770	1.249,946	114,176
минист. иностр. дѣлъ . .	4.833,883	4.950,631	116,748
госуд. контроля	4.024,783	4.293,798	269,015
мин. финансовъ. . . .	114.413,569	115.067,796	654,227
» юстиціи	23.205.236	24,101,999	896,763
» госуд. имуществъ .	24.526,997	25.914,902	1.387,905
» путей сообщенія. .	55.089,857	57.367,310	2.277,453
» внутр. дѣлъ . . .	77.004,875	80.296,885	3.292,010
» морскаго	39.193,553	43,759,924	4.566,371
» военнаго	222.041.314	226.652,168	4.610,854
Итого	601.751,090	620.028,354	18.277,264

Digitized by Google

Эта таблица сама по себѣ не требуетъ коментаріевъ. Не безинтересно, однако, указать еще, на какіе именно предметы потребовалось увеличеніе расходовъ по нѣкоторымъ отдѣльнымъ вѣдомствамъ. По этому поводу, мы находимъ въ росписи 1891 года слѣдующія указанія.

Увеличеніе расходовъ по святѣйшему синоду на незначительную сумму (8,599 р.) совершенно не мотивировано. По министерству народнаго просвѣщенія, съ одной стороны, увеличены расходы на содержаніе томскаго университета (49,000 р.) и новыхъ клиникъ московскаго университета (65,000 р.) и вновь назначенъ кредитъ въ 106,000 р. на покупку дома для кутаисской гимназіи и 64,000 р. на содержаніе управленія техническихъ и промышленныхъ учебныхъ заведеній, что составляетъ въ общемъ итогѣ 313,156 руб.; зато, съ другой стороны, сокращено ассигнованіе на строительныя потребности въ размѣрѣ 286,000 руб., такъ что въ итогѣ расходъ по министерству народнаго просвѣщенія увеличенъ на 1891 годъ противъ прошлаго—на 27,156 руб. По высшимъ государственнымъ учрежденіямъ, расходъ на 1891 годъ увеличенъ противъ расхода 1890 года на 55,987 р., въ виду предстоящаго въ 1891 году увеличенія работъ государственной типографіи по печатанію законовъ и другихъ изданій, и усиленія штата канцеляріи прошеній, на высочайшее имя приносимыхъ.

По министерству финансовъ, главнымъ образомъ, увеличены расходы: на заготовленіе кредитныхъ билетовъ, процентныхъ бумагъ, гербовой бумаги, марокъ и т. п.—760,000 р.; на пособія обществамъ желѣзныхъ дорогъ по гарантіи чистаго дохода—477,000 р. и акціонернымъ обществамъ—284,000 р.; на расходы, относящіеся на счетъ постороннихъ источниковъ—430,000 р., на расходы прежнихъ лѣтъ по заключеннымъ смѣтамъ — 300,000 р.; на содержаніе таможенныхъ учрежденій, пограничной стражи, акцизнаго надзора и податной инспекціи—768,000 р. (въ томъ числѣ 400,000 р. на содержаніе канцелярскихъ чиновниковъ и экспертовъ въ таможенныхъ учрежденіяхъ, покрываются зачисленіемъ въ доходъ казны сбора за написаніе таможенныхъ документовъ, поступавшаго до сего времени въ спеціальныя средства) и, наконецъ, на процентное вознагражденіе акцизныхъ чиновъ, соотвѣтственно увеличенію акцизныхъ доходовъ—291,000 р.

По министерству государственныхъ имуществъ расходъ увеличенъ на 1.387,905 р., отъ увеличенія кредитовъ: на операціонныя дѣйствія горныхъ заводовъ — 992,000 р., по содержанію лѣснаго управленія и стражи—101,000 р., на осушку болотъ—51,000 р. и отъ назначенія суммъ: на переустройство кавказскихъ минеральныхъ водъ—100,000 р., на дѣйствіе иркутскаго солевареннаго завода — 82,000 р. По министерству путей сообщенія увеличеніе исчислено: по водянымъ сообщеніямъ—663,000 р., по портамъ—85,000 р, по шоссейнымъ дорогамъ—1.792,000 р., и по разнымъ другимъ статьямъ на 283,000 р., съ уменьшеніемъ расходовъ по казеннымъ желѣзнымъ дорогямъ на 104,000 р. и единовременныхъ издержекъ на 442,000 р. По министерству внутреннихъ дѣлъ расходъ увеличенъ на 3.292,010 р., преимущественно на издержки:

Digitized by Google

по приведенію въ дѣйствіе положенія о земскихъ начальникахъ— 2.420,000 р., въ томъ числѣ 1.515,000 р. на введеніе этого положенія въ губерніяхъ третьей очереди; по тюремной и арестантской части — 578,000 р., по содержанію почтово-телеграфныхъ учрежденій — 497,000 р., и по ремонту телеграфныхъ линій и проводовъ—146,000 р. съ одновременнымъ сокращеніемъ на 238,000 р. издержекъ по содержанію почтовыхъ станцій. По морскому министерству расходъ увеличенъ на 4.566,371 р., отъ увеличенія строительныхъ расходовъ. Наконецъ, по военному министерству расходъ увеличенъ на 4.610,854 р., между прочимъ, отъ внесенія въ смѣту 1.288,000 р. на основаніи высочайше утвержденныхъ въ 1888 г. правилъ о нормальномъ бюджетѣ военнаго вѣдомства и 2.000,000 р. на постройку казармъ.

Безъ измѣненія остался одинъ только расходный бюджетъ министерства императорскаго двора, исчисленный на нынѣшній 1891 годъ,—также какъ и на прошлый 1890 г.,—въ 10.560,000 р.

Уменьшеніе же расходовъ на нынѣшній 1891 годъ, противъ прошлаго года, исчислено только по смѣтѣ на уплату государственнаго долга, а именно: на 9,404,151 р.

Уменьшеніе же расходовъ предположено: по вновь заключеннымъ, въ 1890 году, 4-проц. золотымъ займамъ.

Кромѣ того, назначенъ кредитъ въ 2.502,000 р., на оплату купоновъ и тиражныхъ бумагъ прежнихъ сроковъ до 1888 года. Независимо отъ сокращенія расходнаго бюджета по государственному долгу, уменьшенъ на 1 мил. руб. особый фондъ на покрытіе расходовъ, въ случаѣ возвышенія цѣнъ на провіантъ и фуражъ. Съ другой стороны, увеличены оборотные расходы на 965,369 р. въ виду болѣе значительныхъ заказовъ военнаго и морскаго вѣдомства на казенныхъ горныхъ заводахъ.

Въ общей совокупности, бюджетъ обыкновенныхъ расходовъ на 1891 годъ исчисленъ въ 895.330,395 руб., т. е. *на 7.873,113 руб. болѣе чѣмъ по росписи 1890 года*. Съ присовокупленіемъ къ упомянутой суммѣ (895.330,395 р.) оборотныхъ расходовъ—3.558,626 р. и чрезвычайныхъ расходовъ—63.413,500 руб.—общій итогъ нашего расходнаго бюджета достигаетъ суммы въ 962.302,521 руб. Слѣдовательно, не далеко то время, когда нашъ расходный бюджетъ дойдетъ до *милліарда* рублей. Этотъ колоссальный ростъ нашего расходнаго бюджета не долженъ, однако, пугать насъ, ибо въ этомъ отношеніи мы идемъ впередъ наравнѣ съ западноевропейскими государствами. Благо, эти колоссальные расходы употребляются, по свидѣтельству г. министра финансовъ, на «обширную устроительную дѣятельность, которая энергически и единодушно ведется всѣми вѣдомствами».

Этимъ мы собственно могли бы закончить обзоръ росписи на нынѣшній 1891 годъ. Но, во избѣжаніе упрека въ неполнотѣ, мы считаемъ необходимымъ сказать еще нѣсколько словъ по поводу чрезвычайнаго бюджета, отличающагося въ разсматриваемой росписи тѣмъ, что на покрытіе его г. Вышнеградскій указываетъ совершенно необычайный источникъ. Надобно замѣтить, что къ чрезвычайному бюджету относятся обыкновенно такіе расходы, ко-

Digitized by Google

торые не могутъ считаться періодическими, т. е. повторяющимися изъ года въ годъ. Таковы, напримѣръ, расходы на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ, портовъ и т. под. Въ виду такого характера упомянутыхъ расходовъ, средства на покрытіе ихъ получались также изъ источниковъ, не имѣвшихъ характера постоянныхъ. Такъ, въ былое время, на покрытіе чрезвычайныхъ расходовъ обыкновенно заключались новые займы. Нынѣшній министръ финансовъ и въ отношеніи чрезвычайнаго бюджета держится новаго направленія, стараясь покрыть чрезвычайные расходы не путемъ заключенія новыхъ займовъ, а совершенно другимъ способомъ, который въ разсматриваемой росписи обнаруживается особенно рельефно. Такъ, по росписи на нынѣшній 1891 годъ чрезвычайные расходы исчислены въ 63.413,500 р. [1]), вмѣсто 57.818,700 р., которые были назначены по росписи 1890 года, причемъ предметы расходовъ остались тѣ же. Для покрытія же этихъ расходовъ по бюджету 1891 года, министръ финансовъ указываетъ слѣдующіе источники:

1) превышеніе доходовъ надъ расходами по обыкновенному бюджету	1.868,549 р.
2) военное вознагражденіе	3.337,139 р.
3) вѣчные вклады	713,000 р.
4) ожидаемый въ 1891 году возвратъ ссудъ отъ желѣзныхъ дорогъ	3.700,000 р.
5) освободившіеся спеціальные капиталы . .	6.000,000 р.
Итого .	15.618,688 р.

Что же касается недостающей и затѣмъ суммы (63.413,500 р.—15.618,688 р.) въ 47.794,812 р., то ее министръ финансовъ предполагаетъ позаимствовать изъ *наличности* государственнаго казначейства. Этотъ послѣдній источникъ—настолько же своеобразный, насколько и необычайный. Суть его заключается въ слѣдующемъ. Къ началу 1889 года наличность государственнаго казначейства, по отчетамъ государственнаго контроля, возрасла, сравнительно съ началомъ 1887 года, на 80.375,980 руб. За покрытіемъ всѣхъ, безъ исключенія, предвидѣнныхъ расходовъ 1889 г., оказался избытокъ доходовъ надъ расходами въ 47.843,465 руб. Въ виду этого, наличность государственнаго казначейства на 1-е января 1890 года, по сравненію съ таковой же наличностью на 1-е января 1887 года, опредѣлилась въ 128.219,445 руб. Изъ этой суммы въ прошломъ году сдѣланы разныя позаимствованія на сумму 95.623,466 р., такъ что на 1-е января 1891 года изъ свободной наличности, имѣвшейся въ государственномъ казначействѣ, осталась только сумма въ 32.595,979 р. Но въ теченіе 1890 года эта наличность увеличилась особыми поступленіями, не имѣвшимися въ виду при составленіи росписи,—до 48.162,979 руб. Предполагая, что исполненіе росписи 1890 года будетъ не хуже ожиданій, можно допустить, что указанная сумма составитъ, по меньшей мѣрѣ, из-

[1]) На сооруженіе желѣзныхъ дорогъ и портовъ. . . . 42.913,500 р.
На расходы по перевооруженію. . . . . 20.000,000 р.
На заготовленіе спеціальн. резервовъ продовольствія. 500,000 р.

Digitized by Google

бытокъ свободной наличности государственнаго казначейства на 1-е января 1891 года, сравнительно съ таковою же наличностью на 1-е января 1887 года. И вотъ, изъ этого-то избытка свободной наличности предположено позаимствовать вышеупомянутую сумму (47.794,812 руб.) на покрытіе чрезвычайныхъ расходовъ, назначенныхъ по разсматриваемой росписи. Противъ подобнаго позаимствованія едва ли можно что нибудь возразить, хотя довольно оригинально, что за норму необходимой для государственнаго казначейства свободной наличности принимается именно наличность на 1-е января 1887 года, т. е. года вступленія г. Вышнеградскаго въ министерство финансовъ, а не наличность государственнаго казначейства, напр., на 1-е января 1888 или 1889 года и т. д. Но, какъ бы то ни было, и то пріятно, что на покрытіе чрезвычайныхъ расходовъ, назначенныхъ по разсматриваемой росписи на 1891 годъ, не предположено прибѣгнуть къ прежде практиковавшимся чрезвычайнымъ рессурсамъ, въ родѣ заключенія новыхъ займовъ и т. под.

Подводя итогъ всему вышесказанному, нельзя не признаться, что картина нашего финансоваго положенія, нарисованная г. Вышнеградскимъ въ разсматриваемой росписи, довольно отрадна. Къ этому слѣдуетъ еще добавить, что, по указаніямъ той же росписи, къ 20-му декабря прошлаго 1890 года, въ распоряженіи государственнаго казначейства состояли слѣдующія наличныя средства [1]).

	Металломъ.	*Кредитными рублями.*
Золотомъ:		
Въ государственномъ банкѣ	32.164,522	
На монетномъ дворѣ	2.318,872	
У банкировъ за границею, согласно счетамъ ихъ	101.761,000	
Серебромъ:		
Въ государственномъ банкѣ.	1.871,233	
На монетномъ дворѣ	2,676,468	
Кредитными билетами:		
Въ государств. банкѣ на текущ. счету государственнаго казначейства.		55.171,784
Процентными бумагами въ госуд. банкѣ: металическими	8.796,500	
кредитными		15.041,735

Изъ только что приведенныхъ данныхъ, особаго вниманія заслуживаетъ сумма наличности нашего финансоваго вѣдомства у заграничныхъ банкировъ (*101.761,000*), почти равняющаяся наличности металла въ англійскомъ банкѣ. Извѣстно, какимъ обаяніемъ издавна пользуется этотъ банкъ среди капиталистовъ всѣхъ странъ и какое вліяніе обыкновенно имѣетъ состояніе его кассы на денежные рынки Европы. Казалось бы, поэтому, что нынѣ, когда наше финансовое

[1]) Въ этотъ счетъ не включены суммы, состоящія въ наличности въ казначействахъ и въ пути.

Digitized by Google

вѣдомство располагаетъ за границею почти такою же наличностью золота, какъ англійскій банкъ, оно должно было настолько завладѣть позиціею на денежномъ рынкѣ Европы, чтобы быть въ состояніи положить предѣлъ игрѣ нашей валютою. А между тѣмъ нашъ злосчастный кредитный рубль въ дѣйствительности все еще продолжаетъ служить игрушкой въ рукахъ биржевыхъ спекулянтовъ-игроковъ, которые то безъ всякихъ осязательныхъ причинъ гонятъ его вверхъ, то, наоборотъ, опять уничижаютъ, безъ всякихъ видимыхъ основаній. Извѣстно, что биржевой игрѣ подвержены лишь цѣнности сомнительной солидности. Поэтому, можно было бы подумать, что въ Европѣ все еще продолжаютъ смотрѣть на нашъ кредитный рубль, какъ на подобную цѣнность. Но такому взгляду прямо противорѣчитъ бьющій въ глаза фактъ: что мы обладаемъ за границею свободной наличностью золота, равняющейся наличности металла въ самомъ солидномъ европейскомъ банкѣ. Говорятъ, что въ колебаніяхъ курса кредитнаго рубля исключительно повинна спекуляція; что съ этой занозой также трудно бороться, какъ съ туберкулой. Но вѣдь и бациллы, какъ извѣстно, уживаются лишь въ больномъ организмѣ. Чѣмъ же, спрашивается, боленъ въ настоящее время нашъ финансовый организмъ? Даже злѣйшіе наши враги нынѣ какъ бы притихли насчетъ указанія больныхъ мѣстъ нашихъ финансовъ. Такъ, въ «Neue Freie Presse» къ новому году появился пространный «обзоръ» положенія финансоваго рынка за истекшій годъ. въ которомъ относительно Россіи говорится: «Ключъ къ финансовому положенію Европы находится въ русскомъ министерствѣ финансовъ. Русское вліяніе на денежные рынки Европы заключается въ его активѣ въ Германіи, Голландіи, Франціи и Англіи, составляющемъ около 21 милліона фунтовъ стерлинговъ, то есть почти столько же, сколько числится наличности въ англійскомъ банкѣ. Г. Вышнеградскій имѣетъ силу парализовать всѣ операціи, которыя нарушаютъ его проэкты; онъ ослабилъ германскій рынокъ, переведя часть русскихъ капиталовъ во Францію. *Русскій активъ составляетъ громадную кассу для спекуляцій Лондона, Берлина и Парижа; русское министерство финансовъ служитъ для Европы маклерскимъ банкомъ.* Съ этимъ факторомъ долженъ считаться каждый банкиръ, каждый фабрикантъ; во всѣхъ финансовыхъ комбинаціяхъ факторъ этотъ долженъ играть существенную роль».

Искренни или нѣтъ похвалы, расточаемыя вѣнскимъ офиціозомъ по адресу нашего министра финансовъ и не спрятано ли въ этихъ лаврахъ нѣсколько чувствительныхъ терній—въ данномъ случаѣ безразлично. Достаточно знать, что и враги принуждены теперь признать наше возможное вліяніе на денежномъ рынкѣ. Не смотря, однако, на этотъ фактъ, кредитный рубль по прежнему продолжаетъ пошаливать, создавая каждый день новое положеніе и тѣмъ самымъ парализуя всякіе разсчеты въ экономической дѣятельности страны. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь рубль есть денежная единица. мѣрило цѣнности, а какая же можетъ вестись торговля или промышленность, когда самое мѣрило ежедневно измѣняется, то поднимаясь, то упадая, и притомъ въ весьма чувствительныхъ размѣрахъ? Одинъ изъ здѣшнихъ банковыхъ дѣятелей недавно высказался

Digitized by Google

весьма категорически по поводу колебанія нашего кредитнаго рубля, и его указаніями, повидимому, воспользовались въ надлежащихъ сферахъ. Поэтому не лишнимъ будетъ познакомить нашихъ читателей съ его выводами. «Еще не такъ давно—писалъ онъ—нашему офиціозному «Journal de St.-Pétersbourg» приходилось часто опровергать, съ цифрами въ рукахъ, инсинуаціи и нападки «Kölnische Zeitung» на наши финансы и на положеніе нашего денежнаго орудія обмѣна, то есть бумажныхъ денегъ. Но, съ тѣхъ поръ какъ берлинскіе сильные спекулянты начали играть на повышеніе курса рубля, упомянутая газета, совмѣстно съ Börsen-Courier'омъ», не перестаетъ навязывать Россіи разные финансовые планы, имѣющіе будто бы цѣлью возстановить металлическое денежное обращеніе, то есть поднять цѣнность кредитнаго рубля до его идеальнаго уровня, наравнѣ съ золотомъ. Усердіе газеты «Börsen Courier» дошло до того, что она открыла существованіе особаго фонда, нигдѣ не фигурирующаго въ балансѣ государственнаго банка и представляющаго сумму золотомъ въ триста милліоновъ рублей. Три года тому назадъ, когда берлинская спекуляція считала тогдашнія международныя политическія обстоятельства, равно какъ экономическія и финансовыя условія Россіи, благопріятными моментами для пониженія курса рубля до 160 марокъ за 100 рублей, государственный банкъ остановился на единственно возможномъ способѣ положить конецъ этой враждебной игрѣ берлинской биржи, а именно: потребовать отъ продавцевъ на срокъ кредитныхъ рублей — сдачи въ день срока наличныхъ рублей въ Берлинѣ. Такъ какъ спекуляція производила пониженіе курса посредствомъ запродажъ будущихъ рублей, а не наличныхъ, которыхъ въ Берлинѣ очень мало, то банкиры государственнаго банка имѣли порученіе покупать на срокъ по курсу дня и потребовать сдачи рублей къ сроку; продавцы вдругъ очутились въ безвыходномъ положеніи: они вынуждены были доставить рубли, посредствомъ покупокъ проданныхъ ими рублей, и такимъ образомъ курсъ постепенно поднимался и достигъ своего нормальнаго уровня, соотвѣтствовавшаго цѣнамъ русскихъ вывозныхъ товаровъ.

«Въ настоящее время, въ виду измѣнившихся обстоятельствъ, берлинская спекуляція взялась за игру на повышеніе и ведетъ этотъ походъ съ небывалою энергіею, распространяя разные, ни на чемъ не основанные слухи—о близкомъ введеніи въ Россіи металлическаго денежнаго обращенія, посредствомъ заграничныхъ займовъ и изъятія изъ обращенія отъ двухъ до трехъ сотъ милліоновъ рублей кредитныхъ. Между тѣмъ, неожиданное, ни на чемъ не основанное повышеніе курса рубля на 25 проц. потрясаетъ всѣ основы установившихся цѣнъ въ теченіе пятнадцати лѣтъ во внутренней и внѣшней торговлѣ, благопріятствуя привозу и препятствуя вывозу товаровъ, причиняя Россіи громадные убытки, внося замѣшательство въ цѣнахъ, заработныхъ платахъ и дѣловыхъ сношеніяхъ всякаго рода. Улучшеніе курса,—постепенное, по нѣскольку процентовъ въ годъ, — желательно тогда, когда дѣйствительно имѣется въ виду подобная грандіозная финансовая реформа, какъ возста-

Digitized by Google

новленіе металлическаго денежнаго обращенія, но никакой серьезный государственный человѣкъ въ Россіи не думаетъ въ настоящее время о подобныхъ финансовыхъ мѣрахъ.

«Вотъ почему настоящее ненормальное, искусственное повышеніе курса рубля на 25 проц. представляетъ собою такое же прискорбное, насильственное финансовое злоупотребленіе со стороны спекуляціи, какъ три года тому назадъ, когда она по разнымъ причинамъ понизила курсъ на 25 проц. Если предоставлять судьбу курса рубля на произволъ берлинской спекуляціи, безъ всякаго вмѣшательства серьезныхъ сферъ, то нормальная внѣшняя торговля, т. е. обмѣнъ товаровъ другой страны, сдѣлается положительно невозможной и поведетъ къ разоренію всѣхъ тѣхъ торгующихъ классовъ, которые не имѣютъ возможности извлекать какую нибудь пользу изъ покровительственныхъ пошлинъ, охраняющихъ лишь интересы фабрикантовъ. Русскій государственный банкъ располагаетъ свободными деньгами около 150 милл. руб.,—фактъ, доказывающій полнѣйшій застой въ экспортѣ по поводу курса, а въ импортѣ—вслѣдствіе повышенія пошлинъ параллельно съ курсомъ. Ничего нѣтъ проще и остроумнѣе, какъ воспользоваться увлеченіемъ берлинской биржевой спекуляціи и скупить все количество германскаго золота, поступающее на продажу взамѣнъ покупаемыхъ спекуляціей рублей, и продолжать эту операцію до тѣхъ поръ, пока германскій имперскій и другіе заграничные эмиссіонные банки сами не примутъ мѣръ для прекращенія таковаго отлива золота, представляющаго и для нихъ крупныя опасности».

Такъ писалъ вышеупомянутый дѣятель въ срединѣ октября прошлаго года. Съ тѣхъ поръ картина нѣсколько измѣнилась. Кредитный рубль быстротечно спустился процентиковъ на 20—25. Ужь не послушались ли въ Берлинѣ петербургскаго оракула!.. Любопытныя свѣдѣнія сообщилъ по этому поводу берлинскій корреспондентъ «Русскихъ Вѣдомостей».

«Въ тамошнихъ финансовыхъ сферахъ—по словамъ этого корреспондента—единодушно приписываютъ *пониженіе курса финансовымъ операціямъ, исходящимъ изъ Петербурга* и поддерживающимъ партію пониженія на европейскихъ биржахъ. Сначала мотивы такого образа дѣйствія искали въ желаніи поддержать интересы хлѣбнаго экспорта; теперь, однако, уже возникаютъ фантастическія опасенія о намѣреніи довести валюту до очень низкаго курса и фиксировать металлическое обращеніе на какомъ-то своевольномъ базисѣ. Волненіе, вызванное большими спекуляціями на пониженіе въ Петербургѣ и продолжающимися закупками золота со стороны финансоваго управленія, такъ велико, что даже такой явно сочувственный послѣднему органъ, какъ «Börsen Courier», рѣшился выступить съ запальчивой статьей противъ новаго теченія. «Börsen Courier» даже грозитъ пониженіемъ всѣхъ нашихъ фондовъ, если финансовыя операціи противъ валюты, наконецъ, не прекратятся». «*Очень возможно*,—присовокупилъ корреспондентъ московской газеты,—*что статья написана не безъ вѣдома учрежденія, противъ котораго она направлена*; но въ такомъ случаѣ она лишь подтверждаетъ то, что я слышу здѣсь повсюду: что

Digitized by Google

нашъ курсъ понижаютъ и еще болѣе понизятъ *не въ Берлинѣ*, а въ Петербургѣ. Весьма немногіе думаютъ, что наше министерство увеличиваетъ такимъ своеобразнымъ путемъ свой золотой фондъ, въ интересахъ возстановленія металлическаго обращенія».

Свѣдѣнія эти отчасти подтверждаютъ и петербургскіе биржевики. Любопытно только знать, съ какою цѣлью наше финансовое управленіе скупаетъ все поступающее на рынки золото? Неужели, въ самомъ дѣлѣ, имѣется въ виду возстановить у насъ металлическое обращеніе подобнымъ способомъ? А кто поручится, что чрезъ нѣкоторое время собранное золото не уплыветъ обратно туда, откуда оно пришло? Вѣдь опыты съ покупкой золота за счетъ министерства финансовъ вовсе у насъ не новость, и результаты этихъ опытовъ достаточно всѣмъ извѣстны. Да и не дѣло правительства,— по нашему мнѣнію,—заниматься биржевой спекуляціею. Не говоримъ уже о томъ, что руководить подобными операціями обыкновенно предоставляется только главѣ извѣстнаго учрежденія. А между тѣмъ глава финансоваго управленія не всегда въ состояніи посвятить себя этому занятію, хотя бы уже вслѣдствіе необходимости предпринимать дальнія поѣздки на окраины государства, въ родѣ, напр., послѣдней поѣздки г. Вышнеградскаго въ Закаспійскую область.

На этомъ да позволено намъ будетъ прекратить нашу «финансовую» бесѣду, тѣмъ болѣе, что намъ предстоитъ еще коснуться другой матеріи, также имѣющей отношеніе къ нашимъ далекимъ окраинамъ.

Мы подразумѣваемъ, въ данномъ случаѣ, стародавній вопросъ о нашихъ *переселенцахъ*. Читателямъ нашимъ, вѣроятно, небезъизвѣстно, что недавно учредилось у насъ «общество для вспомоществованія нуждающимся переселенцамъ», во главѣ котораго стоятъ такіе выдающіеся ученые и общественные дѣятели, какъ попечитель петербургскаго учебнаго округа М. Н. Капустинъ, профессоръ А. А. Исаевъ, В. А. Ратьковъ - Рожновъ, К. М. Сибиряковъ и мн. др. При основаніи упомянутаго общества, учредители—по ихъ собственнымъ словамъ—имѣли въ виду объединить средства отдѣльныхъ лицъ, сочувствующихъ дѣлу переселенія, и направить эти средства на удовлетвореніе ближайшихъ нуждъ переселенцевъ на пути и въ первое время ихъ водворенія на мѣстахъ. Такимъ образомъ, общество, о которомъ идетъ рѣчь, имѣетъ характеръ преимущественно благотворительный. Но дѣло, впрочемъ, не въ томъ, какое мѣсто новое общество занимаетъ въ ряду другихъ учрежденій, заботящихся о судьбѣ переселенцевъ, по внѣшнему своему облику, а въ томъ, какими оно задается цѣлями. Какъ извѣстно, нужда постигаетъ переселенцевъ въ пути, когда они скопляются массами въ нѣкоторыхъ пунктахъ, гдѣ для нихъ не имѣется достаточнаго и удобнаго помѣщенія. Къ этому присоединяются болѣзни, столь частыя при перемѣнѣ климата; болѣзни разорительны всегда и вездѣ, а особенно во время пути; при отсутствіи даровой медицинской помощи, онѣ часто имѣютъ роковой исходъ.

Поэтому новое общество прежде всего ставитъ себѣ задачей: устроить помѣщенія въ главныхъ пунктахъ переселенческаго дви-

Digitized by Google

женія, организовать подачу медицинской помощи больнымъ, снабдить нуждающихся теплою одеждою и здоровою пищей. Но затѣмъ небезъизвѣстно также, что и по водвореніи на мѣстахъ, совершенно имъ незнакомыхъ, переселенцы не могутъ обойтись безъ помощи и поддержки. Необходимо облегчить имъ пріобрѣтеніе строительныхъ матеріаловъ, скота, сельско-хозяйственныхъ орудій и сѣмянъ; необходимо дать пріютъ, пока не готовы собственные дома новыхъ поселенцевъ; нужно предохранить ихъ отъ напрасныхъ передвиженій и безплодной траты силъ, времени и денегъ; нужно, наконецъ, подумать также о доставленіи имъ средствъ къ духовному просвѣщенію и умственному развитію. Сознавая все это, новое общество будетъ ставить себѣ на разрѣшеніе отдѣльныя задачи, соразмѣрно со своими средствами. Пока средства будутъ не велики, оно будетъ принимать только тѣ мѣры, которыя требуютъ сравнительно малыхъ затратъ, какъ то: улучшеніе пріютовъ и больницъ въ тѣхъ пунктахъ, чрезъ которые передвигаются переселенцы, выдача самыхъ скромныхъ пособій и ссудъ. Съ возрастаніемъ средствъ будутъ становиться доступнѣе и болѣе сложныя задачи—выдача переселенцамъ ссудъ для устроенія хозяйства, а равно содѣйствіе основанію храмовъ и школъ въ мѣстахъ водворенія.

Все это,—конечно, задачи въ высшей степени почтенныя, и мы будемъ надѣяться, что добрые русскіе люди дружно откликнутся на патріотическій и гуманный призывъ почтенныхъ учредителей новаго общества. Но позволительно спросить: въ силахъ ли будетъ частное *благотворительное* общество помочь переселенческому дѣлу? Правительство наше, какъ извѣстно, издавна принимаетъ мѣры, чтобы поставить переселяющихся въ благопріятныя условія; наиболѣе важныя мѣропріятія относятся къ послѣднимъ годамъ. Въ 1881 году была основана переселенческая контора въ Батракахъ; съ 1883 года назначены особые чиновники въ тобольской, томской, оренбургской и уфимской губерніяхъ, чтобы давать переселенцамъ указанія. Съ 1884 года, въ западной Сибири дѣйствуетъ отрядъ межевыхъ чиновъ, который отводитъ переселенцамъ земельные участки. Наконецъ, 13 іюля 1889 года изданъ очень важный законъ, которымъ опредѣляется: какія условія должны выполнить лица, желающія переселиться, и въ какихъ губерніяхъ переселенцы надѣляются землею. Заботами же правительства понижена плата по перевозкѣ переселенцевъ на желѣзныхъ дорогахъ и пароходахъ.

А между тѣмъ, вотъ какую печальную картину переселенческихъ невзгодъ нарисовалъ самъ учредитель общества, А. А. Исаевъ, совершившій прошлымъ лѣтомъ поѣздку по главному пути переселенцевъ.

Самою большою станціею на пути переселенцевъ, какъ извѣстно, изстари служитъ Тюмень. За городомъ, по словамъ г. Исаева, устроены бараки, гдѣ переселенцы находятъ себѣ пріютъ. Но бараки тѣсны и имѣютъ печь только въ одномъ отдѣленіи. И вотъ въ такіе-то бараки, гдѣ почти нѣтъ защиты отъ холода, можетъ быть съ трудомъ втиснуто человѣкъ до 1,000; обыкновенно же переселенцевъ скопляется не менѣе двухъ и даже трехъ тысячъ. А про-

Digitized by Google

шлой весной, въ концѣ мая, ихъ было больше 14,000 (!!) При баракахъ вовсе нѣтъ навѣсовъ для склада вещей. Переселенецъ везетъ съ собой ржаные сухари, харчится ими всю дорогу, надѣется, что авось доѣдетъ съ ними до мѣста водворенія, но одинъ дождь въ Тюмени—и сухари превращаются въ грязь. Большинство вынуждено останавливаться въ полѣ, и дѣти, не привыкшія къ суровымъ сибирскимъ ночамъ, во множествѣ заболѣваютъ и умираютъ. Прошлымъ лѣтомъ, отъ оспы, скарлатины, дифтерита и тифа умерло слишкомъ 600 дѣтей. Въ Тюмени, для переселенцевъ есть больница, но въ ней можно съ трудомъ помѣстить только 10—15 человѣкъ, а больныхъ сплошь и рядомъ набирается сотня, двѣ и больше.

Въ Томскѣ—вторая большая станція. Изъ Томска меньшинство идетъ въ восточную Сибирь, а бо́льшая часть переселенцевъ направляется на отведенные имъ участки: поэтому, здѣсь они не скопляются такими массами, какъ въ Тюмени; однако, число ихъ доходитъ до 1000—1500 душъ, бараки же могутъ вмѣстить, по свидѣтельству г. Исаева, никакъ не больше 400. Въ Томскѣ барачныя зданія еще хуже, чѣмъ въ Тюмени; а такъ какъ они стоятъ въ очень болотистой мѣстности, то всѣ, кто не попалъ въ баракъ, должны располагаться на болотѣ: взрослые выдерживаютъ, а дѣти сильно хвораютъ и многія умираютъ. Прошлымъ лѣтомъ, въ жаркіе послѣдніе дни іюня, среди томскихъ переселенцевъ было до 100 тяжкихъ больныхъ. «Трудно учесть—говоритъ г. Исаевъ—какъ велика смертность на пути; что она велика, доказывается переселенческою партіею, которая ѣхала въ 1889 году на баржѣ Функа: дорогой умерло болѣе 30 дѣтей».

Незавидно положеніе переселенцевъ и въ мѣстахъ водворенія. Садясь на землю, переселенецъ получаетъ въ надѣлъ черноземный участокъ съ лѣсомъ; вблизи есть и вода. На такой землѣ можно, по свидѣтельству г. Исаева, получать урожаи, какіе на старомъ мѣстѣ и во снѣ не снились. Подъ рукой нерѣдко есть для избы такой крупный сосновый и еловый лѣсъ, какого въ Курской или Тамбовской губерніи и за большія деньги не купишь. Все хорошо, да не дается даромъ. Чтобы поднять новину, только что расчищенную изъ подъ лѣса, нужны 2 лошади; въ Сибири лошади дешевы, но за пару нужно, все таки, заплатить 30—40 рублей; нужно десятка два рублей, чтобы купить соху, борону, телѣгу; нужно на первое время для посѣва хоть 15 пудовъ ржи и овса; нужна корова. Не велико имущество у крестьянскей семьи, а на 100 рублей его, все таки, не справишь. Кто приноситъ съ собой на мѣсто рублей полтораста, тотъ богатъ; кто принесъ только 100 рублей, тому не легко, но онъ можетъ обзавестись всѣмъ, что особенно нужно для крестьянскаго обихода. У кого же меньше 100 рублей, тому ужь очень трудно, а 100—150 рублей на семью приносятъ съ собой немногіе счастливцы.

Въ прошломъ году, съ весны до 1 сентября, черезъ Томскъ прошло 2,282 семьи; изъ нихъ только 78 ($3^1/_2$ проц.) имѣли при себѣ по 100 рублей и болѣе, а 1,499 (до 66 проц.) семей имѣли по 3—5—10 рублей каждая, а частью и вовсе не имѣли денегъ.

Digitized by Google

Не лучше обстояло дѣло и въ 1888 году. Томскій чиновникъ по переселенческимъ дѣламъ собралъ свѣдѣнія о 2,825 семьяхъ: оказалось, что только 756—27 проц.—имѣли болѣе чѣмъ по 50 руб. на семью, а 1,250—44 проц.—вовсе не имѣли денегъ или имѣли не болѣе 10 рублей. И самымъ лучшимъ черноземомъ не поможешь тому, кто пришелъ съ пустыми руками.

Конечно, стоитъ немного поддержать такого переселенца на новомъ мѣстѣ, стоитъ дать ему въ ссуду 50—100 рублей, и онъ не только будетъ спасенъ отъ нищеты, но и можетъ со временемъ пріобрѣсти благосостояніе. Но вѣдь мы уже видѣли, что отъ 50 до 70 проц. переселенцевъ уходятъ на новыя мѣста съ 3—5—10 рублями въ карманѣ. Слѣдовательно, всѣмъ этимъ нищимъ придется давать пособія по 50—100 рублей. А гдѣ же достать средствъ на подобныя вспомоществованія? Ужь не мечтаютъ ли учредители новаго общества, что на долю послѣдняго выпадетъ такой же жребій, какъ на долю англійскаго «генерала» Бутса. Да вѣдь то—Англія!—Посмотрите только, какъ трубятъ объ этомъ «генералѣ» всѣ англійскія газеты и другія повременныя изданія. Да и не только англійскія, но и русскія, съ газетой «Нов. Врем.» во главѣ, помѣстившей даже на своихъ столбцахъ цѣлую сцену (въ рисункахъ) проповѣдыванія Бутсомъ своей теоріи. А много ли у насъ говорятъ объ обществѣ, о которомъ мы ведемъ рѣчь? При такомъ равнодушіи со стороны прессы, при нашей всеобщей апатіи, можно ли разсчитывать на широкое развитіе дѣятельности вновь учрежденнаго *благотворительнаго* общества! Вѣдь главное условіе для него—обладаніе большими денежными средствами, а откуда возьмутся эти средства? Конечно, благотворительность намъ не чужда; добрые люди у насъ жертвуютъ направо и налѣво. Но всѣ эти пожертвованія дѣлаются какъ-то шаблонно, по установившейся рутинѣ, и новому обществу едва ли удастся измѣнить направленіе нашей благотворительности.

Иное дѣло, еслибы новое общество поставило себѣ болѣе скромной, но тѣмъ не менѣе полезной задачей — направить переселенцевъ на мѣста «нестоль отдаленныя», какъ Сибирь и т. п. Для этого потребовалось бы гораздо меньше денежныхъ жертвъ, а польза была бы весьма велика. Въ самомъ дѣлѣ, у насъ въ Бессарабіи, на Кавказѣ и другихъ болѣе близкихъ окраинахъ — масса пустопорожнихъ земель, а переселенцы все тянутся да тянутся на дальній востокъ, въ дикія степи и тундры! Не въ этомъ ли обстоятельствѣ кроется главная причина переселенческихъ невзгодъ, а потому не слѣдуетъ ли новому обществу направить свои усилія именно на этотъ пунктъ переселенческаго вопроса? А между тѣмъ новое общство какъ разъ заявляетъ, что оно *не имѣетъ дѣла* съ тѣми лицами, которыя, быть можетъ, станутъ переселенцами: это рѣшаетъ только правительство въ лицѣ своихъ центральныхъ и мѣстныхъ органовъ, опредѣляющихъ, кто вправѣ оставить свою старинную осѣдлость. Общество имѣетъ дѣло только съ тѣми лицами, которыя уже получили дозволеніе переселиться; за ними оно и будетъ слѣдовать, имъ оно и будетъ содѣйствовать во время пути и на мѣстѣ водворенія....

Digitized by Google

С. Я. КАПУСТИНЪ.

(Некрологъ).

2 января скончался бывшій сотрудникъ нашего журнала и различныхъ другихъ—общихъ и спеціальныхъ—повременныхъ изданій, много потрудившійся для изслѣдованія сельской общины, всего общиннаго быта и условій правильнаго крестьянскаго хозяйства,—*Семенъ Яковлевичъ Капустинъ*, подробные личные некрологи котораго уже появились въ газетахъ. Не воспроизводя здѣсь, поэтому, свѣдѣній о служебной дѣятельности покойнаго, мы скажемъ лишь, что, въ общемъ, она способствовала осуществленію той задачи, которой посвятилъ себя Капустинъ,—изученію крестьянской жизни и землевладѣнія. Въ Сибири и въ царствѣ польскомъ онъ имѣлъ дѣло съ живою сельскою дѣйствительностью; въ составѣ редакціи «Правительственнаго Вѣстника» онъ могъ пополнять добытыя въ жизни наблюденія обильнымъ собраніемъ провѣренныхъ данныхъ объ экономической жизни народа, доступныхъ офиціальной газетѣ. Отъ студенческой скамьи, когда онъ избралъ своей кандидатской диссертаціей вопросъ о формахъ землевладѣнія, до пожилаго возраста, когда, по распоряженію импер. вольно-экономическаго общества, была напечатана, посвященная обширнѣйшей разработкѣ той же мысли, книжка Капустина: «Формы землевладѣнія у русскаго народа въ зависимости отъ природы, климата и этнографическихъ особенностей»,—онъ остался вѣренъ себѣ въ постоянномъ изслѣдованіи и изученіи всѣхъ сторонъ крестьянскаго быта и въ отстаиваніи крестьянской самостоятельности, какъ хозяйственной, такъ и по самоуправленію.

Упомянутая, вышедшая въ 1877 г. книжка, вмѣстѣ съ напечатанною въ 1882 г. брошюрой: «Что такое поземельная община?» представляющей выводы изъ «Сборника матеріаловъ для изученія сельской поземельной общины»,—составляютъ единственные, вышедшіе отдѣльно въ свѣтъ, труды Капустина. Одно время онъ задумывалъ издать сборникъ своихъ экономическихъ трудовъ, и по этому предмету велъ уже переговоры съ издателемъ, но такъ и не рѣшился на изданіе, опасаясь напрасной затраты труда и расходовъ на книгу, которая могла не пойти, судя по нѣкоторымъ примѣрамъ. Не только цѣнители дѣятельности С. Я., но и вообще люди, интересующіеся изученіемъ русской крестьянской жизни въ обширномъ смыслѣ, очень пожалѣютъ о томъ, такъ какъ при многочисленности изданій, въ которыхъ участвовалъ С. Я., не одинъ изъ

Digitized by Google

его трудовъ можетъ пропасть для интересующихся дѣломъ, затеряться въ ряду другихъ статей, быть можетъ, далеко меньшаго значенія. Русская экономическая литература считаетъ уже въ ряду своихъ книжныхъ богатствъ труды съ почтенными именами—кн. Васильчикова, Трирогова, Соколовскаго, Посникова, Якушкина, Ефименко, Сазонова и другихъ. Нѣкоторыя имена, не попавшія въ книжную номенклатуру, сохранятъ однако жъ свое видное мѣсто въ ряду изслѣдователей, благодаря свѣтлой идеѣ, проникавшей ихъ труды. Таково имя Лалоша, соединенное съ новымъ взглядомъ на сѣверную—олонецкую—общину. Капустинъ занимаетъ средину между этими двумя группами изслѣдователей: отдѣльныхъ книжныхъ трудовъ его, какъ сказано, выходило въ свѣтъ мало, но лишь благодаря случайной, указанной нами, причинѣ. Но журнальные труды Капустина многочисленны и незабываемы, благодаря проникавшей ихъ любви къ народу, которая проявлялась въ разнородныхъ затрогиваемыхъ имъ, отношеніяхъ. Такъ, онъ велъ въ 1887 и 1888 годахъ сельско-хозяйственное обозрѣніе въ «Трудахъ импер. вольно-экономическаго бщества», и въ эти, повидимому, сухія для обыкновеннаго читателя разсужденія о соломорѣзкахъ и кормахъ умѣлъ вложить общеинтересное слово, соотвѣтственное своимъ задушевнымъ убѣжденіямъ,—напримѣръ, о безполезности крутыхъ мѣръ ко взысканію недоимокъ, о вредѣ отхожихъ промысловъ для крестьянскаго быта, и въ особенности ту мысль, которую часто можно встрѣтить въ разнородныхъ трудахъ Капустина: о развитіи въ крестьянскихъ хозяйствахъ и въ помѣщичьихъ имѣніяхъ обработывающей промышленности, которая вообще, по его мнѣнію, не должна отдѣляться отъ сельскаго хозяйства страны. Отстаивая крестьянскую самостоятельность и возможность существованія у крестьянъ такъ называемаго натуральнаго хозяйства, Капустинъ въ своихъ трудахъ вооружался противъ деревенскихъ комисіонеровъ, крупныхъ и мелкихъ; противъ ростовщиковъ, поставленныхъ въ деревнѣ «въ качествѣ класса, господствующаго надъ земледѣльцами»; противъ формировки «дешевыхъ кабальныхъ работниковъ»; противъ стремленія, путемъ опеки, сбить мужика съ толку и, съ одной стороны, «выработать лицемѣра, обманщика и плута», съ другой же,—«менѣе сильныхъ и умныхъ особей придавить и объидіотить».

Въ нашей литературѣ подвергался иногда незаслуженнымъ насмѣшкамъ практиковавшійся будто бы въ извѣстной ея части «культъ мужика». Положимъ, что самое существованіе подобнаго «культа» всегда было призрачно, а въ настоящее время скорѣе даетъ себя чувствовать тенденція противоположная. Но если признать наличность въ нашей печати (прошлаго десятилѣтія) стремленія изслѣдовать сельскій бытъ, водворить въ образованномъ обществѣ правильныя о немъ понятія, начиная съ общиннаго зомлевладѣнія и кончая всѣмъ строемъ «мужицкой» жизни, то такого направленія Капустинъ былъ однимъ изъ лучшихъ, выдающихся представителей, хотя бы даже и не чуждымъ нѣкоторой идеализаціи своего предмета.

Въ статьѣ «Ходячіе предразсудки относительно крестьянъ».

Digitized by Google

(«Отечественныя Записки» 1879 г.) нашъ авторъ доказываетъ неосновательность обычныхъ нареканій на крестьянское пьянство, невѣжество, неразвитость, на неумѣнье вести хозяйство, на неспособность къ самоуправленію, на самосудъ. Частію цифрами — въ вопросѣ о пьянствѣ, — частію сопоставленіемъ примѣровъ изъ разныхъ сферъ сельской жизни, въ различныхъ уголкахъ нашего отечества, Капустинъ устанавливаетъ разницу между бытомъ собственно крестьянской массы и бытомъ тѣхъ людей деревни, которыхъ у насъ ошибочно смѣшиваютъ съ крестьянствомъ, т. е. кулаковъ, міроѣдовъ, бывшихъ дворовыхъ, управляющихъ и другихъ. «Масса же крестьянства, — прибавлялъ онъ, — живетъ и самоуправляется сама собою, по собственнымъ обычаямъ, хотя ни въ одномъ письменномъ документѣ не проявляется эта жизнь». Вообще названная статья, составляющая сводъ наблюденій автора надъ сельскимъ бытомъ, служитъ—для своего времени—какъ бы энциклопедіей различныхъ сторонъ этой жизни, тщательно анализируемыхъ авторомъ.

Около того же времени, въ концѣ семидесятыхъ годовъ, экономическимъ и географическимъ обществами, какъ извѣстно, предпринято было изслѣдованіе нашей сельской поземельной общины, по особо составленнымъ программамъ. Капустинъ явился однимъ изъ ревностныхъ иниціаторовъ этого дѣла и въ упомянутой книжкѣ: «Формы землевладѣнія» обусловливалъ необходимость у насъ мірскаго землевладѣнія, между прочимъ, вліяніемъ природныхъ климатическихъ условій. Не мірское землевладѣніе виновно въ дурномъ состояніи хозяйства крестьянъ,—говорилъ онъ, — а другія неблагопріятныя условія, въ томъ числѣ главныя: отсутствіе въ нашихъ селахъ промышленности для обработки сырыхъ продуктовъ и малое распространеніе сельско-хозяйственныхъ знаній не только среди крестьянъ, но и землевладѣльцевъ и земельныхъ арендаторовъ (въ числѣ послѣднихъ, говорилъ онъ, могутъ встрѣчаться еще люди, полагающіе, что длинношерстная—на югѣ—порода овецъ произошла отъ скрещиванія верблюда съ козой).

Въ другой упомянутой брошюрѣ Капустина, съ выводами изслѣдованія, установляется, что «сельская поземельная община не есть что либо особое, отдѣльное въ числѣ другихъ явленій народной жизни»; что она не стоитъ особнякомъ, а составляетъ проявленіе трудоваго начала, обозначаетъ собою цѣлое міросозерцаніе въ отношеніяхъ, какъ семейныхъ и общественныхъ, такъ нравственныхъ и юридическихъ, цѣлый складъ жизни. «Чѣмъ, какъ не общиннымъ строемъ, — говоритъ авторъ,—держится порядокъ въ такихъ, напримѣръ, губерніяхъ, какъ Архангельская, Пермская, всѣ степныя, сибирскія и проч.»

При такихъ, близкихъ къ идеальнымъ, воззрѣніяхъ Капустина, ему нельзя было не откликнуться на тѣ прискорбные признаки разложенія общинныхъ началъ въ нашей деревнѣ, которые были уже замѣтны и въ началѣ прошлаго десятилѣтія, а въ послѣдніе годы дали себя знать съ ужасающей силой. Капустинъ называлъ это—болѣзненнымъ процессомъ, наблюдаемымъ въ такихъ селеніяхъ, «гдѣ городское и торговое начало уже пустило свои корни,

Digitized by Google

гдѣ правила этого начала вошли въ сознаніе большинства членовъ сельскаго общества», преимущественно въ общинахъ подгородныхъ, а также съ промысловымъ и фабричнымъ населеніемъ, гдѣ упало сознаніе начала труда и справедливости, проникающее общинную жизнь. Передъ этимъ отступаютъ на второй планъ собственно поземельные порядки внутри общины: системы передѣловъ, способы распредѣленія земли для воздѣлыванія и т. п. Начало труда, мірской справедливости, идея не личнаго, а общаго блага—могутъ проявляться въ отношеніяхъ сельской общины даже и къ безземельнымъ ея членамъ.

Понятно, какъ проникнутый подобными взглядами авторъ могъ отнестись къ сельской злобѣ дня прошлаго года,—къ несчастному пантелѣевскому дѣлу, которому посвящена одна изъ послѣднихъ его статей, по поводу изслѣдованія г. Сазонова. Залогъ надѣловъ въ банкъ и послѣдовавшія затѣмъ злоключенія пантелѣевцевъ, спасенныхъ отъ обезземеленія лишь вмѣшательствомъ экономическаго общества, Капустинъ считалъ «логическимъ послѣдствіемъ настоящаго положенія русскаго крестьянства, которое постепенно близится къ тѣмъ же бѣдамъ и невзгодамъ, какія стремительно обрушились на пантелѣевцевъ», ставшихъ полными собственниками своихъ надѣловъ. Высказываясь, поэтому, за неотчуждаемость крестьянской земли, — лишь бы она продолжала быть мірскою собственностью, — Капустинъ предостерегаетъ противъ вмѣшательства въ имущественныя отношенія и во внутреннюю жизнь крестьянской семьи, въ родѣ установленія, со стороны, праздничныхъ дней и т. п.

Краткія рамки некролога лишаютъ насъ возможности подробнѣе прослѣдить взгляды почтеннаго изслѣдователя какъ по приведеннымъ предметамъ, такъ и по многимъ другимъ сторонамъ народной жизни, о которыхъ онъ писалъ, какъ-то: о народной музыкѣ, о народномъ бытѣ въ Сибири (Капустинъ былъ сибирякъ) и т. п. Можно еще разъ очень пожалѣть, что при жизни автора главные труды его не были собраны въ одно цѣлое.

Н. Поповскій.

Digitized by Google

ФОНОГРАФЪ.

(Фельетонъ «Наблюдателя»),

И СМѢХЪ, И ГОРЕ.

(Литературныя и общественныя замѣтки).

Неотвязный еврейскій вопросъ.—Пойманный воръ, кричащій о кражѣ.—Жидовскіе вопли противъ „черты осѣдлости“.—Благіе плоды еврейской равноправности въ Европѣ и Америкѣ.—Мнѣнія объ „избранномъ племени“: Канта, Гердера, Фихте и Шопенгауэра.—Что нужно сдѣлать, прежде чѣмъ давать евреямъ равноправность?—Бравый полковникъ, предлагающій возсоздать іудейское царство въ Палестинѣ.—Какую функцію стало бы исполнять новое государство?—Насмѣшки талмуда надъ земледѣліемъ.

I.

Не проходитъ, кажется, ни одного мѣсяца, чтобы въ нашей прессѣ, на половину купленной или арендованной жидами, не подносился публикѣ, подъ тѣмъ или другимъ соусомъ, такъ называемый „еврейскій вопросъ“. Шумъ и гамъ стоятъ немолчные, точно въ самомъ дѣлѣ русскому обществу нечего дѣлать, кромѣ какъ лить „рѣки слезныя“ надъ бѣдствіями іудейскаго племени или идти приступомъ на *черту осѣдлости*, донынѣ прикрывающую, хоть и плохо, коренной русскій народъ отъ напора еврейской саранчи, налѣзающей на него цѣлыми массами съ юго-западныхъ и сѣверо-западныхъ окраинъ. „Нація“ ростовщиковъ, контробандистовъ, лѣсоистребителей, биржевыхъ игроковъ, сводниковъ, продажныхъ журналистовъ, плутоватыхъ купцовъ, фальсификаторовъ, негодныхъ ремесленниковъ и отличныхъ гешефтмахеровъ,—эта

Digitized by Google

удивительная „нація“, возбудившая къ себѣ такую дружную ненависть цѣлаго міра, никакъ не хочетъ сознать своихъ болячекъ и все продолжаетъ, въ своихъ свиныхъ закутахъ, именуемыхъ кагалами, хрюкать вѣковѣчныя истины талмуда, въ родѣ того, что злосчастнаго *гоя* (сирѣчь: христіанина) можно и обирать, и грабить, и безчестить, и даже отправлять въ лучшій свѣтъ... конечно, втихомолку и по-за спиною судебнаго слѣдователя. Удивительная нація, съ упорствомъ, достойнымъ болѣе порядочной цѣли, настоятельно требуетъ, чтобы ея человѣконенавистнической философіи дана была привилегія на обращеніе въ свѣтѣ, и чтобы обращеніе это практиковалось именно подъ этикетомъ: „свободы, равенства и братства“. Насмѣшка не можетъ идти дальше!.. „Насъ, молъ, обижаютъ; насъ доводятъ до необходимости совершать преступленія; насъ не допускаютъ содрать съ русскаго мужика, кромѣ рванаго зипуна, и его собственную кожу:—чѣмъ же мы виноваты, бѣдные еврейчики, что прибѣгаемъ къ неправильнымъ ресурсамъ для поддержанія своего бреннаго существованія?“ Очевидно, что угнетенная нація, запѣвая пѣсню Лазаря, поступаетъ точь въ точь, какъ тотъ классическій воръ, который—въ моментъ изловленія его съ поличнымъ—оралъ благимъ матомъ, что его самого грабятъ.

„Черта осѣдлости“,—изволите видѣть,—не даетъ предпріимчивымъ сынамъ Іуды разлить блага своей культуры на всю, безъ исключенія, матушку-Россію; она запираетъ ихъ въ тѣсномъ пространствѣ нашихъ сѣверозападныхъ и югозападныхъ губерній (это „тѣсное пространство“ равняется нѣсколькимъ европейскимъ государствамъ!); она препятствуетъ грандіозности ихъ оборотовъ по части контробанды и ростовщичества, и мѣшаетъ обратить Москву и Петербургъ въ предмѣстья Шклова и Бердичева. Единственное счастіе, котораго можетъ теперь желать наше отечество, заключается—по мнѣнію жидовскихъ и жидовствующихъ газетъ—въ томъ, чтобы торжественно, при звукѣ трубъ и литавръ, провозгласить „еврейскую равноправность“ и поднять шлагбаумъ для кибитокъ кочеваго племени на сѣверозападной и югозападной границѣ. Разселяйтесь, молъ, съ Богомъ по всей Россіи; вносите благодать и миръ во всѣ грады и веси!

Сладкогласныя сирены забываютъ только, что опытъ „ев-

Digitized by Google

рейской равноправности", добросовѣстно и въ широкихъ размѣрахъ примѣненный въ западной Европѣ и въ сѣверной Америкѣ, уже далъ настолько благотворные результаты, что тамошніе государственные люди заняты серьезно вопросомъ о томъ: какія нужно изыскать мѣры, чтобы оградить коренное населеніе отъ злодѣйствъ еврейской эксплуатаціи. Антиеврейское движеніе разростается и крѣпнетъ не только въ Румыніи, которая испытываетъ судьбу нашего сѣверозападнаго края, по множеству набравшихся туда еврейскихъ номадовъ, но даже во Франціи и въ Англіи, гдѣ еврейская колонія составляетъ ничтожный процентъ сравнительно съ массой народонаселенія. Въ послѣднее время, и въ сѣверной Америкѣ, начинающей уже охать отъ прилива никому не нужныхъ паразитовъ, — противъ нашествія евреевъ принимаются столь же крутыя мѣры, какъ и противъ вторженія китайцевъ, о чемъ свидѣтельствовалъ недавно даже корреспондентъ „Вѣстника Европы", совсѣмъ не враждебнаго къ еврейскому племени.

Намъ нѣтъ надобности повторять здѣсь эти благіе результаты еврейской равноправности: сотоварищъ нашъ по журналу такъ усердно занялся ими въ декабрьской книгѣ „Наблюдателя" за прошлый годъ (см. „Наши внутреннія дѣла"), что мы приведемъ только его заключительный выводъ: „Евреи, очевидно, *ничему не научились и ничего не забыли*, съ тѣхъ поръ какъ историческія обстоятельства сомкнули ихъ *въ какую-то злобную, остервенѣлую, человѣконенавистническую секту*. Теперь ихъ никто не гонитъ въ западной Европѣ; даже въ Россіи ихъ культурнымъ подвигамъ открыта огромная территорія (безъ права только проникать за „черту осѣдлости"); но и въ Европѣ, какъ въ Россіи, упорные семиты сохраняютъ все свое средневѣковое обличіе и *шепчутъ старыя угрозы по адресу гоевъ, уже призрѣвшихъ ихъ въ своей семьѣ*. Мудрено ли, что „умные и убѣжденные" (по выраженію Сарсэ) мыслители въ Европѣ пришли въ недоумѣніе: „не поторопились ли они наградить полноправіемъ *вредное сообщество*, прежде чѣмъ обезвредить его и привести въ рамки, терпимыя законами цивилизованныхъ странъ? *Не промахнулись ли они, принявъ ястреба за кукушку?* Послѣ опыта, извѣданнаго Европой и Америкой, позволительно и Россіи—не торопиться съ упраздненіемъ черты ев-

Digitized by Google

рейской осѣдлости. „Черта“ эта и безъ того слишкомъ обширна для плодотворной культурной дѣятельности; но *она, разумѣется, тѣсна для ненасытной наживы и пѣнкоснимательства*“.

Нѣтъ сомнѣнія, что если мы послушаемъ добрыхъ совѣтовъ еврейской прессы и ея завзятыхъ прихлебателей, то въ этомъ случаѣ повторится та же исторія, что̀ и съ пресловутымъ классицизмомъ. Слишкомъ двадцать лѣтъ тому назадъ, мы надумались водворять у себя въ гимназіяхъ такой исключительный классицизмъ, чтобы о каждомъ россіянинѣ, прошедшемъ искусъ средней школы, можно было сказать:

«Подъ сѣвернымъ родился небомъ,
Но будто въ Аттикѣ рожденъ»!

Съ этою цѣлью, мы нагнали въ гимназіи толпы чеховъ-учителей, переводившихъ классическое изреченіе: „ars longa, vita brevis est“ такимъ образцовымъ русскимъ языкомъ: „штука коротка, животъ длиненъ есть“; съ этой же цѣлью изгнали совсѣмъ изъ учебной программы всѣ другія отрасли знаній, кромѣ древней лингвистики, и только тогда изумились немножко нашему раболѣпству передъ катковскимъ культомъ, когда въ Германіи недовольство классическимъ образованіемъ заговорило языкомъ... „высочайшаго приказа“. Тутъ мы схватились за голову и приготовились, кажется, нанести ущербъ чехамъ-учителямъ—сокращеніемъ на два, на три урока числа учебныхъ часовъ по древнимъ языкамъ. То же самое произойдетъ и по еврейскому вопросу, если мы послѣдуемъ ласковымъ приглашеніямъ „Израильскаго союза“. Мы-то приподнимемъ шлагбаумъ для еврейскаго „Drang nach Osten“; а ну какъ его захлопнутъ по ту сторону русской границы, какъ уже захлопнули въ сѣверной Америкѣ, не справляясь съ мнѣніями г.г. Градовскаго и Скабичевскаго?!

II.

Впрочемъ, для людей, слѣдившихъ за перипетіями еврейскаго вопроса, теперешнее положеніе его нисколько не представляется удивительнымъ. Это не есть черная неблагодарность Европы, облагодѣтельствованной еврейскимъ пѣнкосни-

Digitized by Google

мательствомъ, не есть и религіозная нетерпимость, на которую, по старой памяти, ссылаются „ничего не забывшіе“ семиты: —это только прямой и естественный выводъ изъ болѣе внимательнаго знакомства съ существомъ еврейскаго соціальнаго катехизиса и съ неизмѣнными пріемами жидовской практики. Какъ ни старалась эта хитрая и пронырливая раса скрыть, припрятать отъ глазъ міра таинственный кладезь своей премудрости, какъ ни искажала она подлинный текстъ талмуда для христіанскихъ читателей, какимъ терроромъ ни угрожала его добросовѣстнымъ переводчикамъ,—кладезь этотъ все таки выплылъ на свѣтъ божій, и его отвратительныя сокровища не избѣгли разоблаченій печатнаго станка. И просвѣщенные люди, дѣйствительно, пришли въ ужасъ отъ тѣхъ „культурныхъ началъ“, которыя положены въ основу еврейскаго кодекса. Сплошная ложь, наглый обманъ, лицемѣріе, фарисейство, клятвопреступленіе—все прощаетъ еврей еврею, когда дѣло касается „скотскаго сѣмени“, т. е. людей, не имѣвшихъ счастія подвергнуться обрѣзанію. Нужно было продолжительное надувательство европейской публики, систематическое и крайне-ловкое замазываніе глазъ, чтобы пріучить несчастныхъ „гоевъ“ къ идеѣ еврейской равноправности и отмѣнить помаленьку всѣ естественныя мѣры предосторожности противъ „вреднаго сообщества“, доселѣ пребывающаго на почвѣ религіознаго обскурантизма и расовой обособленности.

Еврейскіе оруженосцы, носящіе русскія имена, утверждаютъ теперь, что надо быть совершеннымъ дикаремъ, чтобы стоять за „черту еврейской осѣдлости“, и что, наоборотъ, нужно быть только здравомыслящимъ человѣкомъ, чтобы признать за евреемъ его исконное, самимъ Іеговою дарованное, право—эксплуатировать въ свою пользу всѣ силы и богатства другихъ народовъ. По своему невѣжеству, эти оруженосцы, конечно, не знаютъ, что, въ данномъ случаѣ, къ лику „дикарей“ имъ придется сопричислить такихъ философовъ и историковъ, передъ именами которыхъ они сами, по традиціи, привыкли останавливаться не иначе, какъ съ уваженіемъ.

„Евреи, живущіе посреди насъ — говорилъ, напримѣръ, Кантъ—пріобрѣли, благодаря своимъ ростовщическимъ наклонностямъ, *репутацію обманщиковъ, основательно заслу-*

Digitized by Google

женную ими во множествѣ случаевъ. По правдѣ сказать, странно было бы представить себѣ цѣлую націю мошенниковъ, но *не менѣе странно видѣть и націю, исключительно состоящую изъ торгашей*, которые не считаютъ за честь сдѣлаться гражданами той страны, которая оказала имъ гостепріимство, но предпочитаютъ обманывать ея жителей".

„Надо всѣми странами Европы—прибавлялъ Фихте къ этой нелестной характеристикѣ — тяготѣетъ могущественный врагъ, который *ведетъ постоянную войну противъ всѣхъ другихъ народовъ*: это—юдаизмъ. Не думаю, чтобы этотъ врагъ былъ страшенъ потому только, что образуетъ какое-то изолированное государство, сепаратистическое и узко-отграниченное, но всего больше потому, что это *государство зиждется на ненависти противъ всего рода человѣческаго вообще*".

Касаясь пресловутой „даровитости" еврейскаго племени, въ связи со всею его исторіей, Гердеръ пришелъ къ такому плачевному выводу: „Въ твореніяхъ искусства еврейская нація, хотя и водворившаяся между египтянами и финикіянами, вездѣ оставалась малоопытной—и доказательствомъ служитъ то, что даже *храмъ Соломона былъ выстроенъ чужестранцами*. Хотя евреи и обладали портами Краснаго моря и жили возлѣ береговъ Средиземнаго моря, т. е. находились въ положеніи наиболѣе благопріятномъ, чтобы держать въ рукахъ торговлю цѣлаго міра, но они все таки не успѣли создать себѣ осѣдлую жизнь... Они предпочитаютъ ютиться среди другихъ народовъ—черта, исключительно свойственная ихъ національному характеру, противъ которой Моисей сражался всѣми силами. Короче говоря, это—народъ, лишенный воспитанія; онъ никогда не доходилъ до зрѣлости политической культуры, выработавшейся на собственной почвѣ, а, въ связи съ этимъ, никогда не достигалъ настоящаго чувства чести и любви къ свободѣ. Въ научныхъ занятіяхъ, которымъ предавались лучшіе сыны еврейскаго племени, *они заявили больше свою способность къ порядку и систематичности, чѣмъ свободную дѣятельность творческаго духа*. Что же касается доблести патріота, — евреи лишились ея вслѣдствіе своего политическаго положенія. Въ теченіе цѣлыхъ столѣтій, почти со дня своего появленія, „народъ божій" *является паразитомъ на тѣлѣ другихъ народовъ*, породою коварныхъ торгашей, раз-

Digitized by Google

сѣянныхъ по лицу земли и никогда не имѣвшихъ ни желанія, ни нужды обзаводиться своимъ отечествомъ".

Для бо̀льшей рельефности этого мастерскаго абриса еврейской физіономіи, Гердеръ присовокупляетъ слѣдующія выразительныя строки, бьющія не въ бровь, а въ самый глазъ: „Мало вѣроятно, чтобы евреи занесли проказу въ Европу, но *что̀ горше всякой проказы на свѣтѣ,—это сама нація мѣнялъ, торгашей, королевскихъ холоповъ и гнусныхъ орудій ростовщичества*".

Довольно ли съ васъ этихъ цитатъ, гг. еврейскіе прихлебатели?! Съ одной стороны—имена Канта, Фихте и Гердера; съ другой—„авторитеты" нашего безвременья, гремящіе своею славою не далѣе здѣшняго александровскаго рынка. „Кто устоитъ въ неравномъ спорѣ"? Впрочемъ, не будемъ скупиться на мѣсто и отведемъ еще уголокъ столь прославленному нынѣ **Шопенгауэру**. *„Вѣчный жидъ* — съ обыкновенной своей ядовитостью говоритъ онъ—есть настоящее олицетвореніе всего еврейскаго народа. Такъ какъ онъ смертельно согрѣшилъ противъ Мессіи, искупителя міра, то онъ никогда не будетъ освобожденъ отъ бремени своего грѣха и долженъ будетъ скитаться безъ отечества, межъ другихъ народовъ. Таково преступленіе, такова и участь этого маленькаго еврейскаго народца, который—изумительная вещь!—выгнанный изъ своего отечества вотъ уже двѣ тысячи лѣтъ, существуетъ донынѣ и продолжаетъ скитаться по свѣту, тогда какъ исчезли съ лица земли многіе великіе и славные народы... До сихъ поръ *онъ живетъ паразитомъ среди другихъ народовъ* и на ихъ территоріи, но, тѣмъ не менѣе, одушевленъ живѣйшимъ патріотизмомъ относительно своей собственной національности, какъ это доказываетъ полнѣйшее единодушіе, съ которымъ всѣ заступаются за одного и одинъ—за всѣхъ. Поэтому, нѣтъ болѣе поверхностной и ложной идеи, какъ разсматривать евреевъ *подъ видомъ религіозной секты*. Когда, для сокрытія этого заблужденія, заимствуютъ терминъ изъ эклезіастическаго словаря, то этимъ хотятъ только сбить съ толку, и рѣчь должна идти не о религіозномъ исповѣданіи, а объ *еврейской націи* въ совокупности. Что̀ касается пороковъ, свойственныхъ національному характеру евреевъ,—въ особенности полнаго отсутствія *чувства правды*,—то ихъ можно, пожалуй,

Digitized by Google

объяснять притѣсненіями, которымъ подвергалось еврейское племя, но самые пороки отъ такого объясненія все таки не исчезнутъ".

Наконецъ, тотъ же Фихте, мнѣніемъ котораго мы уже пользовались выше, не обошелъ и моднаго нынѣ вопроса—о еврейской полноправности, причемъ высказывается даже... въ пользу предоставленія семитамъ такого благополучія. Но ехидный нѣмецъ ставитъ отъ себя одно условьице, передъ которымъ навѣрно призадумаются наши Гершки и Мошки. „Евреи—говоритъ онъ—добиваются *правъ человѣка*, а въ то же время отказываютъ въ нихъ христіанамъ. Но, чтобы предоставить имъ права гражданства, я не вижу другаго средства, какъ—*въ одну прекрасную ночь срѣзать имъ всѣмъ головы и посадить на плечи другія, въ которыхъ не было бы уже ни одной жидовской идеи*".

Нашъ Грановскій—гуманнѣйшій изъ гуманныхъ историковъ—тоже долженъ былъ сознаться, что „въ искусствѣ дѣлаться ненавистными для народовъ, съ которыми они приходили въ соприкосновеніе, евреи не знаютъ себѣ соперниковъ". Очевидно, что не случайныя причины и не одна несправедливость другихъ народовъ создали изъ еврея отверженнаго парію, не находящаго себѣ прочнаго пристанища на землѣ...

III.

Итакъ, „вѣчнымъ жидамъ" приходится плохо не только въ Россіи, но и въ хваленой Европѣ, не смотря на желанную равноправность. Но, вмѣсто того чтобы реорганизовать весь характеръ своего антисоціальнаго „сообщества"; вмѣсто того чтобы перестать быть „наслѣдственными заговорщиками" противъ блага человѣчества (по выраженію одного французскаго юриста) и войти въ струю теченія міроваго прогресса, отбросивъ прочь наслѣдіе средневѣковаго варварства,—евреи все изощряются, какъ бы имъ остаться неузнанными и сочинить такой modus vivendi, при которомъ можно было бы „и капиталъ пріобрѣсти, и невинность соблюсти". Пусть все остается у нихъ по старому, пусть золотой телецъ служитъ

Digitized by Google

имъ, какъ всегда, путеводною звѣздою; но нѣтъ ли на землѣ такого счастливаго уголка, гдѣ можно было бы основаться совершенно по домашнему—торговать, не производя, и собирать въ житницы, не утруждая себя ни посѣвомъ, ни жатвою?

Изобрѣтательныхъ умовъ между евреями много. И вотъ одинъ изъ нихъ, нѣкій „полковникъ“ Гольдшмитъ (не съ таможенной ли стражею воевалъ этотъ храбрый полковникъ?) напалъ на блестящую мысль—колонизировать Палестину, т. е., другими словами, возстановить древнее іудейское царство, разгромленное императоромъ Титомъ.

Въ еврейскомъ литературномъ обществѣ, въ Парижѣ, читались недавно замѣтки доктора Адлера о Святой землѣ. Вотъ этимъ-то поводомъ и воспользовался опереточный полковникъ, чтобы произнести „блестящую рѣчь“ (по аттестаціи „Новостей“) въ которой онъ доказывалъ, что положеніе евреевъ, разсѣянныхъ по всему лицу земли, не только не улучшается, но становится съ каждымъ годомъ все хуже и хуже. „Гоненія“ на евреевъ въ Россіи и Румыніи вызвали-де образованіе еврейскихъ колоній въ разныхъ другихъ странахъ. Евреи переселились даже въ южную Америку (ибо въ сѣверную ихъ уже не пускаютъ!) и въ настоящее время поговариваютъ объ учрежденіи колоній еще и въ центральной Америкѣ. Всѣ такія мѣры, по мнѣнію храбраго полководца, являются однако жалкими паллятивами; радикальное же рѣшеніе еврейскаго вопроса наступитъ только тогда, когда въ ветхозавѣтной Палестинѣ возродится прежнее еврейское государство. „Въ нѣкоторыхъ странахъ, — вопіялъ г. Гольдшмитъ, бія себя въ перси,—насъ преслѣдуютъ; *въ другихъ же только терпятъ наше присутствіе*, и меня это нисколько не удивляетъ (еще бы удивляться!). Какое другое племя *съ такимъ достославнымъ прошлымъ* (??), какъ наше, стало бы робко сидѣть, сложа руки, оставляя землю своихъ предковъ въ рукахъ иноплеменниковъ. *Италія вернула себѣ Римъ: отчего же бы намъ не вернуть себѣ Палестины*, вмѣсто того чтобы довольствоваться ролью пришельцевъ, только лишь терпимыхъ народами, среди которыхъ мы живемъ“.

Конечно, тутъ есть маленькая заковычка, и славный Мардохай еврейской прессы (помните, читатель, гоголевскаго

Digitized by Google

няли кнутиками глупыхъ лѣнтяевъ. (См. статью г. Неручева: „Еврейская колонизація на югѣ Россіи“, „Наблюдатель“ 1883 г., № 9).

Долго ли просуществуетъ это Ноево государство и на какихъ основаніяхъ (вѣроятно, не иначе, какъ введя рабовладѣльческій порядокъ для воздѣлыванія полей и другихъ „черныхъ работъ“)—это во всякомъ случаѣ будетъ интересовать однихъ евреевъ. Хорошо ужь и то, что это прожорливое паразитное племя хочетъ избавить насъ отъ своего сожительства и предаться на досугѣ новымъ соціальнымъ и экономическимъ опытамъ. Скатертью дорога! И наше, только что возникшее, переселенческое общество поступило бы очень недурно, оказавъ, съ своей стороны, помощь этому движенію евреевъ отъ нашихъ западныхъ окраинъ—въ гостепріимную Палестину. Пусть ихъ процвѣтаютъ — лишь бы не на нашихъ глазахъ.

„Твои мы пѣсни слушать рады—
Да только ты отъ насъ подалѣ пой!“

Такъ сказалъ дѣдушка Крыловъ ядовитой змѣѣ, обладавшей даромъ соловьинаго пѣнія.

Ефимъ Простосердовъ.

Digitized by Google

Гдѣ мы селились до Ливана,
Вкушали манну лишь одну.

И — пусть казнятъ насъ всѣхъ за дерзость! —
«Подъ сѣнью іорданскихъ струй»,
Такую сочинимъ мы мерзость,
Что вся Европа крикнетъ: «пфуй!!»

Мы явимъ образцы разбоя,
Какого здѣсь и не стерпѣть,
И въ новомъ государствѣ Ноя,
Настроивъ гусли, будемъ пѣть:

«Стекайтесь къ намъ, стада овечьи,
Мы будемъ рѣзать васъ и стричь,
И, совершивши всѣ увѣчья,
Испустимъ свой побѣдный кличъ.

«Какъ осьминогъ, мы міръ далекій
Сожмемъ въ тискахъ; какъ жадный спрутъ,
Мы высосемъ изъ гоевъ соки —
И скоро имъ придетъ капутъ!»

До „побѣднаго клича“ евреямъ, конечно, очень далеко — и возникаетъ основательное сомнѣніе: возможно ли существованіе государства, даже Ноева, безъ туземныхъ пахарей и ремесленниковъ? Евреи же, какъ извѣстно, практикуютъ хорошо только одно „ремесло“ — залѣзанія въ чужой карманъ, подъ всякими благовидными и неблаговидными предлогами. Что же касается до земледѣлія, то премудрый талмудъ выражается на этотъ счетъ съ категоричностью, не допускающей никакого лжетолкованія:

„*Нѣтъ болѣе негоднаго занятія, какъ земледѣліе!* Если вы помѣстите сто серебряныхъ монетъ въ торговое дѣло, вы можете каждый день кушать мясо (разумѣется, *кошерное*) и пить вино; но если вы упрячете эти деньги въ земледѣліе, то будете жрать только траву, посыпанную солью“.

Понятно отсюда, что, какъ ни билось наше правительство создать изъ евреевъ классъ трудолюбивыхъ земледѣльцевъ,—семиты упорно обращали въ аренду свое землевладѣніе и, обрабатывая нивы наемными русскими руками, сами только подго-

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ № 2-го

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

«НАБЛЮДАТЕЛЬ».

Стран.

I. Ординарный профессоръ. Романъ І. І. Ясинскаго . . . 5
II. Мигъ смерти. Стихотвореніе К. М. Фофанова. 38
III. Арабское гнѣздо. (Изъ воспоминаній о поѣздкѣ въ Кордову). *(Оконч.)* Вас. И. Немировича-Данченко. 39
IV. Не подъ силу. Повѣсть П. Лѣтнева. 84
V. Помнишь ли? Стихотвореніе А. В. Круглова 118
VI. Маріанела. Романъ Переса Гальдоса. 119
VII. Славяне и тевтоны. (Историко-этнографическій этюдъ). А. А. Быкова. 175
VIII. Въ изгнаніи. Стихотвореніе Л. М. Медвѣдева. . . . 198
IX. Царство смерти. Эскизъ. Гюи де-Мопассана. . . . 200
X. Кладъ. Романъ Н. Ѳ. Бажина 204
XI. Братъ и сестра. Стихотвореніе Н. М. Минскаго. . . . 236
XII. Наша протекціонная система. А. Залшупина. 240
XIII. Три письма. Виктора Бибикова. 258
XIV. Власть денегъ. Романъ Эмиля Золя. 273

Современное обозрѣніе.

XV. Очерки иностранной литературы. В. Р. Зотова . . . 1
XVI. Политическая хроника 11
XVII. Новыя книги 25
XVIII. Наши внутреннія дѣла 30
XIX. С. Я. Капустинъ (Некрологъ). Н. Поповскаго. . 45
XX. Фонографъ (фельетонъ «Наблюдателя»): 1) И смѣхъ, и горе. (Литературныя и общественныя замѣтки). Ефима Простосердова. 49
2) Стихотворенія: Стараго Капрала и Дебютанта. 61
XXI. Объявленія: объ изданіяхъ А. В. Круглова.

Digitized by Google

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

НОВЫЯ КНИГИ:

А. В. КРУГЛОВА:

1) „ГУБЕРНСКІЯ СКАЗКИ“.

(Повѣсти изъ провинціальной жизни). Изящное изданіе, на хорошей бумагѣ. Ц. 1 р. 80 к. безъ пересылки, 2 р. съ пересылкою.

2) „НА ИСТОРИЧЕСКОЙ РѢКѢ“.

(Путевые негативы). Женскій Аѳонъ. — Вѣчевой городъ. Ц. 1 р. безъ пересылки, 1 р. 30 к. съ пересылкою.

Для лицъ, выписывающихъ книги прямо отъ Магдалины Ивановны Ѳедотовой (Любань, станція Ник. жел. дор.):

1-я книга—1 р. 20 к. съ пересылкою (20 к. можно марками).

2-я книга—1 р. съ пересылкою. За обѣ книги, пріобр. за разъ—2 р. съ пересылкою.

Digitized by Google

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

НАБЛЮДАТЕЛЬ

въ 1891 году (годъ десятый).

Журналъ издается въ 1891 г. подъ прежней редакціей, при участіи прежнихъ и новыхъ сотрудниковъ, безъ предварительной цензуры.

Въ нынѣшнемъ году, въ журналѣ будутъ напечатаны, между прочимъ:

1) **«Ординарный профессоръ»**, романъ *І. І. Ясинскаго* (*Максима Бѣлинскаго*); 2) **«Кладъ»**, романъ *Н. Ѳ. Бажина*; 3) **«Дѣзичій переполохъ»**, комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ, *В. А. Крылова*; 4) **«Не подъ силу»**, повѣсть *П. Лѣтнева*; 5) разсказы и повѣсти: *Ф. Д. Нефедова, А. В. Круглова, В. И. Бибикова, В. Свѣтлова, К. В. Назарьевой* и мн. др.; 6) статьи и изслѣдованія: *П. В. Безобразова, Н. П. Дружинина, В. Р. Зотова, Д. А. Коропчевскаго, Н. Поповскаго, В. В. Чуйко* и мн. др.; 7) фельетоны изъ общественной жизни, *Ефима Простосердова*.

«Наблюдатель» выходитъ ежемѣсячно, *перваго числа*, книгами отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ. Форматъ и объемъ журнала увеличены до размѣра самыхъ большихъ ежемѣсячныхъ изданій, подписная же цѣна остается прежнею: 12 р. за годъ безъ доставки; 13 р. съ доставкою въ С.-Петербургѣ; 14 р. съ перес.; 17 р. съ пересылкою за границу.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ редакціи (уголъ Стремянной и Владимірской ул., д. № 1—6, кв. 14); **въ Москвѣ:** въ книжномъ магазинѣ Карбасникова (Моховая, противъ Университета), въ конторѣ Печковской (Петровскія линіи) и въ конторѣ Гиляровскаго (Столешниковъ пер., д. Корзинкина); **въ Варшавѣ**—въ книжномъ магазинѣ Карбасникова; а также во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку изданія на почту только передъ лицами, подписавшимися въ Главной Конторѣ.

Контора открыта ежедневно отъ 12 до 4-хъ часовъ пополудни, кромѣ праздничныхъ и воскресныхъ дней. Пріемъ въ редакціи—по четвергамъ, съ часу до двухъ.

Редакторъ-Издатель А. П. Пятковскій.

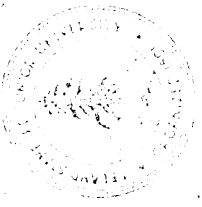
Типографія и Литографія С. Добродѣева, Ковенскій пер., соб. д. 14 (телефонъ 1257).

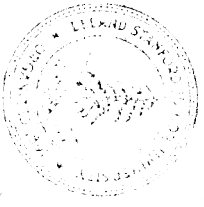
Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

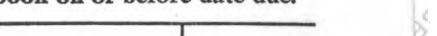
Digitized by Google





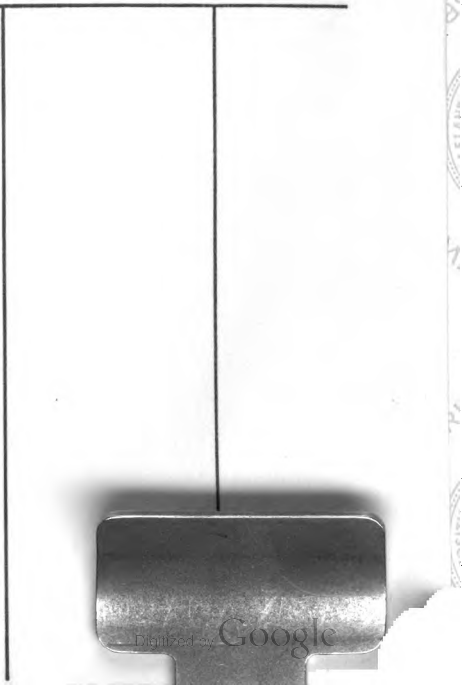
Digitized by Google

AP
50
N33
V.10
NO.2
1891



Stanford University Libraries
Stanford, California

Return this book on or before date due.



Digitized by Google

Digitized by Google